

Археологические вести

— 26 —



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE



А. М. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach



SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
<i>А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба.</i> Предисловие	10

А. Д. Грач в воспоминаниях современников и коллег

<i>С. Н. Астахов.</i> А. Д. Грач и Саяно-Тувинская археологическая экспедиция	14
<i>Д. Г. Савинов.</i> Археология Тувы в трудах Александра Даниловича Грача (Интервью 20 декабря 2019 г.)	21
<i>М. А. Дэлет.</i> Вспоминая А. Д. Грача	32
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Воспоминания об А. Д. Граче	34
<i>Е. В. Власова.</i> Александр Данилович Грач	36
<i>А. В. Виноградов, О. В. Лозовская.</i> Птенцы гнезда Грачова	38
<i>Н. Л. Дементьева.</i> Об Александре Даниловиче Граче и работе в СТЭАН (Интервью 23 января 2020 г.)	48

Документы свидетельствуют

<i>Н. Ю. Смирнов.</i> Предисловие к разделу	56
[Автобиография А. Д. Грача, 1963 г.]	57
Приказ о приеме на работу А. Д. Грача	58
Приказ о создании СТЭАН и назначении А. Д. Грача ее начальником	58
Приказ об увольнении А. Д. Грача	59
Решение Ученого совета о признании заслуг А. Д. Грача	60
<i>Приложение № 1.</i> Материалы, учтенные и проанализированные рабочей группой Ученого совета ИИМК РАН... ..	61
Моменты жизни Александра Даниловича Грача	63

В центре степного континента

<i>А. Г. Акулов.</i> Взлет к востоку: мемориальная архитектура Центральной Азии в древности	81
<i>А. В. Поляков.</i> Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры	98
<i>С. В. Сотникова.</i> Парные разнополюсы погребения андроновской (фёдоровской) культуры юга Западной Сибири	111
<i>В. М. Лурье.</i> К вопросу об истоках сложения домостроительной традиции в Минусинских котловинах в позднем бронзовом веке	117
<i>А. А. Горячев, Т. А. Егорова.</i> Изображения воинов с оружием в петроглифах эпохи бронзы Семиречья	123

<i>Н. А. Боковенко.</i> Культуры номадов Саяно-Алтая в начале I тыс. до н. э.	128
<i>К. В. Чугунов.</i> Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности	136
<i>Н. Ю. Кузьмин.</i> О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников	144
<i>Л. С. Марсадолов.</i> Новая датировка кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I в Туве (по материалам раскопок А. Д. Грача)	152
<i>Е. В. Переводчикова.</i> О дате кургана Аржан-2	159
<i>А. З. Бейсенов, И. К. Ахияров, Н. Ш. Джуманазаров, Д. Б. Дуйсенбай.</i> Олений камень на кургане с «усаами» в долине Койшоки в Центральном Казахстане	166
<i>А. В. Варенов.</i> Семантика наскальных изображений стилизованных оленей и сцен с хтоническими хищниками в Китае	178
<i>В. С. Бусова, М. Е. Килуновская.</i> Археологические памятники Овюра: история изучения, современное состояние и перспективы исследований	188
<i>С. В. Панкова.</i> меховые одежды из могильника Оглахты: шубы из погребения 4	202
<i>Д. Г. Савинов.</i> К истории похода 711 года: древние тюрки на северо-западе Минусинской котловины	216
<i>А. А. Тишкин.</i> Рентгенофлуоресцентный анализ металлических деталей наборного пояса монгольского времени из памятника Кармацкий (Верхнее Приобье)	230

Сомкнувшиеся воды: археология в зоне строительства водохранилищ

Из истории исследований СТЭАН в Саянском каньоне Енисея	
(Публикация и комментарии – <i>Н. Ю. Смирнов</i>)	236
Часть 1. <i>Г. В. Длужневская (†).</i> Памятники эпохи железа в Саянском каньоне реки Енисей {Доклад на Секторе Ср[едней] Азии и Кавказа 12/XI-79 г[ода]}, Приложение 1 (рукописное дополнение)	238
Часть 2. Протокол № 28 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа от 12 декабря 1979 г.	244
Часть 3. <i>Г. В. Длужневская (†).</i> Археологические памятники эпохи железа в Саянском каньоне реки Енисей (Улуг-Хем)	245
<i>Т. Р. Садыков.</i> Возможности получения дополнительной информации из давно исследованных памятников на дне Тувинского моря	248
<i>Сент-Джон Симпсон.</i> Археология и политика в век плотин: обзор материалов по Ираку	260

На краю степной ойкумены: Северное Причерноморье

<i>Т. В. Рябкова.</i> О комплексе одного из Семиколенных курганов в собрании Эрмитажа	272
<i>В. Ю. Зуев.</i> Феномен зеркал борисфенитского типа в Евразии эпохи скифской архаики	283

Археология Санкт-Петербурга

<i>С. Е. Шуньгина.</i> Итоги археологической разведки на территории бывшего сахарного завода в Санкт-Петербурге	294
Список сокращений	302

CONTENT

From the Editors	9
<i>A. V. Polyakov, N. Yu. Smirnov, M. T. Kashuba.</i> Foreword	10

A. D. Grach in reminiscences of his contemporaries and colleagues

<i>S. N. Astakhov.</i> A. D. Grach and the Sayan-Tuva Archaeological Expedition	14
<i>D. G. Savinov.</i> Archaeology of Tuva in works by Aleksandr Danilovich Grach (Interview of December 20, 2019)	21
<i>M. A. Devlet.</i> Remembering A. D. Grach	32
<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Reminiscences about A. D. Grach	34
<i>E. V. Vlasova.</i> Aleksandr Danilovich Grach	36
<i>A. V. Vinogradov, O. V. Lozovskaya.</i> Grach is a ‘rook bird’ in Russian and we all are Grach’s nestlings	38
<i>N. L. Dement’eva.</i> About Aleksandr Danilovich Grach and activities of STEAN (Interview of January 23, 2020)	48

Documents as evidence

<i>N. Yu. Smirnov.</i> Preface to the section	56
[Autobiography by A. D. Grach, 1963]	57
Order on appointment of A. D. Grach	58
Order on the foundation of STEAN (Sayan-Tuva Expedition of AS USSR) and appointment of A. D. Grach as its director	58
Order of dismissal of A. D. Grach	59
Resolution of the Scientific Council on the recognition of the services of A. D. Grach	60
<i>Appendix no. 1.</i> Materials considered by the workgroup of the Scientific Council of IIMK RAS... ..	61
Life moments of Aleksandr Danilovich Grach	63

In the centre of the steppe continent

<i>A. G. Akulov.</i> Flight to the East: memorial architecture of early Central Asia	81
<i>A. V. Polyakov.</i> Burials of the catacomb type among the materials of the Okunev culture	98
<i>S. V. Sotnikova.</i> Paired burials of different sexes from Andronovo (Fedorovo) culture in the south of Western Siberia	111
<i>V. M. Lourie.</i> The problem of the origins of the establishment of the house-building tradition in Minusinsk hollows during the Late Bronze Age	117
<i>A. A. Goryachev, T. A. Egorova.</i> Representations of armed warriors in petroglyphs of the Bronze Age in Semirechye	123

<i>N. A. Bokovenko.</i> Cultures of the Sayan-Altay nomads in the beginning of the 1 st millennium BC	128
<i>K. V. Chugunov.</i> Tuva in the first millennium BC: a model of multiculturalism	136
<i>N. Yu. Kuz'min.</i> New dating of the Great Salbyk barrow and the chronology of Tagar sites	144
<i>L. S. Marsadolov.</i> New date for barrow no. 9 Kuylug-Khem I in Tuva (after materials of the excavation by A. D. Grach)	152
<i>E. V. Perevodchikova.</i> On the date of kurgan Arzhan-2	159
<i>A. Z. Beysenov, I. K. Akhiyarov, N. Sh. Dzhumanazarov, D. B. Duysenbay.</i> Deer stone on the barrow with 'moustache' in the Koyshtok valley in Central Kazakhstan	166
<i>A. V. Varenov.</i> Semantics of stylized deer in the rock art and scenes with chthonic predators in China	178
<i>V. S. Busova, M. E. Kilunovskaya.</i> Archaeological sites of Ovyur: history of studies, the modern condition and perspectives of the investigations	188
<i>S. V. Pankova.</i> Fur clothes from the cemetery of Oglakhty: coats from burial no. 4	202
<i>D. G. Savinov.</i> The history of the raid of 711 AD: early Turks in the north-west of the Minusinsk Depression	216
<i>A. A. Tishkin.</i> X-ray fluorescent analysis of metal parts of a composite belt of the Mongol period from the site of Karmatsky (Upper Ob region)	230

The waters closing down: archaeology in the zone of construction of reservoir storages

From the history of the investigations of STEAN in the Sayan Canyon of the Yenisei (Publication of the documents and comments by <i>N. Yu. Smirnov</i>)	236
Part 1. <i>G. V. Dluzhnevskaya</i> (†). Sites of the Iron Age in the Sayan Canyon of the Yenisei River {Lecture at the Sector of Central Asia and the Caucasus, 12.11.1979}, Appendix 1 (manuscript addition)	238
Part 2. Proceedings No. 28 of the session of the Sector of Central Asia and the Caucasus, December 12, 1979	244
Part 3. <i>G. V. Dluzhnevskaya</i> (†). Archaeological sites of the Iron Age in the Sayan Canyon of the Yenisei River (Ulug-Khem)	245
<i>T. R. Sadykov.</i> Possibilities of retrieving additional information from sites investigated long ago on the bottom of the Tuva Sea	248
<i>St John Simpson.</i> Archaeology and politics in the age of dams: a survey of evidence from Iraq	260

At the edge of the steppe oikoumene: Northern Black Sea littoral

<i>T. V. Ryabkova.</i> Assemblage from one of the Semikolennye kurgans in the collection of the State Hermitage Museum	272
<i>V. Yu. Zuyev.</i> Phenomenon of mirrors of the Borysthenitic type in Eurasia of the Archaic Scythian period	283

Archaeology of Saint Petersburg

<i>S. E. Shungina.</i> Results of archaeological surveys in the territory of the former sugar factory in Saint Petersburg	294
List of Abbreviations	302

ОТ РЕДАКЦИИ

Издание «Археологические вести» было учреждено Институтом истории материальной культуры РАН в 1992 г. Инициатором нового издания стал Вадим Михайлович Массон, тогда директор института. 25 июня 1991 г. Постановлением Президиума АН СССР Ленинградское отделение Института археологии АН СССР было преобразовано в самостоятельное научное учреждение с возвращением ему первоначального названия, восходящего к 1930-м гг., – Институт истории материальной культуры. Вполне оправданно встал вопрос о создании институтского периодического издания. Так появились «Археологические вести».

Перемены, проходившие в стране, определили и задачи нового издания. В те годы, после распада Советского Союза, сложившаяся общественно-политическая обстановка привела к разобщенности научных коллективов и информационному вакууму между ними. По замыслу В. М. Массона, новое издание было призвано восполнить этот пробел. В его задачу входило оперативное введение новой информации в научный оборот. Изначально «Археологические вести» не рассматривались как сугубо институтское издание, поскольку предполагалось публиковать в нем материалы новейших

раскопок и исследований, проводимых не только на территории России, но и в других государствах как ближнего, так и дальнего зарубежья с привлечением широкого круга авторов.

С выхода первого выпуска прошло 29 лет, многое изменилось в нашей жизни, но мы можем с удовлетворением констатировать, что журнал за годы своего существования прочно зарекомендовал себя как солидное научное издание, признанное как в России, так и за рубежом. К настоящему времени в «Археологических вестях» опубликовано 1019 статей, авторами которых являются ученые из 97 научных учреждений различных городов России и более чем из 30 зарубежных государств, включая основные страны Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания, Дания, Швеция и др.), а также США.

В связи с большой популярностью нашего журнала и расширением публикационной базы института Ученый совет ИИМК РАН принял решение увеличить число выпусков «Археологических вестей» за счет изданий тематических номеров.

Данный выпуск 26 в основном посвящен проблемам археологии евразийских степей и приурочен к 90-летию Александра Даниловича Грача.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

А. В. Поляков², Н. Ю. Смирнов³, М. Т. Кашуба⁴

Ключевые слова: *А. Д. Грач, 90-летие, конференция, решение Ученого совета ИИМК РАН.*

Keywords: *A. D. Grach, 90th anniversary, conference, resolution of the Scientific Council of ИИМК RAS.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-10-13

Александр Даниловичу Грачу – 90. Многие из авторов, поместивших свои тексты в настоящем выпуске, особенно в мемориальной его части, были бы рады провозгласить это, глядя на умудренного жизнью человека – ленинградского первопроходца археологии Петербурга и патриарха ленинградской / петербургской археологической школы в Туве...

Однако жизнь распорядилась иначе. Недаром открывает журнал уникальная и не публиковавшаяся раньше фотография А. Д. Грача, на которой он предстает в образе молодого и отважного путешественника-исследователя, чья жизнь наполнена интенсивностью событий, а в целеустремленном взгляде видны отблески неувядающей славы прошедших эпох.

С момента ухода А. Д. Грача прошло почти 40 лет. В науке это достаточный срок для осмысления наследия ученого, отказа от предвзятых оценок его личности и осознания его места в ряду современников и коллег.

Первая, и, следует отметить, весьма успешная, попытка сделать это была осуществлена еще 20 лет назад коллективом единомышленников и младших коллег А. Д. Грача, работавших под его началом в Туве. В 1998 г. в Санкт-Петербурге прошла Всероссийская научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященная 70-летию со дня его рождения. Материальным воплощением результатов работы этой конференции стал одноименный сборник (Древние культуры, 1998), куда, наряду с научными статьями, вошли воспоминания друзей и коллег, а также архивные документы, освещающие научную и организационно-административную деятельность А. Д. Грача в период его работы в ЛОИА АН СССР (1963–1973 гг.) и руководства крупнейшей в СССР спасательной археологической экспедицией – Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, или СТЭАН (1965–1972 гг.).

Логическим продолжением этого благородного начинания явилась Вторая Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», работавшая в период с 10 по 14 декабря 2018 г. в Санкт-Петербурге под эгидой Института истории материальной культуры РАН и при участии Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), Русского географического общества и кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Проведение конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача, было инициировано администрацией ИИМК РАН и поддержано широкой научной общественностью России, а также

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: poliakov@yandex.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

⁴ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: miga-k@yandex.ru.

представителями международного научного сообщества (Великобритания, ФРГ, Республика Казахстан). К началу работы конференции в цифровом формате был выпущен сборник тезисов всех выступлений, с которым можно познакомиться на сайте ИИМК РАН (Древние культуры, 2018).

Участниками конференции стали более 75 ученых из Алматы, Барнаула, Берлина, Екатеринбурга, Кемерово, Красноярска, Кызыла, Лондона, Москвы, Надыма, Новосибирска, Павлодара и Санкт-Петербурга (рис. 1). На двух секциях, «Археология Центральной Азии» и «Археология Петербурга», в течение пяти дней работы было

заслушано около 70 научных докладов. Все эти сухие отчетные цифры свидетельствуют только о двух вещах – безусловном признании научных открытий Александра Даниловича Грача со стороны современного археологического сообщества и высокой оценке значения его личности в истории археологических исследований в Центральной Азии и в становлении археологии Нового времени в Санкт-Петербурге.

Особенно отраднo то, что в работе конференции приняли участие старейшие сотрудники СТЭАН – С. Н. Астахов и Д. Г. Савинов, стоявшие вместе с А. Д. Грачом у истоков экспедиции. А также дав-



Рис. 1. Участники пленарного заседания конференции на Парадной лестнице Штаб-квартиры Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Общая фотография после закрытия заседания. Фотография предоставлена пресс-службой Штаб-квартиры РГО в Санкт-Петербурге

Fig. 1. On the Gala Staircase of the Headquarters of the Russian Geographic Society in Saint Petersburg: participants of the plenary session of the conference. The general photo taken after the closure of the session. Photo: RGS press service in Saint Petersburg

ний друг и коллега А. Д. Грача по ЛОИА АН СССР – Я. А. Шер (1931–2019), для которого эта встреча старых друзей оказалась последней. На открытии конференции все трое выступили с теми теплыми и трогательными воспоминаниями об Александре Даниловиче Граче, которые только и может сохранить живая человеческая память и передать голос заинтересованного свидетеля – современника событий (рис. 2).

Отдельно необходимо отметить, что пленарное заседание конференции проходило в Большом зале исторического здания Русского географического общества, президентом которого уже много лет является С. К. Шойгу – не только министр обороны Российской Федерации, но и в юности участник школьного отряда Саяно-Тувинской экспедиции Академии наук под руководством А. Д. Грача.

* * *

Структура выпуска обусловлена двумя факторами: традиционным построением материалов юбилейных и памятных конференций и широким научным кругозором самого А. Д. Грача, причем последний здесь играет основополагающую роль. Античные древности, этнография, петроглифы, погребения с мерзлотой, тюркские изваяния, археология Петербурга, раннескифские древности Центральной Азии... перечисление еще не закончено, а уже ясно, что даже упомянутые интересы ученого не все получили отражение в разделах настоящего издания.

В журнал включены работы тех участников конференции, которые пожелали их представить. Одни статьи посвящены решению частных вопросов, другие инициируют дискуссию, третьи имеют характер аналитических обобщений, а все вместе –



Рис. 2. Коллеги и друзья А. Д. Грача (слева направо): Я. А. Шер и старейшие сотрудники СТЭАН – С. Н. Астахов и Д. Г. Савинов на открытии пленарного заседания конференции в Большом зале Штаб-квартиры Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Фотография предоставлена пресс-службой Штаб-квартиры РГО в Санкт-Петербурге

Fig. 2. Colleagues and friends of A. D. Grach (from left to right): Yakov A. Sher and the first assistants of STEAN – Sergey N. Astakhov and Dmitriy G. Savinov at the opening of the plenary session of the conference in the Large Hall of the Headquarters of the Russian Geographic Society in Saint Petersburg. Photo: RGS press service in Saint Petersburg

достаточно полно отражают современную картину развития науки в тех ее областях, которые были интересны А. Д. Грачу или затронуты в его исследованиях. С сожалением приходится отмечать, что весьма насыщенная докладами секция «Археология Петербурга» отражена здесь чрезвычайно скромно.

В отдельном комментарии нуждается лишь один раздел – «Документы свидетельствуют». Известно, что А. Д. Грач был снят с поста руководителя СТЭАН в 1972 г. и уволен из ЛОИА АН СССР в 1973 г. в результате целенаправленной интриги, активно поддержанной руководством ЛОИА АН СССР того периода (см. Древние культуры, 1998. С. 8–10, и др.). Последствия этой очевидной несправедливости были достаточно печальны. Полностью остановилась работа по подготовке материалов СТЭАН к публикации в виде отдельного издания в нескольких томах, что было запланировано ранее. А. Д. Грач, в расцвете творческих сил и на взлете научной карьеры, – талантливый руководитель крупнейшей экспедиции, открывшей новые археологические культуры, исследователь, обосновавший идею поликультурности населения Тувы скифского времени и работавший над докторской диссертацией, – один из наиболее ярких сотрудников Сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, был в одночасье удален из института и на долгое время потерял возможность работать по специальности в Ленинграде. Несомненно, что пережитые потрясения сказались и на здоровье А. Д. Грача и в чем-то обусловили его несправедливо ранний уход...

Неоднократно за последнее тридцатилетие с трибун различных конференций и в частных беседах соратниками А. Д. Грача высказывалась одна простая мысль: необходимо каким-либо образом

официально дезавуировать несправедливое решение о его увольнении из института, инициированное недругами и осуществленное администрацией, вопреки очевидным успехам экспедиции, работавшей под его началом, и его личным научным заслугам. Вернулся к этому в своем последнем выступлении и Я. А. Шер (см. *Смирнов*, 2015. С. 429).

По решению администрации ИИМК РАН была создана рабочая группа для изучения документов, связанных с увольнением А. Д. Грача из ЛОИА АН СССР в 1973 г., хранящихся в Научном архиве ИИМК РАН. В состав рабочей группы были включены старшие научные сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Н. Ю. Смирнов, А. В. Поляков и М. Т. Кашуба. В результате анализа имеющегося комплекса документов участники рабочей группы пришли к выводу о необоснованном характере решения Ленинградской секции Ученого совета ЛОИА АН СССР о неизбрании А. Д. Грача на должность старшего научного сотрудника на новый срок (в связи с чем последовало его увольнение), отметив несправедливость и предвзятость этого решения. Заключение рабочей группы было представлено на заседании Ученого совета ИИМК РАН и единогласно поддержано его членами. В реалиях настоящего времени Александр Данилович Грач является настолько крупной и признанной фигурой в ряду представителей ленинградской / петербургской школы археологии, что не нуждается в официальной апологетике. Однако для нас, его младших коллег, работающих в тех же стенах института на Дворцовой набережной, д. 18, где короткое, но счастливое время трудился он, – это было делом чести, которое мы сделали.

Древние культуры, 1998 – Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. 304 с.

Древние культуры, 2018 – Вторая Всероссийская научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвящ. 90-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 г. Тезисы. URL: http://www.archo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/2018Grach_Thes.pdf. Дата обращения 16.11.2019.

Смирнов, 2015 – *Смирнов Н. Ю.* Сто и пятьдесят лет тувинской археологии: к 100-летию раскопок А. В. Адрианова в Урянхайском крае и к 50-летию начала работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Д. Грача в Туве // *АВ*. 2015. С. 428–431.

А. Д. ГРАЧ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ И КОЛЛЕГ

А. Д. ГРАЧ И САЯНО-ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

С. Н. Астахов²

Аннотация. *Статья посвящена памяти первого начальника Саяно-Тувинской археологической экспедиции (СТЭАН) А. Д. Грача. Автор рассказывает о периоде становления СТЭАН в 1962–1965 гг. в связи с началом строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Много внимания уделено в статье принципам организации археологических исследований А. Д. Грача. В заключение автор кратко обобщает основные итоги деятельности А. Д. Грача.*

Annotation. *This paper is devoted to the memory of A. D. Grach, first director of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition (STEAN). The author describes the period of the formation of STEAN in 1962–1965 concerned with the beginning of the construction of the Sayan-Shushenskaya hydroelectric power station. The paper pays much attention to the principles of the organization of archaeological researches by A. D. Grach. In conclusion, the author briefly summarizes the main results of A. D. Grach's activities.*

Ключевые слова: *А. Д. Грач, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция, палеолит, зона затопления, Тува, Саяно-Шушенская гидроэлектростанция, Тувинская археологическая экспедиция, аэрофото-съемка.*

Keywords: *A. D. Grach, Sayan-Tuva Archaeological Expedition, Palaeolithic, inundation zone, Tuva, Sayan-Shushinskaya hydroelectric power station, Tuva Archaeological Expedition, aerial photography.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-14-20

С момента образования Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) активно формировались так называемые новостроечные экспедиции, ведущие предварительные исследования на площадках будущего строительства или сельскохозяйственных работ. Крупнейшей из них стала Саяно-Тувинская археологическая экспедиция ЛОИА (Саяно-Тувинская экспедиция [Ленинградского отделения Института археологии] Академии наук СССР – СТЭАН). Ее создание было вызвано строительством Саяно-Шушенской гидро-

электростанции (СШГЭС) и неразрывно связано с именем А. Д. Грача.

Изыскания под ГЭС в местах, где Енисей прорезает Западные Саяны, велись еще с 1930-х гг. (Карачакова, 2008. С. 154). Но окончательное местоположение СШГЭС – в Карловом створе Саянского ущелья, при впадении речки Карловки в Енисей – утвердили лишь в июле 1962 г. (Рукишис, 1970. С. 2; СШГЭС, 2013. С. 5).

Тем летом автор вместе с коллегой по сектору палеолита ЛОИА З. А. Абрамовой работал в Красноярской археологической экспедиции (КАЭ) у М. П. Грязнова. Неожиданно ко мне приехал поговорить А. Д. Грач, которому теперь предстояло руководить СТЭАН. Он увлеченно перечислял исследовательские возможности, которые открывает зона затопления СШГЭС, а затем предложил возглавить палеолитический отряд в Туве.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Адрес электронной почты: astakhov.sn@gmail.com.

Внезапное предложение выглядело заманчиво. На палеолитической карте СССР Тува оставалась «белым пятном». Еще во время обучения на кафедре археологии исторического факультета МГУ мне приходилось читать об исследованиях, которые вели в Туве А. В. Адрианов, С. А. Теплоухов, С. В. Киселев. К моменту нашей беседы я уже работал на Енисее, был знаком с трудами Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оола и самого А. Д. Грача, неплохо представлял себе Туву, да и Саяны мне полюбились. Прежде мы не были знакомы с А. Д. Грачом, но он явно знал о моих научных интересах, и потому долго уговаривать меня ему не пришлось. Я намеренно останавливаюсь на личных деталях, дабы показать, насколько продуманно подходил А. Д. Грач к подбору сотрудников для полевых работ.

Откладывать дело он не любил, и вскоре мы выдвинулись на рекогносцировку. В группу входили сам А. Д. Грач, Д. Г. Савинов и автор этих строк; финансирование осуществляла КАЭ. Дороги к Карлову створу еще не было, ее трассировка и отсыпка начались лишь в 1963–1964 гг. (Потемкин, 1969а. С. 2). Поэтому мы сначала проехали правым берегом от Шушенского до урочища Кибик, затем вернулись

назад в Шушенское и оттуда направились в Туву. Там под руководством А. Д. Грача группа провела небольшую, но интенсивную разведку (рис. 1). Разведка, наряду с ранее известными объектами, выявила широкий спектр разновременных памятников. Основную их массу составляли курганные могильники, но были и десятки стоянок первобытных охотников, а также уйгурские городища.

Теперь нам стало очевидно, насколько огромна предстоящая работа. Ее масштаб задавался беспрецедентными объемами гидроэнергетического строительства. Уникальная гравитационно-арочная плотина СШГЭС (рис. 2) имела проектную высоту 242 м при длине по гребню 1066 м (Потемкин, 1971. С. 2). Чтобы поддерживать уровень воды в нижнем бьефе СШГЭС, в 20 км ниже по течению спроектировали Майнскую ГЭС (Ефименко, Рубинштейн, 2008. С. 3). Судя по данным проектной организации – Ленинградское отделение института «Гидропроект», – обследуемая нами площадь могла достигь в равнинной Туве около 120 кв. км, а в Саянском ущелье – около 500 кв. км. И это данные – без учета площадок самого мощного в СССР Саяно-Шушенского



Рис. 1. А. Д. Грач и С. Н. Астахов на полевом выезде. 1962 г. Фото Д. Г. Савинова или Ю. И. Трифонова (?)

Fig. 1. A. D. Grach and S. N. Astakhov in the field. 1962. Photo by D. G. Savinov or Yu. I. Trifonov (?)



Рис. 2. Общий вид на зону затопления (на переднем плане – плотина Саяно-Шушенской ГЭС). После 1980 г. Автор неизвестен

Fig. 2. General view at the inundation zone (in the foreground, the dam of the Sayan-Shushenskaya hydroelectric power plant). After 1980. The author unknown

камнеобрабатывающего завода мощностью 40 тыс. куб. м мрамора в год (Чванов, 1969. С. 2), Майнской ГЭС и строительных карьеров, которыми потом нам также пришлось заниматься!

Между тем транспортная доступность оставляла желать лучшего. Паромная переправа, оборудованная на правом берегу у пос. Шагонар, доставляла путников лишь до Эйлиг-Хема. В Саянском ущелье передвигались только по реке (даже вертолет здесь применялся ограниченно). Разведочную фото- и киносъемку ущелья, порученную мне А. Д. Грачом, пришлось целиком осуществить, спускаясь на резиновой лодке до поселка Майна.

При этом срок работы СТЭАН оставался жестким. Первоначально СШГЭС намечали закончить в 1972 г., но в тот год и Енисей перекрыть не смогли. Перекрытие пришлось перенести на сентябрь 1973 г. (Потемкин, 1969б. С. 1). По факту же оно состоялось лишь 11 октября 1975 г. (Нагай, 1975. С. 2). В эксплуатацию СШГЭС ввели 18 декабря 1978 г. (Карачакова, 2008. С. 157). Однако в 1962 г. о шести годах опоздания и речи не велось.

Задача СТЭАН отчасти облегчалась тем, что древние насельники берегов Енисея обитали в основном на равнине, а для нас она имела вчетверо меньшую площадь сравнительно с ущельем. Кроме того, уже застроенные земельные участки в поселке гидростроителей Черемушки и на других

первоочередных площадках поневоле выпали из наших обследований.

Но в зоне затопления все равно находились тысячи археологических объектов. Нужно отдать должное мужеству А. Д. Грача, который не побоялся в советских условиях принять на себя ответственность за поиски подобного масштаба. Показательно, что другой кандидат в начальники СТЭАН – Г. А. Максименков – предпочел не испытывать судьбу.

Когда А. Д. Грачу удалось получить дешифрованные аэрофотоснимки зоны затопления, ожидаемое количество памятников подтвердилось. В составе памятников оказались ранее неизвестные могильники. Например, в Аргалыкты и на Куйлуг-Хеме их выявили более 2500 единиц. А. Д. Грач получил для СТЭАН разрешение на ведение аэрофотосъемки и сам снимал с борта вертолета Ми-1 (рис. 3), предварительно демонтировав на нем боковую дверь. Начальники отрядов СТЭАН также имели возможность вести воздушную разведку и в ходе ее делали фотографии. При применении метода съемки сплошных площадей количество курганов росло, постоянно обнаруживались новые захоронения. Так, на могильнике Аргалыкты I в 1969 г. было выявлено более 30 сильно задернованных могил. Всего СТЭАН зафиксировала более 4500 новых археологических объектов в равнинной



Рис. 3. Аэрофотоснимок места впадения р. Хемчик в р. Енисей (виден полевой лагерь СТЭАН). 1971 г. Фото А. Д. Грача
Fig. 3. Aerial photo of the location of the Khemchik River inflow into the Yenisei River (in view is the expedition's camp of STEAN). 1971. Photo by A. D. Grach

Туве и около 500 – в Саянском ущелье. Таковы оказались итоги использования аэрофотосъемки, которую включил в процесс полевых разведок А. Д. Грач.

Замечу, что все начальники отрядов подбирались А. Д. Грачом лично. Первоначально отрядов сформировали семь. Отряд № 1 возглавил сам А. Д. Грач; № 2 – А. М. Мандельштам; № 3 – С. Н. Астахов; № 4 – Д. Г. Савинов; № 5 – Ю. И. Трифонов; № 6 – М. Х. Маннай-оол, затем И. У. Самбу; № 7 – С. М. Биче-оол. Имелась в СТЭАН еще и группа по изучению экологии, которой руководил сотрудник местного Музея имени 60 богатырей И. М. Путинцев. Главным в организации археологических исследований А. Д. Грач считал привлечение профильных специалистов. Этому принципу он следовал неуклонно. Так, ему пришлось долго искать эпиграфиста, но в итоге расшифровкой руни-

ческих надписей занялся блестящий тюрколог Д. Д. Васильев (1983).

Во времена, когда еще никто в СССР не слышал о «связях с общественностью», А. Д. Грач показал себя истинным мастером взаимодействия с местными элитами и населением. В 1960-х гг. Тува многое сохраняла из традиционного образа жизни кочевников. А. Д. Грач понимал это обстоятельство лучше всех нас, а главное – умел деликатно учитывать его в повседневной работе. Помню, как И. У. Самбу искренне удивлялся тому, что А. Д. Грач умудрялся помнить поименно всех своих тувинских знакомых. Для стиля отношений А. Д. Грача крайне показательна история с привлечением к делу местных школьников. В отличие от соседней Хакасии, Тува не располагала ресурсами свободной рабочей силы. Не имелось здесь ни университета, ни других крупных учебных заведений. Поэтому

нанять рабочих или студентов оказалось негде. А. Д. Грач нашел остроумный выход из положения. Еще в рамках КАЭ он предложил собрать группу старшекласников-тувинцев и предоставить им возможность раскопать небольшой могильник под руководством будущих начальников отрядов. Естественно, добровольных помощников предстояло многому научить. К счастью, среди экспедиционного оборудования имелась киноустановка, и автору этих строк пришлось срочно озаботиться съемками учебного фильма. А обучившись азам, ребята из первой группы сами обучали сверстников. Позже при помощи профсоюзов Тувы организовали детский лагерь «Археолог», быстро завоевавший огромную популярность. «Археолог» создал СТЭАН и лично А. Д. Грачу известность и общественную поддержку в самых разных слоях местного населения.

Как глава СТЭАН и отец-основатель «Археолога», А. Д. Грач стал вхож в высокие кабинеты. Он пользовался политическим покровительством первого секретаря Тувинского обкома КПСС С. К. Тока. Хорошие рабочие контакты наладились у А. Д. Грача с председателем Совета Министров Тувинской АССР М. К. Мендуме. Дружеские отношения связывали его с руководителем республиканских профсоюзов Тувы Т. Ч. Норбу. Неизменно поддерживали СТЭАН руководители республиканского музея Тувы и Тувинского НИИ языка, литературы и истории.

Особую ценность имела для СТЭАН та постоянная помощь непосредственно в зоне затопления, которую неизменно оказывал первый директор строящейся СШГЭС Ю. И. Потемкин. Он считал работу археологов настолько важной для стройки, что докладывал о ней наряду с производственными показателями: «Изучаются все памятники старины и производятся археологические исследования материальной культуры в долине р. Енисей на территории Тувы и Хакасской автономной области» (Потемкин, 1969в. С. 2).

Благодаря содействию всех этих людей А. Д. Грачу удалось превратить СТЭАН в важный проект для Тувинской АССР.

Отдельно стоит сказать об организационной деятельности А. Д. Грача. Увлеченный поисковик, опытный раскопщик, он был еще и талантливым

администратором. А. Д. Грачу удалось получить для СТЭАН 11 ставок сверх утвержденного штата. Он договорился об аренде шести автомашин с экипажами на автобазе АН СССР; СТЭАН выделили новые автомобили ГАЗ-63 и ГАЗ-69 с опытными шоферами, умевшими работать в горах. Эти водители обеспечили 12 лет службы машин без особых поломок. До тех пор, пока А. Д. Грач через своих друзей не добыл лодки «Казанка» (рис. 4) и моторы «Вихрь», нам приходилось довольствоваться самодельными «плавсредствами».

Однако самым главным организационным достижением А. Д. Грача нужно считать получение помещений для базы в Кызыле. Крупное экспедиционное хозяйство всегда представляет собой груды палаток, бесчисленные мешки, ящики с документацией и аппаратурой, брезенты с оборудованием. А СТЭАН стремительно обрастала автомашинами, людьми и всякого рода припасами. А. Д. Грач сумел убедить руководство Тувы в том, что постоянная база в республиканской столице действительно нужна. Ее жилые помещения, склады, гаражи и городской телефон стали для нас значимой поддержкой в самый трудный период становления СТЭАН.

Создавая прочную основу для экспедиционной работы, А. Д. Грач не забывал и о людях. В частности, в Академснабе закупили новое снаряжение: палатки, спальники с двумя вкладышами и даже раскладушки. Казалось бы, зачем эти излишества? Основной контингент работников составляли молодые парни, которые вполне могли потерпеть сезонные неудобства. Со стороны археологов со стажем по сему поводу звучали иронические ремарки: «Какие раскладушки? Мы с на матрасниками ездили – приедем на место, там и набьем!» Но в итоге ни в одной из новостроечных экспедиций того времени не имелось такого бытового комфорта, которым располагала СТЭАН.

Конечно, и у СТЭАН оставались проблемы. Трудно было со связью. Имевшиеся у нас рации ПАРКС обладали значительной дальностью приема, и потому уполномоченные органы так и не разрешили ими пользоваться... Но постоянные продуманные усилия А. Д. Грача уже к сезону 1965 г. позволили сделать главное – собрать в рамках СТЭАН небольшой коллектив единомышлен-



Рис. 4. С. Н. Астахов в экспедиционной «Казанке» (на носу лодки – маркировка 3-го палеолитического отряда СТЭАН). 1972 г. Автор неизвестен

Fig. 4. S. N. Astakhov in the expedition 'kazanka' boat (on the prow is the mark of the 3rd Palaeolithic Group of STEAN). 1972. The author unknown

ников и снабдить их необходимыми ресурсами для полевой работы.

Вместе с тем этот значимый результат не должен заставлять нас идеализировать образ А. Д. Грача. Как и все люди талантливые, он был человеком сложным, далеко не всегда комфортным для окружающих. Большое человеческое обаяние уживалось в нем с амбициозностью. Научный склад мышления странным образом соседствовал с переоценкой своих объективных возможностей. Последнее частенько приводило А. Д. Грача к ненужным трениям с коллегами. Именно его конфликт с друзьями – В. П. Шиловым и А. М. Мандельштамом – послужил поводом для увольнения А. Д. Грача из ЛОИА в 1973 г.

Но отдельные особенности характера А. Д. Грача, конечно, не могут повлиять на объективную оценку всего того, что сделано им для археологической науки. Думается, такая объективная оценка должна включать по крайней мере три постулата.

Во-первых, деятельность СТЭАН, у истоков которой стоял А. Д. Грач, дала мощный толчок развитию археологии Тувы. Анализ общих итогов ра-

боты СТЭАН, конечно, не может быть сделан в сжатых рамках мемориальной статьи, он должен являться предметом отдельной работы. Упомяну здесь для примера лишь те ключевые результаты, которые касаются палеолита и получены при непосредственном участии автора этих строк. За годы работы СТЭАН удалось найти и изучить около 200 памятников каменного века. Разработанная периодизация свидетельствует, что возраст самых старых из них достигает не менее 250 тыс. лет (*Астахов*, 1974. С. 181–182; 2008. С. 118). Таким образом, работы СТЭАН убедительно доказали, что территория Тувы входила в зону становления человека современного вида. Дальнейшие поиски и увязка материала, найденного в Туве, с данными по Алтаю вполне могут привести к новым открытиям.

Во-вторых, деятельность СТЭАН и самого А. Д. Грача в Тувинской АССР усилила общественный интерес к археологии, причем как в самой Туве, так и в стране в целом. Этому способствовал и документальный фильм о деятельности СТЭАН – «Археологи в центре Азии» (Свердловская студия

документальных фильмов, 1969 г.). За кадром его звучала замечательная песня Юрия Визбора о Енисее...

В-третьих, традиции СТЭАН, заложенные А. Д. Грачом, продемонстрировали завидную жизнеспособность. Когда автору этих строк в 1973 г. пришлось стать преемником А. Д. Грача на посту начальника СТЭАН, опыт работы под его руководством весьма пригодился и оставался востребован-

ным в течение всех 12 лет моего пребывания на этом посту. Даже после ликвидации СТЭАН в апреле 1985 г. накопленные ее сотрудниками опыт и умения оказались достаточными для организации Тувинской археологической экспедиции, которая продолжает работать и сегодня. Я думаю, что эта зримая преемственность в археологических исследованиях Тувы являет собой лучшую дань памяти об Александре Даниловиче Граче.

Астахов, 1974 – Астахов С. Н. Саяно-Тувинская экспедиция: О работе в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 181–182.

Астахов, 2008 – Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История, 2008. 180 с.

Васильев, 1983 – Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея / Под общ. ред. акад. А. Н. Кононова; отв. ред. С. Г. Кляшторный. Л.: Наука, 1983. 127 с.

Ефименко, Рубинштейн, 2008 – Ефименко А. И., Рубинштейн Г. Л. Водосбросные сооружения Саяно-Шушенской ГЭС. СПб.: Изд-во ОАО «Всерос. науч.-иссл. ин-та гидротехники им. Б. Е. Веденеева», 2008. 506 с.

Карачакова, 2008 – Карачакова Н. Д. Об основных этапах проектирования и строительства Саяно-Шушенской ГЭС // Вторые универс. соц.-гуманит. чт. 2008 г. / Отв. ред. А. И. Смирнов. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 153–159.

Нагай, 1975 – Нагай В. 11 октября 1975 г. // Огни Саян. 1975. 15 октября. С. 1–2.

Потемкин, 1969а – Потемкин Ю. Саяно-Шушенская ГЭС на Енисее // Огни Саян. 1969. 07 июня. С. 2.

Потемкин, 1969б – Потемкин Ю. Саяно-Шушенская ГЭС // Огни Саян. 1969. 28 июня. С. 1.

Потемкин, 1969в – Потемкин Ю. Саяно-Шушенская ГЭС на Енисее // Зори Енисея. 1969. 17 мая. С. 2.

Потемкин, 1971 – Потемкин Ю. Жемчужина гидростроения // Огни Саян. 1971. 20 января. С. 2.

Рукиис, 1970 – Рукиис Вал. Карловский створ // Огни Саян. 1970. 14 января. С. 2.

СПШГЭС, 2013 – Саяно-Шушенская ГЭС: история и современность. Библиографический указатель / Сост. О. Д. Смирнова. Абакан: Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова, 2013. 79 с.

Чванов, 1969 – Чванов К. Саяно-Шушенский мрамор // Огни Саян. 1969. 28 мая. С. 2.

A. D. Grach and the Sayan-Tuva Archaeological Expedition

S. N. Astakhov

This paper is devoted to the memory of A. D. Grach, first director of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition (STEAN). The author describes the period of the formation of STEAN in 1962–1965 concerned with the beginning of the construction of the Sayan-Shushenskaya hydroelectric power station; those difficult conditions under which A. D. Grach had to organize and carry out large-scale archaeological investigations in the

future zone of inundation are discussed in detail (Fig. 1). The paper pays much attention to the principles of the organization of archaeological researches by A. D. Grach, his organizational and administrative efforts aimed at the formation of the expedition's implementation of STEAN and development of interrelations with the heads of Tuva. In conclusion, the author briefly summarizes the main results of A. D. Grach's activities.

АРХЕОЛОГИЯ ТУВЫ В ТРУДАХ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА ГРАЧА

(Интервью¹ 20 декабря 2019 г.)

Д. Г. Савинов²

Аннотация. *Интервью с Д. Г. Савиновым было организовано Н. Ю. Смирновым. Форма устной беседы под запись, с последующей расшифровкой и уточнением отдельных моментов, была предложена Д. Г. Савиновым как наиболее соответствующая, с его точки зрения, задачам описания личности А. Д. Грача как крупного ученого, старшего коллеги и друга. Темы и сюжеты, затронутые в беседе Д. Г. Савинова и Н. Ю. Смирнова, с разных сторон освещают личность А. Д. Грача, его становление как ученого и крупнейшего исследователя древностей Тувы в XX в., заложившего основы современной «картины мира» для своих последователей – археологов Санкт-Петербургской научной школы, изучающих в наши дни этот удивительный регион.*

Annotation. *Interview with D. G. Savinov was organized by N. Yu. Smirnov. The form of a recorded verbal conversation with subsequent transcription and a more exact description of certain moments was proposed by D. G. Savinov as a most appropriate one, in his opinion, to the goals of presentation of A. D. Grach's personality as a prominent scholar, a senior colleague and a friend. The topics and subjects touched upon in the conversation of D. G. Savinov and N. Yu. Smirnov deal with different aspects of the personality of A. D. Grach and his maturing as a scholar and the most prominent researcher of Tuva antiquities in the 20th century who has laid down the foundations of the modern 'picture of the world' for his followers – archaeologists of the Saint Petersburg scientific school studying now this amazing region.*

Ключевые слова: *А. Д. Грач, археология Тувы, воспоминания, история археологических исследований, СТЭАН.*

Keywords: *A. D. Grach, archaeology of Tuva, reminiscences, history of archaeological investigations, STEAN.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-21-31

Н. С.: Дмитрий Глебович, мне показалось очень интересной предложенная вами форма воспоминаний об Александре Даниловиче Граче – в виде живого диалога между вами, человеком, который с ним работал и дружил, и мной, бывшим вашим студентом, который А. Д. Грача знал уже только по его работам. Будем считать, что таким образом и осуществляется преемственность поколений.

Скажите, почему вы избрали такую форму воспоминаний об Александре Даниловиче Граче?

Д. С.: Дело в том, что Александр Данилович – крупный ученый, сделавший много открытий, и как-то кратко изложить, в чем состоят его заслуги,

можно, но не хотелось бы, так как получится простое перечисление. Если же говорить о развернутой форме анализа, то это вырастает в особый жанр – изучение научного вклада известного исследователя, а мне бы не хотелось в этой роли выступать. Поэтому выбранная форма беседы, даже не интервью, а беседы, наиболее соответствует, на мой взгляд, самой идее такой работы, так как отражает мой взгляд, мою точку зрения на А. Д. Грача и его заслуги. Это то, как я себе представляю основной вклад Александра Даниловича в археологию Центральной Азии.

А каждый ученый оценивается по тому, что он сделал по сравнению с предшественниками и насколько его открытия, понятия, им введенные, новации и так далее используются в последующем. То есть если он сделал много по сравнению с предшественниками и если то, что он сделал, оказывается нужным для его последователей. Это и стоит обсуждать.

¹ Интервью с Д. Г. Савиновым было записано на диктофон Н. Ю. Смирновым 20 декабря 2019 г. в ИИМК РАН. В расшифрованном тексте интервью, для краткости, фразы собеседников отмечены лишь их инициалами. Соответственно, инициалы Д. С. означают реплику Д. Г. Савинова, а Н. С. – Н. Ю. Смирнова.

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

Н. С.: Мне кажется, что наш диалог – очень хорошая форма воспоминаний, и потому что они также будут опубликованы, как и другие мемориальные статьи, и с этим текстом столкнется читатель, и я, видимо, здесь выступаю уже как первый такой читатель, еще даже не текста, и потому, что у вас есть возможность в процессе воспоминаний услышать вопрос потенциального читателя и на него сразу ответить.

Д. С.: Безусловно!

Н. С.: Тогда продолжим наш разговор, перейдя к некоторым биографическим моментам жизни Александра Даниловича. Конечно, уже двадцать лет назад в прекрасном сборнике³, вышедшем к его 70-летию, многое было опубликовано, но, возможно, вы бы хотели что-то добавить?

Д. С.: Спасибо за это предложение! Я должен сказать, что совершенно согласен с высокой оценкой того сборника. Он действительно хороший, потому что и был задуман как многогранное введение в жизнь, события, биографию, открытия А. Д. Грача. Там представлены две, скажем так, ауры исследователя: одна – это Центральная Азия, другая – Петербург. И очень интересные воспоминания, конечно: Якова Абрамовича Шера – самые лучшие, – очень личностные и очень точные по портретным характеристикам; Саши Самбу – ближайшего сподвижника Александра Даниловича в Туве; Александра Михайловича Решетова – по совместной работе в Кунсткамере; Галины Вацлавны Длужневской, взявшей на себя руководство первым отрядом (после ухода А. Д. Грача с поста начальника экспедиции) и огромный труд работы в трубе (в Саянском каньоне Енисея). Очень хорошие воспоминания.

Мои наиболее близкие отношения с А. Д. Грачом складывались в период подготовки Саяно-Тувинской экспедиции, начиная с 1962 года. Затем 1963–1964 гг. – совместные работы в Хакасии, и 1965 г. – первый год работы Саяно-Тувинской экспедиции.

В общей сложности мы с ним прожили в одной палатке три экспедиционных сезона. Именно прожили: рядом две раскладушки стояли... и ночные разговоры, бесконечные сигареты и прочее... Я все это отразил в той небольшой статье, в воспомина-

ниях, которые так и назвал: «Между двумя экспедициями»⁴. Потому что у Грача было две самых больших экспедиции – первая этнографо-археологическая (ТКЭАН, работавшая под руководством Л. П. Потапова), а вторая, собственно, наша, СТЭАН. Между ними и был этот период нашего наиболее близкого общения. Но, конечно, там я сказал не все, и кое-что хотел бы добавить.

Н. С.: В том сборнике и места было не очень много...

Д. С.: Совершенно верно. Я бы хотел добавить несколько моментов из 1961–1962 гг., когда А. Д. Грач перешел из Кунсткамеры в Институт⁵. Для него это был такой революционный период, потому что тогда состоялись и защита кандидатской диссертации (по древнетюркским изваяниям Тувы), и переход в институт, и смена основной формы деятельности. И вот, когда он пришел в институт (об этом никто еще не говорил и не писал), то он попал в совершенно новую для себя среду, и, как мне кажется, он был человеком здесь достаточно одиноким. У него не было никого из друзей-сибиряков, поскольку специализировался он в университете по античной археологии, был любимым учеником В. Ф. Гайдукевича, писал дипломную работу по Боспору. А. Д. Грач потом об этом нигде не вспоминал и не писал, но, конечно, эта планка классического образования была очень высокой и очень перспективной. И, естественно, когда он оказался в Центральной Азии, прошел первую Тувинскую (потаповскую) экспедицию, то в первую очередь обратил внимание на памятники скифского времени, синхронные с античностью.

Но дело даже не в этом, а в том, что А. Д. Грач был изначально античником, затем ученым секретарем Кунсткамеры, работал в Туве, провел первые раскопки в Ленинграде, попутно занимался этнографией. Друзей в Ленинграде среди археологов-сибиреведов у него, по-видимому, не было. М. П. Грязнов относился к нему настороженно: признавал, но не допускал к себе близко. Что касается остальных сотрудников института, то они были

³ Речь идет о сборнике «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга» (Древние культуры, 1998), вышедшем в 1998 г., в создании которого принимал непосредственное участие Д. Г. Савинов.

⁴ Имеется в виду статья Д. Г. Савинова в сборнике к 70-летию А. Д. Грача (Савинов, 1998).

⁵ В 1963 г. А. Д. Грач был переведен из Института этнографии АН СССР в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР) и включен в состав его сотрудников.

с ним в разных измерениях, хотя это были очень интересные люди, но другого плана. И поэтому весь круг его знакомств здесь – это не археологи, а больше востоковеды.

Я могу судить об этом, потому что мы встречались у него дома, очень много раз, и даже не по его личным каким-то симпатиям-антипатиям, а по тому, кто был у него в гостях, кого он звал домой. Там были: Владимир Аронович Лифшиц, замечательный иранист; тюрколог Сергей Григорьевич Кляшторный; из среднеазиатчиков наших, в институте, Игорь Николаевич Хлопин и Юрий Александрович Заднепровский. Археологов-сибиряков не было никого. В Москве А. Д. Грача связывали тесные отношения с Хорезмской экспедицией, со всеми, кто работал у Сергея Павловича Толстова.

Н. С.: В силу чего А. Д. Грачу было свойственно такое особое внимание и близость к московским исследователям Средней Азии?

Д. С.: А С. П. Толстов был директором Института этнографии в Москве.

Н. С.: То есть он по административной линии был с ним хорошо знаком?

Д. С.: Да, с того времени, когда был ученым секретарем Кунсткамеры. В Москве был еще один друг – Валерий Павлович Алексеев, антрополог. Кстати, когда мы с Верой Павловной Дьяконовой написали первую статью о нем (сразу после ухода А. Д. Грача, в 1981 году) со списком публикаций научных работ, я получил от В. П. Алексеева хорошее письмо с благодарностью за память об Александре, нашем общем друге и так далее...

Еще один москвич, близкий А. Д. Грачу, – Анатолий Михайлович Хазанов, скифолог, который потом уехал в Америку. К сожалению, почти никого из этих людей уже нет в живых.

Н. С.: А как представлял себе Александр Данилович будущую работу в Туве?

Д. С.: У него были большие амбиции, очень большое желание работать в Туве и абсолютная, как бы так сказать, внутренняя свобода действий. Но свобода эта была скована. Чем? Или кем? Двумя предшественниками, уже весьма авторитетными учеными в данной области: с одной стороны, это Л. Р. Кызласов, который уже обосновал понятие уюкской культуры по схеме ее однолинейного развития, с другой – С. И. Вайнштейн, который таким же образом выделил казылганскую культуру. То есть

поле было занято. И А. Д. Грачу предстояло или открывать все заново, или идти в кильватере, чего он органически делать не хотел.

Вообще он был человек очень харизматичный. Это было у него на роду написано. Рассказывал, что был спортсменом, участвовал в параде физкультурников в Москве, махал Сталину и прочее... Вообще любил рассказывать. Был очень здоров, физически силен и готов к сражениям, я бы так сказал. И еще очень молодой – ему тогда было только тридцать лет, всего-то.

Вот эти личностные оценки мне бы хотелось добавить, потому что они показывают, с чем он столкнулся, и они, в общем-то, определяют, что он сделал в конце концов. Грач пришел на неподготовленное поле, где многое хотел изменить, добавить, исправить, опираясь на то, как он видел, через призму в первую очередь общегуманитарной подготовки в античной археологии и знакомство с конкретным тувинским материалом. Это знакомство состоялось в первой экспедиции, там, где был его археологический отряд (один), а экспедиция была этнографическая.

Н. С.: Это экспедиция Л. П. Потапова.

Д. С.: Да. А когда появилась СТЭАН, то пропорция изменилась: это была археологическая экспедиция, и в ней (правда, только в 1965 г.) был один этнографический отряд. Он даже и здесь переставил все местами.

Н. С.: Кстати, к вопросу о СТЭАН, ведь эта аббревиатура расшифровывается как Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук, – это было какое-то сознательное сокращение, с исчезновением из названия Ленинградского отделения Института археологии? Или было некоторой случайностью, рабочим сокращением, которое осталось в документах и используется по традиции?

Д. С.: Очень интересный и важный вопрос! Дело в том, насколько я помню, что это одна из причин, в общем-то, каких-то сложных отношений между ним и Б. А. Рыбаковым.

То есть получалось, что Академия наук проводит экспедицию, а не Институт археологии. Тем более это касалось Ленинграда, где вообще выпало Ленинградское отделение института. Возможно, поэтому никакой поддержки в будущем он от Б. А. Рыбакова не получал. Может быть, это была сознательная ошибка; может быть, это было сделано по согласо-

ванию с тем же С. П. Толстовым. Или здесь скрыта какая-то интрига уже более высокого порядка?..

Н. С.: Таким образом, можно говорить о том, что это сознательное решение?

Д. С.: Я думаю, что да; что иначе это бы исправили, безусловно.

Н. С.: Еще один вопрос, но связанный уже с личностью самого Александра Даниловича: насколько мы можем судить по воспоминаниям и исходя из ваших слов, можно говорить о его яркой харизме, которая сразу же делала Грача лидером... А вот стал ли он лидером в СТЭАН? Смог ли он создать свою команду во время работы СТЭАН под его руководством? Удалось ли ему это сделать?

Д. С.: Тоже хороший, но очень сложный вопрос. У него не было учеников как таковых, потому что у него были единомышленники. Круг этих единомышленников был не очень широк, причем это был весь руководящий состав экспедиции, куда и я входил, – те, кто с ним работал. Но никто: ни Астахов, ни я, ни Трифонов, ни Самбу, ни другие – мы не были его учениками. Были сподвижниками, младшими коллегами. И отношения у нас сложились именно такого плана. И, наверное, это даже больше чем команда. Во всяком случае, так было в начале работы СТЭАН.

Н. С.: Но он все же каким-то образом собрал всех этих людей?

Д. С.: Да. Он подобрал такой состав будущих лидеров экспедиции, начальников отрядов, именно как спаянную команду заранее, включив сюда людей, которых знал и которым мог полностью доверять. По старшинству: С. Н. Астахов, я, Ю. И. Трифонов, И. У. Самбу, С. М. Биче-оол (сотрудница ТНИИЯЛИ, начальник этнографического отряда).

Это вызвало большой протест здесь, в ЛОИА АН СССР, потому что тогда это была самая крупная экспедиция в стране и, насколько я понимаю, многим хотелось в ней участвовать.

И территория новая, и деньги большие, машины. И вообще – экзотика. А никого не взяли. И когда состоялся Ученый совет, то был мощный афронт по поводу того, как это может быть, что институт остался в стороне!

Н. С.: Это заседание Ученого совета ЛОИА перед созданием экспедиции?

Д. С.: Да. При утверждении руководящего состава экспедиции институт как бы остался в стороне,

и это вызвало много нареканий. Я был на этом совете, помню очень хорошо. Но А. Д. Грач держался абсолютно твердо: «Я собираю свою команду, я отвечаю за всех». Видимо, для сглаживания ситуации, чтобы была не только эта, слишком уж молодая команда (да и самому А. Д. Грачу тогда, в 1962 г., когда все начиналось, было всего 34 года), нас «разбавили» А. М. Мандельштамом. И, как оказалось, напрасно. Нам всем было двадцать с чем-то, максимум за двадцать пять лет. Мы все были управляемы априори.

Мы все были уже свои, работали на Туране (отдельный отряд под руководством А. Д. Грача работал в составе Красноярской экспедиции М. П. Грязнова) два года. Вообще, Туран в Хакасии – эта экспедиция 1963–1964 гг. была очень важна: это была такая генеральная репетиция Тувы. Отрабатывались организация и методика работ, школьники (рабочие на раскопках) у нас были только из Тувы.

Специально ездили на машине в Туву, через Саяны, туда-обратно, собирали школьников и привозили на место раскопок... И потом А. Д. Грач их воспитывал, эту раскопчную команду. Работал с ними удивительно много и целенаправленно. Читал им лекции: про Чингисхана, про Кюль-тегина. У всех были майки с козлами (тюркской тамгой), в лагере был свой флаг, под которым стояло древнетюркское изваяние, привезенное из Тувы. На все это А. Д. Грач обращал очень большое внимание.

Н. С.: А в чем была идея такого воспитания тувинских школьников? А. Д. Грач хотел вырастить будущих сотрудников экспедиции или, условно говоря, думал о некоей элите тувинского народа в будущем? Какая мысль преобладала?

Д. С.: Я думаю, что это совпадающие мысли. Естественно, он хотел воспитать сотрудников, людей, на которых он бы мог опереться в будущих полевых сезонах (то, что экспедиция в Туве будет работать не один год, было известно). А с другой стороны, он просто очень хорошо относился к Туве. Знал тувинский язык, любил тувинские песни. Больше всего ему нравилась песня «Чечек», что значит «Красный цветок». И он пел «Чечек» в гостях. Любил бывать в юртах, пил хойтпак, айран и так далее. Его принимали везде, потому что всюду считали своим...

Вот это блестящий пример того, как нужно работать в национальном районе! Он всюду имел друзей, в любой юрте, потому что он фотографиро-

вал детей, всюду вел разговоры... Но он не просто это делал, а на следующий год привозил фотографии, с чем-то уже приезжал. То есть он приезжал уже как свой. Он просто любил Туву.

Это то же самое, что сейчас делает Сергей Кужугетович Шойгу, кстати сам еще школьником в 1967–1970 гг. работавший в отряде И. У. Самбу, когда организует крупные полевые проекты со студенческими лагерями, и там есть волонтеры-тувинцы... Это все идет оттуда.

Насколько я понимаю, все это было непонятно и ненужно А. М. Мандельштаму, который ранее не входил в число друзей А. Д. Грача никоим образом. Он был старше, уважаемее, со знанием восточных языков, с большим опытом раскопок в Средней Азии. А. М. Мандельштам действительно копал очень хорошо, лучше всех. И то, что сейчас копают курганы с полной расчисткой сооружения, выявляют крепиды и прочее, – это его школа. А. Д. Грач копал не так. У него во всех ямах – стенка прямая, все хорошо расчищено, очень ярко, красиво – как оно должно быть. Так же начинал копать Ю. И. Трифонов, но потом и он, и Г. В. Длужневская стали копать «по-мандельштамовски».

Вместе с А. М. Мандельштамом появился и другой старший «друг», – В. П. Шилов... Эти два «друга» его в конце концов и сгубили...

Н. С.: В. П. Шилов вообще стал заведующим ЛОИА...

Д. С.: Да, он стал заведующим ЛОИА, но это очень длинная история, я не хотел бы в нее вдаваться... Эта их неожиданная «дружба» была, конечно, очень лестная, но и опасная для А. Д. Грача. Они были, очевидно, оба с достаточно сложной биографией. И для них А. Д. Грач был мальчиком таким, молодым. Сначала они очень любили его, а потом была просто ненависть, вражда, выживание и уничтожение. Чем все и кончилось.

Н. С.: Сознательное уничтожение?

Д. С.: Да, хотя причины этого до сих пор остаются неясными.

Н. С.: То есть здесь были не научные разногласия на первом плане?

Д. С.: Нет. Тут наукой и не пахнет. Об этом можно судить по архивным материалам⁶, опублико-

ванным в той же книжке (выпущенной к 70-летию А. Д. Грача). Интересно, как там идет обсуждение плановой темы А. Д. Грача, где он обосновывает выделение алды-бельской культуры раннескифского времени и приводит сравнительные таблицы материалов из других областей (Тасмола, Уйгарак, Майэмир и другие).

Н. С.: Те, что, наверное, у него вошли в книжку 1980 года?⁷

Д. С.: Да, это они и есть. Я был на этом заседании. Таблицы эти ругали: якобы они не отвечают поставленной задаче. И тогда очень хорошо сказал (и это последняя фраза в протоколе, который вела тогда Г. В. Длужневская) Александр Маркович Беленицкий, муаллим, патриарх среднеазиатской археологии: «Кто хочет сделать таблицы по скифам, пусть делает сам. А по-моему, это самые лучшие таблицы».

Н. С.: Но вернемся теперь к А. Д. Грачу как к одному из наиболее ярких и, в любом случае, самому известному исследователю археологических памятников Тувы. Как планировались и с научной точки зрения развивались эти работы?

Известно, что у А. Д. Грача был очень широкий круг интересов, их достаточно трудно ограничить. Или все же это можно сделать?

Д. С.: Можно. Он делал эти исключения, скажем так, по двум параметрам. Первым он исключил камень. Вообще все, что касается эпох камня, как не освещенных ему доступными источниками. И я его понимаю, я точно так же думаю. В принципе, он никогда не занимался ни палеолитом, ни неолитом и т. д. Это было не его поле деятельности.

Н. С.: Ему это было не интересно?

Д. С.: Нет, он просто не считал себя вправе туда влезать, потому что никогда с этим не сталкивался. Но он всячески поддерживал все работы С. Н. Астахова, потому что понимал их значение, исходя из принципа – раз палеолита нет, то он должен быть найден.

И второе, что он исключил, – это те эпохи, где у него не было собственных материалов. В этом отношении первая (условно – потаповская) экспедиция дала для него очень многое, потому что он копал там в основном памятники скифского, гуннского и тюрк-

⁶ Здесь Д. Г. Савинов говорит об опубликованном протоколе заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, на котором обсуждались результаты работы А. Д. Грача по

плановой теме, перед его переездом в 1973 г. (Протокол, 1998).

⁷ Речь идет о последней книге А. Д. Грача (*Грач*, 1980).

ского времени. Собственно, они и определили круг его интересов – он знал, о чем идет речь.

Н. С.: То есть А. Д. Грач всегда шел как бы с двух сторон: от времени источника и от наличия собственных находок?

Д. С.: Да. Это огромный, обширный исторически связанный материал, и за его границы А. Д. Грач не выходил.

Н. С.: Как вы считаете, насколько и в чем именно сказалось его университетское образование археолога-античника?

Д. С.: Сказалось, безусловно, очень сильно, и в первую очередь на изучении памятников скифского времени. Ведь понятно, что скифская археология и античная – это как бы две стороны луны: одна более светлая – античная, а скифская – это обратная сторона луны, более темная. Но А. Д. Грач пошел дальше.

Что он сделал? Он перенес скифскую античную периодизацию, в основе причерноморскую, на Центральную Азию. То есть понятия раннескифского, скифского и позднескифского времени, со всеми отличиями их внутреннего содержания, взяты оттуда, это античная модель: архаика, классика, эллинизм, скажем так. Это всеобщая троичность истории, присутствующая везде, что для него было достаточно очевидно: не может быть все I тысячелетие до н. э. «уложено» в одной культурной традиции. Отсюда идея поликультурности.

Дальше – интерес к звериному стилю (возникший после находки знаменитой саглынской лошади), к вопросам социального устройства (из-за коллективных захоронений в саглыньских срубах) и т. д.

Н. С.: А почему он предпочитал говорить о «скифском времени», а не, например, о «сакском»?

Д. С.: Вопрос очень сложный. В одной из публикаций он даже писал о сако-массагетско-юэджийской принадлежности комплексов в Саглы; в принципе, объединял эти наименования. Но это был неперспективный путь, и А. Д. Грач от него быстро отказался, потому что нет никаких критериев того, где начинаются саки.

Н. С.: ... и кончаются скифы.

Д. С.: Скифы-то понятно где. А что такое саки? Саки – это эвфемистическое название тех же восточных родственников скифов, не попавших в античную традицию. Какие там дальше этнонимы – бог его знает... Он не считал, что в Туве жили саки,

никогда. И не относил их к скифам, как иногда пишут – «скифы Алтая» и далее.

Н. С.: Сейчас это в каком-то смысле общее место, особенно после работ С. И. Руденко.

Д. С.: Но это неправильно. Потому что «скифы» – это название, которым греки называли только соседние с ними племена. А как назывались те, которые жили восточнее, – никто не знает. Вот почему такое распространение получил термин «ранние кочевники», как внеэтнический, введенный еще до войны М. П. Грязновым.

Н. С.: Тогда почему он назвал свою книгу 1980 года «Древние кочевники в центре Азии»?

Д. С.: Потому что, хотя термин «ранние кочевники» очень удобный, но он является каким-то хронологически обязанным. Если есть ранние, то должны быть и более «поздние кочевники», а принципиальных различий между ними нет.

Н. С.: Ну да, и ведь были дискуссии на эту тему.

Д. С.: Да, были дискуссии, но они ни к чему не привели. Договорились только о том, что там, где появляются письменные источники, ранних кочевников уже нет. Но в хуннско/гуннское время уже были письменные источники, а культура принципиально не изменилась. Очевидно, что понятие «древние кочевники» как формационное определение точнее. Оно определяется характером источника, т. е. вне письменной традиции. Они заведомо древние: не ранние и не поздние. Они самодостаточные. У них есть самые древние, подревнее и менее древние, но это уже археологически неуловимо.

Н. С.: Получается, что это тоже формационный подход, типа того, которого придерживался М. П. Грязнов. Но для М. П. Грязнова был важным сам факт появления кочевников, а здесь речь идет о другом.

Д. С.: С М. П. Грязновым очень сложный вопрос. Вся концепция А. Д. Грача, с одной стороны, кильватерная по отношению к идеям М. П. Грязнова, а с другой стороны, это их антитеза. Потому что у М. П. Грязнова (ученика и преемника С. А. Теплоухова), вышедшего из среды естественников, в основе лежит идея эволюции, однолинейного развития или даже саморазвития. А это требует выделения этапности. Отсюда такое стремление к выделению этапов, которое довлеет над нами до сих пор. А. Д. Грач первым попытался нарушить эту систему, но об этом подробнее надо рассказывать дальше.

Н. С.: Если вернуться непосредственно к археологическим штудиям А. Д. Грача и, наверное, начать с эпохи бронзы, то как вы считаете, что принципиально нового было сделано им для Тувы, для Центральной Азии – его исследованиями?

Д. С.: Начнем с того, что эпоха бронзы в Туве до сих пор неизвестна. Отдельные памятники, которые сейчас есть, я имею в виду Аймырлыг XIII, будто бы чаа-хольская культура, которая на самом деле культурой не является, поскольку это только один памятник; несколько погребений афанасьевского типа; Мугур-Саргол с его личинами; два или три карасукских ножа в музее – все это пришлые элементы разновременных культур, каким-то образом попавшие в Туву. А где собственно тувинские материалы эпохи бронзы?

Н. С.: Только поздняя бронза нам стала немного более понятной, и то как тип памятников, а не эпоха.

Д. С.: Это следует отметить особо. Поздний бронзовый век ассоциировался А. Д. Грачом с определенным видом памятников, которые он впервые нашел и раскопал – именно он – в Монгун-Тайге, откуда и происходит их название – памятники монгун-тайгинского типа. Это определенный вид погребений на горизонте или в очень неглубоких ямах, с крепидой, на платформе, как правило, безынвентарных. Так что и говорить о них как о культуре, на мой взгляд, пока не приходится. То есть это определенный тип памятников, как и представлял их А. Д. Грач, имевших достаточно широкое распространение и вообще характерных для данной эпохи.

Так что пока проблема эпохи бронзы в Туве остается. Она была поставлена А. Д. Грачом и в том же виде сохраняется. Он же ее и терминологически определил. Вот что стоит за термином «памятники монгун-тайгинского типа» – это не его уже дело, к сожалению. Это дело будущего.

Н. С.: Хорошо, будем двигаться по хронологии вверх. Дмитрий Глебович, как бы вы охарактеризовали итоговую книгу А. Д. Грача, которая подвела важную черту под исследованиями памятников эпохи ранних или, по А. Д. Грачу, древних кочевников Тувы? Того, что мы называем скифским временем в Туве? Как я понимаю, в свое время она закрыла проблему. Но как мы на нее смотрим сейчас?

Д. С.: По этому поводу можно говорить много. Он действительно попытался, но не закрыть, а всесторонне осветить эту тему: выделил целый ряд

направлений, сюжетов, специально им разработанных, по модели, в общем-то, скифской археологии. Там есть и социальные отношения, и верования, и культ (культ Великой богини), хозяйство. И конечно, их фактологическая основа – все материалы могильника Саглы-Бажи II, впервые убедительно показавшие принадлежность пазырыкской (в Туве – саглынской) культуры к скифскому времени.

Но главное значение этой работы, на мой взгляд, заключается в том, что он в ней фактически ушел от идеи монокультурности, отказался от ставшей уже аксиоматичной идеи спонтанного развития одной культуры на данной территории в течение длительного времени, где за образец были взяты минусинские древности.

В свое время, в 1960-е гг., шла чрезвычайно острая дискуссия о возможности существования разных культур на одной территории применительно к эпохе бронзы. При этом рушилась старая теплоуховская идея, которая была воспринята М. П. Грязновым как аксиома для тагарской культуры скифского времени и затем перенесена другими исследователями (Л. Р. Кызласовым, С. И. Вайнштейном) на территорию Тувы.

И дело не в том, что А. Д. Грач сказал, что будто бы уюкской культуры нет, казылганской культуры нет, а есть теперь выделенные им на тех же материалах алды-бельская и саглынская культуры, о чем он, конечно, не говорил, но иначе и поступить было нельзя. Форма определяет содержание. За термином стоит его фактическое наполнение. Поэтому нельзя говорить о поликультурности уюкской культуры? Потому что она есть единая, правда? Но раз содержание меняется (а это было доказано с безукоризненной точностью), то меняется и определение культуры, соответственно. Единственное, в чем он был неправ и, я думаю, ушел бы от этого впоследствии, – это обязательное выделение этапности, резкой смены одной культуры другой, в то время как всегда есть какой-то контактный период, параллельное существование элементов различных культур и т. д.

Надо заметить, что то, что А. Д. Грач предложил, – сильно всем усложнило жизнь. Если раньше надо было сказать, откуда вышла одна традиция и чем она закончилась, то теперь нужно понять: откуда вышла и чем закончилась каждая из выделенных культур. То есть сложность исследования для скифского времени по меньшей мере утроилась.

С чем я не согласен и что спорно, конечно, и, опять же, как дань этапности, – это выделение аржанского этапа алды-бельской культуры.

Н. С.: Он явно был искусственно выделен.

Д. С.: Да, искусственно. И проблема, конечно, значительно сложнее: Аржан-1 имеет большее отношение к монгун-тайгинским памятникам, чем к будущей алды-бельской культуре. И Аржан-2 показал, что это разные явления – другая эпоха и все другое. И не надо здесь никаких этапов вводить, потому что пока есть только отдельные яркие памятники.

Н. С.: Интересно, как вы думаете, ради чего он это сделал? Чтобы включить первый Аржан в свою схему?

Д. С.: Я думаю, да. А. Д. Грач просто не знал, куда его вместить. А то, что он сопоставляет планы Аржана-1 и Алды-Беля, – действительно, одна половина свободна, могилы – с другой стороны. Какое-то совпадения, конечно, есть. Ну и потом, просто почетно: царский курган алды-бельской культуры!

Н. С.: Я как раз об этом и хотел спросить: может быть, сыграла свою роль социальная значимость кургана?

Д. С.: Думаю, что сыграла. А. Д. Грач выделил алды-бельскую культуру, М. П. Грязнов раскопал царский курган Аржан. А теперь алды-бельская культура получает свой царский курган. Это все некоторые издержки, но с течением времени они простительны.

Главное, что идея монокультурности вполне закономерно была нарушена, и если бы А. Д. Грач не был специалистом в области античной и скифской археологии, то вряд ли бы это допустил. Потому что здесь для него не было авторитетов, вот что важно. Если бы он шел в кильватере за всеми, то и думал бы как все. А он не мог с кого-то копировать ничего. Он пришел в Туву буквально на чистый лист, но с определенным запасом отсюда (из античной археологии). И так, в общем-то, все и строилось.

Что касается идеи поликультурности, то это – единственно возможный путь, и у нас это абсолютно правильно воспринято. Другое дело, что каждая из названных культур имеет определенное территориальное ограничение. Алды-бельских памятников нет на юге. Памятников уюкского типа – больше на севере. Саглынская культура – это часть монголь-

ского ареала. Дальше будет могильник Улангом – чаньдманьская культура, но, по сути дела, это та же саглынская культура.

И все это представляет поле деятельности современных исследований, начало которым было положено А. Д. Грачом.

Так работает и будет работать петербургская школа сибирской археологии. Как обоснование теоретической модели культурогенеза степной зоны эта парадигма отработана А. Д. Грачом на материалах Тувы. И, собственно говоря, все, кто работает сейчас здесь, так или иначе идут по этому пути.

Н. С.: Являются его наследниками.

Д. С.: Безусловно!

Н. С.: Пожалуй, можно теперь перейти к хронологически следующему периоду – гунно-сарматскому времени.

Д. С.: Спасибо. Но перед этим хотелось бы отметить еще два небольших, но весьма существенных сюжета для скифского времени. Первый – это выделение самых ранних композиции в искусстве раннескифского времени Тувы, названных им «загадочными картинками». До этого господствовала переднеазиатская теория происхождения скифского искусства М. И. Артамонова, согласно которой все композиции звериного стиля были заимствованы из Передней Азии (так называемый «стиль цитат»). Второй – это выделение погребений кочевников среднего слоя скифского времени.

Культура среднего слоя ближе всего к понятию именно археологической культуры, потому что она лишена какой-либо экономической вуали – или бедности, условно говоря, или грандиозности.

Н. С.: Потому что одно мы можем предположить по отсутствию вещей, а другое – по размеру памятников?

Д. С.: Это впервые было сделано Грачом. И это правильный подход: культура основывается на среднем слое в первую очередь.

Н. С.: Как основном носителе ценностей.

Д. С.: Совершенно верно.

Переходя к гунно-сарматскому времени, можно сказать, что здесь ситуация несколько иная. А. Д. Грач с большим интересом относился к этим памятникам, сам копал их в Монгун-Тайге и в Сут-Холе, они были очень невыразительные. Но его интересовала эта эпоха, безусловно важнейшая в культурогенезе. Поэтому А. Д. Грач всячески при-

ветствовал раскопки А. М. Мандельштама, везде пропагандировал Бай-Даг 2, как погребение ноин-улинского типа и все, что с этим было связано.

Когда появились впускные погребения с хуннским инвентарем в Урбюне-III и склепы из раскопок Ю. И. Трифонова, А. Д. Грач выделил улуг-хемскую культуру, в соответствии со своим видением необходимости археологического обоснования данного периода. Раз уже было скифское время, то что-то должно быть после. При этом он сохранил из всех культурных дефиниций предшествующих исследователей название озен-ала-белигского этапа, по С. И. Вайнштейну. Почему? Потому что оно хорошо соответствовало его представлениям о позднескифском времени. Оставил это название, хотя такое трудно читаемое – озен-ала-белигский этап.

Н. С.: Собственно, сейчас почти не упоминаемое.

Д. С.: Почти не упоминаемое, да. Лучше просто – позднескифский этап.

И дальше что-то должно было быть. И это уже новая улуг-хемская культура, скорее угаданная, чем выделенная А. Д. Грачом.

Сейчас, после открытия Ала-Тея и Терезина с великолепными хуннскими бронзами, ясно, что все это не так просто: уже совершенно иное хунно-сяньбийское время, и оно требует самых тщательных дальнейших исследований.

Н. С.: Ну и последнее, пожалуй, давайте уже перейдем к средневековью, да?

Д. С.: Об этом можно рассказывать очень долго. Здесь, конечно, огромный вклад – это обоснование понятия «древнетюркское время». Было известно много памятников одной исторической эпохи – погребений, каменных изваяний, наскальных изображений, – явно окрашенных одной, характерной только для этого времени традицией, но не было объединяющего их понятия. Даже не столько хронологического, сколько культурологического.

Н. С.: То есть до А. Д. Грача такого понятия не существовало?

Д. С.: Не было совсем. Вообще, понятие «древнетюркское время» меняло свой смысл несколько раз. Сначала это была эпоха рунического письма, когда открыли памятники рунической письменности; затем, у С. В. Киселева – эпоха раннесредневековых государств. И только уже во время работы ТКЭАН, когда одновременно исследовались архе-

ологические и этнографические памятники, имеющие много «сквозных» генерирующих линий связи, оно появилось. То есть сначала это чисто лингвистическое понятие, затем историческое и только потом – историко-культурное, причем охватывающее не только период тюркских каганатов, VI–VIII вв., а всю вторую половину I тысячелетия н. э. У А. Д. Грача есть очень хорошая статья 1966 г. «Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени»⁸, где дано исчерпывающее обоснование этого понятия, очень правильное.

Возражая А. Д. Грачу, Л. Р. Кызласов писал, что таким же образом мы должны выделять древнеиранскую эпоху, древнеславянскую эпоху и т. д. Но он просто не понял или не хотел понять: ведь это совершенно другое, именно археологическое измерение. И в конце даже с пафосом восклицал: «Ну, скоро речь пойдет о древнетюркской археологии!» Да, древнетюркская археология есть. И древнетюркское время – это совершенно определенное формационное понятие, позволяющее проследить последовательное развитие культурных традиций в разноэтнической среде, и не только древних тюрков; но вот важное дополнение, которое я хотел бы сделать уже от себя, – под эгидой тюркоязычных правящих династий.

Из них последняя – это кимако-кыпчаки, которые еще фиксируются в 30-е гг. XI в. На этом древнетюркское время закончилось.

Начинаются XI–XII вв. – до сих пор это самое «белое пятно». Или предмонгольское время. Или как угодно. А. Д. Грач его не любил, не знал и не касался даже.

Н. С.: А вот, скажем, кыргызы, столь любимые Г. В. Длужневской, – куда они попадут?

Д. С.: А Галина Вацлавна сделала очень многое, привлекая все ляосские (киданьские) аналогии. Они все попадают на рубеж X–XI вв. То есть в начало того самого «белого пятна». На Среднем Енисее они сохраняются дольше, а в Туве уже исчезают. В Туве уже нет кыргызских памятников XII в. XI век есть еще, остатки.

Н. С.: Это была идея А. Д. Грача – дать ей такую тему или она сама на нее вышла?

⁸ Здесь говорится о статье А. Д. Грача в «Тюркологическом сборнике» 1966 г., посвященном 60-летию А. Н. Кононова (Грач, 1966).

Д. С.: Я боюсь сказать точно, потому что сначала предполагалось, что она будет заниматься тюрками. Но потом оказалось, что за эту тему очень серьезно взялся Ю. И. Трифонов, так как у него на Аргалыкты пошли подряд очень хорошие тюрки. И Галина Вацлавна оказалась как бы не у дел; а в «трубе», где она работала потом, ей в основном попадались кыргызские сожжения, следы отступления кыргызов. Думаю, что по мере появления этих памятников так и получилось. И потом – никто у нас этим не занимался, это было свободно.

Н. С.: Получается, это была та ниша, которую она так успешно заняла и, наверное, наиболее последовательно из всей команды Грача разрабатывала свою тему.

Д. С.: Да, конечно. Кроме того, сам А. Д. Грач раскопал Эйлиг-Хем III – роскошный памятник, которым он очень гордился: великолепный набор княжеской амуниции, надпись-эпитафия, сабля Багыра и так далее. Но А. Д. Грач специально кыргызами уже не занимался, а было ему очень интересно и важно, чтобы кто-то занялся. Думаю, что и это могло сыграть свою роль.

Н. С.: У меня, пожалуй, возникло еще несколько вопросов. Получается, что, занимаясь Тувой, А. Д. Грач последовательно закрыл, видимо для себя, конечно, несколько таких направлений или тем. Это тюркские изваяния, по которым у него вышла в 1961 г. известная книга. Перед этим были еще две объемные статьи по петроглифам Тувы, как бы подытоживающие все, что им к этому моменту было сделано. А потом и от петроглифов, и от тюркских изваяний он ушел, опять же, сознательно? Это произошло потому, что он счел, что на тот момент уже ничего нового не сделать, и занялся другими вещами? Или это были части какой-то одной идеи?

Д. С.: Нет, одной – вряд ли... Он ушел, потому что считал, что то, чем он был обеспечен с точки зрения своих источников, он сделал. С изваяниями – это 56 статуй, им открытых и опубликованных, – самая большая серия; по его следам уже пошли и другие: древнетюркские изваяния Семиречья, опубликованные Я. А. Шером; Горного Алтая, собранные В. Д. Кубаревым, и другие.

С петроглифами то же самое. Он первым предложил (опять же, первым) и считал достаточным, что лучший способ копирования – это фотография. Почему? Потому что у него не было времени за-

ниматься этими кальками. Но главный образ древнетюркского пантеона – знаменитого козла – он все же из петроглифов «вытащил» и сделал его символом созданной им экспедиции, во главе которой находился до 1973 г.

Н. С.: Ну, очевидно, мы уже подошли к логическому концу беседы. Поскольку мы начали с ваших воспоминаний об А. Д. Граче, было бы замечательно и закончить в такой же плоскости. Чтобы вам хотелось добавить, исходя из всего сказанного?

Д. С.: Пожалуй, ничего, кроме того, что благодаря проискам администрации института, и в первую очередь А. М. Мандельштама⁹, претендовавшего на выделение самостоятельной экспедиции в рамках СТЭАН, и заведующего ЛОИА В. П. Шилова, на очередном Ученом совете А. Д. Грач не прошел по конкурсу на замещение научной должности, т. е., попросту говоря, был уволен из института. Я не был на этом совете, но рассказывали, что это был такой тридцать седьмой год: ощущение черного потолка, который тяжело опускается на голову; в Дубовом зале у нас это все происходило.

Н. С.: Там, по списку присутствующих членов совета, было всего 16 человек, из которых шесть проголосовали за продление, а десять – против. На заседании не было М. П. Грязнова и еще нескольких человек, которые могли бы изменить результаты голосования.

Д. С.: Да, и так бывает... Очень большую поддержку тогда оказали В. М. Боряз (заведующий кафедрой философии АН СССР, где А. Д. Грач составлял и готовил к печати «Указатель советской литературы по методологическим проблемам археологии за 1918–1973 гг.»¹⁰) и коллеги из ТНИИЯЛИ (директор Ю. Л. Аранчин), куда А. Д. Грач был зачислен в качестве старшего научного сотрудника (та самая должность, которой он лишился в ЛОИА), благодаря чему имел возможность продолжать исследования памятников скифского времени на новостройках Тувы. Все полученные

⁹ В эти годы А. М. Мандельштам занимал должность председателя месткома ЛОИА АН СССР и, по должности, входил в так называемый треугольник – административную группу, состоявшую из руководителя учреждения и глав партийной организации и местного комитета профсоюзной организации, ведавшую в том числе составлением официальных характеристик сотрудников в период их переаттестации.

¹⁰ Указатель был сдан в печать в 1978 г., но так и не вышел (Древние культуры, 1998. С. 16).

им материалы также вошли в книгу 1980 г., которую он предполагал представить в качестве докторской диссертации. Уже прошли все обсуждения, но не успел...

Н. С.: Итак, многое сделано, несмотря на то что в институте он проработал всего лишь десять лет, с 1963 по 1973 год!

Д. С.: Да. А на все это – двадцать лет. С момента первого появления в Туве и до последнего дня. Причем из них половина – вне института. Конечно,

сделано очень многое. И главное – определены направления всех современных, да и будущих исследований. То, что происходит у нас, – подтверждение и развитие тех же идей. Это хорошо, но только Александра Даниловича очень не хватает. Если бы он был, все могло происходить в том же русле, но гораздо лучше, полнее и в чем-то иначе.

Н. С.: Спасибо, Дмитрий Глебович! На этой высокой ноте мы и завершаем наш интересный разговор.

Грач, 1966 – Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию Андрея Николаевича Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М.: ГРВЛ, 1966. С. 188–193.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Древние культуры, 1998 – Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. 304 с.

Протокол № 13 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР от 16 марта 1973 г. // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 39–47.

Савинов, 1998 – Савинов Д. Г. Между двумя экспедициями // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 68–77.

Archaeology of Tuva in works by Aleksandr Danilovich Grach (Interview of December 20, 2019)

D. G. Savinov

Interview with D. G. Savinov was organized by N. Yu. Smirnov. The form of a recorded verbal conversation with subsequent transcription and a more exact description of certain moments was proposed by D. G. Savinov as a most appropriate one, in his opinion, to the goals of presentation of A. D. Grach's personality as a prominent scholar, a senior colleague and a friend. The form of a reminiscence dialogue infrequent in national jubilee collections and memoir articles seemed to both interlocutors the most proper and right for translation of the facts, impressions and evaluations from one generation, that was personally

acquainted with A. D. Grach and worked side by side and together with him, to another generation formed (in the sphere of the archaeology of Tuva) already only by his books and articles. The topics and subjects touched upon in the conversation of D. G. Savinov and N. Yu. Smirnov deal with different aspects of the personality of A. D. Grach and his maturing as a scholar and the most prominent researcher of Tuva antiquities in the 20th century who has laid down the foundations of the modern 'picture of the world' for his followers – archaeologists of the Saint Petersburg scientific school studying now this amazing region.

Вспоминая А. Д. Грача

М. А. Дэвлет¹

Аннотация. В кратких воспоминаниях М. А. Дэвлет, описывающих знакомство с А. Д. Грачом в период ее научной юности и первые совместные работы, ярко отражены личные и профессиональные качества А. Д. Грача как ученого и руководителя крупнейшей археологической экспедиции в СССР.

Annotation. In these brief memoirs, M. A. Devlet tells about her acquaintance with A. D. Grach in the period of her early studies and their first joint works; the personal and professional features of A. D. Grach as a scholar and the director of the largest archaeological expedition in the USSR are vividly represented.

Ключевые слова: воспоминания, А. Д. Грач, И. У. Самбу, Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук СССР, Тува, Тыва дептер, К. С. Шойгу, С. К. Шойгу.

Keywords: reminiscences, A. D. Grach, I. U. Sambu, Sayan-Tuva expedition of AS USSR, Tuva, Tyva Depter, K. S. Shoygu, S. K. Shoygu.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-32-33

Одним из наиболее впечатляющих и ярких явлений в моей профессиональной жизни был Александр Данилович Грач, наряду с А. П. Окладниковым, М. П. Грязновым и Н. Я. Мерпертом.

Познакомил меня с Грачом А. П. Окладников на конференции в Иркутске. Прежде я слушала доклады Александра Даниловича на отчетных сессиях, но не была лично знакома с ним.

Позднее, во время аспирантской командировки в Абакан, я случайно повстречала Грача у почты. Мы разговорились, и он пригласил меня тем вечером на базу в избушку, где остановились сотрудники его отряда, направлявшиеся в Туву после полевого сезона в Хакасии. На вечерних посиделках Грач предложил мне отправиться на следующий день на экспедиционной машине вместе с его спутниками в Туву, откуда он вывез еще весной школьников для работы в составе Красноярской экспедиции. Я с радостью согласилась.

Как и все окружающие сотрудники, я сразу же подпала под влияние его ауры и магнетической харизмы. Завораживали широта его эрудиции, целеустремленность, личное мужество. Тщательный и опытный полевой исследователь, талантливый организатор, он был бесконечно предан археологии – делу всей своей жизни. Молодежь стремилась

брать с него пример. Действительно, он был лучшим из лучших.

На следующий день мы отправились в Туву, где я «задержалась» на многие годы. В это время я, по совету Б. А. Рыбакова, занималась наскальными изображениями, а именно Большой Боярской писаницей в Хакасии. А. Д. Грач, можно сказать, был к тому времени основоположником изучения петроглифов в Туве. Он постоянно консультировал меня по вопросам петроглифоведения. Его труды были для меня образцом, я стала его последовательницей и ученицей.

На следующий год Александр Данилович направил меня на раскопки курганного могильника Куйлуг-Хем на правом берегу р. Улуг-Хем. Ближайшим к нашему Первому отряду был Четвертый отряд, которым руководил И. У. Самбу. Там трудились в качестве землекопов тувинские школьники. Среди них был Сергей, сын известного знатока тувинской истории Кужугета Сереевича Шойгу.

Вот как министр обороны нашей страны вспоминает об этом периоде своей жизни: «В конце 1960-х годов с одиннадцатилетнего возраста мне посчастливилось четыре года подряд участвовать в летних полевых работах Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) – знаменитой СТЭАН. <...> Возглавлял экспедицию

¹ 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Институт археологии РАН, Отдел бронзового века.
Адрес электронной почты: ia-ran@yandex.ru.

(до 1973 г.) один из видных исследователей археологии Центральной Азии, человек с ярко выраженной индивидуальностью и уникальными знаниями, ученый с большой буквы – Александр Данилович Грач. Это был в хорошем смысле слова авантюрист и мечтатель. Именно ему принадлежала идея привлечения к раскопкам в Туве ленинградских студентов и школьников, а также учеников местных, тувинских, школ. Блестящий организатор, он успешно руководил раскопками и всем нашим большим хозяйством, постоянно ездил от отряда к отряду на сотни километров по всей зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС» (*Шойгу*, 2007. С. 11–12).

С. К. Шойгу характеризует А. Д. Грача как человека неординарного, яркого, невероятно преданного

своему делу и Туве. «Именно он, – писал Шойгу, – ученый из далекого Ленинграда, не только преподавал нам первые уроки археологии, полевой жизни, но и, самое главное, возбудил в нас интерес к прошлому нашего народа, часто скрытому от нас глубинными слоями земли» (Там же. С. 10).

Десять лет назад, в связи с юбилеем А. Д. Грача, Сергей Кужугетович опубликовал замечательный семитомник «Тыва дептер» – «Тувинская тетрадь», содержащий исторические свидетельства о Туве, со словами: «Моей малой Родине и ее людям, а также учителю и другу тувинских мальчишек и девчонок, работавших в отрядах Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, Александру Даниловичу Грачу в честь его 80-летия посвящается».

Шойгу, 2007 – Шойгу С. К. Предисловие // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.) / Редкол. К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. В 7 т. М.: Слово, 2007. Т. 1. С. 10–20.

Remembering A. D. Grach

M. A. Devlet

In these brief memoirs, M. A. Devlet tells about her acquaintance with A. D. Grach in the period of her early studies and their first joint works; the personal and professional features of A. D. Grach as a scholar and the director of the largest archaeological expedition

in the USSR are vividly represented, as well as his considerable contribution to the cause of studying of the early history of Tuva and to the cultural training and enlightenment of Tuva young people who participated in the works of the expedition.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Д. ГРАЧЕ

Б. Б. Овчинникова¹

Аннотация. Воспоминания Б. Б. Овчинниковой отсылают читателя в эпоху начала крупномасштабных спасательных археологических исследований в зоне создания водохранилища будущей Саяно-Шушенской ГЭС на территории Верхнего Енисея, проводившихся Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук СССР под руководством А. Д. Грача.

Annotation. B. B. Ovchinnikova's reminiscences return the reader back to the beginning of the large-scale rescue archaeological investigations in the zone of the construction of the water storage basin of the future Sayan-Shushinskoye hydropower plant on the Upper Yenisei. These investigations were conducted by the Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences of USSR headed by A. D. Grach.

Ключевые слова: воспоминания, А. Д. Грач, Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук СССР, Тува, Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

Keywords: reminiscences, A. D. Grach, Sayan Tuva Expedition of the Academy of Sciences of USSR, Tuva, A. M. Gorky Ural State University.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-34-35

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

В. А. Жуковский

1964 год. Апрель. Москва. МГУ. Проходит X Всесоюзная студенческая археологическая конференция. Именно тогда я, студентка 3-го курса исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького в Свердловске (УрГУ)², впервые услышала восторженные отзывы студентов-ленинградцев об их научном руководителе – Александре Даниловиче Граче и о Саяно-Тувинской археологической экспедиции. Впоследствии они стали моими замечательными друзьями – Митя Савинов и Юра Трифионов.

Прошло время... 1966 год. Также Москва, весна, проходит Пленум по итогам полевых археологических исследований всесоюзного масштаба. На этом Пленуме и состоялось мое личное знакомство с А. Д. Грачом – руководителем самой крупномас-

штабной в СССР в шестидесятые годы XX века Саяно-Тувинской археологической экспедиции [Ленинградского отделения Института археологии] АН СССР (СТЭАН). Он был председателем секции, на которой я выступила с докладом о погребениях, совершенных по обряду совместного захоронения человека и коня, обнаруженных в Западной Сибири. В сообщении прозвучало предположение, что в погребальном ритуале племен, оставивших эти захоронения, прослеживаются тюркские (южносибирские) элементы. Как оказалось, это замечание не осталось без внимания А. Д. Грача, и мне от него поступило предложение поработать на памятниках древних тюрков в Туве в составе СТЭАН. Именно это предложение впоследствии сыграло решающую роль в моей профессиональной судьбе и на многие годы связало с Саяно-Тувинской экспедицией.

В июле того же года приехав в Туву, я не смогла добраться до отряда А. Д. Грача: помешал разлив Енисея. И все же я приняла участие в раскопках, но только в отряде А. М. Мандельштама, с которым продолжала работать все последующие полевые сезоны, позднее уже в роли руководителя уральского студенческого отряда из УрГУ.

¹ 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Исторический факультет», кафедра истории России.

Адрес электронной почты: bovchinnikova@mail.ru.

² С 2011 г. это Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге.

Нужно отметить, что все пять отрядов СТЭАН в 1960-е гг. под общим руководством А. Д. Грача составляли своего рода монолит. Александр Данилович задал импульс и четко обозначил направления деятельности всей экспедиции. На общих встречах отрядов во время мероприятий, проводившихся в экспедиции, обсуждались те открытия, которые впоследствии, порой, становились сенсационными. Именно тогда, в 1966 году, судьба свела меня с преданной ученицей А. Д. Грача – Галкой – Галиной Вацловной Длужневской. Впоследствии мы стали близкими подругами. Пройдя с А. Д. Грачом не один полевой сезон, всегда с такой любовью и гордостью отзывалась она о своем научном руководителе!

Несмотря на мои короткие встречи с А. Д. Грачом, я могла убедиться в его умении общаться с людьми разных возрастов, национальностей и профессий. Мне кажется, он любил Голубую Туву так, как никто другой. Мог с воодушевлением и неподдельным восторгом рассказывать и показывать открытые экспедицией памятники, заражая своего собеседника интересом к ним. Темперамент А. Д. Грача не позволял ему замыкаться лишь в научных рамках. Популяризация науки была для него не только частью деятельности ученого, но и своеобразным призванием, для которого необходимо было обладать особым талантом. Работа экспедиции проходила на территориях местных кочевий, где большая часть детей обучалась в школах-интернатах в отрыве от семей, и А. Д. Грач стал активно привлекать к участию в полевых работах этих ребят, делаясь с ними своими

знаниями, пробуждая любовь к родному краю, заражая жаждой его познания, порой занимаясь их трудоустройством после работы в экспедиции.

Я хорошо помню его приезд в Свердловск для участия в создании фильма о Саяно-Тувинской экспедиции. А. Д. Грач был полностью погружен в процесс: отбирал материал, помогал его монтировать, сам озвучивал. Фильм, несмотря на черно-белую съемку, получился замечательный, он и сегодня великолепно отражает эпоху того времени, специфику экспедиции.

Стиль работы и организаторские способности Александра Даниловича Грача позволили создать коллектив, объединенный общей целью исследования памятников, располагающихся на обширной территории, как в самой зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, так и на прилегающих территориях Саяно-Алтая. Хронологический диапазон исследуемых объектов – от древнейших времен до этнографической современности – позволял создать хорошую историческую перспективу смены культур в регионе.

Сегодня можно сказать, что возглавить этот сложный процесс могла только такая личность, авторитет которой и научная значимость были высоки как среди коллег-профессионалов, так и среди местной администрации. Александр Данилович также пользовался большим уважением местной элиты и населения.

Талантливый организатор, реалист и романтик, человек, бесконечно преданный своему делу, – именно таким остался в моей памяти Александр Данилович Грач.

Reminiscences about A. D. Grach

B. B. Ovchinnikova

B. B. Ovchinnikova's reminiscences return the reader back to the beginning of the large-scale rescue archaeological investigations in the zone of the construction of the water storage basin of the future Sayan-Shushinskoye hydropower plant on the Upper Yenisei. These investigations were conducted by the

Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences of USSR headed by A. D. Grach. The author brings back the memory of the students' field romanticism and vividly characterizes A. D. Grach as a prominent scholar, talented organizer and inborn enlightener.

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ ГРАЧ

Е. В. Власова¹

Аннотация. Автор воспоминаний, близкий друг семьи А. Д. Грача и Н. Л. Грач, рассказывает о первых шагах А. Д. Грача на избранном научном поприще, отмечая его особую роль — первооткрывателя городской археологии Петербурга. Наряду с этим Е. В. Власова ярко характеризует повседневную жизнь Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. Отмечая многогранность талантов А. Д. Грача, автор призывает установить мемориальную доску на доме, в котором в Петербурге жил А. Д. Грач.

Annotation. The author of these reminiscences, a close friend of the family of A. D. Grach and N. L. Grach, tells about the first steps of A. D. Grach at the scientific walk of life chosen by him. She notes his special role as the founder of the urban archaeology of Saint Petersburg. Besides, E. V. Vlasova vividly characterizes the everyday life of the Sayan-Tuva expedition of the AS USSR. Noting the diversity of A. D. Grach's talents, the author proposes to make a noble gesture — install a memorial plate on the house where A. D. Grach lived in Saint Petersburg.

Ключевые слова: археология Петербурга, Боспорская экспедиция, воспоминания, В. Ф. Гайдукевич, А. Д. Грач, Н. Л. Грач, Кунсткамера, могила С. П. Крашенинникова, Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР.

Keywords: archaeology of Saint Petersburg, Bosporan expedition, reminiscences, V. F. Gaydukevich, A. D. Grach, N. L. Grach, Kunstkammer, grave of S. P. Krasheninnikov, Sayan-Tuva expedition of AS USSR.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-36-37

Александр Данилович Грач (1928–1981) – великий ученый, основоположник археологических исследований Санкт-Петербурга и один из самых видных археологов – исследователей Центральной Азии. В студенческие годы А. Д. Грач работал в Керчи в составе Боспорской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича. Позже, в 1973–1974 гг., вместе со своей супругой Нонной Леонидовной Грач он проводил раскопки некрополя боспорского города Нимфея, находки из которого поступили в Эрмитаж.

Именно ему, человеку высокой, истинно петербургской культуры, довелось стать инициатором и руководителем первых раскопок на территории Санкт-Петербурга, организованных с научными целями и положивших начало дальнейшему археологическому исследованию города. В 1952 г. по поручению Института этнографии АН СССР (ИЭ АН СССР) он провел археологические раскопки в Таможенном переулке, на территории, прилегающей к зданию Кунсткамеры, где располагался ИЭ АН СССР (в настоящее время – Музей

антропологии и этнографии РАН). Результаты работ были опубликованы в отдельной книге (Грач, 1957). В 1963 г. на месте бывшего кладбища у Благовещенской церкви на Васильевском острове А. Д. Грач открыл захоронение выдающегося ученого-путешественника, первооткрывателя Камчатки С. П. Крашенинникова. Его работы в 1968–1969 и 1977–1979 гг. на Комендантском кладбище в Петропавловской крепости позволили атрибутировать захоронения комендантов М. О. Чемезова, Я. Х. Бахмиотова, Н. И. Зиновьева, а также найти и восстановить считавшуюся утраченной могилу одного из знаменитых соратников Петра I – коменданта, генерал-лейтенанта Р. В. Брюса (1668–1720), череп которого был передан в мастерскую М. М. Герасимова для антропологической реконструкции и изготовления скульптурного портрета.

Также А. Д. Грач исследовал погост в пос. Суйда в Гатчинском районе, где находились останки А. П. Ганнибала – сподвижника Петра I, прадеда Александра Сергеевича Пушкина.

Человек яркого дарования и огромной творческой энергии, он вложил все свои силы и в изучение горячо любимой им Тувы, которая стала его второй родиной. Исследование древней и средневековой культуры Тувы – от первых конных маршрутов

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира. Адрес электронной почты: el_vlasova2003@mail.ru.

и археологических наблюдений до руководства крупнейшей в стране Саяно-Тувинской экспедицией и обобщающих трудов по культурогенезу кочевников Центральной Азии – таков короткий, чрезвычайно насыщенный и непростой творческий путь А. Д. Грача.

Саяно-Тувинская экспедиция (1965–1984 гг.), организатором которой и начальником до 1973 г. он был, проводила работы в зоне затопления – в ложе будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве. Это была самая крупная новостроечная экспедиция в стране. Александр Данилович разработал уникальную в то время концепцию исследования территории будущего водохранилища с тщательным изучением памятников всех исторических эпох.

К археологическим раскопкам были привлечены местные жители – и взрослые, и дети, которые вдохновенно работали, изучая историю своего края. Человек, обладавший ярко выраженной харизмой, одинаково свободно и уважительно общавшийся с министрами, чабанами, детьми, он был и до сих пор остается для тувинского народа самым любимым археологом. Участвовавшие в раскопках дети называли его по-тувински – «башкы» (отец, учи-

тель). В отрядах его экспедиции в детстве и юности трудились люди, которых сейчас все хорошо знают: Сергей Кужугетович Шойгу, Наталья Леонидовна Дементьева, Андрей Львович Ургант.

Результаты работ в Центральной Азии отражены в обобщающих трудах самого А. Д. Грача (*Грач*, 1961; 1980), а также в статьях его сподвижников и учеников. Обнаруженные им изделия древних кочевников Тувы украсили коллекции и экспозиции Эрмитажа и Национального музея им. Алдан-Маадыр в Республике Тыва.

Ученый читал курс лекций по археологии Центральной Азии в Ленинградском государственном университете. Его ученики в археологическом кружке Дворца пионеров Ленинграда готовили новое поколение археологов, которое проходило практику на раскопках в Туве; некоторые из них до сих пор продолжают там работать.

Александр Данилович Грач жил в доме № 14 по набережной Крюкова канала (сначала – в квартире № 36, затем – в квартире № 8). Данью памяти и признательности этому человеку стала бы установка на стене этого дома мемориальной доски: «В этом доме жил археолог Александр Данилович Грач (1928–1981)».

Грач, 1957 – *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. / Реконструкции худож. Г. А. Песиса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 30 с.

Грач, 1961 – *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. 95 с.

Грач, 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Aleksandr Danilovich Grach

E. V. Vlasova

The author of these reminiscences, a close friend of the family of A. D. Grach and N. L. Grach, tells about the first steps of A. D. Grach at the scientific walk of life chosen by him. She notes his special role as the founder of the urban archaeology of Saint Petersburg. Besides, E. V. Vlasova vividly characterizes the everyday life of the Sayan-Tuva expedition of the AS USSR – the favour-

ite brainchild of A. D. Grach, and the particular regard for him from the side of the youngest members of the expedition – native Tuva schoolchildren. Noting the diversity of A. D. Grach's talents and remembering him with a special warmth, the author proposes to make a noble gesture – install a memorial plate on the house where A. D. Grach lived in Saint Petersburg.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ГРАЧОВА¹

А. В. Виноградов², О. В. Лозовская³

Аннотация. Влияние личности Александра Даниловича Грача на окружающих трудно переоценить. Его воздействие ощутили на себе и воспитанники Ленинградского Дворца пионеров, которые в составе Сибирской археологической экспедиции под руководством А. В. Виноградова работали в конце 1970-х гг. в Туве бок о бок с прославленным ученым. Помимо описания совместной исследовательской работы в поле, в воспоминаниях представлены разнообразные бытовые зарисовки, раскрывающие многообразие личности А. Д. Грача, его уважительный подход к местной культуре и каждому человеку в отдельности и огромный авторитет, которым он заслуженно пользовался в Туве.

Annotation. The influence of the personality of Aleksandr Danilovich Grach on the people around him is difficult to overestimate. Also pupils of the Leningrad Young Pioneers' Palace had felt his impact on themselves when they worked side-to-side with that renowned scholar in the late 1970s in Tuva as participants of the Siberian Archaeological Expedition directed by A. V. Vinogradov. Besides a description of the joint scientific work in the field, the present reminiscences include various everyday-life sketches covering the diversity of A. D. Grach's personality, his respectful concern for the local culture and for every particular individual, as well as the enormous authority which he deservedly enjoyed in Tuva.

Ключевые слова: А. Д. Грач, Тува, экспедиция Дворца пионеров, скифская археология.

Keywords: A. D. Grach, Tuva, expedition of the Pioneer's Palace, Scythian archaeology.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-38-47

С Александром Даниловичем Грачом я познакомился поздно – лишь в финале своей учебы в университете. Я был уже на пятом курсе, когда его наконец пригласили прочитать спецкурс по археологии Центральной Азии.

Мне вообще с самого начала везло с учителями. В их числе были Михаил Илларионович Артамонов, Татьяна Дмитриевна Белановская, Павел Иосифович Борисковский, Рудольф Фердинандович Итс, Лев Самуилович Клейн, Глеб Сергеевич Лебедев, Вадим Михайлович Массон, Борис Борисович Пиотровский, Абрам Давидович Столяр, Яков Абрамович Шер. Но даже на фоне этой блестящей плеяды ученых Александр Данилович выделялся своей суперинтеллигентностью. Всегда с иголки оде-тый, спокойный и уравновешенный, чуткий и вни-

мательный к студентам, он также покорял своей широчайшей эрудицией и умением донести до слушателей необходимую информацию во всей полноте. И информация эта не утомляла, поскольку Грач умело перемежал ее забавными рассказами из практики полевых исследований и традиционной культуры местного населения.

Зачет сдавали в квартире Александра Даниловича, что в те годы не было чем-то сверхъестественным, мы и М. И. Артамонову у него дома сдавали. Сдача зачета плавно перетекла в дружескую беседу, во время которой я предложил воспользоваться силами моего разведочного отряда из Ленинградского Дворца пионеров для решения актуальных проблем полевой археологии в Туве, поскольку сам Александр Данилович в то время не имел возможности проводить полевые исследования (А. Д. Грач тогда вообще нигде не работал, собирался устраиваться таксистом; лишь спустя какое-то время он был принят старшим научным сотрудником в Тувинский институт языка, литературы и истории, продолжая жить в Ленинграде).

Была поставлена задача – обследовать долины притоков р. Хемчик с целью обнаружения памят-

¹ Основная часть статьи написана А. В. Виноградовым, послесловие – О. В. Лозовской (Мячиной).

² 199004, Россия, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 33, кв. 3. Независимый исследователь. Адрес электронной почты: ziaba@mail.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория. Адрес электронной почты: olozamosjtje@gmail.com.

ников алды-бельской культуры раннескифского времени, близких по времени к раскопанному недавно М. П. Грязновым кургану Аржан. Александр Данилович и во Дворец приходил несколько раз,

сам рассказывал ребятам про Туву, про специфику археологических памятников различных эпох (рис. 1; 2). Вместе с ним мы смотрели и замечательный фильм о работах руководимой им экспедиции



Рис. 1. А. Д. Грач и А. В. Виноградов рассматривают находки в Ленинградском Дворце пионеров. 1978 г. Фото А. В. Виноградова

Fig. 1. A. D. Grach and A. V. Vinogradov examining the finds in the Leningrad Pioneer's Palace. 1978. Photo by A. V. Vinogradov.



Рис. 2. А. Д. Грач и А. В. Виноградов на лекции в Ленинградском Дворце пионеров. 1978 г. Фото А. В. Виноградова

Fig. 2. A. D. Grach and A. V. Vinogradov at a lecture in the Leningrad Pioneer's Palace. 1978. Photo by A. V. Vinogradov.

в Туве. И, конечно, много говорили о планах на лето. У дворцовских ребят горели глаза: «Когда же, наконец, и мы в Туву поедим?»

А в уютной кухне Грача мы просидели не один вечер, беседуя сначала об археологии Центральной Азии, потом об археологах – исследователях Центральной Азии и, наконец, о приключениях, с которыми археологи там сталкивались (см. *Васильев и др.*, 2002. С. 84, 95–97; и др.).

Забегая вперед, скажу, что, когда мы приехали в Минусинск, я на улице случайно встретил «светило» сибирской археологии – Г. А. Максименкова. Он очень обрадовался, узнав, что я приехал в Сибирь с отрядом школьников (видимо, у него были проблемы с кадрами), и стал активно зазывать нас к себе в экспедицию. «Спасибо, – говорю, – у нас свои планы». – «Кто же вам это посоветовал?» – «Грач». – «Что-о-о? Работать с Грачом сейчас, когда он – никто, когда он уволен, – это безумие!» – «Вот именно поэтому мы с ним и работаем...»

Вся зима 1974/75 г. прошла в бурной подготовке к летним полевым работам в Туве. Сколько долгих вечеров было проведено за круглым столом в уютной кухне А. Д. Грача! Сколько было просмотрено фотографий различных типов курганов, сколько топографических карт! Сколько забавных и поучительных случаев из своей полевой практики поведал Александр Данилович! Особо сильное впечатление на меня произвел рассказ о том, как проходили самые первые разведки в Туве в 1953–1955 гг.

Обстановка в Туве в те годы была непростой. Прошло немногим более тридцати лет со времени провозглашения Тувинской Народной Республики (14 августа 1921 г.) и менее десяти лет со времени принятия Малым хуралом ТНР Декларации к Верховному Совету СССР с просьбой о принятии республики в состав Союза ССР (17 августа 1944 г.), поэтому были еще люди в Туве, настроенные враждебно к советской власти. Это могли быть и экспроприированные состоятельные скотоводы, и ламы, весьма почитавшиеся простыми людьми, но лишенные гражданских прав за «противоправительственные» действия. Часть из них вела открытую борьбу с советской властью, которая иногда выражалась в вооруженных нападениях на партийных и советских работников, а также представителей правоохранительных органов.

Когда Грач был в разведке в Монгун-Тайге, он слышал про одного такого борца с советской властью, который умудрился застрелить нескольких начальников районной милиции, а при очередном нападении был арестован и посажен в тюрьму. Однако в первую же ночь он бежал, прихватив с собой встреченного там знакомого и оружие охраны...

Александр Данилович был удивительным человеком. Его обаяние не могло никого оставить равнодушным. Накануне вечером он встречался с каким-то даргой (т. е. начальником (*тув.*) – то ли директором совхоза, то ли председателем сельсовета, и, конечно, как всегда, беседовали они до глубокой ночи и расстались наутро лучшими друзьями. Грач с сопровождавшим его тувинцем на лошадях отправились в горы искать перевал к очередной долине, где предполагалось обнаружить новые памятники... Где-то во второй половине дня догоняет их на взмыленной лошади знакомый дарга и сообщает, что где-то именно в этих горах прячется тот самый сбежавший преступник и что им нужно срочно куда-то уходить, чтобы избежать опасной встречи. Что делать? Работа – превыше всего, и они пытаются уйти как можно дальше вперед, чтобы оторваться и побыстрее достичь искомой долины, но в сумерках теряют тропу и вынуждены ночевать прямо в горах у костра... Утром, выйдя вновь на ту же тропу, они видят на ней свежие следы двух лошадей. Их обогнали. Но встреча волею судьбы все-таки не произошла... А преступника, как утверждает легенда, позже все-таки удалось задержать с помощью присланного из Москвы специалиста... (Там же. С. 96).

Но это еще не самая романтическая легенда. Согласно другой, Александр Данилович ехал на коне совсем один по неширокой долине. Вдруг со скал послышался звук выстрела, и шляпа, пробитая пулей, слетела с его головы. Что делать? Стоять и выяснять, кто стрелял, пока тот успеет перезарядить свой карабин и повторить? Грач знал, что в Туве охотник попадает белке в левый глаз с первой попытки. Так зачем же ждать второй? Александр Данилович прищипривает коня и мчится до первой встречной юрты. Доскакав, спешивается и заходит. В юрте он в безопасности. Он – гость. Хоть и знал он по-тувински мало слов, но кое-как смог объяс-

нить, кто он, откуда, чем здесь занимается. Хозяева юрты – пожилые муж и жена – внимательно слушали слова совсем еще молодого человека, может быть, даже еще более молодого, чем их собственные дети, которые выросли и уехали работать в районный центр. Между тем молодой симпатичный русский явно пытался наладить знакомство: «Меня зовут, – говорил он по-тувински, – Грач, Саша Грач... А вас?»

Выяснилось, что хозяина зовут Нордат Хертек, а его жену – Опей... Они угощали Грача отварной бараниной, сметаной, которая была гуще масла, зеленым чаем с молоком... У Александра Даниловича тоже кое-что было. Короче, знакомство состоялось, – к обоюдному удовольствию, очень приятное. Хозяев, по-видимому, порадовало то, что гость из далекого Ленинграда так хорошо знал все обычаи и традиции тувинцев, их хозяйственные заботы и, хоть не без запинок, говорил с ними на их родном языке, помогая себе мимикой и жестами.

Другой постарался бы забыть то происшествие в долине, как кошмарный сон, но не Грач. Спустя год он снова приехал в Ортаа-Шегетей, обнялся со стариком Нордатом, преподнес ему и Опей подарки из Ленинграда, и снова дружеская беседа затянулась чуть не до утра, а потом еще...

Легенда не сохранила точной хронологии событий, но дело кончилось тем, что старики тувинцы, искренне любившие Грача, твердо решили его усыновить. «Сынок, – говорила Опей, – твой отец давно умер, а мать твоя живет за три тысячи километров от тех мест, где ты проводишь по полгода. Считай нас своими родителями. Знай, что наша юрта – твоя юрта, что всегда мы поможем тебе, чем только сможем. И в доказательство этого мы вызовем из района нашего родного сына, вы надрежете ваши руки и обменяетесь вашей кровью. Таким образом ты станешь нашим кровным сыном...»

Так и было сделано. На праздник рождения нового сына Нордата и Опей съехалось множество гостей. Новому сыну было торжественно дано имя Адыг, что в переводе означает Медведь. Кроме того, он, как наследник, получил коня, корову и пару-тройку овец...

Спустя много лет Александр Данилович получал от своей тувинской мамы трогательные письма с просьбой приехать, помочь пасти его, Адыга, несколько лошадей и коров, а также целую отару овец.

«Мы уже совсем старые, – писала Опей, – нам стало трудно справляться со всем этим хозяйством...»

Рассказывая все это, Грач так увлеклся, жестикулировал, глаза горели – как будто он ощущал себя в раскаленной солнцем центральноазиатской степи или на катере в стремительных потоках Енисея... Проходя мимо кухни в свою комнату, его пожилая мама, Лидия Михайловна, как бы невзначай бросала: «Шура, ты не на катере!»

Много было самых разных разговоров: и о том, как надо общаться с даргаларами (руководителями *(тув.)*), как заходить в юрту к чабану, как принимать угощение и как угощать самому, как и за что можно произносить слова благодарности. Много было обсуждений вопросов методики полевых археологических исследований, включая воспоминания Александра Даниловича о первых в истории сибирской археологии его опытах использования землеройных машин в начале 1960-х гг. и о первых смелых экспериментах в области использования аэрометодов.

Запомнились рассказы о роли случая в археологии. Приехал однажды Грачиный отряд к месту работ довольно поздно вечером. В сумерках поставили палатки, поужинали и улеглись спать. Александру Даниловичу не спалось. Захотелось покурить. Он свесился со своей раскладушки и стал шарить по «полу», ища спички (а палатка – замечу – была без дна). Вдруг вместо спичек – какой-то камень с острыми краями... еще один... Вот наконец и спички. Вспыхивает свеча, и Александр Данилович видит в своих ладонях два грубых каменных орудия!.. Так была открыта первая в Туве палеолитическая стоянка...

«Самое главное, – говорил Грач, – постараться найти курганы алды-бельской культуры. Они там, на притоках Хемчика, обязательно должны быть. Как увидите "8 Марта"⁴ – можете плясать, мы тогда на следующий год отличные раскопки организуем... А насчет открытого листа не беспокойтесь – выдадут вам открытый лист, я это гарантирую». Для волнений были основания: на первую нашу заявку

⁴ Курганы алды-бельской культуры в плане часто напоминают цифру «8» из-за нескольких (нередко) сдвоенных насыпей, примыкающих тесно друг к другу или перекрывающих одна другую краем.

о выдаче Открытого листа Полевой комитет прислал издательский отказ: «Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР сообщает Вам, что на туристские походы пионеров открытые листы не выдаются...»

Полевые работы Сибирской археологической экспедиции Ленинградского Дворца пионеров по плану, разработанному совместно с Александром Даниловичем, начались в июле 1975 г. Перед выездом я получаю у А. Д. Грача последние наставления, а также огромный список имен, адресов, телефонов. В их числе министры культуры, сельского хозяйства, торговли, председатель Облсовпрофа, начальник Автотранспортного управления Тувы, начальник Авиаотряда, диспетчеры, телефонистка Центрального телеграфа... Каждому из них достаточно будет назвать имя Грача, как пароль, и они все сделают, чтобы помочь...

По прибытии отряда в Сут-Хольский район, пока народ ставил лагерь, я бросился искать кого-нибудь из местных жителей. Повезло необыкновенно: первый же встречный оказался учителем истории местной школы, поэтому он даже знал, что такое археология, слышал и про Грача. Познакомились, разговорились. Оказалось, что зовут его Алексей Алдын-Оолович. Дорогу к оз. Сут-Холь он отлично знает. Рассказал, указывая на горы и подыскивая заметные ориентиры, как нам лучше начинать путь, посоветовал спрашивать по дороге у чабанов. Пока беседовали, естественно, как учил Грач, я достал из полевой сумки «огненную воду», пару металлических стаканчиков, налил, подал, придерживая одну руку другой, окунул безымянный палец, разбрызгал на четыре стороны... Учитель очень умилился, наблюдая, как я стараюсь соблюсти все этнографические детали. Он знал, что русские так не делают. Позже, когда все те же манипуляции я совершал с чабанами, они просто этого не замечали – настолько им представлялось это естественным. Это повторялось многократно, и почти каждый раз, когда я называл имя Грача, тувинцы радостно кивали головами, широко улыбались: «Гарачи! Знаю-знаю!»

Но самая необыкновенная история произошла, когда мы в тот год отправлялись обратно в Кызыл после завершения полевых работ. Денег у нас почти не оставалось, а если бы и были, то достать двадцать с лишним билетов на автобус в тот же день

было абсолютно невозможно. Вдруг видим стоящий на площади пустой самосвал. «Дяденька, вы не в Кызыл едете?.. А вы не могли бы нас подобрать?..» – «Одного человека в кабину могу взять, а так-то ведь в самосвале людей перевозить запрещено...» Ребята умоляют, объясняя, что у нас куплены билеты от Кызыла до Абакана, что, если мы опоздаем, билеты наши прогорят. «Ну, а если ГАИ? Если увидят?» – «Мы все в пять секунд сейчас достанем спальные мешки, залезем в них и ляжем на дно. Если даже ГАИ остановит, они увидят только мешки на дне кузова». – «Ну, бог с вами, ползайте!» Где-то недалеко от Шагонара ГАИ нас остановила, и нелегальный «груз» был обнаружен. Ни Открытый лист с шапкой Академии наук СССР, ни маршрутный лист с шапкой Ленинградского Дворца пионеров никакого впечатления на ГАИ не производят. Но как только было упомянуто имя Грача, гаишники оживляются: «Грача? Александра Даниловича? Где он сейчас?.. Как у него дела?..» – «Он сейчас работает в Балгазынской степи. Надеюсь в Кызыле с ним завтра увидеться». – «Обязательно передавайте привет... Мы все его помним...» И, повернувшись к водителю, продолжают строго: «Смотрите, чтобы довели детей в лучшем виде... И скорость не превышайте – им же жестко там...»

В 1976 г. по прибытии в Туву я отправил отряд к месту работ, а сам остался в Кызыле, чтобы утром встретиться с Грачом. Встретились, обсудили планы работ, просидели до глубокой ночи. Я тем временем переживал из-за того, что не получил телеграмму от моего отряда о его благополучном прибытии на место. Грач это заметил: «Почему нет телеграммы? Сейчас узнаем, – говорит Александр Данилович и набирает 07: – Алло, межгород? Будьте добры Первую (очевидно, начальника смены). Здравствуйтесь... – Называет по имени-отчеству, долго молчит, улыбаясь – ясно, что слышит слова радости. – Знаете, у нас тут дети в Чадан уехали, должны были телеграмму прислать на имя Виноградова... может быть...» Опять долго молчит – ясно, что там ищут телеграмму. Нет, в течение ночи телеграмма не поступала... Тем не менее к утру телеграфисты Чадана через сарафанное радио выясняют, что там действительно побывала группа русских детей, которые выехали в сторону Сут-Холя...

Разборку развала наземного сооружения нашего первого алды-бельского кургана мы производили с необыкновенной тщательностью, поскольку Грач предупреждал, что на уровне древней дневной поверхности могут находиться бронзовые уздечные наборы. В ходе исследования погребальных камер было выявлено, что пять из них были разграблены в древности, но одна осталась нетронутой. Там были найдены останки скифского воина и богатый сопроводительный инвентарь VIII–VII вв. до н. э. (рис. 3): наборный пояс, массивный бронзовый чекан, бронзовый нож в кожаных ножнах и колчан со стрелами. Плюс еще из ограбленной центральной могилы – костяное навершие рукояти в виде головы лошади с прижатыми ушами (Виноградов, 1977; 1979б; Грач, 1980. С. 30).

Вернувшись в Ленинград, спешу к Александру Даниловичу. Начинаю выкладывать чертежи, находки. Он ходит кругами, ахает, причмокивает, то и дело восклицает: «Ай да пионеры!» Когда дело



Рис. 3. Сибирская археологическая экспедиция Ленинградского Дворца пионеров. Вещи из раскопок в 1976–1977 гг. Могильник Усть-Хадынныг 1. 1 – чекан; 2 – вотивный сосуд; 3 – обкладка пояса; 4 – гребень с изображением «головы птицы»; 5 – поясная пряжка. 1–3, 5 – бронза; 4 – рог / кость. Масштаб разный. Фото А. В. Виноградова

Fig. 3. Siberian Archaeological Expedition of the Leningrad Young Pioneer's Palace. Finds from excavations of 1976–1977. Cemetery of Ust-Khadynnyg 1. 1 – chekan battleaxe; 2 – votive vessel; 3 – belt plate; 4 – comb with a representation of a 'bird's head'; 5 – belt buckle. 1–3, 5 – bronze; 4 – horn/bone. Scales differ. Photo by A. V. Vinogradov

доходит до алды-бельских материалов, Грач перестает ахать, я внимательно за ним наблюдаю и вижу неподдельный восторг в его глазах. Он некоторое время разглядывает изображения на поясных бляшках, несколько раз берет и снова кладет на стол увесистый чекан: «Ну, Алеша, – выдыхает он после значительной паузы, – я много мог ожидать, но то, что вы привезли... Это даже не "десятка", это гораздо больше, на порядок больше, чем можно было предполагать в самом благоприятном случае. Это не просто алды-бель и не только ранний алды-бель. Это – самый ранний алды-бель, наряду с Аржаном. Посмотрите, ведь только в Аржане встречен такой массивный чекан. А стрелы? Ведь это – хрестоматийный набор ранних типов, особенно вот эта – с шипом. Пояс – это вообще уникальнейшая находка. Это же древнейший пояс в Евразии!..» Потом в течение всей зимы – реставрация находок, изготовление чертежей, подготовка экспозиции, написание полевого отчета, и, наконец, к 1 мая – выкладываю на стол Александру Даниловичу наш полевой отчет.

Через год все повторяется, но теперь мы уже раскапываем не один, а пять курганов (Виноградов, 1978). И хотя на этот раз все погребения в них оказались разграбленными еще в древности, мы обнаружили некоторые ценные предметы сопроводительного инвентаря: костяной гребень в виде головы хищной птицы, бронзовый вотивный сосуд с ручкой в виде головы животного, бронзовую поясную бляшку (рис. 3), бронзовые шило и иглу, сердоликовую бусину. Но больше всего Грача заинтересовала находка бронзовой трехлопастной стрелы, застрявшей в тазовой кости погребенного: «Странно – стрела вошла снизу вверх; она никак не могла бы войти так, если бы он был верхом или пешим, только если бы он в качестве наблюдателя стоял на краю высокой скалы... Скорее, она так могла попасть в лежачего... "Шальная", на излете – не могла бы войти так глубоко в кость... Но ведь стрела-то своя, алды-бельская. Неужели это – расстрел?»

Кроме того, благодаря применению особой методики раскопок (с подвижной бровкой) мы смогли установить горизонтальную стратиграфию некоторых погребений и доказать принадлежность фрагментов разбитых сосудов, находимых в развалах наземных сооружений, к алды-бельской

культуре. Это не могло не порадовать Александра Даниловича. «А теперь следующим летом поедем вместе в Балгазынскую степь...»

Поехали. Но проблем в этот сезон оказалось ничуть не меньше, скорее больше. Прежде всего, подвела железная дорога: контейнер, в котором были почти все наши палатки и почти все продукты, где-то потерялся, и мы его получили буквально за несколько дней до окончания полевого сезона. В связи с этим большую часть времени мне приходилось заниматься не археологией, а поисками контейнера и организацией его экстренной доставки из Минусинска в Туву. И снова нас выручал Александр Данилович и его тесные связи с тувинскими министрами. Запомнился вечер, точнее, ночь в гостинице «Кызыл» вместе с Грачом. Связавшись по телефону с Минусинском, я узнал, что контейнер наш был отправлен в Кызыл еще вчера. Но где же он? Среди ночи звонит Грач: «Алеша, подойдите к окну. Хорошо видите город сверху? Обратили внимание, сколько синеньких милицейских мигалок на улицах? Это все подвижные милицейские группы города, поднятые по тревоге, ищут ваш контейнер!» А через два дня, на праздновании юбилея Грача, министр внутренних дел республики генерал

Чакар сказал: «Жаль, поздно сообщили. Мы только с рассветом вертолеты смогли поднять...»

В этот год наш лагерь стоял почти рядом с лагерем Грача, и он заезжал к нам почти каждый день (рис. 4; 5). Как вспоминал один из участников экспедиции: «Появление Грача всегда вызывало некоторый трепет, возникавший от громадного уважения, которое питали к нему все, от мала до велика. Грача слушали затаив дыхание. Он казался идеалом, причем не парящим где-то в поднебесье, а вполне реальным, до которого можно дотронуться рукой. Ему хотелось во всем подражать. После того, как Александр Данилович, взяв из раскопа бусину, облизал ее, чтобы очистить от земли, нашлось много последователей, которые запихивали в рот и облизывали находки» (Васильев и др., 2002. С. 213).

Копали мы какое-то не понятное до сих пор громадное ритуальное сооружение (Виноградов, 1979а. С. 215) и несколько саглыньских курганов, воевали с бульдозеристом, который хвалился, что может срезать по сантиметру, а на деле одним махом снимал чуть не по полметра, тонули в собственных палатках под проливным дождем, любовались лунной радугой и наблюдали, как думали многие, НЛЮ.

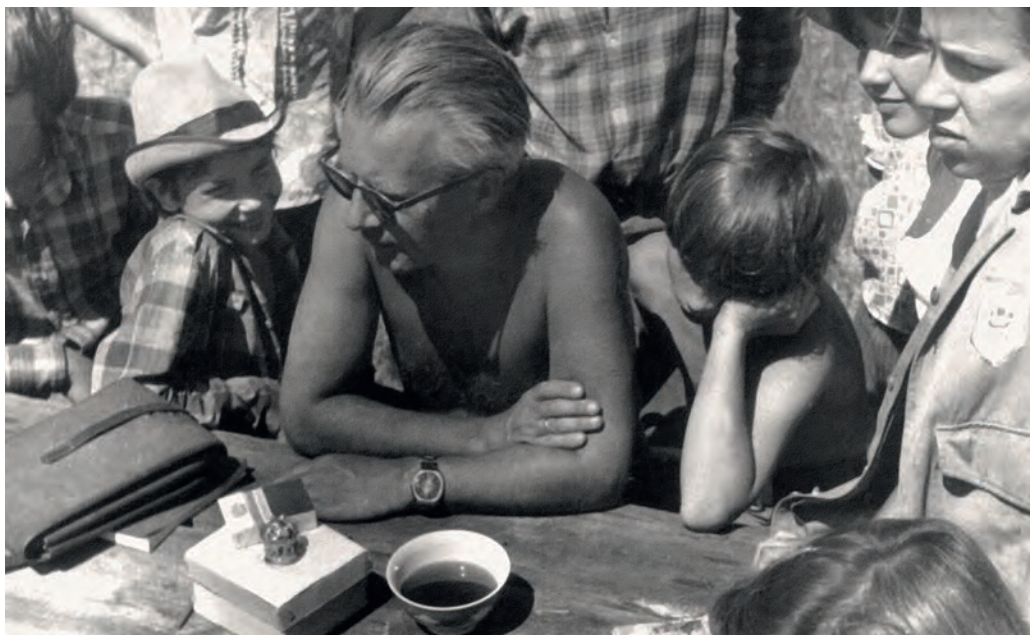


Рис. 4. Сибирская археологическая экспедиция Ленинградского Дворца пионеров. А. Д. Грач в лагере экспедиции с Балгазынской находкой. 12 июля 1978 г. Фото О. В. Лозовской (Мячиной)

Fig. 4. Siberian Archaeological Expedition of the Leningrad Young Pioneer's Palace. A. D. Grach in the expedition camp with the Balgazyn find. July 12, 1978. Photo by O. V. Lozovskaya (Myachina).



Рис. 5. Сибирская археологическая экспедиция Ленинградского Дворца пионеров. А. Д. Грач в лагере экспедиции. 12 июля 1978 г. Фото О. В. Лозовской (Мячиной)

Fig. 5. Siberian Archaeological Expedition of the Leningrad Young Pioneer's Palace. A. D. Grach in the expedition camp. July 12, 1978. Photo by O. V. Lozovskaya (Myachina).

Мне к тому же довелось участвовать в праздновании 50-летия Александра Даниловича (см. Прил. 1). Сначала он заехал в наш лагерь, и наши «пионеры», построившись в шеренгу, торжественно преподнесли юбиляру огромный букет полевых цветов и зачитали «оду» собственного сочинения (привожу здесь только пару строф – полностью см. Там же. С. 209–210):

Мы – птенцы из гнезда Грачова,
там, где ступим нашей ногой,
будет реять снова и снова
флаг с эмблемой – тюркской тамгой...

Мы пришли не с одними словами –
Археологов шумная рать.
Алды-бельцев, разбуженных вами,
Постараемся мы докопать!

Затем было празднование в его лагере (где Грач собственноручно резал барана – бескровно, по всем тувинским правилам), а потом в квартире председателя Облсовпрофа республики Тамары Чаш-ооловны Норбу, где присутствовали едва ли не все тувинские министры и где стол был сервирован «шестью хрустальными» и полным комплектом вилок и ножей.

К своему юбилею Александр Данилович получил роскошный подарок: работавшие поблизости топографы нашли и передали Грачу золотой шедевр, представляющий собой первую среди произведений скифо-сибирского искусства объемную композицию, изображающую сцену охоты на кабана: человек мечом-акинаком поражает под сердце дикого зверя, сопротивляющийся кабан вонзает свой правый клык в левую ногу охотника, сзади в кабана вцепляется охотничья собака (Грач, 1980. С. 81, рис. 117). Фигура всадника имеет аналогии в изображениях на войлочном ковре из Пазырыка (Грач, 1979), а также в изделиях из Сибирской коллекции Петра Великого.

Этот сезон совместной с Грачом работы оказался первым и – увы – последним. Александр Данилович серьезно захворал – сказалась давняя травма головы на Большом Енисейском пороге. Я навещал его в больнице, после чего укатил в командировку по музеям Сибири, а вернувшись, навещал его уже на кладбище вместе с Тамарой Чаш-ооловной, оказавшейся в это время в Ленинграде...

Послесловие в картинках

Кроме «огромного букета полевых цветов», мы подарили ему еще совсем маленький букетик – из 50 эдельвейсов, по числу его юбилейных лет. Мы знали, что он их любил. Но долго колебались, поскольку слышали, что дарить этот цветок можно лишь раз в жизни. Удастся ли сохранить благоговейную любовь к нашему учителю на всю жизнь, сложно решить в шестнадцать лет, но, кажется, получилось.

Мне посчастливилось продолжить общение с этим удивительным человеком и после окончания его последней экспедиции в Туве. Подобрал меня на раскопках Комендантского кладбища Петропавловской крепости, Александр Данилович Грач за руку привел меня работать в Кунсткамеру (в то время Ленинградская часть Института этнографии АН СССР), куда сам недавно вернулся после очень длительного перерыва. Отдел этнографии народов Средней Азии и Кавказа возглавлял его давний друг – Л. И. Лавров. Научная жизнь начинала налаживаться, после выхода его монографии 1980 г. в Институте этнографии уже готовились документы для защиты докторской диссертации...

...Я как сейчас помню, как мы наматывали круги вдоль витрин зала Африки, он с интересом и вниманием выслушивал мои вопросы и сомнения, давал советы. А я к тому времени я уже загорелась идеей трасологии и боялась обидеть его своим выбором, но он очень спокойно к этому отнесся. Его шефство надо мной продолжалось до тех пор, пока ему самому не потребовались забота и участие. Я помню его рассказ о последней поездке в Туву, кажется, осенью 1980 г. Шаманка, его родственница,

приезжала к нему в Кызыл и камлала, и Александру Даниловичу показалось, что болезнь отступила...

Самой любимой находкой Александра Даниловича, как мне кажется, была резная лошадка из 13-го кургана на могильнике Саглы-Бажи II (Грач, 1967. Рис. 12; 1980. С. 179, рис. 41). Их связывали особые отношения. Вырезанная по контуру фотография лошадки лежала под стеклом у него на столе в Отделе Средней Азии. Рядом с календариком. Задним копытом она указывала на 7 марта 1981 года...

Васильев и др., 2002 – Васильев С. Г., Виноградов А. В., Иконников-Галицкий А. А. (сост.) Археология и не только: к тридцатилетию Сибирской археологической экспедиции Ленинградского Дворца пионеров. СПб.: Академия общественных связей, 2002. 520 с.

Виноградов, 1977 – Виноградов А. В. Новый памятник раннескифского времени в Западной Туве // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 194–195.

Виноградов, 1978 – Виноградов А. В. Могильник раннескифского времени в Западной Туве // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 217.

Виноградов, 1979а – Виноградов А. В. Раскопки в Танды // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 215.

Виноградов, 1979б – Виноградов А. В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев / Ред. А. П. Окладников. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1979. С. 60–64.

Грач, 1967 – Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. 1967. № 3. С. 215–233.

Грач, 1979 – Грач А. Д. Работы Балгазынской экспедиции // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 218.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Приложение 1

ИЗ ИНТЕРВЬЮ А. Д. ГРАЧА ГАЗЕТЕ «ТУВИНСКАЯ ПРАВДА»

Александру Даниловичу Грачу, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института этнографии АН СССР, исполнилось 50. Наш корреспондент попросил А. Д. Грача рассказать читателям газеты о работе экспедиции...

– Наша экспедиция организована Советом министров Тувинской АССР. В задачи ее входит детальное исследование всех памятников исторического прошлого в зоне будущей Балгазынской оросительной системы...

...Геодезисты, топографы постоянно нам помогают, как, впрочем, и чабаны, учителя и, конечно, школьники. В районе Балгазына сейчас работают три отряда: головным руковожу я, вторым – молодой научный сотрудник ТНИИЯЛИ В. Т. Монгуш, который начинал работу в археологических экспедициях мальчишкой, воспитанником Ак-Дуругского детского дома, и вот уже два года как окончил Ленинградский университет. Основу обоих отрядов составляют тувинские школьники из Кызыла и различных городов и сел республики. Это лагерь труда и отдыха «Археолог», ему уже десятый год. В третьем отряде, во главе которого молодой ученый из Ленинграда А. В. Виноградов, тоже трудятся подростки, но – ленинградские, из археологического кружка Дворца пионеров. Не первый год они приезжают на целый сезон в Туву и работают на совесть...

– **Что заставляет вас так много энергии отдавать работе со школьниками?**

– Прежде всего, привязанность к ним. И, как говорится, «долг платежом красен». Двадцать пять лет назад, когда я один вел первые раскопки в Монгун-Тайге, меня «усыновила» тувинская семья: чабан

Нордат Хертек и его жена Опей взяли в свою юрту и помогали, чем могли. Мне хочется приобщить таких разных ребят, тувинских и русских, к труду во имя науки, расширить их кругозор, помочь определить интересы, склонности. Далеко не все становятся археологами, но работа полезна всем. Вот и сейчас «ветераны», окончившие нынче десятилетку, приехали втроем после экзаменов и попросились поработать бесплатно несколько дней, помогают младшим. Работа в экспедиции дисциплинирует, делает ребят ответственнее, духовно старше, это замечают и родители, и педагоги. Поэтому лучший подарок для меня – это открытие нового лагеря труда и отдыха «Юный археолог» для педагогически запущенных подростков. Руководит ими мой сын Всеволод.

«Тувинская правда» № 157 от 7 июля 1978 г.

Grach is a ‘rook bird’ in Russian and we all are Grach’s nestlings

A. V. Vinogradov, O. V. Lozovskaya

The influence of the personality of Aleksandr Danilovich Grach on the people around him is difficult to overestimate. Also pupils of the Leningrad Young Pioneers’ Palace had felt his impact on themselves when they worked side-to-side with that renowned scholar in the late 1970s in Tuva as participants of the Siberian Archaeological Expedition directed by A. V. Vinogradov. This collaboration promoted both the scientific achievements in Scythian archaeology

and the invaluable research experience for young generations of future archaeologists. Besides a description of the joint scientific work in the field, the present reminiscences include various everyday-life sketches covering the diversity of A. D. Grach’s personality, his respectful concern for the local culture and for every particular individual, as well as the enormous authority which he deservedly enjoyed in Tuva.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ДАНИЛОВИЧЕ ГРАЧЕ И РАБОТЕ В СТЭАН

(Интервью 23 января 2020 г.)

Н. Л. Дементьева¹

Аннотация. Рассказ Н. Л. Дементьевой, выпускницы исторического факультета ЛГУ, сотрудницы СТЭАН в годы ее работы под руководством А. Д. Грача, а впоследствии – министра культуры Российской Федерации и члена Совета Федерации, позволяет увидеть А. Д. Грача глазами сотрудника младшего состава его экспедиции, включенного в круг друзей семьи.

Annotation. Story by N. L. Dement'yeva, a graduate from the historical faculty of the Leningrad State University, a worker of STEAN in the years when it was directed by A. D. Grach and subsequently by the Minister of Culture of the Russian Federation and a Member of the Council of Federation, allows us to look at A. D. Grach with the eyes of a member of the junior staff of his expedition which became his family friend.

Ключевые слова: А. Д. Грач, ЛОИА АН СССР, СТЭАН, Тува, школьные отряды.

Keywords: A. D. Grach, LOIA AS USSR, STEAN, Tuva, schoolchildren's parties.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-48-55

Идея записи воспоминаний об А. Д. Граче в форме короткого интервью возникла у обоих собеседников еще в процессе подготовки настоящего сборника. Само интервью было взято Н. Ю. Смирновым 23 января 2020 года. Расшифровка аудиозаписи и подготовка текста интервью к печати были осуществлены Н. Ю. Смирновым при участии Н. Л. Дементьевой².

Н. С.: Наталья Леонидовна, расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с А. Д. Грачом, попали в Туву и оказались в составе сотрудников Саяно-Тувинской экспедиции Академии наук?

Н. Д.: Этому предшествовала моя работа с Борисом Яковлевичем Стависким из Эрмитажа: на первом курсе я писала у него работу, посвященную женскому божеству Бактрийского царства, и интересы мои тогда были направлены в ту сторону – в сторону Таджикистана, Узбекистана. И первая экспедиция, в которую я поехала, была среднеазиатской. Наверное, я бы продолжила заниматься этим регионом, но Б. Я. Ставиского пригласили работать в Москву, в Музей Востока³.

Н. С.: То есть это произошло еще в студенческие годы?

Н. Д.: Да это было в тот год, когда я поступила на вечернее отделение и занялась этим увлекательным делом – археологией. А на курсе у нас была Галя Длужневская – моя сокурсница, которая уже работала в Саяно-Тувинской экспедиции. И когда после первого курса и после первой экспедиции я оказалась перед выбором – чем дальше заниматься, так сложилось, что в Саяно-Тувинскую экспедицию нужно было срочно найти лаборанта, который бы занимался печатью фотографий для отчетов. Это была мощная экспедиция, работавшая в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, и всегда у них был большой объем полевых отчетов.

Н. С.: Наталья Леонидовна, это какой был год?

Н. Д.: Это был 1966 год.

Н. С.: Получается, что вы попали в СТЭАН почти с самого начала ее работ – на второй год экспедиции.

Н. Д.: Да, получается так. И ничего в этом пока еще не понимая, я решила, что это шанс. А Галя сказала: «Ничего не бойся, у нас хороший коллектив, я уже там, и если что-то понадобится, то многим вещам я тебя научу. Кроме печати фотографий, конечно».

И я поступила в Институт археологии на экспедиционную ставку лаборанта и стала в темной

¹ 194361, Россия, Санкт-Петербург, пос. Левашово, ул. Чкалова, д. 29, лит. А. Член Совета Федерации. Адрес электронной почты: demen@jewn@mail.ru.

² В тексте интервью, для краткости, реплики говорящих отмечены соответственно: Н. Д. – Н. Л. Дементьева, Н. С. – Н. Ю. Смирнов.

³ Государственный музей искусства народов Востока. Ныне Государственный музей Востока.

комнате при красном фонаре печатать фотографии⁴. Там была такая маленькая темная комната.

Н. С.: А вы помните, где она находилась?

Н. Д.: Она находилась в главном коридоре, справа, напротив реставрационной мастерской. А дальше шла научная лаборатория, где был уникальный заведующий – Валентин Николаевич Сидоров.

Небольшое отступление. Я очень рада, что коллектив Института истории материальной культуры выпустил книгу «Академическая археология на берегах Невы»⁵.

Н. С.: Это первое издание по истории института.

Н. Д.: Это совершенно уникальный материал не только по истории института, но это и рассказ, с фотографиями, о выдающихся ученых, об их сподвижниках в области научно-технических исследований археологического материала. И если посмотреть портретный ряд, то вы прекрасно поймете, что такое петербургская наука, имеющая глубокие корни (ну, мы с вами говорим о нашей науке, об археологии, но так складывалось везде). Все научные институты Ленинграда / Петербурга имели хорошую интеллектуальную базу.

Н. С.: ИИМК РАН особенно повезло, потому что он наследует богатейшей научной традиции, основы которой были заложены еще в середине XIX в., в Императорской Археологической комиссии.

Н. Д.: Разумеется! Но здесь еще и то, что каждый человек – личность. С удивительной биографией. Тот же Валентин Николаевич Сидоров – родом из города Белёва. Летом он ездил туда, к родственникам, и привозил с собой полено знаменитой белёвской пастилы, завернутое в суровую холстину, и вручал нам, как причастие, по тоненькому кружочку. И вкус белёвской пастилы я знаю с тех пор.

Н. С.: Вы не жалеете, что ушли из Средней Азии в Сибирь, не стали заниматься среднеазиатской темой?

Н. Д.: Первая экспедиция была удивительная – в Таджикистане, в Узбекистане... С буддийским пещерным монастырем в Кара-тепе... Она меня оставила в археологии – я поняла, что я отсюда уже никуда не уйду. Но то мощное воздействие кочевни-

ков Центральной Азии, которое я ощутила годом позднее, убедило не только меня, что мне надо оставаться в археологии, но я убедила в этом и родителей. Я происхожу из семьи военных, а они, как кочевники, – от Сахалина до Латвии – все время кочевали. Поэтому я смогла убедить родителей, что не буду медиком, твердо заявив им: «Я буду археологом».

Н. С.: Наталья Леонидовна, вы участвовали в работе СТЭАН наряду со старшими коллегами, уже сложившимися археологами, и вместе с тувинскими ребятами из местных школьных отрядов. Что вам запомнилось больше всего: какие-то случаи из повседневной экспедиционной жизни или, наоборот, приезд неожиданных гостей?

Н. Д.: Я могу сказать вам, Николай Юрьевич, что это было как раз на второй год работы экспедиции, – совершенно уникальное предложение поступило от председателя профсоюзов Тувы Тамары Чашооловны Норбу, и жизненный опыт и высокая контактность Александра Даниловича позволили это реализовать – они поняли друг друга.

Привозить рабочих, «на лопату» из Ленинграда самолетом, потом из Красноярска маленьким самолетиком до Кызыла или машинами через Саяны, по Усинскому тракту, это было бы, возможно, эффективно, но не экономно. А когда Тамара Чашооловна предложила помощь молодых парней, пообещала обеспечивать питание и все остальное со стороны профсоюза; мы, может быть, тогда не подозревали, что на нас упадут еще воспитательские обязанности. Но было принято решение, палаточный городок разросся, каждый отряд получил своих подопечных...

Н. С.: То есть, каждому археологическому отряду был прикомандирован отряд местных школьников?

Н. Д.: Да, это были школьники – для большого отряда больше, для маленького – меньшее количество. За исключением, может быть, отряда С. Н. Астахова, куда были приписаны только два-три школьника из-за того, что он постоянно находился в движении.

В дополнение к обязанностям научить их навыкам полевой археологии нужно было по вечерам выступать с лекциями и осуществлять прочие, как вы сказали, просветительские и воспитательные функции.

⁴ Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР).

⁵ Речь идет о книге, посвященной истории ИИМК РАН в XX в. (Академическая археология, 2013).

Вплоть до того, что когда знаменитая наша повариха... из Академии художеств она пришла к нам работать, сказала: «Сахар кончается, Наталья! Они все время едят макароны с сахаром! Это невозможно, что мы будем делать? У нас к чаю не будет сахара!» (Это было в Чаа-хале, когда было удобно ездить за продуктами: на моторке переплываешь на ту сторону Енисея, потом на машине в магазин... Это еще не Улуг-Хем, не Чинге... Это не дальние места.) Тогда мы подумали, почему бы не поставить на столах томатный соус в полулитровых баночках? Я первая полила свои макароны. Ребята посмотрели, удивившись тому, что я сделала. Я сказала: «Ребята, это так вкусно, вы даже не представляете! Попробуйте!» Таким образом мы сэкономили сахар. И деревянные ящики с банками томатного соуса, краснодарского, я помню до сих пор.

Бывало, мы лепешки пекли, когда хлеб кончался. И тут оказалось, что самые сильные руки для замеса теста из муки и воды – у художников. Наши парни-художники месили тесто так, чтобы звенело, и его можно было, делая лепешку, сразу бросать на печь.

Н. С.: А кто из художников работал тогда в экспедиции, вы не помните?

Н. Д.: Сейчас уже не вспомню, но это были очень серьезные художники, некоторые взрослые (если мне было 22 года, то они – 35-летние) из Академии художеств и художники театра. Это кроме девушек из Академии художеств, которые обмазывали себя кремом «Тайга» и стойко держали свои подрамники, зарисовывая объекты, пока их кусали местные тувинские комары, не обращавшие на крем никакого внимания.

Все это был удивительный экспедиционный быт... Со встречами... С академиком И. А. Батмановым, например. А на третий год экспедиции сам М. К. Каргер к нам приехал!

Н. С.: В те годы он был заведующим ЛОИА АН СССР.

Н. Д.: Да, крупный ученый, авторитетный человек... Приехал посмотреть, что же это за экспедиция такая, в которой четыре больших отряда, вертолет, автомашины... Почему они отгородили кусок Дубового зала щитами и там, за ними, что-то делают: работают, клеят, пишут. Надо взглянуть!

И как раз для него, чтобы как-то его удивить, мы отбили совковую лопату, почистили ее, смазали растительным маслом, и она стала противнем. На ней испекли ему что-то типа овсяного печенья. Этим мы его и покорили, устроив чаепитие в палатке.

Н. С.: В экспедиции всегда такого рода вещи – приятная неожиданность.

Н. Д.: Конечно, я никогда не забуду, как в конце 1960-х гг., может быть в 1969 г., у нас в гостях был Юрий Визбор.

Н. С.: А каким образом Ю. Визбор попал в СТЭАН?

Н. Д.: Свердловская киностудия решила снимать фильм⁶. Здесь нужно сказать еще об одном уникальном человеке – Александре Трофимове, авторе сценария и режиссере этого фильма, с которым к нам в экспедицию, на его кассетном магнитофоне, приехал Галич, приехал Высоцкий... Приехали песни, не дававшие нам спать, потому что мы должны были это все услышать по нескольку раз, чтобы проникнуться. Но утром все выходили на раскоп.

Н. С.: А Галич для вас был тогда открытием?

Н. Д.: Для меня – да, конечно. Для многих из нас. Все, что он привез на своем кассетнике, – все было для нас удивительно. Не для старшего поколения, конечно, а для молодежи. Кроме того, он решил, что песню, музыкальный фон, запишет его знакомый – Юра Визбор. И тот приезжал – картинка нашего «Утра стрелецкой казни» – на базу СТЭАН на Советской улице, 20, я тоже это очень живо помню.

Можно перечислить множество людей, которые приезжали просто взглянуть на этот феномен, на то, что такое СТЭАН, как она работает, как ведут себя молодые люди – тувинские школьники. В День археолога всегда устраивался национальный праздник, с борьбой хуреш для наших школьников. Для того чтобы в экспедиции была не только работа, нужная археологам, но чтобы и проявлялось уважение к национальным традициям. В этот день не только развлечения, но и спортивный азарт имел место.

Тогда над нами, еще неопытными барышнями, шествовала Н. М. Ермолова, палеозоолог. Она приезжала к нам, потому что пошел остеологический материал. И каждый вносил свою лепту.

⁶ Речь идет о научно-популярном фильме, снятом Свердловской киностудией о работе СТЭАН.

Н. С.: Наталья Леонидовна, вы проводили в экспедиции весь сезон?

Н. Д.: Мы уезжали в июне, иногда досрочно сдавая сессию, и возвращались только в октябре.

Н. С.: До снега еще?

Н. Д.: Конечно, мы старались вернуться до снега. Обычно мы возвращались в конце сентября – середине октября, смотря как заканчивалась работа.

Н. С.: А девочки на лопате стояли в экспедиции или только зачисткой занимались?

Н. Д.: По-всякому было. В аврал все вставляли на лопату, чтобы скорее закончить. Были всевозможные варианты. Уникальность экспедиции в том, что каждый человек мог овладеть несколькими профессиями, и никто не избегал возможности попробовать себя в разных вещах.

Н. С.: И с лопатой, и на зачистке, и с планшетом на зарисовке?

Н. Д.: Старинный друг Александра Даниловича (они были знакомы еще со студенческих времен) архитектор из Перми М. А. Петухов, у которого была кличка Князь, он был старшим над всеми, кто делал чертежи, и если Александр Данилович уезжал куда-то больше чем на два дня, то был его заместителем по Первому отряду. И тоже мог делать все. Так, в общем-то, в каждой экспедиции.

Н. С.: А. Д. Грач часто отлучался из экспедиции по каким-то своим надобностям?

Н. Д.: Ну, только если его не вызывал по каким-то делам С. К. Тока, практически нет. Кажется, только один раз, когда Сева⁷ поступал в институт.

Н. С.: А работал он со всеми вместе или у него не было времени для постоянной работы на конкретном объекте, как у начальника большой экспедиции?

Н. Д.: Нет, постоянно работал. А вечером что-то писал...

Н. С.: То есть и сам чистил и так далее?

Н. Д.: Ну а как еще? Он человек был очень азартный, с мощным интересом естествоиспытателя. Поднимались мы на вертолете посмотреть городище, которое потом копал отряд А. М. Мандельштама, – план городища с вертолета прекрасно виден, – и большого труда стоило пилоту вертоле-

та объяснить Александру Даниловичу, что, пока мы летим над каньоном, главный он, а не Грач.

А вождение лодки? Молодой человек с Крюкова канала... по-моему, научился он водить моторную лодку только в Туве. Когда мы уже перебрались к Чинге, в Чаа-Холь, там, где М. А. Дэвлет занималась копирование петроглифов (рис. 1).

Н. С.: На Мугур-Сарголе?

Н. Д.: Да. Тогда от знаменитой базы у слияния Бий-Хема и Каа-Хема сюда Александр Данилович возил людей как моторист, как и все остальные.

Уникальность А. Д. Грача в том, что он умел подбирать людей. Водители машин были все с московской автобазы. Каждый водитель – это была личность. Это были серьезные люди, в годах, но не капризничали. Во время разведок, когда мы ездили в поисках нашего главного кургана...

Н. С.: Вы говорите об Улуг-Хоруме, вероятно?

Н. Д.: Да. Когда мы долго ехали в Саглы, никто не капризничал. Все знали, что это важно. Насколько я помню, там мы подъехали к одному из пограничных столбов (между Тувой и Монголией), и каждый из нас забежал на ту сторону и вернулся.

Н. С.: Из полевого лагеря вы на раскоп пешком ходили или вас возили? Далеко ли было до раскопа?

Н. Д.: Первый отряд (отряд А. Д. Грача) всегда вставал рядом с курганами. И на Улуг-Хеме, когда мы стояли, вокруг были курганы, и на Хемчике... Машины стояли на перевале.

А отряды Юры Трифонова и те, кто располагался на равнине, в том месте, где сейчас уже плещется море, они, конечно, ездили на машинах.

Н. С.: Наталья Леонидовна, каким образом сказались на вашей судьбе работа в СТЭАН, вообще, сказались ли как-то, кроме выбора археологии в качестве профессии и увлечения Тувой и Сибирью?

Н. Д.: Сказались, конечно. Потому что та взаимозаменяемость людей в разные сложные моменты в экспедиции позволила мне, человеку, не прошедшему никаких школ организационной работы, научиться этому всему в экспедиции. Когда так получилось, что я стала директором музея, мне было не страшно.

Н. С.: У вас за плечами уже был опыт работы в большой экспедиции.

Н. Д.: Вот эти шесть лет дали возможность, умения, научили вести себя в разных условиях

⁷ Всеволод Александрович Грач, сын А. Д. Грача и Н. Л. Грач.



Рис. 1. А. Д. Грач в 1970 г. Возвращение с Большого порога. Фото Н. Л. Дементьевой (Буровик)

Fig. 1. A. D. Grach in 1970. Return from the Great Rapids. Photo N. L. Dement'yeva (Burovik)

с различными людьми так, как должно, и понимать, что первое впечатление бывает обманчиво. Что нужно обязательно выслушать человека, в каком бы настроении он к тебе ни подошел. Нужно дать ему выговориться. Это очень, я скажу вам, полезная наука: человеку нужно дать высказаться, а затем уже начинать с ним диалог.

Это чисто житейские вещи, которыми наполнена экспедиция: жизнь в палаточных условиях, рядом с нашими работниками, рядом с уникальными нашими гостями, среди которых были в том числе и иностранцы – Рышард Бадовский с супругой, – это журналист газетного издания Польской рабочей партии.

И здесь ты проходил школу, дополняющую те знания, которые тебе давали на кафедре, например,

мой научный руководитель М. И. Артамонов, П. И. Борисковский или Л. С. Клейн – куратор нашей группы. Там была теория и высокая наука. А вот житейская практика – это огромная экспедиционная школа.

Н. С.: Что вы чаще всего вспоминаете в связи с годами работы в СТЭАН, какие у вас наиболее яркие впечатления, связаны с тем периодом?

Н. Д.: Наверное, самое важное, что в процессе работы в экспедиции и в процессе подготовки отчетов мы – Галя Длужневская, Юра Трифонов, Митя Савинов, – мы были допущены в дом Александра Даниловича. Познакомились с его семьей, с его удивительной мамой – Лидией Михайловной Тюттиной, с его женой — Нонной Леонидовной Грач, крупным исследователем античности, рабо-

тавшей тогда в Эрмитаже. И это нам тоже открыло глаза на то, что можно наследовать.

У меня дома везде, где я живу, висит на кухне абажур, как бы ремейк того абажура, который был в кухне у Александра Даниловича и Нонны Леонидовны. И за столом, под этим абажуром, собирались ученые нашего института, гости и родственники Лидии Михайловны, приезжавшие из Красноярского края... И там я познакомилась с удивительным человеком – Борисом Михайловичем Козминым, тогда он еще был студент-заочник Академии художеств. А сегодня это пушкиновед, создатель усадьбы в Петровском в Пушкиногорье, который покорила самого С. С. Гейченко...

Это все от Грачей – эта ситуация прирастания друзьями. Александр Данилович сам умел дружить, и он этому нас научил. Он, с детских лет и благодаря маме, был встроен в музыкальную жизнь. И я тогда шутила, вешая свое пальто на вешалку в прихожей: «Ой, это я на какой крючок вешаю, на тот, где Дудинская вешала шубку?»

Это был такой дом, который многому нас учил. Тем вещам, которые не прочитаешь в учебнике.

Н. С.: Хотелось бы, конечно, чтобы дом Грача был отмечен мемориальной доской, но, как я понимаю, есть проблемы с ее установкой?

Н. Д.: Медленно все это движется не потому, что мы сами пробуксовываем, а потому, что меняется власть, меняются положения и инструкции. Но я думаю, что все получится со временем.

Н. С.: Я очень надеюсь на благоприятный исход. Тем более что в 2022 г. исполнится ровно 70 лет с начала первых археологических раскопок в Ленинграде, которые, собственно, проводил Александр Данилович у Кунсткамеры.

Н. Д.: Хочу вам рассказать, может быть, вы этого не знаете. После очередного полевого сезона в СТЭАН мы приехали, как всегда, поздно. И раздался звонок в ЛОИА – от директора Музея истории Ленинграда Людмилы Николаевны Беловой: «Нет ли у вас кого-то, кто еще находится в экспедиции или уже вернулся... но мне срочно нужны археологи (так как идет реставрация Комендантского кладбища Петропавловской крепости), которые проведут раскопки у нас?»

И это оказались, конечно, мы. Мы только вернулись. В тот год мы нашли могилу Брюса. Произо-

шло все это потому, что когда-то Александр Данилович раскапывал могилу Крашенинникова, а еще раньше копал рядом с Кунсткамерой. Вот так я познакомилась с Л. Н. Беловой.

А потом Людмила Николаевна со своей дочкой Надеждой приезжали к нам, на Хемчик, чтобы посмотреть, что же это такое – Тува. Она приехала как человек, которому было интересно взглянуть, где работает А. Д. Грач. Иногда с ее дочерью мы это вспоминаем.

Н. С.: Таким образом, археология Петербурга объединилась с археологией Тувы не только через Александра Даниловича, но и через Музей истории города!

Н. Д.: Да.

Н. С.: Как вы полагаете, когда А. Д. Грач брал тувинских школьников на работу в экспедицию, то, безусловно, он их обучал циклу полевых навыков, но при этом занимался и просвещением.

Н. Д.: И все, кто работал в экспедиции, тоже!

Н. С.: Как вы считаете, у него была идея воспитания своеобразной элиты тувинского общества, духовного просвещения его молодых представителей? Или это была закономерность, свойственная его стилю общения со всеми младшими слушателями, и его просветительские таланты автоматически срабатывали?

Н. Д.: Вы не забывайте, что мы были экспедицией новостроечной, и с лекциями Александр Данилович ездил и выступал перед рабочими строившейся Саяно-Шушенской ГЭС. И Юрий Иванович Потемкин, тогда директор стройки, тоже привозил к нам своих гостей, чтобы показать, что вот здесь работают эти ребята, археологи, – это дополнительная нагрузка на проект. Нужно дать дополнительное финансирование, так как если они что-то не успеют, то воду могут и не пустить в водохранилище.

Мне кажется, что сейчас мы как-то осовремениваем этот вопрос. А тогда мы были просто очень крупной экспедицией. И ведь подобными вещами в огромной нашей многонациональной советской стране и в других экспедициях занимались. Иначе для чего же мы приезжали и работали, если мы не могли еще что-то дать местным рабочим и жителям, дать им новое знание.

Н. С.: То есть это был скорее общий советский тренд, чем личная заинтересованность А. Д. Грача?

Н. Д.: Если говорить о просветительстве и работе об учениках, то, по-моему, это чисто семейная традиция для А. Д. Грача. Мы сидим поздно вечером дома у Александра Даниловича, доделываем какие-то отчеты. Уже десять вечера... Появляется Лидия Михайловна, которая только что завершила занятия со своими учениками в Кировском театре, с балеринами высокого класса и с молодежью... Она видит нас и говорит: «Дети мои, может быть, мы поужинаем или хотя бы попьем чаю?» Вот это все заложено еще в детстве, я так думаю.

Вот такая миссия – раз ты из Ленинграда и ты больше знаешь, то необходимо этим поделиться. Это было заложено у него в семье.

Но и доверие к Александру Даниловичу со стороны главы республики С. К. Токи тоже имело немаловажное значение. И ребята, прошедшие нашу экспедицию, скорее всего, нашли себя и определили свой путь с большей сознательностью.

Н. С.: Благодаря Александру Даниловичу?

Н. Д.: Я думаю, да.

Н. С.: Я так понимаю, что у него был талант устанавливать контакты не только с рядовыми работниками, но и с высоким начальством, руководителями партийных инстанций? Практически со всеми, с кем он общался?

Н. Д.: Да, это было такое внутренне устройство: он спокойно мог присесть с чабаном на корточки и разговаривать, и расстаться с ним друзьями... Они иногда с И. У. Самбу спорили по каким-то вопросам, но потом обнимались и говорили: «Ты мне брат! И ты мне брат!» Это талант, да.

Н. С.: Наталья Леонидовна, какие бы вы еще назвали важные качества Александра Даниловича, именно личностные, которые помогли ему успешно руководить большой экспедицией в те годы, когда он был ее начальником?

Н. Д.: Самоотдача, самоотверженность. Умение объяснить, что имеющиеся трудности мы можем преодолеть только вместе.

Н. С.: А трудностей много было?

Н. Д.: Ну, как во всяком новом деле. У нас был прекрасный бухгалтер, Лидия Михайловна Петрова. Я считаю, что у каждого бухгалтера должен быть такой девиз: «Денег нет! Нет денег!» – в одно

слово! Потому что только так можно вести такую сложную (она тоже жила с нами, в полевых условиях, в палатке) бухгалтерию крупной экспедиции.

Только отпраздновав в конце экспедиции (кажется, в середине октября) ее день рождения, который был финишем полевого сезона, на Советской улице, 20, на базе СТЭАН, мы начинали разъезжаться. Кто на самолет шел, кто на машине – до Красноярска, а оттуда поездом... Это был такой переломный момент.

Но иногда и она шла навстречу каким-то детским поступкам наших мальчиков-рабочих. Например, они устроили соревнование, кто быстрее выпьет сгущенку из банки, проткнув ее в двух местах гвоздиком. Победитель получал приз.

Н. С.: Еще одну банку сгущенки?

Н. Д.: Например. И если победитель когда-нибудь прочтет это интервью, то он себя, конечно, узнает.

Н. С.: Наталья Леонидовна, пожалуй, последний вопрос. Как бы вы оценили, глядя из сегодняшнего уже времени, масштаб фигуры Александра Даниловича и его роль в организации СТЭАН, в организации первых раскопок в Ленинграде? Все же он стоит у истоков традиции археологического исследования Ленинграда / Петербурга. Заметна его роль и в качестве воспитателя молодежи, среди которой, как мы теперь знаем, есть уже и министр обороны, и руководитель республики... И вот вы, в свое время министр культуры Российской Федерации...

Н. Д.: Хотелось бы избежать пафоса...

Нужно сказать, что это тот тип ленинградского, петербургского интеллигента, ученого (так же можно сказать про наших выдающихся работников, инженеров, физиков, врачей, работников сложных технических профессий на крупных ленинградских/петербургских заводах) – это наследие города, его драгоценность. Город Петербург – Петроград – Ленинград умел принимать людей из разных частей огромной страны, учить их и прививать им особую такую... sensibility, есть такое понятие... Особую такую петербургскую, петроградскую, ленинградскую душу. Ее нельзя потрогать, ее можно только претворить в дела.

Кроме того, свою жизнь в науке Александр Данилович начинал как ученик профессора

В. Ф. Гайдукевича. А он был человек энциклопедических знаний.

И сам Александр Данилович был очень широко образован, очень много знал и читал. И все это преломлялось в нем и имело выход – он не был вещью в себе. Он всегда был готов отдать все, что он знает, поделиться, рассказать.

И трагичен его уход. Тогда необходимая медицинская аппаратура была только в Москве... Не забывайте, это же была страна за закрытым занавесом...

Про таких людей говорят: «Эх, рано родился!»

Академическая археология, 2013 – Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

**About Aleksandr Danilovich Grach and activities of STEAN
(Interview of January 23, 2020)
N. L. Dement'yeva**

Story by N. L. Dement'yeva, a graduate from the historical faculty of the Leningrad State University, a worker of STEAN in the years when it was directed by A. D. Grach and subsequently by the Minister of Culture of the Russian Federation and a Member of the Council of Federation, allows us to look at A. D. Grach with the eyes of a member of the junior

staff of his expedition which became his family friend. The atmosphere of a large expedition described in a masterly fashion, as well as an important and exact observation of the origins of the formation of A. D. Grach's many-faceted personality mark this view of a junior contemporary bearing a characteristic warmth of reminiscences.

ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАЗДЕЛУ¹

Н. Ю. Смирнов²

Ключевые слова: *А. Д. Грач, архивные документы, ЛОИА АН СССР, решение Ученого совета ИИМК РАН.*

Keywords: *A. D. Grach, archive documents, LOIA AS USSR, resolution of the Scientific Council of IIMK RAS.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-56-80

В настоящем разделе публикуются отдельные архивные документы, связанные с периодом работы А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР (1963–1973 гг.) – с его приходом в институт, руководством СТЭАН и увольнением из рядов сотрудников.

Наряду с ними здесь публикуется решение Ученого совета ИИМК РАН, восстанавливающее справедливость в отношении А. Д. Грача. Ученый совет ИИМК РАН указывает на несправедливый и мотивированный характер решения Ленинградской секции Ученого совета ИА АН СССР о неиз-

брании А. Д. Грача на должность старшего научного сотрудника на новый срок, повлекшего его увольнение из института, а также отмечает выдающиеся заслуги этого крупного исследователя и его вклад в развитие петербургской археологической школы. В качестве приложения к опубликованному решению Ученого совета ИИМК РАН в разделе помещен список архивных документов, учтенных и проанализированных членами рабочей группы Ученого совета, подготовившими мотивировочную часть.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

[АВТОБИОГРАФИЯ А. Д. ГРАЧА, 1963 Г.]

Я, Грач А. Д., родился 5 июля 1928 г[ода] в Ленинграде, в семье служащих.

Среднюю школу окончил в 1946 г[оду] и в этом же году поступил на исторический факультет Ленинградского университета, который окончил в 1951 г[оду] по кафедре археологии.

После окончания университета, с августа 1951 г[ода] по июль 1963 г[ода] работал в Институте этнографии АН СССР. В 1955–1958 г[одах] исполнял обязанности ученого секретаря Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР.

В 1948, 1949, 1950 г[одах] участвовал в работах Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН [СССР] (Илуратский отряд).

В 1952 г[оду] провел раскопки памятников XVIII в[ека] на территории Васильевского острова в Ленинграде (результаты работ изданы отдельной книгой).

С 1953 г[ода] работаю в области археологии и древней истории Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии и Южной Сибири.

В 1953 и 1955 г[одах] проводил археологические маршруты на территории высокогорных районов Западной Тувы (Монгун-Тайга, Бай-Тайга, Овюр) и в районах Центральной Тувы.

В 1957–1958 г[одах] работал в качестве заместителя начальника по научной части Тувинской

комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР и руководил археологическим отрядом экспедиции. В 1959, 1960, 1961 г[одах] работал в этой же экспедиции в качестве начальника 1-го археологического отряда. Раскопки проводились в основном на территории высокогорных районов Тувы, были исследованы памятники скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени, а также позднейшие комплексы XVII–XVIII в[еков].

В 1962 г[оду] продолжал исследования в Туве, работал в качестве начальника Саяно-Тувинского отряда ЛОИА АН СССР (цель работ – составление проекта многолетних археологических исследований в ложе водохранилища Саянской ГЭС).

В декабре 1962 г[ода] защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук – по монографии «Древнетюркские изваяния Тувы» (Издательство Восточной литературы АН СССР, М., 1961).

В 1963 г[оду] принимал участие в работе Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР в качестве начальника Правобережного – Туранского отряда.

В июле 1963 г[ода] переведен из Института этнографии в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

[Подпись]

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 3–3 об.

[Фрагмент автобиографии А. Д. Грача, 1966 г.]

<...> С момента организации Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (февраль 1965 г[ода]) назначен начальником этой экспедиции.

Во время полевого сезона 1965 г[ода] 7 полевых отрядов Саяно-Тувинской экспедиции проводили комплексные исследования в Центральной Туве.

В 1964 г[оду]. В связи с 20-летием Тувинской АССР награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской республики. [подпись] 4 января 1966 г[ода]

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 11 об.–12.

Выписка из приказа № 59

по Ленинградскому отделению Института археологии АН СССР

г. Ленинград

17 июля 1963 г.

§ I.

Мл. научн. сотр. ГРАЧА Александра Даниловича с 16/VII с. г. считать зачисленным в штат в порядке перевода из Института этнографии АН СССР.

Основание: Штатное расписание от 9/VII-63 г., утвержденное вице-президентом АН СССР Федосеевым.

п.п. Вр. и. о. Зав. Ленинградским отделением

Института археологии АН СССР

..... (С. С. Черников)

Выписка верна:

[подпись, печать]

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 6.

**Приказ № 20 по ленинградскому отделению
Института археологии АН СССР**

г. Ленинград

9 февраля 1965 г.

§ I.

На основании решения Госплана СССР и Государственного Комитета по энергетике и электрификации СССР организовать Саяно-Тувинскую археологическую экспедицию ЛОИА. Район работ экспедиции – зона водохранилища и строительства Саяно-Шушенской ГЭС (Тувинская АССР и Красноярский край). Общий срок работ экспедиции – 1965–1970 гг.

В соответствии с извещением Госплана СССР и ЦУКС АН СССР сумма ассигнований по Саяно-Тувинской археологической экспедиции на 1965 год – 90 тыс. руб.

§ 2.

Начальником Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА назначить кандидата исторических наук Грача Александра Даниловича.

§ 3.

Включить в состав экспедиции в качестве начальников отрядов старшего научного сотрудника А. М. Мандельштама и ст. лаборанта С. Н. Астахова.

§ 4.

Начальнику экспедиции А. Д. Грачу представить мне полный состав руководящего персонала и штата экспедиции на 1965 г. к 15 февраля с. г.

Зав. Ленинградским отделением

Института археологии АН СССР

доктор исторических наук, профессор

..... (М. К. Каргер)

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 15.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 119

по Ленинградскому отделению Института археологии АН СССР

г. Ленинград

11 декабря 1973 г.

§ 1.

Объявляется приказ № 112 по Институту археологии АН СССР от 7 декабря с. г.

§ 2.

ГРАЧА А. Д. – ст. научного сотрудника ЛО Института, канд. ист. наук освободить от занимаемой должности с 15 декабря с. г. в связи с истечением срока работы, установленного законодательством о конкурсах.

Основание: протокол ученого совета ИА АН СССР № 18 от 7/XII-73 г.

п.п. Директор Института археологии
АН СССР, академик

..... Б. А. Рыбаков

Зав. Ленинградским отделением
Института археологии АН СССР
кандидат исторических наук

..... В. П. Шилов

выписка верна:

[подпись, печать]



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, лит. А
тел. +7 (812) 5715092, факс +7 (812) 5716271, Эл. почта: admin@archo.ru

Выписка из протокола № 7 заседания Учёного совета ИИМК РАН
от 25 декабря 2019 г.

Председатель: д.и.н. В. А. Лапшин

Секретарь: к.и.н. Е. С. Ткач

На заседании присутствовали 12 членов Учёного совета

п. 2

Слушали:

Выступление с.н.с. Отдела Центральной Азии и Кавказа, к.и.н. Н.Ю. Смирнова с докладом по делу об увольнении старшего научного сотрудника, к.и.н. А.Д. Грача из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР от 15 декабря 1973 года.

Постановили:

1. Признать необоснованным решение Ленинградской секции Ученого совета ИА АН СССР от 23 ноября 1973 г. (Протокол №19) о неизбрании старшего научного сотрудника (научное звание), кандидата исторических наук Александра Даниловича Грача на должность старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР, повлекшее за собой увольнение из числа сотрудников института и утрату на длительный срок возможности работы по специальности в научных учреждениях г. Ленинграда.

2. Отметить выдающиеся организаторские способности А. Д. Грача, создавшего крупнейшую археологическую экспедицию в СССР и в течение восьми лет успешно и плодотворно ей руководившего и заложившего основы комплексного изучения древнего прошлого Тувы.

3. Признать основополагающий характер вклада А. Д. Грача в создание отдельного научного направления — археологического изучения Тувы в рамках ленинградской/санкт-петербургской научной школы археологии.

Председатель:

д.и.н. В. А. Лапшин

Секретарь:

к.и.н. Е. С. Ткач

Выписка верна

Учёный секретарь ИИМК РАН, к.и.н.

Е. С. Ткач

Приложение № 1

**МАТЕРИАЛЫ, УЧТЕННЫЕ И ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫЕ РАБОЧЕЙ ГРУППОЙ
УЧЕНОГО СОВЕТА ИИМК РАН для оценки решения ЛЕНИНГРАДСКОЙ
СЕКЦИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИА АН СССР от 23 ноября 1973 г. о неизбрании
А. Д. Грача на должность старшего научного сотрудника на новый срок**

1. Автобиография А. Д. Грача от 16 июля 1963 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 3–3 об.).
2. Выписка из Распоряжения № 40 по ИЭ АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая от 15 февраля 1957 г. [О присвоении звания младший научный сотрудник] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 7).
3. Нотариально заверенная фотокопия Диплома кандидата наук, полученного 12 июня 1963 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 14).
4. Выписка из Приказа № 59 по ЛОИА АН СССР от 17 июля 1963 г. [О зачислении в штат в порядке перевода из ИЭ АН СССР] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 6).
5. Выписка из Приказа № 1 по ЛОИА АН СССР от 7 января 1964 г. [Об избрании на должность младшего научного сотрудника на новый срок] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 8).
6. Копия Указа Президиума ВС Тувинской АССР от 9 октября 1964 г. [О награждении Почетной грамотой за заслуги в развитии экономики и культуры республики] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 24).
7. Автобиография А. Д. Грача от 4 января 1966 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 11–12).
8. Приказ № 20 по ЛОИА АН СССР от 9 февраля 1965 г. [Об организации СТЭАН, ее начальнике и персональном составе] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 15).
9. Выписка из Приказа № 100 по ЛОИА АН СССР от 28 ноября 1966 г. [Об избрании на должность младшего научного сотрудника на новый срок] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 16).
10. Копия Указа Президиума ВС Тувинской АССР от 29 июня 1967 г. [О присвоении звания Заслуженного работника культуры Тувинской АССР] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 22).
11. Выписка из Приказа № 107 от 31 октября 1967 г. [Благодарность за многолетнюю научную и общественную работу] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 17).
12. Характеристика от 1 ноября 1968 г. [Выдана «треугольником»: заведующий ЛОИА АН СССР, секретарь парткома, председатель месткома] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 20).
13. Выписка из Приказа № 118 от 13 ноября 1968 г. [О включении в состав постоянной комиссии ЛОИА АН СССР по полевой археологической методике] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 18).
14. Выписка из Приказа № 135 от 16 декабря 1968 г. [О переводе на должность старшего научного сотрудника] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 19);
15. Копия Почетной грамоты Президиума ВЦСПС от 4 ноября 1969 г. [Выдана начальнику Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 23).
16. Копия Удостоверения о награждении юбилейной медалью «За доблестный труд...» от 10 апреля 1970 г. [От имени Президиума ВС СССР] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 26).
17. Выписка из Постановления Президиума АН СССР (Секция общественных наук) от 5 ноября 1970 г. [О присвоении звания старшего научного сотрудника] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 21).
18. Копия Аттестата старшего научного сотрудника от 6 июля 1971 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 25).
19. Протокол № 27 заседания сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР от 19 ноября 1973 г. [Повестка дня: переаттестация старшего научного сотрудника, к.и.н. А. Д. Грача

и рекомендация на выдвижение на должность старшего научного сотрудника на новый срок] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 795, л. 72–73).

20. Характеристика от 21 ноября 1973 г. [Выдана «треугольником»: заведующий ЛОИА АН СССР, секретарь парткома, председатель месткома] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 30, оп. 1, д. 204, л. 90–90 об.).

21. Заявление А. Д. Грача, адресованное заведующему ЛОИА АН СССР В. П. Шилову и председателю месткома ЛОИА А. М. Мандельштаму от 21 ноября 1973 г. [О характеристике для переаттестации] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 30, оп. 1, д. 204, л. 89).

22. Протокол № 46 заседания местного комитета ЛОИА АН СССР от 21 ноября 1973 г. [Разбор заявления А. Д. Грача] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 30, оп. 1, д. 204, л. 71–88).

23. Протокол № 19 заседания ЛС УС ИА АН СССР от 23 ноября 1973 г. [Об избрании А. Д. Грача на должность старшего научного сотрудника на новый срок и др.] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 783, л. 86–89).

24. Заявление старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР А. Д. Грача [О приобщении к протоколу заседания ЛС УС ИА АН СССР его письма на имя директора ИА АН СССР, председателя УС ИА АН СССР акад. Б. А. Рыбакова] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 783, л. 89а).

25. Копия письма А. Д. Грача директору ИА АН СССР, председателю УС ИА АН СССР акад. Б. А. Рыбакову [Протест против необъективного решения о неизбрании на должность и просьба рассмотреть обстоятельства, изложенные в письме] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 783, л. 89б, 91а).

26. Копия письма директора ИА АН СССР, председателя УС ИА АН СССР акад. Б. А. Рыбакова [Ответ А. Д. Грачу] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 783, л. 91б).

27. Выписка из Приказа № 118 по ЛОИА АН СССР от 11 декабря 1973 г. [Об увольнении А. Д. Грача из числа сотрудников ЛОИА АН СССР с 15 декабря 1973 г.] (ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 5, д. 361, л. 27).

МОМЕНТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА ГРАЧА

Фотографии и копия газеты «Тувинская правда» предоставлены Научным архивом ИИМК РАН, Научным архивом ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва и Н. Л. Дементьевой.



В. Ф. Гайдукевич и его ученик А. Д. Грач. 2 июня 1950 г.

V. F. Gaydukevich and his disciple A. D. Grach. June 2, 1950



Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.

Сотрудники экспедиции (А. Д. Грач в центре, шестая слева – В. П. Дьяконова, второй справа – Б. Редуев, художник) и местные жители у юрты. 1957–1958 гг.

Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition of AS USSR. Workers of the expedition (A. D. Grach in the centre; V. P. D'yakonova, sixth on the right; B. Reduyev, artist, second on the right) and local residents near a yurt. 1957–1958



Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
А. Д. Грач и местные жители. 1957–1958 гг.

Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition of AS USSR.
A. D. Grach and local residents. 1957–1958



Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. А. Д. Грач и семья тувинцев.
1957–1958 гг.

Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition of AS USSR. A. D. Grach and a Tuvianian family.
1957–1958

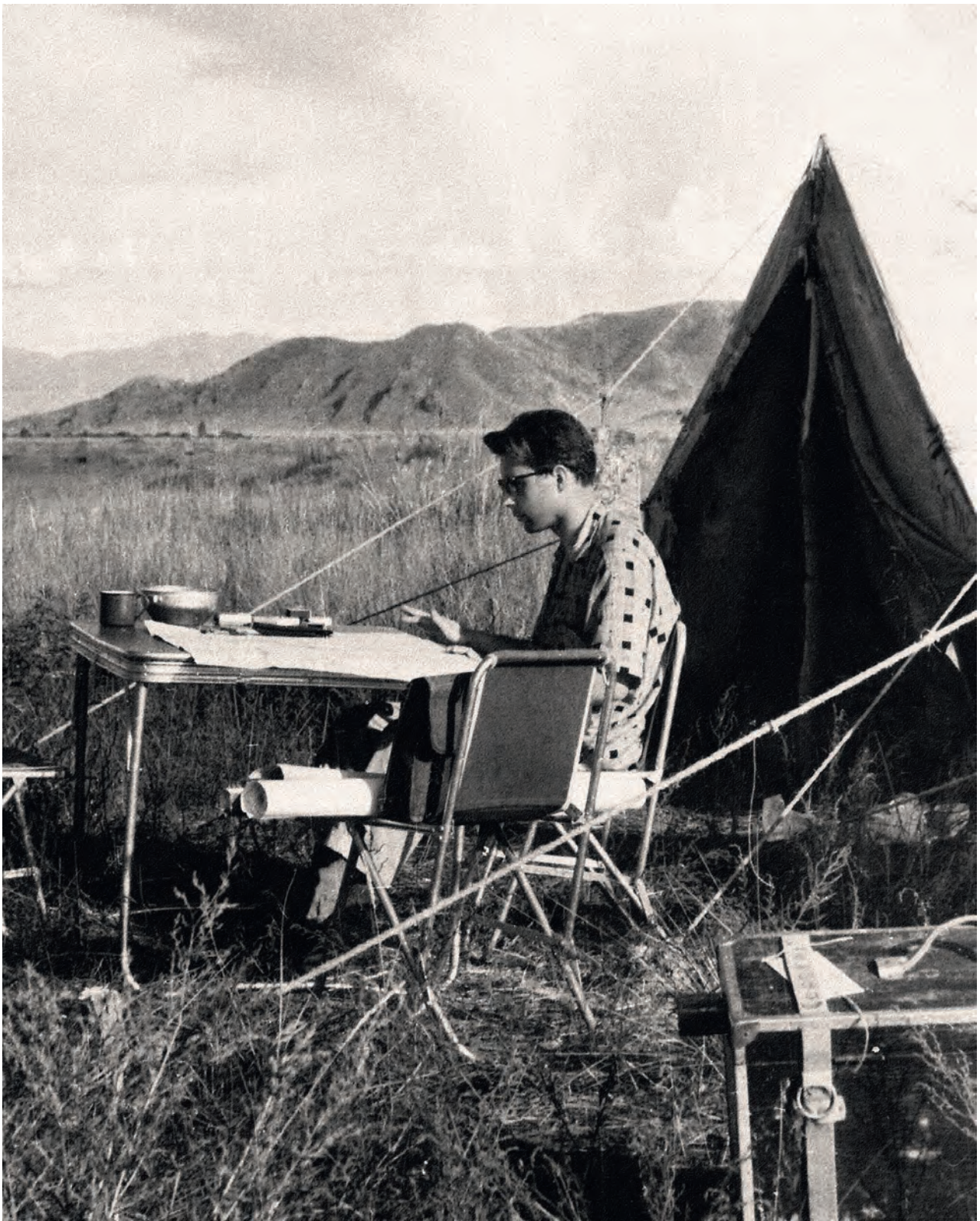


Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. Обеденный перерыв, слева направо: А. Д. Грач, В. П. Дьяконова, Л. П. Погапов. 1957–1958 гг.

Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition of AS USSR. Lunch break, left to right: A. D. Grach, V. P. D'yakonova, L. P. Potapov. 1957–1958



Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. Осмотр петроглифов. 1958–1959 гг.
Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition of AS USSR. Examination of petroglyphs. 1958–1959



А. Д. Грач у палатки – «полевой кабинет». Разведка в Центральной Туве. 1962 г.
A. D. Grach at the tent – 'field office'. Surveys in Central Tuva. 1962



Д. Г. Савинов, А. Д. Грач, М. Н. Пшеницына, М. Ламбет на базе в Кызыле. 1962 г.
D. G. Savinov, A. D. Grach, M. N. Pshenitsyna, M. Lambert at the base in Kyzyl. 1962



База экспедиции в Кызыле, ул. Советская, д. 20.
Expedition base in Kyzyl, Sovetskaya Str., 20



А. Д. Грач и М. Н. Пшеницына в юрте. Саялы. Октябрь 1962 г.
A. D. Grach and M. N. Pshenitsyna in a yurt. Sagly. October 1962



У экспедиционной машины стоят (слева направо) Ю. И. Трифонов, Сева Грач, А. Д. Грач.
Саяны, перевал. 1963 г.
At the expedition truck, staying (left to right): Yu. I. Trifonov, Seva Grach, A. D. Grach.
Sayans, the mountain pass. 1963



Водитель И. Васильев, Д. Г. Савинов, Сева Грач, Ю. И. Трифонов, И. У. Самбу. 1963 г.
Driver I. Vasil'yev, D. G. Savinov, Seva Grach, Yu. I. Trifonov, I. U. Sambu. 1963



А. Д. Грач с сотрудниками отряда: четвертый справа Ю. И. Трифонов,
тувинские школьники; сидят: И. У. Самбу, Сева Грач, И. Васильев. Хакасия. 1963 г.
A. D. Grach with workers of the expedition party: Yu. I. Trifonov (fourth on the right),
Tuvinian schoolchildren; sitting: I. U. Sambu, Seva Grach, I. Vasily'ev. Khakasiya. 1963



Участники экспедиции в лагере 1-го отряда. А. Д. Грач подводит итоги работ. 15 августа 1965 г.
Participants of the Sayan-Tuva expedition in the camp of the 1st party. A. D. Grach summing up the results of the works.
August 15, 1965



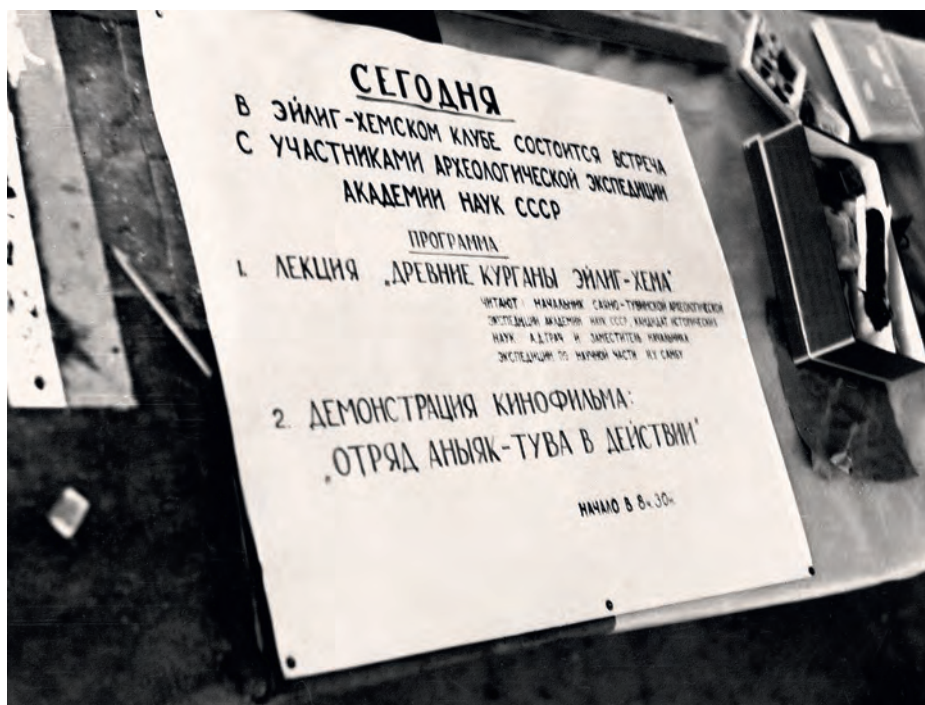
А. Д. Грач, М. П. Грязнов на пароме через Улуг-Хем. Центральная Тува. 1965 г.
A. D. Grach and M. P. Gryaznov aboard a ferry crossing the Ulug-Khem. Central Tuva. 1965



4-й отряд Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. Урбюн. 1965 г.
4th party of the Sayan-Tuva expedition of AS USSR. Urbyun. 1965



Обед в полевом лагере Первого отряда СТЭАН. 1969 г.
Lunch in the field camp of the First Party of STEAN. 1969.



Объявление о лекции А. Д. Грача и И. У. Самбу. Пос. Эйлиг-Хем. 1965 г.

Advertisement of a lecture by A. D. Grach and I. U. Sambu. Village of Eylig-Khem. 1965



А. Д. Грач и заведующий ЛОИА М. К. Каргер. Тува, Улуг-Хем. 1967 г.

A. D. Grach and the Chief of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology M. K. Karper. Tuva, Ulug-Khem. 1967



Курган Улуг-Хорум. Долина Саглы. 1968 г.
Kurgan Ulug-Khorum. Sagly valley. 1968



Съемка кургана Улуг-Хорум. Долина Саглы. 1968 г.
Photographing of kurgan Ulug-Khorum. Sagly valley. 1968



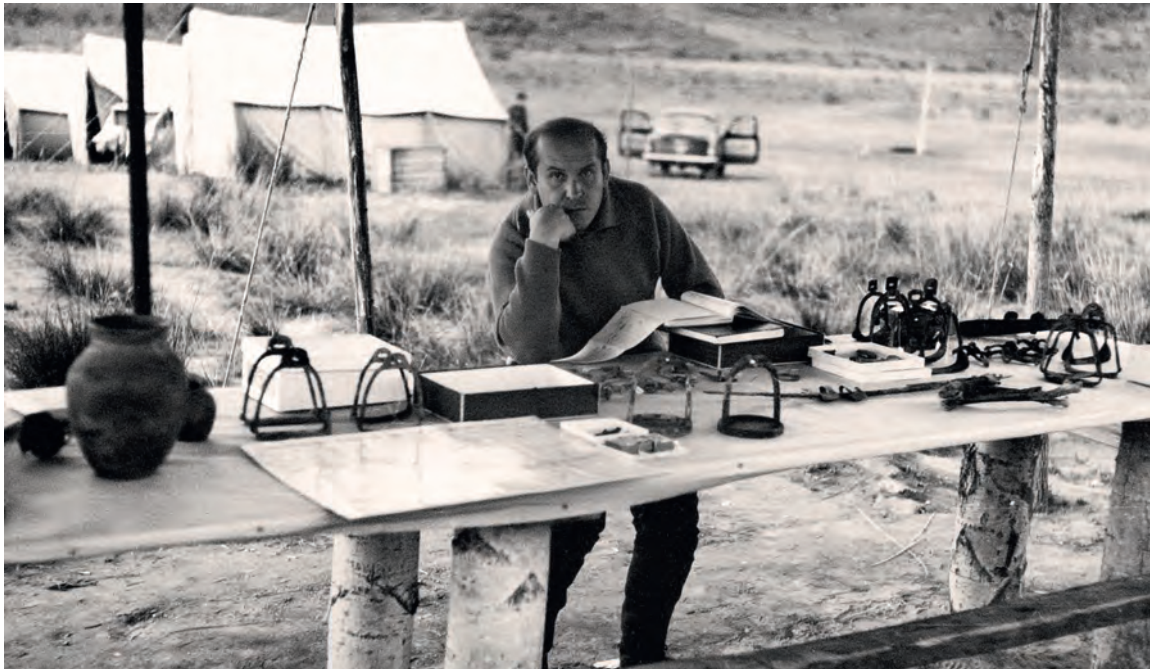
А. Д. Грач во время съемки фильма о Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. 1968 г.

A. D. Grach during making a film about the Sayan-Tuva expedition of AS USSR. 1968



А. Д. Грач и генеральный секретарь Тувинского обкома КПСС С. К. Тока. Кызыл. 1969 г.

A. D. Grach and the Secretary General of the Tuva District Committee of the Communist Party of the Soviet Union S. K. Toka. Kyzyl. 1969



Корреспондент Агентства печати ЦК ПОРП Р. Бадовский рассматривает находки из «кургана Багыра». Лагерь 1-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. 1965 г.

Reporter of the News Agency of the PUWP Central Committee R. Badowski examines finds from 'Bagyr's' kurgan. Camp of the 1st party of the Sayan-Tuva expedition of AS USSR. 1965



А. Д. Грач фотографирует расчищенную могилу Р. В. Брюса на Комендантском кладбище Петропавловской крепости. Рядом – А. Каприелов и Н. Дементьева (Буровик). 1968 или 1969 г.

A. D. Grach photographing the excavated grave of R. V. Bryus at the Komendantskoye Graveyard at the Peter and Paul Fortress.

A. Kapriyelov and N. Dement'yeva (Burovik) nearby. 1968 or 1969.



А. Д. Грач. 1970-е гг.
A. D. Grach. Early 1970s



А. Д. Грач в Нимфейской экспедиции. Крым. 1972 г.
A. D. Grach in the Nymphaion expedition. Crimea. 1972

**НАЧАЛЬНИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ СТЭАН
В ПЕРИОД РУКОВОДСТВА ЭКСПЕДИЦИЕЙ А. Д. ГРАЧА (1965–1972 гг.)**



С. Н. Астахов. 1970-е гг.
S. N. Astakhov. 1970s



Г. В. Длужневская. Начало 1970-х гг.
G. V. Dluzhnevskaya. Early 1970s



Д. Г. Савинов. 1985 г.
D. G. Savinov. 1985



Ю. И. Трифонов. 1965 г.
Yu. I. Trifonov. 1965



А. М. Мандельштам. 1950-е гг.
A. M. Mandelshtam. 1950s



И. У. Самбу. Голубое озеро. 1985 г.
I. U. Sambu. Blue Lake. 1985



М. Х. Маннай-оол. 1974 г.
M. Ch. Mannay-ool. 1974

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ТУВИНСКАЯ ПРАВДА

Орган Тувинского областного комитета КПСС,
Верховного Совета и Совета Министров Тувинской АССР

Год издания 46-й

ПЯТНИЦА

29

АВГУСТА

1969 года

№202
(7467)

Цена 2 коп.

У теснин Саянского каньона

Две недели назад Указом Президиума Верховного Совета Тувинской АССР Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Академии наук СССР награждена Почетной грамотой... Передо мной лаконичные строки государственного документа: «За многолетние и плодотворные исследования археологических памятников Тувы, а также за активное участие в пропаганде научных знаний среди населения...».

Что же стоит за этими строками?

Салютуем

первым взрывом...

Ровное плато начинается за поворотом реки высоким берегом, на котором белеют ряды шалаток. В этом месте бурный Хемчик встречается с Енисеем, и отсюда своеобразные тувинские реки долго текут рядом, не смешивая кофейно-бурые хемчинские струи с зеленоватым хрусталем Енисея.

В традиционный День археолога на плато состоялся большой праздник. Хозяева лагеря, сотрудники первого отряда экспедиции, принимали гостей...

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета республики Н. А. Сердобов, поздравляя археологов с праздником и наградой, говорил о большой научной работе экспедиции, о ее роли в пропаганде научных знаний в Туве. Председатель Совета Министров Тувинской АССР Х. А. Анчыма сказала:

— Ваша экспедиция не только олицетворение большой науки, но и подлинная школа воспитания юного поколения...

громыхивая лопатами и совками, отправляется на курганы, третий — пилитеро палеолитчиков — усаживаются в лодку и уплывают на поиск. Они редко возвращаются с пустыми руками.

Главная же задача третьего отряда — поиски стоянок людей каменного века. За плечами его руководителя, кандидата исторических наук Сергея Астахова, большой опыт работы в Туве. По сибирским материалам защищена им кандидатская диссертация. Кроме богатого опыта, на стороне этого ученого умение пойти на любой риск, найти выход из самого затруднительного положения. Коллеги Сергея Никитича из других отрядов, да и все, кто знает этого обязательного, простого человека, говорят о нем с любовью и уважением. А уж «астаховцы» готовы за своего Сережу в огонь и воду.

За нынешний сезон уже найдены двадцать четыре стоянки древних людей, семь из которых — здесь, на Усть-Хемчике. В числе находок немало орудий первобытного человека: скребки, ножи, пластинки, тесло с тщательно отполированным краем (видимо, периода неолита).

Среди исторических памятников очень примечательна найденная на высоком склоне горы своеобразная «мастерская». Первобытные люди использовали темно-красный камень, в изобилии находившийся там и удобно расщеплявшийся для заготовок, которые они потом превращали в различные орудия. Там же обнаружено множество наскальных рисунков, в основном изображений горных козлов. Возможно, некоторые из них оставлены как раз хозяевами этой «мастерской».

В Улуг-Хемском районе третий отряд сделал другое интересное открытие. В начале августа на месте слияния Хемчика с Енисеем была найдена стоянка первобытных людей каменного века...

галькты работает отряд молодого ученого Юрия Трифонова. Это место называют бездонной сокровищницей: из года в год оно дает самые различные находки.

Условия, в которых работает отряд, нелегкие. Его победы не определишь пабитым словом «везение». Не было бы таких интересных находок и удивительных открытий, если бы не повседневный кропотливый труд всех членов отряда. Огромное терпение и работоспособность, тщательность, ювелирность и буквально хирургическая виртуозность при раскопках — вот оно, истинное и самое дорогое золото.

Среди древних

курганов

Первый отряд — «столица» экспедиции... Но это не только ее штаб, ее мозговой центр, это — всегда самые сложные для работы условия, всегда самое труднодоступное место.

Первый отряд всегда трудится за Енисеем, всегда отделен от мира, так сказать, водной преградой. В течение трех сезонов отряд работал на каменных грунтах Куйлуг-Хемского плато — там, где расположены тысячи древних курганов. Усилия исследователей оплатились сторицей.

Ныне «столица» экспедиции переместилась в теснины Саянского каньона, или «трубы», где начаты первые в истории науки стационарные раскопки. Дорога на плато, где раскинулся палаточный город «Аныяк-Тыва», лежит через перевал, а потом — по Енисею.

Первые находки из расположенных в этих труднодоступных местах курганов скифского времени уже есть. В их числе оружие, редкие для

научных знаний в Туве. Председатель Совета Министров Тувинской АССР Х. А. Ачима сказала:

— Ваша экспедиция не только олицетворение большой науки, но и подлинная школа воспитания юношеского поколения...

Шумными аплодисментами встретили участники праздника яркие слова телеграммы с коротким обратным адресом — «Майна»: «Гидростроители Саяно-Шушенской ГЭС поздравляют научных сотрудников и молодежь археологических отрядов с Днем археолога... Салютуем первым шестидесятилетним взрывом скалы в створе ГЭС... Мысленно вместе с вами... Директор строящейся Саяно-Шушенской ГЭС Потемкин»...

«Дорогие

наши мальчишки»

— Она главные виновники торжества, — говорил на празднике руководитель экспедиции, кандидат исторических наук Александр Данилович Грач. — Руками наших ребят перевершены тысячи тонн земли, с их помощью сделано много ценных научных открытий.

И конечно же, как и во всяком юношеском коллективе, их отличают веселость и непосредственность, увлеченность спортом и музыкой. Немало тувинских ребят, побывав однажды в лагере, стремятся в экспедицию каждое лето. Так здесь образовался «костяк», ядро наиболее постоянных в своем увлечении юных археологов. Уже имеют большую опыт работы кызыльские школьники Жена Чичинни, Степа Лопсан, Игорь Седиц, Валера Иванов, Александр Сандай, Михаил Борбак. Но с большим увлечением работают и новички, особенно такие пытливые и настойчивые, как, например, Омак Намдара из Чербынской школы-интерната.

Мальчишки, набившие свои первые трудовые мозоли на курганах, вырастая и заканчивая школу, никогда не забывают свою «республику Шкид», как иногда они между собой называют экспедицию. Пишут письма, приезжают поработать сюда, если появляется возможность. Так, гостили в первом отряде «ветераны» — девятнадцатилетний Саша Степаненко, ставший студентом Томского института радиоэлектроники, Коля Чичинни, будущий авиатор, Алеша Аракчаа, поступивший в Омский физкультурный институт...

В ежедневном

поиске

Палеонтики — самая маленькая по составу группа археологов. Это первый отряд, например, по-

рые на них оставлены как раз заявками этой «мастерской».

В Улуг-Хемском районе третий отряд сделал другое интересное открытие. В начале августа на месте слияния Хемчика с Енисеем была найдена стоянка первобытных людей каменного века...

Золото самое дорогое

— У Мандельштама золото лопаты гребут. — такую фразу частенько можно услышать от ребят других отрядов. Впрочем, о находках второго отряда экспедиции, руководимого кандидатом исторических наук Анатолием Максимилановичем Мандельштамом, говорит много. И не даром. Тщательнейшие раскопки, второй сезон проводимые археологами этого отряда под Урбюном (три километра от Чаа-Холя), дают очень интересные результаты.

Работают мандельштамовцы на расчистке уйгурского городища Бажын-Алаак и могильника Аймырлыг. Могильник состоит из множества курганов, каменных «ящиков», ритуальных наземных выкладок и других памятников переходного периода от скифского к гунно-сарматскому времени.

Наиболее интересные находки были привезены в первый отряд и долго рассматривались внимательными и восхищенными глазами юных искателей. Вот оно, «мандельштамовское золото!» Помощница Анатолия Максимилановича, студентка-археолог Эльвира Стамбуллык, бережно перебирала длинные бронзовые булавки с головками, обернутыми листовым золотом, золотые цепочки и нашивные украшения в виде птиц, ценнейшие резные художественные изделия из кости и рога. Есть и оружие: бронзовые ножи и кинжалы в кожаных ножнах. Вниманию прибывших в палатку ребят привлекало великолепное стилизованное изображение горного козла на бронзовом зеркале. Все это найдено в курганах Аймырлыга.

Раскопки городища Бажын-Алаак, памятника уйгурского времени (IX—X вв. н. э.), казалось бы, не принесли внешне эффективных результатов. С вертолета Бажын-Алаак «читается», как говорят археологи, четким четырехугольником со стенами и башнями. На поверхности же глинобитные стенки «поймать» трудно: почва глинистая, мешают частые дожди. Но поиски продолжаются. Город, погибший в огне пожара в 840 году во время нашествия из-за Саяна енисейских кыргызов, вновь «оживет» и раскроет в конце концов свои секреты.

Километрах в двадцати от второго отряда, в самом начале дороги Шагонар — Чаа-Холь тоже продолжают упорные поиски. Здесь на раскопках богатейшего могильника Ар-

раскинулся палаточный город «Аныяк-Тыва», лежит через перевал, а потом — по Енисею.

Первые находки из расположенных в этих труднодоступных местах курганов скифского времени уже есть. В их числе оружие, редкие для этой эпохи железные уздечные наборы, золото, бронза, кость. Найдено совершенно уникальное южное украшение из так называемого «белого сплава» (бронза, серебро, сурьма, цинк и другие составные элементы). В этом металлическом кружке смонтированы изображения двух голов сайги.

Ушла через валы за Хемчик первая группа на раскопки курганов древнетюркских воинов. В сентябре первый отряд готовится к новому броску — за шиверы Сарыг-Хая и Кургол — на Староверский порог, где в прошлом году были открыты ранее неизвестные и во многом таинственные курганные могильники.

Просто рабочий

день

...Раннее утро, чистое и прохладное в этих предосенних горах. Солнце, еще не поднявшееся из-за скал, вызолотило только пики дальних вершин. Скоро оно достигнет лучами до светлых палаток, расположенных на плато стройными рядами, до желтых дощечек со словами: «Улица Багыра», «Улица Саглынской победы», «Улица Золотого тюрка и Волшебного зеркала»... У каждого из этих названий — своя история, история нелегких поисков и увлекательнейших находок археологов.

Голубоватый дымок и по-домашнему уютное погромыживание посуды из-под тента кухни, где хлопочет повар Дибан-хан Батырбековна Купакова, обещают скорый завтрак. У начала фыркают, прогреваясь, лодочные моторы — это Дмитрий Ермолаевич Евтифьев готовит в первом рейсу экспедиционную «флотилию». И, наконец, звонкие удары разрывов, как сарматский щит, гонга околпачательно возвещают: рабочий день начал!

К вечеру, когда удлиняются на земле тени, люди возвращаются в лагерь. Вскинув на усталые плечи лопаты, шагают наработавшие за день мальчишки.

А потом, когда замолкает движок и гаснут в палатках электрические лампочки, когда слышнее становится беспокойный голос Хемчика, в лагерь спускается с гор темнота. Тогда палатки кажутся припавшей к подножию светлеющей голубиной стаей, а на небе в черной оправе скал замирают большие мохнатые звезды.

Лагерь археологов засыпает... Он проснется с восходом солнца, чтобы снова пережить радостное ожидание открытия...

О. КУРБАТСКАЯ.



Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря)
Road to Sary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea)



Сарлыки. Тува
Sarlyki. Tuva

В ЦЕНТРЕ СТЕПНОГО КОНТИНЕНТА

ВЗЛЕТ К ВОСТОКУ: МЕМОРИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

А. Г. Акулов¹

Аннотация. Настоящая статья представляет собой краткий очерк развития мемориальной (курганной) архитектуры в центральноазиатском регионе с конца IV по начало I тыс. до н. э. Особое внимание автор уделяет двум архитектурно-планировочным моделям, лежащим в основе мемориалов. Первая модель (радиально-концентрическая) появляется в регионе с носителями афанасьевской культуры. Другая модель (восточная ориентация мемориала) приходит с окуневско-чумурчекской миграционной волной. Эти модели разрабатываются строителями курганов все последующие эпохи, особенно интенсивно на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века, когда возникают по-настоящему монументальные архитектурные мемориальные ансамбли.

Annotation. The present paper is a brief review of the development of the memorial (kurgan) architecture in the Central Asiatic region since the late 4th to the early 1st millennium BC. Special attention is paid by the author to two architectural planning models on which memorials are based. The first is a radial-concentric model; it appears in the region occupied by the bearers of the Afanasyev culture. The second model (eastern orientation of the memorial) came with the Okunev-Chemurchek migration wave. These models were developed by the builders of the kurgans throughout all the subsequent epochs, and particularly at the turn between the Bronze Age and Early Iron Age, when really monumental architectural memorial ensembles arose. As a result, we are dealing with the establishing of several regional traditions in the Scythian period, including the 'hybrid' ones combining the principles and techniques characteristic both of the first and second models.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, ранний железный век, скифский период, афанасьевская культура, чумурчекская культура, окуневская культура, тагарская культура, мемориальная архитектура, курган, херексур, олений камень.

Keywords: Late Bronze Age, Early Bronze Age, Scythian period, Afanasyev culture, Chemurchek culture, Okunev culture, Tagar culture, memorial architecture, kurgan, khirigsuur, 'deer' stone.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-81-97

В предуведомлении к этому небольшому обзору необходимо оговорить два основных положения. Во-первых, в нем упоминаются понятия и термины из области архитектуры, в том числе касающиеся взаимоотношений сооружений с ландшафтами и пространствами, в которых они находятся. Не имея возможности предложить даже краткий словарик таких понятий и учитывая ограниченный объем статьи, я отсылаю читателя к лучшей из переведен-

ных на русский язык книге на эту тему (Саймондс, 1965). В ней же можно найти обоснование высказываний, способных вызвать определенные сомнения в их научной корректности, – об «энергии сооружений», «проектировании переживаний», «окультурном равновесии» и т. д. Во-вторых, в качестве примеров, иллюстрирующих развитие погребальной архитектуры, в первую очередь здесь приводятся так называемые элитные памятники. Это обусловлено тем, что в них наиболее полно отображаются особенности архитектурной традиции той или иной археологической культуры, зачастую не-

¹ 199406, Россия, Санкт-Петербург, Гаванская ул., д. 45, кв. 58. Независимый исследователь.
Адрес электронной почты: elteber@yandex.ru.

явные в памятниках более низкого статуса, в строительство которых вкладывается меньше труда, тщания и искусства (Акулов, Паульс, 2008. С. 5).

Истоки курганной традиции евразийских степей в целом, и Центральной Азии в частности, представляются следующими. В течение V тыс. до н. э. по калиброванным радиоуглеродным датам в различных областях Европы возникают региональные традиции сооружения крупных пространственных объектов явно неутилитарного характера. Это ронделлы в Центральной Европе (4900–4600 лет до н. э., культуры Лендзел, Рессен, накольчато-ленточной керамики – см. *Палагута*, 2012. С. 81–85; *Literski, Nebelsick*, 2012), ранние кромлехи и курганы с коридорными гробницами Бретани (4700–4600 лет до н. э. – см. *Гимбутас*, 2006. С. 215–219, 542–543), первые длинные курганы Польши (4500–4300 лет до н. э., культура воронковидных кубков – см. Там же. С. 518), наконец, первые степные курганы Восточной Европы (начиная с 4700 лет, в основном 4400–4200 лет до н. э. – см. *Кореневский*, 2011. С. 63–66). Различные архитектурные особенности и назначение этих памятников, несхожесть культур их строителей не должны заслонять от нас единые генеральные идеи, лежащие в их основе, а именно создание в ландшафте общественных (культовых или церемониальных) сооружений с посылом на монументальность. Они видимы на значительном расстоянии, формируют особые пространства в своих пределах и в непосредственной близости к ним, имеют определенную ориентацию (в подавляющем большинстве – в восточный сектор, т. е. так или иначе соотносены с солнечным восходом) и, как следствие, обладают планировочными осями и перспективами. Вне зависимости от иных идей, вкладываемых в них создателями, – это ясная и выразительная демонстрация уровня развития возводившего их коллектива, его состоятельности во всех смыслах. Тысячекилометровые торговые и культурные связи для этой эпохи не редкость (*Чайлд*, 1952; *Кореневский*, 2011. С. 116; *Котова*, 2012. С. 143–144), и, видимо, можно говорить о вероятной диффузии этих идей в европейских культурах от Бретани до Предкавказья².

² Крайне интересно то, что феномен появления таких сооружений явно синхронен и, судя по всему, сопряжен с другим процессом, происходящим на тех же территориях, –

К концу V тыс. до н. э. (предмайкопский период – см. *Кореневский*, 2011. С. 61–68; предьямный горизонт – см. *Моргунова*, 2014. С. 148–152) курганной обряд погребения распространяется по всем степным культурам Восточной Европы того времени, однако облигатным еще не является. Согласно общепринятой точке зрения, таким образом увековечивалась память о людях особого авторитета или статуса. Поскольку на бескурганных крупных могильниках того времени встречены не менее, а то и более богатые погребения, вероятно, захоронение этих людей вне общинных кладбищ было желательным, когда их деятельность и значимость не ограничивались пределами одной общины. Как знак и ориентир, здесь была уместна насыпь над погребением. В самой отправной точке процесса рождения курганного обряда лежит необходимость сооружения адекватного памятника неординарной личности, если угодно, герою, создание его *мемориала*. Это глубинное, архетипическое представление сохраняется и проявляет себя через тысячелетия, воплощаясь то в соответствии предметов погребального инвентаря скифских царей атрибутам Йимы (см. *Чугунов*, 2018. С. 29–30), то в казацких представлениях о погребении в курганах древних богатырей.

К рубежу V–IV тыс. до н. э. некоторые курганы восточноевропейских степей достигают высоты, превышающей человеческий рост, в их архитектуре появляются рвы, кромлехи, в том числе с перерывами (см. *Котова*, 2011. С. 64–67), что уже свидетельствует о попытке отразить в архитектуре планировочную ось (рис. 1, 1–3). Это время интенсивных контактов со среднедунайскими областями (Там же. С. 143), и данная инновация тоже представляется их следствием. В последующие века внутреннее устройство восточноевропейских курганов сильно усложняется за счет последовательного перекрытия существующих курганов более поздними насыпями и досыпками, также со рвами, кромлехами, каменными стелами. Однако их общая архитектурная форма меняется мало, обретая лишь дополнительную монументальность за счет увеличения размеров. Впрочем, население постепенно

формированием индоевропейского мира. В самом деле, не все индоевропейские культуры до эпохи мировых религий строят курганы, но все их знают. И, при случае или по необходимости, все же возводят их или используют.

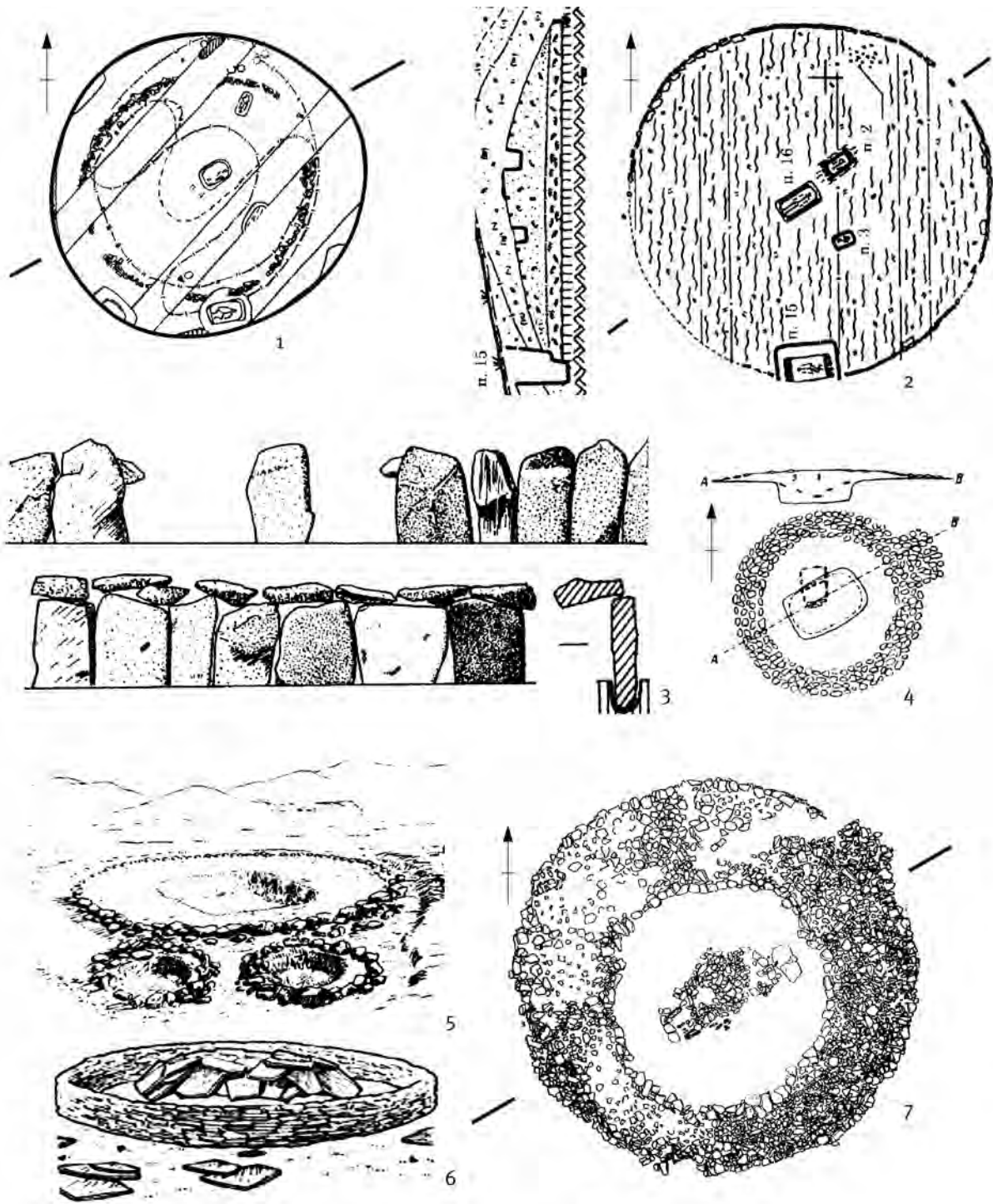


Рис. 1. Курганная традиция в степи в эпоху энеолита – раннего бронзового века. 1 – Куклина Могила, первая насыпь; 2, 3 – Новоалександровский курган, первая насыпь; 4, 6 – Красный Яр; 5 – Камышта; 7 – Восточное (1–3 – Котова, 2013. Рис. 192; 194; 4–7 – Вадецкая и др., 2014. Рис. 104, 3; 160, 5; 194, 1; 202, 3). Масштабы разные

Fig. 1. Kurgan tradition in the Steppe during the Aeneolithic epoch and Early Bronze Age. 1 – Kuklina Mogila, first earthfill; 2, 3 – Novoaleksandrovsky Kurgan, first earthfill; 4, 6 – Krasny Yar; 5 – Kamyshta; 7 – Vostochnoye (1–3 – Kотова, 2013. Рис. 192; 194; 4–7 – Вадецкая и др., 2014. Рис. 104, 3; 160, 5; 194, 1; 202, 3). Scales differ

продвигающегося на восток восточного фронта ямной культуры об этом разве что слышало, сооружая курганы, по форме, размерам и структуре практически не отличающиеся от возведенных тысячелетием ранее.

Перечисленные факты определяют тот багаж, с которым в последние века IV тыс. до н. э., в период максимальной территориальной экспансии «ямников», в Центральной Азии появляются носители афанасьевской культуры (*Поляков и др.*, 2018. С. 14–20). С ними сюда приходит и курганная традиция, правда в своем периферийном варианте, без изысков – круглый сплошной кромлех с невысокой насыпью (рис. 1, 4–6).

Афанасьевский курган можно назвать полноценным архитектурным сооружением лишь с большой натяжкой. Творчества здесь практически нет, игра с его пропорциями и формой ограничена и быстро исчерпывается. Почти у всех курганов размеры, а главное, высота не такова, чтобы произвести монументальное впечатление³, а именно в этом впечатлении, «проектировании переживаний», и заключается суть архитектуры, отличие ее от простого конструирования. Взаимодействие сооружений в общем ансамбле афанасьевского могильника сводится лишь к соотношениям их величин и расстояний между ними. Ориентировка большинства могил по линии СВ–ЮЗ никак не отражается на внешнем облике кургана, архитектурная моделировка этой оси отсутствует. По сути, строители этих погребальных памятников, найдя оптимальный способ увековечить память покойного, далее при каждом похоронах лишь «отбывают номер». Ситуация немного меняется в финале культуры, когда возводятся сооружения с претензией на монументальность, например Большое Камыштинское кольцо или «башня» в Восточном (рис. 1, 7 – см. *Вадецкая и др.*, 2014. С. 138–141). Однако развития эта тенденция получить не успевает, да и возникает уже после прихода с запада около XXVIII в. до н. э. следующей волны строителей курганов, открывшей в Центральной Азии новую эпоху (*Ковалев*, 2011. С. 186–190).

³ Монументальность сооружения начинается с высоты, существенно превышающей человеческий рост. Лишь такой объект, в силу природных инстинктов зрителя, воспринимается им как обладающий достаточной энергией, чтобы транслировать сильные эмоции – порыв, угрозу, торжество.

В архитектуру погребальных сооружений, появляющихся здесь с этой волной нового, чемурчекского населения, закладываются иные принципы. В основе их планировки лежит квадрат, прямоугольник или трапеция с ясной основной осью и, в ряде случаев, четко обозначенной фасадной стороной (рис. 2, 1, 2). Ближайшие аналогии такой планировке мы находим в коридорных и порталных гробницах Западной Европы (Там же. С. 191–202). Фасад ориентирован на восток, как правило, с отклонениями на север или юг, что позволяет с уверенностью говорить об астрономической ориентации⁴. К востоку от курганов расположены и площадки для совершения ритуалов (*Ковалев*, 2011. С. 190–191, 199; *Тишкин и др.*, 2012. С. 104–112), таким образом в пространстве памятника выделяются две функциональные зоны: собственно погребальная и поминальная. К западноевропейским мегалитическим культурам восходит и традиция установки вблизи кургана антропоморфных стел – прообраза архитектурных вертикалей.

Чемурчекские курганы невелики, не более 12–14 м в диаметре и высотой до одного метра, так что это, скорее, основа для развития архитектуры, нежели она сама. Конечно, не исключено, что были и более крупные чемурчекские памятники, но, в любом случае, среди синхронных культур существует та, которая намного ближе подошла к строительству полноценных архитектурных сооружений. Речь идет об окуневской культуре.

В отличие от чемурчекской, окуневская культура для принципов своего курганного строительства прямых прообразов на дальнем западе, как и в восточноевропейских степных культурах, не имеет. Тем не менее ее архитектурная традиция формировалась под сильнейшим влиянием чемурчекских традиций – так или иначе почти все перечисленные особенности чемурчекских курганов находят свое отражение в окуневских памятниках. На запад, в Восточную Европу, ведет и целый ряд других культурных аналогий. Однако антропология и генетика носителей окуневской культуры свидетель-

⁴ Подавляющее большинство курганов имеет ориентировку астрономическую – по небесным явлениям, прежде всего по восходу солнца, однако могильник в целом чаще всего ориентирован ландшафтно – по реалиям природного окружения.

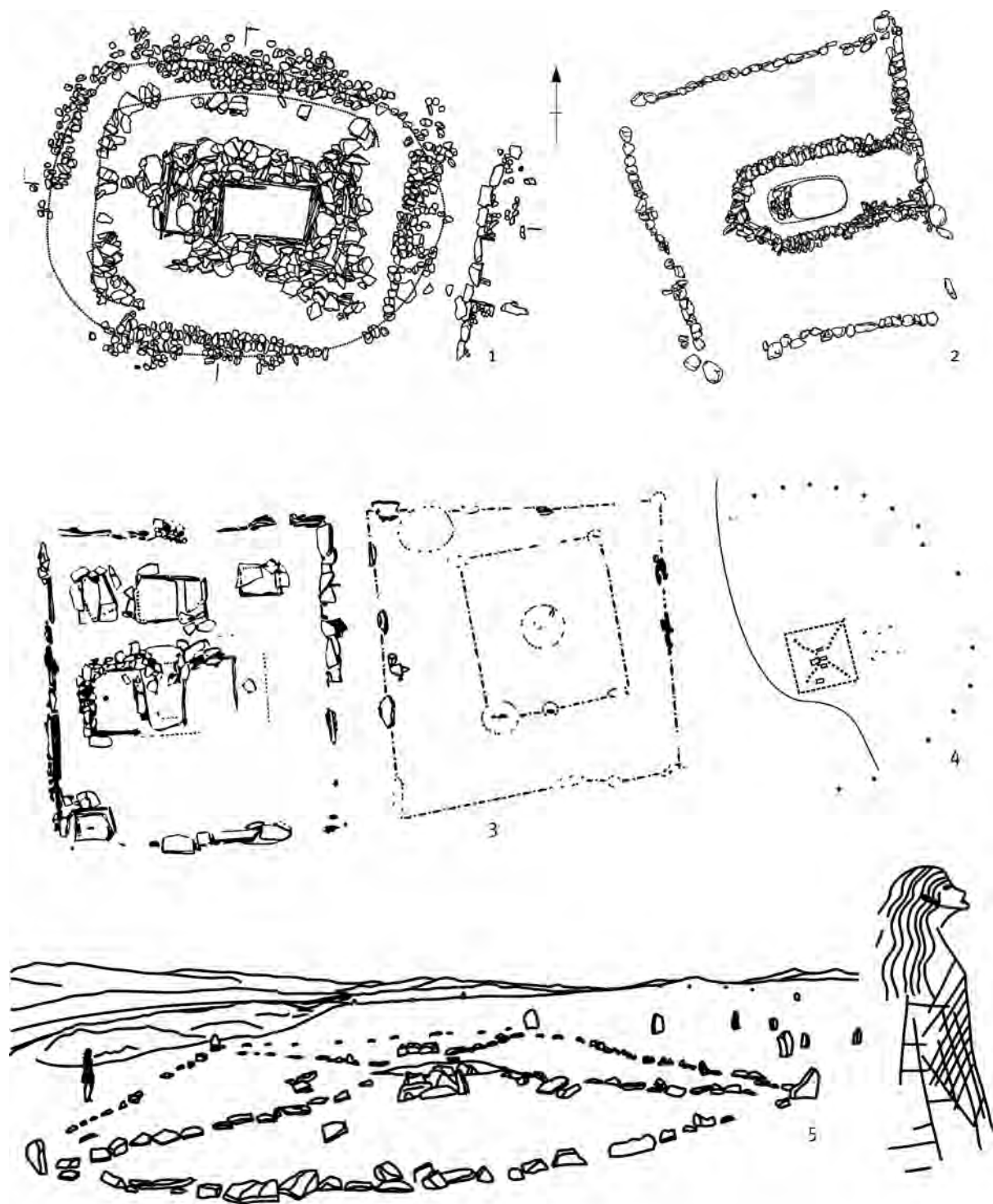


Рис. 2. Архитектура курганов окуневско-чемурчекского круга. 1 – Хэвийн ам; 2 – Айна Булак; 3 – Итколь, курган 26; 4, 5 – Туимский кромлех (1, 2 – Ковалев, 2011. Рис. 5, 1; 6, 1; 3 – Поляков, 2010б. Рис. 1; 4 – Кызласов, 1989. Рис. 7; 5 – рисунок автора). Масштабы разные

Fig. 2. Architecture of kurgans of the Okunev-Chemurchek circle. 1 – Kheviin Am; 2 – Ayna-Bulak; 3 – Itkol, kurgan 26; 4, 5 – Tuim cromlech (1, 2 – Ковалев, 2011. Рис. 5, 1; 6, 1; 3 – Поляков, 2010б. Рис. 1; 4 – Кызласов, 1989. Рис. 7; 5 – drawing by the author). Scales differ

ствуют об их отличии от афанасьевского и чемурчского населения, о том же говорит и целый ряд важнейших культурных особенностей: от керамической традиции до художественного стиля⁵. Очевидно, окончательно она сформировалась уже здесь, в Центральной Азии, вместе с иными яркими культурами, возникшими по обеим сторонам индоевропейского фронта, от тех же «чемурчехов» до Сяохэ и Шан.

Классические окуневские подквадратные погребальные ограды добавляют в набор приемов и принципов формирующейся архитектурной традиции региона несколько важных вещей. Это возросшие размеры курганов (до 40 м по стороне ограды в Тас-Хазе), хотя эти памятники еще невысоки, что не дает возможность говорить о настоящей монументальности. Очень важна устойчивость ориентировки оград по оси ЗЮЗ–ВСВ, с разбросом азимутов от 50° до 90°. Это впервые надежно свидетельствует об ориентации сооружений на восход солнца в день начала сооружения кургана в весенне-летний период – прием, который впоследствии будет использоваться в Центральной Азии вплоть до эпохи тюркских каганатов (рис. 2, 3). Большое будущее ждет и появляющуюся в это время традицию установки каменной стелы на главной планировочной оси кургана, к западу от центрального погребения – дальний прообраз выносных камней скифской эпохи (Поляков, 2014. С. 480–481).

Крайне важным для дальнейшего развития архитектуры стало то, что в окуневской культуре начинается установка высоких вертикальных каменных изваяний – до 4 м высотой. Подобная стела, безусловно, это монументальное сооружение, в ней сконцентрировано достаточно энергии, чтобы подавлять, воодушевлять, вызывать трепет или создавать ощущение причастности к великому. Масштаб подкрепляется сложной совокупностью изображений и, в ряде случаев, изогнутой формой стелы и ее узкой лицевой гранью, придающими даже одиноко стоящему камню элементы динамики. Однако в кур-

ганной архитектуре монументальные стелы окуневским населением не используются, для них эти стелы – «вещи в себе», судя по всему, не образующие с сооружениями иной природы и иного назначения единых пространственных комплексов.

Наконец, самая интересная и многообещающая окуневская инновация – возникновение в «курганах с диагональными кладками» (Лазаретов, 2012. С. 220–224) особого архитектурного канона для необычных погребальных сооружений. Лучше всего из них сохранился исследованный Л. Р. Кызласовым Туимский кромлех (рис. 2, 4, 5 – см. Кызласов Л., Кызласов И., 1986. С. 186–187). В нем центральное погребение молодой женщины было устроено на пересечении внутренних диагоналей подквадратной ограды, сложенных из камней, затем перекрыто насыпью высотой свыше метра, вокруг же (или по дуге, охватывающей большую часть окружности) был возведен кромлех диаметром около 80 м из вертикально стоящих стел до 1,2 м высотой, разделенных промежутками от 6 до 18 м. Вертикальными стелами были также отмечены углы фасадной стороны ограды и ритуальная площадка перед ней. Схожий комплекс меньшего масштаба был раскопан И. П. Лазаретовым у Красного Камня (Лазаретов, 2012. С. 220–224).

Это уже архитектура в чистом виде, хотя еще и не монументальная – крупные размеры комплекса в плане, сложная знаковая планировка, маркировка вертикалями структурных узлов и функциональных зон. Главная ось и архитектурная перспектива памятника, проходящие через центральное погребение, центр фасадной стороны и своеобразные «ворота» из вертикальных стел, оформляющих поминальную площадку с востока, направлены на ВСВ по азимуту 76°, что соответствует восходу солнца в данном локусе около 25 апреля (в Красном Камне – около 18 марта). Все это в совокупности позволяет предположить, что здесь мы имеем дело с предельно сакрализованными памятниками, связанными с весенними календарными празднествами⁶, где погребенная тем или иным образом репрезентировала женское божество, иконография которого в окуневской культуре хоро-

⁵ Многокомпонентность происхождения окуневской культуры не раз обсуждалась, и сейчас эта точка зрения может считаться общепринятой. Спор идет, скорее, об удельном весе этих компонентов в сложении культуры. Разные точки зрения – см. Э. Б. Вадецкая (1986. С. 35–36), И. П. Лазаретов (1997. С. 19–64; Лазаретов и др., 2012. С. 130–136).

⁶ Весеннее равноденствие – 22 марта и кельтский Белтайн (германская «Вальпургиева ночь») – с 30 апреля на 1 мая.

шо изучена (см. *Леонтьев и др.*, 2006. С. 22, 79). Иными словами, это не только погребальный, но и культовый комплекс, которому для статуса полноценной монументальной архитектуры не хватает лишь одного – высоты входящих в него сооружений. Это тем более странно, потому что высокие каменные стелы «окуневцы» уже умели изготавливать и устанавливать.

Но этот синтез будет осуществлен лишь в следующую эпоху. Масштаб курганного строительства к концу окуневской культуры уменьшается, а вскоре ее носители в Минусинской котловине частично вытесняются, частично ассимилируются андроновскими, а затем карасукскими племенами (*Лазаретов, Поляков*, 2008. С. 36). Часть окуневского населения, видимо, уходит на юг и юго-восток, поскольку в возникающей в позднем бронзовом веке центрально-монгольской архитектурной традиции не просто просматриваются окуневские реминисценции, а, скорее, именно окуневская традиция курганного строительства является ее основным истоком.

В начале позднего бронзового века новая «андроновская» волна пришельцев с запада в Центральную Азию и связанные с ней культурные пертурбации сильно воздействуют на упомянутые выше архитектурные идеи, принципы и концепты. В течение последующих веков складывается несколько линий развития погребальной архитектуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой. Именно тогда развитие социальных структур, обусловленное, видимо, контактами с возникающей китайской цивилизацией (если не прямым участием в этом процессе), дает мощный импульс для увеличения масштабов погребальных сооружений. Их форма и структура усложняется дополнительными конструкциями. Площадь крупных комплексов вместе с периферийными сооружениями к концу позднего бронзового века часто превышает гектар, приближаясь у крупнейших из них к 10 га. Высота некоторых элементов сооружений особого статуса начинает стабильно превышать человеческий рост, благодаря чему у людей, находящихся в пределах памятника, возникает ощущение пребывания в особом *пространстве-артефакте*. У создателей появляется возможность «проектирования переживаний» не только для близких покойного, но и для любых посетителей. Рубикон монументализма

пройден – это, безусловно, полноценная архитектура, «застывшая музыка», умело воздействующая на души.

И эти монументальные памятники наступающей эпохи существенно отличаются от возводившихся ранее. Это настоящие мемориалы. Пусть в них еще нет богатейших погребений скифской эпохи (богатство инвентаря им и не нужно), атрибуты деятельности и статуса тех, кому посвящены возводящиеся комплексы, репрезентированы в ясном, точном и сжатом виде на находящихся здесь же оленных камнях.

Как уже говорилось, так или иначе мемориальная функция в курганах присутствует изначально, но в крупных сооружениях эпохи бронзы, как на западе, так и на востоке евразийских степей, мы отнюдь не всегда можем утверждать ее примат над другой, *магической*, когда покойные становятся одним из компонентов, «кирпичиков» *кургана-святылища*, в совокупности посвященного «богам» – силам и законам, действующим в природе, смыслам существования человека и коллектива. В подобном случае курган является *магическим артефактом*, призванным на эти силы воздействовать, регулировать их. Показательный пример тому – комплексы типа Туимского кромлеха, в центре которых погребение молодой женщины. Но насколько это памятник – ее личным качествам и свершениям? Или она похоронена здесь как олицетворение весенней силы пробуждения природы? Глава рода? Жрица? А может быть, все-таки «Королева мая»? Одно вовсе не исключает другое – эти смыслы и мотивы часто тесно, неотличимо переплетаются.

Нельзя сказать, что эта магическая функция впоследствии совершенно уходит в прошлое. Как обергон, она остается не только в скифских мемориалах, – до некоторой степени мавзолей на Красной площади тоже памятник не только Ленину, но и «законам марксизма-ленинизма, предопределившим всемирно-историческую победу пролетарской революции», – все церемонии, там проводившиеся, как и любые произносимые на нем речи, имели отчетливо культовый, магический, заклинательный характер.

Тем не менее к началу скифской эпохи мемориальная функция кургана очевидно преобладает. На это недвусмысленно указывают именно оленные

камни, не просто антропоморфные, но, судя по атрибутам, связанные с социальным статусом и изображающие человека, а не божество или духа – индивида, скорее всего, реального. Вне зависимости от того, покоятся ли его кости здесь под землей (Ковалев и др., 2014. С. 50–51), его канонический стилизованный образ установлен навечно и явно, будучи важнейшим архитектурным элементом комплекса. Погребальный памятник окончательно становится мемориалом, который по сути своей есть визуализация в реальном мире памяти коллектива об исторических и культурных событиях, связанных с личностью или личностями, которым он посвящен; материализованная метафора этого отрезка Прошлого, его репрезентация, представление. В позднем бронзовом веке мемориалы Центральной Азии не всегда были сугубо индивидуальными, однако постепенная тенденция к посвящению их одной личности заметна.

Исследования памятников позднего бронзового века Монголии и сопредельных территорий дают пока возможность представить развитие мемориальной архитектуры того времени лишь в общих чертах, конкретика от нас часто ускользает. В определенном смысле это одна большая культурная общность: по всему ее ареалу используются схожие частные архитектурные решения и приемы, как, например, дополнительное ограждение центрального сооружения периферийными каменными конструкциями, использование архитектурных вертикалей (оленные камни и т. д.). Тенденция к монументализации мемориалов, судя по редкой еще серии дат, развивается в едином ритме. Однако в ней ясно обозначаются две области: западно- и центральномонгольская (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 107–108), в каждой из которых эти решения и тенденции накладываются на развивающуюся именно здесь основную, принципиальную структуру, модель, в основе которой явно лежит определенный фундаментальный образ. При этом сооружения, построенные по иной, преобладающей у соседей модели, появляются в каждой из этих областей, представляя скорее не генеральную, а побочную линию.

Мемориальная архитектура в западномонгольской области, включающей русский Горный Алтай и Туву, консервативна, восходит к курганной архитектуре афанасьевской и андроновской культур

и развивает радиально-концентрическую планировочную модель, изначально присущую степному кургану (рис. 3, 1–7). В рамках монументализации погребальных памятников эта модель находит свое предельное выражение в херексурах с лучами. Внешнее кольцо наглядно обозначает границу пространства мемориала, зону доминирования в человеческом восприятии центрального сооружения – усыпальницы погребенного, его посмертного «дома». Сходящиеся к этому сооружению лучи усиливают эффект. Нетрудно заметить принципиальную статичность этой архитектурной модели. Недаром здесь отсутствует четкий канон ориентировки и числа лучей, в ее рамках это неважно. Не выявляется и канона расположения на мемориалах оленных камней (Ковалев и др., 2014. С. 50–51) – артефактов совершенно иной природы, обладающих ярко выраженной направленностью и динамичной формой. Распространение на каком-то этапе четырехугольных курганов с камнями по углам связано с влиянием восточных соседей и, возможно, совпадает по времени с появлением аналогичных сооружений в карасукской культуре Минусинской котловины (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 37–43). Весьма существенно то, что еще на ранних этапах возникает архитектурная форма круглой платформы, огражденной крепидой (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 106), позднее она отступает «в тень», но блестяще возрождается впоследствии в курганах аржанского типа.

Напротив, в архитектуре мемориалов Центральной Монголии – восток Хангая, верховья бассейна Селенги (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 103–105) – от статичной радиально-концентрической модели остается, пожалуй, лишь внешняя округлая или эллиптическая зона каменных колец-поминальников, как и само центральное сооружение. В остальном эти памятники воспроизводят восходящую к курганам окуневско-чемурчекской традиции принципиально иную модель восточной ориентации мемориала (рис. 4, 1–6). Этому принципу подчинено все: всегда открытая экспозиция в восточный квадрант горизонта, трапециевидная ограда с фронтальной / фасадной стороной на востоке; дополнительные конструкции внутри ограды (небольшие «усы», направленные на восток от центральной насыпи, или оформленный «проход» в ту

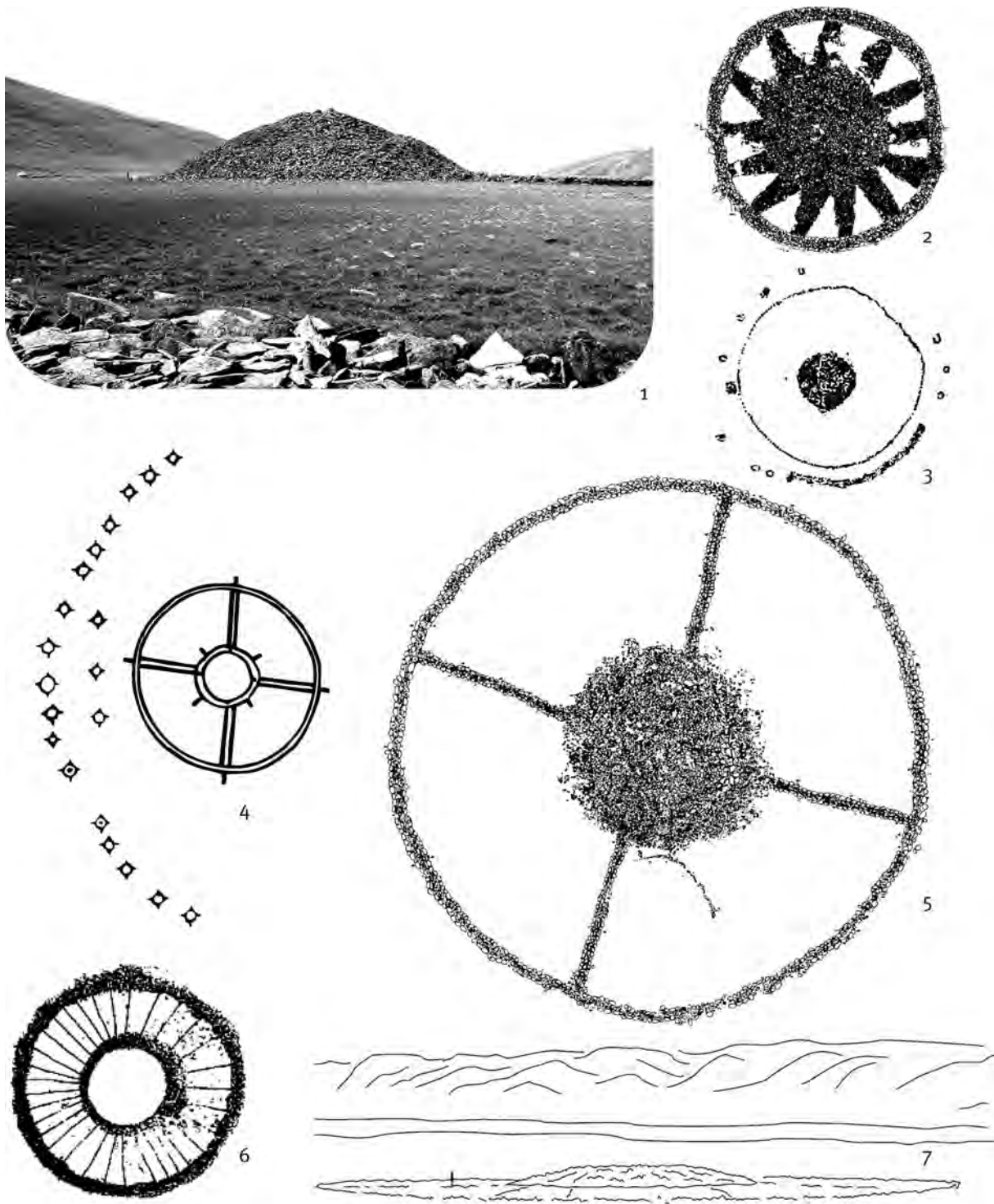


Рис. 3. Западномонгольская архитектурная традиция финала эпохи бронзы. 1 – Баркуль; 2 – Тэлэнгэйдийн ам; 3 – Эгийн-Гол, Е 397; 4, 5 – Улаан-Худаг 1, херексур 10; 6, 7 – Улуг-Хорум (1 – Wright, 2012. Fig. 2; 2 – Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. Рис. 3; 3 – Wright, 2007. Fig. 6; 4, 5 – Тишкин, 2013. Рис. 12; 14; 6, 7 – Грач, 1980. Вкл. II, 2). Масштабы разные

Fig. 3. West Mongolian tradition of the final Bronze Age. 1 – Barkul; 2 – Telengeidiin Am; 3 – Egiin Gol, E 397; 4, 5 – Ulaan Khudag 1, Khirigsuur 10; 6, 7 – Ulug-Khorum (1 – Wright, 2012. Fig. 2; 2 – Kovalov, Эрдэнэбаатар, 2010. Рис. 3; 3 – Wright, 2007. Fig. 6; 4, 5 – Тишкин, 2013. Рис. 12; 14; 6, 7 – Грач, 1980. Вкл. II, 2). Scales differ

же сторону); каменные курганчики-жертвенники с костями лошади, преимущественно с восточной стороны; установка стел и оленных камней высокой «лицевой» стороной на восток. Последнее сразу придает *динамику* архитектурному образу памятника: изначальная для курганного строительства центрическая, статичная модель размывается, а в предельном случае (Суртийн дэнж, Жаргалант – рис. 4, 5) полностью исчезает, заменяясь платформами со стелами и «смотрящими» на восток оленными камнями.

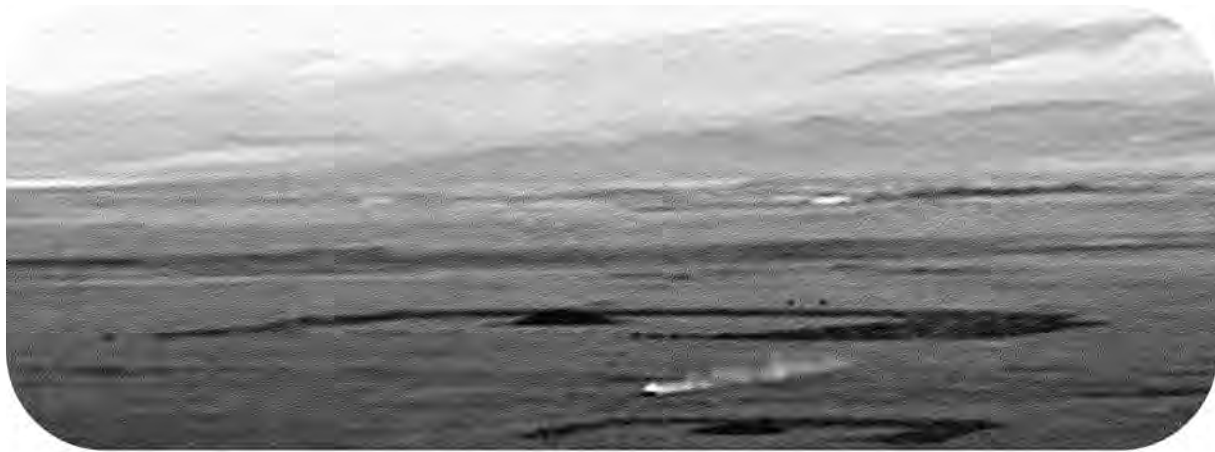
Эта модель инновационна, сложна, принятие ее влечет целый ряд последствий. Множественные вертикальные акценты задают *ритм* объектов и пустот; у мемориала появляются не только фасад, но виды сбоку, сзади, в три четверти, правая и левая стороны; пространство внутри него обретает оси и перспективное раскрытие, а при уменьшении или исчезновении центральной насыпи оно само становится композиционным центром. Сложность структуры нуждается в выработке архитектурно-планировочного канона, что можно увидеть в крупных престижных мемориалах. К его компонентам можно отнести как уже упомянутые особенности, например узкую длинную платформу вдоль северной стороны мемориала, встречающуюся не у всех крупных комплексов и пока не находящую себе явных аналогий в памятниках других культур.

Фундаментальное несходство мемориалов Западной и Центральной Монголии очевидно имеет в своей основе разную «аранжировку» представлений о посмертной судьбе человека. Заложенная в планировке мемориалов Хангая и Селенги архитектурная перспектива на восход, обращенные туда же лицевые грани оленных камней, динамичность архитектурного образа, сотни жертвоприношений коней, размещенных перед основным сооружением в этом направлении, видимо, воплощают в этих памятниках *идею ухода, путешествия за грань мира*. Протагонисты мемориалов покидают юдоль навсегда. Именно поэтому даже погребения и сооружения над ними необязательны, в их отсутствии (например, на Жаргаланте) нет никакой «беды» – все равно те, кому мемориал посвящен, вместе со всеми своими аксессуарами означены оленными камнями. Центральномонгольский мемориал – не усыпаль-

ница, не дом мертвых. Это *терминал*, «портал», если угодно. И рвущиеся ввысь олени на стоящих здесь камнях монголо-забайкальского типа подчеркивают и представляют суть этих памятников в масштабе одной стелы.

Этот архетипический для человеческой культуры комплекс идей именно в центральномонгольской мемориальной архитектуре обретает цельное воплощение. Его обаяние побудило строителей мемориалов прочих культур возникающего скифского мира включить найденные решения в свои архитектурные концепции. Так, еще в финале эпохи бронзы вокруг «западномонгольских» херексуров появляются дуги и кольца из каменных курганчиков и колечек (рис. 3, 3, 4), а позже, в начале скифской эпохи, на основе «западномонгольской» традиции круглых платформ и херексуров с лучами возникают мемориалы *аржанского варианта*. В них центральная насыпь, представляющая собой круглую высокую платформу (центрическая и *статичная* модель), окружена эллиптической зоной каменных «колечек» и дугами жертвенных «курганчиков» с востока и юго-востока, т. е. структурой, в планировке которой есть ось и направление, как у памятников центральномонгольской традиции (рис. 5, 1, 3, 5). Крайне интересна происходящая при этом своеобразная «инверсия» – если у центральномонгольских трапецевидных оград «курганчики» расположены ближе к ним, нежели «колечки», то в мемориалах Туранской котловины все с точностью наоборот: «курганчики» здесь образуют самую внешнюю дугу от северо-востока до юго-запада. Поскольку в обоих случаях речь идет об устойчивом архитектурном каноне, подобный факт свидетельствует о смене смыслов, вкладываемых строителями в эти архитектурные элементы мемориалов.

Не менее интересен факт четкой ориентации главной архитектурно-планировочной оси у всех ранних «царских» курганов Туранской котловины, где ее можно определить, по азимуту около 111 градусов, на точку солнечного восхода 24–25 октября: Аржан-1 (внутренняя структура), Аржан-2, Аржан-3, Чинге-Тэй I (рис. 5, 1–3, 5). Эта дата крайне близка к кельтскому Самайну, «празднику мертвых» в ночь на 1 ноября, когда истончается грань между



1

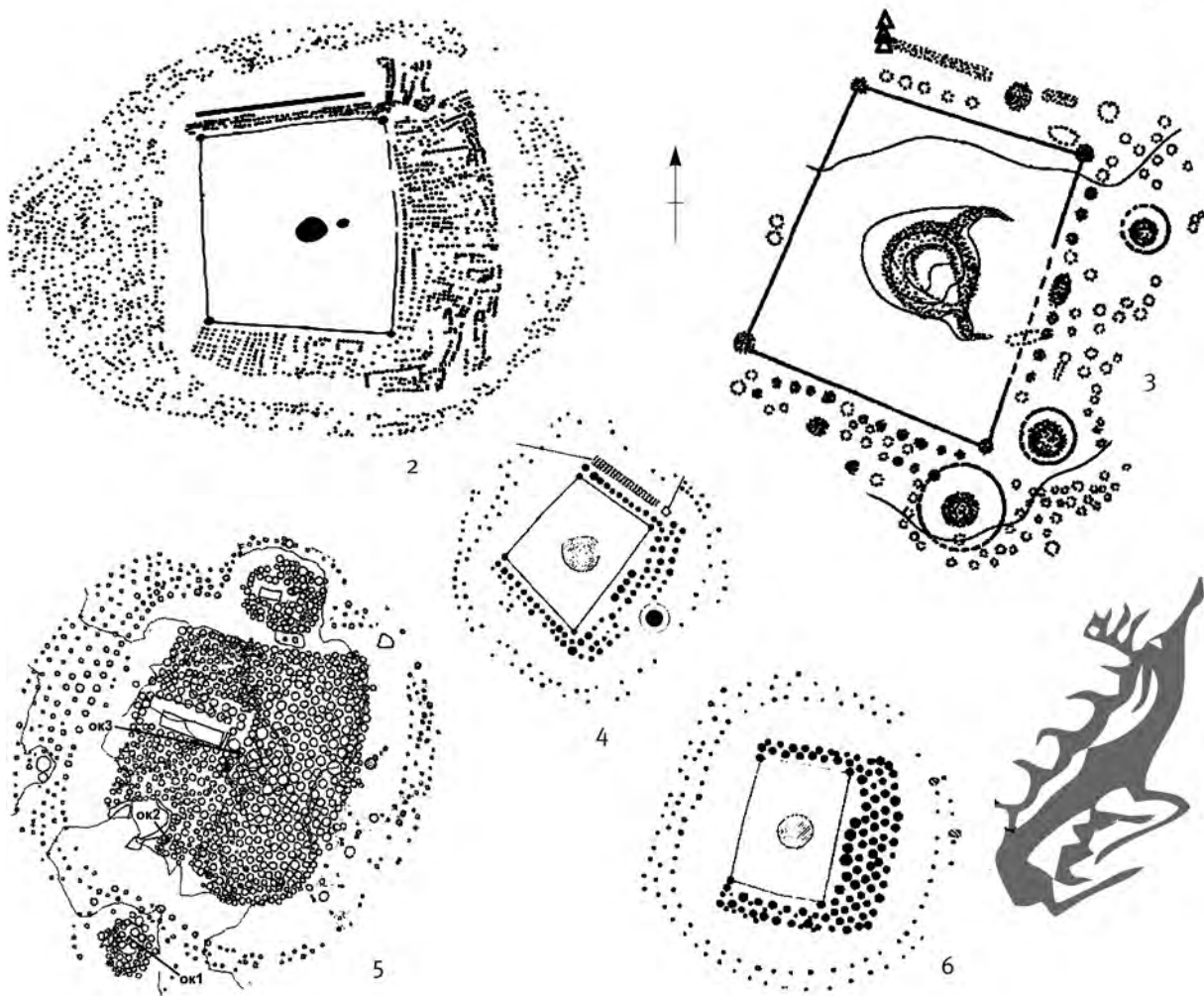


Рис. 4. Центральномонгольская архитектурная традиция финала эпохи бронзы. 1 – Урт Булагын; 2 – Цацын Эрег; 3 – Ушкийн Увэйр; 4, 6 – долина р. Хануй; 5 – Жаргалант (1 – из архива автора; 2 – Zazzo et al., 2019. Fig. 5; 3–6 – Ковалев и др., 2014. Рис. 3; 4, 2; 5). Масштабы разные

Fig. 4. Central-Mongolian architectural tradition of the final Bronze Age. 1 – Urt Bulagyn; 2 – Tsatsyn Ereg; 3 – Ushkiin Uver; 4, 6 – Khanui River Valley; 5 – Zhargalant (1 – from the author’s archives; 2 – Zazzo et al., 2019. Fig. 5; 3–6 – Kovalov et al., 2014. Рис. 3; 4, 2; 5). Scales differ

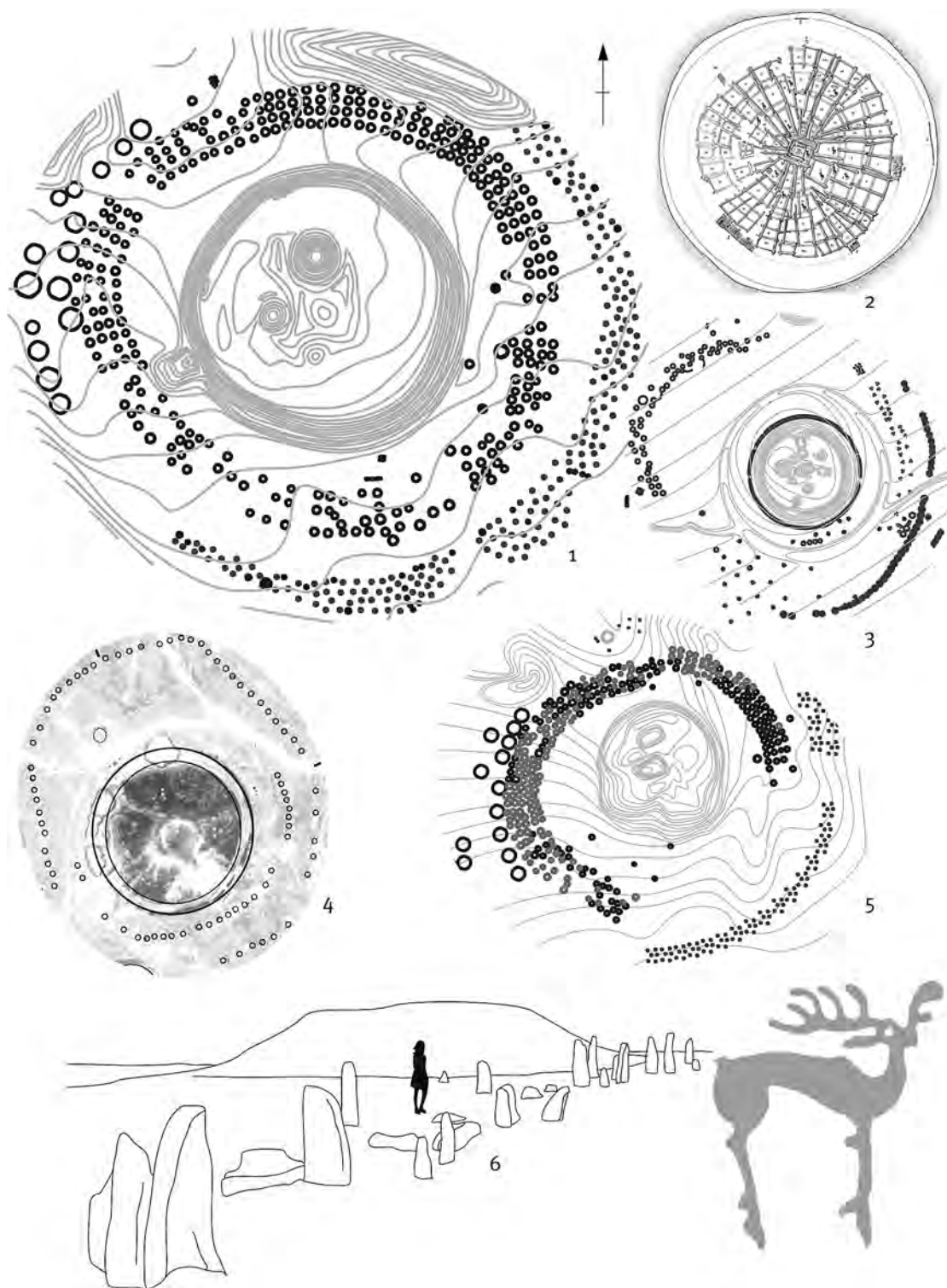


Рис. 5. Аржанский и семиреченский «гибридные» варианты западномонгольской традиции. 1 – Аржан-3; 2 – Аржан-1, внутренняя структура; 3 – Чинге-Тэй I; 4, 6 – Большой Бешшатырский курган; 5 – Аржан-2 (1, 3, 4, 6 – рисунки автора; 2 – Грязнов, 1980. Рис. 3; 5 – Чугунов, 2018. Рис. 5). Масштабы разные

Fig. 5. Arzhan and Semirechye 'hybrid' variants of the West-Mongolian tradition. 1 – Arzhan-3; 2 – Arzhan-1, internal structure; 3 – Chinge-Tey I; 4, 6 – The Great Besshatyr kurgan; 5 – Arzhan-2 (1, 3, 4, 6 – drawings by the author; 2 – Грязнов, 1980. Рис. 3; 5 – Чугунов, 2018. Рис. 5). Scales differ

«тем» и «этим» миром⁷. Схожие ориентации мы видим и у крупных центральномонгольских херексуров, и у значительно более ранних чемурчекских сооружений. Принимая во внимание очень вероятные западноевропейские корни носителей чемурчекской культуры, такое сопоставление представляется допустимым.

Подобные рефлексии центральномонгольской традиции в организации периферийных каменных конструкций мемориала мы можем наблюдать и в памятниках семиреченского варианта, например в Бесшатыре. Здесь круглый курган с кромлехом (статичная модель) помещен внутри эллипсоидной фигуры, напоминающей четырехугольник с округленными углами и образованной десятками колец из вертикальных стел (рис. 5, 4, 6). Хотя в целом планировка семиреченских раннескифских мемориалов с их идущим по периферии огромным кольцом вокруг кургана (ритуальная дорога – Гасс, 2012. С. 470–471) свидетельствует о безусловной принадлежности их к западномонгольской архитектурной традиции⁸. Несомненный ее прообраз – внешние кольца херексуров, выложенные крупными булыжниками по краям и забутованные между ними мелкими камнями.

Показательно, что на восходящих к западномонгольской традиции памятниках оленные камни тоже иные. На оленных камнях саяно-алтайского типа у изображений оленей и других животных устремленность вверх остается лишь в высоко поднятой

голове (так называемые трубящие олени), а тело совершенно статично. На камнях общеевразийского типа мы вообще видим лишь атрибуты погребенного. Принципиальная связь векторной планировочной структуры и «взлетающих» оленей представляется очевидной.

В целом, присутствие обеих тем в одних и тех же памятниках, например в аржанских мемориалах, не должно нас удивлять: двойственность представлений о посмертной судьбе, когда, с одной стороны, покойный хотя бы отчасти пребывает в могиле в материальном мире, а с другой – отправляется куда-то в иные, «запредельные» пространства, является инвариантной в человеческой культуре вообще. На протяжении тысячелетий мы имеем дело просто с разными «аранжировками» этой двойственности: когда одна из тем в погребальном обряде или мемориальной архитектуре выступает ведущей, другая – становится контрапунктом.

Что касается центральномонгольской традиции, то в скифском мире она имеет два ясных варианта: восточномонгольские плиточные могилы и тагарские курганы Минусинской котловины. Строители тех и других вначале пошли по одному пути. Они не хоронили на горизонте, поэтому не было необходимости в центральной насыпи. Архитектурный объем, необходимый для полноценного восприятия памятника, стал создаваться высокими вертикальными каменными стелами ограды. Это позволило максимально использовать преимущества мегалитического строительства, начиная от цвета и фактуры камня до придания ритмов фасадов угловыми и промежуточными стелами. Однако строителям плиточных могил, скорее, не хватило «желания» или ресурса для того, чтобы начать возводить понастоящему монументальные сооружения – размеры их оград так и не вышли за пределы 10 м, а высота камней у самых крупных сооружений лишь слегка превысила человеческий рост. Они создали цельный архитектурный образ и воплотили его в удивительно красивые и изящные памятники, но до масштабных архитектурных ансамблей дело у них не дошло (рис. 6, 1, 2).

Напротив, архитекторам мемориалов тагарской культуры, полностью принявшим культурную традицию скифского мира, в которой в качестве необходимого компонента предусматривалось соору-

⁷ Самайн – один из четырех главных календарных праздников, начало темной половины года у кельтов, в Британии – начало года вообще, окончание пастбищного сезона, массовый убой скота, общие сходы, пиры, сбор дани. Дни Самайна (обычно от 3 до 7) не принадлежат ни уходящему, ни наступающему году, в это время границы между реальным и сверхъестественным условны, переходы открыты. Приносятся многочисленные жертвы богам и духам, в том числе и духам умерших. Возжигаются священные огни, от них обновляются все другие, бытовые. В Самайн происходили описываемые сагами ритуальные умерщвления королей. След Самайна в современном мире – Хэллоуин. Схожий по смыслу, времени празднования и обрядам праздник – Дмитров день (26 октября) сохранился у балканских горцев-скотоводов (Кашуба, 1978. С. 219–220).

⁸ Представляется, что именно семиреченские или, по крайней мере, восточноказахстанские курганы наиболее близки по своим архитектурным особенностям к первому царскому кургану европейских скифов, по крайней мере, из раскопанных – Большому Краснознаменскому (Петренко, 2008). Не будет натяжкой предположить, что во главе «западного похода» стояли выходцы с этих территорий.

жение крупных и впечатляющих мемориальных комплексов нобилитета, удалось создать без преувеличения самую блестящую архитектурную традицию евразийских степей. Ее лучшие творения вполне сопоставимы с шедеврами западноевропейского мегалитического строительства (рис. 6, 3–9). Здесь совпало много факторов. Тенденция к индивидуализации мемориалов в это время достигает апогея, что побуждает зодчих экспериментировать, создавая новые, необычные образы. Ландшафт уже тогда был насыщен памятниками предыдущих эпох, среди которых – окуневские стелы, демонстрировавшие эффектность высоких и мощных вертикальных камней. Из архитектурной традиции памятников типа Туимского кромлеха, вероятно, были заимствованы обрамленные каменными стелами «ворота» с фасадной, восточной стороны. Вместе с центральномонгольской волной переселенцев в позднем бронзовом веке (*Лазаретов, Поляков, 2008. С. 43, 50*) здесь появляется принципиально новая модель установки крупных камней по всем углам ограды. Принцип же установки промежуточных стел вдоль ограды между углами, позволяющий сохранить цельность архитектурного объема и визуального образа мемориала при увеличении его масштаба, а также задать ритмический рисунок фасадов, здесь, вероятно, изобретается самостоятельно. Аниконичность, что-то вроде табу на скульптурную моделировку вертикальных стел, пусть даже такую условную, как на оленных камнях, приводит к тому, что творческие поиски создателей мемориалов сосредоточились на выразительности исключительно архитектурных образов и форм. Возможно, их главной удачей при разработке канонов, которым они с незначительными модификациями следовали на протяжении многих веков, стала двухчастная модель мемориала: основное сооружение с эффектным использованием каменных вертикальных стел и – контрапунктом к нему – выносным камнем, стоящим у юго-восточного угла или далеко отнесенным к западу, назад, мощным и

выразительным. Все это позволило не только разработать отменную эстетику стандартных мемориалов элиты и рядового населения, но и создать выдающиеся архитектурные шедевры: Сафроновский ряд, большие курганы Онхаковского и Туимского могильников, центральная группа Салбыкского поля и т. д. (*Акулов, 2018*). В этих памятниках индивидуальность мемориала и его протагониста не просто видна, она бросается в глаза даже далеким от археологических штудий людям. Не зря именно здесь возникла формулировка Е. Д. Паульса, исчерпывающе объясняющая суть кургана скифской эпохи во всей евразийской степи: «Курганы – это человек».

Упомянутый большой курган Туимского могильника (рис. 6, 7) создает впечатление «взлета к востоку», к восходящему весенне-летнему солнцу, что сопоставимо с выразительными оленными камнями, но решено чисто архитектурными средствами. Мощные, низких пропорций, визуально наклоненные к востоку стелы чуть вразлет, с волнообразным абрисом верха, дальний выносной камень, слегка отклоненный в обратную сторону, к западу, и как бы удерживающий взмывающий курган на месте, – все эти, казалось бы, частные нюансы сливаются в едином, законченном и совершенном архитектурном образе.

Погребенным в подобных курганах сопутствуют бронзовые бляхи, изображающие тех же оленей с поднятой головой и подогнутыми ногами. Здесь их можно было бы посчитать просто символами, навсегда положенными рядом, – статусными, племенными, календарными, любимыми другими. Покой или движение в контексте погребального инвентаря пока не прочитывается, но мы видим их ясный прообраз на оленных камнях центральномонгольских мемориалов, где они находятся не во мраке могилы, а в ландшафте и пространстве. И там они не лежат, они взлетают – вперед, вдаль и вверх, к небу и восходящему солнцу – за пределы мира, оставляя его позади.

Акулов, 2018 – Акулов А. Г. Время котлов. Тагарская мемориальная архитектура от Аржана до Салбыка // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2018. С. 149–163. (Тр. ИИМК РАН. Т. 47).

Акулов, Паульс, 2008 – Акулов А. Г., Паульс Е. Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 5–8.

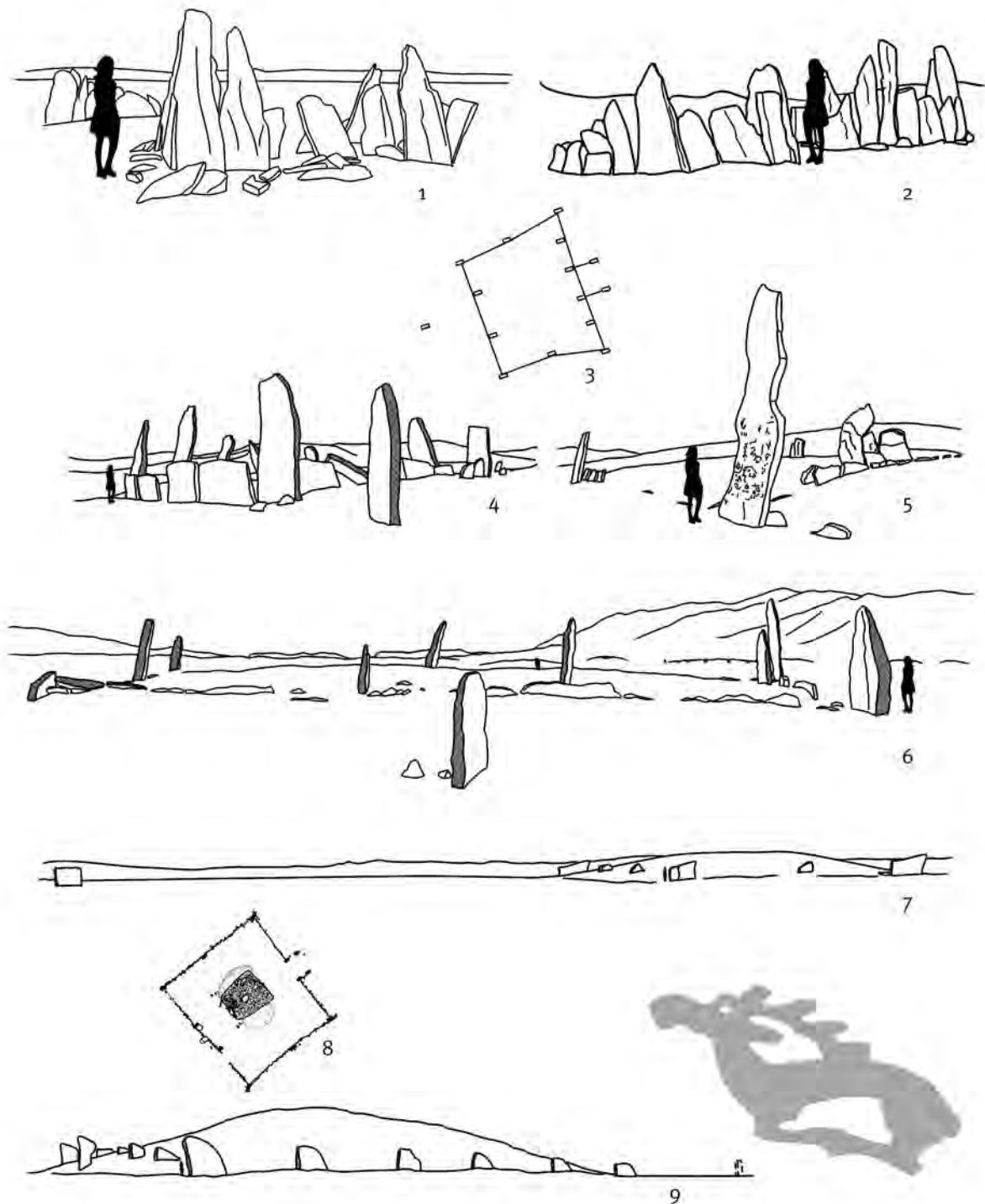


Рис. 6. Варианты центральномонгольской традиции: плиточные могилы и тагарские курганы. 1, 2 – Забайкалье; 3 – Сорай, курган 18; 4 – Большой Онхаковский курган; 5 – Сафроновский могильный ряд; 6 – Хаматхан (База); 7 – Туим; 8 – Тигей; 9 – Большой Салбыкский курган (1–7, 9 – рисунки автора; 8 – Седых, Марсаолов, 2009. Рис. 1, 2). Масштабы разные

Fig. 6. Variants of the Central-Mongolian tradition: slab graves and Tagar kurgans. 1, 2 – Transbaykalia; 3 – Soray, kurgan 18; 4 – The Great Onkhakov kurgan; 5 – Safronov grave field; 6 – Khamatkhan (Base); 7 – Tuim; 8 – Tigey; 9 – The Great Salbyk kurgan (1–7, 9 – drawings by the author; 8 – Седых, Марсаолов, 2009. Рис. 1, 2). Scales differ

- Вадецкая*, 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая и др.*, 2014 – *Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Гасс*, 2012 – *Гасс А.* О периферии больших сакских курганов Юго-Восточного Семиречья // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями* / Ред. В. А. Алёкшин и др. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 468–475.
- Гимбутас*, 2006 – *Гимбутас М.* Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 568 с.
- Грач*, 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов*, 1980 – *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Кацуба*, 1978 – *Кацуба М. С.* Народы Югославии // *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники* / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1978. Т. 3. С. 200–222.
- Ковалев*, 2011 – *Ковалев А. А.* Великая чемурчечская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // *РАЕ*. 2011. № 1. С. 163–244.
- Ковалев*, 2012 – *Ковалев А. А.* Чемурчечский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // *Чемурчечский культурный феномен: исследования последних лет* / Отв. ред. А. А. Ковалев. СПб.: б/м, 2012. С. 35–55.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2007 – *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Две традиции использования оленных камней Монголии // *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010 – *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы междунар. науч. конф.* / Ред. А. В. Цыбиктаров и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 4. С. 104–117.
- Ковалев и др.*, 2014 – *Ковалев А. А., Рукавишников И. В., Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни – это памятники-кенотафы // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 41–54.
- Корневский*, 2011 – *Корневский С. Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2011. 256 с.
- Котова*, 2013 – *Котова Н. С.* Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.
- Кызласов*, 1989 – *Кызласов И. Л.* Воплощения вселенной // *Историко-астрономические исследования. Минувшее, современность, прогнозы* / Отв. ред. А. А. Гурштейн. М.: Наука, 1989. С. 193–212.
- Кызласов Л., Кызласов И.*, 1986 – *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Работы в Северной Хакасии // *АО 1984 года*. М.: Наука, 1986. С. 186–187.
- Лазаретов*, 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология* / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов*, 2012 – *Лазаретов И. П.* Окуневские курганы с диагональными кладками // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями* / Ред. В. А. Алёкшин и др. СПб.: ООО «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 220–224.
- Лазаретов, Поляков*, 2008 – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы* / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Лазаретов и др.*, 2012 – *Лазаретов И. П., Поляков А. В., Есин Ю. Н., Лазаретова Н. И.* Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // *Историко-культурное наследие и духовные ценности России* / Отв. ред. А. П. Деревянко и др. М.: РОССПЭН, 2012. С. 130–136.
- Леонтьев и др.*, 2006 – *Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжн. изд-во, 2006. 236 с.
- Моргунова*, 2014 – *Моргунова Н. Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2014. 348 с.
- Палагута*, 2012 – *Палагута И. В.* Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.). СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.

- Поляков, 2010 – Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ООО «Инфо-Ол», 2010. С. 75–80.
- Поляков, 2014 – Поляков А. В. Объекты за пределами оград окуневской культуры // Тр. IV(XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А. Г. Сидтиков и др. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 478–481.
- Поляков и др., 2018 – Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // НОСА. 2018. Вып. 5. № 1(21). С. 14–22.
- Саймондс, 1965 – Саймондс Дж. О. Ландшафт и архитектура / Сокр. пер. с англ. А. И. Маньшавина; науч. ред. Л. С. Залесская при участии Е. М. Микулина. М.: Изд-во литературы по строительству, 1965. 193 с.
- Седых, Марсадолов, 2009 – Седых В. Н., Марсадолов Л. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // ТПАИ. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 101–110.
- Тишкин, 2013 – Тишкин А. А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // ТПАИ. Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. Вып. 1(7). С. 73–89.
- Тишкин и др., 2012 – Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012. С. 104–114.
- Чайлд, 1952 – Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 466 с.
- Чугунов, 2018 – Чугунов К. В. Цари и боги Азиатской Скифии // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2(27). С. 25–34.
- Literski, Nebelsick, 2012 – Literski N., Nebelsick L. D. Katalog der Kreisgrabenanlagen und verwandten Tells der ersten Hälfte des 5. Jt. in Mittel- und Südosteuropa // Neolithische Kreisgrabenanlagen in Europa. Internationale Arbeitstagung vom 7. bis 9. Mai 2004 in Goseck (Sachsen-Anhalt) / Hrsg. F. Bertemes, H. Meller. Halle [Saale]: Salzland Druck, 2012. S. 433–532. (Tagungen Landesmus. Vorgesch. Halle. Bd. 8).
- Wright, 2007 – Wright J. Organizational Principles of Khirigsuur Monuments in the Lower Egiin Gol Valley, Mongolia // JAA. 2007. Vol. 26(3). September 2007. P. 350–365.
- Wright, 2012 – Wright J. Landscapes of Inequality? A Critique of Monumental Hierarchy in the Mongolian Bronze Age // Asian Perspectives. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2012. Vol. 51(2). P. 139–163.
- Zazzo et al., 2019 – Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J-O. High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia // Antiquity. 2019. 93(367). P. 80–98.

Flight to the East: memorial architecture of early Central Asia

A. G. Akulov

The present paper is a brief review of the development of the memorial (kurgan) architecture in the Central Asiatic region since the late 4th to the early 1st millennium BC. Special attention is paid by the author to two architectural planning models on which memorials are based. The first is a *radial-concentric model*; it appears in the region occupied by the bearers of the Afanasyev culture. This model is particularly widespread in steppe cultures; it is static and isotropic. The second model (*eastern orientation of the memorial*) came with the Okunev-Chemurchek migration wave. By contrast to the first one, its structure clearly manifests architectural axes, orientations, perspectives, and ceremonial façades of a memorial. The first mod-

el, in the author's opinion, corresponds rather to the concept of a kurgan as a 'house of the dead', while the second one is based more on the idea of a 'terminal' wherefrom the soul of the deceased departs beyond the limits of the earthly world. These models were developed by the builders of the kurgans throughout all the subsequent epochs, and particularly at the turn between the Bronze Age and Early Iron Age, when really monumental architectural memorial ensembles arose. As a result, we are dealing with the establishing of several regional traditions in the Scythian period, including the 'hybrid' ones combining the principles and techniques characteristic both of the first and second models.

ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОГО ТИПА В МАТЕРИАЛАХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А. В. Поляков²

Аннотация. На сегодняшний день в материалах окуневской культуры Минусинских котловин известно 15 уникальных погребений катакомбного типа. Они существуют исключительно в самом раннем периоде сложения окуневской культуры. На этом основании можно сделать вывод о том, что погребения катакомбного типа являются одним из важных маркеров миграции – появления новой группы населения, которая принесла в Минусинские котловины свой «культурный багаж», который и определил в дальнейшем своеобразие окуневского феномена.

Annotation. Presently, among the materials of the Okunev culture of the Minusinsk hollows, fifteen unique burials of the catacomb type are known. They were used only in the very earliest period of the formation of the Okunev culture. This fact suggests that the graves of the catacomb type are among the most important markers of migration, i.e. the appearance of a new group of population which brought its own 'cultural luggage' to the Minusinsk hollows having determined the future peculiarity of the Okunev phenomenon.

Ключевые слова: Минусинские котловины, ранний бронзовый век, окуневская культура, уйбатский этап, катакомбы.

Keywords: Minusinsk hollows, Early Bronze Age, Okunev culture, Uybat stage, catacombs.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-98-110

История изучения

Впервые на территории Минусинских котловин катакомбное погребение обнаружено А. Н. Липским в 1951 г. при раскопках могильника Есь (*Липский, 1954*). В тот период окуневская культура еще не была выделена как самостоятельное явление, и автор раскопок причислил открытую им конструкцию к афанасьевским памятникам. Уникальные черты этого захоронения (первая катакомба, единственное трупосожжение окуневской культуры) и невысокий даже по меркам того времени методический уровень фиксации предопределили сдержанное отношение археологов к этой «сенсации» (рис. 1, 1). В дальнейшем материалы этих раскопок практически не были включены в крупные обобщающие работы.

Следующие два катакомбных погребения найдены в 1961 г. Н. В. Леонтьевым при исследовании

могильника Уйбат I (рис. 1, 2, 3). Однако эти материалы долгое время не вводились в научный оборот и были известны только специалистам по окуневской культуре. В результате осмысление этого удивительного явления не проводилось, и опубликованы они были только через 45 лет усилиями немецких специалистов (*Наглер, Парцингер, 2006*).

Кардинальный поворот в изучении могил этого типа произошел только в середине 1990-х гг. в результате раскопок И. П. Лазаретова могильников Уйбат III и Уйбат V. Были обнаружены три погребения, имеющие схожую между собой конструкцию, отчасти напоминающую подбой (рис. 1, 4–6). После их публикации в первом сборнике, посвященном окуневской культуре, не осталось сомнений в существовании особого типа погребальных сооружений (*Лазаретов, 1997*). Одновременно развернулась оживленная дискуссия о том, как их правильно называть: катакомбы или подбой (*Соколова, 2006, С. 254*). Уже тогда И. П. Лазаретов отметил приуроченность этих погребений к уйбатскому этапу культуры (*Лазаретов, 1997, С. 39*).

В последнее десятилетие И. П. Лазаретов и А. В. Поляков реализовали крупный проект по изучению раннего уйбатского этапа окуневской культуры. Были проведены раскопки значительной серии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: poliakov@yandex.ru.

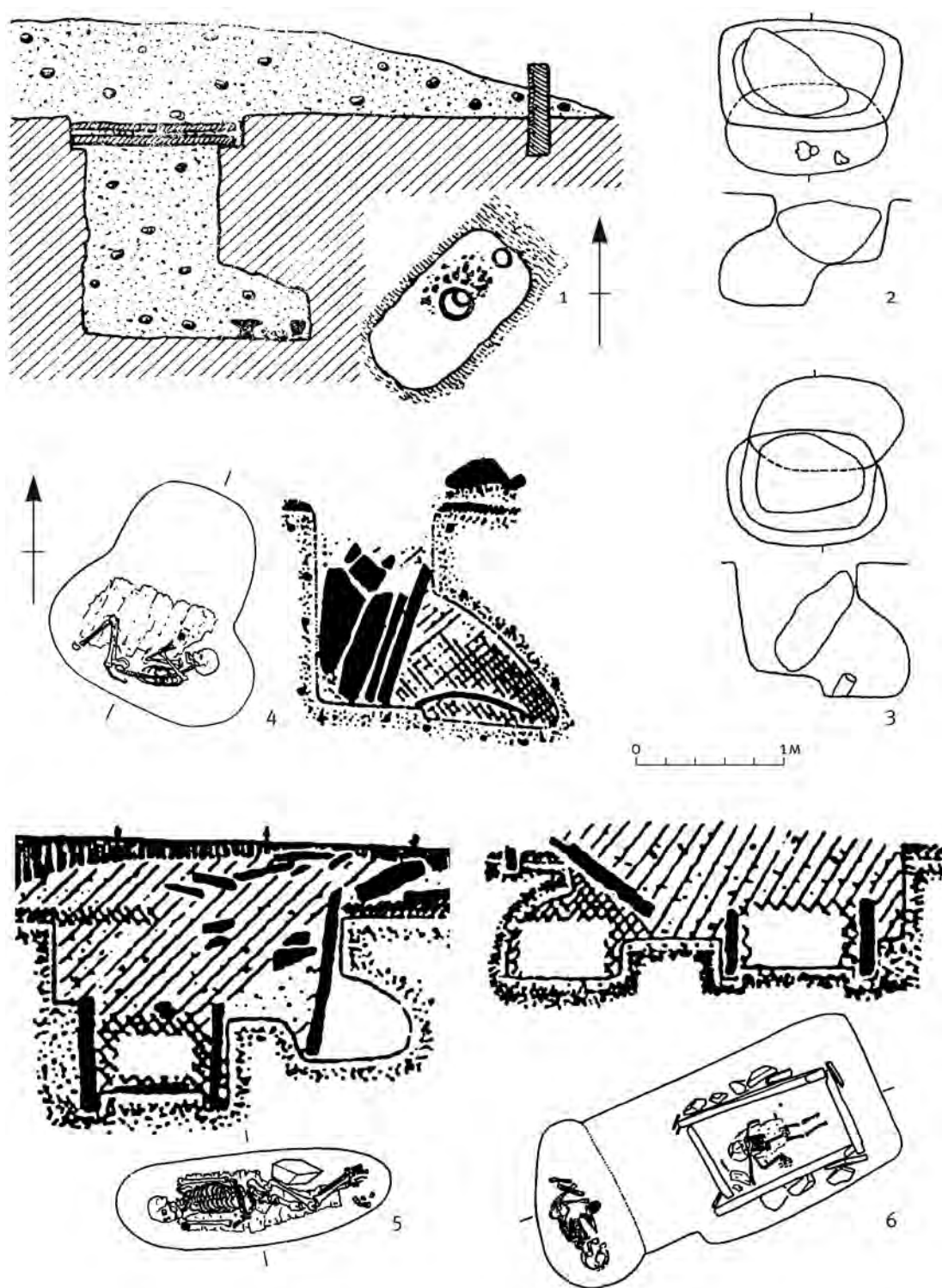


Рис. 1. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных с 1951 по 1994 г.

1 – Есь; 2 – Уйбат I, курган 1, могила 1; 3 – Уйбат I, курган 1, могила 7; 4 – Уйбат III, курган 1, могила 2; 5 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 6 – Уйбат V, курган 1, могила 6

Fig. 1. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated from 1951 to 1994.

1 – Yes'; 2 – Uybat I, barrow 1, grave 1; 3 – Uybat I, barrow 1, grave 7; 4 – Uybat III, barrow 1, grave 2; 5 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 6 – Uybat V, barrow 1, grave 6

курганов, датирующихся этим временем: Уйбат-Чарков, курган 1; Красный Камень, курганы 1 и 2; Итколь II, курганы 12 и 14. В результате этих исследований обнаружены девять погребений катакомбного типа, материалы которых еще вводятся в научный оборот (*Лазаретов, Поляков, 2018а; 2018б; Поляков и др., 2018*).

Таким образом, на сегодняшний день в окуневской культуре известно 15 погребений катакомбного типа (рис. 2; 3). Этот новый массив данных требует проведения его первичной систематизации и осмысления.

Расположение

Катакомбные погребения расположены практически по всей площади курганов, не образуя каких-либо лакун или скоплений. Они не обладали каким-то особым статусом и размещались на площади окуневских курганов согласно схеме, свойственной всем могилам раннего уйбатского этапа (*Поляков, 2017б*). Единственный случай, когда погребение (могила 2) находилось к СВ от центрального сооружения, прослежен в уникальном кургане 1 могильника Уйбат III. Это одно из наиболее ранних известных сооружений окуневской культуры, и, возможно, в данном случае мы наблюдаем рудимент еще более древних моделей размещения могил.

Интересной является традиция размещения входа и погребальной камеры в различных зонах кургана. Можно выделить шесть случаев схожего по идее размещения. Могила 6 кургана 1 могильника Уйбат-Чарков располагалась по юго-западной границе кургана, при этом вход находился за пределами ограды, а погребальная камера – уже внутри. В процессе сооружения этой могилы ограда была частично разобрана, сделана катакомбная конструкция, совершено захоронение и уже после того, как были установлены плиты, запирающие вход, поверх них была восстановлена ограда. Еще в четырех случаях (Уйбат III, курган 1, могила 2; Итколь II, курган 12, могилы 4-А, 11 и 13) та же идея реализована по отношению к центральному сооружению. Вход в могилу находился за его пределами, а сама погребальная камера выкапывалась так, чтобы заходить под него. Наконец, самый любопытный случай зафиксирован в могиле 8 кургана 14 могильника Итколь II, где окуневский курган был построен поверх афанасьевского. Это погребение было

расположено по границе афанасьевской ограды, соблюдая тот же принцип. Вход находился за пределами ограды, а погребальная камера – внутри. Возможно, эта идея связана с попыткой отделить два «мира». Получалось, что вход в могилу находился в «мире живых», а сама погребальная камера уже в «мире мертвых». Этой идее подчинено каждое третье обнаруженное в настоящее время катакомбное погребение.

Конструкции

Катакомбные погребения окуневской культуры весьма разнообразны по своей конструкции. Дискуссия о том, следует ли их называть катакомбами или подбоями, имеет под собой все основания. Некоторые из них действительно представляют собой простую нишу в земляной стенке могилы, отгороженную плитами. Другие имеют весьма сложные и проработанные детали, полностью исключающие возможность называть их подбоями. Причем оба типа конструкций встречаются неподалеку друг от друга в одном кургане и не могут рассматриваться как результат хронологической эволюции. Нет сомнений, что они существуют одновременно.

Учитывая многочисленные параллели окуневских памятников и катакомбной культурно-исторической общности, логично попытаться систематизировать имеющиеся материалы на основе хорошо проработанных типологических схем восточноевропейских степей (*Кияшко, 1999; Братченко, 2001*). Однако погребения катакомбного типа окуневской культуры не укладываются в эти схемы. Нет сомнений, что мы имеем дело с конструкциями одного принципа, однако использованные при разработке этих типологий ведущие признаки не применимы к окуневским материалам. Это не удивительно, учитывая расстояние свыше 3000 км. Погребения катакомбного типа окуневской культуры явно прошли самостоятельный путь своей эволюции, в результате чего обрели заметное своеобразие.

Можно выделить главную особенность катакомбных погребений – боковой вход в погребальную камеру. В результате свод погребальной камеры выглядит в виде земляного потолка. Фактически они состоят из двух частей: вход и погребальная камера, разделенных вертикальной перегородкой из плит. Обращает на себя внимание, что практи-

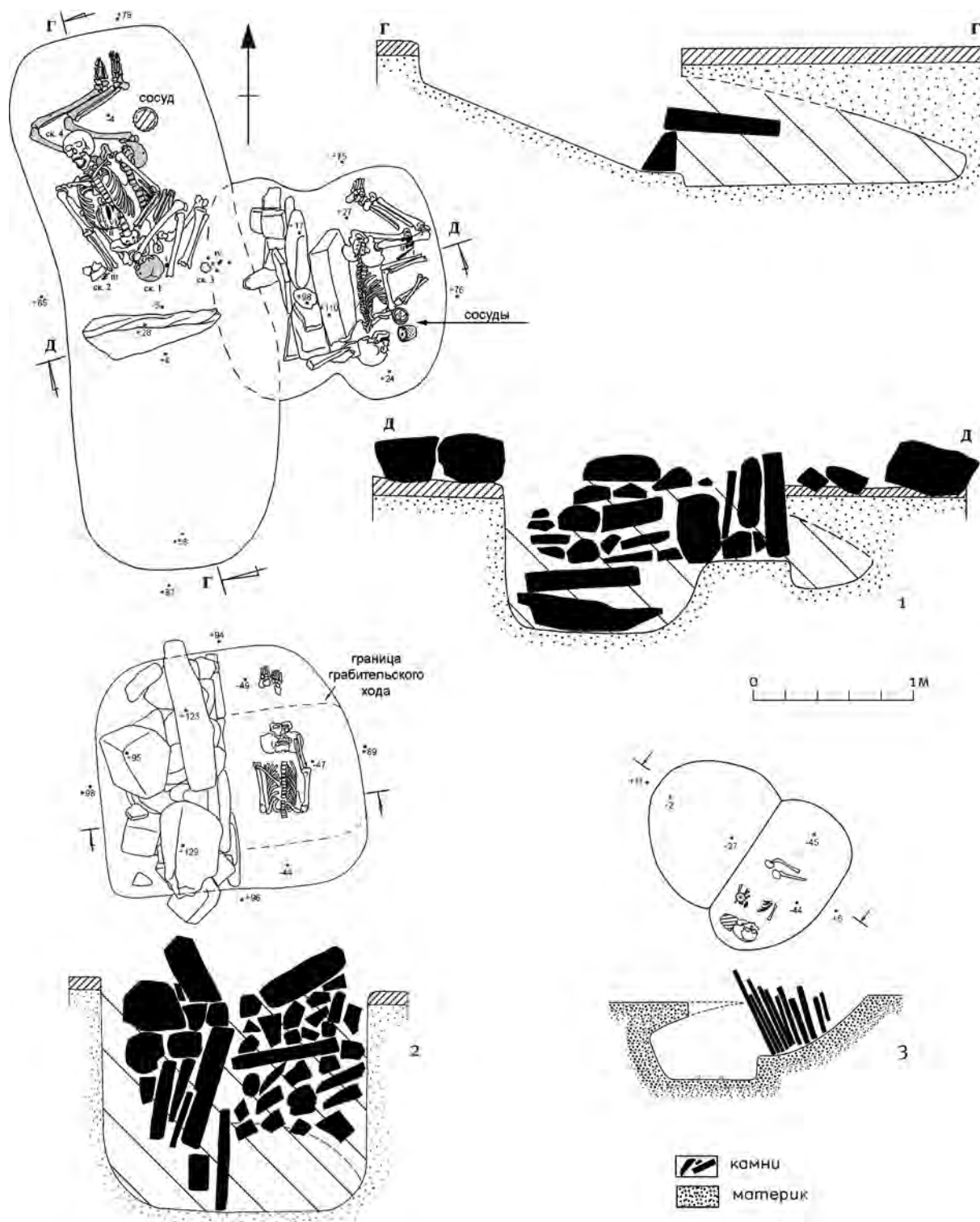


Рис. 2. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных в 2009–2010 гг.
 1 – Уйбат-Чарков, могилы 3 и 4; 2 – Уйбат-Чарков, могила 6; 3 – Итколь II, курган 14, могила 8

Fig. 2. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated in 2009–2010.
 1 – Uybat-Charkov, graves 3 and 4; 2 – Uybat-Charkov, grave 6; 3 – Itkol II, barrow 14, grave 8

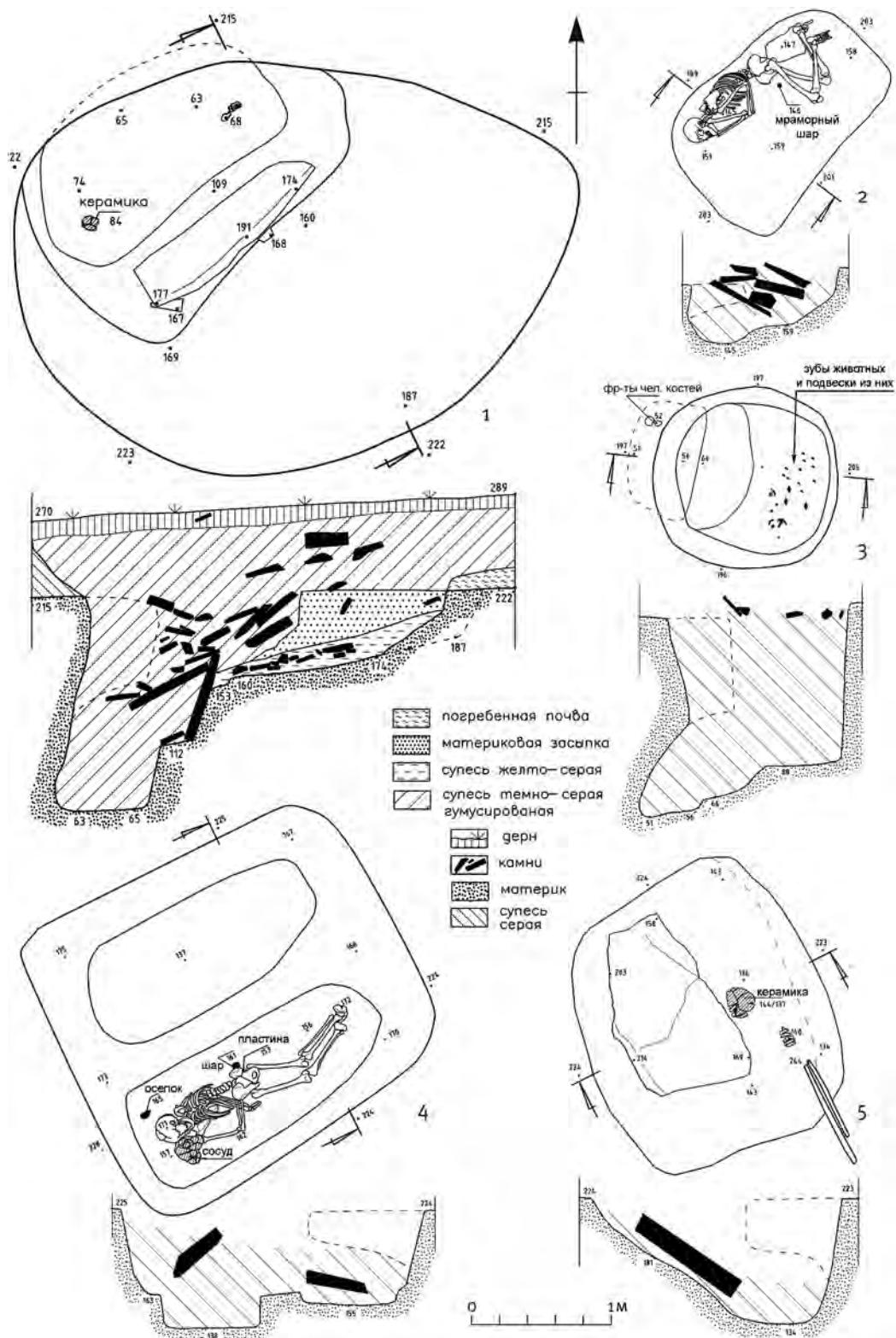


Рис. 3. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных в 2017 г. при раскопках кургана 12 могильника Итколь II. 1 – могила 5; 2 – могила 13; 3 – могила 12; 4 – могила 4; 5 – могила 11

Fig. 3. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated in 2017 during excavations of barrow 12 at the cemetery of Itkol II. 1 – grave 5; 2 – grave 13; 3 – grave 12; 4 – grave 4; 5 – grave 11

чески все погребения (за исключением двух) имеют ступеньку в месте перехода между отсеками, в результате чего пол погребальной камеры всегда оказывается ниже уровня дна входа. Без сомнений, эта примечательная деталь имеет особое значение.

Для формирования самостоятельной типологии окуневских катакомбных погребений пока недостаточно материалов. Однако можно попытаться разделить их на несколько обособленных групп, когда ведущим признаком является способ оформления входа. Согласно этому признаку выделяются три группы: группа 1 – в качестве входа использована другая могила; группа 2 – вход в виде вертикальной шахты; группа 3 – вход в виде наклонного «дромоса».

Группа 1 (3 случая) – наиболее интересные погребения, зафиксированные в: Уйбат V, курган 1, могилы 4 и 6 (Лазаретов, 1997); Итколь II, курган 12, могила 4-А (рис. 1, 5, 6; 3, 4). Это небольшие сооружения, которые не имели собственного входа, а были сделаны из другой могилы. Во всех трех случаях они связаны с грунтовыми могилами с заплечиками. Причем катакомбное погребение всегда выкапывалось выше уровня заплечиков. Получалось, что из единого входа сооружали две погребальные камеры: одну вниз, а другую вбок. Установить достоверно, сооружались они одновременно или катакомба устраивалась позднее, пока не удалось.

Группа 2 (7 случаев) – самые многочисленные погребения: Есь (Липский, 1954); Уйбат I, курган 1, могилы 1 и 7 (Наглер, Парцингер, 2006); Уйбат III, курган 1, могила 2 (Лазаретов, 1997); Уйбат-Чарков, курган 1, могилы 4 и 6 (Лазаретов, Поляков, 2018а); Итколь II, курган 12, могила 12 (рис. 1, 1–4; 2, 1, 2; 3, 3). В отличие от предыдущей группы, это полностью самостоятельные конструкции, не привязанные к другим могилам. Вход оформлен в виде вертикальной шахты с отвесными стенками от 0,5 до 1,2 м высотой. Шахта имеет круглую или овальную форму. В нижней части боковой стенки сооружалась ниша, уходящая ниже уровня дна входной камеры, тем самым формируя «материковую» ступеньку. Эта конструктивная деталь отсутствует только в погребениях Есь и Уйбат-Чарков, курган 1, могила 6. Не исключено,

что она могла быть не прослежена в процессе работ. Погребальная камера обычно небольшая и развернута длинной осью перпендикулярно по отношению к оси входа. Во всех случаях, кроме могильника Есь, прослежена каменная закладка, отделяющая одну камеру от другой. Последний памятник уникален еще и тем, что входная камера на уровне «материка» была перекрыта двумя мощными плитами. К сожалению, многочисленные случаи недостоверной фиксации полевых материалов А. Н. Липским не позволяют полностью доверять его чертежам и описаниям.

Группа 3 (5 случаев) – погребения с наклонным «дромосом»: Уйбат-Чарков, курган 1, могила 3 (Лазаретов, Поляков, 2018а); Итколь II, курган 14, могила 8; Итколь II, курган 12, могилы 5, 11 и 13 (рис. 2, 1, 3; 3, 1, 2, 5). Это весьма разнообразная группа, в которой присутствуют простые и очень сложные конструкции. Простой вариант предполагает короткий наклонный ход и небольшую камеру, расположенную практически под погребенным дерном, отгороженную вертикальными плитами: Итколь II, курган 14, могила 8; Итколь II, курган 12, могилы 11 и 13. В двух случаях конструкции были сложнее. В могиле 3 кургана 1 могильника Уйбат-Чарков прослежен наклонный ход протяженностью более 1,5 м. От погребальной камеры его отделяла земляная ступенька, поверх которой лежал брусчатый камень на всю ширину прохода, на который была установлена запирающая вход плита. В данном случае интересно, что погребальная камера была развернута не поперек оси входа, а продолжала его линию. Во втором случае (Итколь II, курган 12, могила 5) наклонный ход также имел протяженность чуть более 1,5 м, причем был засыпан материковым песком. Эту конструкцию отличает значительная глубина (свыше 1,65 м) и наличие двух очень высоких ступенек (каждая около 0,6 м), отделяющих вход от погребальной камеры.

Предложенная первая попытка систематизации материалов не может рассматриваться как типология, так как предложенные группы катакомбных погребений не выстраиваются в какую-либо линию развития. Они все существовали одновременно и часто совместно представлены в одном кургане.

Обряд

Обряд захоронения катакомбных погребений представлен традиционной ингумацией. Случай, когда в могиле обнаружены обожженные кости человека (Есь), вызывает много вопросов и по-прежнему остается единственным в окуневской культуре. До момента фиксации хотя бы еще одного качественно документированного доказательства использования огня в погребальной практике окуневских племен не стоит принимать его во внимание.

В большинстве случаев зафиксированы одиночные захоронения. Исключение представляет могильник Уйбат-Чарков, где во всех трех катакомбных погребениях обнаружены кости нескольких человек. В двух случаях (могилы 4 и 6), помимо основного погребения, зафиксированы кости новорожденного, а в могиле 3 находились скелеты двух взрослых мужчин и двух новорожденных (рис. 2, 1). Их расположение друг на друге не оставляет сомнения, что это результат позднейшего подзахоронения – весьма распространенного явления в материалах окуневской культуры. Возможно, что все три случая являются отражением данной традиции. Их нельзя рассматривать как коллективные захоронения.

Наиболее интересная особенность связана с положением тела погребенного в могиле. Позу погребенного удалось установить в 11 случаях. При этом традиционное положение на спине с подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, которое считается «визитной карточкой» окуневской культуры, зафиксировано только четыре раза у погребенных исключительно мужского пола (Уйбат V, курган 1, могила 4; Уйбат-Чарков, курган 1, могилы 3 и 6). В семи случаях наблюдается очень редкое положение тела на боку. В шести случаях погребенные были уложены на правый бок, и в одном, вызывающем некоторые сомнения (на первоначальном месте зафиксирована только одна ступня), – на левом. Необходимо отметить, что положение тела на боку изредка встречается в погребениях уйбатского этапа окуневской культуры (15 случаев). Причем до последнего времени оно было устойчиво связано с захоронениями женщин. В одном случае (Уйбат-Чарков, курган 1, могила 11) даже зафиксировано парное погребение, где женщина была положена на правом боку, а мужчина –

на спине с поднятыми вверх коленями. Однако в 2017 г. при раскопках кургана 12 могильника Итколь II обнаружено сразу два погребения катакомбного типа с захоронениями мужчин на правом боку. Учитывая, что это непотревоженные захоронения с прекрасно сохранившимся антропологическим материалом, вероятность ошибки в определении пола практически исключена.

Таким образом, наблюдается устойчивая связь погребений катакомбного типа с редким положением тела на боку. Учитывая, что оба эти явления относятся исключительно к уйбатскому этапу культуры, можно рассматривать их как определенные хронологические маркеры.

Материалы

В большинстве погребений обнаружены керамические сосуды характерной баночной формы (рис. 4). Их внешняя поверхность орнаментирована рядами акцентированных наколов различной формы, сделанных концом палочки-орнаментира. Важной особенностью является обязательное покрытие дна сосудов аналогичными рядами или узором в виде солярного символа. У большинства сосудов под венчиком орнамент дополнен одним рядом «жемчужин». Практически все сосуды снаружи имеют следы окраски охрой. Вышеперечисленные признаки характеризуют керамику уйбатского этапа окуневской культуры, причем его ранний период.

Среди особенностей стоит отметить единственную курильницу с перегородкой, обнаруженную А. Н. Липским в могильнике Есь (рис. 4, 2), а также два сосуда выделяются по своему узору. Первый из них (Уйбат I, курган 1, могила 7) отличается фигурами в виде «рогатки» (вертикальная линия с развилкой наверху), разделенными вертикальными рядами традиционных отрисков (рис. 4, 3). Изделие такой формы, выполненное из обрезка рога, обнаружено в могиле 3 кургана 12 могильника Итколь II. В этом же погребении стоял сосуд, поверхность которого была нанесена раскраска красной краской в виде аналогичных фигур (Поляков и др., 2018. Рис. 11). Этот изобразительный элемент, но в ином контексте (например, в наголовье антропоморфных ликов) часто встречается на стелах окуневской культуры

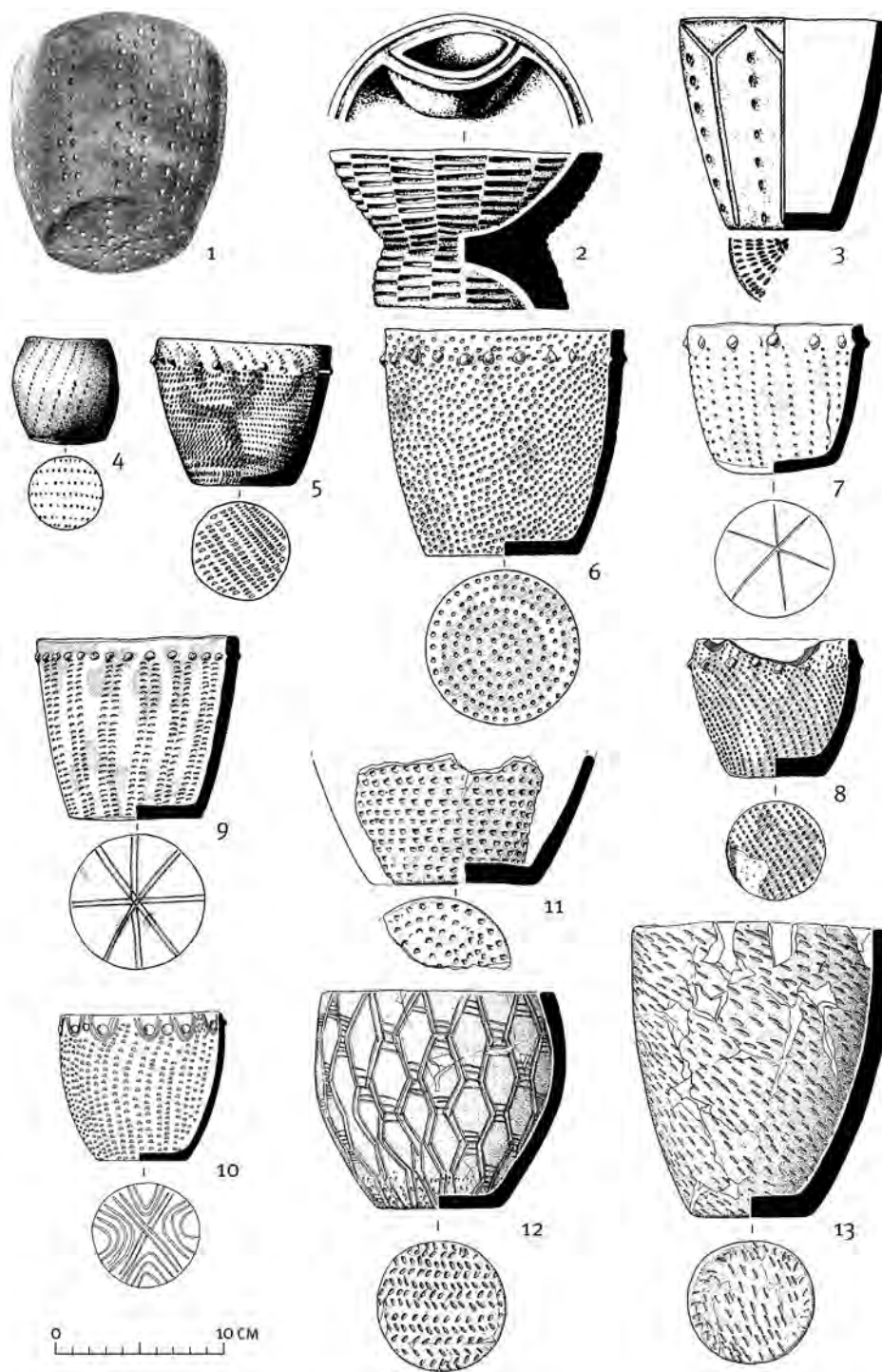


Рис. 4. Керамические сосуды из погребений катакомбного типа окуневской культуры. 1, 2 – Есь; 3 – Уйбат I, могила 7; 4 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 5 – Уйбат V, курган 1, могила 6; 6 – Уйбат-Чарков, могила 3; 7, 8 – Уйбат-Чарков, могила 4; 9 – Уйбат-Чарков, могила 6; 10 – Итколь II, курган 14, могила 8; 11 – Итколь II, курган 12, могила 5; 12 – Итколь II, курган 12, могила 5; 13 – Итколь II, курган 12, могила 4А

Fig. 4. Pottery from burials of the catacomb type of the Okunev culture. 1, 2 – Yes'; 3 – Uybat I, grave 7; 4 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 5 – Uybat V, barrow 1, grave 6; 6 – Uybat- Charkov, grave 3; 7, 8 – Uybat-Charkov, grave 4; 9 – Uybat-Charkov, grave 6; 10 – Itkol II, barrow 14, grave 8; 11 – Itkol II, barrow 12, grave 5; 12 – Itkol II, barrow 12, grave 5; 13 – Itkol II, barrow 12, grave 4A

(Ковалев, 1997. Табл. VII, 2, 3). Еще один сосуд был покрыт уникальным орнаментом в виде сдвоенных вертикальных линий, соединенных между собой группами поперечных коротких линий, в результате чего образовывались своеобразные «соты» (рис. 4, 12). Эти элементы, каждый отдельно, весьма широко представлены на окуневской керамике, но это единственный случай, когда они образуют столь сложный узор.

Помимо керамики, в могилах представлен весьма характерный для уйбатского этапа окуневской культуры набор инвентаря (рис. 5). Чаще всего это зубы различных животных, которые нашивались на одежду в виде украшений. В погребениях мужчин и, вероятно, мальчиков встречаются мраморные шары различных диаметров с отверстием (рис. 5, 15, 23, 36). В качестве ведущих типов следует отметить костяные колечки с насечками по краю и пластины, выполненные из ребер животного, заостренные с одного края (рис. 5, 1, 14, 26, 33, 37). В отдельных случаях встречаются и другие, весьма распространенные в окуневской культуре предметы: игольники, иглы, шилья, точильные камни и обработанные астрагалы овцы. Можно также отметить находку в одном из сооружений обоюдоострого лезвия кинжала в кожаных ножнах (рис. 5, 16, 17). Действительно уникальные изделия встречаются крайне редко, и их назначение остается неизвестным.

Таким образом, погребения катакомбного типа никак не выделяются по своему сопроводительному инвентарю из круга захоронений уйбатского этапа окуневской культуры. Не наблюдается каких-либо особых типов артефактов или их нестандартное размещение, которые бы позволили сделать вывод об особом статусе этих могил.

Демография

В 15 погребениях катакомбного типа обнаружены останки 19 человек, из которых 9 являлись неполовозрелыми, и определить их пол не удалось. Среди остальных 10 человек – семь мужчин и только три женщины. Учитывая пока небольшую выборку, нет оснований придавать этому какое-то значение. В могилах относительно равномерно представлены все возрастные группы – от новорожденных до людей старше 55 лет. На основании

этих данных можно сделать уверенный вывод, что особая конструкция этих могил никак не связана с половозрастными характеристиками погребенных в них людей.

Хронология

На основании артефактов, обнаруженных в погребениях катакомбного типа, можно уверенно относить их исключительно к раннему уйбатскому этапу окуневской культуры, выделенному И. П. Лазаретовым (Лазаретов, 1997). На это указывают характерные сосуды с монотонным орнаментом акцентированными наколами, рядом «жемчужин» под венчиком и окраской поверхности охрой. В этих могилах обнаружены многочисленные артефакты ведущих типов, характерные исключительно для уйбатского этапа: костяные колечки с насечками по краю, мраморные шары с отверстиями, «костяные ножи». К этому же хронологическому горизонту относятся и соседние погребения в курганах Уйбат I, курган 1; Уйбат III, курган 1; Уйбат V, курган 1; Уйбат-Чарков, курган 1; Итколь II, курганы 12 и 14. Таким образом, ни одно из этих погребений не вызывает сомнения в отнесении их именно к уйбатскому этапу окуневской культуры.

Более того, при изучении этих материалов создается впечатление, что даже в пределах самого уйбатского этапа погребения катакомбного типа относятся к наиболее раннему хронологическому пласту. Обращает на себя внимание, что они не встречаются в тех курганах, где уже начинают прослеживаться переходные черты, свидетельствующие о начале формирования черновского этапа. Так, они ни разу не были отмечены в курганах, относящихся к лебяжинскому хронологическому горизонту: Красный Камень, курганы 1 и 2; Усть-Бюрь, курган 5; Лебяжье, курган 3; Итколь II, курган 26 (Лазаретов, Поляков, 2018б. С. 40–41).

На сегодняшний день известны две даты, полученные радиоуглеродным методом, по материалам из окуневских погребений катакомбного типа. Первая из них (**Bln-5196** 4016 ± 30) была сделана по костям погребенного в могиле 4, кургана I могильника Уйбат V (Görsdorf et al., 2001. P. 1116, Fig. 1). Проведенные по материалам окуневской культуры исследования не выявили присутствия резервуарного эффекта, который мог бы привести к необоснованному удревнению дат, полученных по костям

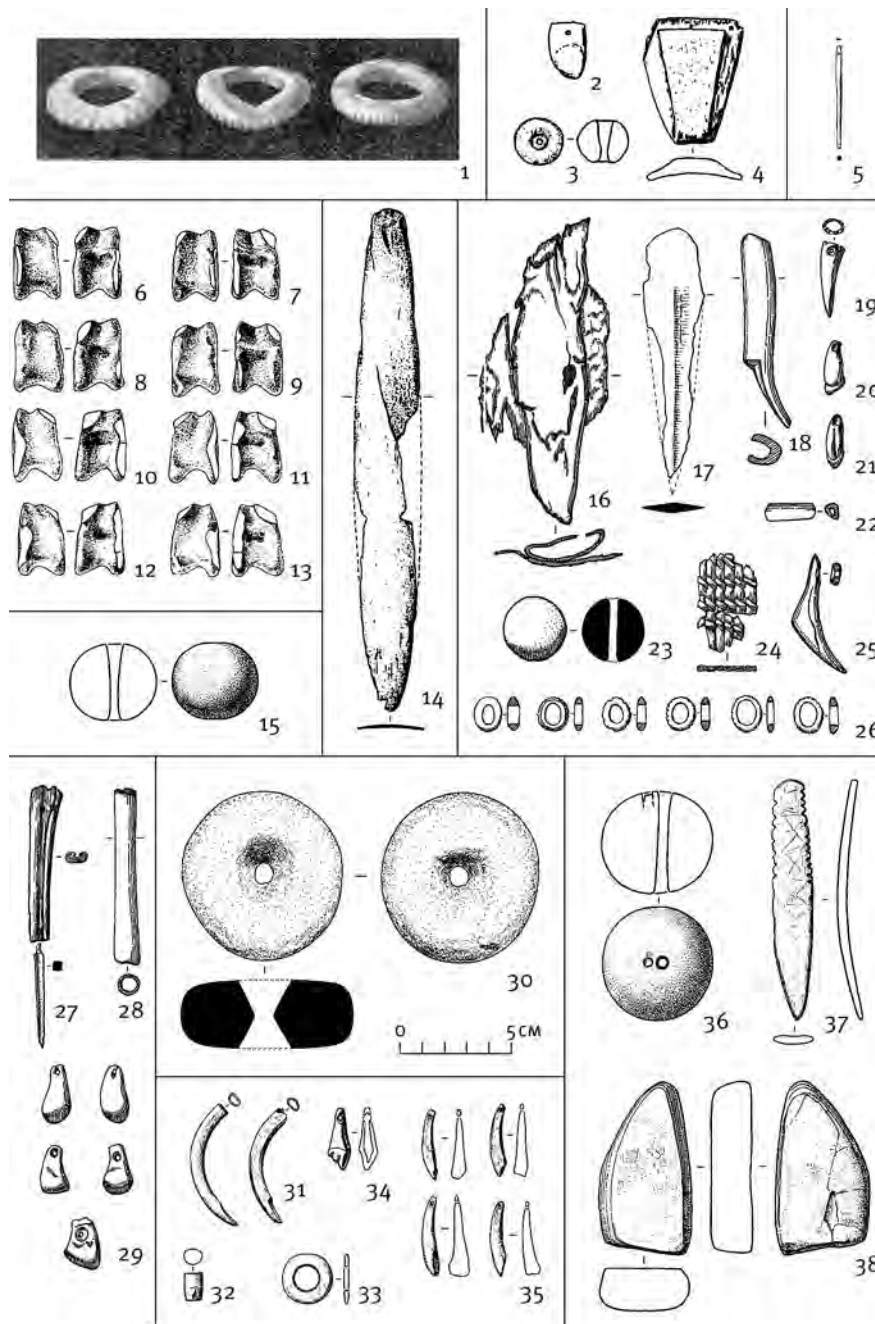


Рис. 5. Каменные, металлические и органические предметы из погребений катакомбного типа окуневской культуры.

1 – Есь; 2–4 – Уйбат I, курган 1, могила 7; 5 – Уйбат III, курган 1, могила 2; 6–13 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 14 – Уйбат V, курган 1, могила 6; 15 – Итколь II, курган 12, могила 13; 16–26 – Уйбат-Чарков, курган 1, могила 3; 27–29 – Уйбат-Чарков, курган 1, могила 4; 30 – Итколь II, курган 14, могила 8; 31–35 – Итколь II, курган 12, могила 12; 36–38 – Итколь II, курган 12, могила 4А. 1, 4, 6–14, 18, 22, 25–26, 28, 33, 37 – кость; 2, 19–21, 29, 31, 34, 35 – зуб; 3, 15, 23, 30, 36, 38 – камень; 5, 17, 32 – медь; 16 – кожа; 24 – органика; 27 – медь и кость

Fig. 5. Stone, metal and organic objects from burials of the catacomb type of the Okunev culture. 1 – Yes'; 2–4 – Uybat I, barrow 1, grave 7; 5 – Uybat III, barrow 1, grave 2; 6–13 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 14 – Uybat V, barrow 1, grave 6; 15 – Itkol II, barrow 12, grave 13; 16–26 – Uybat-Charkov, barrow 1, grave 3; 27–29 – Uybat-Charkov, barrow 1, grave 4; 30 – Itkol II, barrow 14, grave 8; 31–35 – Itkol II, barrow 12, grave 12; 36–38 – Itkol II, barrow 12, grave 4A. 1, 4, 6–14, 18, 22, 25–26, 28, 33, 37 – bone; 2, 19–21, 29, 31, 34, 35 – tooth; 3, 15, 23, 30, 36, 38 – stone; 5, 17, 32 – copper; 16 – leather; 24 – organics; 27 – copper and bone

человека (*Svyatko et al.*, 2017). Вторая дата (**КИА-35272** 4030 ± 50) является результатом анализа нагара с внутренней поверхности курильницы, обнаруженной А. Н. Липским в могильнике Есь (*Gass*, 2011. S. 83–87). Нагар сосудов – один из самых сложных и проблемных источников образцов, который более других подвержен тенденции к удревнению. Полученная по этим образцам дата очень сильно зависит от продуктов, которые были использованы при приготовлении пищи в сосуде. Однако в случае с курильницей, учитывая особенности ее использования и формирования нагара, нет оснований опасаться необоснованного удревнения. Обе даты оказались очень близки между собой и являются наиболее древними из известных определений возраста окуневских захоронений (*Поляков*, 2017а). При сопоставлении с другими датами погребений уйбатского этапа хорошо заметно, насколько они древнее. Они оказываются на стыке массивов дат афанасьевской и окуневской культур (рис. 6).

Таким образом, на данный момент нет сомнений, что погребения катакомбного типа окуневской культуры относятся к самому начальному периоду ее формирования и быстро выходят из употребления, полностью исчезая уже к середине уйбатского этапа. Они маркируют очень узкий хронологический го-

ризонт, демонстрируя единство погребального инвентаря.

Выводы

Погребальные сооружения катакомбного типа – не случайное явление в окуневской культуре. Их количество вполне достаточно для первичного анализа имеющихся материалов. На основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что этот тип погребальных сооружений не несет особого сакрального или социального значения. Не наблюдается его связи с какой-либо возрастной или гендерной группой. В захоронениях отсутствуют уникальные категории погребального инвентаря, которые бы выделяли их из общего ряда. Размещение по площади кургана и ориентировка погребенных соответствуют стандартам. Эти сооружения следует считать одним из типов погребальных конструкций, находящимся в общем ряду с грунтовыми ямами, каменными ящиками, ямами с заплечиками.

Нет сомнений и в том, что этот тип погребальных сооружений связан исключительно с определенным хронологическим периодом в развитии окуневской культуры – уйбатским этапом. На это ясно указывают особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Более того,

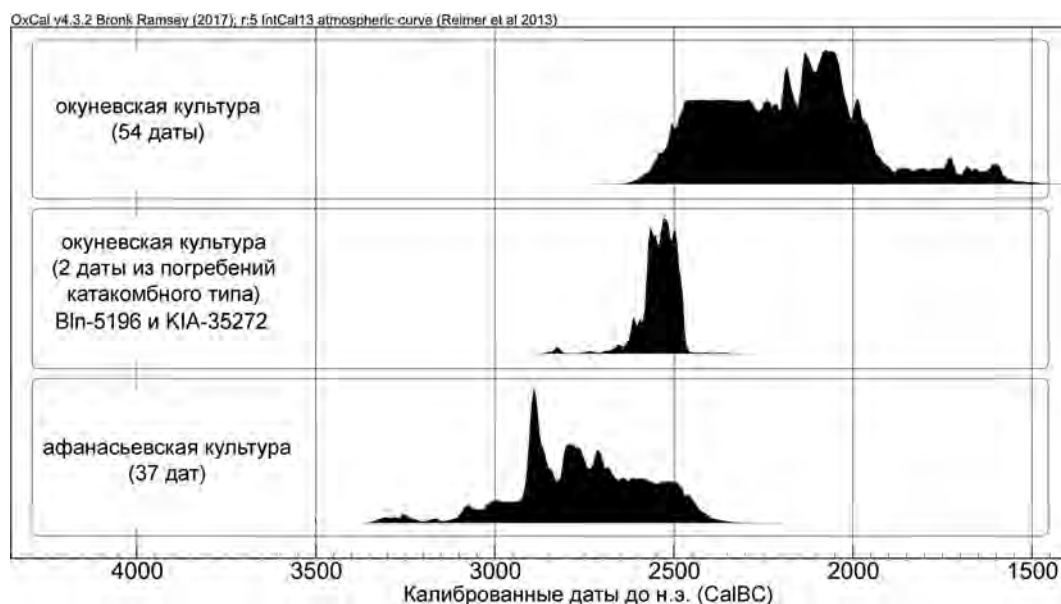


Рис. 6. Сопоставление сумм радиоуглеродных определений афанасьевской и окуневской культур с выделением двух дат из погребений катакомбного типа (использованы функции Sum и Boundary)

Fig. 6. Comparison of the sums of radiocarbon definitions for the Afanasevo and Okunev cultures with highlighting of two dates from burials of the catacomb type (functions Sum and Boundary are employed)

есть основания связывать их с начальным периодом уйбатского этапа. Подобные сооружения отсутствуют в рамках лебяжинского хронологического горизонта. Их ранняя хронология подтверждается данными естественно-научных методов. Две даты, полученные радиоуглеродным методом по материалам из катакомбных погребений, являются одними из самых древних среди всех определений возраста окуневской культуры.

На основании вышеизложенного можно предположить, что погребения катакомбного типа непосредственно связаны с той первоначальной группой населения, которая осуществила миграцию в Минусинские котловины и заложила основу формирования окуневской культуры. В этот период мы наблюдаем максимальное разнообразие

признаков погребального обряда и погребальных конструкций: грунтовые ямы с заплечиками, захоронения на правом боку, разнообразные типы катакомбных сооружений. В дальнейшем, в ходе стабилизации культурных признаков, все они выходят из употребления, уступая место каменным ящикам и грунтовым ямам, в которых захоронения совершались исключительно в положении на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Вероятно, этот процесс шел довольно быстро и занял не более двух-трех веков. К XXIII в. до н. э. катакомбные погребения, ямы с заплечиками и захоронения на правом боку практически полностью выходят из употребления. Опираясь именно на эти нестандартные элементы обряда, следует вновь вернуться к вопросу о происхождении окуневской культуры.

- Братченко*, 2001 – *Братченко С. Н.* Донецка катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. I, II. 76 с., 124 с.
- Кияшко*, 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 182 с.
- Ковалев*, 1997 – *Ковалев А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Лазаретов*, 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, Поляков*, 2018а – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Лазаретов, Поляков*, 2018б – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Липский*, 1954 – *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК. 1954. Вып. 25. С. 89–98.
- Наглер, Парцингер*, 2006 – *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.
- Поляков*, 2017а – *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // ЗИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков*, 2017б – *Поляков А. В.* Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АГУ, 2017. Т. I. С. 337–339.
- Поляков и др.*, 2018 – *Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н.* Исследования Саянской экспедиции ИИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 годах // Бюллетень ИИИИМК РАН. 2018. № 8 (охранная археология). С. 123–139.
- Соколова*, 2006 – *Соколова Л. А.* Типология погребальных сооружений окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 251–259.
- Gass*, 2011 – *Gass A.* Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Habelt Verlag, 2011. 177 S.
- Görsdorf et al.*, 2001 – *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. 2001. Vol. 43 (2B). P. 1115–1120.

Svyatko et al., 2017 – *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J.* A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1379–1388.

Burials of the catacomb type among the materials of the Okunev culture

A. V. Polyakov

Presently, among the materials of the Okunev culture of the Minusinsk hollows, fifteen unique burials of the catacomb type are known. In terms of their construction they are close to synchronous installations in the East-European steppe, but possess marked differences making it impossible to establish the direct links between them. Their examination has shown that the use of burials of the catacomb type in the Okunev culture is not tied with a special social status or gender belonging of the deceased. Typological analysis and radiocar-

bon dating have established a very short chronological span of practising burials with graves of this construction. They were used only in the very earliest period of the formation of the Okunev culture (the beginning of the Uybat stage). This fact suggests that the graves of the catacomb type are among the most important markers of migration, i.e. the appearance of a new group of population which brought its own 'cultural luggage' to the Minusinsk hollows having determined the future peculiarity of the Okunev phenomenon.

ПАРНЫЕ РАЗНОПОЛЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ (ФЁДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С. В. Сотникова¹

Аннотация. Парные разнополые погребения восточной группы фёдоровского населения юга Западной Сибири характеризуются одновременным захоронением разнополых индивидов на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. В отличие от фёдоровской традиции, для алакульских парных погребений характерно захоронение индивидов лицом друг к другу, мужчин – на левом, женщин – на правом боку. Значительный интерес представляют материалы с территории степного и лесостепного Алтая, прежде всего погребения фёдоровской культуры могильника Фирсово-XIV, среди которых обнаружено пять парных разнополых погребений взрослых индивидов. Подхоронение мужского скелета к женскому, вероятно, являлось особенностью данного могильника.

Annotation. Paired burials of men and women of the eastern group of the Fedorovo population in the south of Western Siberia are peculiar in simultaneous interments of individuals of different sexes on the left side, head to the south-west. The female skeletons were positioned behind the male's back. By contrast to the Fedorovo tradition, in the Alakul paired burials, the position of the deceased face-to-face is characteristic: males on the left side and females on the right side. Of considerable interest are materials from the territory of the steppe and forest-steppe Altay, in particular, burials of the Fedorovo culture from the cemetery of Firsovo-XIV, where five paired burials of adult individuals of different sexes were found. The burials with the male skeleton added to the female one was, possibly, the peculiarity of the cemetery under consideration.

Ключевые слова: южная часть Западной Сибири, Алтай, поздний бронзовый век, фёдоровская культура, алакульская культура, парные разнополые погребения.

Keywords: southern part of Western Siberia, Altay, Late Bronze Age, Fedorovo culture, Alakul culture, paired burials of different sexes.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-111-116

Фёдоровская культура восточных районов входит в андроновскую культурно-историческую общность и занимает территорию юга Западной Сибири. Она отличается от фёдоровской западной группы прежде всего по способу захоронения. В восточной группе преобладает труположение, в западной – кремация на стороне и помещение кремированных останков в могилу. В восточной фёдоровской группе для одиночных погребений было характерно труположение в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ, что аналогично традиции алакульского населения. Для алакульского населения характерны парные разнополые погребения, где индивиды захоронены лицом друг к другу, в том числе в «позе объятия», мужчины – на левом, женщины – на правом боку.

Парные разнополые погребения взрослых индивидов фёдоровской восточной группы существенно отличаются от алакульской.

Обратимся к фёдоровским памятникам енисейских степей.

В ограде № 7 могильника Пристань I могила № 4 содержала парное захоронение мужчины и женщины в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Скелет женщины находился за спиной мужского. Между взрослыми – потревоженные кости младенца. У локтей мужчины – берестяной туес, за спиной женщины – деревянная бадейка с нитками и иглой. В районе ушной раковины женского скелета находилась бронзовая серьга с раструбом, на голени – остатки кожаной обуви с бронзовыми бусами. На черепках мужчины и женщины имелись остатки шерстяных головных уборов (Максименков, 1978. С. 14).

В могильнике Орак обнаружено три парных разнополых взрослых захоронения. Могила № 32

¹ 629730, Россия, Надым, ул. Зверева, д. 29/1.
ООО «Центр археологических исследований».
Адрес электронной почты: svetlanasotnik@mail.ru.

находилась в оградке округлой формы с насыпью высотой 0,40 м. Мужчина и женщина в возрасте 20–25 лет захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Женский скелет размещался за спиной мужского. С обеих сторон женского черепа находились бронзовые височные кольца с несомкнутыми концами, около грудной кости – бронзовая бляшка полусферической формы с пуансонным орнаментом по периметру, на левой плечевой кости – роговая пуговица подпрямоугольной формы. На костях левой ноги этого скелета обнаружены бронзовые бусины с остатками ремешка, на костях правой ноги – кусочек плетеной тесьмы.

Могила № 35 могильника Орак находилась в оградке круглой формы. На глубине 1,40 м в ЮЗ части ямы найдена пяточная кость быка и фаланги медведя. В общей большой могильной яме, размерами 2,75 × 1,96 м, в неглубоких отдельных ямах обнаружены два погребения на расстоянии 0,80 м друг от друга. Погребение 1 (северо-западное) – мужское, погребение 2 (юго-восточное) – женское (таким образом, женское погребение находилось за спиной мужского. – С. С.). Обе ямы имели деревянные рамы и были перекрыты лиственничной корой. Умершие захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Кроме того, под черепом женщины зафиксирован кусочек кожи, на челюсти – фрагмент плетеной тесьмы. Возле пяточной кости фрагменты подобной же тесьмы. Под скелетом зафиксированы следы зеленоватого тлена.

Могила № 38 имела неясно выраженную оградку. На глубине около 2 м в могильной яме была сооружена гробница из 15 рядов горизонтально положенных плиток. Сверху она перекрыта 8 плитами. Мужчина и женщина захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Женский скелет размещался за спиной мужского. На черепе женского скелета найдена пара бронзовых височных колец с несомкнутыми концами, в области голеностопного сустава – бронзовая бусина (*Комарова*, 1961. С. 40, 42–44).

В Кузнецкой котловине в **могильнике Васьково-5** могила № 2 находилась в центре кургана № 1. Яма трапецевидной формы углами была ориентирована по сторонам света. В могиле обнаружено 2 скелета в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Женский скелет располагался за

спиной мужского. На костях ног мужского скелета зафиксирована низка бронзовых бус. Могила имела мощное деревянное перекрытие. В ЮЗ части находились остатки деревянного столба, вершина которого была выше уровня материка на 0,121 м. Столб уходил вглубь до перекрытия (*Бобров, Михайлов*, 1989. С. 27–28, рис. 30, 4–6).

Таким образом, парные разнополые погребения восточной группы фёдоровского населения демонстрируют совершенно самостоятельную традицию, отличающуюся от алакульской. Для них характерны одновременные захоронения разнополых взрослых индивидов на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ, женский скелет располагался за спиной мужского. Женщины сопровождаются украшениями, характерными для фёдоровского населения.

Вместе с тем в Кузнецкой котловине в **могильнике Титово** имеется парное одновременное погребение разнополых индивидов лицом друг к другу. Эта могила была единственной в кургане № 11. Могильная яма прямоугольной формы углами ориентирована по сторонам света. На дне могилы лежали кости скелетов трех погребенных. Почти всю площадь дна занимали скелеты мужчины в возрасте 25–30 лет и женщины 20–25 лет. Они были захоронены в скорченном положении, лицом друг к другу, мужчина – на левом боку, женщина – на правом, головами на ЮЗ. В ногах погребенных вдоль СВ стенки был положен ребенок 5–6 лет – скорченно, на правом боку, головой на СЗ (Там же. С. 20–21, рис. 15, 2). Титовское парное захоронение совершено в полном соответствии с алакульской традицией, а также предшествующими ей петровской и синташтинской: оно одновременное, пара составлена из близких по возрасту индивидов (входящих, вероятно, в одну возрастную группу), мужчина захоронен на левом боку, женщина – на правом.

Значительный интерес представляют материалы с территории степного и лесостепного Алтая, прежде всего погребения фёдоровской культуры из **могильника Фирсово-XIV**, среди которых обнаружено пять парных разнополых погребений взрослых индивидов. К сожалению, материалы этого могильника опубликованы не полностью, а сведения о двух парных погребениях (№ 213 и 311) фрагментарны.

Только в могиле № 29 женский скелет находился за спиной мужского. Мужчина в возрасте около 40 лет и женщина 40–45 лет были захоронены в скорченном положении, на левом боку, головами на ЮЗ. Анатомический порядок женского скелета (№ 1) не был нарушен. Кроме того, в ногах женского скелета находился крестец, вероятно относящийся к мужскому скелету. В районе висков женского черепа обнаружены бронзовые подвески в 1,5 оборота, на щиколотках – бронзовые бусины. Мужской скелет (№ 2) частично перекрывал кости женского (№ 1). Однако мужской скелет отличался плохой сохранностью и находился во фрагментарном состоянии (Погребальный обряд, 2015. С. 14–15, 191). Положение погребенного мужчины охарактеризовано как «сильно скорченное», при этом «кости рук и ног были смещены так, как если бы их плотно прижали к телу и зафиксировали. В результате позвонки и ребра также оказались перемещены относительно первоначального положения» (Там же. С. 23). По мнению исследователей, поскольку мужской скелет (№ 2) частично перекрывал женский (№ 1), то можно предположить, что он помещен в могилу позднее, по истечении некоторого времени. На факт подхоронения указывает также то, что часть перекрытия, находящаяся над мужским скелетом, отсутствовала (Там же). Таким образом, парное захоронение в могиле № 29 совершено в соответствии с фёдоровской традицией (женщина за спиной мужчины, оба на левом боку), но скелеты захоронены неодновременно. Учитывая тот факт, что женский скелет сохранился лучше мужского, можно предполагать, что мужчина, возможно, умер раньше и для транспортировки к месту захоронения его связали и плотно спеленали (в шкуру животного?). Либо было совершено перезахоронение мужского скелета из одной могилы в другую. По-видимому, подхоронение мужского скелета произошло через короткий промежуток времени, пока связки женского скелета не разложились. Таким образом, данное захоронение можно рассматривать как условно одновременное. Однако украшения из этого погребения (подвески в 1,5 оборота) характерны для алакульского населения.

В могильнике Фирсово-XIV имеются также парные разнополюе захоронения лицом друг к другу: могилы № 7, 213, 311 (Федорук, 2015. С. 194), что находит соответствие в алакульской традиции.

В могиле № 7 индивиды в возрасте 20–25 лет захоронены скорченно, лицом друг к другу, головами на ЮЗ, женщина – на левом боку, мужчина – на правом. Кисти рук и колени погребенных, очевидно, соприкасались. Данное погребение было одновременным. С женским скелетом связано большое количество украшений. В районе ушных раковин обнаружено два набора составных украшений из бронзы, покрытой золотой фольгой. В каждый набор входили серьги-подвески в 1,5 оборота, височное кольцо, лапчатая подвеска трапецевидной формы, гофрированные трубчатые пронизи, конусовидные подвески. На костях рук женщины находились бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями. В районе таза находились бронзовая листовидная подвеска и золотая обоймочка – остатки наконечника украшения (Погребальный обряд, 2015. С. 8–9, 23, 189). Парное погребение № 7 имеет значительное сходство с алакульской традицией. Оно одновременное, в нем представлены разнополюе индивиды примерно одного возраста лицом друг к другу. Кроме того, наконечник и часть украшений головного убора из этого погребения широко представлены в алакульской среде (серьги-подвески в 1,5 оборота, височные кольца, листовидная подвеска). Однако другие украшения из набора (лапчатые подвески трапецевидной формы, гофрированные трубчатые пронизи, конусовидные подвески) являются отличительной чертой алтайской и некоторых восточноказахстанских групп андроновцев.

В парных погребениях № 213 и 311 женщины также были снабжены головными уборами подобного типа. Основное отличие алтайских парных погребений № 7, 213, 311 от алакульской традиции заключается в том, что мужчины захоронены на правом боку, а женщины – на левом. Кроме того, погребение № 311 было неодновременным, скелет мужчины был захоронен позже, в уже существующую могилу (Федорук, 2015. С. 194). К сожалению, материалы могил № 21 и 311 пока не опубликованы, поэтому дать их подробную характеристику не представляется возможным.

Аналогии обряду, где женщина находилась на левом, а мужчина – на правом боку, имеются на западе ареала андроновской КИО в могильниках кожумбердынского типа. Этот тип памятников Е. Е. Кузьмина относит к алакульской линии развития и считает, что он сформировался в ходе взаимодействия с фёдоровским населением (Кузьмина, 1994. С. 45–46). В кожумбердынских могильниках подобных парных захоронений также немного. Одно из таких – погребение № 1 кургана № 6 **Березовского V могильника** (Южный Урал). Скелет 1 принадлежал женщине 20–25 лет, которая была уложена в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Скелет 2, принадлежащий мужчине 30–35 лет, представлял собой скопление костей, уложенных с попыткой соблюдения приблизительного анатомического порядка. Череп уложен на правый бок, лицевой частью к СВ. Анатомическая связь черепной коробки с нижней челюстью сохранилась. Остальные кости лежали продолговатой грудой, вытянутой вдоль женского костяка в направлении ЮЗ–СВ. Все позвонки, ключицы и часть ребер были сосредоточены в верхней части скопления костей, обе тазовые кости и крестец – в середине, на уровне таза женского костяка. Кости конечностей также были уложены в основном соответственно их анатомическому положению, за исключением бедренных и малоберцовых, находившихся в верхней части груды, и плечевых, находившихся в нижней. Я. В. Рафикова, исследовавшая этот памятник, отмечает, что «женщине было придано положение "объятий" с мужским костяком: левая кисть подсунута под череп мужского костяка, правая уложена на его условное "плечо"» (Рафикова, 2018. С. 57). Кроме того, она отмечает, что «обстоятельство сохранности анатомической связи черепа с нижней челюстью как будто может свидетельствовать в пользу того, что <...> останки мужчины не были скелетированы естественным образом, а были очищены от мягких тканей и сложены в виде "пакета"» (Там же). Ряд наблюдений не позволил исследовательнице признать одновременность погребения. Она считает, что кости мужчины были захоронены раньше женского скелета (Там же). С этим сложно согласиться. Наличие «пакета» делает ситуа-

цию неоднозначной. Во-первых, нельзя исключать варианта, что захоронение женского скелета и «пакета» произошло одновременно. Если же исходить из факта неодновременности захоронения, то следует учесть, что неровные, изогнутые вонне продольные стенки могилы, которые, вероятно, свидетельствуют о повторном вторжении в яму, расположены со стороны мужского «пакета». К тому же череп мужчины располагался на левой кисти женщины. Эти обстоятельства позволяют рассматривать вариант с подхоронением мужского скелета (в виде «пакета») к женскому как вполне возможный. В таком случае мы имеем достаточно близкое соответствие фирсовской могиле № 311, где в паре мужчина захоронен на правом боку, а женщина – на левом, погребение неодновременное и мужской скелет подхоронен к женскому.

Подобное погребение имеется в кожумбердынском **могильнике Тасты-Бутак I** в Западном Казахстане (ограда № 30, погребение № 1). Погребение нарушено. Неполный скелет женщины зрелого возраста располагался в скорченном положении на левом боку, головой на Ю. Череп смещен в западную часть могилы. На пяточной кости правой стопы – бронзовая бусина, еще три бусины обнаружены в заполнении. Перед этим скелетом грудой были сложены кости второго костяка, имеющие плохую сохранность. Предположительно они принадлежали индивиду мужского пола. Обломки берцовых костей мужского скелета находились под стопами ног женского (Сорокин, 1962. С. 20–21, табл. 1). В этой паре женский скелет находился на левом боку, положение мужского не определено. Это погребение неодновременное, но в отличие от предшествующего варианта женский скелет, вероятно, был подхоронен к мужскому.

Из кожумбердынского **могильника Турсумбай II** (ограда № 6, погребения № 2 и 3; ограда № 26, погребение № 1) происходят три одновременных парных погребения, где женщина находилась на левом, а мужчина – на правом боку. Во всех трех случаях это погребения подростков (Рафикова, 2014. С. 236).

Аналогии обряду, зафиксированному в Фирсово-XIV, имеются в срубно-алакульском кургане № 1 **Селивановского II могильника** (Южное За-

уралье). Под насыпью кургана находилось 14 могил, шесть из которых содержали одновременные парные захоронения скелетов мужского и женского пола примерно одного возраста лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», причем на левом боку захоронены женщины, а на правом – мужчины (Рафикова, 2008. С. 75–77).

С определенной долей вероятности можно предположить, что одновременные и неодновременные парные разнополюсы захоронения взрослых индивидов лицом друг к другу из могильника Фирсово-XIV, вероятно, отражают влияние алакульской (срубно-алакульской, кожумбердынской) традиции.

Особый интерес представляет парное разнополюсное погребение № 26 из этого могильника. Мужчина и женщина были захоронены в скорченном положении, головой на ЮЗ, спиной друг к другу, женщина – на правом, а мужчина – на левом боку. Кроме того, мужской скелет частично перекрывал женский, не нарушая анатомического порядка последнего. Женский скелет сохранился заметно хуже,

некоторые кости явно смещены. Он был снабжен значительным количеством украшений из бронзы, покрытой золотой фольгой. У мужского скелета в области висков также зафиксированы биметаллические украшения (Погребальный обряд, 2015. С. 13–14, 23). Часть украшений при обоих скелетах имеют алакульский облик. Несмотря на необычное положение скелетов в погребении № 26, вероятно, согласно традиции, мужчина был подхоронен к женщине, что можно считать особенностью могильника Фирсово-XIV.

Таким образом, парные разнополюсы погребения восточной группы фёдоровского населения юга Западной Сибири характеризуются одновременным захоронением разнополюсов индивидов на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ, женский скелет располагался за спиной мужского. Материалы с территории Алтая (Фирсово-XIV) достаточно своеобразны и демонстрируют смешение нескольких традиций: алакульской, кожумбердынской, срубно-алакульской и восточной фёдоровской.

- Бобров, Михайлов, 1989 – Бобров В. В., Михайлов Ю. А. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья // Деп. в ИНИОН, 26.06.1989, № 38518. Кемерово, 1989. 10 п. л.
- Комарова, 1961 – Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 32–73.
- Кузьмина, 1994 – Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.
- Максименков, 1978 – Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.
- Погребальный обряд, 2015 – Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV: Кол. монография / Ю. Ф. Кирюшин, Д. В. Папин, С. С. Тур, А. С. Пилипенко, А. С. Федорук, О. А. Федорук, Я. В. Фролов, В. И. Молодин (науч. ред.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2015. 208 с.
- Рафикова, 2008 – Рафикова Я. В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4. С. 72–83.
- Рафикова, 2014 – Рафикова Я. В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой / Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 228–243.
- Рафикова, 2018 – Рафикова Я. В. Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 50–62.
- Сорокин, 1962 – Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 207 с. (МИА. № 120).
- Федорук, 2015 – Федорук О. А. Совместные захоронения в андроновских могильниках степного и лесостепного Алтая // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 5–10 апреля 2015 г. / Отв. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 193–196.

Paired burials of different sexes from Andronovo (Fedorovo) culture in the south of Western Siberia

C. V. Sotnikova

Paired burials of men and women of the eastern group of the Fedorovo population in the south of Western Siberia are peculiar in simultaneous interments of individuals of different sexes on the left side, head to the south-west. The female skeletons were positioned behind the male's back. By contrast to the Fedorovo tradition, in the Alakul paired burials, the position of the deceased face-to-face is characteristic: males on the left side and females on the right side. Of considerable interest are materials from the territory of the steppe and forest-steppe Altay, in particular, burials of the Fedorovo culture from the cemetery of Firsovo-XIV, where five paired burials of adult individuals of different sexes were found. Only the interment in grave no. 29 was accomplished according to the Fedorovo tradition

(woman behind the man's back, both on the left side), however these individuals were not buried simultaneously. At the cemetery under consideration, there are also paired burials of men and women face-to-face (graves no. 7, 213, 311). Generally, this practice corresponds to the Alakul tradition excepting the fact that males are interred on the right side and females on the left. This position of the interred is found in the west of the Alakul region at the Kozhumberdy and timber-grave Alakul sites. In addition, in the Fedorovo burials of Firsovo-XIV ornaments of the Alakul type were found. However, paired burials at Firsovo-XIV are not synchronous. The burials with the male skeleton added to the female one was, possibly, the peculiarity of the cemetery under consideration.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СЛОЖЕНИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИНАХ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ¹

В. М. Лурье²

Аннотация. Для определения истоков сложения домостроительной традиции, археологически зафиксированной для позднего бронзового века Минусинских котловин, проводится ее сравнение с более ранними — андроновскими — домостроительными традициями, существовавшими у населения Среднего Енисея и сопредельных территорий. Проанализированы взаимное расположение построек, конструктивные особенности жилищ и их внутренняя планировка. Вероятно, что зафиксированная в позднем бронзовом веке смена домостроительной традиции на территории Минусинских котловин была связана с группой мигрантов, которые переселились на Средний Енисей с территории Урало-Казахстанских степей.

Annotation. In order to define the origins of the establishment of the house-building tradition recorded archaeologically for the Late Bronze Age in Minusinsk hollows, its comparison with the earlier Andronovo house-building traditions among the population of the Middle Yenisei and adjoining territories is here presented. The present analysis comprises the relative positions of the buildings, the construction peculiarities of the dwellings and their interior plans. It is highly likely that the change of the house-building tradition in the area of Minusinsk hollows recorded for the Late Bronze Age was related with the group of migrants who moved to the Middle Yenisei from the territory of the Ural-Kazakhstan steppe.

Ключевые слова: Минусинские котловины, поздний бронзовый век, андроновская культурно-историческая общность, домостроительство.

Keywords: Minusinsk hollows, Late Bronze Age, Andronovo cultural and historical community, house-building.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-117-122

Формирование карасукской³ культуры – одна из важных и сложных проблем в археологии позднего бронзового века Минусинских котловин. Этот вопрос не раз поднимался в исследованиях, но для его решения привлекались только материалы погребений. Однако изучение поселений, особенно способов постройки жилищ, в которых отражаются не только условия окружающей среды, но и сложившиеся в обществе технологические традиции, а также экономические и культурные связи с другими сообществами, может дать интересные результаты.

В отличие от погребений в Минусинских котловинах поселения позднего бронзового века изучены довольно слабо. На сегодняшний день раскопки велись всего на 11, причем конструкции жилищ были изучены только на четырех поселениях – Каменный Лог I, Тунчух, Торгажак и Бырганов IV. Ни одно из известных поселений не относится к раннему этапу позднего бронзового века Южной Сибири (Лазаретов, Поляков, 2008). Более того, керамика классической и атипичной линий развития встречается в материалах одного и того же жилища, и выделить черты, характерные для различных горизонтов, на данном этапе исследования не представляется возможным. Тем не менее на основании имеющихся данных можно сделать некоторые выводы.

Анализ исследований, посвященных формированию карасукской культуры, позволил А. В. Полякову прийти к выводу, что на современном этапе изучения большинство исследователей согласно с тем, что карасукская культура относится к постандроновскому пласту (Поляков, 2009. С. 91). Принятие этого положения позволяет искать ис-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5. Институт истории СПбГУ, кафедра археологии. Адрес электронной почты: verqa@list.ru.

³ Термин «карасукский» здесь и далее используется для обозначения всего позднего бронзового века Минусинских котловин, что приходится на XIV–IX вв. до н. э.

токи домостроительной традиции позднего бронзового века Среднего Енисея в первую очередь в памятниках андроновской культурно-исторической общности. Поселений, относящихся к этой общности, на всей территории ее распространения изучено довольно много, однако в Минусинских котловинах их известно лишь 13.

Можно выделить три основных критерия, которые могут быть положены в основу сравнительной схемы домостроительных традиций: *взаимное расположение построек, конструктивные особенности жилищ и внутренняя планировка.*

Взаимное расположение жилищ

Ни одно из известных поселений позднего бронзового века Среднего Енисея не раскопано полностью, поэтому довольно сложно судить об их планиграфии. Жилища поселений Каменный Лог I и Бырганов IV располагались в линию, вытянутую вдоль берега древнего русла реки (*Грязнов, 1999. Рис. 41; Лазаретов, 1990. Л. 21–25*). На поселении Торгажак исследован комплекс, состоящий из пяти жилищ, расположенных в форме буквы «П» вокруг «площади». Некоторые из этих жилищ соединялись между собой крытыми переходами, а на «площадь» вели выходы, также представляющие собой небольшие коридоры (*Савинов, 1996. С. 14, табл. 2*). Такое же оформление переходов между помещениями зафиксировано и на поселении Каменный Лог I. Котлованы жилищ на этом поселении глубже, чем на Торгажаке, а пол длинных коридоров-выходов постепенно понижался от уровня дневной поверхности до дна котлована (*Грязнов, Комарова, 1962. Л. 45–46; Комарова, 1963. Л. 55–60*).

Аналогичные планировочные решения встречаются на андроновских поселениях Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана: постройки располагаются в один или два ряда вдоль берега реки (например, Атасу, Алексеевка) или вокруг незастроенной «площади» (например, Жабай-Карасу, Бугулы I) и соединяются между собой коридорами, а пол коридоров-выходов постепенно углубляется до уровня пола жилища, как на поселении Новоникольское I (*Кузьмина, 1994. С. 70*).

Планиграфия андроновских поселений Среднего Енисея практически не изучена. Две зафиксированные на поселении Ключи прямоугольные кон-

струкции располагались параллельно друг другу, но не вдоль обрыва, под которым протекал ручей, а перпендикулярно ему. «От ЮЗ стен обоих сооружений отходили ряды вертикальных плит, которые как бы буквой "П" соединяли эти оба сооружения» (*Максименков, 1978. С. 46*). Имеющееся описание не дает оснований считать, что эти постройки были соединены коридорами.

Таким образом, пока не удастся обнаружить сходство между взаимным расположением жилищ на поселениях развитой и поздней бронзы Среднего Енисея.

Конструктивные особенности

Конструкции, зафиксированные на поселениях позднего бронзового века в Минусинских котловинах, условно можно разделить на три типа (табл. 1).

Первый тип – углубленные столбовые жилища – исследован на поселениях Торгажак, Бырганов и Тунчух. Котлованы таких жилищ не сильно углублены в землю, а их размеры варьируют от $3 \times 4,2$ до $14,2 \times 18,4$ м. Вдоль стенок и в центральной части котлованов зафиксированы ямки от столбов, на которые опиралось перекрытие.

Второй тип – полуземлянки – представлен на поселении Каменный Лог I. Жилища этого типа более глубокие, меньше по площади и не имеют столбовых элементов в конструкции.

Третий тип – легкие каркасные постройки с котлованом небольшой глубины и небольшого размера – известен на поселении Бырганов IV (жилища № 1 и 2). Скорее всего, такие постройки имели хозяйственное назначение, поэтому далее они не рассматриваются в качестве одного из основных типов жилищ.

Жилища первого и второго типов совместно пока не обнаружены на одном поселении. Можно предположить, что использование разных типов жилищ связано с их различной хронологией в пределах позднего бронзового века. Однако при исследовании конструкций одного типа обнаружена керамика разных хронологических этапов, а керамика одного и того же этапа встречалась в жилищах разных типов. Так, обнаруженная на поселении Торгажак керамика относится ко II этапу позднего бронзового века (*Лазаретов, Поляков, 2008. С. 41*), на поселении Каменный Лог I – ко II и III этапам (*Лурье, 2019. С. 97–98*), на поселении Бырганов IV –

к III этапу (*Лазаретов, Поляков, 2008. С. 46*). Следовательно, использование различных типов конструкций жилищ, вероятно, нельзя объяснить временем бытования поселения. Скорее всего, разнообразные типы конструкций могли иметь различное назначение: например, использоваться в разное время года. Вполне естественным является соображение, что более глубокие и меньшие по размеру жилища легче обогреть зимой. Эта гипотеза подтверждается различиями в видовом и возрастном составе стада (*Лурье, 2018*).

Постройки андроновского времени Зауралья и Казахстана также представлены тремя типами, описанными выше. Однако никаких различий, связанных с использованием различных типов конструкций, проследить не удастся.

Тип легких каркасных жилищ на андроновских поселениях получил большее распространение, чем в позднем бронзовом веке в Минусинских котловинах. В Зауралье, Северном и Центральном Казахстане в позднеандоновское время появляется большое количество таких построек разных раз-

меров и форм, жилой характер которых уже не вызывает сомнений (*Кузьмина, 1994. С. 99–102*).

Почти на всех поселениях андроновского времени Среднего Енисея был зафиксирован только культурный слой, без следов каких-либо конструкций, за исключением очагов. Вероятно, это связано с особенностями построек – это жилища облегченной конструкции, которые сооружались непосредственно на поверхности земли и легко подвергались полному или частичному разрушению, из-за чего их остатки или места их расположения практически не поддаются фиксации. Единственная исследованная на данный момент постройка – на поселении Ключи – представляет собой каменную конструкцию без столбов, возведенную на дневной поверхности. Такой тип построек на Среднем Енисее в позднем бронзовом веке не зафиксирован.

Внутренние конструкции

О внутренней планировке андроновских жилищ Минусинских котловин можно судить только на основании поселения Ключи. Исходя из расположения очага и локализации всех находок в юго-за-

Таблица 1. Размерные и типологические характеристики жилищ позднего бронзового века Минусинских котловин (по *Грязнов, Комарова, 1962. Л. 45–46; Комарова, 1963. Л. 55–60; Лазаретов, 1990. Л. 21; Савинов, 1996. С. 13–22*)

Table 1. Dimensional and typological characteristics of dwellings of the Late Bronze Age in Minusinsk hollows (after *Грязнов, Комарова, 1962. Л. 45–46; Комарова, 1963. Л. 55–60; Лазаретов, 1990. Л. 21; Савинов, 1996. С. 13–22*)

Памятник	Ширина (м)	Длина (м)	Глубина (м)	Столбовые ямки	Тип
Бырганов, жил. 4	8,30	8,30	–0,30	+	1
Торгажак, жил. 1	14,20	18,40	–0,45	+	1
Торгажак, жил. 2	13,75	15,15	–0,35	+	1
Торгажак, жил. 3	10,50	8,40	–0,30	+	1
Торгажак, жил. 4	12,40	13,50	–0,30	+	1
Торгажак, жил. 5	11,40	14,20	–0,30	+	1
Торгажак, жил. 6	3,00	4,20	–0,50	+	1
Торгажак, жил. 7	6,20	6,40	–0,50	+	1
Тунчух, жил. 1	8,00	9,00	–0,55	+	1
Каменный Лог I, жил. 1	9,00	14,25	–1,25	–	2
Каменный Лог I, пристр. 1	5,50	8,75	–1,25	–	2
Каменный Лог I, жил. 2	6,70	9,75	–0,90	–	2
Каменный Лог I, пристр. 2	4,50	6,50	–0,90	–	2
Каменный Лог I, жил. 3	6,50	12,00	–1,20	–	2
Бырганов, жил. 1	2,00	4,65	–0,20	–	3
Бырганов, жил. 2	1,60	3,20	–0,20	–	3

Примечание: тип сооружения указан по классификации автора; **сокращения:** жил. – жилище; пристр. – пристройка.

падной части постройки, можно предположить, что эта зона была жилой, в отличие от северо-восточной, которая предназначалась для содержания скота. В жилищах позднего бронзового века на этой же территории не зафиксировано разделение внутреннего пространства на две части.

Лучше всего внутренняя планировка жилищ рассматриваемого времени изучена на поселении Торгажак, где сохранились деревянные конструкции. Опорные столбы располагались по периметру котлована и в два ряда в центральной части жилища, разделяя его на три примерно равных «нефа», при этом перекрытие центрального «нефа» было плоским, с дымовым или световым окном посередине. В некоторых жилищах зафиксированы остатки деревянных перегородок или канавки, в которые могли устанавливаться такие перегородки, разделявшие внутреннее пространство между столбами на несколько частей (Савинов, 1996. С. 13–23).

На поселениях Шортанды-Булак, Бутакты I и Тургень II (Центральный Казахстан) опорные столбы в жилищах также располагались в два ряда в центральной части и вдоль стенок котлована, а между столбами были зафиксированы остатки перегородок (Маргулан, 1998. С. 264–279; Горячев, 2013). Перекрытие этих жилищ не сохранилось, однако очаги располагались в центральной части, и можно предположить, что в этом месте в крыше находилось отверстие для выхода дыма. Подобная планировка изучена и на других андроновских поселениях урало-казахстанских степей.

Еще одна характерная особенность жилищ позднего бронзового века Минусинских котловин – облицовка стенок котлованов деревом (Торгажак) или камнем (Каменный Лог I, Тунчух). В Орском регионе и Центральном Казахстане также исследованы жилища с каменной облицовкой стенок котлованов, например Атасу, Бугулы, Тасты-Бутак (Кузьмина, 1994. С. 78). На поселении Ключи обнаружено большое количество фрагментов каменных плит, однако они не могли использоваться для укрепления земляных стенок, так как постройка находилась непосредственно на дневной поверхности.

Подводя итоги, можно сказать, что проследить влияние андроновской домостроительной традиции Минусинских котловин в более позднее время на

этой же территории не удается. Вероятно, андроновские жилища Среднего Енисея, как и всей юго-восточной части Западной Сибири (Молодин, 1985. С. 114; Бобров, Михайлов, 1987. С. 17–27), представляли собой легкие деревянные, реже каменные сооружения, которые возводились непосредственно на дневной поверхности. Конструкция единственной исследованной постройки не обнаруживает сходных черт с конструкциями более поздних жилищ. Тогда как на территории урало-казахстанских степей изучено большое количество андроновских построек, которые имеют общие особенности с жилищами позднего бронзового века в Минусинских котловинах.

На основании подробного анализа погребальных традиций, зафиксированных на памятниках позднего бронзового века Среднего Енисея, А. В. Поляков пришел к выводу, что определяющее значение в формировании карасукской культуры сыграло не местное население, а группа мигрантов с характерным погребальным обрядом, имеющая андроновские корни (Поляков, 2009). Вероятно, эта группа мигрантов принесла на Средний Енисей не только традиции погребального обряда, но также и технологию постройки домов. Географическая привязка поселений с аналогичной системой взаимного расположения жилищ, сходными типами их конструкции и внутренней планировки позволяет говорить о том, что исходным пунктом миграции нового населения была территория урало-казахстанских степей. Это предположение подтверждается и тем, что весь спектр инноваций, отличающих ранний пласт памятников позднего бронзового века от предшествующих памятников андроновской культуры на Енисее, также встречается на территории Казахстана (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 48–49). К тому же полученные антропологами данные позволяют говорить о сходстве карасукского населения Среднего Енисея с андроновским населением Верхней Оби и Казахстана (Громов, 2002. С. 21–26).

В позднеандоновских памятниках на территории Казахстана получает распространение новый тип жилищ – легкие каркасные постройки (Кузьмина, 1994. С. 99). Примерно в это же время в Минусинских котловинах появляется группа населения с характерными традициями погребального обряда и техникой домостроительства, которая, вероятно,

происходит с территории урало-казахстанских степей. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что распространение нового типа жилищ в Казахстане было связано и с частичной сменой населения. При этом носители новых строительных традиций вытеснили на северо-восток, в Минусинские котловины, часть местного населения. Мигранты из Казахстана уже на новой для себя территории – на Среднем Енисее – продолжили строить жилища и совершать погребения согласно своим старым традициям.

В позднем бронзовом веке принесенная на Средний Енисей андроновская домостроительная традиция претерпела некоторые изменения. Можно думать, что произошло окончательное оформление двух типов жилищ, разделение которых связано не только с наличием или отсутствием опорных столбов для поддержки перекрытия (как в андроновское время), но и с размерами и глубиной котлованов, а также, вероятно, с различным назначением построек.

- Бобров, Михайлов, 1987 – Бобров В. В., Михайлов Ю. И.* Комплекс андроновской культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1987. С. 17–27.
- Горячев, 2013 – Горячев А. А.* Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сб. науч. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алма-Ата: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348–370.
- Громов, 2002 – Громов А. В.* Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 33 с.
- Грязнов, 1999 – Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее / Отв. ред. М. Н. Пшеницына. СПб.: Дмитрий Булачин, 1999. 136 с.
- Грязнов, Комарова, 1962 – Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Отчет карасукского отряда о раскопках 1961 г. Л., 1962 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 1, 1961 г., д. 65.
- Комарова, 1963 – Комарова М. Н.* Отчет карасукского отряда о раскопках 1962 г. Л., 1963 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 1, 1962 г., д. 64.
- Кузьмина, 1994 – Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Лазаретов, 1990 – Лазаретов И. П.* Отчет о раскопках могильников Бырганов III, V, Федоров Улус и поселения Бырганов IV в Аскизском районе и могильника Белое озеро I в Бейском районе Хакасской АО в 1990 г. (Начальник отряда И. П. Лазаретов, начальник экспедиции Г. Н. Курочкин) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 1, 1990 г., д. 95.
- Лазаретов, Поляков, 2008 – Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–54.
- Лурье, 2018 – Лурье В. М.* Osteологические материалы из поселений карасукской культуры // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии / Отв. ред. А. А. Бессуднов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 202–205.
- Лурье, 2019 – Лурье В. М.* Керамический комплекс поселения Каменный Лог I // Материалы LIX Росс. археол.-этнограф. конф. студ. и молод. ученых / Отв. ред. О. А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 97–98.
- Максименков, 1978 – Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Маргулан, 1998 – Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Сочинения А. Х. Маргулана. В 14 т. / Отв. ред. Н. А. Назарбаев. Алма-Ата: Атамур, 1998. Т. I. 400 с.
- Молодин, 1985 – Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Поляков, 2009 – Поляков А. В.* К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // ЗИИМК РАН. 2009. № 4. С. 90–109.
- Савинов, 1996 – Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 112 с.
- Севастьянова, 1977 – Севастьянова Э. А.* Отчет об охранных раскопках областного музея на Старо-Аскизской оросительной системе. Абакан, 1977 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1, д. 6378.

**The problem of the origins of the establishment of the house-building tradition
in Minusinsk hollows during the Late Bronze Age**

V. M. Lourie

In order to define the origins of the establishment of the house-building tradition recorded archaeologically for the Late Bronze Age in Minusinsk hollows, its comparison with the earlier Andronovo house-building traditions among the population of the Middle Yenisei and adjoining territories is here presented. The present analysis comprises the relative positions of the buildings, the construction peculiarities of the dwellings and their interior plans. Dwellings of the Late Bronze Age in the Minusinsk hollows demon-

strate practically no similarity with the known constructions of the Andronovo period in the territory under consideration but share many common features with Andronovo structures in the Southern Trans-Urals and Kazakhstan. It is highly likely that the change of the house-building tradition in the area of Minusinsk hollows recorded for the Late Bronze Age was related with the group of migrants who moved to the Middle Yenisei from the territory of the Ural-Kazakhstan steppe.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ С ОРУЖИЕМ В ПЕТРОГЛИФАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ¹

А. А. Горячев², Т. А. Егорова³

Аннотация. Значительное место в композициях эпохи бронзы наскального искусства Семиречья занимают образы воинов с оружием, которые получили распространение на всей его территории. Среди наиболее древних рисунков встречаются изображения людей с палицей (дубина) и булавой на ремне, которые практически не встречаются в конце эпохи бронзы. К распространенным видам оружия относятся также изображения лука и стрел, боевых топоров, серповидных клинков и чеканов. В позднем бронзовом веке в наскальном искусстве Семиречья наиболее яркими являются батальные сюжеты. В урочище Ой-Джайлыу отмечены необычные для региона сцены сражения двух всадников, вооруженных боевыми клевцами или чеканами. Подобные рисунки свидетельствуют об усилении роли военного сословия, что связано с усилением межплеменной розни, борьбы за территорию и формирования общественной структуры по типу военной демократии.

Annotation. Images of armed warriors occupy a considerable place in compositions of the Bronze Age rock art of Semirechye. They were widespread over its entire territory. Among the earliest drawings, there are representations of people with a cudgel and a mace on a belt which practically are not encountered in the end of the Bronze Age. Widely distributed kinds of weapons are depicted in representations of bows and arrows, battleaxes, sickle-shaped blades and chekans (a type of battleaxes). In the Late Bronze Age, in the rock art of Semirechye, battle scenes are the most expressive. In the isolated terrain of Oy-Dzhaylyau, there were noted peculiar in the region scenes of fight of two riders armed with becs de corbin or chekans. Pictures of this kind indicate the strengthening role of the military estate due to the intensification of the intertribal discords, struggles for territory and the establishment of a social structure according to the type of military democracy.

Ключевые слова: Семиречье, эпоха бронзы, наскальное искусство, петроглифы, композиция, воины, оружие, сражение, сакрализация, традиция.

Keywords: Semirechye, Bronze Age, rock art, petroglyphs, composition, warriors, weaponry, battle, sacralisation, tradition.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-123-127

В наскальном искусстве Семиречья изображения воинов с оружием занимают значительное место в композициях, датируемых эпохой бронзы. Они встречаются как в крупных памятниках, таких как петроглифы урочища Тамгалы (Танбалытас), в горах Кулжабасы, Ешкиольмес и Баянжурек, так и в небольших рядовых скоплениях наскальных рисунков Жетысуского/Джунгарского и Илейского/

Заилийского Алатау, Шу-Илейских гор и юго-западного Прибалхашья. Разработанная в последние десятилетия периодизация наскальных рисунков бронзового века региона позволяет рассмотреть эволюцию образов воинов с оружием в разные хронологические периоды (Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Марьяшев, Горячев, 2002; Марьяшев, Железняков, 2013).

В петроглифах Семиречья раннего бронзового века в сценах жертвоприношений и поединков встречается такое вооружение, как палица. Иконография персонажа с этим оружием рассмотрена на основе примеров из ущелья Тамгалы, его округи и в горах Кулжабасы (Максимова и др., 1985; Марьяшев, Горячев, 2002). За подобными образами в научной литературе закрепилось название «палиценосец» (рис. 1, 1–4, 6). Еще одним нередким

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05135512 «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла»).

² 050010, Республика Казахстан, Алматы, пр. Достык, д. 44. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел номадизма и урбанизации. Адрес электронной почты: aga.2805@mail.ru.

³ 050010, Республика Казахстан, Алматы, пр. Достык, д. 44. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел номадизма и урбанизации. Адрес электронной почты: ega.0108@mail.ru.

атрибутом палиценосца являлась булава на ремне. В позднем бронзовом веке данные персонажи практически исчезают.

К числу наиболее ранних видов оружия, отраженных в наскальном искусстве Семиречья, относятся лук и стрелы. Лучники являются персонажами сцен охоты и жертвоприношений. Исследованные ранние петроглифы в горах Кулжабасы и Аккайнар дополняют образ лучника сценами «священной» охоты воинов, ряженных в «волчьи маски» (*Байпаков, Марьяшев, 2009. С. 66*). В среднем бронзовом веке (петроглифы тамгалинской традиции) фигуры лучников распространяются повсеместно. В позднем бронзовом веке среди сюжетов чаще встречаются батальные сцены с изображением противостояния двух групп лучников. Если форма лука за этот период практически не меняется, то в изображениях стрел показаны детальные формы наконечников стрел и оперения (*Марьяшев, Горячев, 2002. С. 184*). В древних петроглифах отражено использование другого вида оружия – топора, как охотничьего, боевого и ритуального предмета. Например, в сцене жертвоприношения из урочища Тамгалы быка убивает топором персонаж, на поясе которого укреплен булава: его облик в целом близок образу палиценосца. Батальная сцена сражения на топорах из Каракыра состоит из ритмически повторяемых парных фигур (рис. 1, 5). Воины из урочища Тамгалы с поднятыми вверх топорами показаны в исполнении танцевальных движений (рис. 1, 8), что позволяет специалистам видеть в подобных сюжетах «устойчивость архаики доисторических обрядов» (*Новгородова, 1984*).

Достаточно часто встречаемым видом оружия в петроглифах Семиречья являются чеканы (рис. 1, 9). Они отмечены как в ритуальных композициях с жертвоприношениями, так и в батальных сюжетах. Необычным оружием, близко напоминающим боевой топор, в поединке из урочища Каракыр показаны серповидные клинки в руках противников (рис. 1, 7). На рисунке – два типа этого оружия. У воина, изображенного слева,

на тонкой ручке насажены два серпообразных клинка с заостренным концом. Правый воин сражается широкими короткими изогнутыми и сужающимися книзу клинками. Согласно М. В. Горелику, этот тип вооружения определяется как однолезвийное клинковое оружие (*Горелик, 2003. С. 33–37, табл. XVIII*). Подобные секачи с коротким широким клинком, по мнению исследователя, применялись только в пешем бою.

Батальные сюжеты в петроглифах позднего бронзового века достаточно разнообразны. Помимо сцен единоборств и сражения противоборствующих групп воинов встречаются композиции с нападением вооруженных дубинками воинов на безоружных людей. Яркими сюжетами выделяются изображения воинов-лучников на боевых колесницах. Колесницы и повозки встречаются и в более ранних рисунках, но в этих случаях они не связаны с фигурами вооруженных персонажей. В позднем бронзовом веке в ущелье Теректы (западные отроги Жетысуского Алатау) отмечена сцена преследования одной боевой колесницы с лучником другой колесницы (*Марьяшев, Горячев, 2002. С. 224*).

В урочище Ой-Джайляу отмечена необычная для петроглифов эпохи бронзы Семиречья сцена сражения двух всадников, вооруженных боевыми клевцами или чеканами (рис. 2). Сюжет боя всадников с чеканами в руках повторяется на боковой грани этой же скалы. Конь и лошадь под всадниками имеют характерные челки, которые позволяют их датировать поздним бронзовым веком и его финалом. Данные композиции позволяют предположить их ритуальный характер, символизирующий военное противостояние, что, вероятно, относится к начальному этапу формирования конного воинства. Подобный символизм свидетельствует об усилении роли военного сословия в позднем бронзовом веке на территории Семиречья, что связано с усилением межплеменной розни, борьбы за территорию и формирования общественной структуры по типу военной демократии.

Байпаков, Марьяшев, 2009 – Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Credo, 2009. 104 с.

Горелик, 2003 – Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). 2-е изд., доп. СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

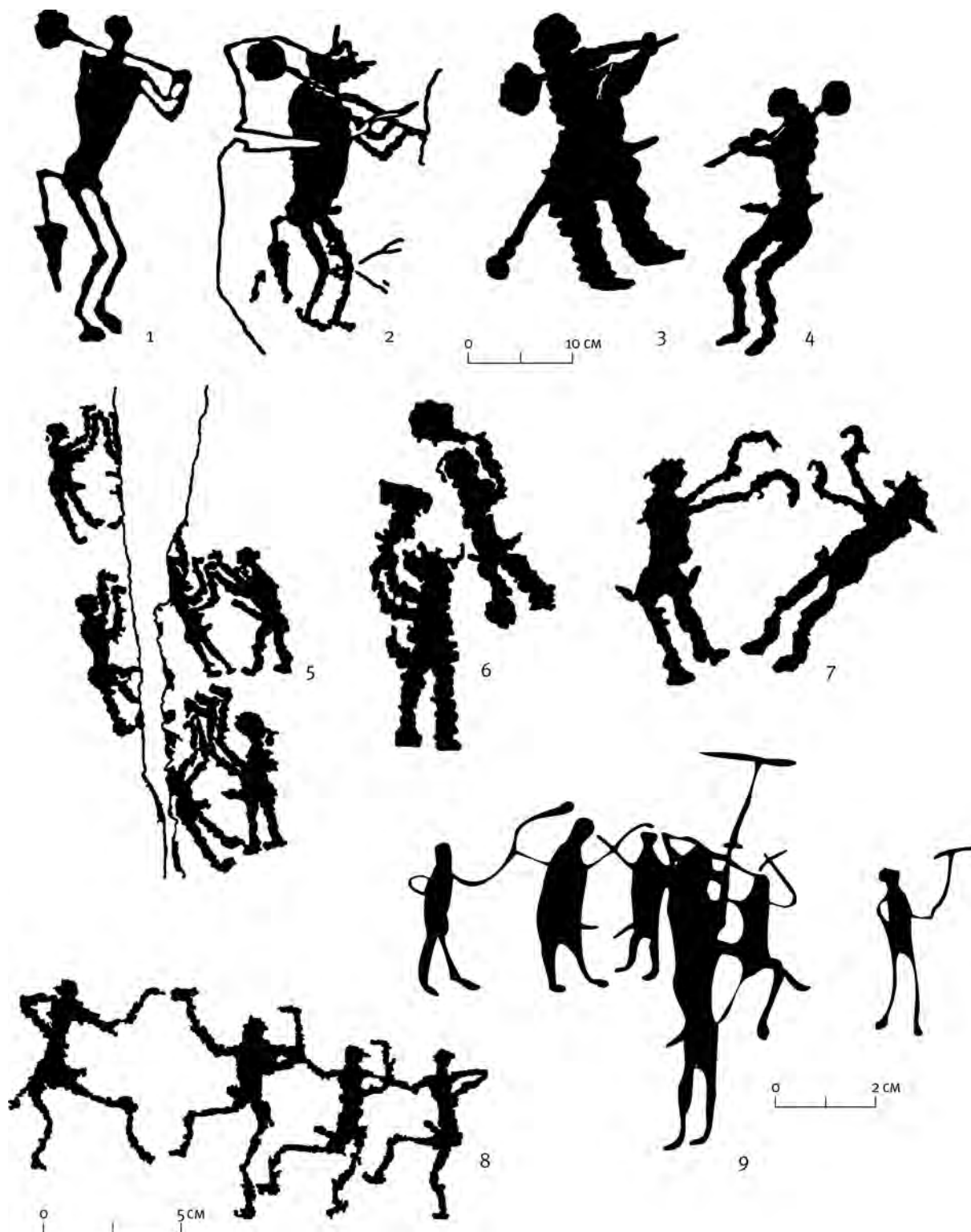


Рис. 1. Изображения антропоморфных персонажей с оружием из Семиречья: 1–4, 8 – Тамгалы (Рогожинский, 2011); 5–7 – Каракыр (Потанов, 2007); 9 – Ешкиольмес (прорисовка авторская)

Fig. 1. Representations of anthropomorphic armed figures from Semirechye: 1–4, 8 – Tamgaly (Рогожинский, 2011); 5–7 – Karakyr (Потанов, 2007); 9 – Eshkiolmes (drawings by the author)

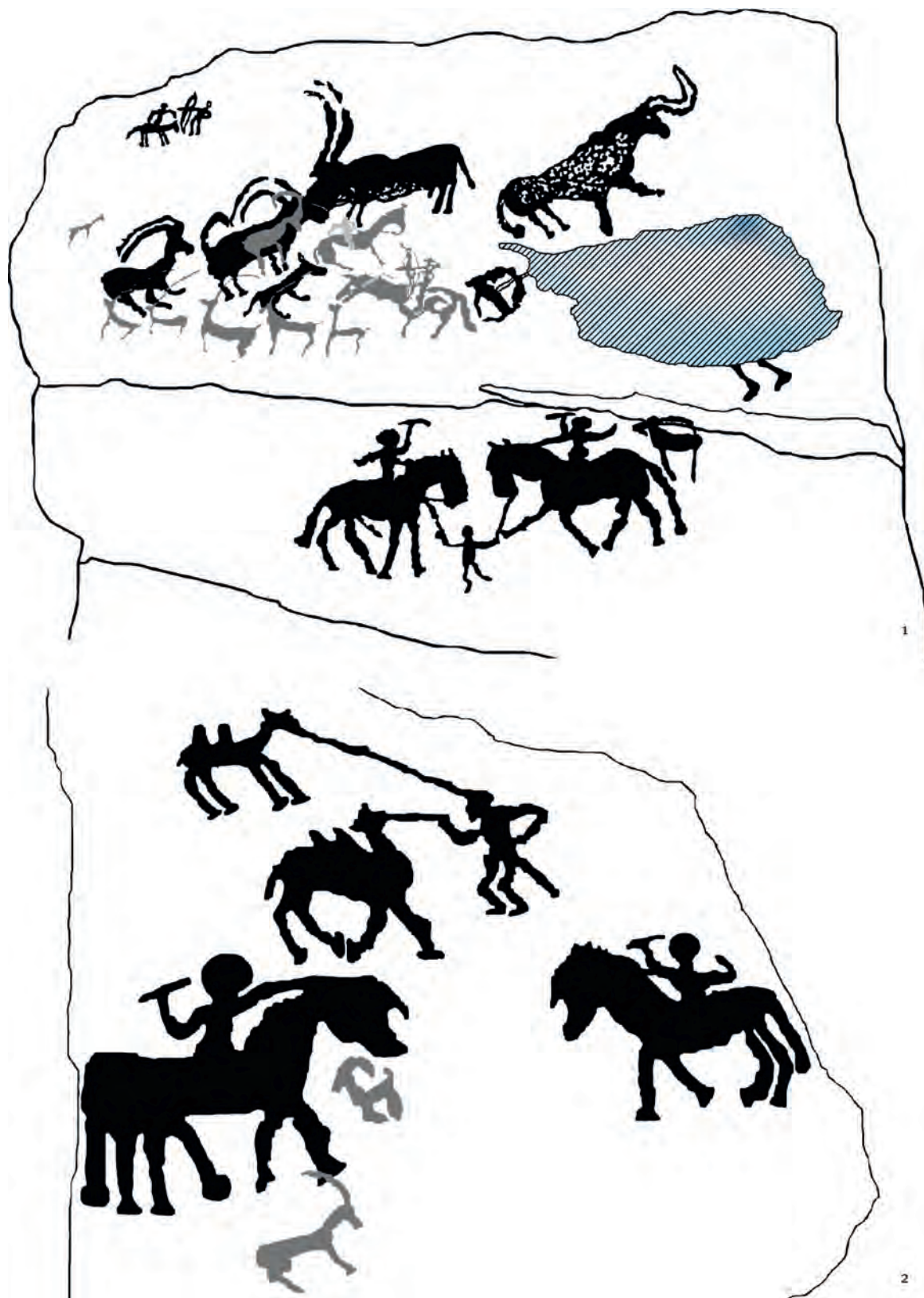


Рис. 2. Композиции с конными воинами из урочища Ой-Джайляу (прорисовки авторские)

Fig. 2. Compositions with mounted warriors from the isolated terrain of Oy-Dzhaylyau (drawings by the author)

- Кадырбаев, Марьяшев, 1977* – Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 231 с.
- Максимова и др., 1985* – Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Өнер. 144 с.
- Марьяшев, Горячев, 2002* – Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Наскальные изображения Семиречья. Издание 2-е. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.
- Марьяшев, Железняков, 2013* – Марьяшев А. Н., Железняков Б. А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 150 с.
- Новгородова, 1984* – Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Потанов, 2007* – Потанов С. А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: Кітап, 2007. 176 с.
- Рогожинский, 2011* – Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 342 с.

Representations of armed warriors in petroglyphs of the Bronze Age in Semirechye

A. A. Goryachev, T. A. Egorova

Images of armed warriors occupy a considerable place in compositions of the Bronze Age rock art of Semirechye. They were widespread over its entire territory. The periodization developed for Bronze Age petroglyphs allows us to consider the evolution of this subject in different chronological periods. Among the earliest drawings, there are representations of people with a cudgel and a mace on a belt which practically are not encountered in the end of the Bronze Age. Widely distributed kinds of weapons are depicted in representations of bows and arrows, battleaxes, sickle-shaped blades and *chekans* (a type of battleaxes). Weapons of this kind are found in compositions with scenes of single combat, hunting, sacrifices and other

ritual practices. In the Late Bronze Age, in the rock art of Semirechye, battle scenes are the most expressive. Among the latter there are scenes of single-combat of two groups of unmounted warriors, battles between archers, and fights of chariot-drivers. In the isolated terrain of Oy-Dzhaylyau, there were noted peculiar in the region scenes of fight of two riders armed with becs de corbin or chekans. These compositions suggest their ritual character and allow us to attribute them to the initial stage of the formation of cavalry. Pictures of this kind indicate the strengthening role of the military estate due to the intensification of the intertribal discords, struggles for territory and the establishment of a social structure according to the type of military democracy.

КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ САЯНО-АЛТАЯ В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.¹

Н. А. Боковенко²

Аннотация. В начале I тыс. до н. э. в евразийских степях фиксируется появление сообществ ранних кочевников скифо-сакского типа. Наиболее ранние из них в настоящее время встречены в горностепных районах Саяно-Алтая. После обобщения огромного археологического материала усилиями многих ученых были созданы региональные периодизации археологических культур для Хакасско-Минусинских степей, Алтая и Тувы. Понимание процессов формирования древних культур Саяно-Алтая у исследователей не однозначно. В настоящее время выявляются различные связи культур Саяно-Алтая скифо-сакского периода с синхронными культурами Казахстана, Средней Азии и Монголии. В свете новых археологических данных становится очевидным, что регион Казахского Алтая в процессе формирования культуры скифо-сакского типа занимает ведущее положение. Важно, что в позднем бронзовом веке именно в Восточном Казахстане фиксируются мощные металлургические центры и центры металлообработки (с большими запасами меди и олова), наличие которых стимулировало изготовление оружия и орудий у номадов.

Annotation. In the beginning of the 1st millennium BC, the appearance of communities of early nomads of a Scythian-Saka type is observed in the Eurasian steppe. At present, the earliest of them have been found in the mountain-steppe regions of the Sayan-Altay. Summarizing of an enormous archaeological material by efforts of many researchers has resulted in periodization of archaeological cultures in these regions, i. e. Khakasian-Minusinsk steppe, Altay and Tuva. The understanding of the processes of the formation of the early Sayan-Altay cultures is not identical among the researchers. At present, different links between the Sayan-Altay cultures of the Scytho-Saka period and synchronous cultures of Kazakhstan, Central Asia and Mongolia have been identified. In the light of new archaeological evidence it becomes obvious that the area of the Kazakh Altay holds the leading position in the process of the formation of the culture of the Scytho-Saka type. It is of importance that it is exactly in Eastern Kazakhstan that powerful metallurgical centres and centres of metalworking (with large stores of copper and tin) of the Late Bronze Age are found. The presence of them stimulated production of weapons and tools by the nomads.

Ключевые слова: Алтай, Тува, Хакасско-Минусинские котловины, скифо-сакский период, тагарская культура, алды-бельская культура, бийкенская культура, пазырыкская культура, Майэмир, Аржан-1, Тарбагатай.

Keywords: Altay, Tuva, Khakasian-Minusinsk depressions, Scythian-Saka period, Tagar culture, Aldy-Bel culture, Biyken culture, Pazyryk culture, Mayemir, Arzhan-1, Tarbagatay.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-128-135

Саяно-Алтай представляет собой горно-степную страну с многочисленными реками, озерами и разнообразными полезными ископаемыми (медь, олово, золото, серебро и т. п.), что привело к появлению и развитию здесь различных культур начиная с палеолита. Эта особенность региона способство-

вала развитию технологий металлообработки и совершенствованию различных орудий. А уникальный набор растительного и животного мира стимулировал создание наиболее удобных систем экономики у древних обществ, прежде всего связанных со скотоводством, которые развивались и совершенствовались в зависимости от климатических изменений в различные исторические периоды.

В конце II – начале I тыс. до н. э. закономерный переход пастушеских племен к новому хозяйственно-культурному типу – кочевому скотоводству и формирование схожих культур сако-скифского облика были обусловлены рядом причин природного и социально-экономического характера.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: nibo25@yandex.ru.

После обобщения огромного материала усилиями многих ученых были созданы периодизации археологических культур, которые традиционно локализуются по трем регионам Саяно-Алтая: Хакасско-Минусинские степи, Алтай и Тува.

В Хакасско-Минусинских степях происхождение тагарской культуры сако-скифского типа исследователями трактуется не однозначно. В основном выдвигаются две точки зрения: 1) традиционная (С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, С. В. Киселев, Г. А. Максименков и др.), связывающая происхождение тагарской культуры от предшествующей карасукской культуры; 2) поликультурная (Н. Л. Членова и др.), согласно которой в карасукскую эпоху одновременно существовали две культуры, а в раннескифское время (VIII–VII вв. до н. э.) – еще четыре культурные группы (Членова, 1967; 1972). Эта схема развития древних культур Минусинской котловины вызвала обоснованную критику со стороны исследователей (Максименков, 1975а; 1975б).

Динамика формирования тагарской культуры отразилась также в различной, зачастую противоречивой интерпретации ее материалов. В последнее время появилась гипотеза, в соответствии с которой баиновский этап тагарской культуры необходимо отнести к позднему бронзовому веку (Лазаретов, 2005; 2006; 2007). И. П. Лазаретов, проанализировав комплексы, ранее отнесенные к баиновскому этапу, пришел к выводу об их сходстве с предшествующей лугавской культурой (или каменоложскими памятниками карасукской культуры), а тагарская культура начинается позднее: «основные категории предметов, наборы украшений и керамика, характеризующие тагарскую культуру, не имеют прототипов в местных памятниках предшествующего времени» (Лазаретов, 2007. С. 104). С этим трудно согласиться, поскольку это противоречит реальным материалам (Максименков, 1975б. С. 54; 2003; Вадецкая, 1986. С. 97; Бокovenko, 1998. С. 87; 2010; 2011). Весь массив наиболее ранних тагарских (баиновских) памятников (IVб этап, по И. П. Лазаретову), имеющих признаки всей тагарской эпохи (четыреугольная ограда с угловыми вертикальными стенами; захоронение на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад,

реже на северо-восток; наличие баночной посуды и т. д.), почему-то надо относить к эпохе бронзы.

При наших археологических построениях все же необходимо учитывать проявляющиеся в материале диалектические закономерности. Общеизвестно, что каждая археологическая периодизация должна отражать реальные закономерности и процессы общественного развития, в противном случае она будет носить формальный и искусственный характер, так и не став надежным историческим инструментом. Возможность деления какого-либо большого отрезка времени на части, эпохи, периоды и т. д. предполагает наличие в нем разделенных объективными процессами серий явлений, отраженных в известных памятниках (комплексах). Многообразие связей между памятниками характеризует внутреннее единство данной эпохи или периода, причем связь между памятниками внутри эпохи или периода должна быть более сильной и тесной, чем между памятниками разных эпох или разных периодов. Скорее всего, в будущем при тщательном типологическом анализе материала в тагарскую культуру войдут некоторые каменоложские комплексы (IVб, этап по И. П. Лазаретову).

Принципиально важно то, что детальный анализ раннетагарских черт создает предпосылки для пересмотра хронологических рамок некоторых этапов и удревнения начала тагарской культуры как минимум до IX в. до н. э. Так, радиоуглеродные даты из раннетагарских могильников Хыстаглар, Тигир Тайджен-4 и др. находятся в интервале XI–IX вв. до н. э. (Gorsdorf et al., 2004; Евразия радиоуглеродная, 2005. С. 109–114; Поляков, Святко, 2009; Чугунов, 2005). Таким образом, начало тагарской эпохи можно датировать концом X в. или рубежом X–IX вв. до н. э. и никак не позже. Также в раннетагарских памятниках прослеживаются элементы, генетически связанные с западными районами и позволяющие усматривать казахстанско-среднеазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине I тыс. до н. э. (Членова, 1967; Podol'ski, 1996; Бокovenko, 2011).

Аналогичная ситуация наблюдается и на **Алтае**: первоначальные периодизации М. П. Грязнова уточняются, и с появлением новых памятников (типа Курту II) вычленяется куртуский

(VIII–VII вв. до н. э.) и затем майэмирский (VII–VI вв. до н. э.) этапы (Грязнов, 1992).

Результаты разносторонних полевых работ новых археологических центров (Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Горно-Алтайск) поставили перед исследователями проблему хронологии финала скифского периода, локальных вариантов и этнической неоднородности населения Горного Алтая. Для позднескифского времени удалось на юге и юго-востоке Алтая выявить преобладание памятников пазырыкской культуры, а в Центральном Алтае – кара-кобинские захоронения в каменных ящиках (Владимиров, Шульга, 1984; Могильников, 1983; Суразаков, 1983). Существование двух групп памятников связывают с обитанием на Алтае двух этнических групп, восходящих к майэмирскому времени (VIII–VII вв. до н. э.), когда фиксировались также два типа памятников: усть-куюмский в северной и центральной части Алтая и коксинский – в более южных районах (Могильников, 1986; Степанова, 1986). Центральный Алтай является территорией контактов обеих групп на протяжении всего скифского времени.

В последнее время много новых памятников скифской эпохи раскопано в разных районах Алтая целой плеядой исследователей, что в значительной степени обогатило понимание развития скифской культуры (Д. Г. Савинов, В. Д. Кубарев, В. А. Могильников, А. С. Суразаков, В. А. Уманский, Л. С. Марсадолов, Т. Н. Троицкая, Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин, А. А. Тишкин и др.). Эти работы позволили уточнить периодизацию Алтая, хотя здесь и существуют разногласия в интерпретации и выделении того или иного этапа из-за неполной публикации всех комплексов и теоретических разногласий.

Согласно обобщениям начала 1990-х гг. культура ранних кочевников делится на следующие этапы развития: ранний (VIII–VI вв. до н. э.), средний (V–III вв. до н. э.) и поздний (II в. до н. э. – I в. н. э.) (Грязнов, 1992. С. 164). В. А. Могильников (1997) предложил несколько иную периодизацию раннескифских памятников Алтая, согласно которой майэмирская культура включает два этапа: куртуский – VIII–VII вв. до н. э. и карбанский – VII – первая половина или начало VI в. до н. э. Л. С. Марсадолов (2000) выделял на этом же материале два

этапа: VIII–VII и VI–III вв. до н. э. Кроме территории Центрального Алтая, широкомасштабные комплексные исследования проводились в Западном Алтае. Здесь в 1997–1999 гг. работала международная археологическая экспедиция Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан) при участии ряда научно-исследовательских институтов, университетов и Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Усть-Каменогорск), а также Археологической миссии Франции в Центральной Азии и научно-исследовательского центра Лигабуе (Италия). Под руководством З. Самашева исследовались большие курганы в Берельской степи (Самашев и др., 2000; Самашев, 2011). В Южном Алтае – в высокогорной долине Укок – также проводились комплексные международные исследования (Полосьмак, Молодин, 2000; Полосьмак, 2001), в некоторых случаях давшие принципиально новые материалы по раннескифской эпохе и пазырыкской культуре.

Необходимо было систематизировать новые материалы и сопоставить их с уже известными комплексами. Большую роль в этом процессе сыграли работы барнаульских исследователей. Так, для раннескифского времени была выделена бийкенская культура (Кирюшин, Тишкин, 1997; Суразаков, 1989; Тишкин, 2007), в основном локализуемая в Центральном Алтае, в отличие от майэмирской культуры, памятники которой располагаются на территории Западного, Северо-Западного Алтая и Предалтайской равнины (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 290). Вопрос о ее происхождении пока остается открытым.

Систематизировав все доступные материалы, исследователи предложили следующую культурно-хронологическую схему для скифской эпохи Алтая (Суразаков, 1989. С. 81–114; Тишкин, 2007. С. 236):

Аржано-майэмирское время – бийкенская культура, которая делится на три последовательных этапа: куртуский (IX – первая половина VIII в. до н. э.), семисартский (VIII – первая половина VII в. до н. э.) и бойтыгемский (вторая половина VII – третья четверть VI в. до н. э.);

Пазырыкское время – пазырыкская культура, которая делится на три последовательных этапа: башадарский (вторая половина VI – первая поло-

вина V в. до н. э.), кызыл-джарский (вторая половина V – вторая-третья четверть IV в. до н. э.) и шибинский (последняя четверть IV–III в. до н. э.).

Несомненно, в дальнейшем новые опубликованные материалы по этой эпохе позволят ее уточнить и создать более дробную периодизацию Алтая.

Археологические материалы скифской эпохи Тувы позволили Л. Р. Кызласову (*Кызласов*, 1958) выделить уюкскую культуру (VII–III вв. до н. э.), а С. И. Вайнштейну (*Вайнштейн*, 1966) – казылганскую культуру. Оба автора отмечали несомненное сходство выделенных ими культур с культурами скифского типа Центральной Азии и Казахстана.

С 1965 г. А. Д. Грачом проводились широкомасштабные исследования Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН), давшие возможность уточнить и обосновать некоторые вопросы хронологии скифского времени. А. Д. Грач выделил памятники предскифского периода (*Грач*, 1971) и выдвинул гипотезу о существовании в Туве не единой уюкской (казылганской) культуры скифского типа, а двух последовательно сменяющих друг друга: алды-бельской (VII–VI вв. до н. э.) и саглынской (V–III вв. до н. э.). Алды-бельская культура, по его мнению, обнаруживает большое сходство с тасмолинской культурой Казахстана и май-эмирскими памятниками Алтая. Раскопки Аржана-1, а также новых скифских памятников Тувы позволили А. Д. Грачу (*Грач*, 1975), как и М. П. Грязнову (*Грязнов*, 1980), отнести начало скифской эпохи к VIII в. до н. э., считая Аржан царским курганом начального этапа алды-бельской культуры. Позже А. Д. Грач (1980; 1983) в алды-бельской культуре выделил два этапа: аржанский (VIII–VII вв. до н. э.) и усть-хемчикский (VII–VI вв. до н. э.).

М. Х. Маннай-оол (1970) лишь уточнил периодизацию уюкской культуры Л. Р. Кызласова и вслед за ним к начальному этапу отнес захоронения на древнем горизонте в цистах. Но различия в устройстве погребальных сооружений и антропологических типов в уюкской культуре позволили М. Х. Маннай-оолу говорить о многоэтничности населения Тувы в скифское время, некоторые группы которого связаны с Монголией. Захоронения на горизонте в цистах относят либо к первому этапу уюкской культуры (Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол), либо к предшествующему, монгун-тайгинскому времени

(А. Д. Грач). Часть цистовых захоронений монгун-тайгинского типа Вл. А. Семёнов и К. В. Чугунов также отнесли к эпохе ранних кочевников (*Семенов*, 1990; 1997; *Чугунов*, 1994).

Современные исследования полностью подтверждают отнесение Л. Р. Кызласовым захоронений на горизонте к раннескифскому времени и возможный приход их с запада (Казахстана). Автор настоящей работы в Усинской долине обнаружил комплекс Баданка IV (IX–VIII вв. до н. э.), в котором погребенный с конем, уздечка которого имела роговые бляхи аржанского типа, лежал на древнем горизонте в круглой каменной ограде (*Бокоренко*, 1995).

Д. Г. Савинов считает, что, помимо Аржана и памятников аржанского типа, которые, по его мнению, еще предстоит выделить в самостоятельную культуру, существовали три большие археологические культуры (или общности): алды-бельская, саглынская и кокэльская (*Савинов*, 2002). Раскопки кургана Аржан-2 (середина – вторая половина VII в. до н. э.) заполнили лакуну элитных погребений после Аржана-1 (*Чугунов и др.*, 2002; *Чугунов*, 2004), а материалы позволили синхронизировать его с памятниками сарагашенского этапа тагарской культуры Среднего Енисея (*Чугунов*, 2013).

При изучении скифских материалов остается ряд спорных моментов: 1) об отнесении памятников монгун-тайгинского типа к эпохе бронзы или скифскому времени; 2) о датировке Аржана-1 рубежом IX–VIII в. до н. э. (М. П. Грязнов, А. М. Мандельштам, Ю. А. Заднепровский и др.) или VII–VI вв. до н. э. (Л. Р. Кызласов, Н. Л. Членова); 3) о монокультурности (Л. Р. Кызласов, С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол, А. М. Мандельштам) или поликультурности (А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Вл. А. Семёнов, К. В. Чугунов) памятников скифского времени.

Понимание формирования древних культурных образований Саяно-Алтая у исследователей не однозначно, и дальнейшая корреляция типологически обработанных комплексов еще предстоит. Но уже на этом уровне понимания материалов выявляются различные связи культур Саяно-Алтая раннескифского времени с культурами Казахстана, Средней Азии и Монголии.

Согласно новым археологическим данным, регион казахского Алтая в процессе формирования раннесакской (раннескифской) культуры приобретает одно из доминирующих положений. Кроме уже выявленных памятников в районе Майэмир, Солонечного Белка, Шиликты и др., в последнее время исследуются элитные памятники IX–VII вв. до н. э. в высокогорной долине Элике Сазы (Тарбагатай), которые по ряду при-

знаков (определенные детали конструкций, погребального обряда и некоторые сопроводительные предметы) близки Аржану-1 и Аржану-2 в Туве (Самашев, 2018). Важно, что в позднем бронзовом веке в Восточном Казахстане фиксируются мощные металлургические центры и центры металлообработки (с большими запасами меди и олова), которые на остальных территориях не наблюдаются.

- Боковенко, 1995 – Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 85–90. (АИ. № 24).
- Боковенко, 1998 – Боковенко Н. А. Наскальное искусство скифской эпохи // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 3–8 августа 1998 г. ТД. Кемерово: КемГУ, 1998. С. 86–87.
- Боковенко, 2010 – Боковенко Н. А. Начало тагарской эпохи // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 99–103.
- Боковенко, 2011 – Боковенко Н. А. Эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири: критерии выделения // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года / Отв. ред. В. А. Алёшкин, В. С. Бочкарёв. СПб.: ИИМК РАН, 2011. С. 16–18.
- Вадецкая, 1986 – Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- Вайнштейн, 1966 – Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 143–184.
- Владимиров, Шульга, 1984 – Владимиров В. Н., Шульга П. И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. С. 97–104.
- Грач, 1971 – Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV. С. 93–106.
- Грач, 1975 – Грач А. Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 249–258.
- Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грач, 1983 – Грач А. Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ. 1983. Вып. 25. С. 50–55.
- Грязнов, 1980 – Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Грязнов, 1992 – Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 161–178. (Археология СССР).
- Евразия радиоуглеродная, 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Кирюшин, Тишкин, 2007 – Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 232 с.
- Кызласов, 1958 – Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы // Вестник МГУ. 1958. № 4. С. 71–99.
- Лазаретов, 2005 – Лазаретов И. П. О месте памятников баиновского типа в периодизации Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН Сергея Владимировича Киселева / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 86–89.
- Лазаретов, 2006 – Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2006. 34 с.
- Лазаретов, 2007 – Лазаретов И. П. Памятники баиновского этапа и тагарская культура // АВ. 2007. № 14. С. 93–105.
- Максименков, 1975а – Максименков Г. А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 59–67.
- Максименков, 1975б – Максименков Г. А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 48–58.

- Максименков, 2003 – Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. VIII; Archaeologica Petropolitana. XIII).
- Маннай-оол, 1970 – Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.
- Марсадолов, 2000 – Марсадолов Л. С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Могильников, 1983 – Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Алтая / Гл. ред. Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: б/м, 1983. С. 3–39.
- Могильников, 1986 – Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–67.
- Могильников, 1997 – Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушинский научный центр РАН, 1997. 195 с.
- Полосьмак, 2001 – Полосьмак Н. В. Всадники Уюка. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак, Молодин, 2000 – Полосьмак Н. В., Молодин В. И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Уюк // АЭАЕ. 2000. № 4. С. 122–130.
- Поляков, Святко, 2009 – Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит – начало железного века) // ТПАИ. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Савинов, 2002 – Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 203 с.
- Самашев, 2011 – Самашев З. С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев, 2018 – Самашев З. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / Отв. ред. А. И. Уразова. Уфа: Мир печати, 2018. С. 109–117.
- Самашев и др., 2000 – Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы: Издательская группа ОФ «Берел», 2000. 56 с.
- Семенов, 1990 – Семенов Вл. А. Улуг-Хорум и Аржан (к интерпретации модели мира древних кочевников Тувы) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 111–113.
- Семенов, 1997 – Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с. (АИ. Вып. 41).
- Степанова, 1986 – Степанова Н. Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. С. 79–81.
- Суразаков, 1983 – Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызыл-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Сб. статей / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 42–52.
- Суразаков, 1989 – Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, Горно-Алтайское отделение, 1989. 214 с.
- Тишкин, 2007 – Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. 356 с.
- Тишкин, Дашковский, 2003 – Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 430 с.
- Членова, 1967 – Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова, 1972 – Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Чугунов, 1994 – Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. 1994. Вып. 8. С. 43–53.
- Чугунов, 2004 – Чугунов К. В. Аржан – источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2004. С. 10–39.
- Чугунов, 2005 – Чугунов К. В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН Сергея Владимировича Киселева / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 102–104.

- Чугунов, 2013 – Чугунов К. В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник ТГУ. 2013. История. № 2 (22). С. 91–94.
- Чугунов и др., 2002 – Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное захоронение кочевников раннего скифского времени в Туве // АЭАЕ. 2002. № 2. С. 115–126.
- Gorsdorf et al., 2004 – Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C Datings of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop, held in St. Petersburg, 15–18 November 2003 / Eds. E. M. Scott et al. Dordrecht; Boston; London et al.: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 83–89. (NATO Science Series IV: Earth and Environmental Science. Vol. 42).
- Podol'ski, 1996 – Podol'ski M. L. Early tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; New York, 1996. Vol. VIII/1. P. 61–96.

Cultures of the Sayan-Altay nomads in the beginning of the 1st millennium BC

N. A. Bokovenko

In the beginning of the 1st millennium BC, the appearance of communities of early nomads of a Scythian-Saka type is observed in the Eurasian steppe. At present, the earliest of them have been found in the mountain-steppe regions of the Sayan-Altay. Summarizing of an enormous archaeological material by efforts of many researchers has resulted in periodization of archaeological cultures in these regions, i. e. Khakasian-Minusinsk steppe, Altay and Tuva.

The origin of the Tagar culture of the Scytho-Saka period in the Khakasian-Minusinsk steppe is not definitely treated by the researchers. Generally two views are proposed: 1) the traditional one (S. A. Teploukhov, M. P. Gryaznov, S. V. Kiselev, G. A. Maksimenkov, et al.) connecting the origin of the Tagar culture with the preceding Karasuk culture; 2) a polycultural hypothesis (N. L. Chlenova et al.) according to which, in the Karasuk period, simultaneously two cultures existed while in the Scytho-Saka period (8th–7th century BC) there were still other four cultural groups (Членова, 1967; 1972). The latter scheme of the development of the early cultures of the Minusinsk depression was soundly criticized by researchers (Максименков, 1975), therefore mainly the traditional hypothesis by Teploukhov–Gryaznov is generally accepted. It is of principal importance that a detailed analysis of early Tagar features induces reviewing of the chronological frames of some stages of the Tagar culture and dating its beginning back to at least 9th century BC. This is due to the fact that radiocarbon dates from early Tagar burial grounds of Khystaglar, Tigr Taydzhen-4 etc. are in the range of 11th–9th centuries BC (Gorsdorf et al., 2004; Евразия радиоуглерод-ная, 2005; Поляков,

Святко, 2009; Чугунов, 2005). Thus the appearance of the Tagar culture can be dated to the late 10th century BC or the turn between the 10th and 9th centuries BC, but by no means later. The origin of the Tagar culture is supposed to have been connected partly with the precedent Karasuk culture and partly with cultural innovations from the Kazakhstan/Central-Asiatic region (N. L. Chlenova, M. L. Podol'skiy, N. A. Bokovenko, K. V. Chugunov et al.).

The studies of the Altay by a whole *pleiad* of researchers (M. P. Gryaznov, S. I. Rudenko, D. G. Savinov, V. D. Kubarev, V. A. Mogil'nikov, A. S. Surazakov, V. A. Umanskiy, L. S. Marsadolov, T. N. Troitskaya, Yu. F. Kiryushin, A. B. Shamshin, A. A. Tishkin, et al.) have considerably enriched the understanding of the evolution of cultures of the Scythian-Saka period. These works enabled them to develop a more precise periodization of archaeological cultures of Altay, although there are some controversies in interpretation and distinguishing of particular stages due to the incomplete publication of all the complexes and because of theoretical disagreements. Having systemized the entire material available, a number of scholars (A. S. Surazakov, A. A. Tishkin) proposed the following cultural and chronological scheme for the Scytho-Saka period of Altay which is used presently: Arzhan-Mayemir period – Biyken culture which is divided into three sequential stages: Kurtu stage (9th – first half of the 8th century BC), Semisart stage (8th – first half of the 7th century BC), Boytygem stage (second half of the 7th – third quarter of the 6th century BC). The Pazyryk period – Pazyryk culture which is divided into three sequential periods: Bashadar (second half of the 6th – first half of

the 5th century BC), Kyzyl-Dzhar (second half of the 5th – second/third quarter of the 4th century BC, and the Shiba stage (last quarter of the 4th–3rd century BC).

Also in Tuva, an analogous situation in the interpretation of the archaeological material is observed. Meanwhile, in the course of studies of materials of the Scytho-Saka period, the researchers see a number of disputable moments: 1) concerning the attribution of sites of the Mongun-Tayga type to the Bronze Age or to Scytho-Saka period, 2) the dating of kurgan Arzhan-1 to the turn between the 9th–8th century BC (M. P. Gryaznov, A. M. Mandel'shtam, Yu. A. Zadneprovskiy, et al.) or the 7th–6th century BC (L. R. Kyzlasov, N. L. Chlenova), 3) about the monocultural (L. R. Kyzlasov, S. I. Vainshtein, M. Kh. Mannay-ool, A. M. Mandel'shtam) or multicultural character (A. D. Grach, D. G. Savinov, Vl. A. Semenov, K. V. Chugunov) of the sites of the Scytho-Saka period.

The understanding of the processes of the formation of the early Sayan-Altay cultures is not identical among the researchers and the further correlation of the typologically distinguishable complexes is still in prospect.

At present, different links between the Sayan-Altay cultures of the Scytho-Saka period and synchronous cultures of Kazakhstan, Central Asia and Mongolia have been identified. In the light of new archaeological evidence it becomes obvious that the area of the Kazakh Altay holds the leading position in the process of the formation of the culture of the Scytho-Saka type. Besides the early sites around Mayemir, Solonechny Belok, Shilikta etc., elite sites of the 9th–7th century BC in the highland valley of Yeleke Sazy (Tarbagatay Mountains) have been by now investigated. The latter, according to a number of features (certain details of the construction, burial rite and some accompanying grave goods), are close to materials of kurgans Arzhan-1 and Arzhan-2 in Tuva (*Самуев, 2018*). It is of importance that it is exactly in Eastern Kazakhstan that powerful metallurgical centres and centres of metalworking (with large stores of copper and tin) of the Late Bronze Age are found. The presence of them stimulated production of weapons and tools by the nomads.

ТУВА В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.: МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ

К. В. Чугунов¹

Аннотация. На примере периодизации археологических культур Тувы автором предлагается модель мультикультурности, которую необходимо учитывать при реконструкции процессов культурогенеза. Определение всего круга древностей Тувы, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинской культуры, имеет право на существование только в качестве исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Периодизация А. Д. Грача предполагала смену алды-бельской культуры носителями саглынской культуры. Однако новые материалы показывают сосуществование различных культурных моделей. Носители алды-бельской культуры, пришедшие в Туву после появления здесь памятников аржанского типа, вероятно, составили всадническую элиту общества. Уюкский тип памятников, выделенный в рамках саглынской культуры, отражает сохранение некоторых традиций раннескифского времени. Вместе с тем инновации свидетельствуют о смене культур, а не об эволюционном развитии. Поздний, озен-ала-белигский этап эпохи ранних кочевников Тувы достаточно монолитен, но и в этот период наблюдается мультикультурность. Возможно, они оставлены переселенцами-земледельцами, мигрировавшими сюда в связи с активностью сюнну.

Annotation. At the example of the periodization of archaeological cultures of Tuva, the present author proposes a model of multiculturalism which must be taken in consideration in reconstructions of the processes of cultural genesis. The entire circle of antiquities of Tuva prior to the epoch of early nomads is defined as the Mongun-Tayga culture. This definition is justified only as a research constructs comprising the whole diversity of the sites. A. D. Grach's periodization implied the replacement of the Aldy-Bel' culture by the bearers of the Sagly culture. However, the new materials demonstrate the coexistence of different cultural models. The bearers of the Aldy-Bel' culture who came to Tuva after the appearance of sites of the Arzhan type probably constituted the horsemen elite of the society. The Uyuk type of the sites, identified within the frame of the Sagly culture, reflects retention of certain traditions of the early Scythian period. At the same time, the innovations indicate a replacement of cultures rather than their evolutionary development. The late, Ozen-Ala-Belig stage of the epoch of early nomads of Tuva is fairly monolithic, but of this period multiculturalism is characteristic which is traced through materials of flat-grave necropolises. Possibly, the latter were left by the agriculturalists who migrated here because of the activity of the Xiongnu.

Ключевые слова: алды-бельская культура, саглынская культура, монгун-тайгинская культура, уюкский тип памятников, поздний бронзовый век, эпоха ранних кочевников, скифский период, Тува, периодизация, озен-ала-белигский этап, мультикультурность.

Keywords: Aldy-Bel' culture, Sagly culture, Mongun-Tayga culture, Uyuk type of sites, Late Bronze Age, epoch of Early Nomads, Scythian period, Tuva, periodization, Ozen-Ala-Belig stage, multiculturalism.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-136-143

Археологические исследования показывают, что на рубеже II–I тыс. до н. э. в горностепных регионах Центральной Азии этнокультурная ситуация была чрезвычайно сложной. Определение всего круга древностей Тувы, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинской культуры, условно, имеет право на существование, но только

в качестве исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Неслучайно А. Д. Грач, впервые систематизировавший безынвентарные подкурганые захоронения, оперировал понятием «курганы монгун-тайгинского типа» (Грач, 1971). Построение на имеющемся материале колонной секвенции культур финала бронзового века и переходного к раннему железному веку времени едва ли возможно по причине отсутствия в комплексах устойчивого набора признаков. Показателем культурной мозаичности населения

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: chugunovk@mail.ru.

в регионе является выделенный недавно иджимский тип памятников, который в целом можно датировать в пределах XII–IX вв. до н. э. (*Амзараков и др.*, 2015. С. 80). Возможно, дальнейшая разработка хронологии и периодизации культур на территории Монголии и Китая помогут вычленивать из общего массива монгун-тайгинских комплексов складывающиеся этот культурный пласт компоненты. Однако едва ли это будут «чистые» мунх-хайрханские или байтагские памятники, выделенные в Монголии (*Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010; 2014).

Ситуация мультикультурности в горностепных областях хорошо известна по данным этнографии. Очень показательные примеры дают исследования этнической истории южных районов Таджикистана и Кавказа, где на очень ограниченной территории одновременно обитали десятки разноэтничных народов, имеющих свою материальную культуру, язык и происхождение (*Кармышева*, 1976; *Карпов*, 2007; *Карпов, Капустина*, 2011). Их относительная изолированность была обусловлена ландшафтом разделенных горными хребтами долин, а взаимопроникновение традиций – общей ориентированностью хозяйственной деятельности на скотоводство. Внешние импульсы способствовали смешиванию различных культурных традиций в горных областях. Подобные процессы, вероятно, имели место и в древности. Далеко не всегда их можно зафиксировать археологически, особенно учитывая специфический безынвентарный погребальный обряд, распространенный у субстратного населения Центральной Азии. Тем не менее подобную мультикультурность – одновременное проживание в пределах одного региона населения с различными по происхождению традициями – необходимо учитывать при анализе источников и разработке периодизации.

На первый взгляд древности эпохи ранних кочевников можно гораздо увереннее систематизировать и представить в виде периодизации. Разработки в этом направлении начались еще в середине прошлого столетия, причем авторы их основывались на материалах первых и очень немногочисленных на тот момент комплексов скифского времени (*Кызласов*, 1958; *Вайнштейн*, 1958; *Маннай-оол*, 1970). Первые периодизации в целом демонстрировали эволюционный подход к древностям Тувы в рамках

уюкской или казылганской культуры. В то же время необходимо отметить, что Л. Р. Кызласов допускал сосуществование в Туве различных этнических групп в раннескифское время (*Кызласов*, 1979. С. 32–47). Несмотря на то, что такие выводы подчас строились на основании отнесения ряда монгун-тайгинских курганов к этому периоду без особых доказательств, сама идея мультикультурности в рассуждениях исследователя имела место.

С началом работ СТЭАН база источников многократно расширилась, что позволило по-новому взглянуть на развитие культуры скифского типа в регионе. Периодизация А. Д. Грача декларировала идею поликультурности – последовательную смену населения в результате внешних инвазий. Несмотря на активную критику со стороны сторонников эволюционной модели, она показала свою жизнеспособность. Так или иначе, все дальнейшие исследования древностей Тувы скифского времени опираются на обоснованные А. Д. Грачом культурные дефиниции, развивая их на новом материале.

Не принимая во внимание отдельные расхождения в названиях, в целом археологическую периодизацию Тувы скифского времени можно представить в виде колонной секвенции археологических культур следующим образом:

1. Памятники аржанского типа, включая курган Аржан, и синхронные им курганы шанчигского типа: IX – середина VIII в. до н. э.
2. Алды-бельская культура, включая курган Аржан-2: середина VIII – начало или середина VI в. до н. э.
3. Уюкско-саглынская (саглынская) культура. Уюкский этап (тип памятников), середина VI – V в. до н. э.; саглынский этап (тип памятников), V–III вв. до н. э.; озен-ала-белигский этап, III–II вв. до н. э.

Такая периодизация, восходящая к поликультурной модели, предложенной А. Д. Грачом, в целом отвечает требованиям систематизации материалов эпохи ранних кочевников, получаемых в ходе современных исследований археологических памятников Тувы. Однако если археологическое изучение в итоге предусматривает реконструкцию культурно-исторической ситуации в регионе, то каждый из

трех пунктов этой колонки нуждается в существенных дополнениях и комментариях.

1. Начало эпохи кочевников связывается с курганом Аржан и памятниками шанчигского типа. Сейчас уже известен комплекс кургана Аржан-5, синхронный Аржану, расположенный рядом с ним и явно возведенный тем же населением. Курган 17 могильника Баданка IV, исследованный в соседней долине р. Ус, вероятно, близок по времени, хотя предположение о его несколько более раннем возрасте заслуживает внимания (Боковенко, 1995. С. 89). По-видимому, к этому же культурному кругу можно отнести и элитный курган Туннуг, раскопки которого только начались. Во всяком случае, первые радиоуглеродные даты, полученные для образцов дерева из этого памятника (Caspary et al., 2018. Р. 86), не выходят за пределы IX в. до н. э. Еще один комплекс, содержащий, как и курган в Баданке, захоронение с лошадьми и имевший деревянные конструкции с захоронением на горизонте, исследован В. А. Киселем на могильнике Догээ-Баары 2 (Кисель, 2015). Автор предполагает еще более раннюю его дату и реконструирует вероятное проникновение в Туву носителей всаднических традиций уже в последней трети II тыс. до н. э. (Кисель, 2015. С. 65). Дата кургана, предлагаемая в интервале XII–IX вв. до н. э., соответствует упомянутому выше иджимскому типу памятников, что указывает на мультикультурность населения Тувы и в этот период.

2. При выделении алды-бельской культуры раннескифского времени А. Д. Грач оперировал материалами лишь 14 могильников из раскопок СТЭАН. Сейчас их количество насчитывает несколько десятков, и, кроме того, исследован «царский» погребально-поминальный комплекс Аржан-2, относящийся к ней. Несмотря на многократно расширившуюся базу источников, надо признать, что ареал этих памятников не распространяется на всю территорию Тувы. На юге классические алды-бельские памятники неизвестны, но раскопан большой курган Холаш с наземными цистами вокруг центральной ограбленной могилы (Семенов, 1997). Это позволяет предполагать здесь продолжение существования традиций монгун-тайгинской культуры еще в раннескифское время. Вероятно, такую мультикультурную модель можно

распространить на Туву в целом. На это указывают случаи взаимного перекрытия алды-бельских и монгун-тайгинских курганов (Грач, 1980. С. 122–124), а также планиграфическое сочетание их в пределах одних некрополей (Длужневская, 1985. С. 201; Савинов, 2002. С. 91; Килуновская, 2014. С. 88). Это позволяет рассмотреть алды-бельскую культуру Тувы несколько под другим углом. Относительная немногочисленность ее памятников, вероятно, может говорить о том, что эти курганы оставлены группой пришлого населения, которая заняла доминирующую позицию по отношению к местному монгун-тайгинскому субстрату, но не поглотила его, а сосуществовала с ним, по каким-то причинам не смешиваясь. Доживание носителей монгун-тайгинской культуры до уюкско-саглынского времени сейчас подкреплено антропологическими исследованиями. Сравнительный анализ краниологических серий из Тувы показал разный антропологический субстрат у населения, оставившего алды-бельскую и уюкско-саглыньскую культуры, что, казалось бы, является окончательным аргументом в решении вопроса последовательной смены населения в середине скифского времени. Однако наиболее близкой в антропологическом отношении группой для более поздней серии черепов из уюкско-саглыньских памятников является серия из курганов монгун-тайгинской культуры (Чикишева, 2008. С. 135–137). Не исключено, что единичные случаи коллективных захоронений по монгун-тайгинскому обряду (Савинов, 2002. С. 91) демонстрируют позднейшую фазу существования погребальной практики этой культуры и датируются уже концом раннескифского времени.

3. Памятники уюкского типа – комплексы, переходные от раннескифского к скифскому времени, как предложено было их именовать Вл. А. Семёновым (Семенов, 1992), – распространены только в северных и центральных районах Тувы, т. е. в ареале алды-бельской культуры. Они сочетают в своих материалах признаки алды-бельского культурного комплекса и более позднего саглыньского (по А. Д. Грачу), что, казалось бы, возвращает к жизни эволюционную модель развития культуры в Туве. Тем не менее это не так, о чем свидетельствуют факты, приведенные ниже.

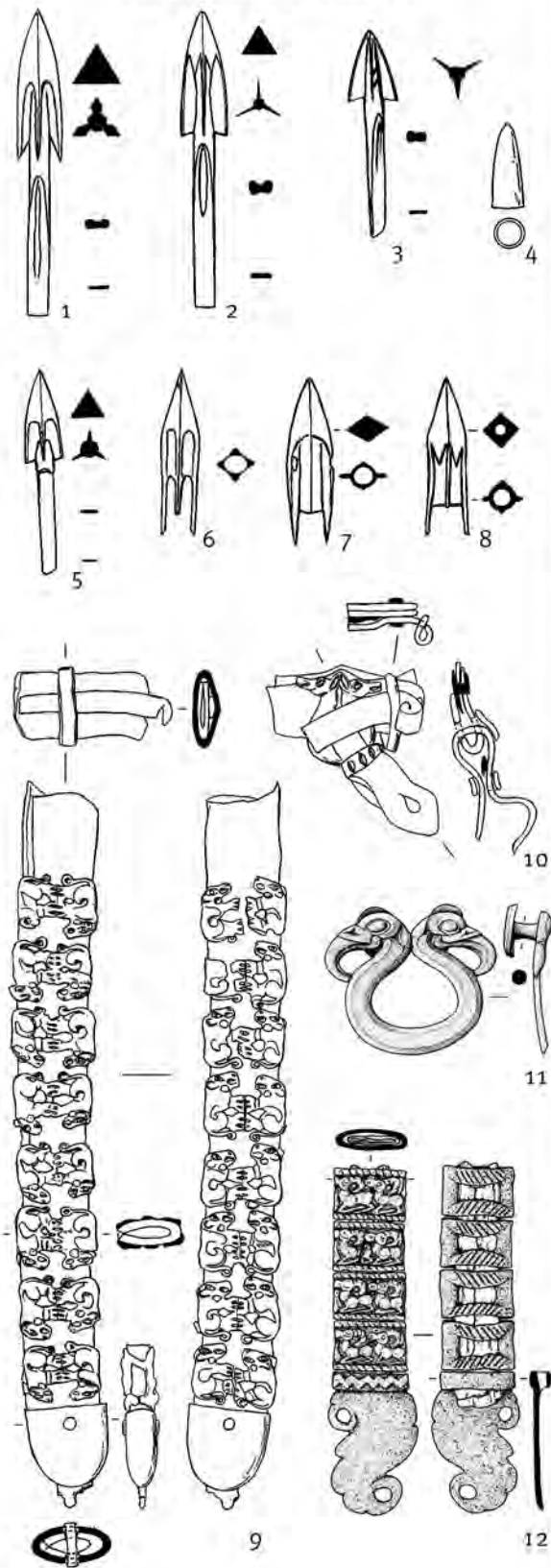
Безусловно, какая-то часть носителей алды-бельской культуры могла быть ассимилирована мигрантами, пришедшими сюда из более западных по отношению к Туве областей, сохранив некоторые свои традиции. Однако в культуре населения начиная с середины VI в. до н. э. фиксируются изменения, которые невозможно объяснить эволюцией традиций раннескифского времени. Коренным образом меняется погребальный обряд, на что указывал еще А. Д. Грач; а в металлургии начинают доминировать мышьяковые бронзы взамен оловянной рецептуры сплавов (Хаврин, 2002). Способ подвешивания оружия к поясу с использованием массивных обойм, ворворок и крючков (рис. 1, 22–27) также является инновацией, вытеснившей алды-бельские подкововидные пряжки (рис. 1, 10, 11). Характерным признаком уюкского типа памятников можно считать весьма единообразные в типологическом отношении колчаные наборы с абсолютным доминированием трехлопастных и трехгранных бронзовых наконечников стрел с укороченным черешком (рис. 1, 13–15, 17–19). В уюкских колчанах еще могут лежать несколько экземпляров втульчатых трехгранных стрел (рис. 1, 16) и стрел с пулевидными роговыми наконечниками (рис. 1, 4), восходящих к традициям предшествующего времени; встречаются даже архаичные двухлопастные втульчатые наконечники², но состав стрелкового набора лучника меняется кардинально (рис. 1, ср. 1–8 и 13–19). Исчезают алды-бельские наборные пояса со свисающими вниз концами, украшенными художественными обоймами (рис. 1, 9, 12). Взамен их новое население использует пояса, декорированные бабочковидными бляхами (рис. 1, 20, 21), и крупные пряжки, стягивающие поясной ремень на животе. В искусстве звериного стиля появляются образы фантастических существ, отсутствующие у носителей алды-бельской культуры. Различия в антропологии, на которые было указано выше, завершают картину смены населения в Туве в это время.

² Неоднократно отмеченное единичное присутствие в колчанах одного архаичного по типу или просто выделяющегося «особенного» наконечника, вероятно, могло быть обусловлено ритуальными практиками номадов, связанными со стрелами (Рябкова, 2002. С. 11–12; Чугунов, 2018. С. 30).

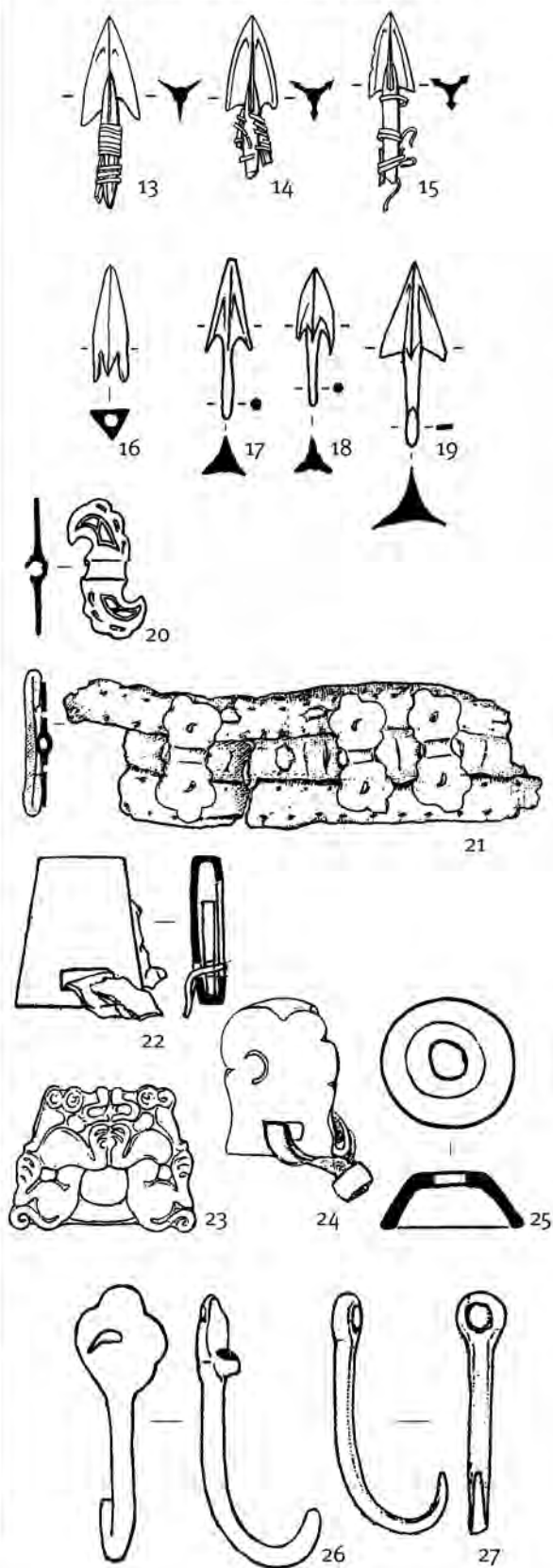
Уюкский тип памятников практически неизвестен на юге Тувы, на что уже указывалось (Чугунов, 2001). Это можно объяснить тем, что смена культуры в регионе совпала с аналогичными изменениями на территории соседнего Горного Алтая и появлением там носителей пазырыкской культуры. Южные области, безусловно, находились под ее мощным воздействием, что наложило отпечаток на весь облик саглынской культуры. На севере Тувы население, оставившее уюкский тип памятников, вероятно, сохранялось дольше, чем в других районах. Возможно, что это объясняется существованием здесь еще со времени Аржана некрополей элиты, захоронения в которых продолжали осознаваться как могилы предков.

Поздний, озен-ала-белигский этап культуры скифского типа Тувы достаточно монолитен. Верхняя его дата – II в. до н. э. – едва ли отражает реальное время исчезновения уюкско-саглынской традиций. На это указывают как ряд элементов погребального обряда, так и некоторые находки в грунтовых некрополях Терезин и Ала-Тей I, датированных уже рубежом эр. В частности, здесь встречаются специфические бронзовые прорезные наконечники стрел, а в искусстве продолжают бытовать образы ушастого грифона (Леус, Бельский, 2016. С. 101, рис. 6). Вероятно, местное население далеко не сразу было ассимилировано. Именно субстратная основа, по-видимому, сохранила традиции скифского времени в памятниках, которые выделялись А. Д. Грачом в улуг-хемскую культуру, на что указывают и авторы раскопок (Килуновская, Леус, 2018). Эти грунтовые могильники появились здесь, несомненно, под влиянием культуры сюнну, но сам бескурганый погребальный обряд не имеет истоков в местной среде. В качестве гипотезы можно высказать следующее соображение: такой способ захоронений появился в Туве с оседлыми переселенцами с юга, практиковавшими земледелие в пойме Енисея. Если посмотреть шире, то эта ситуация аналогична мультикультурной модели, которая является в бассейне Верхней Оби для более раннего времени, где в сравнительно небольшом регионе выделено несколько одновременных археологических культур. Не исключено, что грунтовые могильники староалейской культуры (Фролов, 2008. С. 158) так же, как и более поздние памятники Тувы, можно

АЛДЫ-БЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА



УЮКСКО-САГЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА



связать с миграцией из областей распространения бескурганного погребального обряда – из северного или северо-западного Китая (?).

Итак, если рассматривать культурно-историческую ситуацию в Туве в I тыс. до н. э. с позиций мультикультурности, то необходимо учитывать процессы, фиксируемые как в соседних областях, так и на востоке Евразии в целом. В позднем бронзовом веке здесь выявляется довольно мозаичная картина, которая предполагает сосуществование на определенном этапе различных культурных традиций. Представляется, что в это время горные долины Верхнего Енисея, с одной стороны, были периферийной зоной круга археологических культур Монголии, с другой – транзитной территорией, через которую проходили пути в Минусинскую котловину и обратно. Кроме того, памятники шанчигского типа по всем признакам соответствуют ранним комплексам бийкенской культуры Горного Алтая, что, по сути, свидетельствует об их однокультурности. Общность их происхождения, вероятно, связана с близким субстратом, определяемым на данном этапе как монгун-тайгинская культура. Формирование в Туве культурного комплекса аржанского типа, несомненно, было составной частью процессов, происходивших далеко на юго-востоке, в пограничной зоне государств Древнего Китая, которая определяется Джессикой Роусон как Дуга (Rawson, 2017). Однако по-прежнему актуальной задачей остается определение направления вектора влияний, обусловивших очевидные параллели в культурном комплексе памятников предскифского времени Кавказа и Северного Причерноморья, с одной стороны, и Аржана, с другой.

Носители алды-бельской культуры появились в Туве, вероятно, с территории Казахстана, чему способствовала родственная субстратная основа племен Горного Алтая в предыдущий период. Близость материального комплекса тасмолинской

культуры синхронным древностям Тувы очевидна, что отмечалось еще А. Д. Грачом на несравненно меньшем материале (Грач, 1980. С. 78). Несколько курганов, исследованных в Центральной Туве (Семенов, 2012. С. 432–435) и отличающихся по особенностям погребального обряда, но содержащих материалы раннескифского времени, показывают присутствие инокультурного компонента и в среде алды-бельского населения, которое появилось здесь, вероятно, уже после сооружения кургана Аржан.

Смена археологических культур в Туве в середине I тыс. до н. э. проходила в контексте глобального изменения этнополитической картины на огромной территории. Помимо ахеменидской активности на западе (Савинов, 2002. С. 102–103), нельзя забывать, что и на юго-востоке от Тувы, на территории Древнего Китая, эпоха относительной стабильности – период Весен и Осеней – сменилась периодом Враждующих Царств. Сейчас очевидно, что в это время прекращают существование многие археологические культуры, распространенные в первой половине I тыс. до н. э. Исследователи вынуждены констатировать, что памятники, ранее соотносимые с поздними этапами региональных периодизаций скифского времени, сейчас могут датироваться более ранним временем. Такая ситуация наблюдается для культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии (Цыбиктаров, 1998. С. 114–125), а также для тасмолинской культуры Казахстана (Бейсенов, 2015. С. 28). Население степи, и до того очень подвижное, еще больше смешивается, о чем говорят и заключения антропологов, констатирующие чрезвычайную гетерогенность многих популяций, вовлеченных в процесс становления номадизма. Разнонаправленные миграции и чрезвычайно возросшая коммуникативная активность не способствовали сохранению гомогенности населения как в отдельных локальных областях, так и вообще в азиатском регионе.

Рис. 1. Изменение типологического состава колчанного набора, конструкции поясов и портупейной системы при смене культур. 1–12 – алды-бельская культура: 1–10 – погребально-поминальный комплекс Чинге-Тэй I; 11, 12 – погребально-поминальный комплекс Аржан-2; 13–27 – уюкско-саглынская культура, могильник Догээ-Баары II (по материалам автора). 9, 10, 12, 21, 22, 24 – бронза, кожа; 11 – золото; остальное – бронза. Без масштаба

Fig. 1. Changes in the typological composition of quiver set, belt design and the waist belt system during the replacement of cultures. 1–12 – Aldy-Bel' culture: 1–10 – burial complexes and ritual deposits at Chinge-Tey I; 11, 12 – burial complexes and ritual deposits at Arzhan-2; 13–27 – Uyuk-Sagly culture, cemetery of Dogee-Baary II (after the author's materials). 9, 10, 12, 21, 22, 24 – bronze, leather; 11 – gold; the rest bronze. Without scale

Таким образом, представляется, что при составлении колонной секвенции археологических культур, которую, безусловно, необходимо разрабатывать для каждого региона, нужно учитывать фактор мультикультурности. Признание факта чрезвычайной смешанности населения, различного по проис-

хождению и часто сохраняющего связанные с ним культурные особенности, несомненно, усложняет работу по анализу культурных процессов, но позволяет приблизить искусственные исследовательские конструкты к реальной истории.

- Амзараков и др.*, 2015 – *Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 72–83.
- Бейсенов*, 2015 – *Бейсенов А. З.* Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 22–31.
- Боковенко*, 1995 – *Боковенко Н. А.* Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 85–90. (АИ. № 24).
- Вайнштейн*, 1958 – *Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Грач*, 1971 – *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. XV. С. 93–106.
- Грач*, 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Длужневская*, 1985 – *Длужневская Г. В.* Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 201–202.
- Кармышева*, 1976 – *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 323 с.
- Карпов*, 2007 – *Карпов Ю. Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с. (Ethnographica Petropolitana).
- Карпов, Капустина*, 2011 – *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 448 с. (Ethnographica Petropolitana).
- Килуновская*, 2013 – *Килуновская М. Е.* Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Кызыл, 15–19 сент. 2014 / Отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2014. Ч. 1. С. 88–93.
- Килуновская, Леус*, 2018 – *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Кисель*, 2015 – *Кисель В. А.* Начало кочевнической культуры в центре Азии // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 54–67.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 104–117.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2014 – *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // РАЕ. 2014. Вып. 4. С. 194–225.
- Кызласов*, 1958 – *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Сер. ист.-филол. 1958. № 4. С. 71–99.
- Кызласов*, 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 206 с.
- Леус, Бельский*, 2016 – *Леус П. М., Бельский С. В.* Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–104.
- Маннай-оол*, 1970 – *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 116 с.
- Рябкова*, 2002 – *Рябкова Т. В.* Скифская легенда о сосуде царя Арианта в передаче Геродота и ее отражение в археологическом материале // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. А. В. Коновалов. СПб.: РЭМ, 2002. С. 9–13.

- Савинов*, 2002 – *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 202 с.
- Семенов*, 1992 – *Семенов Вл. А.* Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский университет, 1992. Ч. 2. С. 63–65.
- Семенов*, 1997 – *Семенов Вл. А.* Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с. (АИ. Вып. 41).
- Семенов*, 2012 – *Семенов Вл. А.* Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / Ред. В. А. Алёшин и др. СПб.: ООО «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 432–435.
- Фролов*, 2008 – *Фролов Я. В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Хаврин*, 2002 – *Хаврин С. В.* Металлургия Саяно-Алтая скифского времени // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Староладожский ист.-арх. и археол. музей-заповедник, 2002. С. 70–71.
- Цыбиктаров*, 1998 – *Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. 288 с.
- Чикишева*, 2008 – *Чикишева Т. А.* К вопросу формирования антропологического состава ранних кочевников Тувы // АЭАЕ. 2008. № 4. С. 120–139.
- Чугунов*, 2001 – *Чугунов К. В.* Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 173–178.
- Чугунов*, 2018 – *Чугунов К. В.* Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. 2018. 2(27). С. 25–34.
- Caspari et al.*, 2018 – *Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I.* Tunnug 1 (Arzhan 0) – an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia // *Archaeological Research in Asia*. 2018. Vol. 15. P. 82–87.
- Rawson*, 2017 – *Rawson J.* China and the steppe: reception and resistance // *Antiquity*. 2017. 91. P. 375–388.

Tuva in the first millennium BC: a model of multiculturalism

K. V. Chugunov

At the example of the periodization of archaeological cultures of Tuva, the present author proposes a model of multiculturalism which must be taken in consideration in reconstructions of the processes of cultural genesis. The entire circle of antiquities of Tuva prior to the epoch of early nomads is defined as the Mongun-Tayga culture. This definition is justified only as a research constructs comprising the whole diversity of the sites. In that period, Tuva was a peripheral zone of the group of archaeological cultures of Mongolia and a transitory territory via which the routes to the Minusinsk Depression and backwards passed.

A. D. Grach's periodization implied the replacement of the Aldy-Bel' culture by the bearers of the Sagly culture. The modern state of the sources confirms the correctness of this scheme. However, the new materials demonstrate the coexistence of different cultural models. The bearers of the Aldy-Bel' culture who came to

Tuva after the appearance of sites of the Arzhan type probably constituted the horsemen elite of the society. They were coexisting with the Mongun-Tayga people who, according to the anthropological data, became a substratum for the Sagly culture. The Uyük type of the sites, identified within the frame of the Sagly culture, reflects retention of certain traditions of the early Scythian period. At the same time, the innovations expressed not only in the change of the burial rite but also in the character of the non-ferrous metallurgy and in key types of weaponry and ammunition (Fig. 1) indicate a replacement of cultures rather than their evolutionary development. The late, Ozen-Ala-Belig stage of the epoch of early nomads of Tuva is fairly monolithic, but of this period multiculturalism is characteristic which is traced through materials of flat-grave necropolises. Possibly, the latter were left by the agriculturalists who migrated here because of the activity of the Xiongnu.

О НОВОЙ ДАТИРОВКЕ БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА И ХРОНОЛОГИИ ТАГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Н. Ю. Кузьмин¹

Аннотация. В конце прошлого и начале настоящего столетия в научный оборот введена серия новых радиоуглеродных дат для погребальных комплексов Саяно-Алтая, а также откалиброваны измерения возраста полученных ранее образцов. Нарушена традиционная периодизация и хронология тагарской культуры. В основном спорные даты лежат на временном отрезке с 800 по 400 г. до н. э. На примере новой датировки ключевого памятника тагарской культуры – Большого Салбыкского кургана – и хронологии комплексов, отнесенных к впервые выделяемому салбыкскому периоду, показаны многочисленные несоответствия между радиоуглеродными датами и результатами археологических исследований, а также результатами химического анализа изделий из бронзы и стекла.

Annotation. In the end of the past and beginning of the present century, a series of new radiocarbon dates were published on burial complexes of the Sayan-Altay region. Also the definitions of the age of samples found earlier have been calibrated. The traditional periodization and chronology of the Tagar culture were reviewed. The arguable dates lie mostly within the range from the 800 to 400 BC, – the so-called Hallstatt plateau where the calibrated calendar span of radiocarbon dates is considerably broader than at other intervals. At the example of the new dating of the key site of the Tagar culture – the Great Salbyk barrow, and the chronology of the complexes attributed to the newly distinguished Salbyk period, numerous controversies between the radiocarbon dates and the results of archaeological investigations, as well as those of chemical analysis of bronze and glass artefacts, have been demonstrated.

Ключевые слова: Минусинская котловина, тагарская культура, курган Салбык, радиоуглеродное датирование, периодизация, раннетагарские комплексы, биджинские комплексы, сарагашенские комплексы, стратиграфия, хронология.

Keywords: Minusinsk depression, Tagar culture, Salbyk barrow, radiocarbon dating, periodization, early Tagar complexes, Bidzhin complexes, Saragashen complexes, stratigraphy, chronology.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-144-151

Большой Салбыкский курган, раскопанный в 1954–1956 гг. С. В. Киселевым (Киселев, 1956. С. 56–58), до сих пор остается самым значительным по архитектуре, размерам насыпи, ограды и устройству погребальной камеры памятником скифской эпохи Южной Сибири. До раскопок курган был отнесен к концу II стадии тагарской культуры (Киселев, 1949. С. 155), а позднее, судя по надписи, сделанной на плите входа после окончания исследований, – ко II в. до н. э. (Марсадалов, 2010. С. 127, рис. 65, 2). В кургане найден немногочисленный сарагашенский инвентарь, датировка его варьировала: V–IV вв. до н. э. (Членова, 1992. С. 212); IV–III вв. до н. э. (Грязнов, 1968. С. 190–191); III в. до н. э. – по анало-

гиям в конструкциях тесинских курганов-склепов (Кузьмин, 2011. С. 70); по находке в забутовке ограды нижнего камня ручной мельницы – II в. до н. э. – I в. н. э. (Вадецкая, 1994. С. 66). По данным радиоуглеродного анализа, курган сооружен не позднее V в. до н. э. (Евразия радиоуглеродная, 2005. С. 174–175).

А. Г. Акулов и Е. Д. Паульс провели большую полевую работу по систематизации архитектурных особенностей тагарских курганов из разных могильников Минусинских котловин. По предложенной ими классификации Большому Салбыкскому кургану типологически предшествуют курганы Тигейской группы (Акулов, Паульс, 2008. С. 5–8). К этому можно добавить, что подобные курганы: Узун-Оба (Адрианов, 1902–1924. С. 55–58), Тигей (Паульс и др., 1985. С. 137–143), у горы Багульной (Хулган) (Кузьмин, 1994. Р. 44–47) – относятся к группе элит-

¹ 13347, Deutschland, Berlin, Reinickendorfer Straße, 58A.
Независимый исследователь.
Адрес электронной почты: arch.kuzmin@gmx.de.

ных памятников биджинского периода, выделение которого еще не достаточно полно обосновано в специальной литературе².

Л. С. Марсадолов полностью опубликовал материалы раскопок Большого Салбыкского кургана, добавив к ним собственные исследования в основном палеоастрономического и метрологического характера (Марсадолов, 2010). На основе радиоуглеродных дат, археологических параллелей и климатических особенностей того времени им был определен наиболее вероятный период сооружения кургана – первая половина V в. до н. э. (Там же. С. 37). По образцам дерева Л. С. Марсадолов создал «плавающую» дендрошкалу для Большого Салбыкского кургана. Позднее, после публикации дендрографиков из кургана Аржан-2 (Čhugunov et al., 2010; Heußner, Sljusarenko, 2010), удалось установить, что курган Салбык старше кургана Аржан-2 на 35 лет. Этой теме посвящен ряд статей исследователя, из которых далее рассматривается одна работа, наиболее полно отражающая точку зрения исследователя (Марсадолов, 2015).

Могила 5 кургана Аржан-2 датирована серединой – концом VII в. до н. э., но наиболее вероятным временем сооружения сруба считается 659 г. до н. э. при допустимых пределах от 671 до 609 г. до н. э. (Евразия радиоуглеродная, 2005. С. 86). Видимо, для Л. С. Марсадолова 659 г. до н. э. стал точкой отсчета, так как Большой Салбыкский курган стал датироваться первой половиной VII в. до н. э. (Марсадолов, 2015. С. 40–41).

Не подвергая сомнению результаты сравнения дендрохронологических шкал, можно еще раз отметить, что абсолютная датировка кургана Аржан-2, на основании которой удревнен Большой Салбыкский курган, не бесспорна (Кузьмин, 2008; Полидович, 2010; Переводчикова, 2014; 2018. С. 149–151). Если после уточнения окажется, что время сооружения кургана Аржан-2 укладывается в пределах середины VI в. до н. э., то, соответственно, на 100 лет омолаживается и Большой Салбыкский курган. При такой ситуации были бы сняты многие из имеющихся сейчас противоречий в датировке тагарских памятников и сопоставлении их с курга-

нами алды-бельской культуры Тувы. В настоящее время все более очевидным становится одно: сопоставление памятников алды-бельской культуры должно проводиться с синхронными им биджинскими памятниками, а не с сарагашенскими погребальными комплексами Минусинской котловины.

Вплоть до настоящего времени курган Салбык остается противоречивым и сложным для интерпретации памятником. В его архитектуре много инновационных черт, позднее встречающихся в сарагашенских, но в большей степени – в тесинских курганах-склепах (Кузьмин, 2011. С. 70–73).

Земляная насыпь кургана в форме усеченной пирамиды высотой около 10,5 м, ограда размерами 71 × 71 м сооружена из вкопанных «на ребро» плит и дополнена по верху горизонтальной кладкой, закрытый горизонтально уложенными плитами; вход в ограду находился с восточной стороны. В ограде установлены 23 высоких угловых и простеночных камня, включая выносные плиты входа. Склеп смещен от центра к западной стенке ограды. Вход-дромос вел от западной стенки к могиле размерами 5 × 5 м и глубиной 1,8 м. Могильную яму перекрывали шесть слоев бревен, обернутых берестой и укрытых сверху листьями бересты. В могиле установлен сруб с вертикальными стойками за ним, пол покрыт берестой. В склепе обнаружены останки не менее 7 погребенных.

Ближайшим аналогом Большому Салбыкскому кургану является курган Барсучий Лог (Parzinger et al., 2010). Его насыпь имела форму усеченной пирамиды высотой около 9 м, размеры ограды 54 × 54 м; закрытый плитами вход находился на восточной стороне ограды. Ограда сооружена из горизонтально уложенных плиток и дополнена с внешней стороны вертикально врытыми плитами, укрепленными контрфорсами. В ограде установлено 27 высоких плит. Погребальная камера смещена от центра к западной стенке, от которой к могиле вел вход-дромос. Могильная яма имела размеры 7,35 × 7,2 м и глубину 3,6 м. Устройство склепа идентично салбыкскому: сруб, вертикальные стойки, укрытые берестой бревна перекрытия. В склепе погребены трое мужчин и одна женщина.

Судя по несомненному сходству конструкций, курган Барсучий Лог сооружен не намного позднее Большого Салбыкского кургана. Методом радио-

² Развернутая характеристика погребальных комплексов биджинского периода готовится к публикации автором настоящей работы.

углеродного датирования возраст памятника определен в пределах V в. до н. э. (*Ibid.* S. 250). Немногочисленный инвентарь представлен предметами сарагашенского типа, среди которых имеются изделия, характерные для позднейших лепешкинских комплексов: бронзовая обоюдоострая проколка с расширяющейся средней частью и фрагмент керамического сосуда с орнаментом в виде свисающих треугольников, заполненных ямками (*Кузьмин*, 2011. С. 71–72).

Л. С. Марсадолов выделяет в тагарской культуре отдельный салбыкский этап, приходящийся на VIII–VI вв. до н. э. (*Марсадолов*, 2015. С. 48–49). Для подкрепления данной версии в его статье приведены рисунки вещей из разных курганов некоторых тагарских могильников, сгруппированные на основе радиоуглеродных дат по векам. Сравнительный анализ комплексов вещей в работе не приведен. При рассмотрении этих изделий возникает множество вопросов, в первую очередь связанных с противоречием приводимых данных всей сумме стратиграфических наблюдений, накопленных в процессе многолетних исследований тагарских памятников поколениями исследователей. Видимо, автор статьи не владеет этой информацией в полном объеме. А ведь основным критерием проверки радиоуглеродных дат является, по моему убеждению, их непротиворечие фактам горизонтальной и вертикальной стратиграфии погребальных комплексов. По сути, проведен радикальный пересмотр не только времени сооружения тагарских курганов разного периода, но и самой концепции эволюции тагарской культуры. В связи с этим рассмотрим более детально гипотезу Л. С. Марсадолова.

Непонятно, на каком основании Большой Салбыкский курган синхронизируется с четырьмя малыми курганами, исследованными поблизости от большого (Там же. С. 35). Судя по инвентарю (Там же. С. 45, рис. 1.3, 32), малые курганы сооружены в VIII в. до н. э., когда элитные курганы такого масштаба еще не возводились. На рисунках 1.1 и 1.2 представлены комплексы вещей VIII в. до н. э. (Там же. С. 43–44). В частности, сюда отнесены вещи из могильников, которые Г. А. Максименков расположил в определенной хронологической последовательности: Гришкин Лог I – Новая Черная I – Черновая I, а также более поздний могильник – Подгорное Озеро (*Максименков*, 2003. С. 134–

135). В эту же группу памятников включены и комплексы вещей из разных курганов могильника Кичик-Кюзюр I, в котором, по мнению автора раскопок М. П. Завитухиной, часть курганов относится к позднеподгорновскому времени (*Завитухина*, *Морозов*, 2003. С. 112), а также ставшие классическими для выделения биджинского круга памятников два кургана, раскопанные А. Н. Липским на р. Биджа (*Липский*, 1966).

На рисунке 1.3 показаны вещи второй половины VIII – первой четверти VII в. до н. э. Сюда попали комплексы из раннетагарского могильника Туран I, а также могильника биджинского и сарагашенского периодов Туран II, где есть могилы с оленными бляхами, типичными для сарагашенских памятников (*Марсадолов*, 2015. С. 45). Здесь же находятся и вещи из кургана, исследованного на площадке ПМК-6 у ст. Аскиз. В публикации материалов раскопок авторами отмечено, что в сооруженную в подгорновское время центральную могилу было впущено в биджинское время дополнительное подзахоронение, тогда же были сооружены еще две могилы биджинского типа (*Александров и др.*, 2001. С. 75–93). Следовательно, этот вещевой комплекс не может датироваться VIII в. до н. э.

В десятикаменном кургане 5 могильника Кобяк, раскопанного Н. А. Боковенко, раскопаны два погребения: первой была сооружена северная (могила 1), второй – южная (могила 2) (*Боковенко*, *Смирнов*, 1998. С. 29–38). Вещи из могилы 1 типичны для подгорновского времени (*Марсадолов*, 2015. С. 45, рис. 1.3, 36). Во второй могиле найден сарагашенский инвентарь: ножи с расширяющейся рукоятью, оленная бляха, полусферические бляшки с двумя отверстиями по краю и др. (Там же. С. 45, рис. 1.3, 37). В соответствии с радиоуглеродной датой для внешних колец сруба могила 1 сооружена на рубеже IX–VIII вв. до н. э., а из серии дат для могилы 2 авторы выбрали поздний интервал, лежащий в пределах V в. до н. э. (*Боковенко*, *Смирнов*, 1998. С. 73). Непонятно отсюда, на каком основании Л. С. Марсадолов относит обе могилы к одному временному диапазону.

К VII в. до н. э. отнесены комплексы вещей сарагашенского времени (*Марсадолов*, 2015. С. 46–47, рис. 1.4, 44–52; 1.5, 53–58), в составе которых присутствуют оленные бляхи и ножи с расширяю-

шейся рукоятью, столь раннее появление которых пока не обосновано. Также вызывает удивление то, что хорошо стратифицированные комплексы, в которых есть основные и впускные могилы, отнесены к одному – раннему – времени.

По опубликованным материалам раскопок Г. Н. Курочкина, в Большом Полтаковском кургане в основной ограде была одна могила, возможно VII в. до н. э., остальные – впускные сарагашенские погребения – окружены позднее второй оградой (Курочкин, 1993. С. 4–21). В кургане 3 могильника Толстый Мыс V находились две основные могилы, датированные автором раскопок V–III вв. до н. э., а дополнительная могила 3 – III–II вв. до н. э. (Курочкин, 1988. С. 20–21). В кургане у дер. Новомихайловка были две основные ранние могилы, а третья, лепешкинского типа, впущена в насыпь намного позднее; между временем сооружения могил 1, 2 и 3 – разница в несколько сотен лет (Кузьмин, 1994). Могилы 2 и 3, как это показано у Л. С. Марсадолова на рисунке 1.5, не могут датироваться одним временем (Марсадолов, 2015. С. 47, рис. 1.5, 54).

Исследованные М. П. Грязновым и М. Н. Пшеницыной на озере Сарагаш курганы стали эталонными для выделения сарагашенского этапа (Грязнов, Пшеницына, 1966). К расположенному на южном берегу Сарагашенского озера могильнику подгорновского времени (33 кургана) примыкала группа из шести десятикаменных курганов. В 1923 г. С. А. Теплоухов раскопал один подгорновский курган (курган 1). В статье опубликованы материалы изучения курганов 2 (М. П. Грязнов, 1923 г.) и 3 (М. Н. Пшеницына, 1963 г.) (Там же. С. 62). В сноске на странице 63 авторами особо отмечено, что в отчетах С. А. Теплоухова курган 2 проходит под номером 8, а могилы – под номерами 8, 9, 10 или же – 40, 41, 42. В кургане 2 обнаружены могилы с коллективными захоронениями (до 36 человек), в них найдены типично сарагашенские вещи: облегченного типа чеканы, ножи с расширяющейся кверху рукоятью, оленные бляхи, зеркала и др. В основной могиле кургана 3 захоронена женщина с младенцем, в дополнительных, индивидуальных, – подросток, дети и младенцы. При погребенных найдены: кинжал с грибовидным навершием, нож с петлевидным отверстием в расшитом чехле, вток, нож с навершием в виде фигурки кабана, конические

бронзовые пронизки и др. (Там же. С. 65, рис. 20). На двух глиняных сосудах под венчиком прочерчены узкие желобки (Там же. С. 64, рис. 19, 8, 11). Судя по погребальному обряду и найденным вещам, курган 3 сооружен раньше кургана 2 и может быть отнесен к группе памятников биджинского типа.

А. В. Поляков и С. В. Святко опубликовали результаты радиоуглеродного анализа, сделанного по костям человека из могил, раскопанных на оз. Сарагаш. Могилы 13 и 14 (курган 1?) помещены в разделе подгорновских памятников, их абсолютный возраст находится в пределах IX–V вв. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 52). Для помещенных в разделе сарагашенских памятников могил 9 (5 образцов), 8 и 10 (по одному образцу) все даты лежат в широком диапазоне от конца / середины VIII до начала V – конца IV в. до н. э. (Там же. С. 53–54).

Л. С. Марсадолов, приведя некоторые из этих дат (Марсадолов, 2015. С. 40, табл. 2), отнес оба, как выясняется, разновременных, кургана 2 и 3 к VII в. до н. э. (Там же. С. 47, рис. 1.5, 57). В итоге по его разработкам получилось, что раннетагарские, биджинские и сарагашенские (ранние и поздние) вещевые комплексы «втиснуты» в пределы VIII–VII вв. до н. э., а к VI в. до н. э. отнесены только три памятника (Там же. С. 47, рис. 1.5, 59–61).

По химическому составу раннетагарские бронзовые изделия отличаются от биджинских и сарагашенских, поэтому они не могли бытовать одновременно. Раннетагарские предметы близки по составу вещам позднего бронзового века – это медь и естественные примеси мышьяка, сурьмы, никеля, железа и серебра. В биджинских бронзах отмечено уменьшение концентрации никеля и, самое главное, значительное количество легирующей примеси олова. По отдельным элементам состава сплавов от них отличаются и сарагашенские бронзы (Хаврин, 2000; 2001; 2007).

Сарагашенские памятники не могут датироваться VIII–VII в. до н. э. еще по одной причине: в них часто встречаются стеклянные бусы и бисер, и что наиболее показательное, они есть и в тех погребальных комплексах, которые по радиоуглеродным датам стали «опорными» для обоснования теории о синхронном сооружении раннетагарских и сарагашенских курганов – Медведка II, курганы 1–3; Колок, курган 3; Черемшино, курган 1; Кобяк, курган 5,

и др. В. А. Галибин провел химический анализ серии бусин из сарагашенских курганов разных районов Минусинских котловин (Галибин, 2001). Самые ранние из них, найденные в могильниках Ашпыл, Тесь I, Колок и Кадат, датированы V–III вв. до н. э., более поздние, из курганов Степновка, Уй и могильников Медведка I и II, отнесены к IV–III вв. до н. э. (Там же. С. 114, 120, образцы № 246–255, 404–415).

В целом, метод сравнения вырванных из контекста вещевых комплексов отражает давно пройденный этап сибирской археологии, он бесперспективен и малоубедителен. В настоящее время анализ проводится на более глубоком уровне: планиграфия могильника, положение в нем кургана, тип наземного и подземного сооружений, особенности обряда, специфика размещения погребальной пищи, инвентаря и т. д. Оценка и тем более датировка найденных в могилах комплексов вещей проводится с учетом всех особенностей конкретного памятника. Результаты исследований, проведенных по подобной современной методике, становятся вехами в изучении истории древних народов Южной Сибири (Лазаретов, 2006; Поляков, 2006; Герман, 2007, и др.).

Несмотря на то, что сам автор рассматриваемого исследования отмечает возможные погрешности радиоуглеродного метода датирования (Марсадолов, 2015. С. 39), в своей практической работе он привлекает радиоуглеродные даты, удревняющие возраст сарагашенских курганов до VIII в. до н. э. (Там же. С. 224), и, попадая «под магию», казалось бы, достоверных естественнонаучных определений, он отрывается от реальной археологической основы.

Все приведенные выше факты свидетельствуют о том, что Большой Салбыкский курган не может датироваться началом VII в. до н. э. Выделяемый Л. С. Марсадоловым салбыкский период включил памятники трех периодов эволюции тагарской культуры. Однако развитие ситуации, согласно результатам предварительного анализа биджинских погребальных комплексов, можно представить в следующем виде: раннетагарский период, конец IX – середина / конец VII в. до н. э.; средний (биджинский) период, середина VII–V в. до н. э.; поздний (сарагашенский) период, конец VI–III/II вв. до н. э., при возможном сосуществовании смежных комплексов на стыках периодов. Курганы-склепы

и грунтовые могильники тесинской культуры (конец III в. до н. э. – начало III в. н. э.), сооружавшиеся в последующую эпоху гегемонии в Центральной Азии хуннских и сяньбийских племен (Кузьмин, 1992; 1995; 2011; Kuzmin, 2010), должны быть исключены из числа тагарских памятников.

Объективно оценивая сложившуюся на сегодняшний день ситуацию, можно констатировать, что курганы раннетагарского периода изучены в большей степени, биджинского периода находятся в стадии научного анализа, сарагашенского – раскопанные и опубликованные в большом количестве – пока еще систематизированы не в полной мере. Первоначальная классификация сарагашенских комплексов (Кузьмин, 1994) не получила дальнейшего развития. В практическом применении мало что дала монография, посвященная конкретно этой теме (Субботин, 2014). Если комплексы позднесарагашенского (лепешкинского) типа описаны достаточно полно (Кузьмин, 2011. С. 31–33), то характеристика памятников начала и середины сарагашенского периода, включая их абсолютную датировку, является актуальной задачей в изучении тагарской культуры.

В настоящее время, видимо, не следует излишне увлекаться передатировкой курганов тагарской культуры на основе одного лишь метода радиоуглеродного датирования, имеющего свои объективные трудности, и тем самым порождать дополнительные вопросы в достаточно запутанной проблеме хронологии тагарских погребальных памятников. Продуктивнее и полезнее приложить усилия для издания материалов старых раскопок (Подгорное Озеро; Каменка I; Туран I, II, III; Тунчух; и др.), а также более 50 раннетагарских курганов, исследованных на территории Комсомольско-Есинской оросительной системы уже ушедшими из жизни сотрудниками Среднеенсейской экспедиции (Г. Н. Курочкин, П. Г. Павлов, Е. Д. Паульс), как и раскопанных Е. Д. Паульсом и М. Л. Подольским в Ширинском районе Чулымо-Енисейской котловины раннетагарских, биджинских и сарагашенских курганов в могильниках Жемчужный, Катюшкино, Топаново. По результатам всестороннего анализа этих, пока еще малоизвестных и практически неопубликованных, материалов можно будет решать спорные вопросы датировки памятников тагарской культуры.

- Адрианов*, 1902–1924 – *Адрианов А. В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае (доп. к работе К. Горощенко «Курганные черепа Минусинского округа»). Минусинск: Гос. Музей им. Н. М. Мартыанова, 1902–1924. С. 41–76.
- Акулов, Паульс*, 2008 – *Акулов А. Г., Паульс Е. Д.* К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 5–8.
- Александров и др.*, 2001 – *Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л.* Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: б/м, 2001. 100 с. (Древняя Хакасия).
- Боковенко, Смирнов*, 1998 – *Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А.* Археологические памятники долины Белого Июса на Севере Хакасии. СПб.: ИИМК РАН, 1998. 94 с. (АИ. Вып. 59).
- Вадецкая*, 1994 – *Вадецкая Э. Б.* Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г.) / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 62–69. (АИ. Вып. 18).
- Галибин*, 2001 – *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с. (Archaeologica Petropolitana. XI).
- Герман*, 2007 – *Герман П. В.* Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 28 с.
- Грязнов*, 1968 – *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. I. Древняя Сибирь / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. I. С. 187–196.
- Грязнов, Пишеницына*, 1966 – *Грязнов М. П., Пишеницына М. Н.* Курганы IV–III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // Археологические памятники раннего железного века. М.: Наука, 1966. С. 62–69. (КСИА. Вып. 107).
- Евразия радиоуглеродная, 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Завитухина, Морозов*, 2003 – *Завитухина М. П., Морозов С. В.* Тагарский могильник Кичик Кюзюр-I в Хакасии (по раскопкам 1965–1966 гг.) // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 100–116.
- Киселев*, 1949 – *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. Вып. 9).
- Киселев*, 1956 – *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.
- Кузьмин*, 1992 – *Кузьмин Н. Ю.* Тесинская культура в степях Среднего Енисея (проблема выделения и основные признаки) // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. II. С. 72–74.
- Кузьмин*, 1994 – *Кузьмин Н. Ю.* Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея в V–III вв. до н. э. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 60 с. (АИ. Вып. 15).
- Кузьмин*, 1995 – *Кузьмин Н. Ю.* Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 151–162. (АИ. Вып. 24).
- Кузьмин*, 2008 – *Кузьмин Н. Ю.* Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // АЭАЕ. 2008. № 3 (35). С. 77–78.
- Кузьмин*, 2011 – *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Курочкин*, 1988 – *Курочкин Г. Н.* Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1988. С. 5–22.
- Курочкин*, 1993 – *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: Петербургкомстат, 1993. 44 с. (АИ. Вып. 7).
- Лазаретов*, 2006 – *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2006. 34 с.
- Литский*, 1966 – *Литский А. Н.* Погребения тагарских воинов на р. Биджа // СА. 1966. № 2. С. 312–317.

- Максименков, 2003 – Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. VIII; Archaeologica Petropolitana. XIII).
- Марсадолов, 2010 – Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. 128 с.
- Марсадолов, 2015 – Марсадолов Л. С. Новая датировка Большого Салбыкского кургана // НОСА. 2015. № 1 (9). С. 35–53.
- Паульс и др., 1985 – Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Седых В. Н. Большой курган около станции Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–143.
- Переводчикова, 2014 – Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля со стеклянными вставками на востоке Евразии // Труды IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдииков и др. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 147–149.
- Переводчикова, 2018 – Переводчикова Е. В. К датировке кургана Аржан-2 // Вторая Всероссийская научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвящ. 90-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 г. Тезисы. URL: http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/2018Grach_Thes.pdf. Дата обращения 16.11.2019.
- Полидович, 2010 – Полидович Ю. Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 217–224.
- Поляков, 2006 – Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2006. 26 с.
- Поляков, Святко, 2009 – Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит – начало железного века) // ТПАИ. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Субботин, 2014 – Субботин А. В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Хаврин, 2000 – Хаврин С. В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2000. С. 183–193.
- Хаврин, 2001 – Хаврин С. В. Приложение // С. В. Александров, Е. Д. Паульс, М. Л. Подольский. Древности Аскизского района. СПб.: б/м, 2001. С. 94–97. (Древняя Хакасия).
- Хаврин, 2007 – Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинакского района Хакасии // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / Науч. ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–122.
- Членова, 1992 – Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 206–224. (Археология СССР).
- Čugunov et al., 2010 – Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitlichen Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2010. 330 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 26; Steppenvölker Eurasiens. Bd. 3).
- Heußner, Sljusarenko, 2010 – Heußner K.-U., Sljusarenko I. Die Dendrochronologie // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2010. S. 178–182. (Archäologie in Eurasien. Bd. 26; Steppenvölker Eurasiens. Bd. 3).
- Kuzmin, 1994 – Kuzmin N. Y. Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia / A. G. Kozintsev, V. M. Masson. SPb.: ИИМК РАН, 1994. P. 44–47. (Archaeological studies; issue 16).
- Kuzmin, 2010 – Kuzmin N. Die aktuellen Probleme der Forschung der Kulturen der skythischen Epoche und der Hunnenzeit in Südsibirien (Grabdenkmäler des Minusinsker Beckens) // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Callmer zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune et al. Rahden/Westf.: Leidorf, 2010. S. 375–407. (Internationale Archäologie. Studia honoraria. Bd. 31).
- Parzinger et al., 2010 – Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsucij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004–2006 // Eurasia Antiqua. 2010. Bd. 16. S. 169–282.

New dating of the Great Salbyk barrow and the chronology of Tagar sites

N. Yu. Kuz'min

In the end of the past and beginning of the present century, a series of new radiocarbon dates were published on burial complexes of the Sayan-Altay region. Also the definitions of the age of samples found earlier have been calibrated. The new data have radically altered the previous notions on the time of the existence of a number of archaeological cultures in this region, in particular the Tagar culture of the Scythian epoch in the Minusinsk depression. The traditional periodization and chronology of the Tagar culture were reviewed: an earlier date of the 11th–10th century BC for its appearance was proposed and the burial complexes (Saragashen type) of the final phase of its existence were synchronized with the early Tagar ones having occupied the chronological span from the 8th to the 2nd century BC. Frequently, the radiocarbon

dates run contrary to the evidence of the horizontal and vertical stratigraphy of the sites, as well as to the sequence of the typological changes of burial complexes of the three periods of the evolution of the culture. The arguable dates lie mostly within the range from the 800 to 400 BC, – the so-called Hallstatt plateau where the calibrated calendar span of radiocarbon dates is considerably broader than at other intervals. At the example of the new dating of the key site of the Tagar culture – the Great Salbyk barrow, and the chronology of the complexes attributed to the newly distinguished Salbyk period, numerous controversies between the radiocarbon dates and the results of archaeological investigations, as well as those of chemical analysis of bronze and glass artefacts, have been demonstrated.

НОВАЯ ДАТИРОВКА КУРГАНА № 9 МОГИЛЬНИКА КУЙЛУГ-ХЕМ I В ТУВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А. Д. ГРАЧА)

Л. С. Марсадолов¹

Аннотация. В статье заново проанализирован вещевой комплекс кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I, раскопанного экспедицией А. Д. Грача в 1966 г., и аргументирована его новая датировка. Комплекс курган № 9 интересен тем, что в него входят изображения, выполненные в раннескифском зверином стиле – копытные животные и хищники из породы кошачьих, бронзовые и костяные наконечники стрел, золотая серьга, каменный оселок и другие предметы. Комплексный анализ предметов из кургана № 9, их сопоставление с аналогами из закрытых археологических комплексов Южной Сибири позволяют заключить, что время сооружения кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I может быть ограничено второй половиной VII в. до н. э.

Annotation. This paper reconsiders the assemblage of objects from kurgan no. 9 at the cemetery of Kuylug-Khem I excavated by A. D. Grach's expedition in 1966; its new date is argued. The assemblage from kurgan no. 9 is interesting in the fact that it includes representations executed in the Scythian animal style – ungulates and feline predators, bronze and bone arrowheads, a gold earring, a whetstone and other objects. Interdisciplinary analysis of the finds from kurgan no. 9, as well as their comparison with parallels from closed archaeological associations in South Siberia suggest that the time of construction of kurgan no. 9 at the cemetery of Kuylug-Khem I must be limited to the second half of the 7th century BC.

Ключевые слова: Тува, Алтай, Казахстан, датировка, аналогии, ранний скифский период, курган, Куйлуг-Хем, Аржан-2, Бойтыгем, А. Д. Грач, М. И. Артамонов.

Keywords: Altay, Kazakhstan, Tuva, analogies, dates, kurgan, early Scythian period, Arzhan-2, Boytygem, Kuylug-Khem, M. I. Artamonov, A. D. Grach.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-152-158

В Александре Даниловиче Граче меня, как и многих археологов, привлекали такие его личные качества, как доброжелательность, оптимизм, любознательность, тонкий юмор, внешняя и внутренняя интеллигентность, которые не покидали его, несмотря на все трудности в последние годы жизни (Смирнов, 2015). Его яркие доклады на научных конференциях приковывали внимание археологов новыми интересными находками и красивыми слайдами, сделанными эрмитажным фотографом В. С. Теребениным.

Будучи аспирантом Эрмитажа, я несколько раз встречался с А. Д. Грачом в конце 1970-х гг. в его квартире на Крюковом канале. Особенно запомнилась наша последняя встреча в Новосибирском Академгородке поздней осенью 1980 г., куда я приезжал в аспирантскую командировку, а Александр Данилович Грач, после публикации его

монографии в 1980 г., пытался подать документы и договориться о будущей защите своей докторской диссертации. Позднее, в 1980–90-е гг., в Государственном Эрмитаже М. П. Завитухина передала мне археологические коллекции и каменные изваяния, привезенные А. Д. Грачом в Эрмитаж из его многолетних экспедиций в Туве. Ряд экспонатов из этих коллекций неоднократно служил украшением постоянных и временных выставок в России и за рубежом. Особенно Александр Данилович гордился находкой поясной роговой накладки с изображением лошади с подогнутыми ногами из кургана 13 Саглы-Бажи II, которую он называл «лошадкой-путешественницей» из-за того, что она побывала на международных выставках во многих странах мира и ныне воспроизведена во многих изданиях в России и за рубежом (рис. 1). Большая детальная черно-белая фотография этой интересной находки была помещена на целую страницу в последней прижизненной монографии А. Д. Грача (Грач, 1980. С. 179, рис. 41).

¹ 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: marsadolov@hermitage.ru.



Рис. 1. Тува, могильник Саглы-Бажи II, курган 13. Поясная пряжка с изображением лошади с подогнутыми ногами. Рог. Фото В. С. Теребенина

Fig. 1. Tuva, cemetery of Sagly-Bazhi II, barrow 13. Belt buckle with representation of a horse with bent legs. Horn. Photo by V. S. Terebenin

У себя дома А. Д. Грач показывал мне, тогда еще не опубликованные синхронистические таблицы и рисунки материалов из раскопанных им курганов в Туве, позднее вошедшие в его монографию 1980 г. Эти таблицы для того периода времени имели новаторское значение, т. к. охватывали огромную территорию ряда азиатских регионов VIII–III вв. до н. э.: Тува, Алтай, Верхняя Обь, Минусинская котловина, Казахстан, Памир, Приаралье – и позволяли сравнить известные на то время материалы разных памятников.

Краткая история исследования курганов в Куйлуг-Хеме. В полевые сезоны 1966–1968 гг. СТЭАН под руководством А. Д. Грача раскопала ряд курганов раннескифского времени в могильниках Куйлуг-Хем I и Куйлуг-Хем III.

Значимость находок из этих памятников была видна сразу, поэтому уже в первоначальной информации об исследовании этих курганов А. Д. Грач отметил: «Особо трудоемкими были раскопки объектов скифского времени (Куйлуг-Хем I, курганы 3, 5, 9, 16–18, 21). <...> Погребения скифского времени сопровождал богатый инвентарь: изображения в скифском зверином стиле (бронза, золото) хищников из породы кошачьих, косуль, горных козлов, грифов, а также золотая пектораль, наборы на-

конечников стрел (бронза, кость) и другие предметы» (Грач, 1967. С. 132–133).

В 1967 г. была прослежена относительная хронология объектов в Куйлуг-Хеме I. А. Д. Грач (1968) считал, что «важно, что крепида кургана 24 лежит на крепиде монгун-тайгинского кургана 25. Курганы скифского времени содержат погребения в четырехугольных грунтовых ямах, курганы монгун-тайгинского типа – погребения вблизи уровня горизонта в грунтовых ямах, обрамленных плитовыми обкладками».

М. И. Артамонов одним из первых обратил внимание на погребения VI–V вв. до н. э. в курганах Куйлуг-Хема I, «где из большого числа находок отметим золотые бляшки в виде профильного зверя с загнутым кончиком хвоста, сходные с найденными в казахстанских курганах, бронзовую пряжку из двух обращенных в разные стороны головок косуль, бляшки в виде такой же головки с длинным ухом, трактованным в манере алтайской резьбы по дереву, и другие. Продолжение раскопок в Тувинской республике обещает новые находки не разграбленных погребений, хотя, как можно судить по уже имеющимся данным, и не столь богатых и сохранных в части вещей из органических материалов, как алтайские мо-

гилы, но зато содержащих почти начисто отсутствующий на Алтае металлический инвентарь» (Артамонов, 1973. С. 83–84).

С. И. Вайнштейн в монографии, посвященной искусству Тувы, отнес предметы из кургана № 9 Куйлуг-Хема I к казылганской культуре (Вайнштейн, 1974. С. 20).

В обобщающей монографии «Древние кочевники в центре Азии» находки из ранних курганов Куйлуг-Хема I отнесены А. Д. Грачом к двум хронологическим периодам – к усть-хемчикскому и саглыинскому этапам (Грач, 1980. Вкладка III).

Вероятно, точка зрения одного из ведущих археологов и знатоков скифского искусства М. И. Артамонова повлияла и на А. Д. Грача. Комментируя синхронистические таблицы, он говорил мне, что бронзовые бляшки из Куйлуг-Хема I близки к деревянным бляшкам копытных животных из ранних курганов пазырыкской культуры на Алтае. В процессе этих встреч я более детально ознакомился с материалами из Тувы и впервые обратил внимание, что курганы Куйлуг-Хема I отнесены А. Д. Грачом к двум хронологическим этапам; в частности, курган № 9 – к саглыинскому этапу, который А. Д. Грач датировал V–IV вв. до н. э.

В 1986 г. Р. Кенк (Kenk, 1986) перерисовал и заново систематизировал материалы А. Д. Грача, опубликованные в его монографии 1980 г.

Современный этап датирования курганов раннескифского времени в Туве. За прошедшие 50 лет после завершения раскопок объектов в Куйлуг-Хеме I в Туве было исследовано большое число курганов VIII–VI вв. до н. э. В многочисленных работах археологов (М. П. Грязнов, А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол, Н. Л. Членова, М. А. Дэвлет, А. М. Мандельштам, Д. Г. Савинов, А. В. Виноградов, Н. А. Боковенко, Л. С. Марсадолов, Г. И. Зайцева, Вл. А. Семёнов, М. Е. Килуновская, К. В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер, Н. Ю. Смирнов, А. А. Тишкин, П. И. Шульга, А. З. Бейсенов, И. В. Рукавишников и др.) с разной степенью детальности были рассмотрены проблемы хронологии раннескифских памятников Тувы, что может быть темой отдельной большой работы.

Перекрестные аналогии. При перекрестном сопоставлении и датировании археологических

объектов Саяно-Алтая хронологическими «индикаторами» являются (рис. 2):

- зооморфные изображения хищников и копытных животных (оленя, косули, коня, барана, кабана), а также орнаментальные мотивы;
- предметы конского снаряжения (удила, псалии, пряжки, блоки, пронизки);
- украшения (золотые серьги, поясные пряжки с изображениями, зеркала, бусы, бляшки);
- оружие, орудия, сосуды (кинжалы, стрелы, ножи, оселки и др.).

Наиболее важные перекрестные археологические аналогии для близких по времени памятников из разных регионов Центральной Азии на рис. 2 отмечены пунктирными линиями.

Зооморфные изображения (рис. 3). Следует обратить внимание на то, что образы голов копытных животных из кургана № 9 Куйлуг-Хема I имеют близкие аналогии в кургане 32 могильника Гилёво-10 на Западном Алтае (Шульга, 2016) и в кургане 14 Быстрянского могильника (Завитухина, 1966). Нижняя часть вышеуказанных бронзовых предметов оформлена по-разному (рис. 3) – в виде полукруга (Гилёво-10, могила 32; Быстрянский, курган 14) или «прямой линии» (Тагискен, курган 55; Куйлуг-Хем I, курган № 9). Наиболее близкое по форме оборотное двухшпильковое крепление зооморфных бляшек отмечено в кургане № 9 Куйлуг-Хема I и в кургане 14 Быстрянского могильника (рис. 3, 2, 4, 14).

Изображение фигурки стоящего хищника на золотой бляшке из кургана № 9 Куйлуг-Хема I, возможно, восходит к золотой бляшке с более четким рисунком из более раннего по времени кургана 55 в Тагискене (рис. 3, 9, 11). Эти бляшки близки по ряду стилистических признаков – уплощенная голова с коротким туловом, округлыми глазом, ухом и окончаниями лап (Артамонов, 1973; Базарбаева, Джумабекова, 2017).

На бронзовых бляшках из кургана № 9 Куйлуг-Хема I в виде головы копытного животного с удлиненной мордой отмечены более поздние стилистические признаки – ухо и низ головы с «завитком», а также с небольшим глазом, не круглым, а вытянутым в средней части (рис. 3, 4).

Золотые серьги подконусовидной формы в VII в. до н. э. имели ряд разновидностей, среди которых были два основных типа: 1) с гладкой внеш-

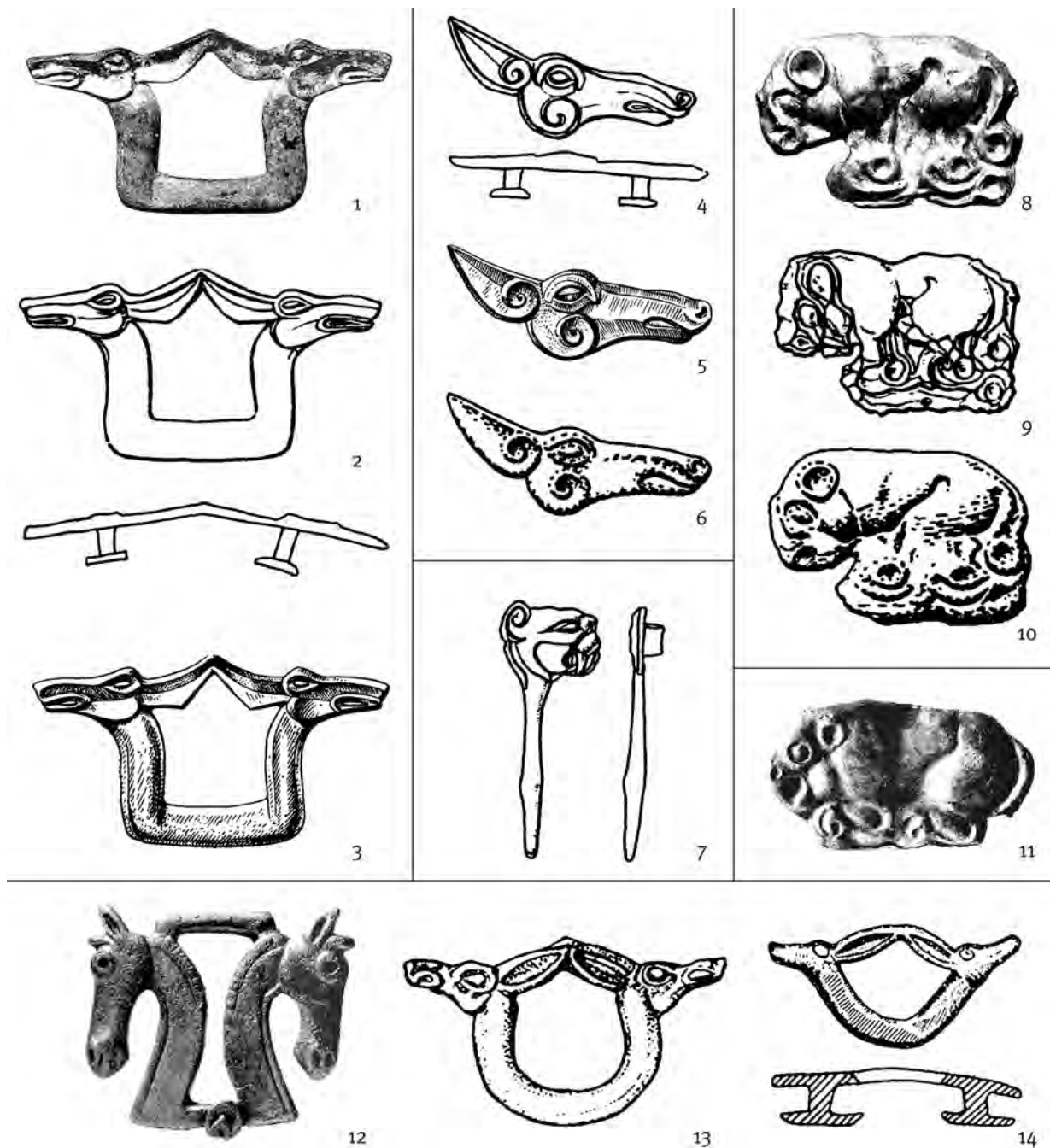


Рис. 2. Сопоставительная таблица археологических комплексов второй половины VII в. до н. э. с хронологическими индикаторами (1 – Бейсенов, 2015. Рис. 16, 1, 2; 2 – Бернштам, 1949. Рис. 4; 3 – Чугунов и др., 2017.

Табл. 1–5; 9; 12–14; 16; 27; 30–32; 86–90; 94; 96; 99; 104; 127; 142; 144; 4 – Шульга, 2016. Рис. 36, 1, 2, 38, 39; 5, 7 – Грач, 1980. Рис. 86–88; 109; 110; 6 – Завитухина, 1966. Рис. 3 (раскопки С. М. Сергеева); 8 – Курочкин, 1993. Рис. 10–32; 9 – Кызласов Л., 1979. Рис. 61; 7–11 (раскопки А. В. Адрианова); 10 – Абдулганеев, 1994.

Рис. 1, 1–7; 3, 1–7; 4, 1–8). Материал и масштаб разные

Fig. 2. Comparative table of archaeological complexes of the second half of the 7th century BC with chronological indicators (1 – Бейсенов, 2015. Рис. 16, 1, 2; 2 – Бернштам, 1949. Рис. 4; 3 – Чугунов и др., 2017. Табл. 1–5; 9; 12–14; 16; 27; 30–32; 86–90; 94; 96; 99; 104; 127; 142; 144; 4 – Шульга, 2016. Рис. 36, 1, 2, 38, 39; 5, 7 – Грач, 1980.

Рис. 86–88; 109; 110; 6 – Завитухина, 1966. Рис. 3 (excavations by S. M. Sergeev); 8 – Курочкин, 1993. Рис. 10–32; 9 – Кызласов Л., 1979. Рис. 61; 7–11 (excavations by A. V. Adrianov); 10 – Абдулганеев, 1994.

Рис. 1, 1–7; 3, 1–7; 4, 1–8). Materials and scales differ

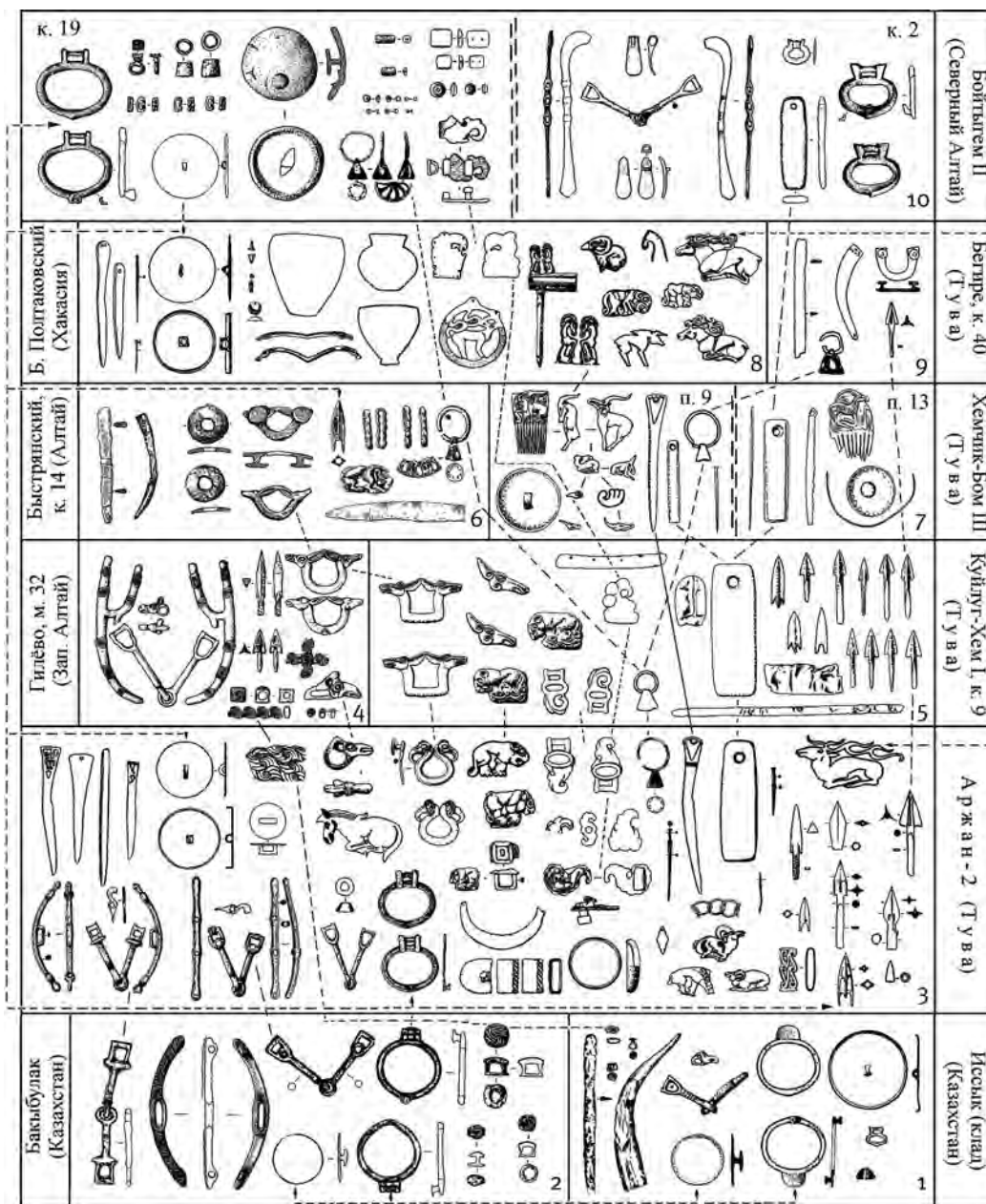


Рис. 3. Предметы с изображениями в зверином стиле из кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I и ряд аналогичных вещей из археологических памятников VII в. до н. э. 1–10 – могильник Куйлуг-Хем I, курган № 9, Тува (1, 8 – Артамонов, 1973. Рис. 109; 110; 2, 4, 7, 9 – Грач, 1967. Рис. на с. 132; 3, 5 – Вайнштейн, 1974. Рис. 10; 11; 6, 10 – Kenk, 1986. Abb. 22); 11 – могильник Тагискен, курган 53, Приаралье (Артамонов, 1973. Рис. 21); 12 – могильник Тагискен, курган 55, Приаралье (Артамонов, 1973. Рис. 25); 13 – могильник Гилёво-10, могила 32, Алтай (Шульга, 2016. Рис. 30, 2); 14 – могильник Быстринский, курган 14, Алтай (Завитухина, 1966. Рис. 3, 4). 1–7, 12–14 – бронза; 8–11 – золото. Масштаб разный

Fig. 3. Objects with representations in the animal style from kurgan no. 9 at the cemetery of Kuylug-Khem I and series of analogous objects from archaeological sites of the 7th century BC. 1–10 – cemetery of Kuylug-Khem I, kurgan no. 9, Tuva (1, 8 – Артамонов, 1973. Рис. 109; 110; 2, 4, 7, 9 – Грач, 1967. Рис. на с. 132; 3, 5 – Вайнштейн, 1974. Рис. 10; 11; 6, 10 – Kenk, 1986. Abb. 22); 11 – cemetery of Tagisken, kurgan 53, Aral region (Артамонов, 1973. Рис. 21); 12 – cemetery of Tagisken, kurgan 55, Aral region (Артамонов, 1973. Рис. 25); 13 – cemetery of Gilevo-10, grave 32, Altay (Шульга, 2016. Рис. 30, 2); 14 – cemetery of Bystryansky, kurgan 14, Altay (Завитухина, 1966. Рис. 3, 4). 1–7, 12–14 – bronze; 8–11 – gold. Scales differ

ней поверхностью (без зерни); 2) с мелкой зернью на поверхности, образующей орнаментальные мотивы. В кургане № 9 Куйлуг-Хема I и погребении 9 Хемчик-Бомы III в Туве золотые серьги имели гладкую поверхность. В кургане Аржан-2 и кургане 40 Бегирэ (Тува), кургане 19 Бойтыгема II и кургане 14 Быстрянского могильника (Алтай) золотые серьги украшены зернью, образующей «каплевидный» орнамент или, правильнее сказать, орнамент в виде «голов птиц» (рис. 2). Вероятно, размеры золотых серег и сложность их украшения зависели от социального ранга древних кочевников – небольшие серьги у рядовых и крупные со сложной орнаментацией у правящей и зажиточной части кочевников. Возможно, более четкие ранговые социальные отличия можно будет выделить не только по орнаментации и оформлению крепления, но и по весу серег.

Особенно много аналогий между предметами из курганов № 9 Куйлуг-Хема I и Аржан-2 (рис. 2, 3, 5) – пряжки разных форм, черешковые и втульчатые наконечники стрел, изображения хищных зверей и копытных животных, каменные оселки, золотые серьги и другие предметы.

Комплексный анализ предметов из кургана № 9, их сопоставление с аналогами из закрытых археологических комплексов Южной Сибири позволяют заключить, что время сооружения кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I может быть ограничено второй половиной VII в. до н. э.

Новая относительная и абсолютная хронология. На современном этапе археологии Южной Сибири хронология памятников второй половины VII в. до н. э. на Саяно-Алтае может опираться на

независимые датировки из трех регионов – Алтай, Тува и Хакасия (рис. 2): для *Алтая* – дата курганов 19 и 2 Бойтыгема II и др. (Абдулганеев, 1994; Марсадолов, 2000. С. 22; Тишкин, 2011), для *Тувы* – дата кургана Аржан-2 (Чугунов и др., 2017), для *Хакасии* – дата Большого Полтаковского кургана (Курочкин, 1993; Марсадолов, 2015).

Предварительно можно наметить относительную хронологию и последовательность памятников второй половины VII в. до н. э. (см. рис. 2). Наиболее ранними являются материалы из жертвенных мест Казахстана и Киргизии – Бакубулак и Иссык-Куль-клад (Бейсенов, 2015; Бернштам, 1952). Вероятно, немного позднее был сооружен курган Аржан-2 (Тува), еще позднее – курган 32 Гилёво-10 (Западный Алтай), курган № 9 Куйлуг-Хема I и погребения 9, 13 Хемчик-Бомы III (Тува), курган 14 Быстрянского могильника 14 (Алтай), Большой Полтаковский курган (Хакасия), курган 40 Бегирэ (Тува) (Кызласов Л., 1979. С. 75–76) и курган 19 Бойтыгема II (Северный Алтай). В конце VII или в начале VI в. до н. э. был сооружен курган 2 Бойтыгема II на Северном Алтае – наиболее поздний среди выше рассмотренных объектов, который по пряжкам средних размеров, бляхам и по форме псалий близок к раннепазырыкским памятникам Алтая.

В заключение отметим, что в ходе работ СТЭАН под руководством А. Д. Грача было обнаружено и раскопано большое число интересных и важных археологических объектов разных эпох, которые более детально могут быть изучены при новых комплексных исследованиях.

Абдулганеев, 1994 – Абдулганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 37–43.

Артамонов, 1973 – Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство. 1973. 280 с.

Базарбаева, Джумабекова, 2017 – Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Изображение кошачьего хищника из Ашутасты: к изучению художественной культуры древнего населения Сарыарки // Самарский научн. вестник. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 232–237.

Бейсенов, 2015 – Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога Кемаля Акишевича Акишева / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.

Бернштам, 1952 – Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.: Наука, 1952. 348 с. (МИА. Вып. 26).

Вайнштейн, 1974 – Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 223 с.

- Грач*, 1967 – *Грач А. Д.* Исследования на Куйлуг-Хемском плато // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 131–133.
- Грач*, 1968 – *Грач А. Д.* Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 170–173.
- Грач*, 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Завитухина*, 1966 – *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61–77.
- Курочкин*, 1993 – *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН, 1993. 44 с. (АИ. Вып. 7).
- Кызласов Л.*, 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Марсадолов*, 2000 – *Марсадолов Л. С.* Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Марсадолов*, 2015 – *Марсадолов Л. С.* Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // ТПАИ. 2015. № 1. С. 9–33.
- Смирнов*, 2015 – *Смирнов Н. Ю.* Сто и пятьдесят лет тувинской археологии: к 100-летию раскопок А. В. Адрианова в Урянхайском крае и к 50-летию начала работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Д. Грача в Туве // АВ. 2015. Вып. 21. С. 428–431.
- Тишкин*, 2011 – *Тишкин А. А.* Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Материалы Междунар. симпозиума «Terra Scythica» / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 272–290.
- Чугунов и др.*, 2017 – *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Шульга*, 2016 – *Шульга П. И.* Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
- Kenk*, 1986 – *Kenk R.* Grabfunde der Skythenzeit aus Tuva, Süd-Sibirien. Unter Zugrundelegung der Arbeit von A. D. Grač dargestellt. München: C. H. Beck, 1986. 154 S. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 24).

New date for barrow no. 9 Kuylug-Khem I in Tuva (after materials of the excavation by A. D. Grach)

L. S. Marsadolov

This paper reconsiders the assemblage of objects from kurgan no. 9 at the cemetery of Kuylug-Khem I excavated by A. D. Grach's expedition in 1966; its new date is argued. Objects from this kurgan have been already published earlier by a number of authors (A. D. Grach, M. I. Artamonov, S. I. Vaynshteyn, P. Kenk et al.), and, inter alia, opinions were proposed on the chronological frame of the complex. The assemblage from kurgan no. 9 is interesting in the fact that it includes representations executed in the Scythian animal style – ungulates and feline predators, bronze and bone arrowheads, a gold

earring, a whetstone and other objects (Fig. 2, 5). Analogues of the objects from this kurgan indicate expansive cultural contacts of the population of Tuva with people both of neighbouring and remote regions – Altay, Minusinsk Depression, Kazakhstan, area of the Aral Sea and Kirgizia (Fig. 2; 3). Interdisciplinary analysis of the finds from kurgan no. 9, as well as their comparison with parallels from closed archaeological associations in South Siberia suggest that the time of construction of kurgan no. 9 at the cemetery of Kuylug-Khem I must be limited to the second half of the 7th century BC.

О ДАТЕ КУРГАНА АРЖАН-2

Е. В. Переводчикова¹

Аннотация. Дата кургана Аржан-2, определенная серединой – концом VII в. до н. э., практически не обсуждалась в литературе. Установленная на соответствии форм стрел и предметов конского снаряжения данным радиоуглеродного анализа, она не подвергается сомнению. Однако некоторые наблюдения противоречат такой датировке. Железные с золотом кинжалы, по данным Р. С. Минасяна, очевидно были литыми и, следовательно, китайского производства. На датировку кургана могут повлиять и данные о составе стекла из вставок на золотых предметах. Некоторые признаки произведений искусства аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта объясняются контактами с миром цивилизаций. В восточных областях евразийской степи такие контакты стали возможны в ахеменидское время, т. е. начиная с середины VI в. до н. э. Перечисленные обстоятельства не позволяют считать принятую датировку кургана Аржан-2 окончательной.

Annotation. The date of kurgan Arzhan-2 determined as the middle – end of the 7th century BC, practically has not been discussed in literature. Defined on the basis of correlation between the forms of the arrowheads and items of horse gear with the data of radiocarbon analysis, it was not doubted. However, some observations run contrary to this date. The iron-and-gold daggers, according to R. S. Minasyan, are cast ones and, consequently, of a Chinese manufacture. The dating of the kurgan can be influenced also by the data on the composition of the glass of the inserts in gold objects. Some features of the works of art of the Arzhan-Kichigino cultural and chronological horizon are explainable through contacts with the world of civilizations. In the eastern regions of the Eurasian steppe, these contacts became possible in the Achaemenid period, i. e. since the mid-6th century BC. These circumstances do not allow us to consider the accepted date of kurgan Arzhan-2 as the final one.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, курган Аржан-2, китайское производство для кочевников, датировка.

Keywords: Scythian animal style, kurgan Arzhan-2, Chinese production for nomads, dating.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-159-165

Статья представляет собой расширенный вариант тезисов доклада, прочитанного на Второй Всероссийской научной конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященной 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача, который вызвал оживленное обсуждение (Переводчикова, 2018). Доброжелательная и конструктивная критика, а также рекомендации коллег помогли подробнее рассмотреть вопросы, на которые было обращено особое внимание.

Речь идет о дате знаменитого кургана Аржан-2, богатейший комплекс которого изучается и будет изучаться еще долгое время. На его материале ставятся и исследуются самые разные вопросы

истории кочевников степей Евразии. При этом вопрос о его датировке давно не привлекал внимания исследователей. Дата кургана Аржан-2, определенная серединой – концом VII в. до н. э., практически не обсуждалась в литературе. Она считается установленной на основании соответствия датировок форм стрел, предметов конского снаряжения и данных радиоуглеродного анализа (Чугунов, 2004а. С. 34; 2005; Евразия радиоуглеродная, 2005. С. 84–90, 137). После того как эта дата была принята, Н. Ю. Кузьмин обратил внимание на то, что, помимо ранних форм стрел и узды, в аржанском материале присутствуют произведения искусства, находящие параллели в более поздних памятниках соседних территорий. При этом, по мнению исследователя, данные радиоуглеродного анализа позволяют датировать курган более поздним временем – «не ранее середины VI в. до н. э.» (Кузьмин,

¹ 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН, Отдел сохранения археологического наследия. Адрес электронной почты: perevelena@yandex.ru.

2008. С. 84). Н. Ю. Кузьмин не без основания полагает, что в это время появляются новые элементы культуры и это «может быть связано с созданием Ахеменидской империи и продвижением кочевых племен на восток», а в материале кургана Аржан-2 новые элементы сочетаются с более ранними формами вещей (Там же. С. 88).

Статья Н. Ю. Кузьмина не вызвала широкого обсуждения, и датировка кургана серединой – концом VII в. до н. э. по-прежнему считается безусловной (*Čigunov et al.*, 2010. S. 160–182; *Чугунов и др.*, 2017. С. 164–186). Однако следует заметить, что некоторые наблюдения вступают в противоречие с такой датой.

Прежде всего это касается железных, обложенных золотом кинжалов. Р. С. Минасян на основе изучения декора тагарских железных кинжалов пришел к выводу, что они литые, а следовательно, литыми должны быть и предметы из Аржана-2. Несмотря на то что собственно металл в аржанских изделиях практически не сохранился, особенности декора обкладок кинжалов, воспроизводящего моделировку их поверхности, свидетельствуют в пользу того, что кинжалы были литыми. Искусством литья предметов из железа (чугун) в раннем железном веке владели только китайские мастера, что наводит на мысли о китайском производстве этих предметов (*Минасян*, 2004. С. 68–71; 2014. С. 94–98). Такой вывод согласуется с наблюдением К. В. Чугунова, который обнаружил в декоре одного из аржанских кинжалов элементы китайского орнамента, что также позволило предположить китайское изготовление вещи (*Чугунов*, 2004б. С. 74. 2008. С. 98–101).

Изложенные обстоятельства обращают нас к вопросу о начале производства чугуна в Древнем Китае. Выплавка этого металла требует определенных умений и навыков и не является логически начальной стадией развития черной металлургии. Раннее овладение техникой литья железа (чугун) по сравнению с Европой, а также Ближним и Средним Востоком составляет особенность развития черной металлургии Китая (*Needham*, 1958. P. 9; *Хуа Цзюемин*, 1983. С. 86). Этому способствовали и многовековая традиция литья сложных по форме предметов из бронзы, и древняя традиция изготовления керамических сосудов из высококачествен-

ных глин, наличие которых необходимо для изготовления качественных литейных форм (*Needham*, 1958. P. 19).

Начало производства литого железа (чугун) в Китае датируют серединой I тыс. до н. э. (*Хуа Цзюемин*, 1983. С. 86²; *Минасян*, 2014. С. 72). Первые находки литых железных предметов в Китае зафиксированы на рубеже эпох Чуньцю и Чжаньго (начало V в. до н. э.), а массовое их распространение приходится на эпоху Чжаньго (*Chang*, 1977. P. 352–356). Серия находок железных предметов в Китае на рубеже эпох Чуньцю и Чжаньго состоит из литых чугунных изделий, кованых предметов из стали и кованых же изделий из кричного железа (*Li Xueqin*, 1985. P. 319–323). Следует напомнить, что для нашей темы интересны лишь вещи литые (чугунные), к каковым относятся предметы разных категорий (*Ibid.* P. 320–322). Из упомянутой серии выделяются два биметаллических кинжала, на данный момент признанные наиболее ранними.

Кинжал (иногда его называют мечом) из Цзинцзяжуан, провинция Ганьсу³ (*Комиссаров, Соловьев*, 1983. С. 4; *Li Xueqin*, 1985. P. 319, Fig. 140), датируют началом эпохи Чуньцю (*Комиссаров, Соловьев*, 1983. С. 4) или же, по сходству стиля бронзовых вещей в погребении с предметами из других ранних комплексов, 697–678 гг. до н. э. (*Li Xueqin*, 1985. P. 224–225). К сожалению, сохранность клинка не дает возможности определить технологию его изготовления (*Ibid.* P. 319–320).

Не вполне ясна ситуация и с технологией изготовления биметаллического меча из могильника Шанцуньлин (*Комиссаров*, 1995. С. 68. Рис.). Экспертиза показала лишь то, что он выплавлен из железной руды, т. е. происхождение железа металлургическое, а не метеоритное (Там же. С. 67). При этом общая датировка могильника – 827–782 гг. до н. э. (*Комиссаров*, 1985. С. 7–10) – распространяется и на погребение M2001, где найден отмеченный предмет (*Комиссаров*, 1995. С. 67). Однако в комплексе погребения в числе прочего обнаружен

² На с. 85 этой статьи говорится о времени «между 800 и 500 гг. до н. э.» без каких-либо ссылок на раннюю датировку. Ссылаясь на этот тезис, Р. С. Минасян пишет о времени «где-то между VIII и V вв. до н. э.» (*Минасян*, 2014. С. 98).

³ Приношу глубокую благодарность А. В. Варену, ознакомившему меня с цитируемой ниже литературой, касающейся ранних находок железных предметов на территории Китая.

и пояс, набранный из золотых бляшек. Можно разделить удивление С. А. Комиссарова, который справедливо отмечает, что такие находки не только уникальны для Китая, но и распространены в погребениях кочевников более позднего времени (Там же. С. 68).

Весьма ранние (1200–1100 гг. до н. э.) находки железных предметов зафиксированы в погребениях культуры яньбулак в Синцзяне (Комиссаров, 1999. С. 401). К сожалению, более подробной информации о технологии их изготовления найти не удалось. Что же касается остатков металлургического производства на поселении Алат в Казахстане⁴ (Жауымбаев, Евдокимов, 2008), то здесь производилось кричное железо, подлежавшее ковке (Жауымбаев, 2013. С. 435). К производству литого железа (чугун) сведения о поселении Алат не имеют никакого отношения.

Таким образом, упомянутые находки ранних предметов из железа и следов металлургического производства не влияют на представление о времени начала производства литого железа / чугуна в Китае. Поэтому пока нет оснований говорить о более ранней дате появления литых железных / чугунных вещей.

В материале Аржана-2 присутствуют также предметы с эмалевыми вставками. Учитывая признаки китайского направления связей в комплексе этого кургана, не следует исключать китайского производства и этих вещей. Автором данной работы уже было высказано сожаление по поводу отсутствия информации о составе стекла упомянутых вставок (Переводчикова, 2014. С. 148), поскольку химический состав китайского стекла отличается четкими признаками и о стеклоделии в Древнем Китае уверенно можно говорить начиная с эпохи Чжаньго, т. е. с V в. до н. э. (Fu Xiufeng, Gan Fuxi, 2009. P. 415–424).

Наблюдения, приводимые ниже, относятся не столько непосредственно к материалу Аржана-2, сколько к аржано-кичигинскому культурно-хронологическому горизонту, включающему памятники Тувы, Алтая, Казахстана, Приаралья и Южного Урала. Выделившие этот горизонт А. Д. Таиров и С. Г. Боталов датируют его второй половиной VII –

серединой VI в. до н. э. (Таиров, Боталов, 2010. С. 351–352), при этом нижняя дата основана на дате кургана Аржан-2. Для нашего исследования интересны некоторые признаки произведений искусства из памятников этого круга, где выделяется серия изображений хищников с акцентированной гривой, но выполненной достаточно стилизованно.

Таковы бронзовые фигурки «львов» на пояском наборе из кургана 5 Кичигино 1 (рис. 1, 1, 2)⁵, выполненные в низком рельефе, трактовка деталей традиционна для скифского звериного стиля. Признак, выделяющий эти изображения среди произведений скифского искусства, – очень массивная шея, переходящая в выступ лопатки и отделенная рельефным выступом от туловища зверя. Нет сомнения, что так мастер показал гриву животного. Таким образом, перед нами изображение именно льва, а не традиционного для скифского звериного стиля абстрактного хищника. По этому признаку они находят ближайшие аналогии в фигурках зверей из кургана 31 могильника Южный Тагискен, у которых грива тоже выделена выступом рельефа (рис. 1, 3).

Грива акцентирована и на золотых бляшках в форме стоящих хищников от костюма из кургана Аржан-2 (рис. 1, 5) – здесь этот эффект создается при помощи очень массивной головы и примыкающего вплотную к ней выступа лопатки, созданного довольно высоким рельефом. Гриву можно увидеть и на бронзовых бляшках в виде хищных зверей из Аржана-2 (рис. 1, 4) – у них тоже выделенная рельефом лопатка смыкается с затылком довольно массивной головы. Подобный прием использован и при изображении хищников на перекрестии железного с золотом кинжала (рис. 1, 8).

Грива показана и на золотых фигурках хищников из кургана 5 могильника Талды-2 в Центральном Казахстане (рис. 1, 7). Здесь использован похожий прием: объединение выступа лопатки с массивной головой зверя. На некоторых экземплярах этот выступ отделен рельефом от морды зверя, на некоторых в нем находится рельефное углубление. Подобным способом подчеркнута грива у хищника, вырезанного из золотой фольги, из кургана Карашоки, расположенного неподалеку от Талды-2.

⁴ Выражаю искреннюю признательность К. В. Чугунову за информацию об этом памятнике.

⁵ Благодарю А. Д. Таирова за предоставленные фотографии.



Рис. 1. Изображения хищников с акцентированной гривой (львы): 1, 2 – Кичигино I, курган 5 (Таиров, Боталов, 2010. С. 347, рис. 3, 4, 6); 3 – Южный Тагискен, курган 31 (Артамонов, 1973. С. 25, рис. 22); 4, 5, 8 – Аржан-2 (Сугунов et al., 2010. Taf. 33, 4; 76, 1c; 146, 3); 6 – Карашоки (Бейсенов, 2012. С. 234, рис. 12); 7 – Талды-2 (Бейсенов, 2012. С. 231, рис. 5). 1, 2, 4 – бронза; 3, 5–8 – золото

Fig. 1. Representations of predators with an accentuated mane (lions): 1, 2 – Kichigino I, barrow 5 (Таиров, Боталов, 2010. С. 347, рис. 3, 4, 6); 3 – Southern Tagisken, barrow 31 (Артамонов, 1973. С. 25, рис. 22); 4, 5, 8 – Arzhan-2 (Сугунов et al., 2010. Taf. 33, 4; 76, 1c; 146, 3); 6 – Karashoky (Бейсенов, 2012. С. 234, рис. 12); 7 – Taldy-2 (Бейсенов, 2012. С. 231, рис. 5). 1, 2, 4 – bronze; 3, 5–8 – gold

Мощная голова зверя вместе с лопаткой несколько возвышается над его спиной (рис. 1, 6).

Другой важной и интересной особенностью аржано-кичигинских памятников являются фигурки хищников с головой, повернутой анфас, найденные в кургане 5 Кичигино I, курганах 3, 4 и 6 могильника Тасмола V, кургане 53 Южного Тагискена, кургане в Восточном Талейде в Синьцзяне (Переводчикова, Таиров, 2015. С. 129, рис. 5, 1, 3–6, 10, 11). Этот иконографический тип выделен Ю. Б. Полидовичем, который собрал довольно выразительную серию подобных изображений (Полидович, 2008. С. 40–41). К нему же можно отнести и фигурки баранов на золотых обоямах из кургана Аржан-2 (Чугунов и др., 2017. С. 400, табл. 62, 3–7). Следует

заметить, что такой специфический ракурс, не входивший в набор канонических поз скифского звериного стиля, мог быть заимствован из сцен с изображениями животных в других традициях. В подборке, сделанной Ю. Б. Полидовичем, примерно половина примеров представляет собой не произведения скифского звериного стиля, а изображения животных в греческой либо греко-персидской традиции (Полидович, 2008. Рис. 1; 2). Получается, что скифский звериный стиль выходит за рамки установленных канонов под влиянием контакта с искусством других культур.

О связи с переднеазиатским искусством свидетельствуют и сцены терзания животных в материалах кургана Аржан-2 (Чугунов, 2011. С. 40, 52,

рис. 1, 2, 3). Как известно, такие композиции изначально не свойственны скифскому звериному стилю и появляются в нем в результате контакта с искусством Передней Азии.

Итак, ряд признаков: изображение львов со стилизованной гривой, лежащие животные с повернутой анфас головой и сцены терзания – свидетельствуют о контактах кочевников, оставивших памятники рассматриваемого круга, с иными образительными традициями. Для культур скифского облика в восточных регионах вероятен контакт с переднеазиатской традицией, но следы его здесь прослеживаются лишь в ахеменидское время, т. е. начиная со второй половины VI в. до н. э. (Переводчикова, 2015. С. 237–239).

Таким образом, изложенные обстоятельства не позволяют в настоящий момент согласиться с принятой датировкой кургана Аржан-2. Высказанные соображения свидетельствуют в пользу

даты, предложенной Н. Ю. Кузьминым, – не ранее середины VI в. до н. э.

Интересно, что в работах исследователей кургана, написанных вскоре после его раскопок, памятник предположительно датировался концом VI в. до н. э. (Чугунов и др., 2002а. С. 183); присутствует также замечание, что в его материале встречаются «элементы, которые можно отнести к VI и V вв. до н. э., а также к более позднему времени – IV в. до н. э.» (Парцингер, 2002. С. 73). На основании подробного анализа деталей погребального обряда и вещевого комплекса кургана тогда же был сделан вывод, что «комплекс стоит в одном ряду с богатыми погребениями пазырыкской культуры» (Чугунов и др., 2002б. С. 123).

Изложенные выше наблюдения заставляют признать тезис о неоднозначности этого памятника и трудности соотнесения его «с известной культурой или этапом» (Чугунов и др., 2002б. С. 122) по-прежнему актуальным.

- Артамонов, 1973 – Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Бейсенов, 2012 – Бейсенов А. З. Сарыарқа сактары мәдениетінің жаңа деректері (Новые данные о сакской культуре Сарыарки) // Археология и история Сарыарки / Отв. ред. В. Г. Ломан. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 223–241.
- Жауымбаев, Евдокимов, 2008 – Жауымбаев С. У., Евдокимов В. В. Раскопки на металлургическом комплексе Алат эпохи поздней бронзы в Центральном Казахстане // Вестник КарГУ. Серия. История. Философия. 2008. № 4. С. 10–21.
- Евразия радиоуглеродная, 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Комиссаров, 1985 – Комиссаров С. А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия / Отв. ред. О. В. Зотов. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
- Комиссаров, 1995 – Комиссаров С. А. Новая датировка начала железного века в Китае // III итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. ТД / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 67–68.
- Комиссаров, 1999 – Комиссаров С. А. О культуре яньбулак (Восточный Туркестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 1999 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 397–402.
- Комиссаров, Соловьев, 1983 – Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Находка биметаллического кинжала в Восточной Ганьсу. Препринт. Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1983. 5 с.
- Кузьмин, 2008 – Кузьмин Н. Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // АЭАЕ. 2008. № 3. С. 79–87.
- Минасян, 2004 – Минасян Р. С. Сибирские железные кинжалы скифского времени // СГЭ. 2004. Вып. 62. С. 68–71.
- Минасян, 2014 – Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
- Парцингер, 2002 – Парцингер Г. Германский археологический институт: задачи и перспективы археологического изучения Евразии // РА. 2002, № 3. С. 59–78.
- Переводчикова, 2014 – Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля со стеклянными вставками на востоке Евразии // Труды IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 147–149.

- Переводчикова*, 2015 – *Переводчикова Е. В.* К хронологии раннескифского звериного стиля Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С. 236–239.
- Переводчикова*, 2018 – *Переводчикова Е. В.* К датировке кургана Аржан-2 // Вторая Всероссийская научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвящ. 90-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 г. Тезисы. URL: http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/2018Grach_Thes.pdf. Дата обращения 16.11.2019.
- Переводчикова, Таиров*, 2015 – *Переводчикова Е. В., Таиров А. Д.* Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *StratumPlus*. 2015. № 3. С. 121–141.
- Полидович*, 2008 – *Полидович Ю. Б.* Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты Евразии скифо-сакской эпохи. Сб. материалов междунар. науч. конф. / Отв. ред. З. С. Самашев. Астана: ПЦК РК, 2008. С. 39–59.
- Таиров, Боталов*, 2010 – *Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Сб. статей в честь 60-летия Л. Т. Яблонского / Отв. ред. М. М. Герасимова и др. М.: Таус, 2010. С. 339–354. (МИАР. № 13).
- Хуа Цзюемин*, 1983 – *Хуа Цзюемин*. Производство металлических отливок в древнем Китае // В мире науки (Scientific American). 1983. № 3. С. 84–91.
- Чугунов*, 2004а – *Чугунов К. В.* Аржан – источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2004. С. 10–39.
- Чугунов*, 2004б – *Чугунов К. В.* Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // СГЭ. 2004. Вып. 62. С. 72–74.
- Чугунов*, 2005 – *Чугунов К. В.* Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 103–109.
- Чугунов*, 2008 – *Чугунов К. В.* Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 98–101.
- Чугунов*, 2011 – *Чугунов К. В.* Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия: сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60.
- Чугунов и др.*, 2002а – *Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г.* Исследование «царского» кургана Аржан-2 в Туве // Северный археологический конгресс. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. ТД / Отв. ред. А. В. Головнёв. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 182–183.
- Чугунов и др.*, 2002б – *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное захоронение кочевников раннего скифского времени в Туве // АЭАЕ. 2002. № 2. С. 115–126.
- Чугунов и др.*, 2017 – *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Chang*, 1977 – *Chang Kwang-chih*. The Archaeology of Ancient China. 3rd ed. New Haven; Londjn: Yale University Press, 1977. 535 p.
- Čugunov et al.*, 2010 – *Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitlichen Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2010. 330 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 26; Steppenvölker Eurasiens. Bd. 3).
- Fu Xiufeng, Gan Fuxi*, 2009 – *Fu Xiufeng, Gan Fuxi*. Multivariate Statistical Analysis of Some Ancient Glasses Unearthed in Southern and Southwestern China // Ancient Glass Research along the Silk Road / Ed.-in-Chief Gan Fuxi. New Jersey; London et al.: World Scientific Publishing, 2009. P. 413–438.
- Li Xueqin*, 1985 – *Li Xueqin*. Eastern Zhou and Qin Civilizations. New Haven; London: Yale University Press, 1985. 527 p.
- Needham*, 1958 – *Needham J.* The development of Iron and Steel Technology in China. London: Newcomen Society for the study of history of engineering and technology, The Science Museum, 1958. 76 p.
- Žauymbaev*, 2013 – *Žauymbaev S.* Bergbau und Metallurgie Zentralkasachstans // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens / Hrsg. T. Stöllner, Z. Samašev. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. Bd. 1. S. 429–440.

On the date of kurgan Arzhan-2

E. V. Perevodchikova

The date of kurgan Arzhan-2 determined as the middle – end of the 7th century BC, practically has not been discussed in literature. Defined on the basis of correlation between the forms of the arrowheads and items of horse gear with the data of radiocarbon analysis, it was not doubted. However, some observations run contrary to this date. The iron-and-gold daggers, according to R. S. Minasyan, are cast ones and, consequently, of a Chinese manufacture. The beginning of the production of cast iron in China is recorded for the turn between two epochs of Chunqiu and Zhanguo (early 5th century BC). The dating of the kurgan can be influenced also by the data on the composition of the glass of the inserts in gold objects. The Arzhan-Kichigino cultural and chronological horizon

(sites of Tuva, Altay, Kazakhstan, areas of the Aral Sea and Southern Urals) is dated to the second half of the 7th – middle of the 6th century BC, the lower date basing on the date of kurgan Arzhan-2. Some features of the works of art of this group are explainable through contacts with the world of civilizations. These include lion representations on objects from barrow 5 at Kichigino I (Fig. 1, 1, 2), kurgan 31 of Southern Tagisken (Fig. 1, 3), barrows of Taldy-2 (Fig. 1, 7), Karashoky (Fig. 1, 6) and Arzhan-2 (Fig. 1, 4, 5, 8). In the eastern regions of the Eurasian steppe, these contacts became possible in the Achaemenid period, i. e. since the mid-6th century BC. These circumstances do not allow us to consider the accepted date of kurgan Arzhan-2 as the final one.

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ НА КУРГАНЕ С «УСАМИ» В ДОЛИНЕ КОЙШОКЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

А. З. Бейсенов¹, И. К. Ахияров², Н. Ш. Джуманазаров³, Д. Б. Дуйсенбай⁴

Аннотация. Могильник Койшоки-5 состоит из пяти объектов, два из них – курганы с «усами». Первые исследования здесь проводились в 1950-х гг. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Х. Маргулана. В 2018 г. были начаты археологические раскопки. В статье приводятся результаты начального этапа исследования. Комплекс кургана с «усами» состоит из двух насыпей, расположенных по линии запад–восток, и двух каменных гряд, отходящих в восточную сторону. Раскопкам подверглись обе насыпи, а также участок северной гряды, где находится олений камень, сохранившийся в вертикальном положении. Под западной насыпью открыта потревоженная могила, в которой сохранился скелет человека. Восточная насыпь содержала фрагменты костей животного и развал керамического сосуда. Расчистка основания оленного камня показала, что он вкопан на глубину 0,8 м. Под камнями гряды были найдены мелкие фрагменты костей животных. Образцы костного материала (кости скелета человека и мелкие кости животных), проанализированные в лабораториях радиоуглеродного датирования Белфаста (Великобритания) и Оттавы (Канада), позволили получить четыре даты, на основании которых хронология сооружения комплекса определяется в пределах X–VIII вв. до н. э.

Annotation. The cemetery of Koishoky-5 includes five monuments of which two are barrows with 'moustache'. The first investigations here were conducted in the 1950s by the Central Kazakhstan Archaeological Expedition headed by A. Kh. Margulan. In 2018, archaeological excavations were started. In this paper, the results of the initial stage of the studies are presented. The complex of the barrow with 'moustache' consists of two mounds arranged along the west–east line and two stone ranges ('moustaches') deflected to the east. Both of the mounds were excavated, as well as the area of the northern range where the deer stone is found. The latter is preserved in the vertical position. Beneath the western mound, a disturbed grave was opened where the skeleton of an individual was preserved. The eastern mound contained fragments of animal bones and of a collapsed ceramic vessel. Excavation of the base of the deer stone showed that it was dug into the ground to the depth of 0.8 m. Under the stones of the range, small fragments of animal bones were found. Samples of the skeletal remains (the human skeleton and small bones of animals) analysed in laboratories of radiocarbon dating of Belfast (Great Britain) and Ottawa (Canada) yielded four dates in the range of 10th–8th century BC for the chronology of the construction of the complex.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, могильник Койшоки-5, курган с «усами», олений камень, менгир, радиоуглеродные даты.

Keywords: Central Kazakhstan, cemetery of Koishoky-5, barrow with 'moustache', deer stone, menhir, radiocarbon dates.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-166-177

Могильник Койшоки-5 (рис. 1) расположен на территории Актауского сельского округа Жана-

ркинского р-на Карагандинской обл. Он находится в 1,5 км к СЗ от зимовки Койшоки, в 10 км к СВ от зимовки Акмая. Памятник расположен в долине, окаймленной довольно высокими горными грядами, характерными для Казахского мелкосопочника. С запада долину замыкает горная цепь Акмая⁵. В отличие от этой гряды, имеющей меловую структуру, придающую каменным глыбам белесую окраску, с юга и востока долину ограничивают отроги Кызылтау («Красная гора»). У подножия утеса горы Кызылтау, неподалеку от могильника протекает

¹ 050008, Республика Казахстан, Алматы, ул. Жамбула, д. 175, кв. 61. Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Гасмола. Адрес электронной почты: azbeisenov@mail.ru.

² 050010, Республика Казахстан, Алматы, ул. Шевченко, д. 28. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел первобытной археологии. Адрес электронной почты: islam.akhiyarov@mail.ru.

³ 050010, Республика Казахстан, Алматы, ул. Шевченко, д. 28. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел первобытной археологии. Адрес электронной почты: islam.akhiyarov@mail.ru.

⁴ 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан (быв. Астана), ул. Янушкевич, д. 6. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Факультет истории, кафедра археологии и этнологии. Адрес электронной почты: daniar_db88@mail.ru.

⁵ От казах. «ак» – белый, «мая» – так казахи называют самку одногорбого верблюда, т. е. «белая верблюдница».



Рис. 1. Расположение могильника Койшокоы-5

Fig. 1. Location of the Koyshokoy-5 cemetery

р. Темир («железо», «железистая»). К востоку от памятника вблизи реки находятся выходы гранита, удобные для разработки. Возможно, в древности здесь находилась каменоломня, откуда брался материал для строительства курганов, гряд-«усов» и вытесывания менгиров.

Могильник расположен в долине Койшокоы («Бараньи сопки»), восточнее полевой дороги, пролегающей по направлению с юго-запада на север. Учитывая, что казахи крупные вертикальные камни и плиты, включая менгиры и оленные камни, в прошлом называли «койтас» («бараний камень»), возможно, что долина «Бараньих сопки» могла получить свое название из-за обилия в ней «бараньих камней».

Могильник включает пять курганов, среди которых выделяются два кургана (№ 1 и 4) с «усами». Крайний западный объект (курган с «усами» № 1) представлен двумя насыпями, расположенными по линии ЮЗ–СВ (рис. 2), и двумя каменными грядами, отходящими от восточной насыпи, т. е. от «кургана-спутника», как называл такой тип сооружений М. К. Кадырбаев (*Кадырбаев*, 1966).

Стоит отметить, что для могильника Койшокоы-5 характерно присутствие менгиров. На площади обоих комплексов с «усами» фиксируются поваленные

менгиры. В том числе одна группа менгиров находится в районе левой гряды кургана с «усами» № 1, где фиксируются следы старого раскопа. С курганом № 1 связан еще один менгир. Он лежит с западной стороны основной насыпи (см. ниже). На площади кургана с «усами» № 4 имеются три скопления менгиров, причем вокруг двух из них также фиксируются следы старых раскопок. Еще один сильно задернованный менгир лежит рядом с курганом № 2, который находится к СВ от кургана с «усами» № 1. Курган № 2 имеет каменно-земляную насыпь диаметром около 7 м при высоте – 0,4 м. В центре насыпи фиксируется воронка глубиной до 0,5 м. Менгир лежит с южной стороны, вплотную к насыпи. Его длина, судя только по видимому участку, – 1,6 м. Таким образом, на территории могильника менгиры были установлены в целом ряде мест, а не концентрировались только вокруг курганов с «усами». Этот факт может свидетельствовать, что основные объекты могильника Койшокоы-5 близки в культурно-хронологическом плане.

Надо полагать, что первых исследователей могильника Койшокоы-5, а это были члены Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), руководимой А. Х. Маргуланом, привел сюда интерес именно к менгирам. По косвенным данным известно, что работы здесь проводились в период конца 1940 – начала 1950-х гг. А. Х. Маргулан в числе менгиров и бараньих камней Центрального Казахстана отмечал «многочисленную группу» в урочище Койшокоы (*Маргулан*, 1979. С. 286–289; *Ермоленко, Курманкулов*, 2014. С. 342). Он указывал, что «в группе было не менее двух десятков» камней, из них «дошли 12, большинство их погребено в земле» (*Маргулан*, 1979. С. 287). По его наблюдениям, основная часть камней в свое время была установлена в виде цепочки, которая, начинаясь с ЮЗ («головная часть вереницы»), протянулась на СВ. Это очень ценное замечание совпадает с особенностями планиграфии всего комплекса кургана с «усами»: на ЮЗ находятся основной курган с человеческим захоронением и курган-спутник (рис. 2), с ЮЗ на СВ идет и направление «усов». Как показали новые исследования, до наших дней часть менгиров не сохранилась. По-видимому, после первой фиксации, осуществленной А. Х. Маргуланом – открывателем основных памятников Агасусского микрорайона (*Бейсенов*, 2015), – археологи

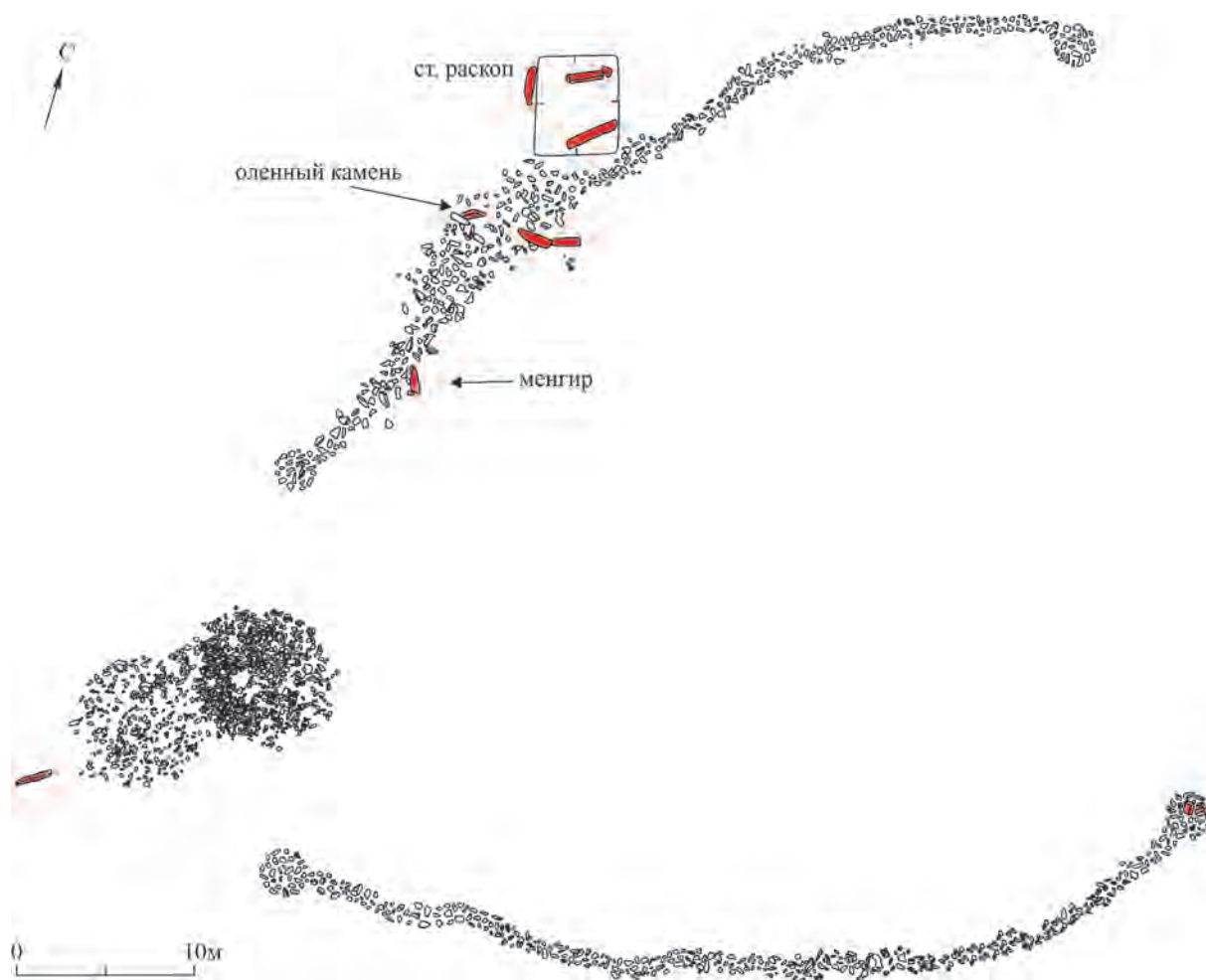


Рис. 2. Могильник Койшоки-5. Курган с «усами» № 1. План
Fig. 2. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Plan

из ЦКАЭ периодически осматривали могильник Койшоки-5, и в том числе олений камень.

Авторы настоящей статьи впервые осмотрели могильник в 2012 г. при поиске и фиксации курганов с «усами» на территории Атасуского микрорайона. Затем в ходе работ на Атасу в 2015–2017 гг., одной из целей которых являлась новая фиксация памятников данного региона (Ахияров и др., 2017), он был включен в перечень⁶ основных выявленных объектов (Ахияров, 2017). Памятник авторами был зафиксирован как Койшоки-5. Четыре другие группы получили название «Койшоки» (1–4) задолго до

⁶ В перечне памятников Атасуского микрорайона могильник Койшоки-5 ошибочно указан как «могильник Койшоки-7» (см. Ахияров, 2017. С. 165, № 31). В свою очередь, реальный могильник Койшоки-7, состоящий из оград эпохи бронзы и курганов раннего железного века, в таблице указан под № 29.

этого, в публикации сотрудников ЦКАЭ (Кадырбаев, Курманкулов, 1992).

В 2017 г. авторами настоящей статьи было начато исследование могильника Койшоки-5, в том числе было заложено два раскопа на кургане с «усами» № 1. Работы по изучению памятника еще не завершены: курган с «усами» в настоящий момент полностью не исследован. В настоящем сообщении приводятся результаты, полученные на первом этапе работ. Авторы надеются продолжить исследование памятника в ближайшем будущем.

В 2013 г. олений камень, стоящий на кургане с «усами» № 1, обследовали Ж. К. Курманкулов и Л. Н. Ермоленко, но без связи с основным сооружением, на территории которого он установлен. В их работе приведены рисунки и подробное описание стелы, определенной как «олений камень

общеевразийского типа», а также подробно рассмотрены вопросы, связанные с особенностями оформления таких стел и с их распространением (Ермоленко, Курманкулов, 2014).

Курган с «усами» № 1 (рис. 2), состоящий из двух насыпей, относится к типу № 2, по классификации А. З. Бейсенова (Бейсенов, 2017)⁷. Диаметры насыпей – 8 м, высота западной насыпи – 0,3 м, восточной – 0,5 м. Интересно, что здесь зафиксирован особый случай, так как более крупные параметры, в том числе и высота, в большинстве случаев характерны для западной насыпи. Раскопки показали, что в сооружении восточной насыпи были использованы камни из основной, западной насыпи.

«Усы»-гряды, ориентированные на СВ, сложены из не крупных обломков гранита красноватого цвета. Их средние размеры: 0,2–0,3 × 0,1–0,2 × 0,05–0,1 м. Северная гряда имеет длину 55 м и начинается в 7,4 м к ССВ от восточной насыпи. Диаметр начального сооружения – 2,5 м. Диаметр концевого сооружения – 2,6 м. Ширина самой гряды – 1,5–1,7 м. Южный «ус» имеет длину 56 м и начинается в 5,4 м к юго-востоку от восточной насыпи. Диаметр начального сооружения – 2,85 м, концевого сооружения – 2,8 м. Ширина гряды с развалами составляет в среднем 1,7–1,9 м, за исключением некоторых участков, где полоса камней расширяется до 2,2 м.

Параметры и особенности гряд-«усов», а также их начальные и концевые сооружения в целом типичны, за исключением присутствия менгиров и невысоких «балбалов», изготовленных из плит или брусков прямоугольного сечения. Гряды фиксируются на высоту до 0,2 м, курганообразные сооружения, которыми завершается каждая гряда с обеих сторон, – округлой в плане формы, высотой до 0,4 м.

На северной гряде до раскопок фиксировались шесть поваленных менгиров, причем три из них находились в районе старого раскопа ЦКАЭ (рис. 2). На южной гряде они были заметны в двух местах.

Два менгира высотой около 0,5–0,6 м зафиксированы на концевом сооружении, еще один менгир,

высотой чуть ниже первых, расположен в центральном секторе. Все три камня находятся в вертикальном положении. Важной особенностью гряд данного комплекса являются невысокие балбалы. Они зафиксированы на северной гряде, где их замечено свыше 20, при этом основная часть стоит на ЮЗ – начальном участке. На южной гряде такой балбал заметен только в одном месте – в середине линии – возле одиночного менгира. Полную картину расположения таких столбов-балбалов покажет, конечно, исследование обеих гряд на всей протяженности.

Западный курган дошел до наших дней в полуразрушенном состоянии. В центре насыпи – воронка, размерами 2 × 1,7 м, вытянутая с ЮВ на СЗ. В северо-западной части насыпи камни практически разобраны. Исходя из характера зафиксированных разрушений, можно заключить, что грабители пробрались внутрь могилы с северо-западной стороны. Кроме того, можно предположить, что верхний слой камней западной насыпи разобран и, скорее всего, использован для сооружения или досыпки восточной насыпи, чем и объясняется нехарактерная разница в их высоте. По-видимому, восточная насыпь строилась спустя какое-то время после возведения западной. Вероятно, этот промежуток времени был не очень большим, так как еще не успел образоваться плотный дерновый слой на западной насыпи. Надо полагать, что ограбление захоронения под западной насыпью имело место уже после того, как верхний слой камней был снят. В другом случае разборка камней верхнего слоя привела бы к нивелированию поверхности, на которой воронка грабительская фиксировалась бы уже не так ясно.

В 1,8 м к западу от края насыпи был обнаружен лежащий в дерновом слое менгир. В 2 м к юго-западу была зафиксирована небольшая группа камней, которая могла оказаться каким-либо сооружением, имеющим отношение к комплексу. Оба объекта были исследованы. Раскопки менгира позволили уточнить его габариты: длина – 2,1 м, ширина – 0,3 м и толщина – 0,18 м. Менгир лежал плашмя (рис. 3). Ни возле менгира, ни в районе скопления камней находок или каких-либо пятен на материке обнаружено не было.

Обе насыпи были раскопаны: вокруг них был разбит раскоп № 1. После снятия дернового слоя

⁷ Этот тип объединяет комплексы, где ритуальная насыпь с «усами» построена с восточной стороны погребального сооружения. Классификация А. З. Бейсенова построена на материалах комплексов Центрального Казахстана, что специально оговорено в указанной публикации. (Примеч. А. З. Бейсенова.)



Рис. 3. Могильник Койшоки-5. Курган с «усами» № 1. Вид на раскоп I. 1 – развал сосуда; 2 – кости животного; 3 – менгир
Fig. 3. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. View of excavation I. 1 – fragments of a collapsed vessel; 2 – animal bones; 3 – menhir

по краям западного кургана обнажились камни (плиты) крепиды. На юго-западной стороне ряд камней отсутствовал, что создавало искусственную брешь в крепиде, шириной 0,5 м. Аналогичная брешь обнаружена на северо-восточной стороне, где ее ширина достигла 1,5 м. В центре насыпи была обнаружена каменная рамочная выкладка из крупных плит, ограничивающая по периметру могильную яму. Длина выкладки – 4,8 м, ширина – 3,2 м. Она ориентирована по широтной линии (ЮЮВ–ЗСЗ), с небольшим отклонением. Центр выкладки был беспорядочно заполнен колотым камнем, что еще раз подтвердило предположение о разграблении кургана.

Исследование могильной ямы началось с разбора мелких камней в центре выкладки. В ходе разборки заполнения могильной ямы крупных камней встречено не было; ее размеры: длина со-

ставляла 2,25 м, ширина – 1 м, глубина – 0,6 м. На дне могильной ямы обнаружен скелет человека (рис. 4), уложенного вытянуто на спине и ориентированного головой на ЗСЗ. Состояние скелета неудовлетворительное: череп разбит, ребра с левой стороны полностью перемещены, фаланги конечностей рук и ног частично отсутствуют, все кости имеют плохую сохранность. В изголовье погребенного найден плоский каменный жертвенник овальной формы, размерами: длина – 17 см, ширина – 10 см, толщина по краям – 4,5 см (рис. 5, 1).

Под восточной насыпью какие-либо конструкции или могильная яма отсутствовали. На уровне погребенной почвы в центральной части подкурганной площадки обнаружены фрагменты костей лошади плохой сохранности. На расстоянии 1,6 м к СВ от центра был обнаружен развал плоскодонного сосуда, имевшего высоту около 30 см (рис. 5, 2).



Рис. 4. Могильник Койшоки-5. Курган с «усами» № 1. Погребение под западной насыпью. 1 – каменный жертвенник
Fig. 4. Cemetery of Koishoky-5. Barrow no. 1 with ‘moustache’. Burial beneath the western mound. 1 – stone altar

Других находок под насыпью «кургана-спутника» не обнаружено. Примечательно то, что сосуд был помещен под насыпь в перевернутом виде. Такая обрядовая традиция до сих пор не фиксировалась при исследовании курганов с «усами» Центрального Казахстана.

Раскоп № 2 площадью свыше 110 кв. м был заложен на начальном отрезке северного «уса», охватив участок с оленним камнем и менгирами. Здесь был снят дерновый слой и произведена расчистка камней (рис. 6), после чего была осуществлена разборка камней развала «уса» (рис. 7), имевшего на этом участке значительную ширину – до 4–5 м. Затем была проведена зачистка площади на уровне материка. На заключительном этапе работ были заложены три локальных раскопа в основании оленнего камня и двух менгиров, № 2 и № 3.

Параметры и описание оленнего камня приведены в публикации Л. Н. Ермоленко и Ж. К. Курманкулова (*Ермоленко, Курманкулов, 2014*). Гранитная стела со скошенным верхом обращена узкой гранью, где имеются четыре косые линии, на восток и наклонена в ту же сторону. Размеры камня: 170–

160 (видимая часть) × 35–40 × 15–20 см. Под косыми линиями на лицевой стороне имеется горизонтальный желобок, на боковых сторонах изображено по одному кольцу (Там же. С. 341–342).

Раскопки показали, что камень (рис. 6–8) установлен с тыльной стороны «уса», вплотную к нему. Его основание было укреплено каменной насыпью округлой или прямоугольной формы, на месте которой к моменту раскопок образовался развал подквадратной формы со сторонами длиной около 2 м, который отчетливо выделялся вдоль линии «уса». У основания оленнего камня был заложен раскоп размерами 1 × 1 м, установивший, что оленний камень был вкопан в землю без использования камней для забутовки. Глубина ямы для установки камня – 0,8 м от древней дневной поверхности. Таким образом, общая длина оленнего камня составила 2,5 м. Индивидуальных находок или костей животных не обнаружено.

На северном «усе», на площади раскопа и за его пределами, зафиксированы всего шесть крупных менгиров: три из них попали в пределы раскопа

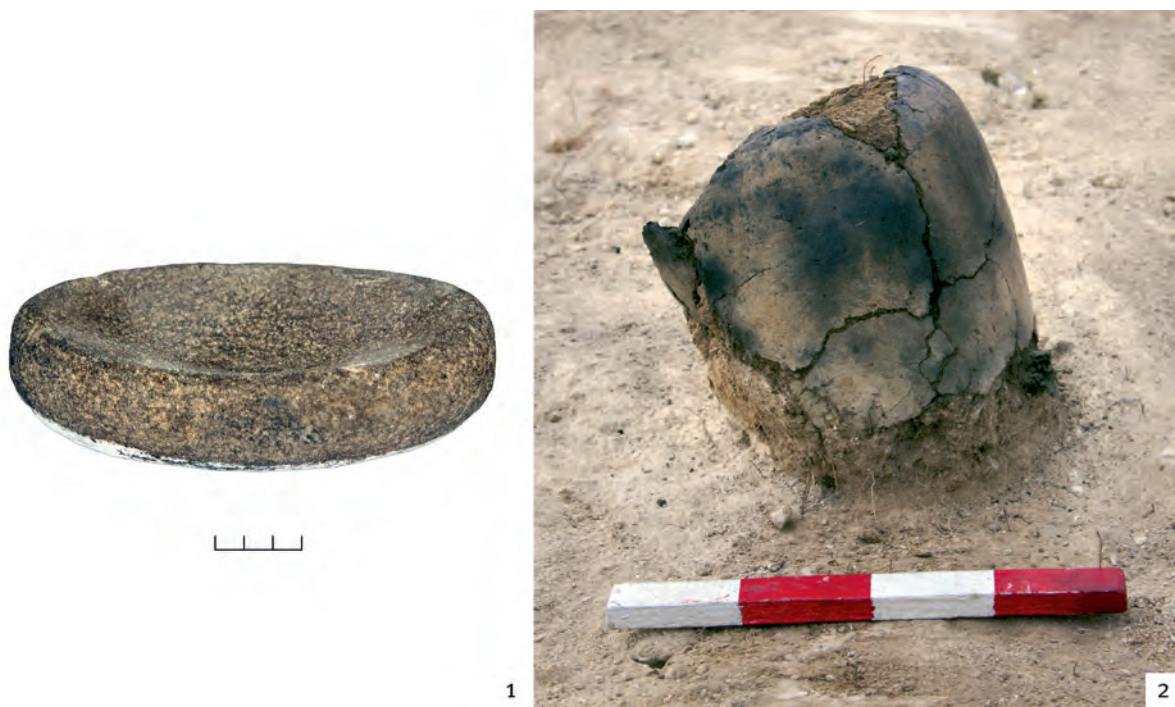


Рис. 5. Могильник Койшоки-5. Курган с «усами» № 1. 1 – каменный жертвенник из погребения под западной насыпью; 2 – керамический сосуд под восточной насыпью

Fig. 5. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. 1 – stone altar from the grave under the western mound; 2 – ceramic vessel under the eastern mound

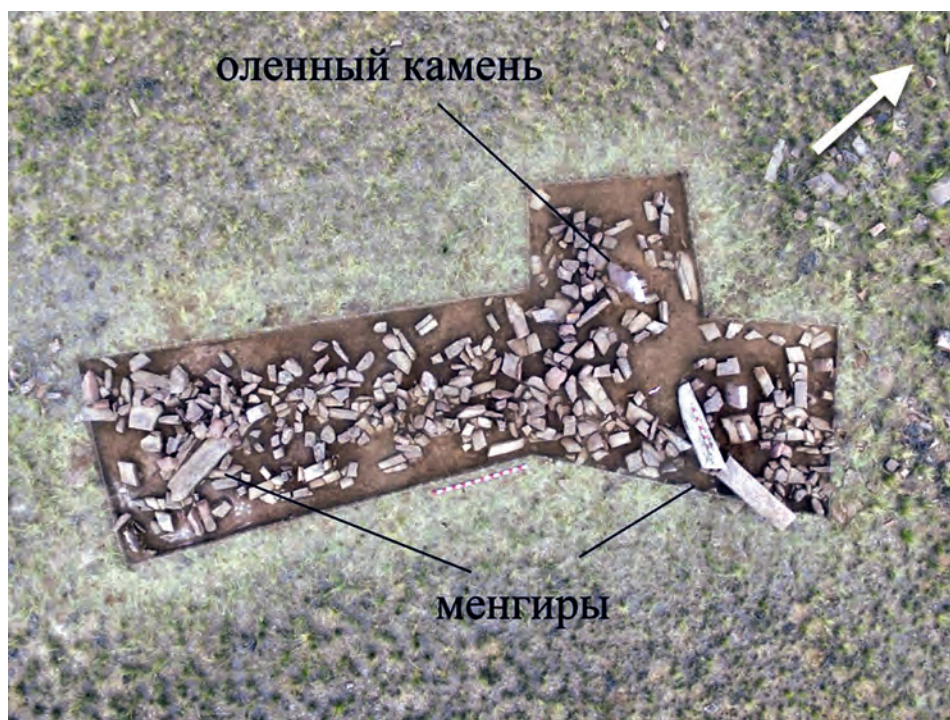


Рис. 6. Могильник Койшоки-5. Курган с «усами» № 1. Раскоп II. Вид участка каменной гряды («уса») после расчистки

Fig. 6. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Excavation II. View of the area of the stone range ('moustache') after excavation

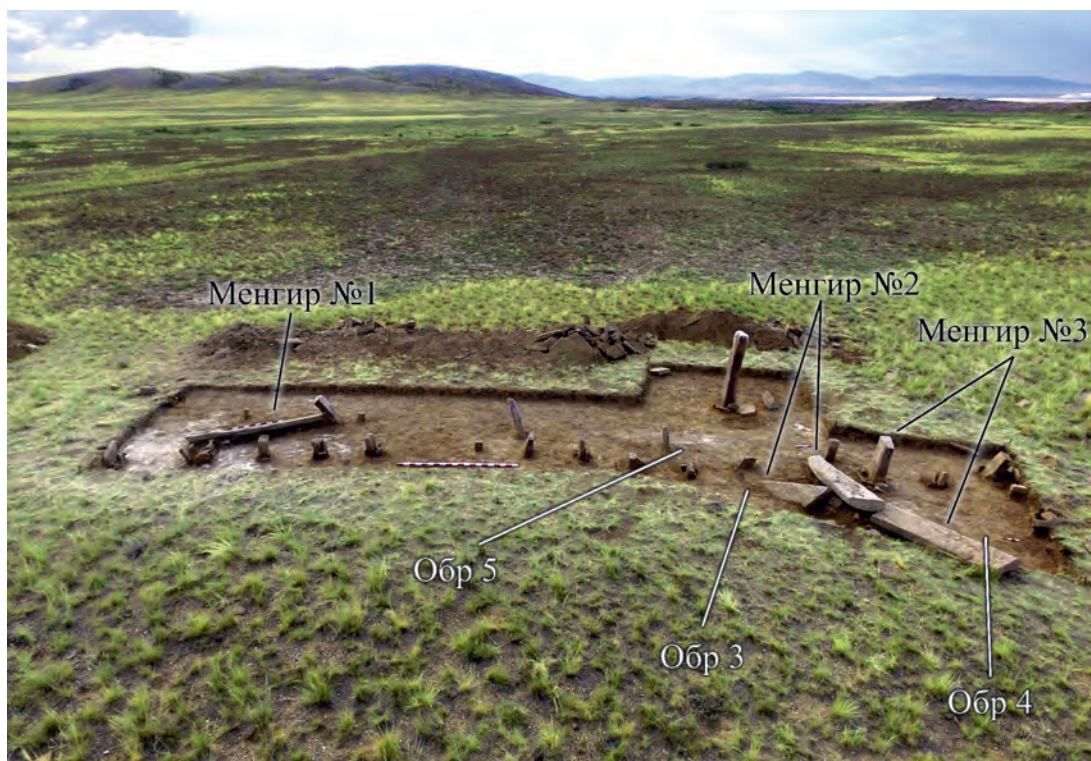


Рис. 7. Могильник Койшоқы-5. Курган с «усами» № 1. Раскоп II. Вид после снятия камней и зачистки на уровне материка

Fig. 7. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Excavation II. View after the removing of the stones and excavating down to the virgin soil level



Рис. 8. Могильник Койшоқы-5. Курган с «усами» № 1. Раскоп II. 1–3 – олений камень

Fig. 8. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Excavation II. 1–3 – deer stone

(№ 1–3), остальные (№ 4–6) относятся к старому раскопу, заложенному сотрудниками ЦКАЭ.

Менгир № 1. Расположен в юго-западной оконечности гряды (рис. 6; 7), на расстоянии 7,7 м к ЮЮЗ от оленного камня. До раскопок фиксировался довольно большой участок его длины, не менее 1,5 м. В ходе раскопок полностью открылись его края. Длина менгира составила 2,42 м, ширина – 0,3–0,37 м, толщина – 0,12 м. Плита лежит по линии ЮЮВ–ССЗ.

Менгир № 2. Расположен в 2,7 м к востоку от оленного камня. К моменту раскопок плита была разбита и основная ее часть, длиной 1,9 м, лежала на камнях гряды. Рядом с ней находилось ее основание (рис. 7), расположенное наклонно и одним концом уходящее в землю. Здесь был заложен раскоп размерами 1,1 × 1 м, который позволил выяснить параметры нижней части менгира. Общая длина его оказалась 1,85 м. Менгир вкопан на глубину 0,5 м. С западной стороны, практически вплотную к нему, вкопан (рис. 9, 1) один из невысоких балбалов, назначение которых неясно. Еще один невысокий балбал вкопан, также вплотную, у основания менгира № 1. Возможно, часть таких столбов-балбалов играла роль дополнительной подпорки в основании крупных менгиров, однако однозначно утверждать это пока невозможно. Общая длина менгира составила 3,75 м, ширина – 0,36–0,4 м, толщина – 0,12–0,14 м. В пределах раскопа, на глубине 0,2 м от уровня древней дневной поверхности обнаружен бараний астрагал (рис. 9).

Менгир № 3. Расположен в 1,7 м к ССВ от менгира № 2. Камень также разбит. Его основание выступает из земли на высоту 0,72 м, сохраняя вертикальное положение (рис. 7). Крупный обломок (длиной 1,8 м) упал на восток и находится на расстоянии 1 м. Здесь был заложен раскоп размерами 1,1 × 1 м, который показал, что менгир установлен на глубину 0,7 м, причем при его установке были использованы камни для забутовки (рис. 10). Длина углубленного в землю основания – 1,6 м. Таким образом, общая длина менгира – 3,4 м, ширина – 0,45 м, толщина – 0,15 м.

За пределами современного раскопа находятся еще три поваленных менгира (рис. 2), изученных сотрудниками ЦКАЭ в середине прошлого столетия.

Менгир № 4. Расположен в 4,5 м к ССВ от менгира № 3. Стела лежит на западном краю старо-

го раскопа, по направлению юг–север. Длина – 2,2 м, ширина – 0,45 м, толщина – 0,1 м.

Менгир № 5. Длина – 3,13 м, ширина – 0,4 м, толщина – 0,2 м. Стела лежит к ЮВ от предыдущей плиты, по направлению ЮЗ–СВ.

Менгир № 6. Расположен в 1,5 м к востоку от менгира № 4. Длина – 2,1 м, ширина – 0,35 м, толщина – 0,2 м. Стела лежит по направлению ЮЗ–СВ.

Помимо менгиров, в раскоп № 2 попали 17 невысоких балбалов, установленных в два параллельных ряда (рис. 7; 10, за основанием менгира). Камни над уровнем материка выступают на высоту 0,25–0,6 м. Раскопки их оснований не производились.

На площади раскопа № 2 в двух местах были найдены мелкие фрагменты кости животного, возможно особи мелкого рогатого скота. Один бараний астрагал найден у основания менгира № 2, в заполнении ямы, в которой была установлена стела. Во всех трех случаях из костных остатков были взяты образцы для радиоуглеродного анализа. Образцы № 4 и № 5 взяты из фрагментов костей, найденных под камнями «уса», на уровне древней дневной поверхности (рис. 7). Образец № 3 был взят из бараньего астрагала (рис. 7; 9). Еще два образца (№ 1 и № 2) для радиоуглеродного анализа взяты из раскопа № 1: по одному – из кости человека в погребении под основным курганом и из фрагмента кости лошади из «кургана-спутника» (рис. 3). Из пяти образцов (№ 1–5) четыре были проанализированы в Великобритании (образцы № 1–4), один (образец № 5) – в Канаде (табл. 1)⁸.

Согласно данным радиоуглеродных анализов, дата исследованного памятника предварительно может быть определена в пределах X–VIII вв. до н. э. Дальнейшие исследования могильника Койшо-кы-5, безусловно, увеличат объем научной информации по изучению койтасов и оленных камней Казахстана. Современные исследователи, анализирующие распространение, хронологию и символику подобных стел, отмечают актуальность изучения всего комплекса сооружений, в состав которых входят и стелы (Савинов, 1989; Пересветов, 2010; Ярыгин, 2011; Ермоленко, 2014; 2018; Ермоленко, Касенова, 2014; Касенова, 2019).

⁸ Один образец (№ 2) оказался непригодным для проведения анализа (он происходит из восточной насыпи комплекса и взят из фрагмента кости лошади).



Рис. 9. Могильник Койшоқы-5. Курган с «усами» № 1. Раскоп II. 1 – вид на основание менгира № 2; 2 – бараний астрагал у основания менгира № 2

Fig. 9. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Excavation II. 1 – view at the base of menhir no. 2; 2 – sheep's astragalus near the base of menhir no. 2

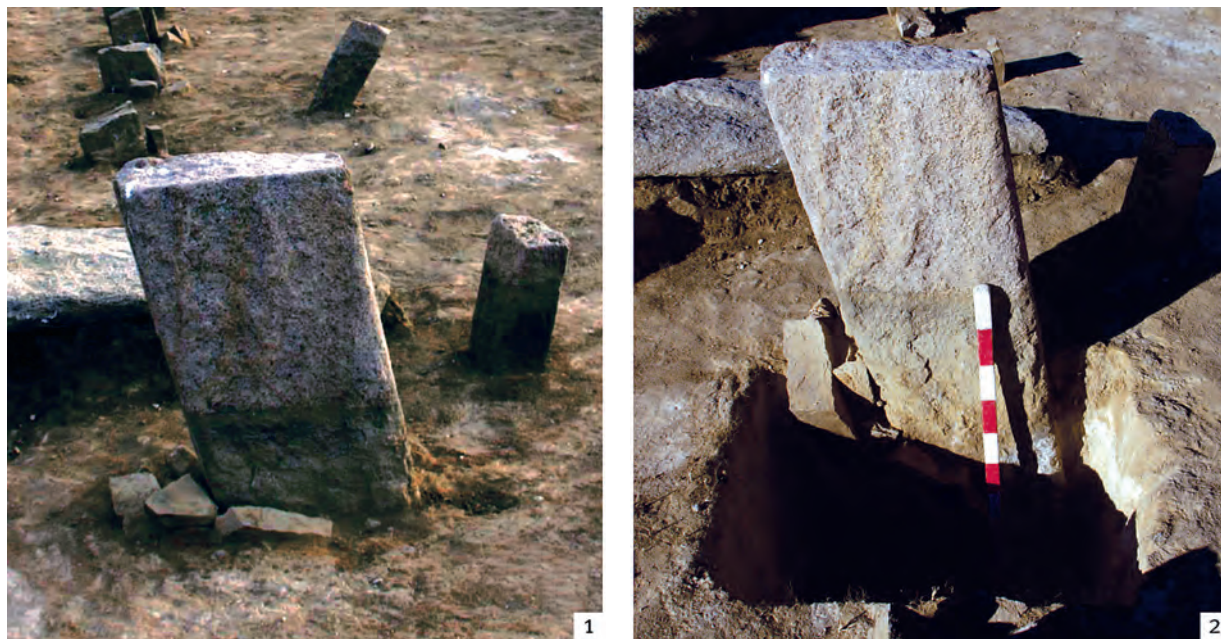


Рис. 10. Могильник Койшоқы-5. Курган с «усами» № 1. Раскоп II. 1, 2 – менгир № 3

Fig. 10. Cemetery of Koyshoky-5. Barrow no. 1 with 'moustache'. Excavation II. 1, 2 – menhir no 3

Таблица 1. AMS ^{14}C даты, полученные для образцов костного материала из кургана с «усами» № 1 могильника Койшоки-5 в лабораториях Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания (UBA) и Университета Оттавы, Оттава, Канада (JKaz)

Table 1. AMS ^{14}C dates for samples of skeletal remains from barrow with 'moustache' no. 1 at the cemetery of Koyshoky-5 defined in laboratories of the Royal University of Belfast, Northern Ireland, Great Britain (UBA), and University of Ottawa, Canada (JKaz)

№ п/п	Лабораторный номер	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата, лет кלב до н. э. (1 σ, 68,3)	Калиброванная дата, лет кלב до н. э. (2 σ, 95,4)
1	UBA-39749	Образец № 1: основной курган, погребение человека	2721 ± 32	896–833 (1,000)	921–810 (1,000)
2	UBA-39750	Образец № 2: «курган-спутник», кость лошади	Не удалось	–	–
3	UBA-39751	Образец № 3: северный «ус», в заполнении ямы для установки стелы, рядом с ее основанием	2477 ± 34	754–703 (0,267) 696–680 (0,83) 670–608 (0,344) 595–540 (0,307)	772–476 (0,973) 464–453 (0,011) 445–431 (0,016)
4	UBA-39752	Образец № 4: северный «ус», под камнями, на уровне древней дневной поверхности	2780 ± 31	992–989 (0,027) 980–895 (0,973)	1003–843 (1,000)
5	JKaz-74	Образец № 5: северный «ус», под камнями, на уровне древней дневной поверхности	2631 ± 29	–	837–781

Ахияров, 2017 – Ахияров И. К. Перечень памятников Атасуского микрорайона (Приложение IV) // Археологические исследования в Северной Бетпакале: кол. монография / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 163–170.

Ахияров и др., 2017 – Ахияров И. К., Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б. Новые данные о выявленных памятниках Атасуского микрорайона в Северной Бетпакале (Глава III) // Археологические исследования в Северной Бетпакале: кол. монография / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 129–162.

Бейсенов, 2015 – Бейсенов А. З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай). Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 20–23 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Ф. И. Куликов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2015. С. 40–47.

Бейсенов, 2017 – Бейсенов А. З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. статей, посв. 70-лет. ЦКАЭ / Отв. ред. А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31–37.

Ермоленко, 2014 – Ермоленко Л. Н. К проблеме оленных камней с антропоморфными изображениями // Труды IV (XX) ВАС / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 31–33.

Ермоленко, 2018 – Ермоленко Л. Н. Каменные изваяния раннего железного века в западной части азиатских степей // Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха): кол. монография / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Изд-во КР ИПКиПРО, 2018. С. 99–125.

- Ермоленко, Касенова*, 2014 – *Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д.* Вклад А. Х. Маргулана в изучение древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // *Вестник КемГУ. История*. 2014. № 3. С. 20–23.
- Ермоленко, Курманкулов*, 2014 – *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Олений камень из урочища Койшоки // *Диалог культур Евразии в археологии Казахстана*. Сб. науч. статей, посвящ. 90-летию со дня рожд. выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 341–348.
- Кадырбаев*, 1966 – *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
- Касенова*, 2019 – *Касенова А. Д.* История изучения древних и средневековых каменных изваяний Сарыарки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: б/м, 2019. 32 с.
- Маргулан*, 1979 – *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Пересветов*, 2010 – *Пересветов Г. Ю.* Исследования на культово-погребальном комплексе Торайгыр VI // *Древности Сибири и Центральной Азии*. 2010. № 3(15). С. 144–151.
- Савинов*, 1989 – *Савинов Д. Г.* Об одной группе оленных камней // *Маргулановские чтения*. Сб. материалов конф. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1989. С. 150–155.
- Ярыгин*, 2011 – *Ярыгин С. А.* «Койгасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2011. Т. I. С. 408–416.

Deer stone on the barrow with ‘moustache’ in the Koishoky valley in Central Kazakhstan

A. Z. Beysenov, I. K. Akhiyarov, N. Sh. Dzhumanazarov, D. B. Duysenbay

The cemetery of Koishoky-5 includes five monuments of which two are barrows with ‘moustache’. A deer stone of the common Eurasian type is part of the architectural ensemble of barrow with ‘moustache’ no. 1. The first investigations here were conducted in the 1950s by the Central Kazakhstan Archaeological Expedition headed by A. Kh. Margulan. The burial ground was examined by the present authors in 2012 in the course of new surveys of barrows with ‘moustaches’ in the valley of the Atasu River. In 2013, the deer stone was specially examined by L. N. Yermolenko and Zh. K. Kurmankulov who described in detail and attributed it in no relation with the entire installation. In 2018, archaeological excavations were started. The investigation of the site still has not been completed. In this paper, the results of the initial stage of the studies are presented. The complex of the barrow with ‘moustache’ consists of two mounds arranged along the west–east line (type 2, after A. Z. Beysenov) and two stone ranges (‘moustaches’) deflected to the east. Once, on these ranges, large menhirs stood and some

have survived until now but in a horizontal position (after collapsing and displacement). Both of the mounds were excavated, as well as the area of the northern range where the deer stone is found. The latter is preserved in the vertical position. Beneath the western mound, a disturbed grave was opened where the skeleton of an individual laid head to the west was preserved. Near the skull, a stone altar was found. The eastern mound contained fragments of animal bones and of a collapsed ceramic vessel. At the area of the northern range, relatively small slabs, 0.30–0.45 m high, vertically dug into the ground and three lying menhirs were revealed. Excavation of the base of the deer stone showed that it was dug into the ground to the depth of 0.8 m. Under the stones of the range, small fragments of animal bones were found. Samples of the skeletal remains (the human skeleton and small bones of animals) analysed in laboratories of radiocarbon dating of Belfast (Great Britain) and Ottawa (Canada) yielded four dates in the range of 10th–8th century BC for the chronology of the construction of the complex.

СЕМАНТИКА НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СТИЛИЗОВАННЫХ ОЛЕНЕЙ И СЦЕН С ХТОНИЧЕСКИМИ ХИЩНИКАМИ В КИТАЕ¹

А. В. Варенов²

Аннотация. На территории КНР петроглифы «в стиле оленных камней» (стилизованные олени) открыты в горах Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в горах Иньшань и степи Уланьчаб на юге Внутренней Монголии и в лежащих южнее горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе. По мнению Д. Г. Савинова, в их основе лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума. Однако большинство сцен охоты лучников и / или собак на стилизованных оленей нельзя уверенно датировать временем оленных камней. Автор считает, что сцены терзания отражают посмертные испытания человеческой души в преисподней. По его мнению, каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворял Вселенную и в то же время Первопредка древнего коллектива (племени?), а фигуры оленей соответствовали входившим в него социальным группам, имевшим дуально-эксгамную родовую организацию.

Annotation. On the territory of the PRC, 'stag stone style' petroglyphs (or 'stylized' deer) were discovered in Altay Mountains in the Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Yinshan Mountains and Wulanchabu Grassland in the southern part of the Inner Mongolia Autonomous region and further south in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui Autonomous region. D. G. Savinov supposed that they are based on the idea of sacrificial deer, whose death enables the renewal and reproduction of nature and society. However, most of the scenes with archers and/or dogs hunting 'stylized' deer don't belong to 'stag stone' period. The author argues that all these scenes depict trials of a human soul in the underworld. He believes that the stag stone represents the Universe and the divine ancestor of a tribe at the same time, whereby the images of deer on its surface reflect the social organization of the ancient society with a dual-exogamic clan structure.

Ключевые слова: Китай, петроглифы «в стиле оленных камней», охота на стилизованных оленей, проблема датировки сцен охоты, сцены терзания, семантика.

Keywords: China, 'stag stone style' petroglyphs, hunting stylized deer, problem of dating hunting scenes, scenes with predators, semantics.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-178-187

Первым серьезное внимание на изучение наскальных изображений «в стиле оленных камней» обратил Д. Г. Савинов. Он имел в виду «своеобразный и яркий изобразительный канон, представленный на оленных камнях монголо-забайкальского типа, для которого характерны изображения оленей с плавно очерченным туловищем и треугольным выступом на спине; клювообразной мордой с листовидным ухом и большим округлым глазом <...>; ветвистыми, вытянутыми вдоль всей спины рогами»

(Савинов, 1990. С. 174). Такие изображения были ему известны в Монголии, Забайкалье, Туве, Горном Алтае и в Казахстане (Там же. С. 174–175).

На территории КНР петроглифы «в стиле оленных камней» (далее также «стилизованные олени») открыты в трех административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), лежащем к западу от Монголии; 2) в южной части Автономного района Внутренняя Монголия, лежащем к югу от нее; 3) в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся еще дальше на юг. В Синьцзяне петроглифы «в стиле оленных камней» встречаются в китайской части Монгольского Алтая, во Внутренней Монголии – в горах Иньшань и степи Уланьчаб к северу от них, а в Нинся – в горах Хэланьшань.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи древности и средневековья)».

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, кафедра востоковедения. Адрес электронной почты: avvarenov@mail.ru.

К настоящему времени в Синьцзяне обнаружено порядка 50–60 оленных камней, из них 10–12 – в монголо-забайкальском стиле, а остальные – в «общеевразийском» стиле, т. е. без изображений оленей. Камней саяно-алтайского стиля в Китае нет. Во Внутренней Монголии и в горах Хэланьшань нет вообще никаких оленных камней: ни общеевразийских, ни монголо-забайкальских, ни саяно-алтайских. В Синьцзяне известно не менее 15 пунктов с наскальными изображениями стилизованных оленей, в Нинся – не менее восьми, и во Внутренней Монголии – около шести-семи, в зависимости от степени их стилизации (Варенов, 2018б. С. 12–22). В целом, с монгольскими и горно-алтайскими изображениями стилизованных оленей больше всего схожи рисунки из Синьцзяна и Внутренней Монголии, территориально наиболее близкие к ним.

Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить, так же как и для стилизованных оленей из иных регионов, более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур, наличие изображений не только самцов, но и самок. Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и для каменных изваяний. В их основе, по мнению Д. Г. Савинова, лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума (Савинов, 1994. С. 139–142). Вслед за ним Д. В. Черемисин еще 20 лет назад писал, что «с идеей жертвенного оленя в стиле оленных камней связаны гигантские (до двух метров) фигуры» из ряда пунктов Горного Алтая (Черемисин, 1998. С. 614). Позже он отмечал, что «наиболее часто повторяющийся сюжет с участием стилизованных оленей в петроглифических композициях – это включение их в качестве преследуемых или атакуемых хищниками животных или как добычи охотника (возможно, жертвы)» (Черемисин, 2012. С. 312).

На территории КНР из 30 известных на данный момент пунктов с изображениями стилизованных оленей есть только два со сценами охоты на них лучников, но без участия собак. Это Толиньгоу из уезда Дэнкоу (рис. 1, 1) и Цзигунхайлэсытай из хошуна Улатэчжунци (рис. 1, 2); обе композиции рас-

положены во Внутренней Монголии. Однако наскальные сцены охоты на стилизованных оленей могут быть и результатом добавления в более позднее время фигурок лучников и / или собак к уже существовавшим ранее композициям. Аргумент Э. А. Новгородовой, что «воин (охотник) всегда пеший (что важно для определения даты рисунка), вооружен луком и стрелами» не кажется убедительным (Новгородова, 1984. С. 98–100). Д. В. Черемисин приводит пример, когда «на памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая зафиксировано включение стилизованного «клювовидного» оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод» (Черемисин, 2012. С. 312). Впрочем, вопрос, одновременно ли со стилизованным оленем появился на скальной плоскости этот лучник и сразу ли он «взял под уздцы» лошадку, также изображенную «в стиле оленных камней», остается без ответа (рис. 1, 4). Кроме того, манеры изображения фигурок охотников на стилизованных оленей заметно различаются между собой даже в рамках одной композиции (см. рис. 1, 1).

Идеальным способом определить, какие именно из наскальных изображений охотников на стилизованных оленей синхронны своим объектам охоты и синхронны ли они вообще, стало бы открытие среди гравировок на поверхности оленных камней монголо-забайкальского стиля небольших антропоморфных фигурок с луками в руках. Но на стелах, за единственным исключением (Волков, 2002. С. 166), никаких антропоморфных изображений нет, если, конечно, не считать самих оленных камней. Однако путь сравнения наскальных сцен охоты на стилизованных оленей с рисунками на оленных камнях нельзя признать полностью тупиковым. Сами по себе фигурки лучников мы датировать не можем, но зато можем датировать их оружие. Нам уже приходилось указывать, что правильный способ получения даты наскального изображения методом аналогий – сравнение одного рисунка с другим, «а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще» (Варенов, 2018а. С. 35). Поэтому для датировки фигурок охотников на стилизованных оленей (вернее, их оружия) так важны рисунки луков, которые встречаются на оленных камнях монголо-забайкальского стиля. Имеются в виду не луки, спря-

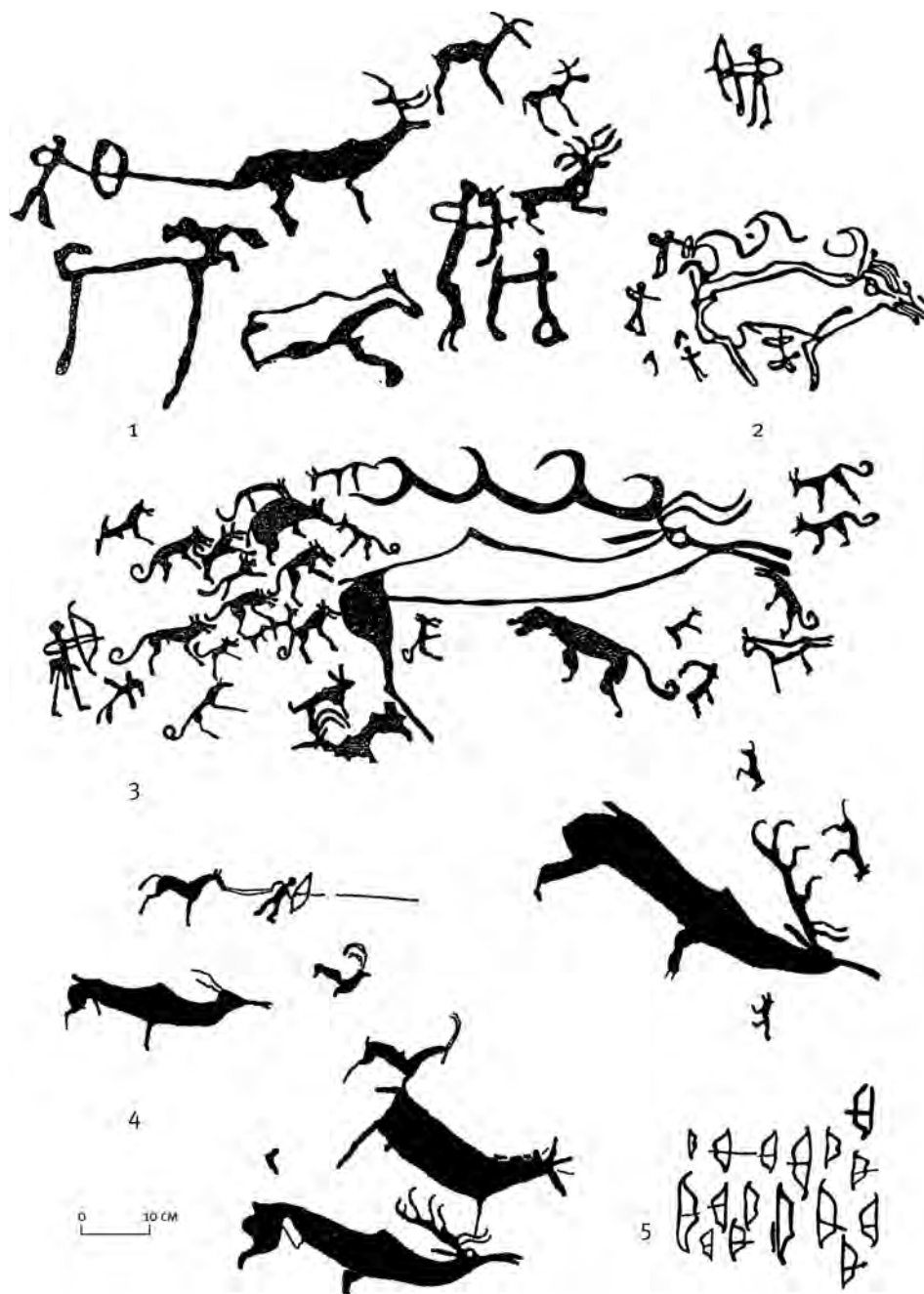


Рис. 1. Сцены охоты на стилизованных оленей в наскальном искусстве и изображения луков на оленных камнях монголо-забайкальского стиля. 1 – из Толиньгоу (уезд Дэнкоу, Внутренняя Монголия); 2 – из Цзигунхайлэсытай (хошун Улагэчжунци, Внутренняя Монголия); 3 – с р. Чулуут (Монголия); 4 – из Кара-Оюка (Горный Алтай, Россия); 5 – изображения луков с наложенной на тетиву стрелой на оленных камнях. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1, 2 – Гай Шаньлинь, 1986. С. 24, 268; 3 – Новгородова, 1984. С. 100; 4 – Черемисин, 2012. С. 312; 5 – Новгородова, 1989. С. 194)

Fig. 1. Scenes of hunting stylized deer in the rock art and pictures of bows on Mongolian-Transbaikal style stag-stones. 1 – from Tuolingou (Dengkou county, Inner Mongolia); 2 – from Jigonghailsitai (Ulatezhongqi banner, Inner Mongolia); 3 – from Chuluut river (Mongolia); 4 – from Kara-Ouk (Russia); 5 – pictures of bows on Mongolian-Transbaikal style stag-stones. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1, 2 – Гай Шаньлинь, 1986. С. 24, 268; 3 – Новгородова, 1984. С. 100; 4 – Черемисин, 2012. С. 312; 5 – Новгородова, 1989. С. 194)

таные в налучья, а небольшие изображения луков с наложенной на тетиву стрелой. Таких рисунков известна целая серия, причем луки на них все однотипные – сигмовидной формы, с загибающимися вперед на концах кибити рогами (рис. 1, 5).

Увы, таких луков у охотников на оленей из Внутренней Монголии нет, что не значит, что их вообще не существовало. У стрелка на приводимой Э. А. Новгородовой наскальной сцене охоты с реки Чулуут (Монголия) лук именно сигмовидный, как и на оленных камнях (рис. 1, 3). Такие особенности иконографии чулуутского лучника, как «профильное» изображение направленных в одну сторону ступней широко расставленных ног, дополнительное снаряжение на поясе (колчан? налучье?) и, возможно, отчетливо выраженный признак мужского пола (?), следует рассматривать в качестве вероятных хронологических маркеров «эпохи оленных камней монголо-забайкальского стиля» для других фигурок воинов и охотников. Это означает, что для всех не похожих на лучника с р. Чулуут охотников на стилизованных оленей верхняя граница даты последних окажется *terminus post quem*.

Кроме лучника, в сцене охоты с р. Чулуут участвуют многочисленные собаки с закрученными на конце длинными хвостами. Только вот стилизованного ли оленя они преследуют? Помимо очень крупной (поистине «космического» масштаба) фигуры оленя, в композиции присутствует и сопоставимое с собаками по длине, но более широкое (толстое) животное с коротким хвостом, изображенное чуть выше и левее крупа оленя, на уровне кончика его рогов. Возможно, это кабан. Именно его и окружают собаки, бегущие выше крупа оленя не вслед или параллельно, а навстречу «кабану», и даже те, что изображены под брюхом оленя или близ его морды. Да и лучник нацелил свою наложенную на тетиву стрелу (если продолжить ее траекторию по линейке) выше фигуры оленя, куда-то в район его рогов. Так что не исключено, что сцена охоты на кабана на р. Чулуут появилась все же не одновременно с крупной фигурой стилизованного оленя, а несколько позже нее.

На самих оленных камнях, как и в наскальных композициях, стилизованных оленей никто из хищников не терзает и не разрывает на части. В сценах терзания там фигурируют иные персона-

жи. В ущелье Сууйкоу (уезд Хэлань) стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 2, 2), где два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 2, 1). Композиционно близкая сцена терзания обнаружена в верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра в Хубсугульском аймаке МНР (рис. 2, 3). В. В. Волков и Э. А. Новгородова описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня», возможно из-за пятен, покрывающих шкуры животных (Волков, Новгородова, 1975. С. 81). На оленном камне № 4 из этого же местонахождения изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь.

В совместной статье В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой об Ушкийн-Увэре рисунка камня № 4 нет. В монографии В. В. Волкова об оленных камнях изображения хищников слишком мелкие, чтобы разглядеть какие-то детали (рис. 3, 1). Прорисовки Э. А. Новгородовой 1980 (рис. 3, 2) и 1984 гг. (рис. 3, 3) заметно отличаются как друг от друга, так и от варианта В. В. Волкова. Внести некоторую ясность может фотография камня № 4, сделанная автором непосредственно в Ушкийн-Увэре в 2013 г. (рис. 4). Первые исследователи камня № 4 назвали бегущих за конем зверей «пятнистыми хищниками, скорее всего барсами». Они писали: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» (Волков, Новгородова, 1975. С. 82). В. В. Волков и Э. А. Новгородова воспроизвели фразы о «барсах» и «кошачьих хищниках» и гораздо позже – в своих индивидуальных монографиях (Новгородова, 1989. С. 206; Волков, 2002. С. 79, 83). Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. В исторически известное время, начиная с конца плейстоцена, ареалы распространения львов и гепардов никогда не включали Монголию.

По мнению Д. Г. Савинова, анализировавшего рисунки хищников на оленных камнях, «особого внимания заслуживают изображения фантастических животных, сочетающих признаки различных хищных зверей, в первую очередь кошачьих хищников и волков (или собак)», которых он считал персонажами «скорее всего, хтонического проис-



Рис. 2. Сцены с двумя хтоническими хищниками. 1, 2 – из Сууюйкоу (уезд Хэлань); 3 – из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия); 4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Циньань, пров. Ганьсу); 6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). 1–3 – наскальные изображения; 4, 6 – бронза; 5 – керамика. Масштабы разные. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1, 2 – Гай Шаньлин, Гай Чжэхао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. P. 178; 4 – Дуань Шуань, 2005. С. 4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной А. В. Вареновым в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли, 1990. С. 81)

Fig. 2. Scenes with two chthonic predators. 1, 2 – from Suyukou (Helan county); 3 – from Ushkiijn-Uvera (Khövsgöl aimag, Mongolia); 4 – from Shangcunling (Henan province); 5 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 6 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1, 2 – Гай Шаньлин, Гай Чжэхао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. P. 178; 4 – Дуань Шуань, 2005. С. 4; 5 – drawing after photo made by A. V. Varenov in Gansu provincial museum; 6 – Пилацзоли, 1990. С. 81)

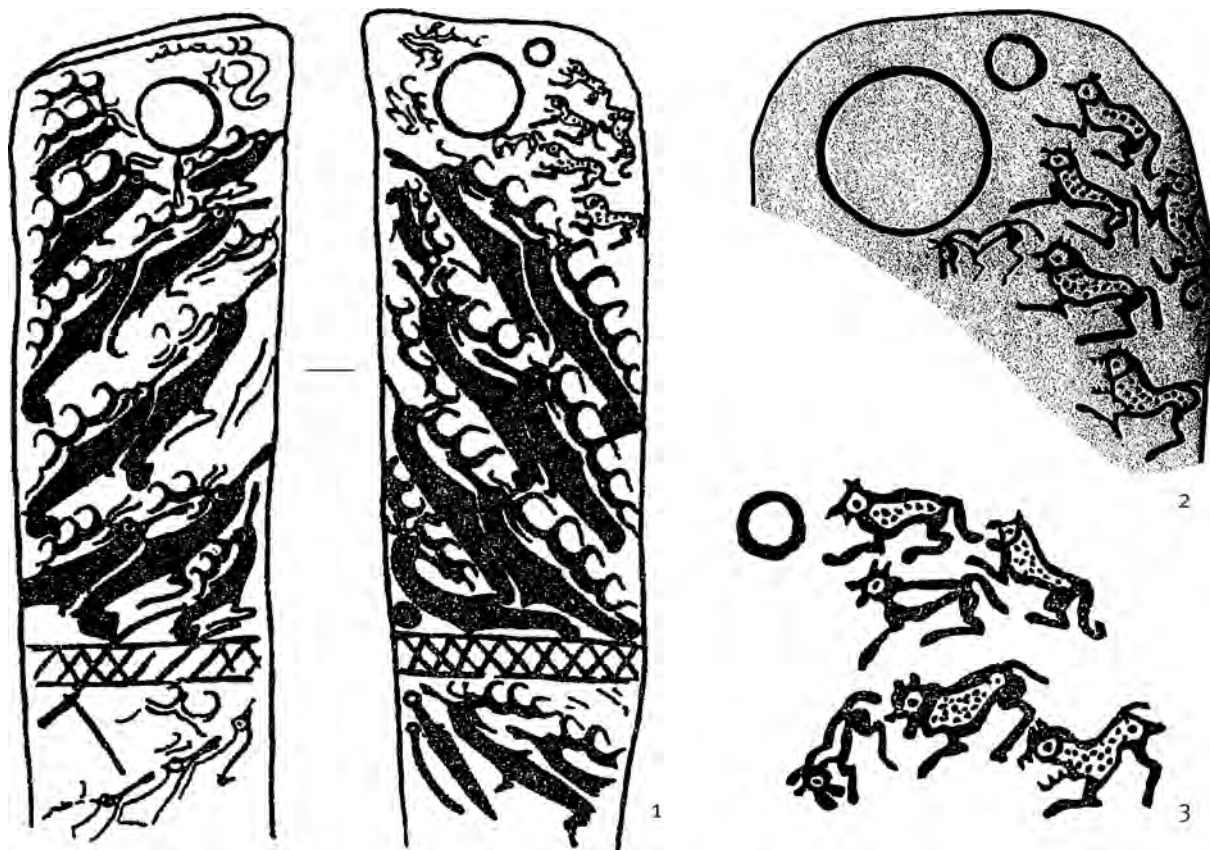


Рис. 3. Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия). 1 – общий вид; 2, 3 – деталь с хищниками, преследующими коня. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1 – Волков, 2002. С. 189; 2 – Nowgorodowa, 1980. Р. 134; 3 – Новгородова, 1984. С. 99)

Fig. 3. Stag-stone No 4 from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia). 1 – general view; 2, 3 – detail with predators chasing a horse. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1 – Волков, 2002. С. 189; 2 – Nowgorodowa, 1980. Р. 134; 3 – Новгородова, 1984. С. 99)

хождения» (Савинов, 1994. С. 132). Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Сууюкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении М1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань, КНР (рис. 2, 4) (Шанцуньлин, 1959. С. 27). Она изображает «двух зверей, похожих на тигров, но с учетом окраса шкуры, скорее, леопардов», готовых растерзать (или сцеспиться из-за) травоядного (рис. 5, 1) (Го Можо, 1959. С. 14). Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Сууюкоу. Шанцуньлин был кладбищем верхушки царства Го, в 655 г. до н. э. захваченного другим царством – Цзинь, так что никакая могила данного памятника не может датироваться позднее середины VII в. до н. э. Большинство же из них датируется одним временем: вторая половина IX – первая половина VIII в. до н. э. (Комиссаров, 1985. С. 9–10).

Однако корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подраться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 2, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями (рис. 5, 2) и может представлять преисподнюю (Нижний мир) (Кудинова, 2016. С. 36). По данным В. В. Евсюкова, изучавшего мифологию китайского неолита по материалам крашеной керамики, образ рыбы в этой изобразительной традиции символизирует человеческую душу (Евсюков, 1988. С. 84–85, 89–90). Так что сцена на кувшине



Рис. 4. Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия): 1 – общий вид; 2 – деталь с хищниками, преследующими коня. Фото А. В. Варенова, 2013 г.

Fig. 4. Stag-stone No 4 from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia): 1 – general view; 2 – detail with predators chasing a horse. Photo by A. V. Varenov, 2013

из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, так же как и сцена на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение, только человеческую душу в традициях этих культур представляли иначе.

У создателей оленных камней души их соплеменников, скорее всего, воплощались в образе коней. Не зря комплексы с оленными камнями монголо-забайкальского стиля из центральной части Монголии сопровождают многочисленные каменные колечки-жертвенники, внутри которых

бывают захоронены черепа лошадей (возможно, вместе со шкурами). Для хозяев зеркала из Шанцуньлина их души воплощались в каком-то ином копытном животном, а в горах Хэланьшань душу представляли в виде человеческой фигурки. Древнекитайская иконографическая традиция, когда душа изображается в виде рыбы, доживает как минимум до IV–III вв. до н. э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 3, 6; 5, 3) (Пилацзольи, 1990. С. 81). Впрочем, еще Д. Г. Савинов отмечал шичжайшаньские и ордосские



Рис. 5. Сцены с двумя хтоническими хищниками. 1 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 2 – из Дадивань (уезд Цинъянь, пров. Ганьсу); 3 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). 1, 3 – бронза, 2 – керамика. Масштабы разные. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1 – Дуань Шуань, 2005. С. 6; 2 – из музея пров. Ганьсу, фото А. В. Варенова; 3 – Чжан Дуньшэн, 1993. С. 88)

Fig. 5. Scenes with two chthonic predators. 1 – from Shangcunling (Henan province); 2 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 3 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1 – Дуань Шуань, 2005. С. 6; 2 – from Gansu provincial museum, photo by A. V. Varenov; 3 – Чжан Дуньшэн, 1993. С. 88)

бронзы среди восточных аналогий изображениям фантастических хищников с оленных камней (Савинов, 1994. С. 132).

Что касается семантики монголо-забайкальских оленных камней и выбитых на них оленей, то нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый

оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» (Варенов, 2016. С. 210). Не случайно количество оленей

на каждой отдельной стеле в том же Ушкийн-Увэре, как правило, четное, а часто и кратное четырем (12, 16, 20, 24 экз.), что хорошо соответствует фратриальной структуре общества, каждая фратрия в котором имела дуально-экзогамную родовую организацию. Тогда наскальное изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период.

Две разнополюсы фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда художник хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным родом в рамках дуально-родовой организации. Естественно, что, с точки зрения всего племени и его первопретка,

воплощенного в оленном камне, все роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений важенок (олений-самок). Небольшие фигуры коней на оленных камнях обозначали души покойных со-родичей. Преследующие их (или нанесенные отдельно) фигуры хищников могли свидетельствовать о загробных испытаниях душ умерших. Для предложенного понимания семантики всего оленного камня и отдельных фигур оленей, коней и хищников, нанесенных на его поверхность, в принципе, не так уж и важно, как именно интерпретируются и именуется включающие оленные камни ритуальные комплексы: святилища (*Новгородова*, 1989. С. 222; *Варенов*, 2016. С. 210), жертвенники (*Новгородова*, 1989. С. 201–214; *Волков*, 2002. С. 16) или кенотафы (*Ковалев и др.*, 2014; 2016).

- Варенов*, 2016 – *Варенов А. В.* О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *StratumPlus*. 2016. № 2. С. 195–211.
- Варенов*, 2018а – *Варенов А. В.* О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39.
- Варенов*, 2018б – *Варенов А. В.* Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29.
- Волков*, 2002 – *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков*, *Новгородова*, 1975 – *Волков В. В.*, *Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири* / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
- Евсюков*, 1988 – *Евсюков В. В.* Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
- Ковалев и др.*, 2014 – *Ковалев А. А.*, *Рукавишников И. В.*, *Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 41–54.
- Ковалев и др.*, 2016 – *Ковалев А. А.*, *Эрдэнэбаатар Д.*, *Рукавишников И. В.* Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // *АЭАЕ*. 2016. Т. 44. № 1. С. 20–30. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.000-000.
- Комиссаров*, 1985 – *Комиссаров С. А.* Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // *Дальний Восток и Центральная Азия* / Отв. ред. О. В. Зотов. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
- Кудинова*, 2016 – *Кудинова М. А.* Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. Вып. 4: Востоковедение. С. 33–41.
- Новгородова*, 1984 – *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова*, 1989 – *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.
- Савинов*, 1990 – *Савинов Д. Г.* Наскальные изображения в стиле оленных камней // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР* / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Наука, 1990. С. 174–181.
- Савинов*, 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Черемисин*, 1998 – *Черемисин Д. В.* Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // *Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы междунар. симпозиума* / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 609–614.

- Черемисин*, 2012 – *Черемисин Д. В.* Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.
- Nowgorodowa*, 1980 – *Nowgorodowa E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980. 280 S.
- Гай Шаньлин*, 1986 – *Гай Шаньлин*. Иньшань яньхуа [蓋山林. 陰山岩畫]. Петроглифы гор Иньшань / Отв. ред. Лоу Юйдун. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.).
- Гай Шаньлин*, *Гай Чжисхао*, 2002 – *Гай Шаньлин*, *Гай Чжисхао*. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с. (на кит. яз.).
- Го Можо*, 1959 – *Го Можо*. Саньмэнься чуту тунци эр-сань ши [郭沫若. 三门峡出土铜器二三事]. Две-три заметки о бронзовых изделиях, найденных в Саньмэнься // Вэньу. 1959. № 1. С. 13–15 (на кит. яз.).
- Дуань Шуань* (отв. ред.), 2005 – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第16卷. 銅鏡]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 16. Бронзовые зеркала. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 34, 216, 78 с. (на кит. яз.).
- Пилацзоли*, 1990 – *Пилацзоли Мисеэр (Pirazzoli Michele)*. Дянь вэньхуа дэ няндай вэньти [皮拉左里·米歇尔. 滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь // Каогу. 1990. № 1. С. 78–86 (на кит. яз.).
- Чжан Дуньшэн* (отв. ред.), 1993 – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第14卷. 滇昆明]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 14. Дянь – Куньмин. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1993. 40, 180, 64 с. (на кит. яз.).
- Шанцуньлин*, 1959 – *Шанцуньлин Гого муди* [上村嶺號國墓地]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. 178 с., ил. (на кит. яз.).

Semantics of stylized deer in the rock art and scenes with chthonic predators in China

A. V. Varenov

On the territory of the PRC, ‘stag stone style’ petroglyphs (or ‘stylized’ deer) were discovered in Altay Mountains in the Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Yinshan Mountains and Wulanchabu Grassland in the southern part of the Inner Mongolia Autonomous region and further south in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui Autonomous region. D. G. Savinov supposed that they are based on the idea of sacrificial deer, whose death enables the renewal and reproduction of nature and society. However, most of the scenes with archers and/or dogs hunting ‘stylized’ deer don’t belong to ‘stag stone’

period (Fig. 1). Furthermore, the motif of ‘stylized’ deer being attacked or torn apart by a chthonic predator is never met in rock art or on stag-stones (Fig. 3; 4). The victims of chthonic predators’ attacks vary greatly (from a human to a fish) and are met in various contents (Fig. 2; 5). The author argues that all these scenes depict trials of a human soul in the underworld. He believes that the stag stone represents the Universe and the divine ancestor of a tribe at the same time, whereby the images of deer on its surface reflect the social organization of the ancient society with a dual-exogamic clan structure.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОВЮРА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В. С. Бусова², М. Е. Килуновская³

Аннотация. Овюр – район Тувы, расположенный на южном склоне хребта Танну-Оола, который находится на границе котловины бессточных озер Монголии и бассейна Верхнего Енисея с впадающими в него реками. Это пограничное расположение обусловило специфику историко-культурного развития региона, в многочисленных археологических памятниках которого отразилось сочетание центральноазиатских и южносибирских традиций. Большое внимание Овюру уделил А. Д. Грач. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН с 2009 г. работает в западных районах Овюра. В последние два года отдельный отряд Тувинской археологической экспедиции проводит разведки в Саглынской долине, где зафиксировано 20 могильников, собран интересный подъемный материал, найдены остатки поселения на р. Кара-Дыт и новый памятник наскального искусства (петроглифы) на р. Ортаа-Халын. Сейчас становится более очевидным, что исследования А. Д. Грача затронули один из интереснейших и наиболее насыщенных разнообразными памятниками древности районов Тувы, а перед современными исследователями все яснее открываются широкие перспективы их изучения на новом методическом и техническом уровне.

Annotation. Ovyur is a district in Tuva situated on the southern slope of the Tannu-Oola mountain ridge at the boundary between the kettle of closed lakes of Mongolia and the basin of the Upper Yenisei with the rivers flowing into it. This border situation has defined the specifics of the historical and cultural development of the region where Central Asiatic and South Siberian cultural traditions are combined at numerous archaeological sites. A. D. Grach devoted much attention to investigations at Ovyur. The Tuva Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture RAS, since 2009, conducts researches in the western regions of Ovyur. Over the last two years, an independent party of Tuva Archaeological Expedition has been conducting surveys in the Sagly valley; twenty burial grounds have already been revealed, interesting surface finds have been collected, the remains of a settlement on the Kara-Dyt River and a new site with rock art (petroglyphs) on the Ortaa-Khalyn River were found. Now it becomes ever more evident that A. D. Grach's investigations have touched one of the regions of Tuva which is the most interesting and rich in diverse early monuments, while the modern researchers look forward for a broad perspective of their studies at a new methodical and technical level.

Ключевые слова: курганы, петроглифы, поселения, разведки, ранний железный век, Саглынская долина, саглынская культура, эпоха бронзы, Овюр, Тува, Убсунурская котловина, Южный Торгалык.

Keywords: kurgans, petroglyphs, settlement-sites, archaeological surveys, Early Iron Age, Sagly valley, Sagly culture, Bronze Age, Ovyur, Tuva, Ubsunur Kettle, Southern Torgalyk.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-188-201

Полевой проект 2018–2019 гг.
был приурочен к 90-летию со дня рождения
А. Д. Грача и посвящается его памяти

Пограничный с Монголией Овюрский район Тувы представляет собой неиссякаемую сокровищницу археологических памятников. Здесь много лет проводил исследования А. Д. Грач. На коне

и пешком, начиная с 1953 г. он исследовал разные уголки этой удивительной земли.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kulturrijkarman@gmail.com.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kilunmar@mail.ru.

Первоначально в сфере его интересов были памятники древних тюрков – поминальные оградки с рядами балбалов и каменными изваяниями – кожээ. В итоге появился основательный научный труд, в котором содержались описания и изображения большинства известных на то время древнетюркских скульптур из Тувы. А. Д. Грач провел тщательный анализ изобразительных элементов, предложил собственную типологию, определил хронологию, разобрал вопросы семантики и привел этнографические параллели (*Грач*, 1961). Эта книга не утратила своего значения и в настоящее время.

То же самое можно сказать и о петроглифах, открытых в 1953 г. на юге Тувы, описанию и анализу которых он посвятил две большие статьи в Сборнике МАЭ АН СССР за 1957 и 1958 гг. Публикация А. Д. Грача была первой обобщающей работой по наскальному искусству Тувы. Он впервые обратился к проблемам датирования наскальных рисунков при помощи аналогий среди предметов материальной культуры из погребальных и поселенческих комплексов с четко определенной датой. Он определил критерии выделения петроглифов скифского, тюркского и монгольского времени. Им же были высказаны предположения о семантике рисунков на скалах – в основу интерпретации легла идея о родовых / племенных тотемах (*Грач*, 1957; 1958; 1980б). Одновременно со статьями А. Д. Грача были опубликованы наблюдения зоолога Р. Л. Потапова, который определил виды животных, изображенных на скалах, и пришел к выводу о распространении в древности на юге Тувы диких лошадей, верблюдов и яков. Анализируя современную ситуацию, Р. Л. Потапов отметил, что климат изменился и стал более засушливым по сравнению с тем временем, когда в Монгун-Тайге и Овьуре было много лесов, в которых водились дикие звери (*Потанов*, 1957; 1958).

В 1955–1956 гг. работы в Овьуре проводила Саяно-Алтайская экспедиция Института этнографии АН СССР, в составе которой работал А. Д. Грач. Ее исследования показали, что этот район был интенсивно обитаем с палеолитического времени. Местом концентрации особенно большого числа стоянок каменного века являлась на тот момент Саглынская долина, где было обнаружено девять пунктов находок каменных орудий (скребки, отщепы, остроконечники, нуклеусы) (*Астахов*, 1986).

А. Д. Грачом были обследованы курганные могильники в Саглынской долине около с. Кызыл-Тей (ныне – с. Саглы; далее в статье оно упоминается под современным названием), где в 1960-е гг. им же были проведены археологические раскопки могильников скифского времени и эпохи средневековья. Это могильники Саглы-Бажи I–IV, VI, Кызыл-Тей, Кюзленги I (рис. 1, 16), Даган-Тэли I (рис. 1, 18), Дужерлиг-Ховузу I (рис. 1, 20) и Улуг-Хорум (рис. 1, 19).

На территории самого с. Саглы в 1955 г. А. Д. Грачом были зафиксированы курганы на «платформах», содержащие в центральных насыпях погребения монгун-тайгинского типа, незадернованные каменные курганные сооружения со следами ограбления, а также оградки древнетюркского времени с изваяниями и камнями-балбалами.

Результаты многолетней работы А. Д. Грача были представлены в ряде статей и докладов (*Грач*, 1954; 1955; 1957; 1958; 1967; 1968а; 1968б; 1969а; 1976; 1980а; 1998), а в 1980 г. вышла наиболее полная монография (*Грач*, 1980б). Все публикации и отчеты А. Д. Грача сопровождались качественными рисунками и фотографиями, но даже при такой подробной документации неопубликованным оказался генеральный план расположения исследованных могильников, а из планов отдельных могильников опубликованы только Саглы-Бажи VI и Улуг-Хорум (*Грач*, 1980б. С. 182).

В 1957 г. на территории с. Саглы раскопки нескольких курганов провел Первый отряд совместной Монгольской экспедиции ИА АН СССР и МГУ под руководством Л. Р. Кызласова. В течение четырех дней Л. Р. Кызласовым было раскопано три кургана (*Кызласов Л.*, 1979. С. 37–38, 203).

В 1960 г. археологическая экспедиция ТНИИ-ЯЛИ во главе с М. Х. Маннай-оолом проводила разведки в Овьурском районе и раскопки на могильнике Солчур (*Маннай-оол*, 1961).

В 1986–1993 гг. в Монгун-Тайгинском и Овьурском районе проводила обследования экспедиция под руководством И. У. Самбу, занимавшаяся выявлением и паспортизацией археологических памятников. По результатам ее работ в этом и других районах Тувы был создан «Свод археологических памятников Республики Тыва» (*Свод*, 1994). В Овьурском районе в своде учтены 22 стоянки или местонахождения эпохи палеолита и 45 могильников.

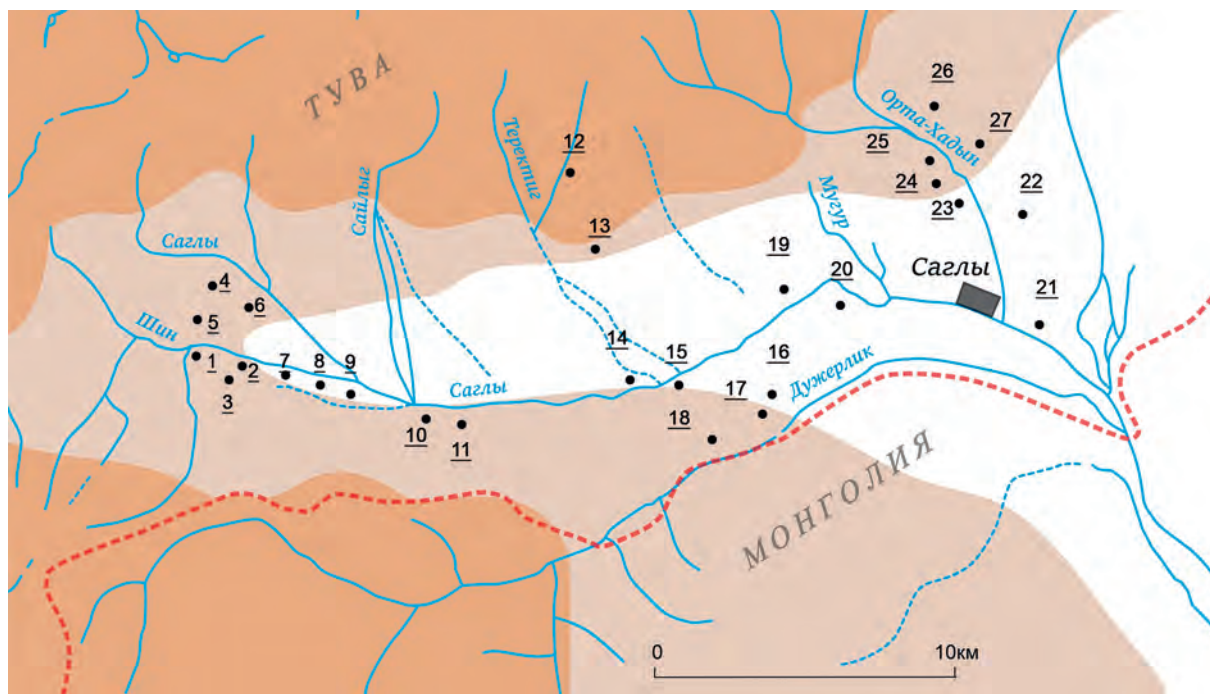


Рис. 1. Карта разведок 2018–2019 гг. в Саглынской долине. 1 – могильник Кожелиг I; 2 – Шин I; 3 – Шин II; 4 – могильник Саглы-Бажи II; 5 – могильник Саглы-Бажи III; 6 – могильник Саглы-Бажи I; 7 – могильник Саглы-Бажи VI; 8 – Саглы-Бажи IV; 9 – могильник Саглы-Бажи VII; 10 – могильник Шогмод-Ула I; 11 – могильник Шогмод-Ула II; 12 – лог Кургаг-Адыр; 13 – могильник Теректиг II; 14 – могильник Теректиг I; 15 – могильник Кюзленги III; 16 – могильник Кюзленги I; 17 – могильник Кюзленги II; 18 – могильник Даган-Тэли I; 19 – Улуг-Хорум; 20 – могильник Дужерлиг-Ховузу I; 21 – могильник Ортаа-Халыын III; 22 – могильник Ортаа-Халыын II; 23 – местонахождение Мугур-Кожажар I; 24 – могильник Ортаа-Халыын VI; 25 – могильник Ортаа-Халыын VII; 26 – местонахождение Ортаа-Халыын VIII; 27 – могильник Ортаа-Халыын IX

Fig. 1. Map of surveys of 2018–2019 in the Sagly valley. 1 – cemetery of Kozhelig I; 2 – Shin I; 3 – Shin II; 4 – cemetery of Sagly-Bazhi II; 5 – cemetery of Sagly-Bazhi III; 6 – cemetery of Sagly-Bazhi I; 7 – cemetery of Sagly-Bazhi VI; 8 – Sagly-Bazhi IV; 9 – cemetery of Sagly-Bazhi VII; 10 – cemetery of Shogmod-Ula I; 11 – cemetery of Shogmod-Ula II; 12 – ravine of Kurgag-Adyr; 13 – cemetery of Terektig II; 14 – cemetery of Terektig I; 15 – cemetery of Kyuzlengi III; 16 – cemetery of Kyuzlengi I; 17 – cemetery of Kyuzlengi II; 18 – cemetery of Dagan-Teli I; 19 – Ulug-Horum; 20 – cemetery of Duzherlig-Novuzu I; 21 – cemetery of Ortaa-Halyyn III; 22 – cemetery of Ortaa-Halyyn II; 23 – site with petroglyphs Mugur-Kozhagar I; 24 – cemetery of Ortaa-Halyyn VI; 25 – cemetery of Ortaa-Halyyn VII; 26 – site with petroglyphs of Ortaa-Halyyn VIII; 27 – cemetery of Ortaa-Halyyn IX

В 1989 г. небольшим разведывательным отрядом под руководством И. У. Самбу (фотограф – К. В. Чугунов, графическая фиксация – С. Г. Буршнева) проводилось обследование археологических памятников, в том числе и в Саглынской долине. Благодаря этой работе была создана карта с названиями всех известных на тот момент памятников Овюрского района, куда вошла и Саглынская долина. Большая часть памятников была учтена и поставлена на охрану. К сожалению, на глазомерных планах не было четкой привязки к местности.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Л. С. Марсадолова в 1992 г. провела разведку в Са-

глынской долине для поиска ранее незафиксированных памятников (Марсадолов, 1998). Могильник Саглы I (Саглынский Улуг-Хорум, по А. Д. Грачу) впервые был нанесен картографами на топографическую карту Овюрского района еще в 1948 г. В результате работ экспедиции 1992 г. был описан могильник Саглы II, состоящий из трех курганов и расположенный к 3–ЮЗ от с. Саглы на левом берегу р. Саглы в 100 м южнее проселочной дороги, ведущей в с. Саглы. Предварительно осмотренные объекты были датированы в рамках I тыс. до н. э.

Основное внимание было уделено не вошедшим в планы А. Д. Грача курганам № 10 и 11 на могильнике Саглы I. Поэтому был составлен новый глазо-

мерный план. В отвалах раскопанного А. Д. Грачом кургана Улуг-Хорум были найдены фрагменты керамики с прямым венчиком, а на берегу реки – каменные зернотерки и жернова.

С 2009 г. отряд Тувинской археологической экспедиции (ТАЭ) ИИМК РАН проводит исследования в Западном Овьуре – на территориях от Улатая до верховьев р. Саглы, почти на 125 км протянувшихся вдоль южных отрогов Танну-Ола (рис. 2). Как указывал еще А. Д. Грач, эта территория «является средоточием многочисленных и разнообразных археологических объектов – курганных могильников, наскальных изображений, каменных изваяний, "оленных" камней, поминальных памятников. По насыщенности археологическими памятниками Западный Овьур является одним из наиболее богатых районов Тувы и вполне может быть сопоставлен в этом отношении с такими районами республики, как Монгун-Тайга, бассейн верховьев Алаша (Кара-

Холь), левобережье р. Ак (Сут-Холь), Куйлуг-Хемское плато (Улуг-Хем)» (Грач, 1998. С. 11).

ТАЭ ИИМК РАН исследовала могильники в районе Дус-Дага (Кара-Туруг 2 и 3), в уроч. Бора-Шай и Ховужук-Аксы: снимались планы памятников, проводились раскопки с целью уточнения их историко-культурной принадлежности. В результате этих работ открыты захоронения раннего и развитого периодов бронзового века (чемурчекская и мунх-хайрханская культуры), поминально-ритуальный комплекс с оленными камнями и херексурами, а также погребения саглынской культуры с надмогильными сооружениями, воспроизводящими планиграфию херексуров, что говорит о возможной генетической преемственности между культурами позднего бронзового века и культурами скифской эпохи (Килуновская, 2018).

Одним из наиболее интересных видов археологических памятников Овьюра являются наскаль-



Рис. 2. Карта расположения памятников, исследованных Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН в 2009–2019 гг. 1 – Мугур 1–3; 2 – Овьур IV–XXI; 3 – Ак-Тырык; 4 – Кызыл-Тейлер I–IV; 5 – Кара-Туруг 1; 6 – Кара-Туруг 2; 7 – Куу-Даг; 8 – Мортук; 9 – Ховужук-Аксы; 10 – Тула-Ховужу; 11 – Бора-Шай; 12 – Кады-Халын; 13 – Мугур-Кожгар I; 14 – Адарган; 15, 16 – могильники в Саглынской долине; 17 – Монгон-Цахир; 18–21 – скопления петроглифов на хребте Бичикту-Хая (Монголия)

Fig. 2. Map of the sites investigated by Tuva Archaeological Expedition of IIMK RAS in 2009–2019. 1 – Mugar 1–3; 2 – Ovyur IV–XXI; 3 – Ak-Tyryk; 4 – Kyzyl-Teyler I–IV; 5 – Kara-Turug 1; 6 – Kara-Turug 2; 7 – Kuu-Dag; 8 – Mortuk; 9 – Novuzhuk-Aksy; 10 – Tula-Novuzhu; 11 – Bora-Shay; 12 – Kady-Halyn; 13 – Mugar-Kozhagar I; 14 – Adargan; 15, 16 – burial grounds in the valley of Sagly; 17 – Mongon-Tsakhir; 18–21 – concentrations of petroglyphs on the ridge of Bichiktu-Khaya (Mongolia)

ные изображения на южных склонах Танну-Ола в Хандагайтинской котловине и долине р. Хорумнуг-Ой – эти территории являются частью Убсунурской котловины и ограждены отрогами Западного Танну-Ола. Обнаруженные здесь многотысячные скопления петроглифов А. Д. Грач обозначил как Овюр I–XXIII. К сожалению, А. Д. Грач не снял планы памятников, не составил подробной карты обследованного района и не сделал прорисовки петроглифов, однако он очень подробно описал местонахождения и сделал хорошие фотографические снимки.

Используя данные А. Д. Грача, сотрудники ТАЭ ИИМК РАН смогли отождествить большую часть открытых им памятников и оценить степень их сохранности. Было установлено точное местонахождение пунктов Овюр V–XII и XIV–XXI (рис. 3). Остальные пункты отождествить не удалось.

В свою очередь, во время разведок, проведенных по следам полевых маршрутов А. Д. Грача, недалеко от зафиксированных им местонахождений петроглифов Овюр I–XXIII, на южных склонах мелкосопочника, выходящего к оз. Убсу-Нур, в 3 км к СВ от пос. Хандагайты, ТАЭ ИИМК РАН было обследовано пять новых местонахождений наскальных рисунков: Кызыл-Тейлер 1–4 и Ак-Тырык, на которых выявлено около 70 плоскостей с более чем 300 рисунками, относящимися к скифскому, гунно-сарматскому и древнекыргызскому времени.

Еще одним открытием было обнаружение плоскостей с петроглифами напротив могильника Саглы, на левом берегу р. Саглы около источника (аржаана (*тув.*) Адарган. Петроглифы нанесены на камни, расположенные вокруг источника. Все рисунки выбиты на отдельно лежащих валунах серого цвета, которые разбросаны по всему склону горы до ее средней вершины и датируются эпохой бронзы – скифским временем. Здесь представлен целый комплекс изображений в монголо-забайкальском стиле – фигуры оленей (*Килуновская*, 2011; 2012).

В эти же годы силами ТАЭ ИИМК РАН начаты исследования у пос. Торгалык (Дус-Даг) на памятниках Кара-Туруг (рис. 4) и Моргук (рис. 5), которые продолжались в 2016–2018 гг. (*Килуновская*, 2018. С. 35–54).

Нужно отметить, что очень большое количество известных ранее и выявленных недавно памятников

с наскальными изображениями в Овьуре находится под угрозой уничтожения. Плоскости с петроглифами сильно разрушаются: скальная поверхность покрывается трещинами, расслаивается и зарастает лишайниками (рис. 6). Отслоившиеся и упавшие фрагменты плоскостей с петроглифами в настоящий момент находятся у подножия скальных выходов, но никто не может гарантировать их сохранность на месте в будущем. Единственным выходом из этой критической ситуации является целенаправленная и регулярная работа по спасению и охране памятников древнего искусства и продолжение работ по их фиксации и публикации. Полностью реализовать эту возможность можно лишь при создании музея-заповедника под открытым небом с постоянным штатом сотрудников и государственным или частном финансировании.

В 2018–2019 гг. отдельным отрядом ТАЭ ИИМК РАН проведены новые разведки в Саглынской долине. Их цель состояла в уточнении расположения памятников, открытых и частично изученных А. Д. Грачом в 1955–1960 гг., фиксации их современного состояния, а также в поиске поселений (рис. 1). В результате собран материал для постановки на государственный учет и охрану тех памятников, которые ранее не были учтены, открыты новые погребальные и изобразительные комплексы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и сделан ряд ценных полевых наблюдений, имеющих значение для поиска поселенческих памятников в этой части Тувы.

В географическом отношении долины Овьюра представляют собой языки обширной Убсу-Нурской котловины, которая, в свою очередь, является частью котловины Больших Озер Монголии. Самой высокогорной частью района является Саглынская долина, заканчивающаяся в месте схождения хребтов Цаган-Шибэту и Танну-Ола. Она расположена между перевалами Колчан и Арзайты и отрогами хребтов Западный Танну-Ола и Цаган-Шибэту на высоте около 1800–1970 м над уровнем моря, вдоль нее проходит трасса Хандагайты – Мугур-Аксы.

Генеральный план долины с выявленными могильниками, видимо снятый А. Д. Грачом, не был опубликован, но о нем упоминается в отчете 1960 г. (*Грач*, 1960). В отчетах следующих лет вся нумерация давалась по этому плану, а географические



Рис. 3. Местонахождения петроглифов Овюр: 1–4 – Овюр XII; 5 – Овюр XVI; 6 – Овюр XV

Fig. 3. Sites with petroglyphs in Ovyur: 1–4 – Ovyur XII; 5 – Ovyur XVI; 6 – Ovyur XV

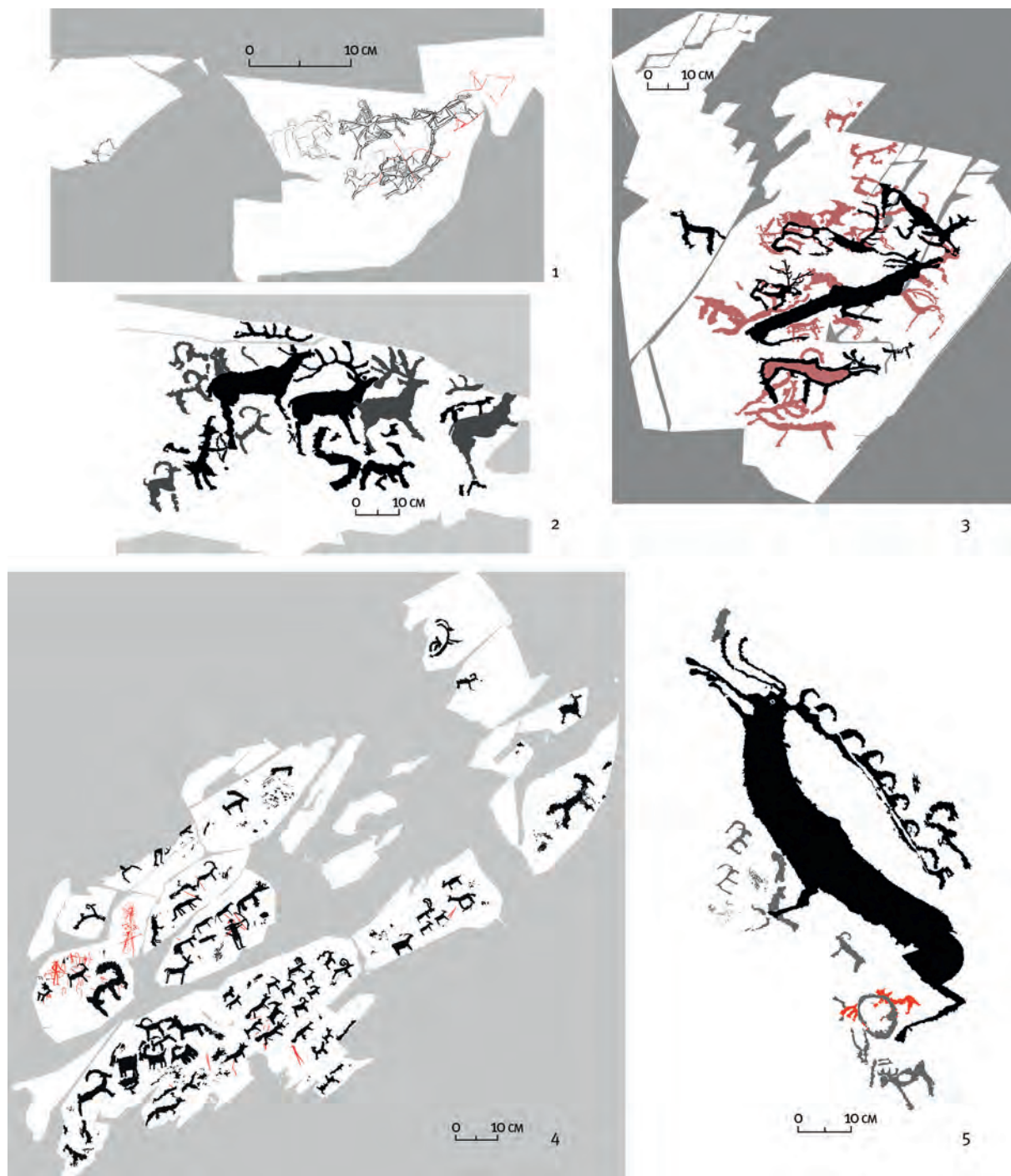


Рис. 4. Местонахождение петроглифов Кара-Туруг 1: 1 – группа 17, плоскость 20; 2 – группа 6, плоскость 3; 3 – группа 15, плоскость 3; 4 – группа 5, плоскость 1; 5 – группа 7, плоскость 1

Fig. 4. Kara-Turug 1 site with petroglyphs: 1 – group 17, plane 20; 2 – group 6, plane 3; 3 – group 15, plane 3; 4 – group 5, plane 1; 5 – group 7, plane 1

привязки имели достаточно условный характер, с учетом того, что топономические названия с тех пор в ряде случаев изменились (например, гора Кызыл-Тей теперь именуется горой Ихэ-Души-Ула).

В результате разведок были вновь локализованы могильники Саглы-Бажи II (рис. 1, 4), Саглы-Бажи I, группа 2 (рис. 1, 6), Саглы-Бажи III (рис. 1, 5), Саглы-Бажи IV (рис. 1, 8), Саглы-Бажи VI (рис. 1, 7),



Рис. 5. Местонахождения петроглифов Мортук 1 (1, 3) и Мортук 2 (2)

Fig. 5. Sites with petroglyphs at Mortuk 1 (1, 3) and Mortuk 2 (2)

Кюзленги I–III (рис. 1, 15–17), Даган-Тэли I (рис. 1, 18), Дужерлиг-Ховузу I (рис. 1, 20), Ортаа-Халыын II (рис. 1, 22), Улуг-Хорум (рис. 1, 19) и обнаружены новые могильники.

В 2018 г. с помощью спутниковых карт в программах Qgis и Google Earth были предварительно намечены маршруты и обозначены примерные места расположения раскопанных курганов (спутниковые карты в ряде случаев позволили идентифицировать и раскопанные объекты). В течение трех дней удалось верифицировать все описанные

А. Д. Грачом раскопанные объекты и подтвердить их местоположение (снять GPS-координаты) начиная от перевала Арзайты в самой западной части долины: могильники Саглы-Бажи I, II (рис. 1, 4), III, Саглы-Бажи IV (рис. 1, 8) и VI, Кюзленги I–II (рис. 1, 16, 17) и Улуг-Хорум. Были обнаружены новые могильники на берегу р. Теректиг и на северном склоне горы Шогмод-Ула.

В последний день работы велась вблизи с. Саглы и почти на самой границе с Монголией, обследованы могильники Кюзленги III, Даган-Тэли I,

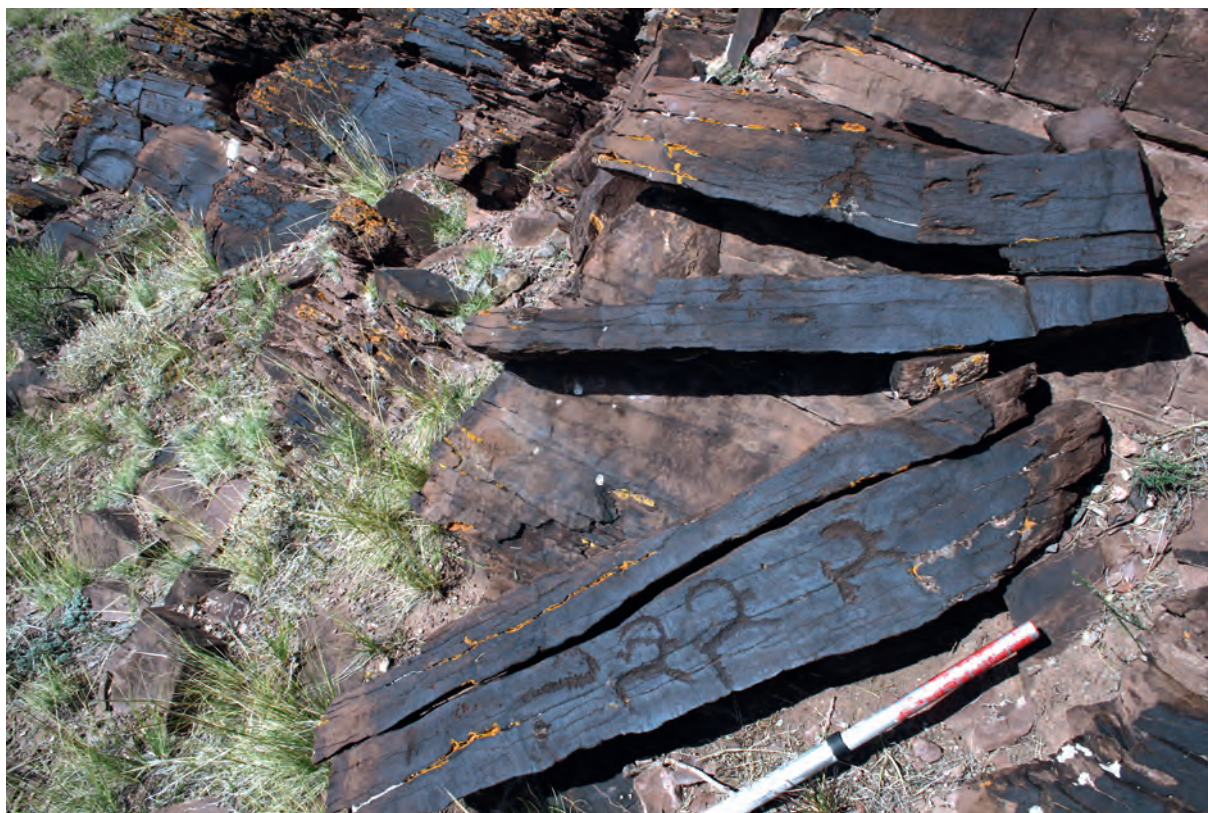


Рис. 6. Разрушение скал на местонахождении петроглифов Овьур XII

Fig. 6. Destruction of the rocks at the site with petroglyphs at Ovyur XII

Дужерлиг-Ховузу I и далее, за самим селом, на левом берегу р. Орта-Халыын – с севера на юг протянувшееся гигантское могильное поле эпохи бронзы длиной в несколько километров.

При визуальном и инструментальном (металлодетектор) обследовании старых отвалов вокруг раскопанных курганов (их номера указаны по нумерации А. Д. Грача) – Саглы-Бажи II, курган № 3 и Дужерлиг-Ховузу I, курган № 1 были найдены два наконечника стрелы из медного сплава, а в отвале кургана № 4, могильника Даган-Тэли I – железный пластинчатый нож. На последнем памятнике, на отвалах, расположенных между курганами № 1 и № 2, обнаружены два небольших фрагмента красноглиняной керамики.

Краткая характеристика могильников, обследованных в ходе разведки 2018 г.

Могильник Саглы-Бажи I (рис. 1, б), расположенный в междуречье Саглы и Шин, в 21,3 км от с. Саглы, был обнаружен в 1955 г. (Грач, 1980б. С. 119). В 1960, 1961 и 1975 гг. здесь проводились

раскопки сооружений в группах 1 и 2 (всего изучено 13 объектов). Могильник расположен на второй надпойменной террасе и вытянут с запада на восток. Здесь открыты объекты эпохи бронзы (в том числе и поминальные сооружения), курганы скифского времени и, возможно, объекты тюркского (VI–VIII вв.) и кыргызского (IX–XI вв.) периодов.

Могильник Саглы-Бажи II расположен на правом берегу р. Саглы, к ЮЗ от трассы Хандагайты – Мугур-Аксы, в 22 км по дороге от с. Саглы (рис. 1, 4), исследованный А. Д. Грачом в 1960–1962 гг. (Там же. С. 110–114). Он состоит из 44 объектов, среди которых вычлняются несколько курганных цепочек (групп), протянувшихся в направлении с севера на юг на большой надпойменной террасе, ограниченных с востока стекающей с гор р. Шин. Здесь зафиксированы объекты эпохи бронзы (в том числе и поминальные сооружения), курганы скифского времени (V–III вв. до н. э.), объекты гунно-сарматского времени, тюркские оградки с балбалами. Пространство между раскопанными объектами А. Д. Грачом не исследовалось. Его изуче-

ние может дать интересные результаты. Сейчас ямы, оставшиеся на месте раскопанных курганов, используются местным населением как помойки.

Могильник Саглы-Бажи III (рис. 1, 5) вначале описан А. Д. Грачом как расположенный на правом берегу р. Саглы у подъема на перевал Арзайты (Там же. С. 110), а затем, в том же издании, при описании раскопанного херексура Ов-60-21, перемещен на правый берег р. Шин (Там же. С. 121). Путаницу с расположением памятника не удалось прояснить и во время полевого обследования, поэтому могильные поля, протянувшиеся по правому и левому берегам р. Шин с запада на восток (первая надпойменная терраса) на расстоянии около 3 км от перевала Арзайты, были обозначены нами как могильник Саглы-Бажи III. Здесь в основном встречаются курганы эпохи бронзы и раннего средневековья.

Могильник Саглы-Бажи IV (рис. 1, 8) расположен на правом берегу р. Шин и находится всего на 1 км восточнее могильника Саглы-Бажи VI (Там же. С. 115–116) и в 20,1 км юго-западнее с. Саглы. А. Д. Грач зафиксировал здесь всего два кургана. В 1968 г. оба кургана, относящиеся к скифскому времени, были раскопаны. В 2018 г. отдельный отряд ТАЭ ИИМК РАН обследовал этот могильник снова и установил, что он состоит из семи объектов. Здесь имеются курганы эпохи бронзы, скифского, тюркского и, возможно, кыргызского времени.

Могильник Саглы-Бажи VI (рис. 1, 7) расположен на правом берегу р. Шин в 1 км от могильника Саглы-Бажи IV, в 22 км юго-западнее с. Саглы (Там же. С. 116–117). Он включает в себя 27 разновременных объектов: от эпохи бронзы до раннего средневековья. Имеется опубликованный глазомерный план (Там же. Рис. 44). В 1969 г. А. Д. Грачом было раскопано три кургана. В отчете о работах 1969 г. (Грач, 1969б) этот могильник обозначен как Саглы-Бажи V, и только в публикации 1980 г. он переименован в Саглы-Бажи VI.

Могильник Саглы-Бажи VII (рис. 1, 9) расположен на правом берегу р. Шин в 1,2 км восточнее могильника Саглы-Бажи IV и далее по дороге в направлении к с. Саглы (юго-западнее села, в 19,1 км). По архивным данным и публикациям идентифицировать памятник не удалось, вследствие чего было принято решение дать ему указанное название. Могильник состоит из объектов эпохи бронзы и,

возможно, кургана скифского времени. Всего он включает семь объектов.

Могильник Теректиг I (рис. 1, 14) находится на стрелке, образованной слиянием рек Теректиг (сухое русло) и Саглы (на правом берегу р. Теректиг и на левом берегу р. Саглы). В 10,2 км юго-западнее с. Саглы. С запада могильник ограничен безымянной возвышенностью, высотой 1796 м над уровнем моря. К северо-западу от него расположена летняя стоянка, используемая местным населением, а через сам могильник проходит грунтовая дорога в сторону с. Саглы. Он состоит из 12 объектов, которые предположительно относятся к эпохе бронзы (курганы и поминальные сооружения).

Могильник Шогмод-Ула I (рис. 1, 10) расположен на склоне хребта Цаган-Шибэту, ограничивающего долину Саглы с юга, в 400 м южнее места слияния трех рек: Шин, Сайлыг и Саглы – и в 18 км юго-западнее с. Саглы. Ближайшая вершина горы именуется по топографической карте Тувы (2001 г.) Шогмод-Ула. Могильник состоит из пяти объектов. Культурную принадлежность и хронологический период сооружений определить сложно, так как каменные наземные сооружения не несут на себе характерных черт той или иной археологической культуры.

Могильник Кюзленги I (рис. 1, 16) расположен в междуречье рек Саглы и Дужерлик в степи у горы Кюзленги (в 350 м к востоку от ее подножия), в 7,9 км юго-западнее с. Саглы. А. Д. Грачом зафиксирован и раскопан один курган скифского времени и ритуальная выкладка из восьми камней (Грач, 1980б. С. 114–115). Подпрямоугольная ограда из речных валунов осталась недоисследованной. На северо-востоке от кургана № 1 рядом друг с другом расположены две овальные выкладки из камней, в каждом из которых по семь валунов.

Частично изученный **могильник Кюзленги II** (рис. 1, 17) расположен на склоне горы Кюзленги в 719 м от могильника Кюзленги I и в 8,6 км к юго-западу от с. Саглы. Могильник состоит из шести курганов (по А. Д. Грачу, их семь) (Грач, 1980а. С. 111; Длужневская, 1985; Овчинникова, Длужневская, 2000).

Могильник Кюзленги III (рис. 1, 15) находится на правом берегу р. Саглы, почти у северного подножия горы Кюзленги, в 9 км юго-западнее с. Саглы.

Могильник состоит из двух курганов и каменной оградки, примыкающей ко второму кургану с севера.

Могильник Даган-Тэли I (рис. 1, 18) расположен на высоте 1946 м над уровнем моря, в 10,7 км от с. Саглы на возвышенной равнине горы Кюзленги. Дорога к могильнику пролегает вдоль государственной границы России и Монголии по берегу р. Дужерлик. А. Д. Грачом на этом могильнике начиная с 1969 г. раскопано четыре (№ 1–4) кургана саглынской культуры (*Грач*, 1980б. С. 117–118, рис. 55). Отряд ТАЭ ИИМК РАН зафиксировал на могильнике Даган-Тэли I 22 объекта, что гораздо больше, чем было известно ранее. Среди них, очевидно, выделяются памятники саглынской культуры (как раскопанные, так и неисследованные), а также объекты тюркского времени. Вполне возможно, что зафиксированные западины, без каких-либо признаков наземных сооружений, могут оказаться памятниками как эпохи бронзы, так и раннего железного века.

Могильник Дужерлиг-Ховузу I (рис. 1, 20), расположенный в 3,7 км к ЮЗ от с. Саглы, в степи, на правом берегу р. Саглы (междуречье Саглы и Дужерлик), был обнаружен А. Д. Грачом в 1955 г., а позднее полностью им исследован. Могильник состоял из трех курганов (Там же. С. 118–119). В отвале, рядом с раскопанным курганом № 1, при обследовании в 2018 г. найден бронзовый наконечник стрелы.

Могильник Ортаа-Халыын II (рис. 1, 22) расположен в 5 км к СВ от с. Саглы; грунтовая дорога в сторону пос. Хандагайты проходит по его границе. В 1989 г. экспедицией, работавшей под руководством И. У. Самбу, были сделаны глазомерные планы: зафиксировано 23 кургана и 5 поминальных сооружений (*Самбу*, 1989). На этом памятнике отрядом ТАЭ ИИМК РАН выделено как минимум пять объектов, которые можно отнести к саглынской культуре.

Южнее могильника Ортаа-Халыын II, в 4 км от него, по левому берегу р. Ортаа-Хадын, в 2,8 км от с. Саглы раскинулся **могильник** эпохи бронзы **Ортаа-Халыын III** (рис. 1, 21) с слабозадернованными насыпями из крупных речных валунов и поминальными кольцевыми выкладками. Он протянулся с севера на юг на расстояние около 4 км до места слияния рек Саглы, Ортаа-Хадын и Кузленги (*Бусова*, 2018. Л. 56).

Краткая характеристика работ 2019 г.

В 2019 г. отдельный отряд ТАЭ ИИМК РАН вернулся в долину Саглы для того, чтобы заняться поисками *поселенческих памятников, а также объектов наскального искусства*.

Первым обнаруженным памятником *наскального искусства* стал **комплекс Мугур-Кожагар I** (рис. 1, 23; 7), заметный с дороги, идущей вдоль р. Ортаа-Хадын, в 5 км на север от с. Саглы. Комплекс состоит из кургана, сложенного у подножия скалы, стелы с изображением трех козлов, окруженной четырьмя кольцевыми выкладками. В нескольких десятках метров к западу от стелы начинается гряда скальных плоскостей, покрытых многофигурными композициями: изображения козлов, быков, собак, охотников (рис. 7). На самой вершине восточного отрога горы Мугур-Кожагар находятся наиболее крупные плоскости, которые страдают от действий «посетителей».

Далее на северо-запад, *по правому берегу р. Ортаа-Хадын*, встречаются погребальные памятники переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железному веку, сопровождаемые стелами и оленными камнями, а также геометрическими выкладками из валунов (Ортаа-Халыын VI и VII – рис. 1, 24, 25). На левом берегу р. Ортаа-Хадын преобладают памятники эпохи бронзы.

Отряд ТАЭ ИИМК РАН прошел разведочным маршрутом по левому берегу от устья реки до трассы Хандагайты – Мугур-Аксы. Были обнаружены разные типы памятников: *оленный камень* с изображением «серьги» и *стела* с изображениями козлов, заключенные в одной ограде (Ортаа-Халыын VIII – рис. 1, 26), *одиноким плоскостям с петроглифами*, *курганы с каменной наброской*, а также *поминальные сооружения* эпохи бронзы (Ортаа-Халыын IX – рис. 1, 27). Указанные объекты расположены на левом берегу р. Ортаа-Хадын, в 7 км на север от с. Саглы.

В результате предварительной разработки маршрута разведки, главной целью которой был поиск поселенческих памятников, в качестве основного ареала исследования выбрана северная часть Саглынской долины. Здесь обследованы ровные площадки, находящиеся в местах, где реки вытекают из узких горных ущелий и присутствует естествен-



Рис. 7. Петроглифы в местонахождении Мугур-Кожгагар I

Fig. 7. Petroglyphs at the site of Mugur-Kozhagar I

ная защита от ветра. По сути, это места, где современные тувинцы ставят зимники.

Первый разведочный шурф заложен на наиболее ровной площадке левого берега левого безымянного притока р. Теректиг, в том месте, где она выходит из ущелья – *лог Кургаг-Адыр* (рис. 1, 12). На поверхности, в кротовине найден фрагмент красноглиняной керамики.

Следующие *два шурфа* заложены на правом берегу р. Шин – *Шин II* (рис. 1, 2), в 25,5 км от с. Саглы (в намывах дождевого сея обнаружены кремневые отщепы и фрагмент красноглиняной керамики). В обоих случаях культурный слой либо отсутствовал полностью, либо был совершенно незначительным, что говорит о временном пребывании здесь людей.

Четвертый разведочный шурф заложен на территории лагеря экспедиции, *на правой надпойменной террасе р. Кара-Дыт* в 5 км от трассы Хандагайты – Мугур-Аксы. Здесь были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, орнамен-

тированной насечками, кости крупного рогатого скота, шлаки и прослежена стратиграфия. Керамика, по ряду признаков, может относиться к позднему бронзовому веку. Этот пример показывает перспективность поиска поселений в данном районе Тувы.

Также в процессе разведки открыты *уникальные конструкции (поминального назначения)*, предположительно относящиеся к эпохе бронзы. Один из комплексов расположен на левой высокой надпойменной террасе р. Теректиг, на территории могильника Теректиг II (рис. 1, 13) в 12 км к востоку от с. Саглы. Это серия подпрямоугольных выкладок из крупных и средних валунов, ориентированных по сторонам света.

На правом высоком берегу р. Шин, в 25,5 км к востоку от с. Саглы зафиксировано предполагаемое «*святилище*» *Шин I* (рис. 1, 3). Здесь обследованы подпрямоугольные двойные выкладки, размерами 20 × 16 м по внешнему краю, сопровождающиеся «*лучами*» из вкопанных балбалов, уходящими на 50 м

на восток и запад от центра сооружения, ориентированного сторонами по сторонам света. В структуре сооружений явно фиксируется «вход» на востоке. Подобные выкладки исследованы Вл. А. Семёновым в Монгун-Тайге (Семёнов, 1997).

Всего за два полевых сезона (2018–2019 гг.) отдельным отрядом ТАЭ ИИМК РАН в Саглынской долине было обследовано 20 курганных могильников, из которых 11 найдены впервые и ранее не исследовались: Саглы-Бажи VII (рис. 1, 9), Шогмод-Ула I–II (рис. 1, 10, 11), Теректиг I–II (рис. 1, 13, 14), Кюзленги III (рис. 1, 15), Ортаа-Халыын III (рис. 1, 21), VI, IX, Кожелиг I (рис. 1, 1). Эти данные свидетельствуют о необходимости проведения постоянных планомерных исследований

в долине Саглы – речь идет о составлении инструментальных планов расположенных здесь погребальных памятников, как ранее изученных, так и новых, а также поиске поселенческих памятников. Такие работы уже начались – в 2019 г. удалось создать инструментальный план могильника Шогмод-Ула II (художник М. Н. Никитина) (рис. 1, 11). Несмотря на целый ряд исследований прошлых лет, проведенных нашими предшественниками, на территории Саглынской долины остались неизведанные уголки, где ждут своего открытия еще неизвестные археологические памятники. При этом не теряет своей актуальности как обследование уже известных памятников, так и уточнение информации о расположении ранее изученных объектов.

Астахов, 1986 – Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986. 173 с.

Бусова, 2018 – Бусова В. С. Отчет по разведке в Овюрском кожууне в 2018 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 60866.

Грач, 1954 – Грач А. Д. Обследование археологических памятников Западной Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 155–168.

Грач, 1955 – Грач А. Д. Археологические исследования в Западной Туве // Краткие сообщения Института этнографии. 1955. Вып. 23. С. 19–33.

Грач, 1957 – Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I (проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. 1957. Вып. XVII. С. 385–460.

Грач, 1958 – Грач А. Д. Петроглифы Тувы II (публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.) // Сборник МАЭ. 1958. Вып. XVIII. С. 339–384.

Грач, 1960 – Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях, проведенных в 1960 г. Первым археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 2158.

Грач, 1961 – Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Изд-во восточной литературы. 1961. 96 с.

Грач, 1967 – Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. 1967. № 3. С. 215–233.

Грач, 1968а – Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рожд. чл.-корр. АН СССР, доктора исторических наук, проф. С. П. Толстова / Ред. А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 207–213.

Грач, 1968б – Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии / Отв. ред. Т. С. Пассек. М.: Наука, 1968. С. 105–111. (КСИА. Вып. 114).

Грач, 1969а – Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // К 50-летию советской археологии / Отв. ред. Т. С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 43–57. (КСИА. Вып. 118).

Грач, 1969б – Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях I-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР в 1969 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3924.

Грач, 1980а – Грач А. Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. 1980. Вып. XXII. С. 103–123.

Грач, 1980б – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грач, 1998 – Грач А. Д. Памятники скифского времени на границе котловины Больших озер. Саглынская долина // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача, декабрь 1998 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 10–13.

- Длужневская*, 1985 – *Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 17 с.
- Килуновская*, 2011 – *Килуновская М. Е.* Новые петроглифы на южном склоне восточного Танну-Ола в Туве // *Археология Южной Сибири*. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 86–91.
- Килуновская*, 2012 – *Килуновская М. Е.* Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // *Археологические памятники России: охрана и мониторинг*. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Отв. ред. А. В. Субботин. СПб.: Инфо-ол, 2012. С. 102–176.
- Килуновская*, 2018 – *Килуновская М. Е.* Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // *НОСА*. 2018. № 1(21). Вып. 5. С. 35–54.
- Кызласов Л.*, 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Маннай-оол*, 1961 – *Маннай-оол М. Х.* Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. // *УЗ ТНИИЯЛИ*. 1961. Вып. IX. С. 222–225.
- Марсадоллов*, 1998 – *Марсадоллов Л. С.* Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // *АСГЭ*. 1998. Вып. 33. С. 49–60.
- Овчинникова, Длужневская*, 2000 – *Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.
- Потанов*, 1957 – *Потанов Р. Л.* К истории фауны Центральной Азии (О наскальных изображениях животных в Туве) // *Сборник МАЭ*. 1957. Вып. XVII. С. 429–431.
- Потанов*, 1958 – *Потанов Р. Л.* О некоторых наскальных изображениях, обнаруженных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайга // *Сборник МАЭ*. 1958. Вып. XVIII. С. 385–389.
- Самбу*, 1989 – *Самбу И. У.* Исследование археологических памятников Овюрского района Тувинской АССР в 1989 г. // *НОА ИА РАН*. Ф-1. Р-1. № 13501.
- Свод*, 1994 – *Свод археологических памятников Республики Тыва* / Сост. И. У. Самбу. Кызыл: Изд-во ТувНИИЯЛИ, 1994. 192 с.

Archaeological sites of Ovyur: history of studies, the modern condition and perspectives of the investigations

V. S. Busova, M. E. Kilunovskaya

Ovyur is a district in Tuva situated on the southern slope of the Tannu-Oola mountain ridge at the boundary between the kettle of closed lakes of Mongolia and the basin of the Upper Yenisei with the rivers flowing into it. The largest of these rivers is the Khemchik. This border situation has defined the specifics of the historical and cultural development of the region where Central Asiatic and South Siberian cultural traditions are combined at numerous archaeological sites. A. D. Grach devoted much attention to investigations at Ovyur. He studied here different categories of historical sources: stone statues, petroglyphs, ritual installations of the early Turkic period and kurgans. On the basis of the materials from his excavations in the Sagly valley, he defined the Sagly culture comparable with the Pazyryk culture of Altay. The Tuva Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture RAS, since 2009, conducts researches in the western regions of Ovyur aimed at monitoring the condition of the already revealed sites, as well as discovery and studying

of new ones. Thus there were surveyed sites of rock representations in the Khandagayty Depression and the valley of the Torgalyk (Southern) River near the village of Sagly. Identification, description and excavations of burial grounds of the pre-Scythian and Early Scythian periods have been carried out near the village of Dus-Dag (Kara-Turug 2) and at the isolated terrain of Khovuzhuk-Aksy and Bora-Shay. Over the last two years, an independent party of Tuva Archaeological Expedition has been conducting surveys in the Sagly valley; twenty burial grounds have already been revealed, interesting surface finds have been collected, the remains of a settlement on the Kara-Dyt River and a new site with rock art (petroglyphs) on the Ortaa-Khalyn River were found. Now it becomes ever more evident that A. D. Grach's investigations have touched one of the regions of Tuva which is the most interesting and rich in diverse early monuments, while the modern researchers look forward for a broad perspective of their studies already at a new methodical and technical level.

МЕХОВЫЕ ОДЕЖДЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОГЛАХТЫ: ШУБЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 4

С. В. Панкова¹

Аннотация. Погребения таштыкского грунтового могильника Оглахты в Хакасии интересны как хорошо сохранившимися предметами из органических материалов, так и необычной погребальной практикой: в могилах соседствуют захоронения по обряду ингумации с трепанированными черепами (мумии) и кремации в кожанно-травяных манекенах («погребальные куклы»). В могиле 4 (III–IV вв. н. э.) мужские и женские мумии и куклы были одеты в меховые одежды: шапки, шубы, нагрудник, рукавицы, штаны, носки / чулки и сапожки. Основное внимание уделяется найденным шести шубам, принадлежащим разным категориям погребенных. Рассмотрение особенностей покроя шуб и способов их шитья привело к выводу о том, что наибольшие различия наблюдаются между шубами, сшитыми мехом к телу и мехом наружу. Отличия шуб, принадлежащих мумиям и куклам, женщинам и мужчинам, детям и взрослым, также существуют, но выглядят гораздо менее явными.

Annotation. Burials of the Tashtyk flat-grave cemetery of Oglakhty in Khakasia are interesting both in the well preserved objects from organic materials and in a peculiar funerary practice: in the graves, interments according to the inhumation rite with trepanised skulls (mummies) and cremations placed in leather-grass dolls (funerary mannequins) are neighbouring. In grave no. 4 (3rd–4th century), the male and female mummies and mannequins are dressed in fur clothes: caps, coats, bibs, mittens, trousers, socks/stockings and boots. The main attention is paid to findings of six fur coats belonging to different categories of the interred. Analysis of the peculiarities of the cut of the fur coats and techniques of their sewing draws to the conclusion that the greatest differences are between the coats sewn fur inside and those with fur out. There are also certain differences between the furs coats belonging to mummies and mannequins, males and females, children and adults, but these distinctions seem to be much less pronounced.

Ключевые слова: Южная Сибирь, таштыкская культура, Оглахтинский грунтовой могильник, мумии, погребальные куклы, костюм, шубы, мех, покрой, швы.

Keywords: Southern Siberia, Tashtyk culture, Oglakhty flat-grave cemetery, mummies, funerary mannequins, costume, fur coats, fur, dress cut, seams.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-202-215

В отдельных погребениях Оглахтинского могильника хорошо сохранились предметы из органических материалов – кожи и меха, дерева и тканей. Находки из могилы 4, исследованной в 1969 г. Л. Р. Кызласовым, в полном составе переданы в Государственный Эрмитаж; погребение датируется III–IV вв. н. э. (Панкова и др., 2010). В нем сохранились две мумии и две куклы, облаченные в меховые одежды. Опубликованы общие описания комплекса одежд из могилы 4 (Кызласов Л., 1969а; 1992; Никитина, Баранова, 1973; Завитухина, 1976. С. 100–101) и единичные предметы (Zavitukhina, Barkova, 1978. P. 95, no. 128; Nikolaev, Pankova, 2017. P. 347–350,

Cat. 263–266). Их первый анализ осуществлен Э. Б. Вадецкой, которая также использовала архивные описания А. В. Адрианова, касающиеся находок 1902–1903 гг. (Вадецкая, 1999. С. 54–58).

Основные вопросы при изучении оглахтинской меховой одежды – особенности покроя и способы пошива, видовая принадлежность животных, чьи шкуры использованы для создания различных предметов и их деталей, а также вероятное отличие одних и тех же категорий одежды у мужчин и женщин, взрослых и детей, мумий и кукол. Настоящая статья – первая попытка краткого описания и систематизации шуб из оглахтинской могилы 4².

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: svpankova@gmail.com.

² Изучение шуб проходит одновременно с нелегкой работой по их зарисовке и при непосредственном участии А. О. Машизерской. Искренне благодарю ее за это.

В погребении находились четверо взрослых и ребенок. Двое взрослых (мужчина и женщина) и ребенок 6–7 лет³ погребены по обряду ингумации с расписными гипсовыми масками на лицах; у взрослых черепа посмертно трепанированы («мумии»). Тела двух других взрослых были сожжены, а оставшиеся кости помещены в грудь человекоподобных кожаных манекенов – скорее всего, погребений мужчин: по данным Э. Б. Вадецкой, все определимые кремации на раскопанных ею могильниках Мысок, Новая Черная IV и V, Комаркова принадлежали мужчинам, при этом большинство ингумаций в тех же памятниках определены как женские (Там же. С. 48). О принадлежности костей из куклы 1 мужчине может свидетельствовать исключительное сходство ее лица с маской мужской мумии из того же погребения (*Завитухина*, 1976. С. 100). На мужскую мумию и обе куклы в могиле 4 были надеты штаны, тогда как женщина погребена в юбке (*Панкова*, 2005; *Pankova*, in print. Fig. 14). Наконец, принадлежность костей сожжения куклы 2 мужчине недавно определена И. Г. Широковым⁴. Сводная информация о предметах одежды из могилы 4 представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, подавляющее большинство предметов одежды сделаны из меха: две шапки, шесть шуб, нагрудник, пара рукавиц, три пары штанов, чулки (или носки). Почти все они тщательно сшиты из фрагментов мелкими стежками сухожильных нитей, имеют аккуратные заплатки. **Шубы** – наиболее многочисленные из находившихся в могиле 4 предметов одежды и представлены у всех категорий погребенных: мужчин и женщины, мумий и кукол, взрослых и детей.

Упоминание Л. Р. Кызласова о том, что «погребенные одеты в одежды из шерстяных тканей» (*Кызласов Л.*, 1969а. С. 95; 1992. С. 66), привело к ошибочному представлению о присутствии у мужчины шерстяной рубахи (*Готлиб и др.*, 2003. С. 192). На самом деле шубы были надеты прямо на тела погребенных.

³ Определение Л. Р. Кызласова (*Кызласов Л.*, 1969б. Л. 42). Скелет ребенка сохранился плохо, одежда при нем не обнаружена.

⁴ Благодарю с. н. с. Отдела антропологии МАЭ РАН к. и. н. И. Г. Широкова за возможность сослаться на результат неопубликованного исследования.

Мужчина (мумия) был одет в две шубы: нижнюю – мехом к телу – и верхнюю – мехом наружу. У женщины шуба была накинута на плечи (*Кызласов Л.*, 1969б. Л. 45). У обеих кукол шубы надеты в рукава. Детская шубка (по размеру подходящая разве что младенцу) найдена под плечами мужской мумии. Данные о принадлежности меха, согласно определениям Н. К. Верещагина (Зоологический Институт РАН), приведены в таблице 2. Эти определения были сделаны в 1970 г. по особенностям внешнего вида, когда мех большинства оглахтинских одежд был в хорошем состоянии и еще не лишился ворса⁵. Здесь же (табл. 2) приведена информация о длине шуб.

Наиболее близки друг другу **внутренняя шуба мужской мумии и шуба женской мумии** (рис. 1; 2). Они сшиты мехом внутрь из вертикальных полос, в свою очередь набранных из прямоугольных фрагментов стандартного размера (около 10 × 6 см для мужской шубы, 15 × 7,5 см – для женской). У мужской и женской шуб имеются одинаковые симметрично расположенные клинья по сторонам от боковых швов для расширения шуб книзу. У женской шубы эти клинья и, соответственно, расширение шубы начинаются на уровне груди, а у мужской – ниже, в районе пояса. Подобные клинья вшиты в основание рукавов для свободы движений в плече. Обе шубы декорированы узкими полосками меховых окантовок, идущими по краям ворота с обеих сторон, по краям бортов и манжет (рис. 1, 1, 2, 4). Мужская шуба окантована по нижнему краю подола (рис. 1, 1), у женской шубы нижняя часть утрачена (рис. 2, 1).

Для соединения разных деталей использовались швы определенных видов: исходные прямоугольные фрагменты соединены между собой изнаночным швом «вперед иголка» по основанию отгиба сшиваемых краев (рис. 2, 4). Основные детали шуб (полочки, спинка, края рукавов) соединены швом через край с изнанки – таковы боковые

⁵ Приведены данные, включенные в «Результаты определения шкур пушных зверей на одежде трупов и кукол из могилы Оглахты VI <...> раскопок проф. Л. Р. Кызласова» от 27.01.1970 г. Курсивом отмечены определения, отсутствующие в названном документе, но обнаруженные в рукописи из личного архива Н. К. Верещагина в ЗИН РАН. Благодарю с. н. с. Лаборатории териологии ЗИН РАН, к. б. н. М. В. Саблина за помощь при работе с этим архивом.

Таблица 1. Набор предметов одежды из могилы 4 Оглахтинского могильника
Table 1. Set of clothing items from the grave no. 4 of the flat-grave cemetery of Oglakhty

Способ погребения	Пол	Предмет	Материал
Ингумация (мумия)	Мужчина	Шапка	Мех
		Шуба верхняя	Мех
		Шуба нижняя	Мех
		Нагрудник	Мех
		Две рукавицы	Мех
		Штаны	Мех
		Гетры?*	Мех
		Пара сапожек	Мех или кожа
		Детская шубка (подложена под плечи)	Мех
Ингумация (мумия)	Женщина	Шуба	Мех
		Юбка	Ткань
Ингумация	Ребенок 6–7 лет	–	–
Кремация (кукла 1)	Мужчина?	Шуба	Мех
		Штаны (часть левой штанины)	Мех
		Остатки высоких носков	Мех
		Сапожки	Мех
Кремация (кукла 2)	Мужчина	Шуба	Мех
		Штаны	Мех
Принадлежность неясна (женская мумия, кукла 1 или кукла 2)**		Шапка	Мех
Принадлежность неясна (мумия мужчины или женщины?)* **		Фрагменты неопределенного предмета, состоящие из шерстяной ткани, сшитой с фрагментами меха или кожи	Мех / кожа, ткань

Примечания: * Л. Р. Кызласов упоминает меховые «гетры» в полевом отчете и публикациях (Кызласов Л., 1969а. С. 96; 1992. С. 66), но по неотреставрированному монолиту ног мумии сегодня судить о них трудно;

** В погребении шапка лежала у западной стенки сруба, между головой куклы 1 с одной стороны и головами женской мумии и лежащей под ней куклы 2 – с другой (Кызласов Л., 1969б. Л. 47); *** Л. Р. Кызласов упоминает шерстяную ткань на колене мужской мумии «очевидно, от нижних штанов» (Кызласов Л., 1969б. Л. 43) и «обрывки меховых штанов» на тазе женской мумии (Там же. Л. 45). Возможно, с какими-то из этих находок и соотносятся имеющиеся в коллекции тканемеховые фрагменты.

швы шубы и рукавов (рис. 2, 5). Манжеты пришиты к рукавам и борта / воротник к полочкам / спинке швом через край с лица, что могло иметь декоративное значение. Так же сделаны швы по окату рукава и плечевые швы, но они при этом

закрыты полосками кожи с подогнутыми краями. Интересно, что на плечевых швах это не просто полоски, а сужающиеся к рукавам своего рода «погоны», имеющие окончания в виде трехпалых лапок (рис. 1, 3; 2, 3). На обеих шубах эти «по-

Таблица 2. Данные о длине шуб и видовой принадлежности меха
Table 2. Data about the length of fur coats and species of fur

Способ захоронения	Пол	Мехом внутрь или наружу	Принадлежность меха	Длина, см	№ рисунка
Мумии	Мужчина	Наружу (верхняя шуба)	Основа – северный олень. Оторочка – козел?	>106 Низ оборван	3
		Внутри (нижняя шуба)	Основа – овца (овца или домашний козел). Оторочка – лайка или волк	105–108*	1
Мумия	Женщина	Внутри	Основа – коза или овца (домашний козел). Оторочка – козел (?). Воротник и борта – росомаха или медведь. Узкая полоска окантовки на вороте и бортах – лисица или соболь	>133 Низ оборван	2
Кукла 1	Мужчина?	Наружу	Основа – узкие полоски шкурок с ног оленя, косули или сибирского козерога (косуля). Левая манжета – собака лайка	92–95	4
Кукла 2	Мужчина?	Внутри	Основа – домашний козел (черной и лимонной окраски), взрослый северный олень. Оторочка из собачьего меха (лайка)	80–83	5
Принадлежность неизвестна (младенец)		Внутри	Основа – овца. Пола – козел. Оторочка – лайка или волк. Оторочка у ворота – соболь	40	6

Примечание: * Примерная оценка длины связана с сильной деформацией и складчатым характером кожи шуб.

гончики» соединяются на спине в узкую кокетку (рис. 1, 5).

Воротники обеих шуб двойные (внутренний слой меховой, внешний – из толстой кожи). При этом борта – одинарные, продолжающие полосу меха, спускающуюся с ворота. Воротники мужской и женской шуб скроены из трех основных деталей: по три полосы кожи или меха сшиты торцами в огибающий шею ворот. На женской шубе стыки между тремя фрагментами на меховой и кожаной сторонах совпадают; кроме того, они расположены на одной линии с передним краем «погончиков». На мужской шубе места соединения трех фрагментов видны только на внутренней, некогда меховой

стороне (рис. 1, 4, красные стрелки), тогда как на кожаной стороне возможные места стыков закрыты рельефными фигурами, напоминающими стилизованные бутоны на стеблях (рис. 1, 2, 5). Пять таких фигур расположены симметрично на вороте, на равном расстоянии друг от друга. Положение второго и четвертого «бутонов» соответствует переднему краю «погон» (рис. 1, 5) и стыкам внутренней части ворота: значит, подобно женской шубе, здесь могут располагаться стыки трех составляющих внешней стороны ворота.

На внутренней стороне ворота мужской шубы сделаны вытачки: пять на центральном фрагменте и по четыре на боковых (рис. 1, 4). Идущие снизу



1a

1



2



3



4



5

вверх, они немного не доходят до внешнего края ворота, чем и отличаются от стыковочных швов. Вытачки, видимо, служили для придания вороту вертикального положения.

Еще одна интересная особенность мужской и женской шуб скрыта под «кокеткой» с окончаними-лапками (рис. 2, 3; 1, 5) и видна только изнутри. Плечевые швы шуб соединяются позади ворота, образуя прямую горизонтальную линию верха спинки. По центру этого шва, между ним и воротом каждой шубы, вшита миниатюрная трапециевидная деталь, размерами $16 \times 1,5$ см у мужской шубы и 15×1 см у женской.

На обеих шубах сохранились обрывки кожаных ремешков-завязок у нижнего края ворота: с обеих сторон у мужской шубы (рис. 1, 1, синие стрелки, 1a) и слева у женской (участок правого борта в месте вероятной завязки разрушен) (рис. 2, 1, синяя стрелка, 1a). Завязки на левой стороне обеих шуб расположены у самого края борта, тогда как парная завязка на правой стороне мужской шубы пришита глубже, на стыке борта с полочкой (рис. 1, 1). Это позволяет предполагать, что полы завязывались не встык, как предполагали ранее (Завитухина, 1976. С. 101; Вадецкая, 1999. С. 54–57), а внахлест слева направо.

Так же расположены и парные отверстия под воротом второй, внешней шубы мужской мумии, в которых можно предполагать следы от утраченных завязок (рис. 3, 1, 3, синие стрелки). Это округлые отверстия диаметром около 1 см: на левом борту отверстие расположено у его внешнего края, на правом – у стыка борта с полочкой. Деформация кожи вокруг отверстий, которая отогнута наружу, причем наиболее сильно на обращенных друг к другу сторонах обоих отверстий, могла произойти от регулярного натяжения продетых в отверстия ремешков-завязок.

Воротник этой шубы также скроен из трех частей (рис. 3, 3, красные стрелки) и также имеет вытачки для придания вороту стоячего положения (рис. 3, 2, 3). Вытачки сделаны по поперечным надрезам от нижнего края ворота: четыре на центральном фрагменте и по две на боковых. Однако воротник этой шубы однослойный.

Внешняя шуба мужской мумии в целом отличается от ранее описанных рядом особенностей. Во-первых, она сшита мехом наружу. Во-вторых, ее полочки, рукава и, видимо, спинка (сохранилась лишь в самом верху) сшивались не из вертикальных полос, набранных из прямоугольных деталей, а из горизонтальных ярусов, сшитых из узких вертикальных полосок, размерами около 22×5 см. В-третьих, для соединения всех частей шубы использованы швы лишь одного вида – через край с изнанки. Отсутствуют узкие оторочки на вороте, бортах и манжетах. Нет полосок, закрывающих швы по окату рукава, нет декоративных деталей. О клиньях у боковых швов из-за сохранности шубы данных нет; на единственном сохранившемся рукаве клинья расположены не симметрично: по одному, с разных сторон шва, на уровне разных ярусов рукава. У этой шубы особенно много зашитых разрывов и аккуратно пришитых с оборота заплаток.

Насколько принципиальны отличия описанных шуб мумий? Создается впечатление, что определяющее значение имело то, куда обращен мех – внутрь или наружу. Его направление могло быть связано с более конкретным назначением предмета одежды и влиять на способы его изготовления. Вполне логично, что нижняя шуба обращена мехом к телу – так теплее. Также и отсутствие декоративных деталей («бутоны», «погоны» с лапкой) на внешней шубе могло определяться ее густой меховой поверхностью.

Рис. 1. Нижняя шуба мужской мумии (мехом внутрь). Мех, кожа. 1 – общий вид (синие стрелки указывают на завязки); 1a – обрывок завязки на левой поле; 2 – ворот с аппликациями в виде «бутонов»; 3 – «погон» правого плеча с трехпалой лапкой; 4 – внутренняя сторона воротника: стыки и вытачки, окантовка узкой полоской меха (красные стрелки указывают на стыки / соединительные швы трех частей воротника); 5 – правое плечо шубы с «кокеткой» и «погоном» с лапкой, ворот с аппликациями-«бутонами». 1, 2 – фото К. Синявского; 3, 4 – фото автора; 5 – рисунок А. О. Машезерской

Fig. 1. The underwear fur coat of a male mummy (fur inside). Fur, leather. 1 – general appearance (blue arrows point to the strings); 1a – scraps of a string on the left field; 2 – collar with appliqué in the form of ‘buds’; 3 – ‘shoulder strap’ of the right shoulder with a three-finger leg; 4 – internal side of the collar: joints and tucks, fringe of a narrow band of fur (red arrows point to the joints/ connecting seams of the three parts of the collar); 5 – right side of the fur coat with a yoke and a ‘shoulder strap’ with a leg, collar with appliqué in the form of ‘buds’. 1, 2 – photo by K. Sinyavskiy; 3, 4 – photo by the author; 5 – drawing by A. O. Mashezerskaya



Рис. 2. Шуба женской мумии мехом внутрь. Мех, кожа. 1 – общий вид (синяя стрелка указывает на завязку); 1а – обрывок завязки на левой поле; 2 – левая полочка изнутри; 3 – детали плечевой части шубы, вид со спины: шов верха спинки и трапециевидной детали (показаны пунктиром) и закрывающая их «кокетка»; 4 – шов «вперед иголка» по основанию отогнутых краев; 5 – шов через край с изнанки; 6 – «погон» левого плеча с трехпалой лапкой. 1, 2, 4 – фото К. Синявского; 5, 6 – фото автора; 3 – рисунок А. О. Машезерской

Fig. 2. Fur coat of a female mummy (fur inside). Fur, leather. 1 – general appearance (blue arrow points to the string); 1a – scrap of a string on the left field; 2 – left fillet on inside; 3 – parts of the shoulder of the fur coat, view from the back: seam of the top of the back and trapezoid part (shown in dotted line) and the yoke covering them; 4 – seam ‘needle forwards’ along the base of the everted edges; 5 – seam over the edge on the inner side; 6 – ‘shoulder strap’ of the left shoulder with a three-finger leg. 1, 2, 4 – photo by K. Sinyavskiy; 5, 6 – photo by the author; 3 – drawing by A. O. Mashezerskaya

Интересно, что **шуба куклы 1**, также шитая мехом наружу, имеет ряд сходств с описанной верхней шубой мужской мумии (рис. 4). Она шита из горизонтальных ярусов, собранных из узких вертикальных полосок меха (рис. 4, 3). При ее изготовлении использован лишь один тип шва – через край с изнанки или встык. Соответствующие друг

другу ярусы левого и правого рукавов (всего по три) имеют разную высоту, т. е. были асимметричны, однако, возможно, это было незаметно в густом меху. Манжеты при этом сделаны из контрастного меха: правый – светлый, левый – темный.

Ворот однослойный, оторочек нет. Боковые клинья в рукавах отсутствуют (под мышками шуба не



Рис. 3. Верхняя шуба мужской мумии (мехом наружу). Кожа (ворс выпал). 1 – общий вид; 2 – воротник, вид сзади; 3 – воротник и верхняя часть бортов (красные стрелки указывают на стыки / соединительные швы трех частей ворота; синие стрелки указывают на отверстия, оставшиеся, вероятно, от завязок). 1, 2 – фото К. Синявского; 3 – фото автора

Fig. 3. Upper fur coat of a male mummy (fur out). Leather (the nap fallen out). 1 – general view; 2 – collar, view from behind; 3 – collar and the top part of the edge (red arrows point to joints / connecting seams of the three parts of the collar; blue arrows point to holes left probably from the strings). 1, 2 – photo by K. Sinyavskiy; 3 – photo by the author

сохранилась). Однако ярусы соединяются не встык, как у верхней шубы мумии, а внахлест, с перекрытием нижних полос верхними на 2–3 см. Воротник, сохранившийся слева на одну треть, сшит из прямоугольных кусочков в 3–4 и 8–9 см длиной (рис. 4, 3).

Под воротом у внешнего края левого борта сделана горизонтальная прорезь, в которую вставлен и завязан плоский кожаный ремешок – завязка

(рис. 4, 2, 3, синие стрелки). По низу шубы шла полоса окантовки шириной около 2,5 см (рис. 4, 1).

Укороченная **шуба куклы 2** сшита мехом внутрь и во многом сходна с шубами мумий, сшитыми так же. У нее двухслойный ворот, его внутренняя сторона меховая, а внешняя кожаная, украшенная пятью рельефными «бутонами» (рис. 5, 1–3). Позади ворота есть трапецевидная деталь, к которой при-



Рис. 4. Шуба куклы 1. Мех. 1 – общий вид куклы; 2 – общий вид верхней части шубы спереди (синяя стрелка указывает на завязку); 3 – левое плечо и верх рукава, воротник и часть борта с завязкой. 1 – фото 1969 г.; 2, 3 – фото П. С. Демидова

Fig. 4. Fur coat of mannequin 1. Fur. 1 – general view of the mannequin; 2 – general view of the upper part of the fur coat in the front (the arrow points to a string); 3 – left shoulder and the top of the sleeve, collar and part of the edge with a string. 1 – photo of 1969; 2, 3 – photo by P. S. Demidov



Рис. 5. Шуба куклы 2 (мехом внутрь). Мех. 1 – общий вид; 2, 3 – воротник с аппликациями; 4 – мех на левой полочке.
Фото К. Синявского

Fig. 5. Fur coat of mannequin 2 (fur inside). Fur. 1 – general view; 2, 3 – collar with applications; 4 – fur on the left fillet.
Photo by K. Sinyavskiy

мыкает горизонтальная линия верха спинки. Швы шубы отличаются для разных ее деталей: мелкие фрагменты сшиты швом «вперед иголка» по основанию отогнутых краев, крупные – швом через край (боковые швы, швы пришива манжет, бортов, во-

рота и полосы окантовки низа). На вороте, манжетах и бортах есть узкие полосы окантовки.

Вместе с тем очевидны и отличия. Во-первых, способ набора «полотна» этой шубы не имеет видимой системы. Фрагменты, составляющие шубу, совершен-

но различны: от крупных прямоугольных кусков до мелких фрагментов разной формы, видимо составленных изначально в большие детали – разновеликие полосы и клинья, а затем соединенных в полочки. Во-вторых, клиновидные фрагменты вставлены также скорее произвольно: в передних полах шубы имеются по 1–2 клиновидных фрагмента, сделанных как будто с учетом необходимости расширения шубы книзу. Вместе с тем в правой полочке присутствует и клиновидный фрагмент обратного направления. У бокового шва со стороны полочки вставлен клиновидный фрагмент меха, но с противоположной стороны шва симметричного клина нет. Однако на сохранившейся части спинки видна тенденция ее набора из вертикальных полос, составленных из фрагментов.

Передние полы шубы имеют очевидное удлинение к центру. Низ ворота и верх бортов утрачены, как и вероятные для этих участков шубы завязки.

Детально проработанный воротник заслуживает отдельного внимания. На внутренней стороне сохранившейся части ворота имеются семь поперечных стыковочных швов (1–7, считая с левой стороны вокруг шеи), т. е. эта сторона была собрана из прямоугольных фрагментов длиной от 6 до 9,5 см. Пять фигур-«бутонов» на внешней стороне ворота в целом соответствуют местам стыковочных швов внутренней стороны ворота (от 2-го до 6-го). На участках, где сшивка слоев ворота разошлась, удалось выяснить, что часть «бутонов» действительно закрывает стыки деталей наружного ворота, а другие – пришиты на участок без стыка. Стык под вторым слева «бутоном» соответствует месту стыковки деталей трехчастных воротников на других шубах. Значит, внешняя сторона ворота куклы 2 также могла быть скроена из трех основных частей – эта особенность выглядит уже стандартной для оглахтинских шуб. Однако нет вытачек.

Шуба куклы 2 по многим признакам подобна шубам мумий с мехом внутри. Ее отличие от них – меньшая длина, разнородность исходных фрагментов и отсутствие симметрии в расположении боковых клиньев.

Детская шубка очень похожа на взрослые, хотя и отличается рядом особенностей. Она сшита мехом внутрь и, подобно таким же шубам мумий, имеет симметричные клинья у боковых швов. Ворот, борта и манжеты оторочены узкими полосками меха.

Подобно шубе куклы 2, полы детской шубки скошены и удлиняются к центру, однако нижняя полоса окантовки здесь отсутствует (рис. 6).

Швы соединения большинства фрагментов одинаковые – через край с изнанки. Отличаются только швы набора ворота и борта и шов их пришивки к полочкам – через край с лица. Похоже, эти рельефные швы выполняли и декоративную функцию, т. к. хорошо выделяются на поверхности кожи в передней части шубки.

Спинка, миниатюрные рукава и большие части полочек сделаны из цельных фрагментов меха (полочки надставлены снизу дополнительными фрагментами); возможно, это определяется небольшими размерами шубки. То же можно предположить относительно однослойного ворота: двойной воротник был бы излишне тяжелым для такого миниатюрного предмета. Судя по расположению двух поперечных швов на вороте – по сторонам от шеи, – воротник кроился из трех фрагментов, подобно воротникам большинства шуб взрослых. Завязки отсутствуют.

Плечевые швы шубки смещены назад и соединяются за воротом в одну линию, совпадающую с горизонтальным краем верха спинки. По центру спинки, под воротником расположена миниатюрная трапециевидная деталь, сужающаяся книзу (рис. 6, 2, *стрелка*). Такие же детали, как было сказано, присутствуют и на шубах взрослых, сшитых мехом внутрь (только у мужской и женской мумий они скрыты пришитыми снаружи «кокетками» с окончаниями-лапками). Отличие оформления детской шубки в том, что во все эти швы – горизонтальный шов верха спины, боковые швы трапециевидной детали, швы оката рукавов – проложены согнутые вдвое полоски кожи.

На шубке несколько аккуратных округлых заплата, поставленных снаружи. Благодаря им, а также из-за тщательности исполнения шубка производит впечатление реально носимого предмета одежды.

По многим признакам детская шубка сшита аналогично взрослой одежде: общий покрой со стоячим воротом и бортом; пошив ворота из трех деталей; смещенные плечевые швы и трапециевидная деталь под воротом; отделка бортов и ворота; скошенные к центру полы. Некоторые отличия этой шубки могли быть связаны с ее миниатюрными размерами: цельный характер полочек и спинки, однослойность воротника, отсутствие завязок.



Рис. 6. Детская шубка (мехом внутрь). Мех. 1 – общий вид спереди; 2 – вид сзади (красная стрелка указывает на трапециевидную деталь). Фото В. С. Теребенина. Рисунок А. О. Машезерской

Fig. 6. Child's fur coat (fur inside). Fur. 1 – general view from the front; 2 – view from behind (red arrow points to a trapezoid detail). Photo by V. S. Terebenin. Drawing by A. O. Mashezerskaya

Хотя в могиле 4 похоронен ребенок, шубка вряд ли имела к нему отношение, как было сказано, по размеру она подходит разве что младенцу, к тому же была подложена под плечи мужчины. В могильниках на востоке Таримского бассейна, где хорошо сохранилась органика, известны примеры помещения вотивных кафтанчиков со взрослыми погребенными (*Bao*, 1989. P. 5; *Wieczorek, Lind*, 2007. P. 249, 260, Cat. 148, 162). Возможно, эти случаи чем-то аналогичны нашему. Но оглахтинская шубка могла быть и детской одеждой погребенного мужчины, которую хранили в течение жизни в его семье и похоронили вместе с ним.

Подводя итоги краткого рассмотрения шуб из могилы 4 Оглахтинского могильника, можно отметить, что все они имеют характерный узнаваемый покрой и включают такие детали, как вертикальный ворот, сшитый из трех частей и переходящий в борта, и пара завязок у основания ворота. Рукава всех шуб обрамлены манжетами, а сохранившийся нижний край подола – полосой окантовки.

Все взрослые шубы сшиты из фрагментов и изготавливались, похоже, по определенным правилам, набор которых определялся прежде всего направлением волоса шкуры – внутрь или наружу. Шубы, сшитые мехом к телу, изготовлены с бóльшим числом деталей, и разные категории деталей соединены с помощью определенных видов швов. У таких шуб двойные воротники, окантованные, как и борта и манжеты, узкими полосками меха. На кожаной поверхности шуб – декоративные детали в виде фигурных аппликаций и внешних швов; отдельные швы закрыты полосками кожи. Шубы мумий мехом внутрь сшиты из вертикальных полос, набранных из одинаковых прямоугольных фрагментов; у боковых швов вшиты симметричные клинья. Последняя особенность отличает и детскую шубку. У нее и шубы куклы 2 полы скошены к центру. Эта деталь неожиданно напомнила подобную особенность плечевой одежды скифов, изображенных на элитных предметах торевтики (*Алексеев*, 2012. С. 134, 154–155, 160–161, 186, 194, 198–199 сл.). Интересно, что кафтаны с подобными полами представлены также на керамической плитке с городища Кафыр-Кала в Таджикистане VIII в. (*Соловьев*, 1991. С. 271; *Филимонова, Сайфулов*, 2019. Обложка).

Шубы мехом наружу составлены из горизонтальных ярусов, набранных из узких вертикальных полосок. Использован лишь один вид швов, ворот однослойный, нет окантовок и декоративных деталей. Менее выражены клинья для расширения шуб книзу и рукавов в плечах.

Женская шуба сделана длиннее и шире мужских, а в остальном – практически одинаково. Только на мужских шубах имеются декоративные детали «бутоны», тогда как «погоны» с лапками встречены только на шубах мумий (мужской и женской). Для выраженного вертикального положения на воротниках шуб мужской мумии сделаны выточки. Детская шубка обладала определенной спецификой, отчасти, видимо, связанной с ее миниатюрными размерами. При этом отличия принципиального характера в изготовлении шуб женщин и мужчин, мумий и кукол, взрослых и детей пока не просматриваются.

Внутренняя мужская и женская шубы сделаны наиболее тщательно и детально. Внешняя мужская и детская, а также шубы обеих кукол отличаются большим количеством починок – заплатки и штопки разрывов. Шуба куклы 1 выглядит несколько упрощенной по конструкции, в рукавах и манжетах отсутствует симметрия, так что нельзя исключить, что она могла быть сшита для посмертного использования. Для других оглахтинских шуб таких сомнений не возникает: все они производят впечатление используемых при жизни.

На большинстве шуб сохранились завязки, размещенные под воротом. Их расположение позволяет предполагать, что шубы запахивались слева направо. Завязки имеются также на шапках, юбке, штанах и сапожках из оглахтинской коллекции: широкое использование завязок было, вероятно, одной из характерных черт костюма населения Минусинской котловины раннеташтыкского времени.

При рассмотрении оглахтинских шуб стало ясно, что многие особенности пошива связаны с причинами функционального, антропометрического и технологического характера, и далеко не все они могут считаться культурно или гендерно показательными. При дальнейшем изучении оглахтинских меховых предметов стоит обратиться к технологиям или портным, так как некоторые особенности деталей этой одежды могли быть связаны с повышением ее комфортности и долговечности.

- Алексеев*, 2012 – *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 272 с.
- Вадецкая*, 1999 – *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 400 с. (Archaeologica Petropolitana. VII).
- Готлиб и др.*, 2003 – *Готлиб А. И., Зубков В. С., Поселянин А. И., Худяков Ю. С.* Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 223 с.
- Завитухина*, 1976 – *Завитухина М. П.* Хуннский период / Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII век до н. э. – XIII век н. э.» [Эрмитаж] Л.: Аврора, 1976. С. 89–112.
- Кызласов Л.*, 1969а – *Кызласов Л. П.* Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? // Наука и жизнь. 1969. № 12. С. 93–97.
- Кызласов Л.*, 1969б – *Кызласов Л. П.* Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции Московского государственного университета в 1969 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 4010.
- Кызласов Л.*, 1970 – *Кызласов Л. П.* Раскопки в Оглахтах // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 197–199.
- Кызласов Л.*, 1992 – *Кызласов Л. П.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.
- Никитина, Баранова*, 1973 – *Никитина К. Ф., Баранова Т. А.* Опыт реставрации сухого археологического меха // СГЭ. 1973. Вып. XXXVII. С. 78–79.
- Панкова*, 2005 – *Панкова С. В.* Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // VI конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. ТД. 2005. С. 159–160.
- Панкова и др.*, 2010 – *Панкова С. В., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И.* Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом ‘wiggle matching’ // АЭАЕ. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Соловьев*, 1991 – *Соловьев В. С.* Керамическая плитка из Кафыркалы // СА. 1991. № 3. С. 270–272.
- Филимонова, Сайфулов*, 2019 – *Филимонова Т. Г., Сайфулов Н. Н.* Археологическая карта Таджикистана. Район Джалолитдина Балхи. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2019. 108 с.
- Bao*, 1989 – *Bao M.* Cemeteries on the outskirts of Loulan, China // Archaeological Textile Newsletter. 1989. Is. 8. P. 4–5.
- Nikolaev, Pankova*, 2017 – *Nikolaev N., Pankova S.* After the Scythians // Scythians: warriors of ancient Siberia / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. London: The British Museum; Thames and Hudson, 2017. P. 322–351.
- Pankova*, in print – *Pankova S.* Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. London: Archaeopress. In print.
- Wieczorek, Lind*, 2007 – *Wieczorek A., Lind C.* (Eds.). Ursprünge der Seidenstraße. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Stuttgart. 320 S.
- Zavitukhina, Barkova*, 1978 – *Zavitukhina M. P., Barkova L. L.* Frozen Tombs. The culture and art of the ancient tribes of Siberia. Exhibition catalogue. London: British Museum, 1978. 102 p.

Fur clothes from the cemetery of Oglakhty: coats from burial no. 4

S. V. Pankova

Burials of the Tashtyk flat-grave cemetery of Oglakhty in Khakasia are interesting both in the well preserved objects from organic materials and in a peculiar funerary practice: in the graves, interments according to the inhumation rite with trepanised skulls (mummies) and cremations placed in leather-grass dolls (funerary mannequins) are neighbouring. In grave no. 4 (3rd–4th century), the male and female mummies and mannequins are dressed in fur clothes: caps, coats, bibs, mittens, trousers, socks/stockings and boots (Table 1). In this paper, a brief review of

these materials is presented; however the main attention is paid to findings of six fur coats belonging to different categories of the interred (Table 2; Fig. 1–6). Analysis of the peculiarities of the cut of the fur coats and techniques of their sewing draws to the conclusion that the greatest differences are between the coats sewn fur inside and those with fur out. There are also certain differences between the furs coats belonging to mummies and mannequins, males and females, children and adults, but these distinctions seem to be much less pronounced.

К ИСТОРИИ ПОХОДА 711 ГОДА: ДРЕВНИЕ ТЮРКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Д. Г. Савинов¹

Аннотация. В истории древних тюрков периода Второго тюркского каганата, связанной с завоеваниями на севере Центральной Азии, наиболее яркий след оставил поход за Саяны 711 года против енисейских кыргызов. Сведения о них есть в письменных источниках; отражены они и в археологических памятниках древних тюрков на территории Минусинской котловины. Такое сочетание письменных и археологических источников предоставляет наиболее благоприятные условия для близкой к действительности интерпретации событий. Исходя из всех рассмотренных в статье данных – нахождение в одном небольшом стратегически важном районе большого количества наскальных изображений, рунических надписей, нескольких изваяний и значительной части из всех известных погребений с конем этого времени, – можно предполагать существование здесь, на северо-западе Минусинской котловины, древнетюркской фактории, появление которой было связано с походом 711 года. Древнетюркская фактория на северо-западе Минусинской котловины, где должен был проходить путь из страны кимаков на Иртыше (Восточный Казахстан) в страну кыргызов (на Енисее) и далее в Прибайкалье, могла играть роль контролирующего центра на этом участке северного варианта Великого шелкового пути.

Annotation. The raid of 711 AD across the Sayans against the Yenisey Kyrgyzes was the most vivid imprint in the history of the early Turks of the Second Khaganate period connected with the conquests in the north of Central Asia. Information on them is found in written sources and they are reflected also in archaeological monuments of the early Turks in the area of the Minusinsk Depression to which the military raid of 711 was directed. This combination of documentary and archaeological sources is very propitious for a most realistic interpretation of the events. All the data here considered, i. e. the presence of numerous rock representations, runic inscriptions, several statues and a considerable number of the known burials with a horse within a single small but strategically important region, suggest the existence of an early Turkic trading outpost here, in the north-west of the Minusinsk Depression. Its appearance was connected with the raid of 711. An early Turkic trading outpost in the north-west of the Minusinsk Depression where the route from the land of the Kimaks on the Irtysh (East Kazakhstan) to the land of the Kyrgyzes (on the Yenisey) and farther on to the Baikal region must have passed, can have played the role of a control centre in this part of the northern branch of the Great Silk Way.

Ключевые слова: Второй тюркский каганат, древние тюрки, древнетюркская фактория, каменные изваяния, наскальные изображения, погребения с конем, рунические надписи, Минусинская котловина, Центральная Азия.

Keywords: Second Turkic Khaganate, early Turks, early Turkish trading post, stone statues, rock representations, burials with a horse, runic inscriptions, Minusinsk Depression, Central Asia.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-216-229

В истории древних тюрков периода Второго тюркского каганата, связанной с завоеваниями на севере Центральной Азии, наиболее яркий след оставил поход за Саяны 711 года против енисейских кыргызов, имевший, судя по всему, значительно большее значение, чем один из эпизодов их военной истории. В источниковедческом отношении крайне важно, что эти события освещены с разных сторон

в независимых друг от друга источниках. Это письменные источники – тексты знаменитых орхонских надписей из Монголии (в переводах С. Е. Малова), с одной стороны, и рунические надписи из Алтын-Келя на Енисее (в переводах С. Г. Кляшторного), с другой, а также археологические памятники древних тюрков этого времени на территории Минусинской котловины, куда был направлен их военный поход 711 года. Такое сочетание письменных и археологических источников предоставляет наиболее благоприятные условия для близкой к действительности интерпретации событий, что неодно-

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

кратно привлекало внимание исследователей. Однако, как показывают ранее использованные и новые материалы, возможности подобного рода исследований еще далеко не исчерпаны.

Письменные источники

Историческая «канва» рассматриваемых событий в самых известных рунических надписях-эпитафиях (надписи Кюль-тегина, Могиляня и Тоньюкука) по своему содержанию может быть разделена на несколько взаимосвязанных сюжетов и в кратком изложении представлена следующим образом.

Предшествующие события (они же, очевидно, главная причина завоевательных походов тюрков на север) наиболее полно раскрыты в Большой надписи Кюль-тегина. При этом говорится о нескольких народах, уже завоеванных ранее, но проявивших «непокорность» или каким-то образом «обязанных» тюркам. Буквально: «Тюргешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага) и провинился перед нами, то сам каган умер (т. е. был убит), его приказные и правители также убиты...» Народ «десяти стрел (токуз-огузы. – Д. С.) подвергся притеснению. Говоря: пусть не будет без хозяина страна (букв.: Земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ...» (Малов, 1951. С. 38). То же о енисейских кыргызах: «... Был Барс-бег; мы в то время (или при тех обстоятельствах) даровали ему титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру-княжну. (Но) сам он провинился, (а потому) каган умер (т. е. он сам был убит), а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: "Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, – мы завели порядок в немногочисленном (т. е. пришедшем тогда в упадок) народе кыргызов (что и произошло после похода 711 года. – Д. С.)"» (Там же. С. 38–39). Совершенно очевидна логическая связь описываемых ситуаций: сближение (родство) – неповиновение (неблагодарность) – причина для военного похода (воздаяние).

Вероятно, то же можно было бы сказать о других народах, завоеванных в это время древними тюрками. Еще раньше от них бежали в Семиречье карлуки, жившие на Алтае и родственные тюркам («тюрки-карлуки»). Именно эти народы – тюргеши (народ «десяти стрел») и енисейские кыргызы при содей-

ствии Китая (народа «табгач») стали основой анти-тюркской коалиции. «Каган (народа) табгач был нашим врагом. Каган (народа) "десяти стрел" был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган», – говорится в надписи Тоньюкука. Главной целью создания этой коалиции было свержение власти древних тюрков (династии Ашина). Иначе: «Если мы не пойдем против него, как бы то ни было, он нас победит. <...> Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они)» (Там же. С. 66–67).

Подготовка к военным действиям. В 709 г. первыми против тюрков выступили при поддержке кыргызов соседние с ними чики, очевидно жившие на территории Центральной Тувы (Хемчик – «река чиков»). «Когда мне было двадцать шесть лет, – говорится в надписи Могиляня, – народ чик с кыргызами стали (нам) врагами. Перейдя через Кем (Енисей. – Д. С.), я двинулся с войском против чиков, сразился при Орпене и разбил их войско» (Малов, 1959. С. 20). Судя по всему, древнетюркский Орпен – это чудом сохранившееся название пос. Урбюн на севере Центрально-Тувинской котловины, недалеко от места впадения Хемчика в Енисей (Кем), у самых южных отрогов Западных Саян². Скорее всего, завоевание земли чиков можно рассматривать как подготовку плацдарма для будущего военного похода через Саяны (*древнетюркск.* Кёгмен).

Одновременно осуществлялись определенные действия во внешней политике Тюркского каганата. В 710 г. пришедший к власти в Китае император Джуйцзун отказался от участия в военных действиях против тюрков. К китайскому двору прибыло посольство Капаган-кагана с предложением договора о «мире и родстве», которое Джуйцзун принял. В это же время происходит реорганизация тюркской армии: правое и левое крыло возглавили шады, ближайшие представители династийного дома Ашина – младший брат кагана Дуси (левое крыло) и сын Кутлуга Могиляня, будущий Бильге-каган (правое крыло). Над ними обоими Капаган поставил своего старшего сына Бегю, дав ему титул «малого кагана». При этом была выделена ударная часть тюркского войска (до 40 тысяч воинов) для дальних

² Ныне затоплен водами Тувинского моря – водохранилище Саяно-Шушенской ГЭС.

походов, получившая почетное наименование «Открывающая Запад» (*Кляшторный*, 1964. С. 138).

Опережающий удар. Не дожидаясь нападения участников антитюркской коалиции, тюрки Ашина под водительством главных командных сил государства в 711 году предприняли упреждающий поход через Кӧгмен (Западные Саяны) и разбили своих главных противников кыргызов. Упоминания об этом походе как об очень важном событии военной истории древних тюрков имеется во всех больших орхонских надписях-эпитафиях. Наиболее подробное его описание содержится в надписи Тоньюкука, бывшего идеологом и, по сути дела, основным исполнителем всего предприятия. Можно предполагать, что это была та самая передовая (привилегированная?) часть тюркского войска, а ближайшим местом исхода всего военного похода была Центрально-Тувинская котловина.

Приведенные в надписи Тоньюкука наименования позволяют уточнить обстоятельства перехода армии древних тюрков через Саяны. «Когда я услышал, что дорога через Кӧгмен (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем». Для поиска иного пути Тоньюкук «искал знатока той местности и нашел человека из степных азов» (*Малов*, 1951. С. 67). Чики и азы – два народа, не входившие в состав общности теле, чаще всего упоминаются вместе; при этом азы поселяются западнее чиков, предположительно на Алтае. Недавняя находка на Алтае (Калбак-Таш) рунической надписи с упоминанием азов (*Кубарев*, 2016) подтверждает это предположение.

После переправы через Ак-Тэрмель (?) тюрки «поднялись в горы». Как говорится в надписи Тоньюкука, «я пробил дорогу сквозь снег. <...> С большим трудом мы спустились, в десять ночей (шли тайно? – Д. С.) обойдя (горный, снежный) завал» (*Малов*, 1951. С. 67). Еще более образно рассказывается об этом в надписи Кюль-тегина: «Проложив дорогу через снег глубиною в копьё и поднявшись на Кӧгменскую чернь...» (Там же. С. 41). Можно думать, что этот путь, занявший, если верить источнику, десять ночей, через снежные завалы в Западных Саянах был для древних тюрков, привыкших к степным просторам, нелегко и непросто. «Местный путеводитель (Иван Сусанин начала VIII в.! – Д. С.), сбившись с пути, был заколот». В конце концов

тюрки спустились по реке Аны: «Да отправимся мы по реке Аны. <...> Мы шли по течению этой реки» (Там же. С. 67). Название Аны, скорее всего, – это Он (или Она), один из самых больших притоков Абакана (*Бутанаев*, 1995. С. 8), ведущий уже в Минусинскую котловину. Так тюркское войско оказалось в земле енисейских кыргызов. Столь подробно останавливаемся на этих уже хорошо известных обстоятельствах перехода в 711 г. тюркского войска через Саяны, чтобы показать, с какими трудностями было связано такое предприятие, а следовательно, достаточно сложным должно было быть и его возвращение.

Обстоятельства победы над кыргызами. Опять из надписи Кюль-тегина: «Мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. <...> Киргизского кагана мы убили, а племенной союз его взяли» (*Малов*, 1951. С. 41). В этом ночном (?) бою погиб Барс-бег – муж младшей сестры Могилянна, одного из предводителей похода, незадолго до этого получивший титул кагана.

О гибели Барс-бега и его сподвижника Эрен Улуга, первого (?) посла от кыргызов «к тибетскому кагану», говорится в надписях Алтын-Келя («Золотого озера»), переведенных С. Г. Кляшторным (*Кляшторный*, 1976). Стелы с достаточно пространными для кыргызских надписей эпитафиями были найдены крестьянином дер. Иудино близ небольшого озера Алтын-Кель и вскоре после открытия Минусинского музея (1887 г.) перевезены туда его основателем Н. М. Мартьяновым (Там же. С. 258). Дер. Иудино – это совр. Бондарево (Бейский район Республики Хакасия) на юге Минусинской котловины (*Бутанаев*, 1995. С. 22, 62). Очевидно, здесь, на территории Койбальской степи в непосредственной близости от северных отрогов Западных Саян, расположилось войско кыргызского кагана в преддверии несостоявшегося похода против тюрков.

Помимо факта идентификации этих надписей с событиями 711 г., установленной С. Г. Кляшторным как основания для датировки енисейской рунической письменности, в них содержится несколько очень интересных и важных свидетельств, раскрывающих новые грани культуры раннесредневековых кочевников – тюрков.

В надписи Барс-бега перечислены те ценности (и это вообще единственный случай! – Д. С.), которые должны были сопровождать покойного воина столь высокого ранга: «Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, мои драгоценности! О, мои сокровища! Не покидай (нас)» (*Кляшторный*, 1976. С. 261). В целом (кроме «шестерых мужей») это сопоставимо с данными археологических источников. По мнению С. Г. Кляшторного, «по смыслу этого сообщения <...> тело героя, павшего на поле битвы, не было погребено должным образом. <...> его эль (народ. – Д. С.) потерпел жестокое поражение, ибо не только не смог сберечь воина их ханского рода, но даже предать его тело погребению по обряду» (Там же. С. 265), т. е. имеется в виду нечто, подобное кенотафу.

Однако возможны и другие объяснения: или чернь Сунга, где погиб Барс-бег, могла находиться где-то в другом месте; или, что более вероятно, тело погибшего кыргызского кагана, как ближайшего родственника (члена семьи?) победителей-тюрков, могло быть увезено ими и погребено каким-то иным – соответствующим – образом. Что касается Эрен Улуга, стела которого находилась здесь же, то он действительно «не вернулся»; его уход обозначен удивительно ярким образом: «О горе! Я ушел в Золотую степь» (Там же. С. 262). Возможно, что, помимо художественной силы выражения, это отражает представления о пространственном устройстве мира (как и ряды камней-балбалов в ритуальных памятниках древних тюрков!) и связанных с этим «обрядовых переходах».

А что дальше? Победоносный поход 711 года тюрков закончился. «Мы пришли, сразились и снова дали (страну для управления киргизу?)», – говорится в памятнике Кюль-тегина (*Малов*, 1951. С. 39). Сведения о дальнейшей судьбе тюркского войска в надписи фактического руководителя похода «мудрого Тоньюкука» противоречивы. С одной стороны, как будто прямо сообщается, что «мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кбгменскую чернь» (Там же. С. 67). С другой, дальше опять говорится о выступлении тюргешей; причем в тех же словах и выражениях, как и в начале предполагаемых действий антитюркской коалиции.

Узнав об этом «от лазутчика», Бегю-каган (малый каган, формальный предводитель всего похода)

сказал: «Я отправляюсь домой. Моя жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии; ты же (сказал он Тоньюкуку. – Д. С.) иди с войском и оставайся в Алтунской черни». Были назначены начальниками войска (видимо, правое и левое крыло) Инэль-каган и тардушский шад. «А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал: веди это войско, – сказал». А Апа-таркану (главнокомандующему – Капаган-кагану. – Д. С.) послал известие: «Мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он понимающий» (Там же. С. 68). В это время «опять» поступило сообщение о выступлении тюргешей.

Таким образом (и это имеет принципиальное значение), речь явно идет о разделении тюркского войска: какая-то часть его во главе с Бегю-каганом вернулась в ставку, другая часть (главная ударная сила войска?) осталась воевать с нападшими тюргешами. Подобную мысль ранее, но без какого-либо обоснования высказал С. Г. Кляшторный: «Бегю вернулся в ставку, оставил войско в Алтунской черни» (*Кляшторный*, 1964. С. 139).

Итак, «мы находились в Алтунской черни» (*Малов*, 1951. С. 68). Алтунская чернь – это Алтай. Скорее всего, Горный Алтай; наиболее вероятный путь туда лежит в обход Кузнецкого Алатау через северные районы Минусинской котловины. Сюда, после победы над кыргызами на юге, в черни Сунга, могло продвигаться тюркское войско. Дальнейшие события можно обозначить только «пунктиром», следуя наиболее полной версии надписи Тоньюкука.

«Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иргыш (еще одно указание на истинность данного направления. – Д. С.). Тюргешское «войско народа десяти стрел без остатка отправилось в поход <...> говорят, (среди них) есть и войско табгачей (китайцев. – Д. С.)». Встреча тюрков и армии тюргешей произошла в «степи Ярышской» (Западный Алтай; скорее всего, р. Чарыш, Чарышская степь). Несмотря на численное превосходство, по словам лазутчика, «десять тюменов» войска (100 тысяч – явное преувеличение. – Д. С.), тюргеша потерпели поражение. «Мы (т. е. тюрки. – Д. С.) прогнали врагов, их кагана мы схватили <...> преследовали (врагов) до Темир-капыга» (Там же, с. 68–69). Темир-капыг – это Железные ворота в Джунгарии, крайняя западная точка

завоеваний древних тюрков периода Второго тюркского каганата.

Окончательное возвращение тюркских войск в ставку Капаган-кагана (Северная Монголия?) происходило уже, скорее всего, с территории Джунгарии по южным склонам Монгольского Алтая. В дальнейшем, ведя непрерывные войны, тюрки победили еще много народов. Но ни об одной военной кампании не сохранилось такой исторической памяти, как о походе 711 года, очертившем, по сути дела, все внешние границы постоянных или временных владений Второго тюркского каганата.

Археологические источники

В плане рассматриваемой темы из всего массива археологических материалов, связанных с культурой древних тюрков, прежде всего наше внимание привлекают памятники Минусинской котловины – территории, где появление большинства из них связано с походом 711 года и через северные районы которой, по всей видимости, происходило дальнейшее продвижение древних тюрков в Алтунскую чернь. По отношению к более южным районам Центральной Азии таких памятников сравнительно немного. Это несколько каменных изваяний, серия погребений с конем, считающихся древнетюркскими, одно поминальное сооружение древнетюркской знати около с. Знаменка (не раскопанное), возможно, несколько фигур животных из таких же мемориальных комплексов и др. Подробное описание и общая характеристика этих памятников дана в работах Ю. С. Худякова (Худяков, 1979; 1994; 2004), по мнению которого их появление здесь связано с походом 711 года и последующим периодом истории Второго тюркского каганата.

Отличительная особенность этих материалов – дискретность распространения и разнохарактерность, т. е. как будто отсутствие какой-либо одной устойчивой традиции, что затрудняет их датировку и атрибуцию. Принадлежность некоторых из них, например каменных фигур животных или мемориального сооружения (?) у с. Знаменка, остается дискуссионной. Вместе с тем обращает на себя внимание, что наиболее значительная часть этих памятников, действительно датирующихся не ранее начала VIII в., находится на северо-западе Минусинской котловины (верховья р. Чулым, в районе с. Новоселово). В настоящее время круг источников, относящихся к этому времени, может быть расширен (на скальные изображения, рунические надписи, тамги), что говорит об особом значении данного региона в истории пребывания древних тюрков на Среднем Енисее.

Каменные изваяния. Изобразительная традиция древнетюркских каменных изваяний периода Второго тюркского каганата отличается весьма устойчивой иконографией – это изображение мужчины-воина с сосудом в одной руке (на груди?) и другой, опущенной к поясу с подвешенным к нему оружием. По изображенным на них реалиям они уверенно датируются VIII–IX вв. В Минусинской котловине известно только три таких изваяния – тип I, по классификации Ю. С. Худякова (Худяков, 2004. С. 17–18). Все они происходят из одного указанного выше района.

Одно из них, наиболее выразительное, о котором первые сведения были получены еще 18 декабря 1721 г. (Мессершмидт, 2012. С. 21), – Казан-Кыс-таш – было открыто и зарисовано Д. Г. Мессершмидтом 20 июня 1722 г. (Там же. С. 110) (рис. 1, 4). Оно находилось в междуречье Черного и Белого Июсов, около оз. Кара-Куль, в «хорошенькой долине, поросшей березами и соснами». Голова изваяния была отбита; никаких сопроводительных сооружений (оградки и ряда камней-балбалов, характерных для этого вида памятников) с ним обнаружено не было.

Более позднее изображение этого же памятника, сделанное геодезистом И. Шишковым, опубликованное И. П. Фальком и затем воспроизведенное в работе М. П. Грязнова (Грязнов, 1950. Рис. 18, 1), значительно исказило образ изваяния Казан-Кыс-таш. На самом деле это типично древнетюркское изваяние – с изображением кубка на низком поддоне, пояса с прямоугольными бляхами-оправами, наклонно висящей саблей (или палашом), сумочкой на поясе, характерным образом переданными чертами лица и «манерно» отставленным большим пальцем (Худяков, 2004. Рис. 3; Тункина, Савинов, 2017. Табл. XIII, 3). Отсутствие сопроводительного сооружения (оградки), условия нахождения – отдельно стоящая фигура – говорят о явно «вторичном» переосмыс-

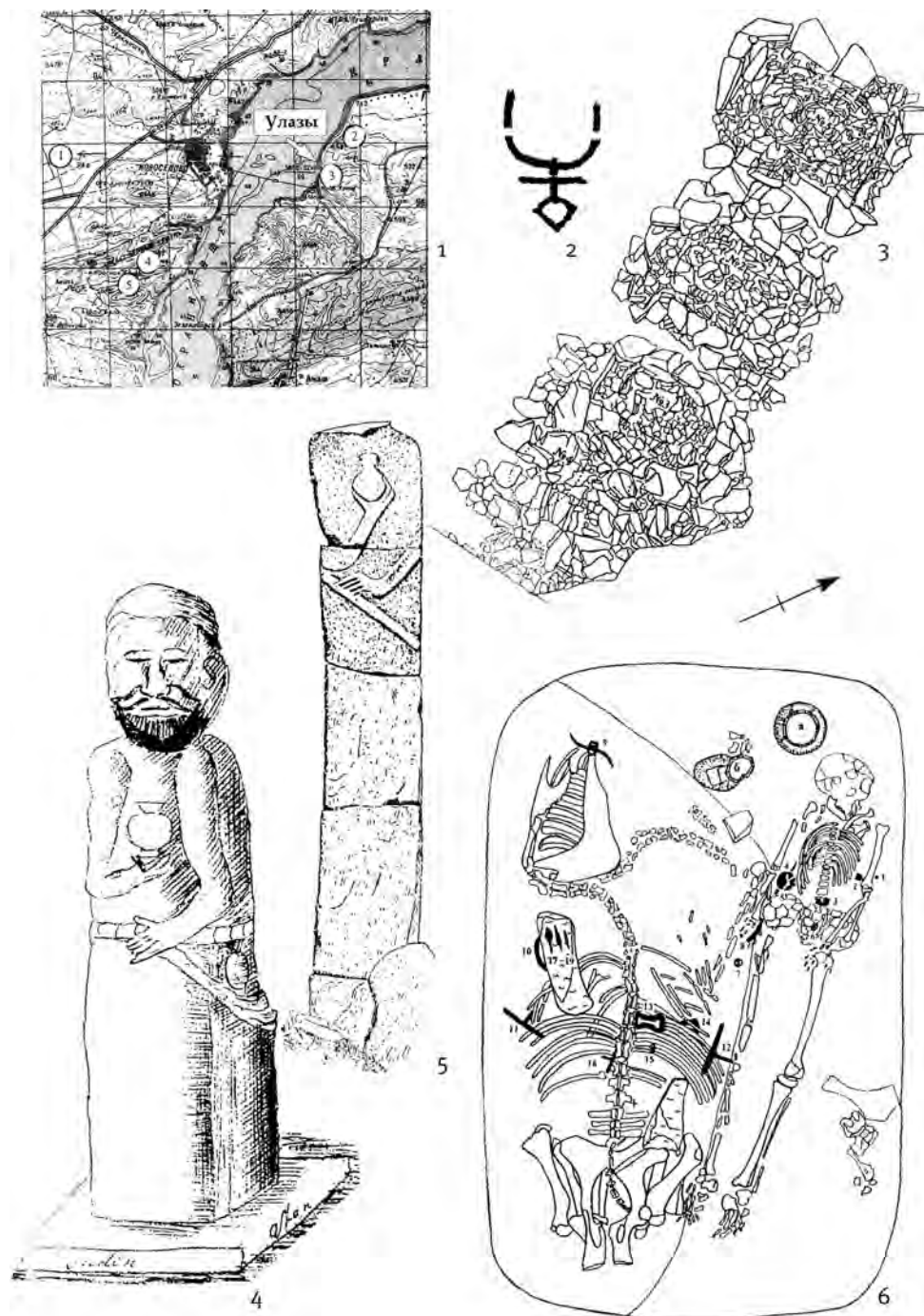


Рис. 1. 1 – предполагаемое место нахождения древнетюркской фактории VIII–IX вв. (Мухарева, 2012: 1 – изваяние Казан-Кыс-таш; 2 – Городовая стена; 3 – Улазы; 4 – Маркелов Мыс I; 5 – Маркелов Мыс II); 2 – Улазы, древнетюркская тамга VIII–IX вв. (Мухарева, 2015); 3 – Маркелов Мыс I, планы наземных сооружений (Тетерин, 2000); 4 – изваяние Казан-Кыс-таш; рисунок Д. Г. Мессершмидта (Тункина, Савинов, 2017); 5 – изваяние на р. Черный Июс (Аппельгрэн-Кивало, 1931); 6 – Маркелов мыс I, могила 5, план (Тетерин, 2000)

Fig. 1. 1 – presumed location of the early Turkic trading outpost of the 8th–9th centuries (Мухарева, 2012: 1 – Kazan-Kys-Tash statue; 2 – defensive wall; 3 – Ulazy; 4 – Markelov Mys I; 5 – Markelov Mys II); 2 – Ulazy, early Turkic tamga of the 8th–9th century (Мухарева, 2015); 3 – Markelov Mys I, plans of surface structures (Тетерин, 2000); 4 – Kazan-Kys-Tash statue. Drawing by D. G. Messerschmidt (Тункина, Савинов, 2017); 5 – statue on the Cherny Iyus River (Аппельгрэн-Кивало, 1931); 6 – Markelov Mys I, grave 5, plan of the burial (Тетерин, 2000)

лении ритуала, уже не производившегося в полной мере в новых условиях обитания тюрков.

О находке другого изваяния сообщает Г. Ф. Миллер. После осмотра Казан-Кыс-таш «на следующий день после обеда мы (Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. – Д. С.) прибыли к речке (Туим. – Д. С.), которая замечательна тем, что <...> неподалеку от того места на ровной степи стояла каменная статуя, перевезенная 3 года тому назад <...> в Красноярск, где она находится по сие время» (Радлов, 1894. С. 83). Это было изваяние окуневской культуры, находившееся около оз. Ачик-Коль, переоформленное в древнетюркское изваяние, с рунической надписью на задней стороне камня; его рисунок опубликован В. В. Радловым (Там же. Рис. на с. 99). Впоследствии оно было утрачено, но в 1971 г. была обнаружена верхняя часть этого изваяния – «голова» (Леонтьев и др., 2006. С. 7).

Третье изваяние в конце XIX в. обнаружено И. Р. Аспелиным у с. Подкамень на р. Черный Июс и затем опубликовано Х. Аппельгреном-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1930. Abb. 301) (рис. 1, 5). Оно было разбито на пять частей, без головы. М. П. Грязнов считал, что это то самое изваяние Казан-Кыс-таш, но уже находящееся на «новом месте, в 5 км от прежнего» (Грязнов, 1950. С. 149). Но разница в размерах и форме камня (Там же. С. 149, прим. 1), отсутствие соответствующих реалий не позволяют согласиться с этим утверждением. Л. А. Евтюхова (1952. С. 95–96) первая предположила, что в данном случае речь идет о разных памятниках. Это мнение поддержал Ю. С. Худяков, приведший прорисовки одного и другого изваяния (Худяков, 2004. С. 17–18, рис. 3; 4, 1).

Таким образом, все три каменных изваяния, выполненных в древнетюркской изобразительной традиции VIII–IX вв., – Казан-Кыс-таш, Ачик-Коль, Подкамень – найдены в одном и том же районе, в непосредственной близости друг от друга, что может свидетельствовать об особом значении этого отдаленного района в этнополитической истории тюрков периода Второго каганата.

Наскальные изображения. Первые сведения о наскальных изображениях из этого района также связаны с деятельностью Д. Г. Мессершмидта. Так, 18 февраля 1722 г. им были открыты «разные языческие надписи» и красочные рисунки на Городовой

стене. Через полгода, 26 сентября 1722 г., они были с воды исследованы вторично (Радлов, 1888. С. 15, 17–18). Это местонахождение, находящееся «версты за три не доезжая до Новосела», впоследствии стало известно как Новоселовская писаница (Мессершмидт, 2012. С. 152). Однако настоящее исследование Новоселовской писаницы началось только с 1980-х гг. Были открыты десятки новых плоскостей с большим количеством изображений разного времени, в том числе рунические надписи (Мухарева, 2016; Заика и др., 2005), об одной из которых особо будет сказано ниже. В настоящее время писаница «Городовая стена» (Новоселовская) постепенно разрушается водами Красноярского водохранилища.

На том же берегу, в 2–3 км южнее Новоселовской писаницы в настоящее время исследуется крупнейший в северной части Минусинской котловины комплекс наскального искусства Улазы – Улазы I, Улазы II, Улазы III и т. д. (рис. 1, 1). В отличие от всех остальных петроглифических памятников бассейна Среднего Енисея (а их немало и не менее ярких), основной изобразительный пласт представленных здесь рисунков относится к раннему средневековью. Пожалуй, нигде в петроглифах этого времени пласт таких изображений не выражен столько отчетливо и разнообразно, как в Улазах.

Наряду с другими более ранними изображениями, наверное, здесь представлен весь арсенал образов древнетюркского петроглифического искусства (Мухарева, 2012; Леонтьев и др., 2005; и др.). Среди них – динамичные сцены охоты и великолепные изображения вооруженных луками всадников (рис. 2, 2, 3); у некоторых лошадей показаны «зубцами» постриженные гривы (рис. 2, 4, 5). Особо следует отметить изображения верблюдов – с «наездниками» и «в поводу» (рис. 2, 6, 7), а также крытой двухколесной повозки в бычьей запряжке (рис. 2, 1), имеющей ближайшие параллели в петроглифах Горного Алтая и Казахстана (Мухарева, 2011, рис. II, 1, 3–5). Рядом с фигуративными изображениями на тех же плоскостях находятся различного рода тамги, один из вариантов которых – дуга на кресте с ромбическим основанием (рис. 1, 2), по заключению Л. Р. Кызласова, является тамгой древнетюркской знати и датируется VIII–IX вв. (Мухарева, 2015. С. 80–81).



Рис. 2. Наскальные изображения местонахождения Улазы (Леонтьев и др., 2012)
Fig. 2. Rock representations at the site of Ulazy (Леонтьев et al., 2012)

Детальное изучение петроглифов Улазы позволяет сделать два наблюдения, немаловажных с точки зрения общей интерпретации рассматриваемых памятников. Первое, что по некоторым характерным деталям (стилистика особенности рисунков, постриженные «зубцами» гривы, позы торжественно шествующих всадников) «нельзя не отметить существенного сходства их с изображениями более отдаленного памятника – Шишкинской писаницы на р. Лене» (Леонтьев и др., 1995. С. 132), т. е. с курьканскими всадниками. Второе, это нахождение в непосредственной близости от них двух крупных могильников – Маркелов Мыс I и II – с погребениями таштыкского времени и раннесредневековыми (VIII–IX вв.), что «красноречиво свидетельствует о наличии нескольких этнических групп населения, обитавших на данном историческом отрезке на севере Минусинской котловины» (Мухарева, 2013. С. 60). Одной (и, наверное, главной) из этих групп были древние тюрки.

Погребальные сооружения. По данным Ю. С. Худякова 2004 г., на Среднем Енисее за все время исследования было раскопано около 70 древнетюркских погребений, происходящих из 18 (по другим данным – 20) памятников, разбросанных по всей территории Минусинской котловины (Худяков, 2004. С. 25–26, рис. 1). По мнению исследователя, это объясняется тем, что после похода 711 года и победы над кыргызами «в стратегически важных местах долины Енисея, по устьям рек Аскиз, Есь, Таштык, Туба, Тея, в долинах рек Уйбат, Чулым, Черный Июс, Ниня (т. е., по сути дела, повсеместно. – Д. С.) были расселены ветераны тюркского войска. <...> Вполне вероятно, что поселившимся в Минусе военным поселенцам были пожалованы земли с подвластным населением, где кок-тюрки заняли место прежней кыргызской родовой аристократии». И далее по нарастающей: «Появление в Минусинской котловине тюркского нового населения, занимавшего в кыргызской среде привилегированное социальное положение, способствовало не только заимствованию кыргызами административного опыта и культурных достижений пришельцев, но и послужило своеобразным импульсом для тюркизации окрестного зависимого населения в этнокультурном и языковом отношении. <...> Кок-тюрки, натурализовав-

шиеся в Минусинской котловине, из недавних врагов превратились в естественных союзников в борьбе с уйгурами» (Худяков, 1994. С. 86–87).

Такая красивая, но, в общем, достаточно произвольная интерпретация, перешедшая и в другие работы Ю. С. Худякова, не вызвала обсуждения. Пожалуй, кроме одного дополнения, что она «не исключает постоянную инфильтрацию, возможно под давлением уйгуров, различных групп в течение всего VIII в.» (Митько, Тетерин, 1993. С. 403). Между тем отдельные погребения с конем (Усть-Тесь и Кривинское) могли появиться и в более раннее время (в период государства Сеяньто?); другие (Сабинка II и Кирбинский Лог) датируются позднее. Все древнетюркские погребения в бассейне Среднего Енисея, за исключением могильников Маркелов Мыс I и II, – это отдельные захоронения древнетюркских воинов, мало соответствующие понятию «элиты» кыргызского общества.

На наш взгляд, можно несколько иначе интерпретировать известные в настоящее время археологические материалы, в которых нашли отражение последствия военного похода древних тюрков 711 года. Если исходить из количественного фактора представительности погребений этого времени с конем (в первую очередь определяемых как древнетюркские), то оказывается, что значительная часть их находится на северо-западе Минусинской котловины в составе двух могильников Маркелов Мыс I и II в одном районе с уже рассмотренными выше памятниками (рис. 1, I).

Могильник Маркелов Мыс I (раскопки Ю. В. Тетерина, 1988–1998 гг.) включает 28 погребений. Расположен на левом берегу Енисея, в 7 км севернее с. Новоселово, напротив Новоселовской писаницы и петроглифического комплекса Улазы (Тетерин, 1999; 2000). Могильник Маркелов Мыс II находится на том же берегу, в 500 м южнее могильника Маркелов Мыс I (рис. 1, I). Раскопано приблизительно столько же (?) погребений, но точное число не указывается (раскопки О. А. Митько, 1988–1998 гг.). В любом случае в составе этих двух могильников – не менее половины всех известных в настоящее время древнетюркских погребений этого времени, сконцентрированных на крайнем северо-западе приенисейских степей в районе с. Новоселово.

Оба могильника сооружены на местах находившихся здесь ранее таштыкских некрополей: могильник Маркелов Мыс I – в непосредственной близости от большого таштыкского кургана-склепа, который ко времени появления тюркских захоронений, скорее всего, уже не функционировал. «Обе древнетюркские группы, оставившие эти могильники (Маркелов Мыс I и II), занимали стратегически очень выгодное положение – в самом узком месте между реками Чулым и Енисей <...> и являются самыми северными древнетюркскими памятниками Минусинской котловины» (Тетерин, 1999. С. 121).

Материалы могильников, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованы; их краткая общая характеристика дана в совместной работе авторов раскопок (Митько, Тетерин, 1998). Это очень плотное («сотовое») расположение захоронений группами (от 3–4 до 12 объектов) на ограниченном участке, посередине которого находится погребение мужчины-воина старческого возраста с конем; наличие крепиды из крупных плит в основании надмогильного сооружения, первоначально имевшего вид овальной платформы диаметром до 10–12 м (рис. 1, 3). Положение погребенного – на спине, вытянуто, преимущественно с западной ориентировкой, остов коня – справа от человека с головой в том же направлении (рис. 1, б). По всем этим признакам древнетюркские погребения могильников Маркелов Мыс I и II более всего напоминают курганы этого же времени в Центральной Туве (Трифонов, 1975; 2013) – предполагаемом месте исхода древних тюрков в военной кампании 711 г.

Погребения могильников Маркелов Мыс I и II были ограблены в очень сильной степени (во всяком случае, число опубликованных вещественных материалов из них крайне незначительно), однако по размерам и тщательности оформления могильных сооружений можно судить о социальной значимости погребенных. Другие особенности материалов могильников Маркелов Мыс I и II говорят о характере взаимоотношений отдельных групп обитавшего здесь населения. Скорее всего, под эгидой пришлых и осевших здесь, на северо-западной окраине Минусинской котловины, центральноазиатских тюрков находились остатки таштыкцев и местные кыргызы. Об этом свидетельствуют редкие случаи использования огня в погребальном

обряде (прокалы, угли, обожженные кости (таштыкская традиция?)), а также сопроводительные захоронения (правда, очень немногие) с остатками трупоожженных, в одном из которых найден глиняный сосуд типа «кыргызской вазы» (кыргызская традиция). По заключению авторов раскопок, «эти захоронения отражают сложную этносоциальную структуру древнетюркских коллективов» (Митько, Тетерин, 1998. С. 403). Впрочем, разделить их на этом уровне уже трудно.

* * *

Исходя из всех приведенных выше данных: наличие в одном небольшом стратегически важном районе большого количества наскальных изображений, рунических надписей, нескольких изваяний и значительной части из всех известных погребений с конем этого времени, – можно предполагать нахождение здесь, на северо-западе Минусинской котловины, древнетюркской фактории, появление которой было связано с походом 711 года³. Сама идея о существовании тюркских военных гарнизонов на Среднем Енисее после публикации редких тогда материалов могильников Капчалы I и II высказана А. Д. Грачом, но никак не была аргументирована (Грач, 1966. С. 193). В известном смысле на нее опирался в своих построениях Ю. С. Худяков. В свете всех изложенных материалов она представляется наиболее обоснованной и достоверной.

Южнее ее находится известная Сулекская писаница с большим количеством посетительских рунических надписей (Кызласов И., 1994. С. 289–299) и резными изображениями, считающимися кыргызскими. Возможно, по этой линии – слияние Черного и Белого Июсов – проходила южная граница древнетюркского владения, отделяющая его от остальной территории государства енисейских кыргызов.

Предложенной реконструкции по духу и содержанию соответствует руническая надпись на Городовой стене (Новоселовская писаница), названная «самой северной рунической надписью на Енисее». В переводе Д. Д. Васильева: «Когда (враги, преграды) уничтожены, о Мать-река Кем, и нас

³ В краткой тезисной форме это положение было обосновано в докладе 2018 г. (Савинов, 2018).

соединила глубокая артерия, то мы все (как добрые твои друзья) живем. Наши исконные земли. Мое богатое сооружение» (Васильев, 1986. С. 54). Можно полностью согласиться с Д. Д. Васильевым в том, что данная надпись «отмечает один из конечных пунктов похода, в результате которого кыргызы были подчинены тюркам. Эти соображения и палеография надписи позволяют датировать ее первой половиной VIII в.» (Там же. С. 56). В Новоселовской надписи указаны все «участники» рассматриваемых событий: и прошлые враги (преграды), которые были уничтожены; и соединившая тюрков и кыргызов «Мать-река» Кем (Енисей), с которыми они теперь дружно «живут»; и определенное право на «исконные» земли; и указание на «богатое» сооружение (укрепленная фактория?).

Можно предполагать, что отсюда, как с «плацдарма», происходило продвижение тюркских войск в Алтунскую чернь и далее – во время похода против тюргешей в Ярышскую степь. Скорее всего, и в дальнейшем здесь должен был находиться опорный пункт для защиты северо-западных рубежей подвластных владений Второго тюркского каганата. Одновременно отсюда тюрки могли регулировать отношения с енисейскими кыргызами. Возможно, что это является причиной отсутствия кыргызских памятников этого времени на северо-западе Минусинской котловины – данная область уже была занята тюрками, «наложившимися» на местную таштыкскую основу. Определенную роль создание такого воинского поселения после победы над тюргешами, как обеспечение «тыла», могло сыграть и в последующих походах тюрков в Синьцзян в 716 г. под водительством того же Могиляня.

И еще одно немаловажное обстоятельство. В арабо-персидских источниках говорится о том, что отправной точкой при следовании караванов на Восток был город Тараз (бывш. Джамбул). От него шел торговый путь через земли огузов до Иртыша, где находилась страна кимаков. Из страны кимаков далее торговый путь шел в страну кыргызов (на Енисей). От кыргызов дорога шла на восток – к народу фури – курыканам рунических надписей, в Прибайкалье. Последовательность изложения этих путей позволяет предположить существование весьма протяженного «широтного» пути, проходившего как бы «парал-

лельно» основной трассе Великого шелкового пути (Савинов, 2015).

Древнетюркская фактория на северо-западе Минусинской котловины, где должен был проходить путь из страны кимаков на Иртыше (Восточный Казахстан) в страну кыргызов (на Енисее) и далее в Прибайкалье, могла играть роль контролирующего центра на этом участке северного варианта Великого шелкового пути. Отсюда, с одной стороны, изображения караванов верблюдов и повозки в петроглифах Улазы, имеющие параллели в наскальных изображениях Казахстана, с другой – явные «переклички» изображенных здесь всадников на лошадях с постриженными «зубцами» гривами с курыканскими писаницами Прибайкалья. Впервые на это обратил внимание А. П. Окладников, сопоставляя изображения Шишкинских и Сулекских всадников (Окладников, 1951).

Судя по всему, к этому имеет отношение и то, что здесь, в междуречье Июсов, на ограниченном участке около 20 км (Панкова, 2013. С. 143), сконцентрированы все известные в настоящее время изображения «долгополых фигур» (священнослужителей), давно привлекающие внимание исследователей (всего более 30 фигур). Время их появления пока точно не установлено – таштыкская эпоха и позже; в том числе, возможно, и в период VIII–IX вв. Однако в данном случае, кем были представлены на них персонажи – манихеями или несторианцами, не имеет значения. Важно их локальное местоположение.

На вопрос С. В. Панковой: «Что может означать столь ограниченный район распространения этих гравировок? Почему они концентрируются только на северо-западе Минусинских степей?» (Там же. С. 155) – ответ был дан ею же самой в одной из предшествующих работ: «Появление в Хакасии рассмотренных изображений связано, очевидно, с деятельностью миссионеров, продвигавшихся по трассам Шелкового пути в составе посольств и караванов» (Панкова, 2000. С. 232). С наибольшей вероятностью этот путь пролегал в обход Алтайской горной системы и Кузнецкого Алатау, по южной кромке западносибирской тайги, где после похода 711 года была основана древнетюркская фактория, помимо всего прочего осуществлявшая контроль за этим участком Великого шелкового пути.

- Бутанаев, 1995 – Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: НИС ХагГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. 266 с.
- Васильев, 1986 – Васильев Д. Д. Самая северная руническая надпись на Енисее // *Turcologica* 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. Л.: Наука, 1986. С. 53–56.
- Грач, 1966 – Грач А. Д. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник 1966. К шестидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1966. С. 188–193.
- Грязнов, 1950 – Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. № 12. С. 128–156.
- Евтюхова, 1952 – Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 72–120. (МИА. Вып. 24).
- Заика и др., 2005 – Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. М. Новоселовские писаницы (итоги археологических исследований 2004 года) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева, г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г. Красноярск: КГПУ, 2005. С. 159–161.
- Кляшторный, 1964 – Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
- Кляшторный, 1976 – Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica* 1976. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / Ред. С. Г. Кляшторный и др. Л.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1976. С. 258–269.
- Кубарев, 2016 – Кубарев Г. В. Руническая надпись из Калбак-Таша в Центральном Алтае (К вопросу об азах и территории их расселения) // АЭАЕ. 2016. № 4. С. 92–101.
- Кызласов И., 1994 – Кызласов И. Л. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Изд-во восточной литературы, 1994. 323 с.
- Леонтьев и др., 2005 – Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятники наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. К 60-летию В. В. Боброва / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 120–132.
- Леонтьев и др., 2006 – Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
- Малов, 1951 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Малов, 1959 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- Мессершмидт, 2012 – Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск / Науч. ред. Э. Л. Львова; пер. с нем., предисл. и коммент. Е. А. Ким. Абакан: Кооператив Журналист, 2012. 160 с.
- Митько, Тетерин, 1998 – Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 396–404.
- Мухарева, 2011 – Мухарева А. Н. Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 72–78.
- Мухарева, 2012 – Мухарева А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская. Лънищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 57–71. (Гр. САИПИ. Вып. X).
- Мухарева, 2013 – Мухарева А. Н. Стилистические варианты и особенности техники нанесения наскальных изображений комплекса Улазы (I тыс. н. э.) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4 (история). С. 57–61.
- Мухарева, 2015 – Мухарева А. Н. «Энциклопедия» тамг на горе Большой Улаз (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 3, № 1 (археология, история). С. 78–82.
- Мухарева, 2016 – Мухарева А. Н. Писаница на утесе Городовая стена: история изучения и современное состояние // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Материалы междунар. конф. / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 2016. С. 144–147.

- Окладников*, 1951 – *Окладников А. П.* Конь и знамя на ленских писаницах // Тюркологический сборник I / Отв. ред. А. В. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 143–154.
- Панкова*, 2000 – *Панкова С. В.* Наскальные изображения представителей неизвестного культа на севере Хакасии // Святотилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 229–232.
- Панкова*, 2013 – *Панкова С. В.* Изображения на курганных плитах у д. Подкаменка на севере Хакасии // НОСА. 2013. № 1 (5). С. 125–158.
- Радлов*, 1888 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб.: Издание ИАК (Тип. Имп. Академии Наук), 1888. Т. 1, вып. 1. Приложение. С. 1–20.
- Радлов*, 1894 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб.: Издание ИАК (Тип. Имп. Академии Наук), 1894. Т. 1, вып. 3. Приложение. С. 43–146.
- Савинов*, 1974 – *Савинов Д. Г.* Караванные пути Южной Сибири // Бартольдские чтения. ТД и сообщ. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1974. С. 49–51.
- Савинов*, 2015 – *Савинов Д. Г.* Северный/сибирский вариант Великого шелкового пути // Торговля в этнокультурном измерении. Материалы XIV Междунар. С-Петербург. этнографических чтений / Отв. науч. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. СПб.: РЭМ, 2015. С. 49–55.
- Савинов*, 2018 – *Савинов Д. Г.* Древнетюркская фактория VIII–IX вв. на северо-западе Минусинской котловины // Тюркомонгольский мир: история и культура. Междунар. науч. конф. К 90-летию С. Г. Кляшторного и 200-летию основания Азиатского музея / Отв. ред. и сост. Т. Д. Скрынникова. СПб.: Ин-т восточных рукописей РАН, 2018. С. 35–36.
- Тетерин*, 1999 – *Тетерин Ю. В.* Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–123.
- Тетерин*, 2000 – *Тетерин Ю. В.* Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-1 // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Молодин и др. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 27–54.
- Трифонов*, 1975 – *Трифонов Ю. И.* Конструкция древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. К 70-летию М. П. Грязнова / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 185–193.
- Трифонов*, 2013 – *Трифонов Ю. И.* Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 3–114.
- Тункина, Савинов*, 2017 – *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт. У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Suppl. 6).
- Худяков*, 1979 – *Худяков Ю. С.* Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А. П. Погожева. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1979. С. 203–205.
- Худяков*, 1994 – *Худяков Ю. С.* Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 85–95.
- Худяков*, 2004 – *Худяков Ю. С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.
- Appelgren-Kivalo*, 1931 – *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 48+72 S.

The history of the raid of 711 AD: early Turks in the north-west of the Minusinsk Depression

D. G. Savinov

The raid of 711 AD across the Sayans against the Yenisey Kyrgyzes was the most vivid imprint in the history of the early Turks of the Second Khaganate period connected with the conquests in the north of Central Asia. In terms of source studies, it is extremely important that these events are covered from different sides in documents

independent of each other. Information on them is found in written sources (texts of famous Orkhon inscriptions from Mongolia and runic inscriptions from Altyn-Kel on the Yenisey) and they are reflected also in archaeological monuments of the early Turks in the area of the Minusinsk Depression to which the military raid of 711 was directed

(burial installations, stone statues, rock representations). This combination of documentary and archaeological sources is very propitious for a most realistic interpretation of the events which have already not once attracted the attention of researchers. Meanwhile, as the evidence considered earlier and the new one demonstrates, the possibilities of these investigations are far from been exhausted. All the data here considered, i.e. the presence of numerous rock representations, runic inscriptions, several statues and a considerable number of the known burials with a horse within a single small but strategically important region,

suggest the existence of an early Turkic trading outpost here, in the north-west of the Minusinsk Depression. Its appearance was connected with the raid of 711. The epigraphic evidence also complies with this supposition. An early Turkic trading outpost in the north-west of the Minusinsk Depression where the route from the land of the Kimaks on the Irtysh (East Kazakhstan) to the land of the Kyrgyzes (on the Yenisey) and farther on to the Baikal region must have passed, can have played the role of a control centre in this part of the northern branch of the Great Silk Way.

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ НАБОРНОГО ПОЯСА МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАМЯТНИКА КАРМАЦКИЙ (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)¹

А. А. Тишкин²

Аннотация. В результате раскопок курганов монгольского времени археологического комплекса Кармацкий, на правом берегу р. Оби (почти напротив г. Барнаула), были обнаружены новые предметы материальной культуры этого периода. Среди них особое внимание привлекает мужской наборный пояс, зафиксированный в одной из могил кургана № 9. В статье представлены результаты изучения его металлических деталей с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра. Результаты исследования позволяют обозначить актуальную проблему – определение центра изготовления наборных поясов для населения Сибири в монгольское время.

Annotation. Excavations of kurgans of the Mongol period at the archaeological complex of Karmatsky on the right bank of the Ob River (nearly across the city of Barnaul) revealed new objects of the material culture of this period. Among them, of special note is a male composite belt found in one of the graves of kurgan no. 9. This paper presents the results of studies of its metal parts using an X-ray fluorescent spectrometer. The results of this investigations suggest an important problem, i.e. that of identification of the centre of manufacture of composite belts for the Siberian population during the Mongol period.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Кармацкий, монгольское время, курган, наборный пояс, рентгенофлюоресцентный анализ.

Keywords: Upper Ob region, Karmatsky kurgan, Mongol period, composite belt, X-ray fluorescent analysis.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-230-235

Разновременный археологический комплекс Кармацкий находится на правом берегу Оби, практически напротив г. Барнаула. Его основу составляют курганы (более 70), относящиеся к XIII–XIV вв. н. э. (Тишкин, 2009. С. 94). При исследовании объекта № 9 в одной из могил были зафиксированы остатки кожаного пояса (длинной 1,05 м) с деталями металлической гарнитуры в виде пряжки, тренчика и трех блях-обойм, две из которых имели по одной петле (Там же. С. 82–91, рис. 50–56). Результатам изучения этого материала (рис. 1; 2)³ посвящена данная публикация.

Коллекция рассматриваемых в статье предметов находится в Музее археологии и этнографии Алтайского государственного университета (МАЭА АГУ, г. Барнаул). Внешние размеры поясной пряжки составляют 2,8 × 2,5 см; одна прорезь больше (2,1 × 0,8 см), другая меньше (1,8 × 0,5 см); железный язычок полностью разрушился. Размеры тренчика – 2,7 × 1,5 (внешние) и 2,1 × 1 см (внутренние). Бляхи-обоймы были схожи между собой, поэтому ограничимся описанием одной из них, лучше сохранившейся. Диаметр округлой основы с фигурными краями составляет около 3 см, по внутреннему выступающему бортику с насечками – 2,1 см; диаметр расположенной в центре шайбы – 1,75 см; внутреннее отверстие петли – 1,5 × 0,5 см. Ширину и толщину основного кожаного ремня ограничивали имеющиеся на обратной стороне две скобы, размеры сформированного отверстия составили 1,75 × 0,4 см.

Для определения состава сплава всех изделий использовался рентгенофлюоресцентный спектрометр ALHPA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), имеющийся в Алтайском

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

² 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии; Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая. Адрес электронной почты: tishkin210@mail.ru.

³ Графические иллюстрации подготовлены А. Л. Кунгуровым, фотоснимки сделаны А. А. Тишкиным.

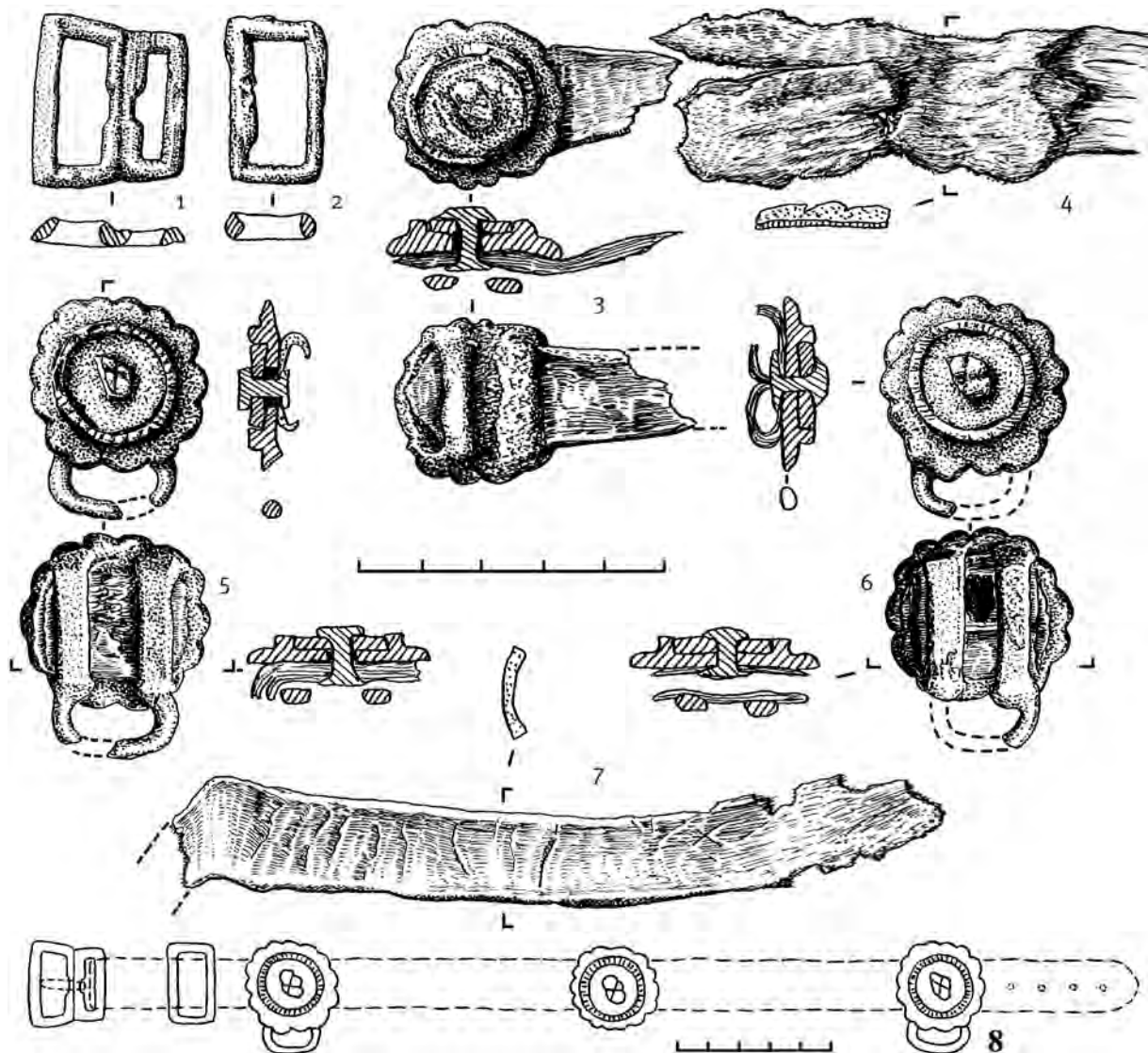


Рис. 1. Наборный пояс и его реконструкция. Археологический комплекс Кармацкий, курган № 9, могила № 2. 1–7 – металлические детали и части кожаной основы; 8 – реконструкция пояса. 1, 2 – цветной металл; 3–6 – цветной металл, кожа; 7 – кожа

Fig. 1. Composite belt and its reconstruction. Archaeological complex of Karmatsky, kurgan no. 9, grave no. 2. 1–7 – metal details and parts of the leathern base; 8 – reconstruction of the belt. 1, 2 – nonferrous metal; 3–6 – nonferrous metal, leather; 7 – leather

государственном университете. Исследования проводились по методике, многократно апробированной автором публикации.

Первоначально в разных местах тестировалась пряжка. Следует отметить, что изделие уже было частично освобождено от поверхностных окислов механическим путем и покрыто антикоррозийным составом. Анализ лицевой стороны в месте, где хорошо просматривался металл, обозначил следующие показатели: Cu (медь) – 85,95 %; Pb (сви-

нец) – 12,54 %; Zn (цинк) – 1,25 %; Fe (железо) – 0,26 %. Эти данные свидетельствуют о медно-свинцово-цинковом сплаве, который использовался при отливке пряжки. Дополнительно исследовались два участка внешней стороны рамки, расположенные ближе к центру, давшие следующие результаты: 1) Cu – 74,17 %; Pb – 22,14 %; Zn – 2,34 %; Fe – 1,35 %; 2) Cu – 65,49 %; Pb – 29,78 %; Zn – 2,79 %; Fe – 1,88 %. Эти поэlementные ряды количественно отличаются от предыдущих данных



Рис. 2. Металлические детали наборного пояса (вид с двух сторон). Археологический комплекс Кармацкий, курган № 9, могила № 2. 1 – пряжка; 2 – тренчик; 3, 5 – бляхи-обоймы со скобой; 4 – бляха-обойма без скобы.

1–5 – цветной металл

Fig. 2. Metal parts of the composite belt (view from two sides). Archaeological complex of Karmatsky, kurgan no. 9, grave no. 2. 1 – buckle; 2 – attachment strap; 3, 5 – plaques-clips with a bracket; 4 – plaque-clip without a bracket.

1–5 – nonferrous metal

и указывают на наличие оставшихся окислов. Повышенное содержание железа демонстрируют вевшиеся следы от язычка.

Следующий этап изучения изделия был связан с тестированием участка на обратной стороне центральной перемычки (вертлюги), где дополнительно механическим путем удалялись поверхностные окислы. В двух разных точках получены схожие показатели: 1) Cu – 83,7 %; Pb – 13,94 %; Zn – 1,59 %; Fe – 0,44 %; Bi (висмут) – 0,33 %; Cu – 86,52 %; Pb – 11 %; Zn – 1,79 %; Fe – 0,4 %; Bi – 0,29 %. Они близки к первому результату и демонстрируют проникновение процессов коррозии в глубь изделия.

Данное обстоятельство отражают и результаты, полученные при тестировании тренчика в разных местах, в том числе дважды в образовавшийся слом: 1) Cu – 77,8 %; Pb – 18,5 %; Zn – 0,67 %; Fe – 3,03 %; 2) Cu – 62,57 %; Pb – 27,48 %; Zn – 6,62 %; Fe – 3,33 %; 3) Cu – 58,03 %; Pb – 25,61 %; Zn – 11,39 %; Fe – 4,98 %; Bi – 0,29 %. Результаты также демонстрируют медно-свинцово-цинковый сплав с существенным процентом железа и сопровождающего висмута в одном случае.

Имеющиеся в комплекте бляхи-обоймы, оказавшиеся сильно покрытыми окислами, представляют более сложную конструкцию, состоящую из основы и двух других элементов. Первым из них изучалось изделие с большей частью сохранившейся петли. Тестировалась каждая составляющая деталь. Сначала были получены результаты химического состава основы, вылитой в одной форме со скобами и петлей. На одном из хорошо сохранившихся участков были удалены поверхностные окислы и зафиксированы следующие показатели: Cu – 81,23 %; Pb – 15,38 %; Sn (олово) – 1,8 %; Zn – 1,47 %; Fe – 0,11 %. Аналогичным образом получены данные по одной из внутренних скоб, которые уточнили реальный многокомпонентный (медно-свинцово-цинково-оловянный) состав: Cu – 73,61 %; Pb – 24,04 %; Zn – 1,27 %; Sn – 1,08 %. Далее тестировалась круглая шайба, находящаяся в центре изделия. Удалось лишь частично снять верхний слой коррозии, что отразилось в представленном результате: Cu – 69,98 %; Pb – 24,24 %; Sn – 2,93 %; Zn – 2,08 %; As (мышьяк) – 0,65 %; Fe – 0,13 %. Тем не менее данный состав схож

с двумя предыдущими и позволяет предположить, что исследуемая деталь была изготовлена из такого же металла, как и основа. Выявленный дополнительный элемент (мышьяк), вероятнее всего, демонстрирует его первоначальное присутствие в меди в качестве рудной примеси. Исследование штифта, с помощью которого закреплялась шайба на основе, также подтверждает сделанное заключение: Cu – 77,23 %; Pb – 17,36 %; Sn – 2,94 %; Zn – 2,11 %; As – 0,36 %.

Далее изучалась бляха-обойма без дополнительной нижней петли. Это изделие сохранилось хуже всех, так как находилось под умершим человеком. Исследовался участок на одной из скоб, освобожденный от окислов. В двух разных местах получены следующие поэлементные ряды: 1) Cu – 78,5 %; Pb – 13,42 %; Zn – 4,28 %; Sn – 3,18 %; Bi – 0,42 %; Fe – 0,2 %; 2) Cu – 81,32 %; Pb – 11,77 %; Zn – 4,13 %; Sn – 2,57 %; Fe – 0,15 %; Ni – 0,05 %. Эти результаты близки к определению ре-

2) Cu – 83,86 %; Pb – 10,22 %; Sn – 3,03 %; Zn – 2,01 %; As – 0,24 %; Fe – 0,14 %. Частичное снятие окислов осуществлялось на участке у слома петли. Полученные в двух местах данные дополняют сделанные заключения: 1) Cu – 76,28 %; Pb – 13,93 %; Sn – 6,5 %; Zn – 2,96 %; Fe – 0,34 %; 2) Cu – 77,15 %; Pb – 11,2 %; Sn – 6,04 %; Zn – 5,31 %; Fe – 0,31 %.

В завершении представления полученных результатов рентгенофлюоресцентного анализа необходимо отметить одно обстоятельство. При просмотре и анализе полученных спектров на части из них выявляется особенность, демонстрирующая наличие серебра (Ag) на уровне следов, что не нашло отражения в количественных показателях из-за разрешающих возможностей прибора.

Представленные детали пояса практически идентичны аналогичным изделиям, обнаруженным в Ангарской тайге при исследовании погребения № 8 на памятнике Проспихинская Шивера-IV (рис. 3; 4). Отличие заключается в том, что в этом

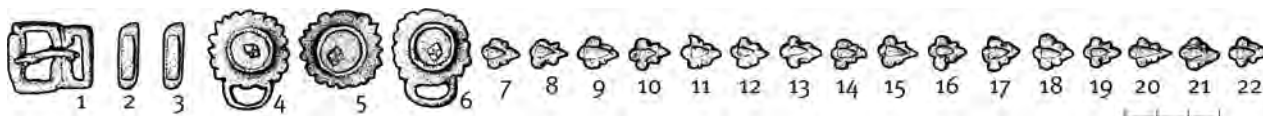


Рис. 3. Графические изображения деталей наборного пояса. Некрополь Проспихинская Шивера-IV, погребение № 8 (Сенотрусова и др., 2015. Рис. 1, IV). 1–22 – цветной металл

Fig. 3. Representations of parts of composite belts. Necropolis of Prospikhinskaya Shivera-IV, burial no. 8 (Сенотрусова и др., 2015. Fig. 1, IV). 1–22 – nonferrous metal

ального состава сплава, но отражают и фон от частично оставшихся окислов. Получить сведения о других элементах бляхи-обоймы оказалось затруднительно из-за плохой сохранности. Поэтому осуществлялось тестирование лицевой поверхности шайбы в месте, где отпали окислы. Зафиксированы показатели, качественно схожие с предыдущими: Cu – 68,44 %; Pb – 23,05 %; Zn – 3,59 %; Sn – 3,75 %; Bi – 0,75 %; Fe – 0,47 %.

Внешняя сторона бляхи-обоймы с обломанной петлей сохранилась хорошо, что позволило музейным работникам удалить окислы. Ее исследование с помощью прибора обеспечило следующие результаты: Cu – 84,85 %; Pb – 8,84 %; Sn – 4,66 %; Zn – 1,34 %. Тестирование шайбы, осуществленное в двух местах, демонстрирует несколько иные показатели количественного плана: 1) Cu – 76,45 %; Pb – 19,96 %; Sn – 2,05 %; Zn – 1,06 %; As – 0,37 %; Fe – 0,11 %;

комплекте присутствуют миниатюрные бляхи-накладки (17 экз.) для украшения кожаного ремня и есть дополнительный тренчик (Сенотрусова и др., 2015. С. 119, рис. 1, IV). Кроме внешнего соответствия основных компонентов гарнитуры (биметаллической пряжки, тренчика и блях-обойм), относительное сходство наблюдается и в химическом составе сплавов, зафиксированном тем же прибором (Там же. С. 119, табл. 3). Хотя имеются и отличия выявленных рецептур сплавов, как это демонстрирует основная часть полученных и опубликованных данных:

- пряжка (рис. 4, I)⁴: Cu – 89,97 %; Sn – 4,27 %; Zn – 2,89 %; Pb – 2,17 %; Fe – 0,58 %; Mn (марганец) – 0,12 %;

⁴ Автор благодарен П. О. Сенотрусовой за фотоснимки, предоставленные для подготовки иллюстрации.



Рис. 4. Металлические детали наборного пояса (вид с двух сторон). Некрополь Проспихинская Шивера-IV, погребение № 8. 1 – пряжка; 2, 3 – тренчики; 4, 6 – бляхи-обоймы со скобой; 5 – бляха-обойма без скобы; 7 – фигурная бляха со шпеньками. 1–7 – цветной металл

Fig. 4. Metal parts of composite belts (view from two sides). Necropolis of Prospikhinskaya Shivera-IV, burial no. 8. 1 – buckle; 2, 3 – attachment straps; 4, 6 – plaques-clips with a bracket; 5 – plaque-clip without a bracket; 7 – figure plaque with pins. 1–7 – nonferrous metal

- тренчик (рис. 4, 2): Cu – 77,44 %; Sn – 15,45 %; Pb – 3,67 %; Zn – 2,76 %; Fe – 0,56 %; Mn – 0,12 %; Ni (никель) – 0,05 %;
- тренчик (рис. 4, 3): Cu – 85,2 %; Sn – 8,98 %; Zn – 3,07 %; Pb – 2,22 %; Fe – 0,47 %; Mn – 0,06 %;
- бляха-обойма с петлей (рис. 4, 4): Cu – 85,17 %; Sn – 8,32 %; Pb – 3,52 %; Zn – 2,03 %; Fe – 0,85 %; Mn – 0,06 %;
- бляха-обойма без петли (рис. 4, 5): Cu – 85,74 %; Sn – 7,04 %; Pb – 4,84 %; Zn – 1,83 %; Fe – 0,5 %; Mn – 0,05 %;
- бляха-обойма с петлей (рис. 4, 6): Cu – 86,07 %; Sn – 7,37 %; Pb – 3,25 %; Zn – 2,56 %; Fe – 0,55 %; Mn – 0,2 %;
- фигурная бляха-накладка (рис. 4, 7): Cu – 87,42 %; Sn – 8,44 %; Pb – 1,85 %; Zn – 1,55 %; Fe – 0,68 %; Mn – 0,06 % (Там же).

Стоит отметить, что находки из погребения № 8 памятника Проспихинская Шивера-IV побывали в огне, что могло повлиять на точность количественных результатов.

Представленные показатели химического состава обозначают проблему определения места производства металлических деталей для наборных поясов, обнаруженных на памятниках Сибири монгольского времени, находящихся друг от друга на значительном расстоянии.

В заключение отметим, что одна из блях-обойм, обнаруженных на Кармацком и Проспихинской Шивере-IV, имеет аналогии с находкой из кургана № 3 памятника Красноярское-I (Змеевка), который был раскопан С. М. Сергеевым в предгорьях Алтая (Гаврилова, 1965. С. 73, табл. XXXI, 87; Неверов, 1982). Необходимо продолжить исследования изделий из цветных металлов монгольского времени, что будет способствовать поиску центра изготовления наборных поясов для населения Сибири.

Гаврилова, 1965 – Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / Отв. ред. М. П. Грязнов. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Неверов, 1982 – Неверов С. В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С. М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. С. 100–121.

Сенотрусова и др., 2015 – Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в Ангарской тайге // АЭАЕ. 2015. Т. 43. № 2. С. 116–125. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.000-000.

Тишкин, 2009 – Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) / Науч. ред. В. В. Горбунов. Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

A. A. Tishkin

X-ray fluorescent analysis of metal parts of a composite belt of the Mongol period from the site of Karmatsky (Upper Ob region)

Excavations of kurgans of the Mongol period at the archaeological complex of Karmatsky on the right bank of the Ob River (nearly across the city of Barnaul) revealed new objects of the material culture of this period. The new artefacts are important for a reconstruction of the system of life sustenance of the society which left this burial site. Among them, of special note is a male composite belt found in one of the graves of kurgan no. 9 (Fig. 1; 2). This paper presents the results of stud-

ies of its metal parts using an X-ray fluorescent spectrometer. Along the finds from the Karmatsky cemetery, this article considers their parallels which include practically identical objects from burial no. 8 of the cemetery of Prospikhinskaya Shivera-IV (Fig. 3; 4) situated in the Angara taiga. The results of this investigations suggest an important problem, i.e. that of identification of the centre of manufacture of composite belts for the Siberian population during the Mongol period.

СОМКНУВШИЕСЯ ВОДЫ: АРХЕОЛОГИЯ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ВОДОХРАНИЛИЩ

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ СТЭАН В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ¹

(Публикация и комментарии – Н. Ю. Смирнов²)

Аннотация. В настоящем разделе впервые публикуются документы из личного архива Г. В. Длужневской, обнаруженные в процессе его разбора, при передаче в Научный архив ИИМК РАН. На протяжении десяти лет (с 1973 по 1983 г.) Г. В. Длужневская, в качестве начальника одного из отрядов СТЭАН, руководила раскопками целого ряда курганных могильников в Саянском каньоне Енисея, исследуя памятники, относящиеся к широкому временному диапазону от эпохи бронзы до монгольского времени. К архивным материалам, связанным с работами в Саянском каньоне, относятся четыре разновременных документа, три из которых представлены в настоящей публикации. Содержащиеся в них фактические и аналитические данные характеризуют как исследованные, так и открытые, но не исследованные археологические памятники, попавшие в зону затопления и в настоящее время практически недоступные для учета и изучения.

Annotation. In the present section, documents are first published from the personal archives of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya revealed during their examination before the transference to the Scientific Archives of IIMK RAS. Over ten years (from 1973 to 1983), G. V. Dluzhnevskaya, at the head of one of the teams of STEAN (Sayan-Tuva Expedition of AS USSR), directed excavations of a quite a number of barrow grounds in the Sayan Canyon of the Yenisei River investigating sites dated to a very wide chronological range – from the Bronze Age to the Mongol period. The archive documents concerned with the works in the Sayan Canyon include four materials of which three are presented in this publication. The factual and analytical data presented in them characterize both the investigated archaeological sites and the discovered but unstudied ones situated in the area submerged by the water storage basin and, at present, practically inaccessible for consideration and studies.

Ключевые слова: архивные документы, Г. В. Длужневская, история археологических исследований, Саянский каньон, СТЭАН, Тува.

Keywords: archive documents, G. V. Dluzhnevskaya, history of archaeological investigations, Sayan Canyon, STEAN, Tuva.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-236-247

В настоящем разделе впервые публикуются документы из личного архива Г. В. Длужневской,

обнаруженные в процессе его разбора, при передаче в Научный архив ИИМК РАН.

К архивным материалам, связанным с указанной выше темой, относятся четыре разновременных документа: текст доклада – машинопись с рукописными правками автора, датированная 12 ноября 1979 г. (день выступления на заседании Сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР), и более поздними (не ранее 1983 г.) рукописными добавлениями на обороте последнего

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

листа (Л. 2–12); текст резюме доклада – машинопись, вероятно синхронная предыдущему документу (Л. 1); подсчеты процентного соотношения исследованных и неисследованных памятников – черновая рукопись, по всей видимости относящаяся к периоду подготовки доклада (Л. 13); текст самостоятельной заметки, озаглавленной схожим с докладом образом, – распечатка электронного документа, составленного на персональном компьютере (Л. 14–16). Последний документ был частично опубликован (*Длужневская, Субботин*, 1998. С. 118–119; *Длужневская, Савинов*, 2007. С. 90–91), что, наряду с его формальными характеристиками, позволяет определить дату создания в пределах середины – второй половины 1990-х гг.

Доклад и заметка являются законченными авторскими произведениями и, помимо очевидной историографической ценности, имеют несомненное научное значение. Содержащиеся в них фактические и аналитические данные характеризуют исследованные и неисследованные археологические памятники, попавшие в зону затопления и в настоящее время практически недоступные для учета и изучения.

Для публикации были отобраны три документа из личного архива Г. В. Длужневской: доклад, ре-

зюме и заметка. При этом для удобства восприятия материала первые два документа были объединены в рамках одного текста, в котором каждый из них представляет соответствующую часть общей структуры (резюме и основной текст соответственно).

При публикации документов из архива Г. В. Длужневской мной был полностью сохранен авторский стиль изложения, лишь исправлены очевидные опечатки. Текст, заключенный в квадратные скобки (раскрытие сокращений, дополнения, очевидные и необходимые по смыслу изложения, а также ключевые слова и резюме для текста более поздней заметки и списки литературы для доклада и заметки), полностью принадлежит публикатору документов. Текст, заключенный в фигурные скобки и выделенный курсивом, – дополнения, вписанные в машинопись рукой Г. В. Длужневской.

Дополняет издание авторских текстов публикация стенограммы заседания Сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, состоявшегося 12 ноября 1979 г., на котором и прозвучал доклад (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 1157, л. 101, 104–107, 114). Стенограмма была записана от руки секретарем заседания В. А. Алёксиным, а для издания переведена в электронный текст автором настоящей публикации.

Длужневская, Савинов, 2007 – *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ЭлекСис Принт, 2007. 197 с.

Длужневская, Субботин, 1998 – *Длужневская Г. В., Субботин А. В.* К истории изучения Саянского каньона Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 115–119. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 1157, л. 101, 104–107, 114 (Протоколы №№ 16–31 заседаний Средней Азии и Кавказа за 1979 г.).

From the history of the investigations of STEAN in the Sayan Canyon of the Yenisei (Publication of the documents and comments by N. Yu. Smirnov)

In the present section, documents are first published from the personal archives of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya revealed during their examination before the transference to the Scientific Archives of IIMK RAS. Over ten years (from 1973 to 1983), G. V. Dluzhnevskaya, at the head of one of the teams of STEAN (Sayan-Tuva Expedition of AS USSR), directed excavations of a quite a number of barrow grounds in the Sayan Canyon of the Yenisei River investigating sites dated to a very wide

chronological range – from the Bronze Age to the Mongol period. Most of the sites excavated under her direction are dated to the Iron Age in the broad interpretation of this term. The archive documents concerned with the works in the Sayan Canyon include four materials of which three are presented in this publication. It is the text of a lecture by G. V. Dluzhnevskaya delivered on November 12, 1979, at a session of the Sector of Archaeology of Central Asia and the Caucasus of the Leningrad

Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR. It summarized the progress of the works of STEAN in the Sayan Canyon of the Yenisei aimed at investigation of sites of the Iron Age. Its brief summary and a small note on the same subject written about 20 years after the delivery of the lecture are here presented. Both the lecture and the note are completed author's works and in addition

to the manifest historiographic value they possess an undoubted scientific significance. The factual and analytical data presented in them characterize both the investigated archaeological sites and the discovered but unstudied ones situated in the area submerged by the water storage basin and, at present, practically inaccessible for consideration and studies.

Часть 1

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ РЕКИ ЕНИСЕЙ

Г. В. Длужневская¹

{Доклад на Секторе Ср[едней] Азии и Кавказа 12/XI-79 г[ода]}

Аннотация. Исследование курганных объектов, как и в целом археологическое изучение Саянского каньона, связано с деятельностью Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР. Количество обнаруженных в каньоне курганных объектов достигает 600 в 16 могильниках. Ко времени затопления будет исследовано около 230 объектов, то есть 40 % разновременных курганов и выкладок поминального характера. Население каньона было тесно связано с Центральной Тувой и долиной реки Хемчик, имеются немногочисленные свидетельства контактов с другими районами Тувы и Минусинской котловиной.

Annotation. Investigations of kurgans, as well as the archaeological investigation of the Sayan canyon in general, are related with the activities of the Sayan Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR (STEAN). The number of kurgan sites discovered in this region amounts to 600 at 16 burial grounds. By the time of the inundation, about 230 archaeological sites will have been investigated, i.e. 40 percent of tumuli and ritual deposits of different time periods. The population of the canyon was closely linked with Central Tuva and the valley of the Khemchik River; the evidence of the contacts with other regions of Tuva and the Minusinsk Depression is rather scarce.

Ключевые слова: археологические исследования, памятники эпохи железного века, Саянский каньон, СТЭАН, Тува.

Keywords: archaeological investigations, sites of the Iron Age, Sayan Canyon, STEAN, Tuva.

Саянский каньон реки Енисей связывает Минусинские степи и Центральную Туву, являясь наиболее коротким путем между этими обширными регионами. Находившийся с секретной миссией в Урянхайском крае С. Р. Минцлов (1914 г[од]) так писал об этом участке Енисея, протяженностью более 250 км: «За Чакулем (Чаа-Холем)² Енисей входит в Саянские теснины, и отсюда начинается самая грозная и самая замечательная красота его. Он прорвал себе расще-

лину сажен от 100 до 200 шириной и мчится в ней со скоростью около 25 верст в час. Нет ни бечевника, ни тропки: пройти берегом невыносимо даже кулику; всюду отвесные, погруженные в воду скалы. Обрывы и упиравшиеся в небо скалы чередуются с зелеными ущельями, из них, грохоча и пенясь, вырываются потоки»³.

Исследование каньона в археологическом отношении связано с деятельностью Саяно-Тувинской экспедиции. Первая же разведка, проведенная

¹ Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014) – многолетняя заведующая Фотоархивом, а затем объединенным Научным архивом ИИМК РАН. О ней см. Памятники археологии, 2018.

² Пояснение в круглых скобках принадлежит Г. В. Длужневской.

³ Здесь Г. В. Длужневская приводит, с некоторыми сокращениями, цитату из книги С. Р. Минцлова «Секретное поручение (Путешествие в Урянхай)» (Минцлов, б/г. С. 273–274).

в 1965 году С. Н. Астаховым, показала наличие здесь не только памятников каменного века, но и {разновременных} курганов (например, на могильнике Хем-Терек). Одной из задач, поставленных перед экспедицией, было выяснение культурной принадлежности обнаруженных объектов, а также определение их региональности – то есть оставлены ли они выходцами из Минусинских или из центральноазиатских степей.

К настоящему времени обследованы практически все площадки, на которых можно было ожидать наличие курганных объектов. Надо отметить следующую особенность их размещения – они располагаются только на террасах, имеющих выходы из каньона по долинам горных речек, впадающих в Енисей. Территория каньона не является замкнутой, по тропам вдоль речек имеются выходы к кочевым тропам, используемым тувинцами и сейчас.

По правому берегу могильники имеются только в самом[зачеркнуто] начале каньона – Комбужап-Аксы, Чинге, напротив устья р[еки] Хемчик, Шугур, Сарыг-Хая, Ургунь и Хадынных (37 км ниже устья р[еки] Хемчик). Хемчик впадает в Енисей с левой стороны приблизительно в 20 км от начала расщелины и традиционно принят за начальную точку отсчета удаленности памятников в глубь каньона.

По левому берегу курганы имеются практически на всех площадках до устья реки Ус – Перевалка (Мугур-Саргол), устье р[еки] Хемчик, ниже его на протяжении 5 км, Йир-Сайлых, Калбак-Мыис, Хем-Терек, Кулевуок, Шигнота, Хереме.

Всего зафиксировано – 7 по правому и 9 по левому берегу – могильников, содержащих около 600 разновременных объектов. Из них раскопки проводились на 6 могильниках, вернее могильных полях, по правому берегу и 4 – по левому⁴. К настоящему времени, то есть к затоплению, исследовано приблизительно 130 объектов по правому и 4 – по левому берегам. Всего около 230 из 600. В процентном отношении – около 40 % курганных объектов.

Могильники исследованы неравномерно в силу различных обстоятельств. Полностью или почти полностью раскопаны – Чинге – 29 скифских и 15 гунно-сарматского времени курганов (И. У. Самбу, Г. В. Длужневская)⁵; устье Хемчика – могильники

Всего зафиксировано:

правый берег – 230	*К[омбужап]-А[ксы] – 10 *Чинге – 60 напротив Хемчика – 20 *Шугур – 20 *Сарыг-Хая – 55[зачеркнуто] {67}** *Ургунь – 22 *Хадынных – 42
левый берег – 285	*Перевалка – 10 *устье Хемчика – 85 ниже 5 км – 55–60 Йир-Сайлых – 20 Калбак-Мыис – 10 *Хем-Терек – 50 *Кулевуок – 30 Шигнота – 3 Хереме – 17

Примечание: * Здесь и далее в таблице знаком «звездочка» отмечены те памятники, которые были отмечены и в тексте Г. В. Длужневской «галочками», но без специальных пояснений. Очевидно, что таким образом были помечены памятники, затронутые раскопками, хотя бы частично; ** Рукописная вставка сделана позднее, так как общее число курганов на правом берегу (левый столбец таблицы) посчитано по старым данным. По всей видимости, она датируется временем после 1983 г. – последнего года работ Г. В. Длужневской на могильнике Сарыг-Хая (Длужневская, 1985. С. 201–202).

Хемчик-Бом – 55 кыргызских и 15 скифского и гунно-сарматского времени курганов (А. Д. Грач, Г. В. Длужневская); Кулевуок – 8 скифских и 5 объектов, время которых не совсем ясно (И. У. Самбу, Г. В. Длужневская); Шугур – 18 скифского и гунно-сарматского времени (Г. В. Длужневская); Перевалка – 6 [–] кыргызские, карасукский, монгун-тайгинского типа (Г. В. Длужневская). На остальных – раскопано от одного-двух до десятка объектов при общем числе до двух десятков зафиксированных (Комбужап-Аксы – 1 алды-бельского типа, 1 гунно-сарматского времени; Ургунь – 1 монгун-тайгинского типа; Хадынных – 2 скифского времени из 12 и 4 из 25, предположительно кыргызских; Хем-Терек – 1 алды-бельского типа; 4 из 20 – время не ясно, и другие). Причины этого различны, но в ряде случаев связанные с тем, что мы имеем целые серии искусственно возведенных сооружений, не имеющих определенной, четко выраженной конструкции. Это каменные на-

⁴ Эти цифры совпадают с количеством могильников, отмеченных в таблице «звездочкой».

⁵ Здесь и далее при упоминании конкретных памятников, исследованных в Саянском каньоне, в круглых скобках

Г. В. Длужневская помещает фамилии руководителей раскопок.

броски диаметром от 2–3 до 10 м, высотой до 0,5 м, овальной или округлой в плане формы. Иногда края их укреплены более крупными, специально уложенными обломками горных пород или окатанными камнями. Изредка при разборке встречаются кости животных и отдельные фрагменты керамики. Ям под ними, как правило, не имеется. Например, раскопано 5 из 15 подобных сооружений на Кулевуоке, 4 из 20 – на Хем-Тереке, комплекс из 7 сооружений на р[еке] Ус – Иджир. Эти объекты можно назвать «каньонным вариантом поминальных сооружений», дать же какое-либо объяснение и определить культурную принадлежность весьма сложно. Эти объекты сейчас достаточно хорошо отделяются от других и скорее требуют фотофиксации, нежели изучения путем раскопок. Таких набросков довольно большое количество – около 70. Если их с определенной долей вероятности отнести к числу исследованных, то тогда процент изученности памятников в каньоне будет еще больше – 50 %. Такова картина практической изученности этой территории, но есть и совершенно нетронутые памятники. К числу таких относятся Хереме (частичные раскопки предполагаются в 1980 г[оду]) и Хем-Терек. Могильник включает 12 объектов, из которых 8, видимо, относятся к скифскому времени. Это округлые в плане, диаметром 15–25 м, высотой – 0,5–0,8 м, каменные сооружения с западинами в центре. Если исследования напротив устья Хемчика еще можно будет провести до окончательного затопления, то здесь это вряд ли удастся.

Вопрос об освоенности, обжитости каньона, культурной принадлежности памятников следует рассматривать по историческим периодам.

О неолите и бронзе сектором уже был заслушан доклад Вл. А. Семенова[зачеркнуто]⁶. Из доскифских сооружений раскопана оградка типа карасукской на Перевалке (над святилищем Мугур-Саргол).

К числу сооружений монгун-тайгинского типа можно отнести исследованные на Чинге, Перевалке и Ургуни. Округлые в плане сооружения – внешнее кольцо из тщательно подобранных обломков горных пород с камерой из вертикально установленных на уровне древней дневной поверхности плит в центре. В двух случаях вокруг колец имеются вымостки на ширину около 1 м. Серия курганов монгун-тайгинского типа раскопана в долинах Каравей (у входа в каньон)

и Сары-гол (10 км к югу от Мугур-Саргола). В этих долинах памятники иного типа, нежели в каньоне.

В большинстве, археология каньона – если так можно сказать – архитектурная. При практически полном отсутствии культурных остатков выявляются более или менее четкие конструкции наземных сооружений, которые по аналогии можно отнести к тому или иному времени, к той или иной культуре.

Больше всего материалов происходит из курганов скифского времени, среди которых можно выделить несколько типов:

1. [К]урганы, напоминающие по облику царский Аржан в Турано-Уюкской котловине. Округлые в плане сооружения диаметром 10 и 5 м, высотой 0,8–0,5 м, имеют стенки-основы, сложенные из тщательно подобранных песчаниковых плит в 5–10 слоев. До ограбления они имели каменный ложный свод, державшийся за счет веса камней и просевший внутрь после их смещения. Погребения были совершены в одном случае – на каменной вымостке, в другом – на листовенничных плахах, уложенных на уровне древней дневной поверхности. Эти сооружения не имеют аналогий на ближайшей территории Центральной Тувы и связываются нами с населением Туранской котловины, связь которого с населением каньона могла осуществляться по р[еке] Хадынских, берущей начало недалеко от р[еки] Уюк. Сходные конструктивно склепы с ложными сводами исследованы на могильнике Аймырлыг (А. М. Мандельштам) и Аргалыкты (Ю. И. Трифионов). Последние относятся авторами к более позднему времени.

2. [К]урганы типа алды-бельских – одиночные и сдвоенные.

Наземные сооружения округлой или подпрямоугольной со скругленными углами формы (диаметром до 10–15 м). Крепида из вертикально установленных массивных плит, одинарная или двойная с забутовкой между рядами. Каким образом заполнялось внутреннее пространство, окончательно выяснить не удалось. Проводились попытки разборки внутреннего каменного заполнения, но в этих курганах (Шугур, Хем-Терек III) было по одному центральному погребению, вокруг которых, вероятно, возводилось специально небольшое сооружение округлой в плане формы. Кладка – в несколько слоев, на высоту крепиды, до 1 м. Под наземными сооружениями на Хемчик-Бомах III и V было 12 и 15 погребений (А. Д. Грач), но здесь курганы сдвоенные.

⁶ В результате авторской правки, сделанной шариковой ручкой, это предложение взято в квадратные скобки и вычеркнуто из машинописного текста.

Курганы алды-бельского типа раскопаны на Комбужап-Аксы, Чинге, Хемчик-Боммах III–IV, Шугуре и Хем-Тереке III. Причем этот последний был обнаружен С. Н. Астаховым во время разведки 1965 г[ода] и по внешнему виду отнесен к тагарской культуре, распространенной в Минусинских степях. Проведенные в 1978 г[оду] исследования показали, что и этот объект имеет прочные аналогии в Туве и относится к тувинскому кругу памятников. Наиболее удаленными от начала ущелья являются курганы, раскопанные на могильнике Кулевуок (И. У. Самбу).

3. [К]урганы с погребениями в срубках, хорошо изученные в степных районах. Ближайшие к каньону могильники Аймырлыг (А. М. Мандельштам) и Урбюн III (Д. Г. Савинов), видимо нераскопанный могильник у входа в ущелье, ведущее на Мугур-Саргол. Собственно в каньоне они изучены в начальной части – на Чинге (И. У. Самбу) и в устье р[еки] Хемчик (А. Д. Грач). Глубже в ущелье таких памятников не обнаружено, но во время последнего полевого сезона подобное погребение – единовременное захоронение в срубе 4 человек (2 взрослых, 2 детей) – найдено на реке Ус (могильник Иджир II в 7 км выше устья по левому берегу реки).

Памятники так называемого «гунно-сарматского» времени. Обнаружены и частично исследованы на Комбужап-Аксы, Чинге, в устье Хемчика и на Шугуре. На Чинге и в устье Хемчика (Хемчик-Бом [V, VI]⁷) в основном поминальные сооружения – под округлыми или овальными в плане конструкциями с нечеткими стенками-основаниями (диаметром 5–10 м, высотой 0,5–1 м) находились вкопанные керамические сосуды вазообразных и горшковидных форм, иногда с широко распространенным в Туве арочно-лопастным орнаментом.

На могильнике Шугур (7 км ниже устья Хемчика – наиболее удаленный в глубь каньона памятник этого времени) исследовано два комплекса из 5 и 3 сооружений, пристроенных друг к другу. По внешнему виду до раскопок они напоминали кокзальские курганы-кладбища, изучавшиеся в 60-х г[одах] ТКАЭН в долине р[еки] Хемчик (среднее течение). Под одним сооружением находилось погребение человека, под остальными – керамические сосуды,

вкопанные в землю и установленные в каменных ящиках. Один из них – бомбовидный сосуд с прямым горлом и ушками для подвешивания – находит себе ближайшие аналогии среди тепсейского материала (Минусинская котловина). Датировка комплексов – II–V вв. н. э.

{Вл. А. Семеновым раскопан могильник, впущенный в слои стоянки Хадынских I. Автор раскопок считает его тесинским – ящички, погребения по обряду трупосожжения на стороне. Есть керамика.}

В целом, курганы этого времени имеют прочные аналогии в Туве и, видимо, оставлены населением, имевшим тесные контакты с обитателями долины р[еки] Хемчик и центральнотувинской котловины.

Древнетюркских курганов, под которыми совершались погребения по обряду труположения с конем, по устойчивому обряду, вероятно принадлежавшему теле, таких курганов в каньоне не имеется. По-видимому, населению VII–XII вв., при его мобильности и хозяйственном укладе, эта территория не подходила. Подобные погребения обнаружены в непосредственной близости от каньона в долине Сары-гол (10 км и менее к югу от Мугур-Саргола).

Отсутствие этих памятников на этой территории является одним из оснований при определении этнической принадлежности отдельных знаков и надписей, обнаруженных здесь. Исследователи рунической письменности (И. А. Батманов, С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев) считают, что знаки, нередко прочерченные рядом с тамгами, оставлены проникающими в Туву в середине IX в. енисейскими кыргызами.

В каньоне исследовано полностью два могильника IX–X вв. – периода господства кыргызов за Саянами (Хемчик-Бом II и Сарыг-Хая – правый берег Енисея в 8 км ниже устья Хемчика). Они включают по 50 разнохарактерных объектов каждый – погребальных, поминальных, «меморативных» и ритуальных выкладок – и дали разнообразный вещественный материал, имеющий аналогии как в Туве, так и в Минусинской котловине. Это своеобразные могильники, из пристроенных друг к другу, образующих цепочки небольших юртообразных сооружений. Подобные изучены в Туве еще в двух точках: Каат-Ховак у горы Хайракан (А. М. Мандельштам) и Аймырлыг II в долине реки Чаа-Холь (Б. Б. Овчинникова). Эти могильники оставлены, вероятнее всего, группировкой кыргызов, расселявшейся в IX–X вв. вдоль Енисея на

⁷ В этом месте в машинописи присутствует перебивка, затрудняющая однозначное прочтение текста, поэтому нумерация могильников восстановлена мной исходя из смысла изложения.

протяжении приблизительно 100 км – от горы Хайыракан до реки Ус, с центром у современного пос[елка] Чаа-Холь. Кроме названных, в каньоне, в долине Йир-Сайлых обнаружен еще один могильник, включающий до трех десятков каменных сооружений (прибл[изительно] 5 км ниже устья Хемчика) и, вероятно, ниже этого места, они использовали каньон не для обитания, а для сообщений с Минусинской котловиной. Каньон труднопроходимый в летнее время, легко доступен для больших масс людей в зимний период. Есть свидетельства, что в начале XIII в. Джучи-хан провел свои войска по зимнему Енисею. Видимо, к этому времени относятся погребения по обряду трупоположения на могильнике Хемчик-Бом VI с характерным инвентарем XIII–XIV вв. и погребение женщины в бокке на могильнике Сарыг-Хая.

[Заключение]

[Первое,] все перечисленные нами памятники имеют определенную географическую границу – устье реки Ус. Ниже его курганных объектов, несмотря на неоднократные разведки, проводившиеся сотрудниками экспедиции, не обнаружено. Между выходом Енисея в Минусинские степи и долиной реки Ус существовал значительный разрыв. Этот участок Енисея использовался, видимо, только для сообщения, в качестве дороги, в то время как небольшие коллективы постоянно обитали в каньоне. В скифское время он был освоен далее всего (до займища Кулевуок, возможно, Хереме, но это покажут предстоящие полевые работы), позже население как бы отступало к более удобным для обитания центральнотувинским степям и долине Хемчика. Это не были большие группы людей, но, судя по тому, что на Кулевуоке длительное время существовал тувинский аил с довольно значительным количеством скота (до 1000 коз, 500 баранов, более десятка коров), то и в иные времена это не обязательно были одно-двухгодичные поселения. На этой же площадке в скифское время жили люди. В 8 курганах, датируемых VII–VI вв. [до н. э.], в среднем по три погребения, что подтверждает продолжительный период жизни на Кулевуоке.

Второе, памятники, исследованные в каньоне, относятся к тувинскому кругу археологических культур, центральноазиатский регион.

Третье, обитатели каньона были связаны как с населением Центральной Тувы и долины р[еки] Хемчик, так и с населением Минусинской котловины, хотя эти связи, подтверждаемые археологическим материалом, незначительны.

Кроме курганных объектов, в ущелье зафиксированы и изучаются:

1) петроглифы – Мугур-Саргол, приустьевая часть реки Чинге, Бижиктиг-Хая (правый берег Енисея в 1 км выше устья Хемчика), на «дороге Чингиз-хана» – разновременные (М. А. Дэвлет в последнее время);

2) памятники рунической письменности, о которых мы уже упоминали, – единичные знаки, посетительские метки-инициалы, начиная от р[еки] Ус до выхода из ущелья и на скалах вдоль речек Шугур, Чинге; надписи на скалах на «дороге Чингиз-хана» и Мугур-Сарголе; стелы с тамгами и текстами на Хадынныхе, Йир-Сайлыхе, Хемчик-Боме. Относятся к кыргызскому периоду – IX–X вв;

3) и, наконец, остатки береговой дороги на участке между Мугур-Сарголом и устьем Хемчика по левому берегу Енисея, легендарная «дорога Чингиз-хана». Здесь проводились раскопки Б. Б. Овчинниковой – прямоугольное сооружение, возможно, действительно сторожевой или наблюдательный пункт. На Манчуреке и Ишкине (Западная Тува) Л. Р. Кызласовым зафиксированы заградительные каменные стены. По аналогии участок данной дороги интерпретируется им как оборонительная стена кыргызов, возведенная для защиты от противника, плывущего по реке; имеется в виду период, когда правый берег Енисея в этом месте уже находился в руках кыргызов. Археологически, да и топографически подтвердить это положение весьма сложно. Ширина кладки на Мугур-Сарголе не более 1 м, высота достигает местами двух метров, развала стены-дороги не видно. Проходит же она по самому краю террасы, как бы подпирая его, а далее приобретает характер именно кладки для подправки имеющейся здесь тропы. Характер кладки – сухая, безрастворная, из хорошо подобранных плит – напоминает кладку наземных сооружений курганов кыргызского времени, так что создатели ее, видимо, действительно жили в домонгольское время, но о характере ее как оборонительной стены говорить пока рано. Особенно если вспомнить, что подобная кладка у сте-

нок-основ курганов скифского времени на Хадын-ныхе, древнетюркского времени на Улуг-Бюке (на Хемчике), на Аймырлыге III в долине р[еки] Чаа-Холь.

Еще раз хочется подчеркнуть, что хотя материал, представляемый памятниками – курганными

объектами, – из каньона не богат, но все же позволяет говорить о роли этой территории не только как о дороге, но и о месте обитания небольших групп населения и рассматривать ее в качестве северо-западной провинции территории Тувы.

Приложение 1

[ДОПОЛНЕНИЕ К СВОДНОЙ ТАБЛИЦЕ ОБСЛЕДОВАННЫХ (ВЫЯВЛЕННЫХ ИЛИ РАСКОПАННЫХ) КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ¹]

{1979 г[од] – Кулевуок – 4 поминал[ьника]

Иджир I, III – поминал[ьники]

Иджир II – 2 скифа

1980 г[од] – вал Омай-тура

Сарыг-Хая II – 2 кыргыза

1981 г[од] – Новый Эйлиг-Хем – 5 курганов м[онгул]-т[айгинского] типа и скифы

1982 г[од] – вал Омай-тура

Сарыг-Хая II – кыргыз – 1 курган

Сарыг-Хая III – 1, два челов[ека]

1983 г[од] – Бедиг-Хорум – 2 м[онгул]-т[айгинского] типа

2 поминальных соор[ужения]

7 скифы, VI–V вв. [до н. э.]

Сарыг-Хая III – 2 монгола, кон[ец] XII – нач[ало] XIII в. }

[Длужневская, 1985 – Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 201–202.

Мицлов, б/г – Мицлов С. Р. Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига: Сибирское книгоиздательство, б/г. 277 с.

Памятники археологии, 2018 – Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 328 с.]

Sites of the Iron Age in the Sayan Canyon of the Yenisei River

G. V. Dluzhnevskaya

{Lecture at the Sector of Central Asia and the Caucasus, 12.11.1979}

Investigations of kurgans, as well as the archaeological investigation of the Sayan canyon in general, are related with the activities of the Sayan Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR (STEAN). Already the first surveys conducted in 1965 by S. N. Astakhov, revealed the presence of kurgans in the riverside area right up to the Us River.

The number of kurgan sites discovered in this region amounts to 600 at 16 burial grounds. By the time of the inundation, about 230 archaeological sites will have been investigated, i.e. 40 percent of tumuli and ritual deposits of different time periods. Besides the kurgans, also rock representations and monuments of the runic scripts were examined in this territory. Interdisciplinary

¹ Рукописное дополнение к сводной таблице обследованных курганных могильников в машинописном тексте доклада сделано рукой Г. В. Длужневской на обороте последнего листа машинописи (Л. 12 об.). Судя по тому, что в списке упоминаются памятники, раскопанные в последний сезон ее работы в качестве начальника отряда СТЭАН (1983 г.), можно предположить, что эти записи сделаны не ранее 1983 г.

studies have demonstrated the extent of the occupation of the canyon during different historical periods and the cultural gap existing between the South Siberian region and the Central Asiatic one. The sites discovered and excavated in the canyon are related with the Tuva circle

of archaeological cultures. The population of the canyon was closely linked with Central Tuva and the valley of the Khemchik River; the evidence of the contacts with other regions of Tuva and the Minusinsk Depression is rather scarce.

ЧАСТЬ 2

Протокол № 28 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа от 12 декабря 1979 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 1157, л. 101, 104–107)

Председатель: В. М. Массон

Секретарь: В. А. Алекшин

Повестка дня:

1. <...>

2. Г. В. Длужневская. Памятники железного века в Саянском каньоне реки Енисей.

1. <...>

2. Г. В. Длужневская: Излагает основные положения доклада (тезисы доклада прилагаются¹).

[Вопросы:]

В. И. Распопова – Люди здесь жили из поколения в поколение или нет?

Г. В. Длужневская – Стоянок эпохи железа нет. Есть только эпохи неолита и бронзы. Эпоха железа – курганные памятники. Но из-за их кочевания вряд ли можно будет найти стоянки.

Ю. А. Заднепровский – Какова длина каньона?

Г. В. Длужневская – От начала каньона до реки Ус – около 100 км и далее еще 150 км.

Ю. А. Заднепровский – В каждой долине могильник? Это закономерность или нет?

Г. В. Длужневская – Это не искусственное расположение памятников, а естественное. Но они все разновременные.

А. М. Беленицкий – Что значит «освоение каньона»? Оно было длительным или нет?

Г. В. Длужневская – Оно было довольно длительным, ибо в каньоне есть места выпасов (это для

тувинцев). Эпиграфика совпадает с датировкой могильников.

А. М. Беленицкий – Как датируются наскальные изображения?

Г. В. Длужневская – Затрудняюсь ответить на этот вопрос, ибо не занимаюсь проблемами датировок наскальных изображений.

А. М. Беленицкий – Было ли движение народов с севера? Откуда шла эпиграфика, с юга или севера?

Г. В. Длужневская – Видимо, движение шло с юга на север.

В. И. Распопова – Доклад является частью чего?

Г. В. Длужневская – Это часть археологической карты Саянского каньона², которую необходимо опубликовать, но можно использовать в качестве I главы диссертации.

[Выступления:]

Ю. А. Заднепровский: Заполняются белые пятна на археологической карте Саянского каньона. Желательно здесь продолжение раскопок, прежде всего тюркских памятников. Желательно выделить микрорайоны для изучения археологических культур и раскопать целую группировку памятников. Нужно сделать серию карт памятников в хронологическом порядке. Очень интересен Ваш вывод о могильных полях. Но нужно четко знать количество курганов в этих полях. Ваша карта дает основу для историко-культурных выводов.

А. М. Беленицкий: Трудно давать пожелания о дальнейших раскопках, ибо многие памятники вскоре будут затоплены. Доклад очень интересен. Памятники раскопаны методически. В ответах на вопросы выяснилось, что автор работает и над

¹ В качестве тезисов доклада, приложенных к протоколу заседания (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 1157, л. 114), фигурирует текст, помещенный мной в качестве резюме в публикацию: Г. В. Длужневская. Памятники эпохи железа в Саянском каньоне реки Енисей (Доклад на Секторе Средней Азии и Кавказа 12/ХІ-79 г.) (см. настоящий сборник). По этой причине указанный документ здесь не приводится.

² Из этого ответа ясно, что Г. В. Длужневская подготовила и представила карту памятников, о которых шла речь в докладе, однако выявить ее в архивных материалах к настоящему моменту не удалось.

историко-культурными проблемами. Доклад очень интересен. Автор проделал большую работу. В целом эту работу можно включить в качестве главы в диссертацию.

В[л.] А. Семенов: Каньон – контактная зона между Южной Сибирью и Центральной Азией. Поэтому эту территорию очень важно изучать. Здесь есть периодизация культур от неолита до позднего средневековья. Поэтому район перспективен для изучения. Здесь издавна жили племена с культурно-хозяйственным типом, близким к раннему кочевничеству. Помимо археологического материала есть остеологические и пыльцевые материалы.

Г. В. Длужневская: Древнетюркских памятников на этой территории нет. Тюрки так далеко не заходили. Вся руника происходит от кыргызского периода. Конечно, нужно изучать своеобразие правого и левого берегов каньона. Благодарю всех за внимание.

В. М. Массон: Это попытка суммирования итогов работы Тувинской экспедиции. Это можно использовать в качестве главы диссертации. Здесь важно, что изучаются древние пути кочевников. Доклад интересен.

Председатель:	[подпись]
Секретарь:	[подпись]

Протоколы № 16–31 заседаний Средней Азии и Кавказа за 1979 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312, оп. 1, д. 1157, л. 101, 104–107, 114.

Часть 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ РЕКИ ЕНИСЕЙ (УЛУГ-ХЕМ)

Г. В. Длужневская¹

Аннотация. [*Саянский каньон реки Енисей (Улуг-Хем) связывает Минусинские степи и Центральную Туву, являясь наиболее коротким путем между этими регионами. Одной из задач экспедиции стало определение культурной и региональной принадлежности обнаруженных курганов. К моменту затопления водохранилища было изучено около 270 объектов по обоим берегам каньона, среди которых выявлены сооружения разных хронологических периодов от эпохи бронзы до монгольского времени.*]

Annotation. [*The Sayan Canyon of the Yenisei River (Ulug-Khem) connects the Minusinsk steppe with Central Tuva representing the shortest route between these regions. Among the goals of the Expedition there was the identification of the cultural and regional belonging of the revealed barrows. By the moment of the filling of the reservoir, about 150 archaeological objects had been investigated on the both banks of the canyon. Among them, structures of different chronological periods from the Bronze Age to the Mongol times were identified.*]

Ключевые слова: [*археологические исследования, памятники эпохи железного века, Саянский каньон, СТЭАН, Тува.*]

Keywords: [*archaeological investigations, sites of the Iron Age, Sayan Canyon, STEAN, Tuva.*]

Саянский каньон реки Енисей (Улуг-Хем) связывает Минусинские степи и Центральную Туву, являясь наиболее коротким путем между этими регионами.

Исследование каньона в археологическом отношении связано с деятельностью Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне – Институт истории материальной культуры РАН). Первая же разведка, проведенная в 1965 г[оду] С. Н. Астаховым, показала наличие здесь не только памятников

¹ Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014) — многолетняя заведующая Фотоархивом, а затем объединенным Научным архивом ИИМК РАН. О ней см. Памятники археологии, 2018.

каменного века, но и разновременных курганных объектов. Одной из задач экспедиции стало выяснение культурной и региональной принадлежности обнаруженных курганов.

До затопления были обследованы практически все площадки, на которых можно было ожидать нахождения курганных объектов, – от долины Каравей до Карлова створа. Особенностью их размещения является то, что они располагались только на террасах, имеющих выходы из каньона по долинам горных рек, впадающих в Енисей с обеих сторон. Территория каньона не является замкнутой, вдоль рек имеются выходы к кочевым тропам, связывающим Центральную Туву с долинами рек Уюк, Хемчик, Ус и др[угих].

По правому берегу могильники имелись только в начальной части каньона (Комбужап-Аксы, Чинге I–V, напротив устья реки Хемчик, Шугур, Сарыг-Хая I–III, Ургунь, Хадынных I–II). По левому берегу курганы находились на всех площадках до устья реки Ус – Каравей (Урбюн I–III), Перевалка (Мугур-Саргол), устье реки Хемчик (Хемчик-Бом I–VI), Йир-Сайыр, Калбак-Мыис, Хем-Терек I–III, Кулевуок, Шигнота, Хереме. Всего зафиксировано 14 могильников по правому и 15 по левому берегу, содержащих соответственно 242 и 300 видимых объектов – 550 курганов и оградок. Из них раскопки проводились на могильниках:

Комбужап-Аксы, Шугур, Сарыг-Хая I–II, Ургунь, Хадынных I–II – Г. В. Длужневской;

Чинге I–V – И. У. Самбу, Г. В. Длужневской;

Сарыг-Хая III – Д. Г. Савиновым, Г. В. Длужневской;

Урбюн I–III – Д. Г. Савиновым;

Перевалка (Мугур-Саргол) – Г. В. Длужневской, Б. Б. Овчинниковой;

Хемчик-Бом I–VI – А. Д. Грачом, Г. В. Длужневской;

Кулевуок – И. У. Самбу, Г. В. Длужневской.

К моменту затопления силами всех исследователей было изучено примерно 150 объектов по правому и 120 по левому берегам (270), то есть около 50 % памятников, обнаруженных в Саянском каньоне.

Могильники были изучены неравномерно в силу различных обстоятельств. Полностью или почти полностью исследованы Чинге, Хемчик-

Бом I–II, Кулевуок, Шугур, Перевалка, Сарыг-Хая I–III и Урбюн I–III. Причины этого различны, но в ряде случаев связаны с тем, что имелись целые серии искусственно возведенных сооружений, не представляющих четко выраженной конструкции. Изредка при разборке встречались кости животных, фрагменты керамических сосудов и угли. Подобные объекты можно назвать «каньонным вариантом поминальных сооружений», но определить их хронологическую или культурную принадлежность не представляется возможным. Они требовали скорее фотофиксации, нежели археологического изучения. Если учесть, что подобных памятников не менее 100, то можно говорить о весьма высоком проценте изученности территории каньона – почти 70 % от выявленных исследователями курганных объектов. Наибольшей потерей для археологической науки следует считать то, что неизученным, «под водой» остался могильник Хем-Терек, обнаруженный еще в 1965 г[оду] С. Н. Астаховым, обследованный в 1968–1970 г[одах] А. Д. Грачом. Этот памятник А. Д. Грач совершенно справедливо отнес к скифскому времени, что подтвердилось раскопками могильника Бедиг-Хорум в долине р[еки] Эйлиг-Хем (Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская).

Картина освоенности, «обжитости» территории каньона, культурной и региональной принадлежности памятников выглядит следующим образом:

1) карасукская оградка над святилищем Мугур-Саргол (Перевалка);

2) памятники монгун-тайгинского типа (Чинге, Ургунь; Перевалка (Мугур-Саргол) и в долинах Каравей и Сары-Гол);

3) скифское время: курганы, конструктивно сходные с курганом Аржан (Хадынных II); курганы алды-бельской (Комбужап-Аксы, Чинге, Шугур, Хемчик-Бом III–V, Хем-Терек III, Кулевуок) и саглынской культур (Чинге, Хемчик-Бом I, II, V, Урбюн III; на р[еке] Ус – Иджир II);

4) гунно-сарматское время: Комбужап-Аксы, Чинге, курганы-кладбища на могильнике Шугур, Хемчик-Бом IV;

5) древнетюркских курганов в Саянском каньоне не обнаружено (в долине Мугур-Саргол, на спу-

ске к святилищу² и серия памятников в 20 км выше устья на р[еке] Хемчик – раскопки Ю. И. Трифонова и Г. В. Длужневской);

б) кыргызский период (Перевалка, Хемчик-Бом II, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II);

7) древнемонгольский период (ниже святилища Мугур-Саргол по течению Енисея в 1–2 км, Хемчик-Бом VI, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая III).

Все перечисленные памятники имеют определенную границу распространения – устье р[еки] Ус; ниже его курганных объектов, несмотря на неоднократные разведки, в том числе аэроаэрозондировка А. Д. Грача (1969 г[од]) и разведка 1976 г[ода] (Г. В. Длужневская, А. В. Субботин), не обнаружено. Между выходом Енисея в Минусинские степи и долиной р[еки] Ус существовал значительный разрыв. Этот участок долины Улуг-Хема (Енисея) использовался, видимо, только для сообщения, в качестве водного пути, в то время как небольшие коллективы постоянно обитали в каньоне. В скифское время каньон был освоен на всем начальном участке (до р[еки] Ус), позже население как бы отступало к более удобным для обитания центрально-тувинским степям и долине р[еки] Хемчик.

Курганные объекты, исследованные в Саянском каньоне, относятся к тувинскому кругу культур, к центральноазиатскому региону, хотя его обитатели были связаны как с населением Центральной Тувы и долины р[еки] Хемчик, так и с населением Минусинской котловины. Контакты с последним, однако, незначительны.

Кроме курганных объектов, в Саянском каньоне исследованы:

1) памятники каменного века (С. Н. Астахов, Вл. А. Семенов, С. А. Васильев);

2) уникальная многослойная стоянка Тоора-Даш (Вл. А. Семенов);

3) петроглифические комплексы (Я. А. Шер, М. А. Дэвлет, Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская);

4) памятники рунической письменности на всем участке от долины Каравей до устья р[еки] Ус (С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев);

5) береговая дорога на участке между Мугур-Сарголом и устьем реки Хемчик (Г. В. Длужневская, Б. Б. Овчинникова) и вал Омайтура на выходе Енисея в Минусинскую котловину (Г. В. Длужневская).

[Памятники археологии, 2018 – Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 328 с.]

Archaeological sites of the Iron Age in the Sayan Canyon of the Yenisei River (Ulug-Khem)

G. V. Dluzhnevskaya

[The Sayan Canyon of the Yenisei River (Ulug-Khem) connects the Minusinsk steppe with Central Tuva representing the shortest route between these regions. The investigations of the canyon were conducted by the Sayan Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR. It has revealed a considerable number of archaeological sites (campsites of the Stone Age and kurgan burial grounds of different periods). Among the goals of the Expedition there was the identification of the cultural and regional belonging of the revealed barrows. By

the moment of the filling of the reservoir, about 150 archaeological objects had been investigated on the both banks of the canyon. Among them, structures of different chronological periods from the Bronze Age to the Mongol times were identified. The works of the Expedition have resulted in establishing that the kurgan sites of the Sayan Canyon, in their predominant majority, belong to the Tuva circle of cultures and that of the Central Asiatic region. The contacts with the population of the Minusinsk depression seem to have been insignificant.]

² Речь идет о буддийском скальном святилище на горе Сюме над Енисеем – нише Чурумал-Бурханнэг-Хая, которое в настоящее время находится ниже зеркала водохранилища «Саянское море» и открывается на короткий период только во время спуска воды.

ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ДАВНО ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ДНЕ ТУВИНСКОГО МОРЯ¹

Т. Р. Садыков²

Аннотация. В статье описаны результаты картографирования уже исследованных памятников в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, которые не имели карт и планов (или содержали противоречия) в отчетной документации и публикациях. Отмечена перспективность метода и получены первые результаты. Составлена предварительная общая карта.

Annotation. This paper describes results of mapping of already investigated sites in the flooded area of the Sayan-Shushenskoye hydro-electric plant, which had no maps and plans (or had contradictory ones) in the reports and publications. The promising character of the method applied is noted and the first results have been obtained. A preliminary general map has been drawn.

Ключевые слова: Тува, зона затопления, карта, аэрофотосъемка, ортофотоплан, Аймырлыг, Аргалыкты, Шагонар, Чааты, Кара-Тал.

Keywords: Tuva, flooded area, map, aerial photographing, orthophotoplan, Aymyrlyg, Argalykty, Shagonar, Chaaty, Kara-Tal.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-248-259

Зона затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Центрально-Тувинской и Хемчикской котловинах содержит тысячи известных археологических объектов и, по всей видимости, множество неизвестных. В 1965–1984-х гг. здесь работала одна из крупнейших в Советском Союзе археологических экспедиций (до 1973 г. – под руководством А. Д. Грача), состоявшая из 5–6 отрядов и исследовавшая разнообразные памятники разных археологических эпох.

По мнению участников работ, до 1984 г. было исследовано около 15 % подлежащих затоплению памятников (Длужневская, Савинов, 2007. С. 7), что, возможно, является чересчур оптимистической оценкой. Всего упоминается 83 названия (памятники или группы памятников), где проходили археологические работы (Там же. С. 175–183). Это 186 формально выделенных археологических памятников, из них около 120 – курганные могильники.

В этой же зоне находятся (или непосредственно к ней примыкают) несколько археологических памятников С. А. Теплоуховым, Л. Р. Кызласовым, С. И. Вайнштейном еще до работ СТЭАН, а также Вл. А. Семёновым, М. Е. Килуновской и П. М. Леусом после 1984 г. и до настоящего времени.

Единственной общей картой работ СТЭАН является карта из отчета о разведке 1962 г. (рис. 1). В ходе дальнейших полевых работ каждый отряд решал картографические вопросы отдельно, при этом не только общих карт, но и планов большинства могильников, раскопанных в те годы, не существует. Имеющиеся в наличии планы представляют собой глазомерную схему расположения объектов, причем ориентирами выступают, как правило, уже несуществующие населенные пункты. Планов расположения отдельных могильников внутри огромных могильных полей также не существует (Аргалыкты), или же они противоречат друг другу (Аймырлыг).

Однако раскопанные объекты в абсолютном большинстве случаев достаточно уверенно выделяются на местности. Работы 1965–1984 гг. не предполагали какой-то специальной рекультивации раскопанной площади, поскольку она предназна-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. Адрес электронной почты: tim.sadykov@gmail.com.

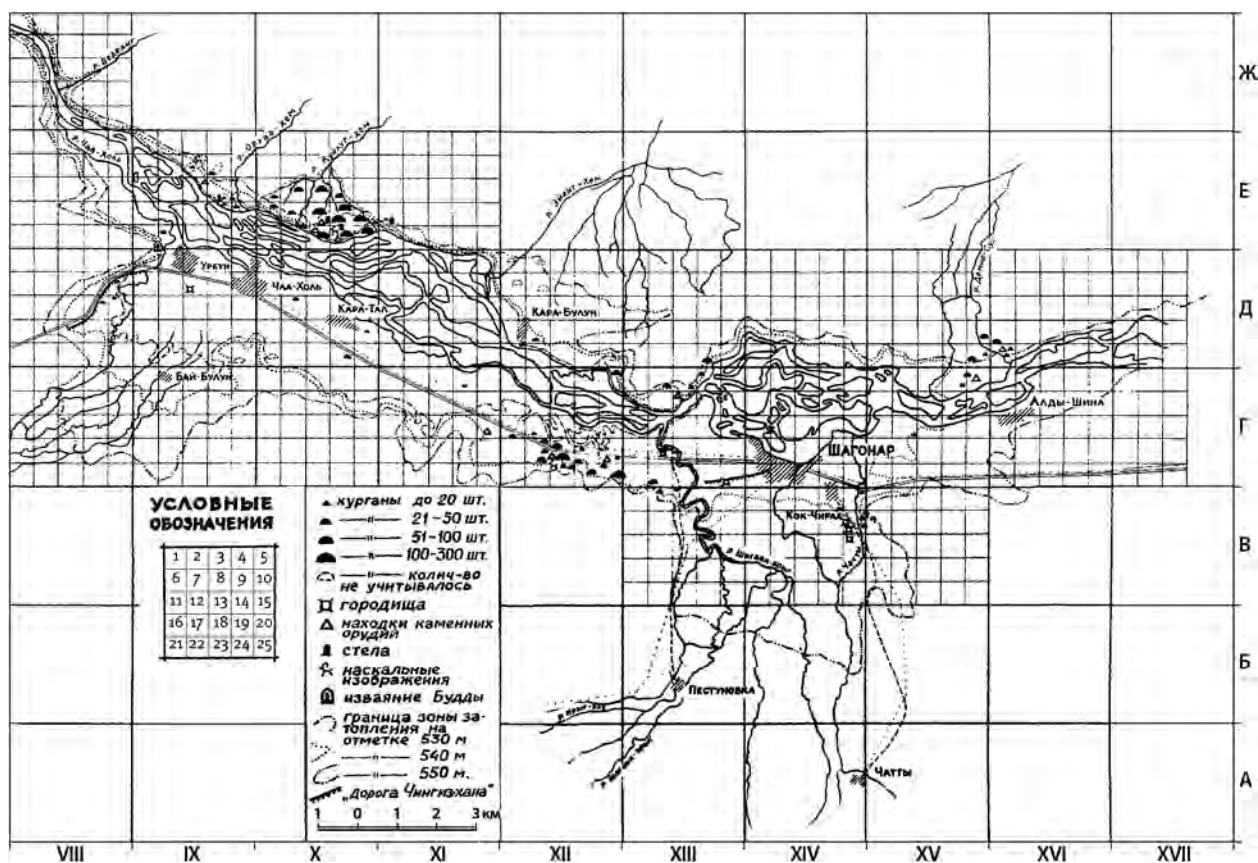


Рис. 1. Карта зоны затопления 1962 г.

Fig. 1. Map of the flooded area of 1962

лась для затопления. К настоящему времени исследованные курганы хорошо различимы, а в некоторых случаях (объекты скифского времени могильников Аймырлыг) глубокие ямы видны даже на спутниковых снимках.

Многие материалы 1960–1980-х гг. до сих пор полностью не опубликованы. При этом к настоящему времени появилась возможность дополнить результаты прошлых работ новыми картами и планами на основе соотнесения старых схем и текстовых описаний с видимыми на современной поверхности раскопами, а также свести всю эту информацию в единую геоинформационную систему.

В 2017 г. сотрудники ТАЭ ИИМК РАН провели небольшие работы на левом берегу р. Улуğ-Хем (Енисей) в районе археологических памятников Аймырлыг, Кара-Тал, Аргалыкты, Шагонар и Чааты. Квадрокоптером снято несколько могильников и городищ с последующей обработкой и

построением 3д-моделей, карт высот, ортофотопланов и топографических планов. Для этих же памятников собраны архивные материалы. Все эти данные объединены в единую ГИС-систему (на основе QGIS). В этой же системе собираются спутниковые снимки, старые и новые карты, в ней же можно приблизительно привязать схемы могильников из старых отчетов и публикаций. Полученная предварительная общая карта (рис. 2) будет уточняться и дополняться.

Метод оказался достаточно действенным: для частично или полностью исследованных памятников оказалось возможным сделать карты, топопланы, ортофотопланы современного уровня точности. Эти результаты могут быть важны для решения самых разных вопросов; следуя культурно-хронологическому порядку (от поздних к ранним), остановлюсь на некоторых положениях.

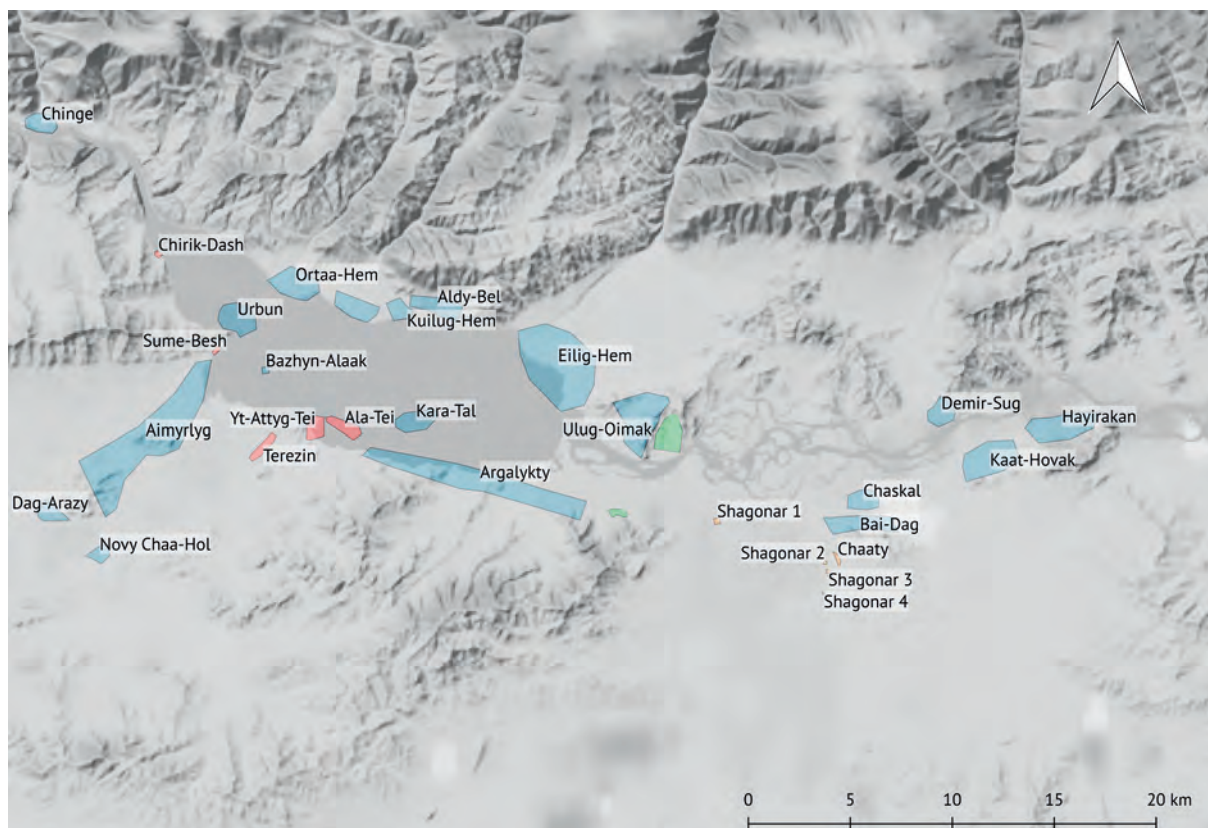


Рис. 2. Предварительная общая карта памятников в зоне затопления

Fig. 2. Preliminary general map of sites within the flooded area

Вторая половина VIII – первая половина IX в. по письменным источникам считается в Туве временем доминирования **Уйгурского каганата**. К этому времени обычно относят сеть городищ (к зоне затопления непосредственно прилегают шесть городищ), могильники Чааты 1 и 2 и часть погребений с конем. Не касаясь правомерности всех этих сопоставлений, можно уточнить:

- городище Шагонар 4 (рис. 3) имеет менее правильную форму, чем в опубликованном варианте (Кызласов, 1969. С. 61). Это может свидетельствовать об иной его датировке;

- на ортофотоплане активно размываемого водой городища Бажын-Алаак (на Чаа-Холе) отчетливо видны внутренние структуры (рис. 4), никак не объяснимые по опубликованным результатам его частичных раскопок в 1970-е гг.;

- могильники Чааты 1 и 2 (рис. 5), возможно, являются частью одного могильного поля, поскольку разделяющее их пространство занято свалкой,

существовавшей, возможно, и во время работ Л. Р. Кызласова.

Памятников **древнетюркской культуры**, погребений с конем (или с конями) в Туве исследовано немного – гораздо меньше, чем на соседнем Алтае. По результатам работ СТЭАН в 2013 г. опубликована полная сводка всех изученных экспедицией памятников этого периода (Древние тюрки, 2013). В первую очередь это публикация отчетов, но карт и схем явно не хватает:

- в 2017 г. надежно выявлено местоположение памятников Кара-Тал 1–3 (рис. 6);

- составлена общая карта раскопанных погребений с конем в Туве (рис. 7). Она, безусловно, не отражает распространенности древнетюркских памятников, только степень изученности. Например, совсем рядом с полями Аргалыкты и Кара-Тал зафиксирован (рис. 8) могильник (в том числе с характерными тюркскими оградками), который пока не удалось соотнести с каким-либо памятником из отчетов СТЭАН.



Рис. 3. Шагонар 4. Ортофотоплан
Fig. 3. Shagonar 4. Orthophotoplan

Bazhyn-Alaak 2 (on Chaa-Hol)

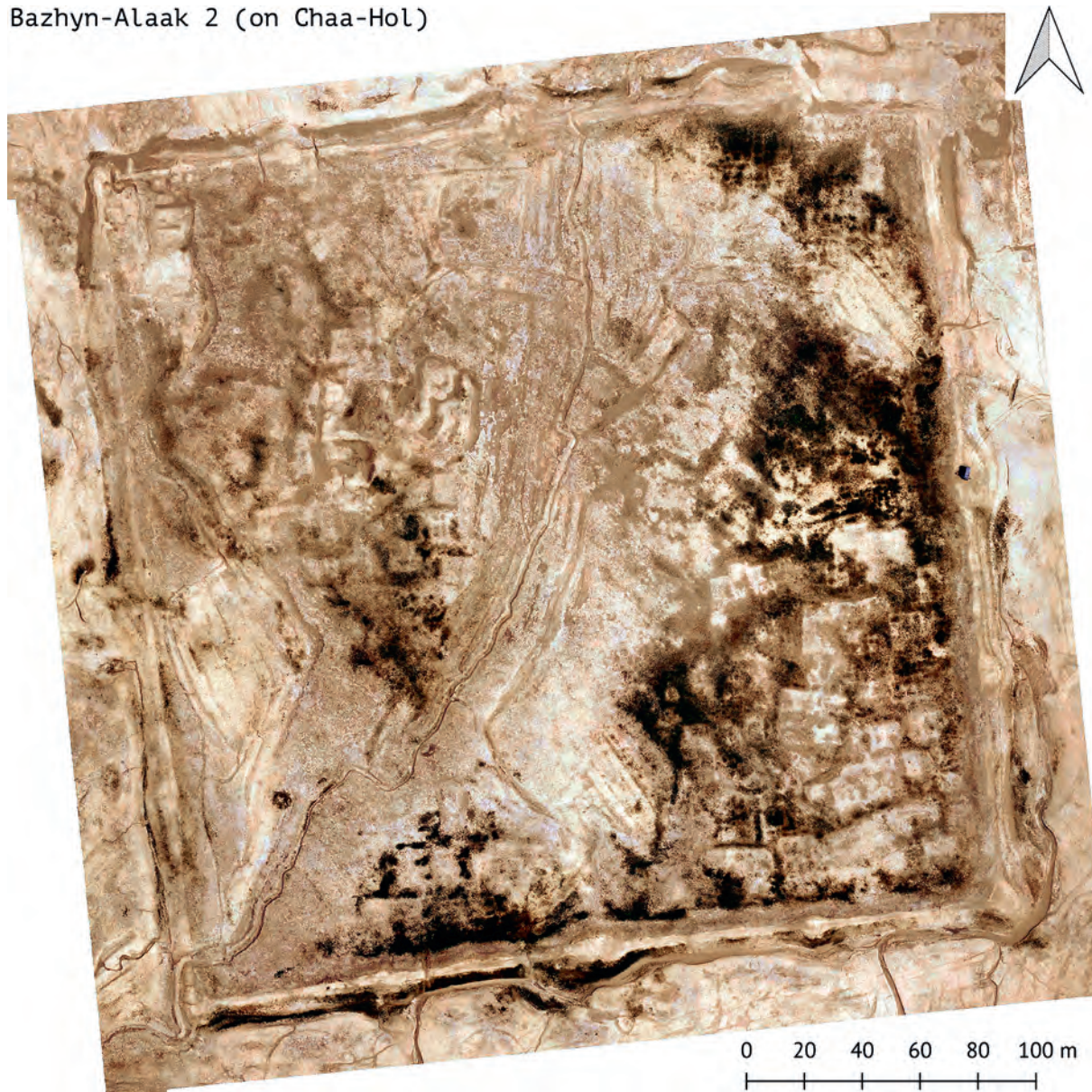


Рис. 4. Бажын-Алаак 2 на Чаа-Холе. Ортофотоплан

Fig. 4. Bazhyn-Alaak 2 on the Chaa-Khol. Orthophotoplan

Объектов **кокэльской культуры** в зоне затопления раскопано более 250 на более чем 40 могильниках (Памятники кокэльской культуры, 2010. С. 99), планы многих из них отсутствуют. Важным исключением является могильник Даг-Аразы, прекрасно представленный Б. Б. Овчинниковой (Овчинникова, 2010). Общая карта памятников кокэльской археологической культуры, с учетом данных разведки 2017 г., недавно опубликована (Садыков, 2018).

Преобладающее большинство раскопанных объектов в зоне затопления относится к **скифской культуре**. Наибольшее количество скифских объектов исследовано 2-м отрядом СТЭАН на могильном поле Аймырлыг. Большая часть этих материалов не опубликована. Нумерация могильников, групп, объектов (латинскими и арабскими цифрами, а также буквами и именами собственными) запутанна и даже противоречива (рис. 9). Приведение в порядок и публикация этих материалов станет



Рис. 5. Чааты 1 и 2. Ортофотоплан

Fig. 5. Chaaty 1 and Chaaty 2. Orthophotoplan

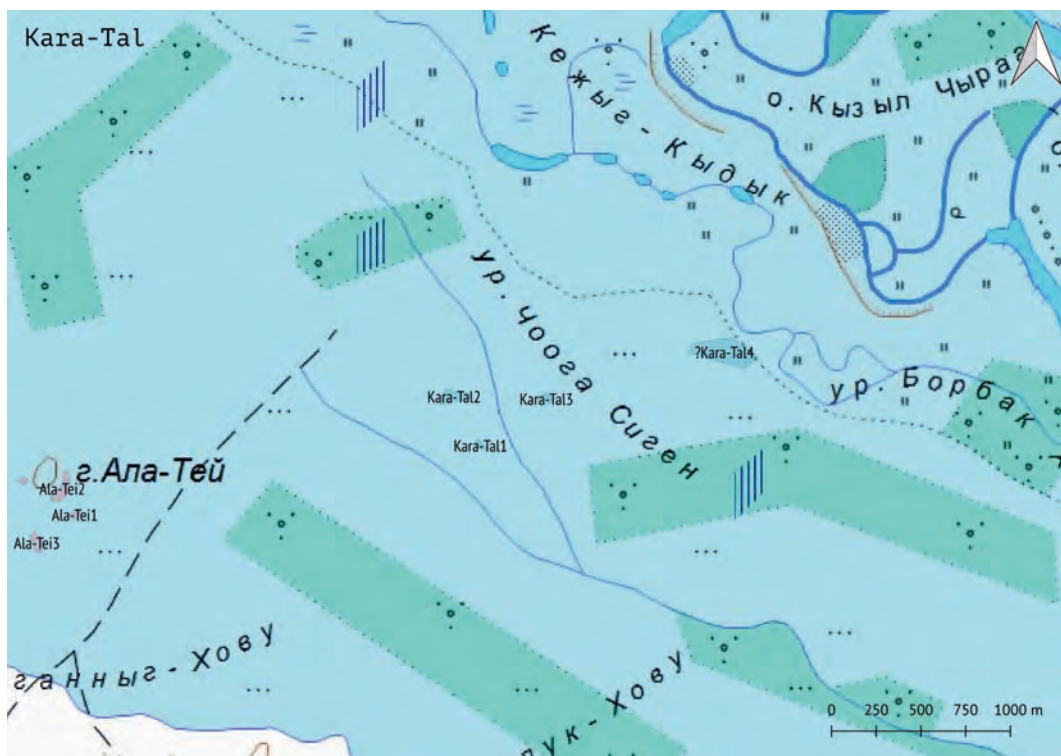


Рис. 6. Кара-Тал 1–3 на карте

Fig. 6. Kara-Tal 1–3 in the map



Рис. 7. Карта расположения исследованных погребений с конем на территории Тувы

Fig. 7. Map of excavated burials with a horse in the territory of Tuva



Рис. 8. Неидентифицированный древнетюркский могильник. Ортофотоплан
Fig. 8. Unidentified Turkic cemetery. Orthophotoplan

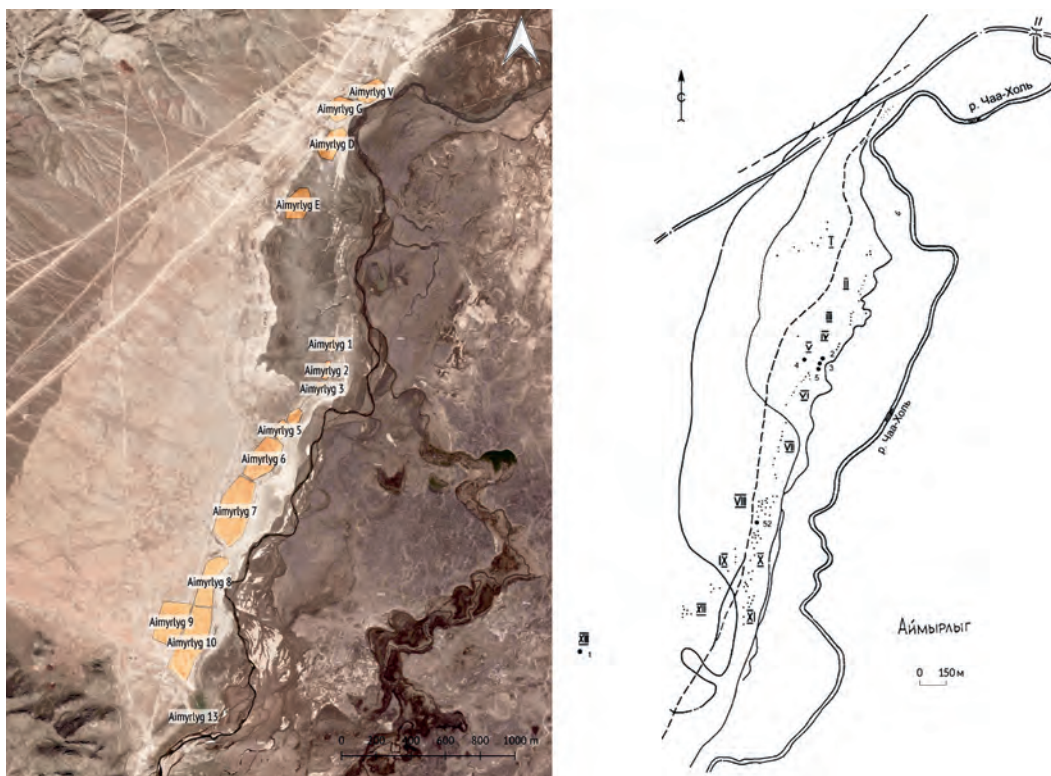


Рис. 9. Аймырлыг. Схема расположения комплексов по результатам работ 2017 г. и по статье Б. Б. Овчинниковой 2010 г.
Fig. 9. Aymyrlыg. Scheme of the location of the complexes according to the results of investigations in 2017 and after the paper by B. B. Ovchinnikova of 2010

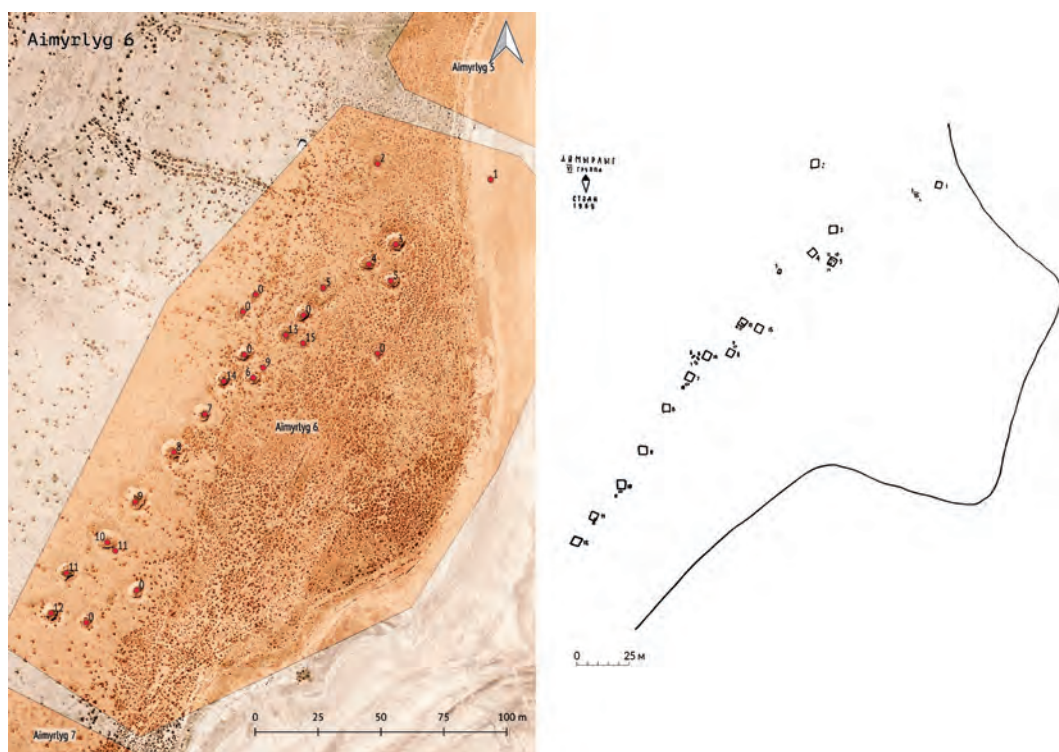


Рис. 10. Аймырлыг, группа 6. Схема расположения объектов на основе полевого отчета (Мандельштам, Грач, 1969)

Fig. 10. Aumyrlyg, group 6. Scheme of the arrangement of the objects based on the report (Мандельштам, Грач, 1969)

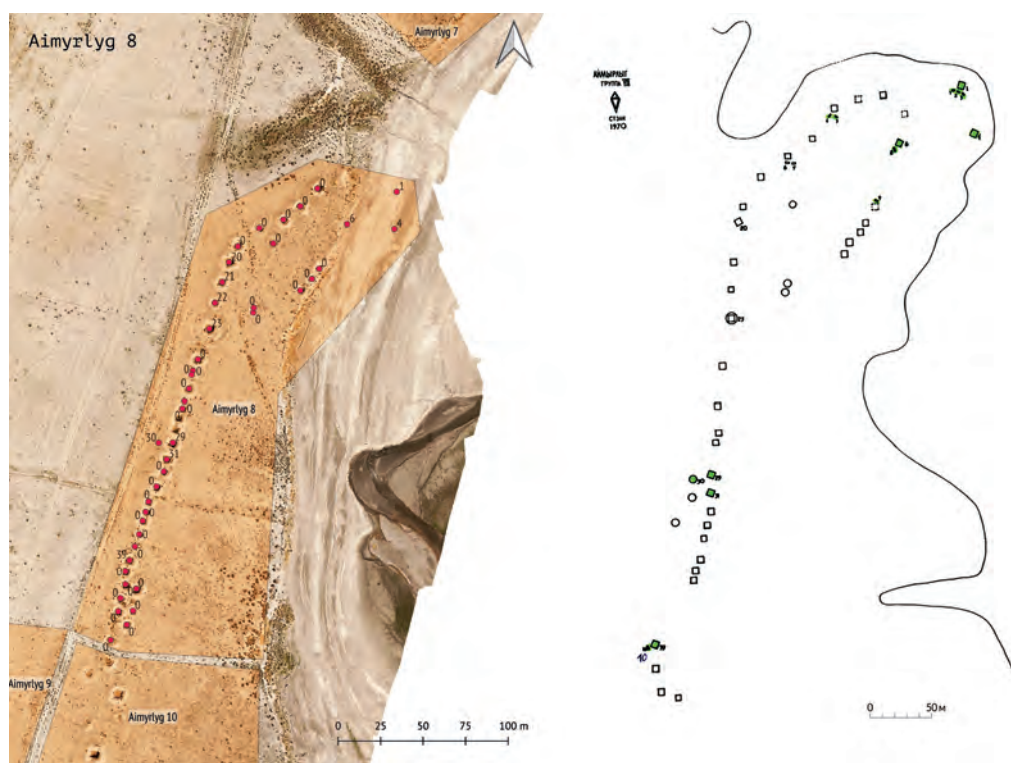


Рис. 11. Аймырлыг, группа 8. Схема расположения объектов на основе полевого отчета (Мандельштам, 1970)

Fig. 11. Aumyrlyg, group 8. Scheme of the arrangement of the objects based on the report (Мандельштам, 1970)

большим событием в скифской археологии, так как материалы Аймырлыга по многим параметрам уникальны.

В отдельных случаях (рис. 10) объекты идентифицируются однозначно, в других – имеется общий план, но нумерация объектов требует восстановления (рис. 11), в остальном – можно опираться только на текстовые описания. Необходима отдельная кропотливая работа, однако перспективность картографирования современного состояния памятника и соотнесение этой информации с архивными данными очевидна.

Памятники позднего бронзового века так называемой **монгун-тайгинской культуры**, несмотря на высокую плотность распространения на территории Тувы, остаются относительно малоизученными, что, конечно, связано с безынвентарностью погребений. Они представляют собой сложные и интересные архитектурные объекты, близкие к традиции херексуров. На дне водохранилища их находятся, видимо, сотни. Даже аэрофотосъемка этих объектов может стать основой для их дальнейшей классификации.

Одно из таких скоплений отснято в 2017 г. (рис. 12), по всей видимости, это памятник Аргалыкты 2, но его план в архивах и публикациях от-

сутствует. Интересно, что здесь прослежено несколько случаев перекрытия кургана курганом, что может быть важно для хронологических построений. Здесь же локализовано так называемое святилище (Аргалыкты 2, об. 1), предположительно связываемое со средним бронзовым веком (*Длужневская, Савинов, 2007. С. 45–48*). План объекта многократно публиковался и обсуждался, но его точное местоположение нигде не указывалось.

Могильник **окуневской культуры** Тувы Аймырлыг 13 не имеет плана и приблизительно размещен на карте (*Стамбульник, Чугунов, 2006*). В 2017 г. удалось его локализовать (рис. 9), определить его внутреннюю структуру и выделить отдельные объекты (рис. 13; 14). В центре площадки расположен более поздний курган, насыпь которого, судя по плану, перекрывает еще не исследованные каменные ящики. Погребения этого времени в Туве очень редки.

Работа над уточнением и использованием старых материалов должна быть продолжена. Публикация на современном уровне результатов работ полувекковой давности – это, несомненно, не менее важная задача, чем новые раскопки. Одним из этапов этой работы должна стать новая картографическая основа для материалов, хранящихся в музеях и архивах.



Рис. 12. Аргалыкты 2. Ортофотоплан

Fig. 12. Argalykty 2. Orthophotoplan

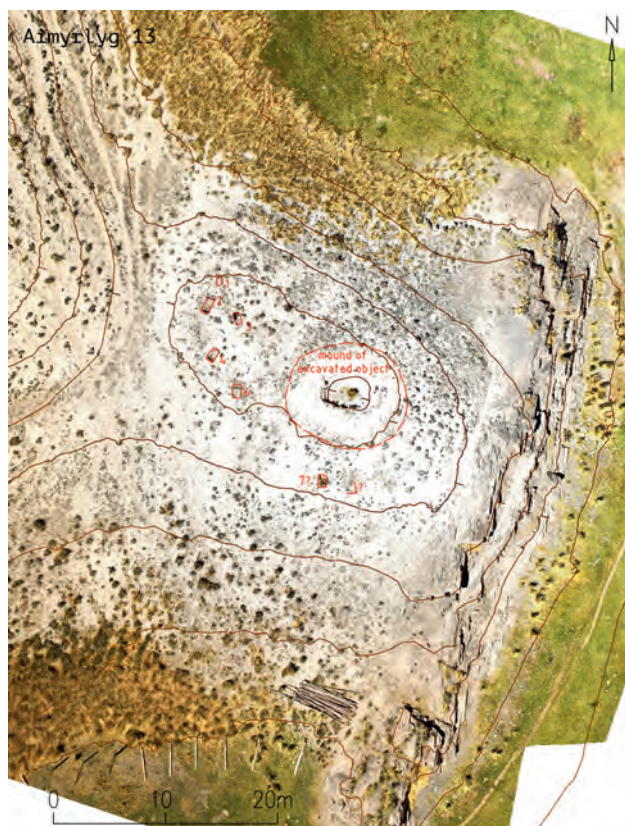


Рис. 13. Аймырлыг 13. Ортофотоплан

Fig. 13. Aymyrlyg 13. Orthophotoplan

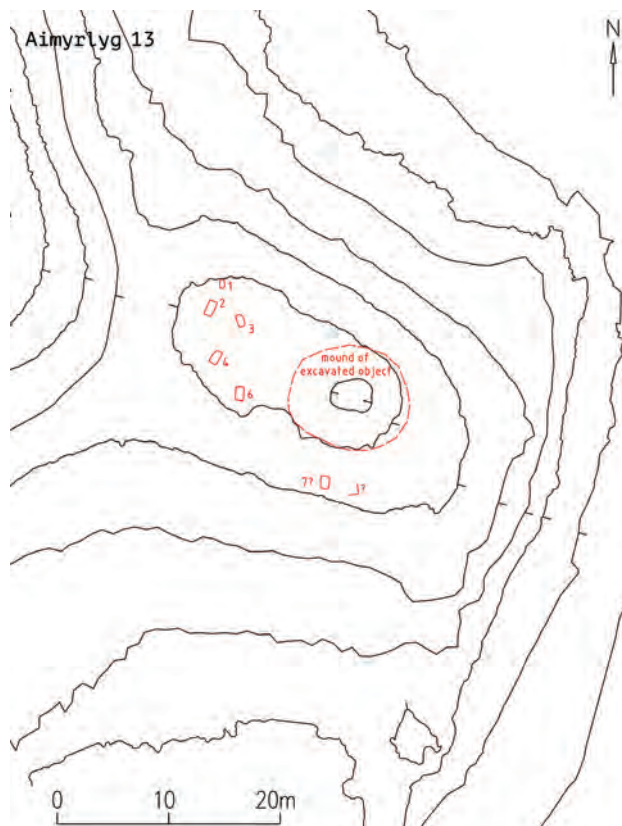


Рис. 14. Аймырлыг 13. Топоплан

Fig. 14. Aymyrlyg 13. Topoplan

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Длужневская, Савинов, 2007 – Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007. 198 с.

Древние тюрки, 2013 – Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. 232 с.

Кызласов, 1969 – Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Мандельштам, 1970 – Мандельштам А. М. Отчет о полевых работах II отряда СТЭАН в 1970 г. // НОА ИА РАН. Ф-1, Р-1. № 4142, 4142а.

Мандельштам, Грач, 1969 – Мандельштам А. М., Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях 2-го отряда СТЭАН СССР в 1969 г. // НОА ИА РАН. Ф-1, Р-1. № 3925, 3925а.

Овчинникова, 2010 – Овчинникова Б. Б. Могильник Даг-Аразы как источник по истории племен Центральной Тувы в гунно-сарматскую эпоху // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 119–163.

Памятники кокзельской культуры, 2010 – Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. 252 с.

Садыков, 2018 – Садыков Т. Р. «Сюнну-сяньбийское время» в Туве // НОСА. 2018. Т. 21. С. 95–106.

Стамбульник, Чугунов, 2006 – Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 292–302.

**Possibilities of retrieving additional information
from sites investigated long ago on the bottom of the Tuva Sea**

T. R. Sadykov

This paper describes results of mapping of already investigated sites in the flooded area of the Sayan-Shushenskoye hydro-electric plant, which had no maps and plans (or had contradictory ones) in the reports and publications. The promising character of the method applied is noted and the first results have been obtained. A preliminary general map has been drawn (Fig. 2), new planigraphic peculiarities of the fortified settlements are marked (Fig. 3; 4) and the general orthophotoplan of the sites of Chaaty 1 and Chaaty 2 is published (Fig. 5). The situation of the sites of Kara-Tal 1–3, the location of which in the terrain was rather unclear in publications, has been defined (Fig. 6). A map of the

burials with a horse investigated in Tuva has been compiled (Fig. 7). Groups 1–13 of graves at the burial ground of Aymyrlyg have been localized and contradictions in the reports were corrected (Fig. 9–11). An orthoplan of the kurgan burial ground of Argalykty 2 (Fig. 12) was created. There the majority of the installations are dated to the Late Bronze Age and an entire series of overlapping structures are traceable here enabling the researchers to define directly their relative chronology. Concerning the cemetery of Aymyrlyg 13, dated to the Middle Bronze Age, its location and internal plan have been defined, an orthophotoplan (Fig. 13) and topoplan (Fig. 14) are presented.

АРХЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В ВЕК ПЛОТИН: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ИРАКУ

Сент-Джон Симпсон¹

Аннотация. Начиная с 1950-х гг. по всему миру осуществляются крупномасштабные проекты строительства плотин. Археологические аспекты строительства сильно различаются, даже в пределах одной страны. История взаимоотношений гидростроительства и археологии представляет собой богатую, но порой противоречивую смесь политики и случайных благоприятных обстоятельств. Несмотря на политику времен холодной войны, международные организации сотрудничали на Ниле, Евфрате и Тигре, и результаты этой работы изменили наши представления о Нубийской, неолитической и других важнейших эпохах, а также о зонах взаимодействия между регионами, которые рассматривались как очаги цивилизаций. Вслед за кратким обзором истории гидростроительной археологии на Среднем Востоке в данной статье рассматриваются осуществление некоторых из подобных проектов в Ираке.

Annotation. Since the 1950s large-scale dam projects have been carried out across the world. The archaeological component has varied greatly, even within some countries. The history of dams and archaeology is a rich but sometimes contentious mix of politics and opportunity. Despite the Cold War politics, international teams collaborated on the Nile, Euphrates and Tigris, and the results transformed understanding of Nubia, the Neolithic and many other key periods as well as the interconnection zones between regions previously regarded as heartlands of civilisation. After a brief review of the history of dam archaeology in the Middle East, this paper looks at the development of some of these projects in Iraq.

Ключевые слова: охранный археология, гидротехническая политика, сэр Уильям Уиллкокс, Ирак, «Институт Гидропроект», Доканская плотина, Дарбандиханская плотина, плотина Бехме, Хамринская плотина, плотина Хадита, Эски-Мосульская плотина.

Keywords: Rescue archaeology, water politics, Sir William Willcocks, Iraq, Institute Hydroproject, Dokan Dam, Darbandikhan Dam, Bekhme Dam, Hamrin Dam, Haditha Dam, Eski Mosul dam.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-260-271

Введение

Водные ресурсы ограничены. Несмотря на то, что водой покрыты три четверти поверхности Земли, пресная вода составляет только 3 % от этих запасов, и к тому же она неравномерно распределена, поэтому тысячелетиями человечество боролось за водные ресурсы, причем древнейшие столкновения из-за воды зарегистрированы уже в 2400 г. до н. э. в надписи на пограничном столбе в Южном Ираке (Finkel, Rey and Schulz-Dornburg, 2018). На многих реках в мире располагаются свыше 40 000 крупных плотин, обеспечивая гидроэнергию, питьевую воду и ирригацию. Стоимость этих дамб велика, часто их целесообразность сомнительна, и, кроме того, требуются археологические исследования до заполнения водохранилищ. Ирак был в числе первых стран, которые

настояли на проведении таких работ. Результаты этих исследований представили в совершенно новом свете регионы этой страны, где до того был малоизвестен характер расселения человека.

На большей части Ближнего Востока климат характеризуется жарким засушливым летом и скудными осадками, приходящимися в основном на период между сентябрем и апрелем. Вследствие этого дебит воды в реках сильно колеблется и, за исключением Нила, который наполняется за счет летних дождей на Восточно-Африканском плоскогорье, период полноводья приходится на конец зимы или весну в зависимости от величины водосбора и определяется в основном таянием снегов. Массивы устойчиво орошаемых земель поэтому лимитируются периодами маловодного режима рек: уменьшение прихода воды в засушливые годы может приводить к неурожаям и голоду, а наводнения представляют собой угрозу во влажные годы. В начале 1950-х гг. прогресс в инженерном деле предложил решение этой про-

¹ United Kingdom, WC1B 3DG, London, Great Russell St.
The British Museum, Department of the Middle East.
E-mail: ssimpson@thebritishmuseum.ac.uk.

блемы путем строительства крупных плотин, позволяющих предотвращать наводнения, накапливать воду для круглогодичного использования и производства гидроэлектрической энергии для растущего населения и современной промышленности. Стоимость строительства велика, но считается, что в масштабах страны она компенсируется долговременной экономической выгодой, а также национальным престижем при осуществлении таких монументальных инфраструктурных проектов. Крупные плотины практически всегда возводятся в районах, где человеческая деятельность исчисляется на протяжении тысячелетий. Их сооружение имеет значение не только для археологии, но и оказывает влияние на традиционный образ жизни и культуру, так как местное население зачастую вынуждено переселяться, а долговременное воздействие на местную геологию и гидрологию до сих пор не до конца изучено. Противоречие между необходимостью охранять прошлое и нуждами современного общества признавал в свое время президент Египта Гамаль Абдель Насер: «Сохранение наследия человечества не менее важно, чем постройка плотин, возведение фабрик и повышение благосостояния народов» (*Brandt and Hassan eds, 2000. P. 12*).

Спасательные археологические исследования, предвещающие заполнение водохранилищ, были начаты в Египте серией работ по гидростроительству у Первого нильского порога в районе Асуана. Первая Асуанская плотина была построена в 1902 г. При этом были учтены рекомендации британских инженеров, приглашенных из Индии. Перед ними была поставлена задача разработки метода сохранения воды, поступающей во время наводнений, с целью удвоения урожая хлопка, когда возникла нехватка последнего на фабриках по производству тканей в Ланкашире вследствие Гражданской войны в Америке. Вскоре была высказана озабоченность тем, что могли быть затоплены храмы богини Хатхор на острове Филы. В этой связи инженер сэр Уильям Уиллкокс заметил, что стоимость плотины может быть полностью окуплена просто продажей храмов из Фил какому-нибудь американскому миллиардеру с реконструкцией их в Нью-Йорке (*Sandes, 1937. P. 382*). Возникшие протесты привели к тому, что храмы были раскопаны таким образом, что их фундаменты могли быть укреплены, а уровень плотины ограничен так, что лишь только нижняя часть храмов была частично подтоплена. Однако экономические нужды возобладали, и в 1907–1910 гг. дамба была поднята, позволив уровню воды в водохранилище возрасти на 7 м. Ввиду щекотливости вопросов, связанных с проектом, был учреж-

ден «Первый археологический обзор Нубии», и его работы оказались фундаментально важными для изучения Среднего Нила. Третье повышение плотины между 1929 и 1934 гг. привело к повышению уровня воды в водохранилище еще на 7,4 м, что вызвало к жизни проект «Второй археологический обзор Нубии» (храмы Фил были спасены только в рамках проекта новой Высотной Асуанской плотины в 1970 г.).

Во время Второй мировой войны гидростроительство на Ближнем Востоке приостановилось, но было возобновлено в начале 1950-х гг. с началом ожесточенного политического и экономического противостояния времен холодной войны. Египет, Сирия и Ирак склонялись на сторону Советского Союза, а Турция рассчитывала на европейскую финансовую помощь и опыт, в то время как шах Ирана опирался на Америку. За исключением Ирана, все уделяли внимание археологии, и в результате возникло широкое сотрудничество, которое расширило наши представления о древнем расселении вдоль среднего течения Нила (*Säve-Söderberg, 1987; Hassan, 2007; Welsby, 2008*), среднего Евфрата и в Юго-Восточной Турции (*Bahnassi et al., 1974; Margueron, 1977; Whallon, 1979; Lupton, 1996; Tuna & Öztürk eds, 1999; Olmo Lete & Montero Fenollós eds, 1999*). С этого времени в Турции и Иране строительство плотин расширилось, так как обе страны приобрели свой собственный опыт гидростроительства, но, к сожалению, теперь археологические исследования стали весьма ограниченными (*Özdoğan, 2000; Ghaseini, 2014; Marchetti et al., 2019*). В данной статье рассматриваются материалы Ирака, где последовательно уделялось большое внимание этому аспекту, что, однако, недостаточно известно специалистам, за исключением тех, кто непосредственно занимается Месопотамией (рис. 1).

Водное хозяйство и охранные проекты в Ираке

Контроль над своими реками с доисторических времен являлся доминирующим фактором в жизни Ирака. Водохозяйственные схемы уходят корнями уже в VI тыс. до н. э. и со временем достигли высокой степени сложности. Споры, касающиеся распределения и доступа к воде, вызывали напряженность на протяжении всей истории Месопотамии, а коллективная память об угрозе наводнений, как вызванных реками, так и вследствие подъёмов уровня моря в Персидском заливе, легла в основу историй о потопе в шумерском эпосе о создании мира, перекочевав оттуда в Ветхий Завет.

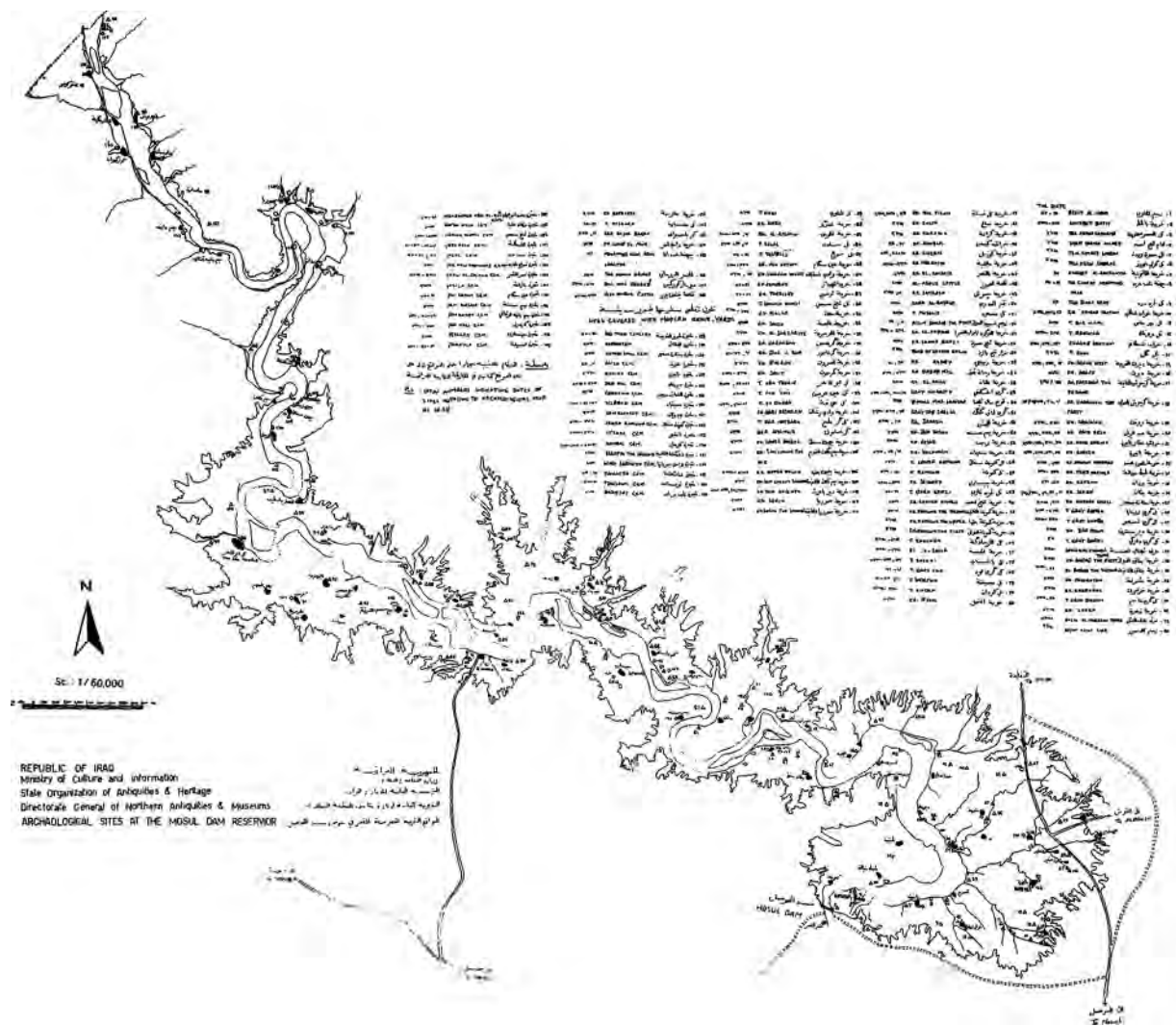


Рис. 1. Карта памятников в районе Мосульской плотины, подготовленная к началу охранного проекта
Fig. 1. Map of sites in the Mosul Dam prepared at the beginning of the salvage project

В разные периоды власти пытались снизить риск наводнений и улучшить орошение путем устройства каналов, постройкой шлюзов и дамб и борьбой с засолением. В сасанидский период водная инженерия достигла нового уровня с объединением Евфрата, Тигра и множества притоков последнего в единую тщательно контролируемую систему, которая в конце концов связала равнины Киркука с вершиной Персидского залива. Масштабы этой общеимперской системы позволяли транспортировать воду на большие расстояния, снижали риски как наводнений, так и нехватки воды и позволяли осуществлять постоянное орошение для выращивания водолюбивых летних культур таких, как хлопок и зерновые. Кроме того, эта система позволяла расширять земельные угодья, и, как свидетельствуют археологические данные, это

обеспечивало уровень сельскохозяйственного и городского развития в зоне месопотамского аллювия. В последующие столетия структура земледелия сократилась до более скромных масштабов, а в южной дельте возросла заболоченность.

В конце XIX в. оттоманские власти понимали необходимость новой системы водного регулирования. Они начали регистрацию выпадения осадков и пригласили У. Уиллкокса для разработки планов, основанных на его опыте, полученном в Индии и Египте (Willcocks, 1911). Первая и Вторая мировые войны прервали выполнение его рекомендаций, но в Хиндии и Куте были построены первые две плотины. Другие ирригационные проекты подмандатного периода включали Абу-Грейбский канал и Хавиджский проект, а в 1938 г. была опубликована детальная оценка ги-

дрологии Тигра – Евфрата, привлекающая внимание к древним каналам на Киркукской равнине и подтолкнувшая инженеров рассмотреть возможность их восстановления для увеличения водоснабжения в Дияльском регионе. Так начались охранные археологические проекты в Ираке: строительство Хавиджской, Мусайибской и Дияльской ирригационных систем инициировало спасательные раскопки в Телль-Махузе, исследования памятника V тыс. до н. э. Рас аль-Амийя и первых разведок в провинции Дияла.

Однако Багдад продолжал страдать от сильных наводнений, и новоучрежденный Комитет по развитию Ирака вскоре объявил о планах по восьми крупным водохозяйственным проектам, из которых четыре уже начали реализовываться, а остальные планировалось осуществить за десятилетие. Причиной выбора таких сроков было огромное увеличение бюджета вследствие национализации нефтяной промышленности в 1951 г. и поступление в Комитет 70 % нефтяных доходов.

В 1948 и 1951 гг. две плотины были построены на Евфрате в Рамади. Солецки заметил, что «у нас есть все основания полагать, что этот бассейн [Хаббания] использовался древними вавилонянами для предупреждения наводнений и накопления воды» (*Solecki, 1953. P. 104*). Однако не ясно, были ли проведены какие-либо археологические разведки для подтверждения этой гипотезы. Как часть инженерных работ на Тигре, Тартарский отвод наводнений включал дамбу, предназначенную для сброса паводковой воды в Тартарскую соляную впадину к югу от Хатры по линии сасанидского линейного барьера, известного как эль-Мутаббак. Хотя оттоманские источники указывают, что эта впадина являлась важным объектом для скотоводов-бедуинов, детальных археологических разведок не проводилось и считалось, что на этой территории археологических памятников не было.

Остальные проекты касались плотин, предназначенных для предупреждения наводнений, снабжения водой для орошения, диверсификации источников энергии и выработки гидроэлектроэнергии. С того времени потребности в энергии во всем Ираке значительно возросли, и произошло сильное сокращение поступления воды из Тигра и Евфрата вследствие сооружения плотин в верхнем течении, а также из-за уменьшения количества осадков вслед за глобальными изменениями климата: роль указанных плотин и управление водными ресурсами приобрели еще более критичный характер.

Доанская плотина. Эта плотина была расположена на Малом Забе на площади от 230 до 270 кв. км. Одной из ее функций была подача воды для орошения

рисовых полей, однако острая потребность в энергии при пиковых нагрузках потребовала возведения еще и гидроэлектростанции, которую спроектировали и построили советские и югославские инженеры. В 1955 г. иракская группа археологов картографировала в долине около 40 курганов, датированных начиная с VI тыс. до н. э. В течение четырех лет были проведены раскопки пяти самых крупных памятников (Карашина, Телль-Базмусиан, Телль-Шемшара, Камариан, Телль эд-Деим) и археологическая разведка на нескольких других (*al-Soof, 1970*). В 1957 г. датский отряд работал в Шемшара, но свержение Хашемитской монархии в революции 14 июля 1958 г. не позволило возобновить исследования. Недавно археологи вернулись в этот район, возобновили раскопки в Шемшара (*Eidem, 2015*), обнаружили каменный рельеф в его северной части и ранее неизвестную ассирийскую крепость, а также древний парфянский город, расположенный сразу над зоной затопления и господствующий над перевалом.

Плотина Бехме. Она расположена в верховьях Большого Заба и его притоке р. Равандуз. Предполагалось, что это будет двухэтапный проект, предусматривавший сначала паводковый бассейн высотой 515 м, который планировалось поднять до высоты 550 м на более позднем этапе. Здесь найдены несколько пещер, заселенных в древности. Наиболее известной из них стала пещера Шанидар (*Solecki, 1972*). Плотина до сих пор находится на первом этапе строительства, ее обоснование и стоимость ставят под сомнение, будут ли построены дамбы в Эски Мосуле и Фатха, тем не менее считается, что этот проект будет целесообразен, если потребности в электроэнергии возрастут; однако крупные водохранилища вверх по течению в Турции, а также возрастание потребности в ирригации могут повлиять на эффективность плотины в Эски Мосуле.

Спасательный проект Хамринской плотины. Хамринский бассейн расположен на востоке Центрального Ирака сразу выше места, где р. Дияла прорывается сквозь горы, отделяющие нагорье от равнин на юге. Это пограничный ландшафт, контролирующий пути, связывающие по верхней Дияле район Киркука в Северном Ираке, район Керманшаха в Западном Иране через Джалула и Центральный Ирак по нижней Дияле. Таким образом, Хамринский бассейн испытывал различные внешние политические и культурные влияния, поэтому неудивительно, что здесь можно обнаружить более заметное присутствие северомесопотамских и западноиранских материалов, чем далее к югу.

Еще в 1923 г. было предложено возвести плотину в точке, где Дияла входит в Джабал Хамрин, однако

она была построена лишь в 1980 г. Спасательный проект осуществлялся с 1977 по 1984 г.: экспедиции из не менее 14 стран раскопали 75 из зафиксированных 86 памятников, датированных с докерамического периода до более позднего времени (Various, 1981a; Gibson ed., 1981. P. 11–27). Они располагались вдоль рек Дияла и Нарин и сильно различались по размеру: несмотря на то, что данный бассейн лежит вне зоны максимальной аллювиации, все ранние памятники были погребены под толстым наносным слоем осадков. Некоторые из наиболее значимых материалов датируются V тыс. до н. э.: в Телль-Абада была целиком раскопана деревня, сгоревшее строение в Телль-Мадхур сохранилось с содержимым помещений *in situ*, также значительными площадями были раскопаны несколько других поселений. IV тыс. до н. э. представлено лишь тремя памятниками, но последующий период Ранней династии I оказался более насыщенным: все поселения этого периода были укреплены и, по-видимому, составляли цепочку, тянущуюся на север и связанную общим комплексом «алой керамики» («Scarlet Ware») и характерным погребальным обрядом. За этим периодом последовало время расцвета с конца III до конца II тыс. до н. э. и относительно большим количеством земледельческих поселений. В Телль-Сулеймех, Телль-Йелхи, Телль-Халлавах и ас-Сиб были раскопаны фундаментальные административные здания периода Исин-Ларса, большой жилой квартал был расчищен в Халлавах, и интереснейшие касситские руины исследованы в Йелхи. По сравнению с этим, поселения периодов Ур III, Старого Вавилона, поздней Ассирии и ахеменидской и селевкидской эпох были малозначительны. На 19 памятниках обнаружены сасанидские материалы, в основном в северо-восточной и юго-восточной частях бассейна, поблизости от путей, ведущих на Иранское нагорье или вниз по Дияле. Некоторые из этих поселений были укреплены, и одно из них, возможно, являлось местным административным центром, так как здесь, в сгоревшем помещении архива, найдено свыше 800 глиняных булл, что является крупнейшим археологическим открытием такого рода в Ираке.

Спасательный проект Хадитской плотины (Кадисийя). Евфрат выше по течению от Хита загроможден низкими известняковыми барьерами. Существует естественный раздел, почти в точности следующий современной границе между Ираком и Сирией. Здесь долина полностью опустела, однако далее вниз по течению она несколько расширяется и характеризуется серией островов посредине реки и очень узкой полоской плодородной земли, протянувшейся почти

на 200 км по обоим берегам. Из-за таких природных препятствий историческое заселение этой территории ограничивалось островами, а могильники располагались на бесплодной местности над поймой и представляли собой либо курганы, либо каменные ящики или камеры, вырубленные в скале. Эта же территория была выбрана ассирийскими и римскими военачальниками с целью контроля над путями вдоль долины, а также для доступа в прилегающие степи и из них. Всегда нужно помнить, что, хотя реки являются природными границами, их долины представляют собой коридоры для передвижения.

В соответствии с полученными ранее рекомендациями, иракское правительство решило построить плотину вверх по течению от Хадиты. Она была спроектирована советским Министерством энергетики и сооружена югославскими инженерами в 1977–1987 гг. Ее назначением были выработка гидроэлектрической энергии и обеспечение водой для ирригации, однако генерация электричества значительно упала после постройки водохранилищ в Сирии и Турции. Были проведены предварительные археологические разведки в Ираке, а работавшие тогда в бассейне Хамрина иностранные археологические отряды получили приглашение подключиться к этому новому проекту. С 1978 по 1984 г. в общей сложности 36 памятников от старовавилонского до османского периодов были раскопаны отрядами из восьми стран (Various, 1981b; Kepinski, Lecomte & Tenuk eds, 2006). Результатом явилось открытие ряда поздневавилонских и позднеримских укреплений, показывающих, насколько строго в оба эти периода контролировался этот регион, в первом случае выходящий к арабам на юге, во втором – на восток в Парфию.

Охранный проект Эски-Мосульской плотины. Эски-Мосульская плотина является многоцелевой дамбой, первоначально называвшейся Сухлидж, Эски-Мосул или плотиной Саддама, а теперь известной как Мосульская плотина. Выбор ее местоположения и высоты был сделан на основе геологических разведок и рекомендаций, многие из которых учитывали слабую геологию и склонялись в пользу дамбы с заполнением скальной породой и сердцевинной из уплотненной глины. Строительство плотины было завершено в 1986 г., она представляет собой грунтовую дамбу высотой 113 м с глиняной сердцевиной, у оснований залитую бетоном. При полном заполнении водохранилище разливается на площадь более 371 кв. км, при этом 8,16 куб. км используются для генерации энергии, а остальная часть предназначена только для накопления воды для ирригации.

онных проектов в Северной и Восточной Джазире. Сейчас это водохранилище известно как оз. Дохук и является самым большим в Ираке. До начала строительства власти провели археологическую разведку, картографировали 149 памятников, а в 1981 г. был запущен спасательный проект (рис. 2). Как и два предыдущих объекта гидростроительства, данный проект осуществлялся в трудный для Ирака период, поскольку страна вела затянувшуюся войну с Ираном (рис. 3–5). Около 15 организаций из 10 стран участвовали в проекте, и в конце концов зарегистрированы не менее 209 памятников (не считая палеолитических и более поздних местонахождений с каменным инвентарем). Из них было раскопано 66, однако лишь некоторые из них подробно опубликованы (*Demirji, 1987; Simpson, 2007*).

В северной оконечности бассейна долина сужается в том месте, где Тигр пробивает себе путь сквозь низкие предгорья. Памятников здесь немного. Далее на юг пойма переходит в более широкую равнину, над которой в северной оконечности возвышается высокий обрыв. Он контролирует также выход из долины на запад и юг соответственно вдоль Вади-Суваидия и Вади-Бардия, и именно здесь, в Сех-Кубба, римляне и Сасаниды держали крепость. В этой точке долина имеет 5 км в ширину и тянется на приблизительно 50 км на юго-восток, до того как она изгибается к юго-западу и сужается, пробиваясь сквозь предгорья в местности, известной как Бутмахская антиклиналь, где и находится современная плотина (рис. 5). Далее к югу долина расширяется, делая возможным более свободный проход к равнинам на востоке и западе. Именно в этой точке был основан средневековый Эски-Мосул.

Пойменная равнина была плодородной, но из-за ненадежности течения реки использовалась в основном для пастбищ. Холмистая местность над самой нижней террасой была пригодна и для земледелия. В долине выращивались зерновые культуры и овощи, а неподалеку от некоторых деревень имелись небольшие фруктовые сады. Широко было распространено скотоводство, особенно на примыкающих террасах, представляющих собой гряды волнистых холмов с оголенным почвенным покровом, во многих местах с выходами гипсовых или известняковых пород. Эта территория сезонно использовалась скотоводами. Несмотря на то, что эти холмы можно было пересечь пешком и они являлись хорошими пастбищами, для нормального сообщения они представляли барьер, так как природных проходов к окружающим равнинам здесь было немного. Исключением были пути вдоль

Вади-Суваидия, Вади-Бардия и близ Телль-Раффан, отмеченные памятниками всех периодов.

Начиная с VIII тыс. до н. э. данная часть долины привлекала население, но, так же как и в Хамринском бассейне, в разные периоды его плотность варьировала. Очень немногие памятники были заняты на протяжении нескольких сотен лет, до того как они были оставлены и вновь заселены гораздо позднее. Скорее, обычны были периодические перерывы в заселенности, чем периоды непрерывного обитания, вопреки частым утверждениям в археологической литературе. Имеются свидетельства насильственных разрушений многих поселений в течение, видимо, одного периода середины – конца III тыс. до н. э., но они представляют собой исключение, в то время как большинство памятников, вероятно, были покинуты и разрушались естественным путем, а не путем насильственного уничтожения. Для выявления причины этого требуются дальнейшие исследования.

Памятники, на которых жизнь не восстанавливалась, обычно подвергались сильной эрозии, и поэтому современная топография может приводить к весьма значительным ошибкам в отношении глубины археологических пластов: предварительное изучение Телль-Деир-Ситун указывало на многослойный памятник с отложениями до 3 м толщиной, но раскопки показали, что его застройка относилась к единому периоду II в. до н. э. со всего несколькими уцелевшими рядами кладки в основании. Еще более показательной была ситуация на более ранних однослойных памятниках: то, что представлялось многослойной насыпью 6-метровой толщины в Бардия 8, при раскопках оказалось однослойным позднеурукским поселением с лишь полуметровым слоем. Исследования разрезов в Вади-Суваидия показали относительно высокую концентрацию черепков, что могло как свидетельствовать об унавоживании, так и быть следствием вымывания из других памятников. Керамика и грубо обработанные каменные орудия были встречены на глубине до 7 м в Вади-Анзех. Единовременные саманные деревни, заброшенные с 1971 по 1974 г., не оставили никаких следов, кроме рядов каменных оснований стен и россыпи артефактов либо редких линий стен. Здесь практически отсутствовали какие-либо всхолмления и сохранились лишь редкие скопления черепков; исчезнуть могли даже небольшие холмики поселений, как выяснилось в 1987 г., когда единовременные подъем и спад воды в водохранилище полностью уничтожили местонахождение в Сияна-Уля на высоте 3,2 м.

Приведенные наблюдения имеют весьма важное значение для оценки характера доисторических



Рис. 2. Раскопки во время сезона дождей (фото автора)

Fig. 2. Excavations during the rainy season (photograph: author)

памятников, особенно там, где на этих поселениях не использовался саман: поселение Телль-Абу-Дахир начала VI тыс. до н. э. строилось из дерева и плетеных стен с обмазкой, в то время как для более поздней убейдской архитектуры этого же памятника характерны тонкие глиняные стены. Использованием любой из этих строительных традиций, не говоря уже о недолговечных надстройках, может объясняться отсутствие и на других памятниках каких-либо заметных архитектурных остатков, кроме каменных оснований стен. По этой причине многие, если не большинство сезонных или кратковременных поселений, вероятно, не были замечены в ходе работ по данному проекту, и это просто является еще одним из случаев отсутствия свидетельств, а не свидетельством отсутствия памятников.

Непосредственно до постройки плотины деревни располагались либо на пойменной равнине, либо вдоль края самой нижней (четвертой) террасы, либо гнездами – по берегам притоков. Хотя последние, вероятно, и были первоначально заполненными, но теперь в основном высохли, были узкими и глубокими. Деревни обычно располагались на расстоянии до трех километров друг от друга и значительно различались по размеру, планировке, архитектуре и этнической принадлежности. Деревни на пойменной равнине относились к недавнему времени и были построены из самана: они страдали от наводнений, но зато располагались на самой плодородной земле. Та же ситуация, возможно, имела место и в древности. Несколько других деревень на четвертой террасе имели возраст менее двух поколений, но ко времени



Рис. 3. Один из шурфов, раскопанных автором на многослойном памятнике Телль-Абу-Дахир (фото автора)
Fig. 3. One of the trenches excavated by the author at the multi-period site of Tell Abu Dhahir (photograph: author)



Рис. 4. Начало затопления Телль-Абу-Дахир в 1986 г. (фото автора)
Fig. 4. Tell Abu Dhahir begins to be submerged in 1986 (photograph: author)



Рис. 5. Аэрофотоснимок Мосульской плотины в 2014 г. (Али Хайдар-Хан / Wikimedia Commons)

Fig. 5. Aerial view of the Mosul Dam in 2014 (Ali Haidar Khan / Wikimedia Commons)

осуществления проекта были уже брошены и разрушены. По рассказам, одна из них была основана в 1945 г., но к 1982 г. уже была покинута. Это место называлось Хараб-Шаттани, и другие информаторы утверждали, что это поселение было предшественником близлежащей деревни Харабах – по этой причине ее жители все еще возделывали часть окружающих полей. Однако другие поселения были в два раза старше, в их постройках более широко использовался камень. В северной части речной долины имелись также остатки деревень, которые были перестроены или полностью брошены в недавнем прошлом, и иногда от них почти не осталось развалин. Например, редкие следы линий стен, практически никаких всхолмлений и незначительное скопление черепков – это все, что осталось от деревни Гир-Матбах, которая была брошена уже в 1974 г. Этот факт показывает, как мало различных следов могло остаться от кратковременных мест обитания.

Эски-Мосульская плотина являлась многоцелевым проектом, предназначенным для борьбы с наводнениями, обеспечения Мосула гидроэлектрической энергией и водоснабжения для планируемой крупномасштабной ирригации в Северной Джазире. На последнем регионе были сфокусированы три последних спасательных проекта. Первый из них относился к самой Северной Джазире, где были проведены ландшафтные исследования (Wilkinson & Tucker, 1995). Были раскопаны несколько памятников, но исследования были прерваны из-за политических последствий иракского вторжения в Кувейт. Иракцы планировали построить еще три дамбы: одну на ниж-

нем Адхейме и еще две на Тигре. Первая должна была располагаться приблизительно в 150 км от Багдада, и опять-таки следовала упомянутым выше рекомендациям Комитета по развитию Ирака 1950-х гг. Спасательные раскопки проводились с 1989 по 1993 г. (Sulaiman, 2011). Строительство самой плотины было закончено в 1999 г., но это было довольно незначительное сооружение с общей емкостью 1,5 млрд куб. м. Второй проект предполагал строительство в долине Тигра вверх по течению от Ашшура и угрожал затоплением ассирийской столицы Ашшур, что вызвало широкие, но несколько бесполезные дискуссии о том, стоит ли возводить дорогой саркофаг вокруг памятника или же значительно понизить высоту плотины. Д-р Муайад Дамерджи, в то время возглавлявший Государственный комитет древностей и наследия Ирака, очень просто сформулировал дилемму: «нам нужна вода, и нам нужен Ашшур». Этот участок долины был обследован еще в 1987 г., были раскопаны несколько памятников, однако планируемая Махульская плотина так и не была построена (Mühl & Sulaiman, 2011). Третий проект предполагал строительство на Тигре непосредственно ниже Эски-Мосула: первоначально он назывался Бадушским, а сейчас известен как Сеннахерибский; он был спланирован в качестве подпорной дамбы на случай катастрофического прорыва Эски-Мосульской плотины непосредственно выше по течению, хотя емкость водохранилища Бадуш 0,5 млрд куб. м могла составлять лишь небольшую долю от того, что находится выше. Иракцы провели ширококомасштабные раскопки средневе-

кового города Балад, но строительство дамбы так и не было закончено.

Эски-Мосульская плотина является четвертой по величине дамбой на Ближнем Востоке и неофициально признана «самой опасной плотинной в мире» из-за угрозы того, что без постоянного технического надзора и заливки бетоном ее основание может быть разрушено, так как запруживание привело к огромной нагрузке на низлежащие геологические пласты и протечке сквозь постоянно размываемую скалу под водохранилищем. Министерство водного хозяйства Ирака составило отчет, согласно которому в случае катастрофического прорыва образовавшаяся волна может достигать 54 м в высоту и за 48 часов дойти до Багдада, вызвав, по оценкам, 500 000 жертв (позднее посольство США насчитало 1 500 000 жертв) с масштабным уничтожением имущества и инфраструктуры, за которым последуют беспрецедентное перемещение населения, болезни и беспорядки. После 2003 г. эта информация приобрела гласность и была опубликована, когда 7 августа 2014 г. ИГИЛ² ненадолго захватило комплекс плотины: именно возвращение плотины было основной целью контрнаступления иракского правительства. Заливка фундамента плотины была возобновлена с 2008 по 2015 г., на нее уже израсходовано 95 657 тонн различных смесей цемента, бентонита и песка. Подобные мероприятия проведены и на других плотинах, где были обнаружены такие же проблемы, но в данном случае предполагается наибольшая опасность. Единственной хорошей новостью является то, что скорость заиливания замедлилась, вероятно, благодаря запруживанию новыми дамбами вверх по течению в Турции, и на этом основании гарантийный срок использования дамбы повышен до 169 лет.

Заключение

Строительство плотин и спасательная археология в Ираке пока еще находятся на относительно ранней стадии своей истории. Результативность и значение первых археологических проектов были ограничены имевшимися ресурсами, в то время как более поздние проекты были организованы исходя из того, что начатые ранее исследования могут быть на какое-то время заморожены, и это вызвало максимальный приток средств для до сих пор археологически не изученных территорий. Ирак является самым успешным примером организации многоуровневых проектов, а

также привлечения международного внимания к угрозам разрушения и возможностям исследования ранее малоизвестных объектов речной долины. В каждом случае иракскими археологами проводились предварительные археологические разведки и картографирование, которые вводились в научный оборот. После этого предоставлялись концессии на исследование одного или нескольких памятников в пределах определенной территории. Иракские археологические отряды работали непрерывно; вели раскопки памятников широкими площадями независимо от их датировки, обычно расчищая целые строительные комплексы; переходили от памятника к памятнику по мере того, как на каждом из них были достигнуты поставленные цели. В отличие от этого, международные группы работали ограниченное время в году, в зависимости от того, какими средствами располагали их организации: британские и японские экспедиции отличались тем, что они работали почти круглогодично и были менее ограничены университетскими сроками и музейными бюджетами. Большинство международных отрядов были сосредоточены на отдельных памятниках и занимались конкретным хронологическим периодом, хотя британские, японские и итальянские экспедиции пытались изучить как можно больше эпох, чтобы охарактеризовать долговременную историю (каждого) поселения. Методология раскопок менялась, но хотя между многими отрядами поддерживались неформальные контакты, формальная координация или обмен специалистами почти отсутствовали. Почти не проводилось систематическое восстановление окружающей среды, не использовалась геофизика, еще не существовало современных методов, таких как съемка с беспилотных летающих аппаратов, которая сейчас считается стандартом исследований. Во многих случаях в ходе различных проектов фиксировались новые объекты, но не всегда они тщательно исследовались. К сожалению, как и вообще в археологической работе, а особенно при новостроечных исследованиях, во многих проектах наблюдается отставание итоговых публикаций, а некоторые результаты вообще могут остаться неопубликованными.

Перспективы, касающиеся указанных или каких-либо других крупных плотин, сейчас неясны. Они становятся национальными символами, широко освещаемыми через средства массовой информации, на почтовых марках и денежных купюрах, но эффективный срок использования большинства плотин, по расчетам, не превышает 50 лет, после чего отложения осадков уменьшают выработку достаточного количества гидроэнергии. Они сохраняют свою

² Запрещенная на территории России террористическая организация. – *Примеч. ред.*

полезность для регулирования наводнений и хранения воды для орошения, но как только они превращаются в мертвые резервуары, возрастает опасность их заражения и, соответственно, уменьшается их способность служить источником пресной воды. Крупные плотины требуют постоянного обслуживания, и даже незначительные сбои могут приводить к опаснейшим инцидентам. Наихудшим сценарием таких катастроф является прорыв дамбы, и неизвестно, можно ли будет сдержать в этом случае огромные потоки воды, даже если ниже по течению имеются вспомогательные подпорные плотины. В каждом таком случае возможны гибель людей и разрушение инфраструктуры.

В большинстве случаев мы очень мало знаем о долговременном воздействии плотин на затопленные археологические памятники – это воздействие, вероятно, может быть различным. Те памятники, которые находятся в местах флуктуации уровня воды в зонах повышенного риска наводнений, сильно страдают от подмыва их поверхностных частей, и, возможно, ар-

хеологические памятники, расположенные близко к началу водохранилищ или около шлюзов плотин, размываются быстрее из-за сильного течения воды в этих местах. Однако поскольку водохранилища удерживают большую часть осадков, приносимых реками, многие памятники должны постепенно покрываться и защищаться этими накапливающимися осадками, а также благодаря отложениям гравия и гальки, которые выше или ниже по течению позволяют образоваться экрану из тонких осадков и глины непосредственно выше плотины. Из-за этого затрудняется также и обнаружение объектов, но дистанционное обследование с помощью беспилотников представляет собой перспективный потенциал для исследования культурного наследия. Недавно на одном из памятников на левом берегу Мосульского водохранилища, где нет возможности исследований с близкого расстояния, было обнаружено монументальное здание II тыс. до н. э. с настенной росписью. Это показывает, какие важные открытия еще могут быть сделаны при интенсивном исследовании ландшафтов водохранилищ.

- Al-Soof*, 1970 – *Al-Soof B.* Mounds in the Rania Plain, and Excavations at Tell Bazmusian // *Sumer*. 1970. Vol. 26. P. 65–104.
- Bahnassi et al.*, 1974 – *Bahnassi A. et al.*, Antiquités de l’Euphrate. Exposition des découvertes de la campagne internationale de sauvegarde des antiquités de l’Euphrate. Aleppo: Direction Générale des Antiquités et des Musées, 1974. 111 p.
- Brandt, Hassan*, eds 2000 – *Brandt S. A., Hassan F.* (eds). Dams and Cultural Heritage Management. Final Report, August 2000. Cape Town: World Commission on Dams Secretariat, 2000. 76 p.
- Demirji ed.*, 1987 – *Demirji M. S.* (ed.). Researches on the Antiquities of Saddam Dam Basin Salvage and Other Researches. Baghdad: State Organisation of Antiquities & Heritage, 1987. 358 p.
- Eidem*, 2015 – *Eidem J.* Dams and Damage. Heritage loss and second phase salvage on the Rania Plain (Kurdish Region of Iraq) // Annual Report NINO and NIT, Netherlands Institute for the Near East / The Netherlands Institute in Turkey. 2015. P. 2–13.
- Finkel, Rey & Schulz-Dornburg*, 2018 – *Finkel I. L., Rey S., Schulz-Dornburg U.* No man’s land. London: The British Museum, 2018. 48 p.
- Ghasemi*, 2014 – *Ghasemi P.* The Khersan 3 archaeological survey: New insights into settlement patterns in the Zagros folding zone from hydro-dam project archaeology // *Ancient Near Eastern Studies*. 2014. Vol. 51. P. 167–211.
- Gibson*, ed. 1981 – *Gibson McG.* (ed.). Uch Tepe I. Chicago: The Oriental Institute, 1981. 197 p.
- Hassan*, 2007 – *Hassan F. A.* The Aswan High Dam and the International Rescue Nubia Campaign // *The African Archaeological Review*. 2007. Vol. 24. No. 3-4. P. 73–94.
- Kepinski, Lecomte & Tenu*, eds 2006 – *Kepinski C., Lecomte O., Tenu A.* (eds). *Studia Euphratica*. Le moyen Euphrate iraquien révélé par les fouilles preventives de Haditha. Paris: De Boccard, 2006. 415 p.
- Lupton*, 1996 – *Lupton A.* Stability and Change, Socio-political Development in North Mesopotamia and South-East Anatolia 4000–2700 B.C. Oxford: Tempus Reparatum, 1996. 144 p.
- Marchetti N. et al.*, 2019 – *Marchetti N., Curci A., Gatto M. C., Nicolini S., Müh S. & Zaina F.* A multi-scalar approach for assessing the impact of dams on the cultural heritage in the Middle East and North Africa // *Journal of Cultural Heritage*. 2019. Vol. 37. P. 17–28.
- Margueron*, 1977 – *Margueron J.-Cl.* Le moyen Euphrate: zone de contacts et d’échanges. Strasbourg; Leiden: Université de Strasbourg, Brill, 1977. 416 p.
- Mühl & Sulaiman*, 2011 – *Mühl S., Sulaiman B. S.* The Makhül Dam Project’ // *Between the Cultures*. The Central Tigris Region from the 3rd to the 1st millennium BC. Proceedings of a Conference at Heidelberg, 22–24 January 22 2009 / Eds P. Miglus, S. Mühl Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2011. P. 371–84, pls XXV–XXIX.

- Olmo Lete & Montero Fenollós*, eds 1999 – *Olmo Lete G. del & Montero Fenollós J.-L.* (eds). *Archaeology of the Upper Syrian Euphrates: The Tishrin Dam Area. Proceedings of the International Symposium Held at Barcelona, January 28th–30th 1998.* Barcelona: Editorial AUSA / Institut del Pròxim Orient Antic, Universitat de Barcelona, 1999. 762 p.
- Özdoğan*, 2000 – *Özdoğan M.* *Cultural Heritage And Dam Projects In Turkey: An Overview' // Dams and Cultural Heritage Management. Final Report, August 2000 / Eds S. A. Brandt, F. Hassan.* Cape Town: World Commission on Dams Secretariat, 2000. P. 58–61.
- Sandes*, 1937 – *Sandes E. W. C.* *The Royal Engineers in Egypt and the Sudan.* Chatham: Institution of Royal Engineers, 1937. 571 p.
- Säve-Söderberg*, 1987 – *Säve-Söderberg T.* *Temples and tombs of ancient Nubia.* London: Thames and Hudson, 1987. 256 p.
- Simpson*, 2007 – *Simpson St J.* *Ancient Settlement in the Zammar Region. Excavations by the British Archaeological Expedition to Iraq in the Eski Mosul Dam Salvage Project, 1985–86 / Ed. W. Ball. Volume Two. Excavations at Tell Abu Dhahir.* Oxford: Archaeopress, 2007. 162 p.
- Solecki*, 1953 – *Solecki R. S.* *A Programme for Salvage Archaeology in the Projected Flood Basins in Iraq // Sumer. 1953. Vol. 9. No. 1. P. 101–103.*
- Solecki*, 1972 – *Solecki R. S.* *Shanidar. The Humanity of Neanderthal Man.* London: Allen Lane, Penguin, 1972. 288 p.
- Sulaiman*, 2011 – *Sulaiman B. S.* *A Brief Report on the al-Adhaim Dam Salvage Project // Between the Cultures. The Central Tigris Region from the 3rd to the 1st millennium BC. Proceedings of a Conference at Heidelberg, 22–24 January 22 2009 / Eds P. Miglus, S. Mühl. Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2011. P. 385–394, pls XXX–XXXIII.*
- Tuna & Öztürk*, eds 1999 – *Tuna N., Öztürk J.* (eds). *Salvage Project of the Archaeological Heritage of the Ilisu and Carchemish Dam Reservoirs Activities in 1998.* Ankara: Middle East Technical University, 1999. 367 p.
- Various 1981a – *Sumer 40. Special Issue: Researches on Himrin in the two international symposiums, second and third held in 1979 and 1981.* Baghdad.
- Various 1981b – *Sumer 42. Special Issue: Researches on the antiquities of al-Qadissiya Dam & Ashur in the two international symposiums, second and third held in 1979 and 1981.* Baghdad.
- Welsby*, 2008 – *Welsby D.* *Dams on the Nile: from Aswan to the Fourth Cataract // Sudan Studies. 2008. Vol. 37. P. 5–18.*
- Whallon*, 1979 – *Whallon R.* *An Archaeological Survey of the Keban Reservoir Area of East-Central Turkey.* Ann Arbor: University of Michigan, 1979. 309 p.
- Wilkinson & Tucker*, 1995 – *Wilkinson T. J., Tucker D. J.* *Settlement Development in the North Jazira, Iraq. A Study of the Archaeological Landscape.* Warminster: Aris & Phillips for the British School of Archaeology in Iraq, 1995. 228 p.
- Willcocks*, 1889 – *Willcocks W.* *Egyptian Irrigation.* London: E. & F. N. Spon, 1889. 367 p.
- Willcocks*, 1911 – *Willcocks W.* *The irrigation of Mesopotamia.* London: E. & F. N. Spon, 1911. 136 p.

Archaeology and politics in the age of dams: a survey of evidence from Iraq

St John Simpson

Since the 1950s large-scale dam projects have been carried out across the world. The archaeological component has varied greatly, even within some countries. In almost all cases the inauguration of these expensive infrastructure works has been celebrated nationally through media and visually on currency and postage stamps. The history of dams and archaeology is a rich but sometimes contentious mix of politics and opportunity. Ottoman authorities brought British engineers from India to advise on hydraulic measures in Egypt and it was at Aswan that the first rescue archaeology took place at the beginning of the twentieth century. The same engineers recommended other measures in Mesopotamia but, although the first steps were taken in Iraq under the British Mandate, it was only after

nationalisation of the oil industry that they began to be seriously implemented. Egypt, Syria and Iraq looked to the Soviet Union and its leading dam design company, Institute Hydroproject. Turkey turned instead to European companies whereas Iran at first relied on America although both countries now use their own expertise. Despite the Cold War politics, international teams collaborated on the Nile, Euphrates and Tigris, and the results transformed understanding of Nubia, the neolithic and many other key periods as well as the interconnection zones between regions previously regarded as heartlands of civilisation. After a brief review of the history of dam archaeology in the Middle East, this paper looks at the development of some of these projects in Iraq.

НА КРАЮ СТЕПНОЙ ОЙКУМЕНЫ: СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

О КОМПЛЕКСЕ ОДНОГО ИЗ СЕМИКОЛЕННЫХ КУРГАНОВ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Т. В. Рябкова¹

Аннотация. *Статья посвящена публикации и атрибуции ряда золотых предметов из коллекций 2537 и 2494 Государственного Эрмитажа. Они происходят из одного из разрушенных Семиколенных курганов на плато Шахан. Стилистический анализ позволил установить, что бляшки относятся к передневносточной изобразительной традиции и вместе с аналогичными вещами из музеев Берлина, Филадельфии, Нью-Йорка составляли декор одеяния погребенного в одном из Семиколенных курганов. Время создания предметов определяется в пределах третьей четверти VII в. до н. э.*

Annotation. *This paper is devoted to publication and attribution of a series of gold objects from collections no. 2537 and no. 2494 at the State Hermitage Museum. They come from one of the destroyed Semikolennye kurgans on the Shakhan plateau. Stylistic analysis has enabled to establish that these plaques belong to the Near East figurative tradition and, similarly to analogous objects from museums of Berlin, Philadelphia, and New-York, served as decoration of the garment of the buried individuals in one of the Semikolennye barrows. The date of the making of these objects is defined to within the third quarter of the 7th century BC.*

Ключевые слова: *Семиколенные курганы, скифская архаика, передневносточное искусство, нашивные бляшки, декор одежды.*

Keywords: *Semikolennye kurgans, Scythian Archaic art, Asian Near East, sewn-on plaques, decoration of clothes.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-272-282

В собрании Государственного Эрмитажа хранятся коллекции предметов, купленных Императорской Археологической комиссией на Кубани у торговцев курганными древностями. Всем, знакомым с опубликованными Отчетами ИАК, известно, что в них присутствует раздел «Приобретение отдельных коллекций и случайных находок». В те годы отношение к пополнению музейных собраний в значительной степени отличалось от современного: многие коллекции пополнялись за счет покупок у находчиков, краеведов и просто торговцев древ-

ностями, часто подобные покупки передавались в Императорский Эрмитаж. Как правило, в этих коллекциях представлены очень интересные и зачастую уникальные изделия. Работа с ними трудна, но не безнадежна, и в некоторых случаях имеется возможность реконструировать комплексы, откуда происходят подобные вещи.

Коллекция 2537, состоящая из золотых предметов, выполненных в разных техниках и относящихся к разным хронологическим периодам, поступила в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. Все изделия значатся как «присланные начальником Кубанской Области, приобретены у сотрудника Кубанского Музея» (рис. 1). Возникающее при чтении документа недоумение по поводу продажи древних пред-

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34.
Государственный Эрмитаж,
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: ryabkova-tatyana@mail.ru.



Рис. 1. Предметы коллекций 2537 (1–10), 2494 (11). 1–3, 5–11 – золото; 4 – золото, поделочный камень.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 1. Objects from collections no. 2537 (1–10) and no. 2494 (11). 1–3, 5–11 – gold; 4 – gold, semi-precious stone.
© The State Hermitage, Saint Petersburg

метов сотрудником музея, как выяснилось, не имеет под собой оснований: этот сотрудник, безусловно, действовал в рамках дозволенного: в Кубанском войсковом музее наряду со «служащим персоналом» были и «любители-сотрудники», которым выдавались открытые предписания от начальника Кубанской области и Наказного Атамана на собирание коллекций для музея (*Гладкий*, 1913. С. 45). Именно они сохраняли если не для науки, то хотя бы для Отечества предметы старины, покупая их у «находчиков» и впоследствии передавая в ИАК.

Один из предметов коллекции 2537 – золотая пластина-накладка на сосуд с изображением «Potnia Theron» (рис. 1, 9) – впервые был опубликован А. П. Манцевич (1966. С. 34, рис. 7, 11). Анастасия Петровна считала, что эта накладка, равно как и другие золотые предметы (бляшки в виде двойного лотоса и грифона), происходят из кургана Шахан или Семиколенного близ ст. Тульской Майкопского

района. На чем же базировалась уверенность А. П. Манцевич? Коллекция Ку 1915-5 (2537) поступила в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. (акт № 2850 от 7 июня 1926 г.). В акте под № 251 фигурирует «золотая пластинка с изображением "Potnia Theron"» (этикетка № 6 – № по книге поступления 22736). Хотя никаких упоминаний о ст. Тульской в акте передачи нет, в инвентаре Ку есть карандашная запись «м. б. ст. Тульская». Все вещи из этой коллекции относятся к числу статусных и выглядят как набор, объединенный по признаку драгоценного материала, а отнюдь не по принадлежности к одному комплексу. Для выяснения обстоятельств, позволивших А. П. Манцевич отнести пластину-накладку и нашивные бляшки в виде лотоса и грифона к комплексу кургана «Шахан-Семиколенный», необходимо обратиться к «Отчету по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911–1912 гг.» (*Гладкий*, 1913).

Этот документ содержит заметки об археологических раскопках, принадлежащих перу заведующего музеем Ивана Гладкого. История курганов в Тульской заключалась в следующем: 24 июня 1912 г. Атаман Майкопского отдела полковник Лагунов донес Наказному Атаману, что в юрте ст. Тульской ограблены курганы. Наказной атаман распорядился охранять разрытые курганы впредь до особого распоряжения и обратился к члену ИАК В. В. Шкорпилу за дальнейшими указаниями. В. В. Шкорпил связался с Н. И. Веселовским, вследствие чего тот выехал в г. Майкоп для доследования ограбленного памятника. К раскопкам присоединился И. Гладкий.

Горный хребет Шахан (Семиколенный курган) находится в юго-восточном углу юрта ст. Тульской, примерно в 3–4 верстах к югу от нее. Гладким приведен рисунок «местечка Шахан» и точкой обозначено положение кургана, где грабителями были найдены вещи (Там же. Рис. 1). При осмотре выяснилось, что «вообще все плато Шахан, судя по массе мест, разрытых хищниками, давшими, как говорят, легендарные сокровища, – представляет как бы сплошное кладбище» (Там же. С. 70). Осмотр местности летом 2019 г. позволил установить, что Шахан – это горный хребет с плоской платообразной вершиной, вытянутый с севера на юг вдоль долины р. Белой, находящейся к востоку от него. Ближайшие населенные пункты – хутор Шунтук и пос. Первомайский Майкопского муниципального района Республики Адыгея. В северной части хребта, при въезде на плато со стороны хутора Шунтук в густом буковом лесу удалось насчитать порядка семи сильно разрушенных курганных насыпей разного размера с воронками в центре.

Схематичные рисунки Гладкого (Там же. С. 73, рис. 3) позволяют удостовериться, что большой курган, откуда и происходили сокровища, был изрыт множеством ям, поэтому остается догадываться, сколько погребений могло быть разрушено. Работы под руководством Н. И. Веселовского велись на двух раскопках: было обнаружено несколько маленьких золотых украшений, скелет лошади, фрагментированные человеческие скелеты, маленький лепной горшок и фрагмент железных удил (Там же. С. 75). Кроме этого, часть награбленного была изъята у кладоискателей и передана в Войсковой музей.

На фотографии этих вещей из Отчета, несмотря на плохое качество, все же можно увидеть предметы, фигурирующие и в эрмитажной коллекции 2537 (Там же. Рис. на с. 63). Опубликованная опись вещей с указанием размеров и веса позволяет точно соотнести два из них с предметами из Эрмитажа: это «цветки, выдавленные на золотых листах» и «пластинка золотая с выдавленной на ней фигурой крылатого льва с короной на голове» (рис. 1, 5, 10). Один из двух «цветков» и «крылатый лев» заметны на фотографии, что, вероятно, позволило А. П. Манцевич соотнести их с Семиколенным курганом. Видимо, пластина с антропоморфным изображением «Potnia Theron» была соотнесена с этим набором на основании того, что входила в коллекцию 2537.

Сложно утверждать, что какая-то часть предметов, переданных в Кубанский войсковой музей, позднее поступила в Эрмитаж: грифон на фотографии показан идущим влево, в то время как эрмитажный – идет вправо. Скорее всего, в эрмитажную коллекцию попали другие вещи из этого же разграбленного комплекса: они могли быть приобретены сотрудником музея на черном рынке и впоследствии быть переданными в ИАК, откуда и попали в Эрмитаж.

История Семиколенных курганов, к сожалению, была типичным явлением. Размах хищнических раскопок и связанных с ними рынков по сбыту древностей в то время был ужасающим. Противодействуя вывозу древностей за границу, ИАК занималась покупкой особо ценных предметов у торговцев краденым – об этом свидетельствуют и коллекции Эрмитажа, в происхождении которых значится: куплено в Майкопе, в Лабинской, на Тамани, некоторые коллекции приобретались у печально известных дельцов Карапетова и Аджигитова. Высочайший уровень предметов позволяет грустно констатировать, что археологи, к сожалению, не успевали за грабителями.

Как ни старались власти сохранить предметы старины в пределах России и передать в музеи, многие из них оказывались за рубежом. С деятельностью Карапетова и известного коллекционера Мерле де Массоне связывается вывоз из России и появление за границей знаменитого «Майкопского клада» («Maikop treasure») – огромного собрания курганных древностей, происхождение которых связывается

с югом России. Де Массоне распродал свою коллекцию, вывезенную из России, по частям, и ныне она рассредоточена по собраниям Метрополитен-музея в Нью-Йорке, Музея археологии и антропологии Университета Пенсильвании, Государственных музеев Берлина и Римско-германского музея Кёльна (Leskov, 2008. P. 1). Среди предметов «Майкопского клада», опубликованного А. М. Лесковым, есть прямые аналогии вещам из коллекции 2537 (Leskov, 2008. Cat. 63, 65, 67, 72, 82, 86, 91). Поскольку это обстоятельство им никак не упомянуто, то, вероятно, он ничего не знал об эрмитажных предметах. Тем не менее часть опубликованных А. М. Лесковым предметов явно происходит из разрушенных Семиколенных курганов на плато Шахан, так же как и опубликованные в 1940 г. предметы из Метрополитен-музея (Dimand, McAllister, 1940. Fig. 2).

Судя по записям в инвентарных книгах Эрмитажа, Семиколенных курганов было 3 и еще один (всего 4 (?)). Они были раскопаны Н. И. Веселовским в 1914 г., переданы в Эрмитаж в 1926 г. и зашифрованы как коллекция 2494 (Ку 1914-3). Ника-

ких сведений об этих раскопках в опубликованных отчетах ИАК нет. Тем не менее в инвентарных книгах указано, что коллекция 2494 (Ку 1914-3) поступила по трем актам: от 5 июня 1926 г. (дело № 21), 7 июня 1926 г. (дело № 169), 5 февраля 1927 г. (дело № 26), и дается ссылка на архивные дела ИАК № 21 и 61 (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1, оп. 1, д. № 21, 61). Краткое упоминание об осмотре курганов в Тульской, повторенное в опубликованном Отчете ИАК (ОИАК 1918. С. 159), удалось найти лишь в деле № 61: «В Тульской станице, при осмотре разграбленного Семиколенного кургана, найден выкинутый из могилы стеклянный козлик» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 11). Этот же козлик (инв. № ГЭ 2497/1) фигурирует и в любопытном документе, относящемся, вероятно, ко времени раскопок Н. И. Веселовского в 1914 г., обнаруженном в коробке с вещами коллекции 2494 (рис. 2). Документ послужил основой для распределения материалов по трем Семиколенным курганам, так как в инвентаре «Ку» есть запись карандашом: «Определение курганов по записке».

На еши-вои-вои-вои
во войсковом и в в.
Найдено:
во I Курган найдено 1 тарелка
и 1 узелок удбна.
Лошадиный убор из в. будо.
во II Курган найдено 1 узелок
удбна 1 тарелка и
не взятая буда посуды.
во III Курган найдено
1 узелок будна, удбна
лошадиный, еженный козлик.

Рис. 2. Записка с распределением материалов Семиколенных курганов по комплексам
Fig. 2. A memo distributing materials from Semikolenny kurgans over complexes

Итак, небольшая часть коллекции была отнесена к курганам 1–3, все прочие вещи из коллекции 2494 обозначены просто «Тульская ст., Семиколенный курган, раск. Веселовского». Среди этих вещей есть золотые нашивные бляшки, пуговицы и гвоздики; обломки амфоры, чернолакового сосуда, ручки аттического килика; бронзовые кольца и серьги; обломок раковины; кремь; наконечники стрел; обломок костяной пластины. Хронологический диапазон набора велик: от эпохи бронзы до V–IV вв. до н. э., что также позволяет усомниться в комплексности находок. Все это подтверждает тот факт, что «в 1912 г. в районе ст. Тульской было раскопано не одно, а ряд погребений различного времени» (Иессен, 1955. С. 32). Часть предметов оставалась у «находчиков» вплоть до середины XX в. В 1950 г. в Майкопе художник Н. Н. Ерамов передал вещи из грабительских раскопок 1912 г. А. А. Иессену, причем до этого в 1949 г. «большая группа бронзовых предметов и обломков» была передана им же в Майкопский музей (Там же. С. 31).

Несмотря на то что атрибуция и распределение по комплексам всех находок из Семиколенных курганов – дело будущего, на основании типологического и стилистического анализа предметов из эрмитажных коллекций 2537 и 2494 можно выделить вещи, которые предположительно **относятся к одному комплексу**.

К обозначенным А. П. Манцевич накладке на сосуд и двум бляшкам можно добавить нашивные бляшки в виде крестообразной фигуры с ромбом в центре и волютами-завитками на каждом из лучей (коллекции 2537, 2494) и, вероятно, гвоздики для прикрепления накладки на сосуд (коллекция 2494) (рис. 1, 5, 6, 9–11).

Бляшки в виде крестообразной фигуры с ромбом в центре и волютами-завитками на каждом из лучей (рис. 3, 1) имеют припаянные на обороте петельки для нашивания на одежду. Учитывая их значительное количество (известно 252 таких бляшки: 16 экз. – в двух коллекциях Эрмитажа, 6 экз. – в музее Пенсильвании, 12 экз. – в Метрополитен-музее, 218 экз. – в Государственных музеях Берлина), можно предположить, что они располагались в виде орнаментальных рядов. Аналогии изображению на бляшках известны в искусстве Ирана и Урарту (Leskov, 2008. Р. 55). Вероятно, наиболее ранним явля-

ется изображение подобной фигуры на дне бронзового сосуда из могильника Марлик, даты которого определяются в пределах XIII–X вв. до н. э. (рис. 3, 2). На рельефе из Адилчеваза (рис. 3, 5) и на обкладке ножен парадного акинака из 1-го кургана Келермеса, раскопанного Д. Г. Шульцем (рис. 3, 6), подобная фигура является центром композиции, символизируя, вероятно, Древо жизни или некий астральный символ. Изображение использовалось и в составе орнаментальных рядов: аналогичные фигуры разделяют регистры с изображениями божеств на бронзовых поясах из Урарту (рис. 3, 4), фланкируют орнамент на рукояти меча из Мельгуновского кургана (рис. 3, 7). Возможно, близкие по форме бляшки из Саккызского клада (рис. 3, 3) тоже были нашивными. Изображения на нашивных бляшках, обнаруженных близ храма Артемиды в Эфесе (Британский музей, № GR 1907.12-1), при общем сходстве композиции имеют значительные отличия. Вероятно, это наиболее поздняя переработка ирано-урартского мотива в ионийской среде. Таким образом, круг приведенных аналогий позволяет предположить, что бляшки из Семиколенного кургана выполнены под влиянием урартской традиции. Композиционная близость урартским мотивам, в особенности рельефу из Адилчеваза, относящегося к 680–645 гг. до н. э. (Kellner, 1991. Р. 155), позволяет предложить для рассматриваемых бляшек несколько более раннюю дату, чем для предметов из храма Артемиды, датирующихся в пределах второй половины VII в. до н. э.

Нашивная бляшка в виде сдвоенной пальметки из противопоставленных лотосов на ромбовидном основании (рис. 4, 1) идентична бляшкам из Берлинской коллекции (19 экз.) и из Филадельфии (1 экз.). Дата V в. до н. э., предложенная А. М. Лесковым для аналогичной бляшки (Leskov, 2008. Р. 57), представляется неубедительной, поскольку она основана на формальном сходстве с бляшкой из кургана IV в. до н. э. Большая Белозерка (Онайко, 1970. Табл. XLII, 505). Других аналогий изображению не приводится, хотя отмечено, что лотос обычно связывают с ионийским искусством. Действительно, мотив лotosовой пальметки, получивший широкое распространение на Древнем Востоке благодаря влиянию сирийско-финикийского искусства, часто использовался в ионийской вазописи



Рис. 3. Бляшки в виде крестообразной фигуры и их аналогии. 1 – нашивные бляшки (ГЭ, инв. № 2537-6); 2 – изображение на дне бронзового сосуда, могильник Марлик, погр. 5 (Negahban, 1996. Fig. 8, 56); 3 – золотая бляшка, Зивие (Girshman, 1979. Pl. III, 2); 4 – декор бронзового пояса, Урарту (Пиотровский, 2011. Рис. 48); 5 – рельеф, Адилчеваз (Ван Кафекалеси) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27); 6 – рукоять меча (деталь), Мельгуновский курган (ГЭ, инв. № Дн 1763-1/20); 7 – ножны меча (деталь), Келермес, курган IШ (ГЭ, инв. № Ку 1903-2/2). 1, 6, 7 – © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 3. Plaques in the form of a cross-shaped figure and their parallels. 1 – sewn-on plaques (State Hermitage, inv. no. 2537-6); 2 – representation on the bottom of a bronze vessel, cemetery of Marlik, burial 5 (Negahban, 1996. Fig. 8, 56); 3 – gold plaque, Ziwiye (Girshman, 1979. Pl. III, 2); 4 – decoration of a bronze belt, Urartu (Пиотровский, 2011. Fig. 48); 5 – relief, Adilçevaz (Kef Kalesi) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27); 6 – sword handle (detail), Melgunovsky kurgan (State Hermitage, inv. no. Дн 1763-1/20); 7 – sword sheath (detail), Kelermes, kurgan IШ (State Hermitage, inv. no. Ку 1903-2/2). 1, 6, 7 – © The State Hermitage, Saint Petersburg

в эпоху греческой архаики. Как правило, это единичные или расположенные фризами изображения лотосов и бутонов. Антитетичная композиция с изображениями лотосов встречается редко и представлена, пожалуй, лишь в коринфской вазописи среднего периода, датирующегося 590–570 гг. до н. э. (Букина, 2015. С. 80) (рис. 4, 5, 6). Характерно, что сдвоенная пальметка из противопоставленных лотосов часто выступает в качестве центра композиции и напоминает Древо жизни (рис. 4, 5). Вероятно, схема сдвоенной лotosовой пальметки ближе схеме ранее рассмотренного мотива крестообразной фигуры с волютами, встречающегося на урартских поясах (рис. 4, 2–4), нежели ионийскому лотосу, и должна относиться к тому времени, которым датируются урартские артефакты. Соответственно

более вероятной ее датой является середина – третья четверть VII в. до н. э.

Нашивные бляшки с полнофигурным изображением грифона (рис. 5, 1), кроме Эрмитажа, представлены в Берлинской коллекции (10 экз.), музее Пенсильванского университета (4 экз.) и в Метрополитен-музее (4 экз.). Фигуры изображены шествующими влево и вправо; вероятно, вместе они составляли симметричную композицию. А. М. Лесков датировал их V в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 53). А. Р. Канторович отнес изображение к Майкопскому типу (II-I-4) и датировал первой половиной IV в. до н. э. (Канторович, 2015. С. 757). Тем не менее важно обратить внимание на ряд особенностей в трактовке образа, которые не позволяют согласиться с предложенными датами и отнесением мотива



Рис. 4. Бляшка в виде сдвоенной лотосовой пальметки и аналогии. 1 – нашивная бляшка (ГЭ, инв. № 2537-8). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; 2 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XIX, 20); 3 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Kelner, 1991. Cat. 13); 4 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XXXIII, 3); 5, 6 – арибалл, пиксида (фрагмент), Коринф (Букина, 2015. Кат. 65, 163)

Fig. 4. Plaque in the form of a double lotus palmette and its parallels. 1 – sewn-on plaque (State Hermitage, inv. no. 2537-8). © The State Hermitage, Saint Petersburg; 2 – bronze belt (detail), Urartu (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XIX, 20); 3 – bronze belt (detail), Urartu (Kelner, 1991. Cat. 13); 4 – bronze belt (detail), Urartu (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XXXIII, 3); 5, 6 – aryballos, pyxis (fragment), Korinthos (Букина, 2015. Кат. 65, 163)

к типу «позднегреческого грифона». Массивный раскрытый клюв с заметным языком, круглый глаз в миндалевидной глазнице, завиток хвоста с шишковидным окончанием напоминают элементы изображений грифонов на ритоне и зеркале из 3-го Келермесского кургана Д. Г. Шульца (рис. 5, 2), что позволяет предположить их более раннюю дату. Изображения на ритоне и зеркале возводят, как правило, к ионийской художественной традиции, активно взаимодействовавшей с художественными течениями Ближнего Востока (Галанина, 1997.

С. 142, 148; Кисель, 2003. С. 80, 98), однако грифон из Семиколенного кургана имеет существенные отличия. Например, ионийские грифоны всегда изображались с шишкой на голове и с длинным локоном-завитком (рис. 5, 2), отсутствующим у грифона из Семиколенного кургана. Вместо «ионийской шишки» на голове видны два рога (часть гривы?), переданные двумя острыми выступами. Кроме этого, уши ионийских монстров, как правило, меньше и расположены вертикально, в то время как грифон из Семиколенного кургана изображен с непропор-

ционально большим ухом, которое смыкается с крылом: на голове его три выступа, что напоминает гриву (?) монстров на луристанских навершиях (рис. 5, 3) и гривы птицеголовых стрелков на урартских поясах (рис. 4, 4). Большое отогнутое ухо напоминает передачу ушей грифонов с рельефов из Кархемиша (рис. 5, 4, 5) и сосуда из Суз (рис. 5, 7). Определенное сходство с новохеттскими и новоэламскими рельефами есть и в передаче миндалевидного глаза с выделенным верхним веком, и в проработке крыла с крупными маховыми перьями: плечевая часть крыла передается гладкой плоскостью (рис. 5, 5), в отличие от ионийских изображений, где эта часть крыла, как правило, декорирована чешуйчатым орнаментом. Крыло грифона из Семиколенного кургана имеет плечо, переданное сходящимися под углом гладкими плоскостями, и один ряд крупных маховых перьев: так же оформлены крылья персонажей новохеттских рельефов Каратепе (рис. 5, 6). Наличие всех четырех лап у профильного изображения – черта также в большей степени присущая изображениям новохеттского и новоэламского искусства, нежели ионийского круга. Лапы с двумя когтистыми пальцами (рис. 5, 1а) скорее напоминают лапы птицы, чем хищного зверя. Аналогично оформлены лапы птиц с рельефа из Адилчеваза (рис. 5, 8). Итак, круг аналогий указывает на эклектичность образа грифона из Семиколенного кургана: его элементы находят соответствия в луристанской, новоэламской, новохеттской и урартской изобразительных традициях. Наиболее сильное влияние оказало, вероятно, искусство сиро-хеттских царств, существовавших до рубежа VIII–VII вв. до н. э., и Урарту. Все это не позволяет значительно отодвигать его дату от даты рельефа из Адилчеваза.

Таким образом, изображения на всех бляшках восходят к сиро-финикийской, ново-эламской, урартской и луристанской изобразительным традициям и не имеют признаков влияния скифского искусства. О производстве в специализированной мастерской на территории Передней Азии свидетельствуют материал и техника изготовления. Все бляшки сделаны из высококачественного золота: бляшки с изображениями волют-завитков и грифона – из золота 850-й пробы, пальметки с изображением лотосов – из золота 900-й пробы. Бляшки изготовлены из толстого листового золота

в технике тиснения при помощи пуансонов: они одинаковы и имеют более четкий отпечаток на оборотной стороне². Для изготовления подобных серий необходимо было сделать пуансон, что требовало предварительного моделирования в воске, отливки и чистовой доводки. Техника тиснения характерна для высокоразвитого ювелирного производства (Минасян, 1988. С. 51). На оборотной стороне каждой бляшки припаяны по четыре петли из круглой в сечении золотой проволоки для пришивания на одежду. Все это позволяет предположить, что эрмитажные бляшки, равно как и аналогичные в собраниях других музеев, составляли единый комплект, украшавший одеяние погребенного в одном из Семиколенных курганов. Важно отметить, что традиция украшения одежды нашивными бляшками, появляющаяся у скифов в эпоху архаики, впервые зафиксирована в материалах младших келермесских курганов IШ и 24 (Галанина, 1997. С. 136), возведение которых относится ко времени возвращения кочевников из переднеазиатских походов. Полностью лишенный скифских элементов комплект нашивных украшений из Семиколенного кургана является показателем того, что изначально чуждая переднеазиатская традиция была воспринята в неизменном виде: набор сюжетов определяли отнюдь не кочевники, не имевшие аналогичных одеяний. Появление этой впоследствии широко распространенной у скифов традиции относится, вероятно, к третьей четверти VII в. до н. э.

Предположительно, кроме нашивных бляшек, в комплекс этого погребения входили *гвоздики из свернутого трубочкой листа золота* (рис. 1, II) и пластина – *накладка на сосуд с изображением крылатой антропоморфной фигуры в «колени-преклоненном беге»* (рис. 1, 9), которой посвящено отдельное исследование (Рябкова, 2019). Учитывая многочисленные параллели образу и каноничность положения фигуры, изображение на накладке сосуда из Семиколенных курганов должно быть определено как «Владыка зверей», а не как «Potnia Theron». Специфика воплощения широко распространенного и длительно существовавшего

² Выражаю искреннюю признательность к. и. н. А. Р. Шаблавиной за консультации по данному вопросу.



для 1, 2-8 б/м



1а



2



3



4



5



6



7



8

Рис. 5. Бляшка в виде крылатого грифона и аналогии. 1, 1а – нашивная бляшка и деталь (ГЭ, инв. № 2537-12). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; 2 – зеркало (деталь), Келермес, курган 3Ш (Галанина, 1997. Табл. 1); 3 – бронзовое навершие-стандарт (деталь), Луристан (Negahban, 1996. Cat. 153); 4, 5 – рельефы (деталь), Кархемиш (Akurgal, 2015. Pict. 96a, 96b); 6 – рельеф (деталь), Каратепа (Orthmann, 1971. Taf. 15d); 7 – сосуд, Сузы (Brereton, 2018. Cat. 207); 8 – рельеф, Адилчеваз (деталь) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27)

Fig. 5. Plaque in the form of a winged gryphon and parallels. 1, 1a – sewn-on plaque and a detail (State Hermitage, inv. no. 2537-12). © The State Hermitage, Saint Petersburg; 2 – mirror (detail), Kelermes, kurgan 3Ш (Галанина, 1997. Табл. 1); 3 – bronze top-ensign (detail), Luristan (Negahban, 1996. Cat. 153); 4, 5 – reliefs (detail), Karkhemish (Akurgal, 2015. Pict. 96a, 96b); 6 – relief (detail), Karatepe (Orthmann, 1971. Taf. 15d); 7 – vessel, Susa (Brereton, 2018. Cat. 207); 8 – relief, Adilçevaz (detail) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27)

в искусстве Древнего Востока образа позволила предположить, что пластина изготовлена в том месте, где были сильны традиции искусства Северо-Западного Ирана, Луристана и сиро-хеттских государств. Учитывая несомненное сходство в трактовке ряда деталей на накладке сосуда и ножнах мельгуновского и келермесского мечей, можно предположить, что эти предметы создавались на протяжении небольшого хронологического отрезка. Для мечей он определяется в рамках второй-третьей четверти VII в. до н. э. (Кисель, 2003. С. 30) и, веро-

ятно, для накладки может быть определен в пределах окончания этого периода – речь идет о третьей четверти VII в. до н. э.

В итоге, с учетом количества сохранившихся предметов одного из курганов на плато Шахан, рассеянных по разным музеям мира, можно утверждать, что на плато Шахан был разграблен богатейший комплекс, сопоставимый как по пышности представленных материалов, так и по месту их изготовления и, вероятно, хронологическому периоду с младшими курганами Келермеса.

Букина, 2015 – Букина А. Г. при участии Петраковой А. Д., Алексинского Д. П. Коринфские вазы и их античные имитации: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 456 с.

Галанина, 1997 – Галанина Л. К. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф. 1997. 316 с.

Гладкий, 1913 – Гладкий И. Отчет по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911–1912 гг. Екатеринодар, 1913.

Иессен, 1955 – Иессен А. А. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // СГЭ. 1955. Вып. VIII. С. 31–33.

Канторович, 2015 – Канторович А. Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 1686 с.

Кисель, 2003 – Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.

Манцевич, 1966 – Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. № 8. С. 23–38.

ОИАК 1918 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1913–1915 гг. Петроград: Девятая государственная типография, 1918. 295 с.

Онайко, 1970 – Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 213 с. (САИ. Вып. Д1-276).

Пиотровский, 2011 – Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб.: Искусство России; Филологический факультет СПбГУ, 2011. 653 с.

Рябкова, 2019 – Рябкова Т. В. О золотой накладке на сосуд из Эрмитажа // ВДИ. 2019. В печати.

Akurgal, 2015 – Akurgal E. Hattı ve Hitit Uygarlıkları. Ankara: Phoenix Yayınları, 2015. 344 p.

Brereton (Ed.), 2018 – I am Ashurbanipal king of the world, king of Assyria / Ed. G. Brereton. London: Thames and Hudson, 2018. 288 p.

Çavuşoğlu, 2015 – Çavuşoğlu R., Urartian belts = Urartu kemerler (Exhibition catalogue). Istanbul: Rezan Has Muzesi, 2014. 201 p.

Dimand, McAllister, 1940 – Dimand M. S., McAllister H. E. Near Eastern Jewelry: a Picture Book. New York: Metropolitan Museum of Art, 1940. 31 p.

- Girshman*, 1979 – *Girshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier Scythe. Paris: E. J. Brill, 1979. 49 p.
- Kelner*, 1991 – *Kelner H.* Grouping and dating of Bronze Belts // *Urartu – a Metalworking Center in the first Millennium B.C.E.* / Ed. R. Merhav. Jerusalem. Israel Museum, 1991. 364 p.
- Leskov*, 2008 – *Leskov A. M.* The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 304 p.
- Negahban*, 1996 – *Negahban E. O.* Marlik. The Complete Excavation Report. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. Vol. 2. 408 p.
- Orthmann*, 1971 – *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst (Investigations of Late Hittite Art). Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971. 565 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 8).
- Vanden Berghe, De Meyer*, 1982 – *Vanden Berghe L., De Meyer L.* Urartu. Een vergeten cultuur uit het bergland Armenië. Catalog of an exhibition held Oct. 9, 1982 – Jan. 30, 1983 at the Centrum. Gent: Centrum voor Kunst en cultuur, 1982. 256 p.

**Assemblage from one of the Semikolennye kurgans
in the collection of the State Hermitage Museum**

T. V. Ryabkova

This paper is devoted to publication and attribution of a series of gold objects from collections no. 2537 and no. 2494 at the State Hermitage Museum. A gold cover plate for a wooden vessel with a representation of the Lord of Beasts and a series of sewn-on plaques in the form of a cross-shaped figure with a rhombus in the centre, a double lotus palmette, and a walking gryphon come from one of the destroyed Semikolennye

kurgans on the Shakhan plateau. Stylistic analysis has enabled to establish that these plaques belong to the Near East figurative tradition and, similarly to analogous objects from museums of Berlin, Philadelphia, and New-York, served as decoration of the garment of the buried individuals in one of the Semikolennye barrows. The date of the making of these objects is defined to within the third quarter of the 7th century BC.

ФЕНОМЕН ЗЕРКАЛ БОРИСФЕНИТСКОГО ТИПА В ЕВРАЗИИ ЭПОХИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ

В. Ю. Зуев¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема своеобразия бронзовых зеркал борисфенитского типа, которые встречаются в памятниках ранних кочевников Евразии эпохи архаики. Вопреки существующему мнению о том, что эти зеркала делались в различных металлургических центрах Скифии, автор доказывает, что они серийно отливались в одной производственной мастерской греческого полиса Борисфен во второй половине VI в. до н. э. К настоящему времени всего зафиксировано около 200 зеркал борисфенитского типа шести серий. Зеркала борисфенитского типа являются ярким феноменом греческого художественного литья эпохи архаики.

Annotation. This paper discusses the problem of the peculiarity of the bronze mirrors of the Borysthenitic type which are encountered at sites of the early nomads of Eurasia of the Archaic epoch. Contrary to the accepted opinion that these mirrors were manufactured in different metallurgic centres of Scythia, the author argues that they were cast in series at a single manufacturing workshop at the Greek polis of Borysthenes in the second half of the 6th century BC. Presently, about 200 mirrors of the Borysthenitic type belonging to six series have been reported. Mirrors of the Borysthenitic type are a remarkable phenomenon of the Greek art castings.

Ключевые слова: Скифия, эпоха архаики, зеркала борисфенитского типа, зеркала немировского типа, звериный стиль, гравировки, художественное литье.

Keywords: Scythia, Archaic epoch, mirrors of the Borysthenitic type, mirrors of the Nemirov type, animal style, engravings, art castings.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-283-293

Изучение культуры кочевников скифской архаической эпохи показывает, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. в материальной культуре номадов Евразии одновременно были распространены два основных типа бронзовых зеркал. Известны зеркала с бортиком по краю круглого диска и рукоятью-петелькой по центру оборотной стороны (рис. 1, 1), принесенные из глубин Азии на Кавказ и в Причерноморье. Ближе к окончанию эпохи архаики, как вариант этих древнейших зеркал, появляются зеркала со столбиками вместо рукояти-петельки, которые перекрыты уплощенными фигурками животных (рис. 1, 2) или медальонами с декоративными или зооморфными изображениями (рис. 1, 3). Сейчас трудно сказать, единая ли это производственная традиция, или правильнее говорить о смене технологических идей в отношении этих зеркал. Но в VI в. до н. э. появляется принципиально новая технология изготовления

бронзовых зеркал с бортиком по краю круглого диска, имеющих боковую рукоять сложной конструкции, составленную из отдельно изготавливавшихся зооморфных и архитектурных декоративных деталей (рис. 1, 4–9). Эти сложносоставные предметы я предложил определять как зеркала борисфенитского типа (Зуев, 2017; 2019с).

В литературе преобладает мнение, что зеркала борисфенитского типа, особенно с реалистичными фигурками пантер «келермесского» стиля на концах рукоятей, – это скифский вклад в художественное литье эпохи архаики (Мурзин, 1991. С. 303, 360, № 86). Наиболее подробно эту идею развила и постаралась обосновать в своих исследованиях Т. М. Кузнецова. По ее мнению, все зеркала с вертикальным бортиком по краю диска VII–VI в. до н. э. – это специфичные скифские культовые сосуды. Те, у которых рукоять в центре диска, – бронзовые фиалы, а зеркала борисфенитского типа Т. М. Кузнецова считает «протопатерами», сосудами вроде сковородок, с боковой рукоятью (Кузнецова, 2017).

Наиболее четко Т. М. Кузнецова сформулировала свое видение генезиса зеркал борисфенит-

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 17. Российская Академия художеств, Научно-исследовательский музей. Адрес электронной почты: vadim.zuev.1964@mail.ru.

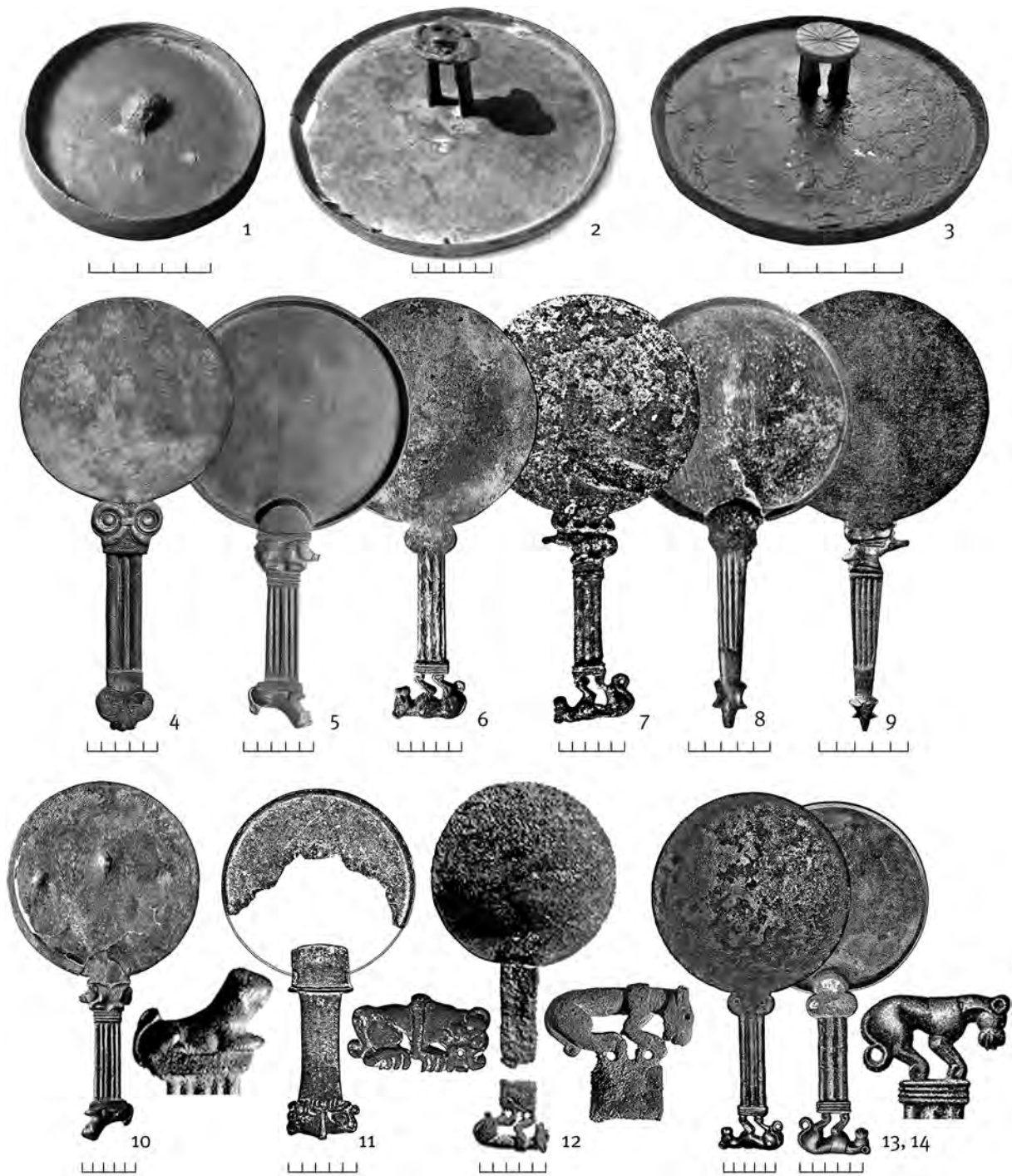


Рис. 1. Бронзовые зеркала архаической эпохи. 1 – дисковидное зеркало с рукоятью-петелькой, Одесская обл., 2016 г.; архив КСАН, папка 21-323; первая публикация; 2 – дисковидное зеркало с центральной рукоятью в виде двух столбиков и зооморфной фигурки, Сумская обл., 2012 г.; архив КСАН, папки 3–2745, 17-480 (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 2, 1); 3 – дисковидное зеркало с центральной рукоятью в виде двух столбиков и перекрывающего их медальона, Краснодарский край, 2016 г.; архив КСАН, папка 17-890; первая публикация; 4–9 – шесть серий зеркал борисфенитского типа (4 – зеркало 1-й серии, Хмельницкая обл., случайная находка, 2016 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 4); 5 – зеркало 2-й серии, случайная находка, Бостон, Музей изящных искусств (Зуев, 2017. Рис. 1, 7); 6 – зеркало 3-й серии, Керчь, случайная находка, 2003 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 12); 7 – зеркало 4-й серии, Братышев, 1934 г., курган IV (Зуев, 2017. Рис. 2, 1); 8 – зеркало 5-й серии, Цемдолина, 1972 г. (Онайко, 1973. Рис. 1); 9 – зеркало 6-й серии, Ольвия, 1914 г., могила 18 (Зуев, 2017. Рис. 2, 11)); 10 – зеркало 2-й серии борисфенитского типа, случайная находка, Нальчик, 1913 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 6); 11 – зеркало-под-

ражание борисфенитскому типу, аул Хабаз, Кабардино-Балкария, разрушенный курган, 1919 г. (Зуев, 2017. Рис. 2, 13); 12 – зеркало-подражание борисфенитскому типу, урочище Скоробор, 1965 г., раскопки Б. А. Шрамко, курган 2 (Зуев, 2017. Рис. 2, 14); 13 – зеркало 3-й серии борисфенитского типа, Аксютинцы, Роменский уезд, 1886 г., раскопки С. А. Мазараки (Minns, 1913. P. 178, Fig. 73)

Fig. 1. Bronze mirrors of the Archaic epoch. 1 – discoid mirror with a loop handle, Odessa oblast, 2016; archives of KSAN (*Corpus of Chance Archaeological Finds*), folder 21-323; first publication; 2 – discoid mirror with a central handle in the form of two stems and a zoomorphic figurine, Sumskaia oblast, Ukraine, 2012; archives of KSAN, folders 3–2745, 17-480 (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 2, 1); 3 – discoid mirror with a central handle in the form of two stems and a medallion bridging them, Krasnodar Krai, 2016; archives of KSAN, folder 17-890; first publication; 4–9 – six series of the Borysthenitic type mirrors (4 – mirror of the 1st series, Khmel'nitsk oblast, Ukraine, stray find, 2016 (Зуев, 2017. Рис. 1, 4); 5 – mirror of the 2nd series, stray find, Museum of Fine Arts, Boston (Зуев, 2017. Рис. 1, 7); 6 – mirror of the 3rd series, Kerch, stray find, 2003 (Зуев, 2017. Рис. 1, 12); 7 – mirror of the 4th series, Братышев, 1934, barrow IV (Зуев, 2017. Рис. 2, 1); 8 – mirror of the 5th series, Цемдолина, 1972 (Онайко, 1973. Рис. 1); 9 – mirror of the 6th series, Olbia, 1914, grave 18 (Зуев, 2017. Рис. 2, 11)); 10 – mirror of the 2nd series of the Borysthenitic type, stray find, Nalchik, 1913 (Зуев, 2017. Рис. 1, 6); 11 – mirror imitating the Borysthenitic type, аул of Khabaz, Kabardino-Balkaria, a disturbed barrow, 1919 (Зуев, 2017. Рис. 2, 13); 12 – mirror imitating the Borysthenitic type, isolated terrain of Skorobor, 1965, excavations by B. A. Shramko, kurgan 2 (Зуев, 2017. Рис. 2, 14); 13 – mirror of the 3rd series of the Borysthenitic type, Aksyutintsy, Romensky uyezd, 1886, excavations by S. A. Mazaraki (Minns, 1913. P. 178, Fig. 73)

ского типа как раз на примере серии этих предметов с «реалистичными» фигурками пантер на концах рукоятей. Она считает, что на скифских мастеров Северного Кавказа оказала сильное влияние группа зеркал с изображением фигурки льва на конце рукояти, которые являлись произведениями греческих мастеров Ионии. Именно такое зеркало, по мнению исследовательницы, не случайно найдено в окрестности г. Нальчика (рис. 1, 10), которое она относит к разряду зеркал «исходного типа» в своей классификации (Кузнецова, 2002. С. 143, 162, 210, 218, 242, 328; карты 11, 14, № 350; табл. 93, № 350; 125, особый тип). Местные кавказские мастера, по ее мнению, попытались создать на одном из подражаний зеркал фигуру лежащего хищника, но, не умея изображать львов, они изобразили припавшую к земле фигурку пантеры, что видно на зеркале, найденном в Кабардино-Балкарии у аула Хабаз (рис. 1, 11). Впоследствии работавшие на скифов кавказские бронзолитейщики стали изображать пантеру на полусогнутых ногах, что характерно для келермесского зооморфного канона. Т. М. Кузнецова считает, что «видимо с Кавказа, зеркала со стоящими массивными "кошачьими хищниками" попадают в северопрichernоморскую лесостепь (ст. Крим-Гиреевская (рис. 1, 13) и с. Аксютинцы (рис. 1, 14) – фигурки отлиты в одной форме), где непосредственной репликой на подобное изображение является фигурка на зеркале из могильника Скоробор (кург. 2 – рис. 1, 12), а оттуда на Березань или в Ольвию, где прослеживается дальнейшая схематизация изображения. В Ольвийском некро-

поле и на о. Березань встречены пока зеркала только со схематичным изображением "кошачьего хищника", имеющего маленькую головку и стоящего на высоких ногах, что делает его более похожим на гепарда, нежели на пантеру, овцу или волка, как его часто определяют. Новая модификация получила признание в среде греческого населения, что также подкрепляет предположение о греческом прототипе для зеркал этой группы. Ольвия во второй половине VI в. до н. э. могла стать и производящим центром, и распространителем зеркал со схематичным изображением стоящего "кошачьего хищника"» (Кузнецова, 1991. С. 80–81). Исследовательница предполагает возможность путешествия греческих бронзолитейщиков по городским и производственным центрам лесостепной Скифии и сотрудничество греческих мастеров с местными варварами в создании греческих по прототипу «протопатер», но скифских по трактовке (зооморфные образы) их деталей (Там же. С. 97–98). Предложенная Т. М. Кузнецовой реконструкция зарождения и распространения этих зеркал, на мой взгляд, чересчур неправдоподобна, чтобы считать ее объяснением генезиса зеркал борисфенитского типа.

Во-первых, случайная находка в окрестностях г. Нальчика в 1913 г. зеркала с фигуркой лежащего льва на конце рукояти никак не может считаться наиболее ранним зеркалом греческого импорта на Северный Кавказ (рис. 1, 10). Для обоснования этого положения нет никаких доказательств, хотя, несомненно, зеркало относится к эпохе архаики. Такие зеркала «исходного» типа (по классификации

Т. М. Кузнецовой) составляют группу, относящуюся ко второй серии зеркал борисфенитского типа. Кузнецовой было известно только два подобных «исходных» зеркала. В 2019 г. я издал четыре подобных зеркала (Зуев, 2019а), а в настоящее время, благодаря большой помощи специалиста по древним и средневековым зеркалам Востока Ю. В. Оборина, имею в распоряжении конкретные сведения о восьми зеркалах с фигурой льва на конце рукояти. Их нашли в Закарпатье, на о. Березань, лесостепной Украине, в Прикубанье и на Северном Кавказе. Уже перечисление мест находок этих зеркал доказывает, что гипотеза Т. М. Кузнецовой об «исходном» типе зеркал лишена оснований. Тем более если учесть, что зеркала борисфенитского типа имеют шесть различных серий выпуска зеркал, что не позволяет свести все их разнообразие к одному «исходному» типу.

Во-вторых, объяснять трансформацию реалистичного образа «нальчикского» льва в стилизованную фигуру пантеры с рукояти зеркала, найденного у аула Хабаз в 1919 г. (рис. 1, 11), как переделку в более знакомый образ местным бронзолитейщикам – допущение несерьезное. Таким же с точки зрения искусствоведения следует признать и следующую метаморфозу хабазской пантеры в стоящую на ногах пантеру с зеркала, найденного в 1885 г. в окрестностях ст. Крымгиреевская (рис. 1, 13)², или пантеру с зеркала, найденного в 1886 г. С. А. Маза-раки в Аксютинцах (рис. 1, 14).

В-третьих, проникновение зеркал с «келермеской», или массивной (по Т. М. Кузнецовой), пантерой с Кавказа в приднепровскую лесостепь строится только на утверждении исследовательницы, что фигурки пантер Крымгиреевского и Аксютинского зеркала отлиты якобы в одной форме (рис. 1, 13, 14). Такое допущение свидетельствует о непонимании Т. М. Кузнецовой технологии производства зеркал борисфенитского типа методом литья их деталей по утрачиваемой восковой модели. Как бы ни были похожи фигурки животных, украшавших эти зеркала, они обязательно отличаются друг от друга, т. к. отливались в разных формах.

² Т. М. Кузнецова неверно называет место находки зеркала у ст. Крым-Гиреевской. Причина ошибки – заимствование этого топонима из статьи Б. Н. Гракова, опубликованной в 1947 г. на украинском языке, в котором звук «ы» передается буквой «и». Эту же ошибку допускал в своей статье и Н. Н. Бондарь (Бондарь, 1956. С. 62, рис. 1, № 54).

И это очевидно – достаточно взглянуть на фотографии пантер с этих зеркал и сравнить их размеры.

В-четвертых, очень спорно выглядит утверждение, что жители Левобережья Днепра наряду с «импортными» кавказскими зеркалами с массивными пантерами воспроизводили в мастерских города Гелона хищников образца зеркала из аула Хабаз. Эту аналогию Т. М. Кузнецова видит в форме зверя с рукояти зеркала из кургана 2 у с. Скоробор (рис. 1, 12). Но помимо стилистических отличий этих разных образов следует отметить, что зеркало из кургана 2 у Скоробора не является по своему типу даже подобием борисфенитских зеркал (рис. 1, 12)³.

После перечисленного я оставляю без комментария сделанный непонятно на каком основании вывод Т. М. Кузнецовой о том, что зеркала с массивными пантерами были принесены в Ольвию и на о. Березань из лесостепной Скифии, где стремительно «опростались» до мелкоголовых подобию: то ли гепардов, то ли волков, то ли овец. Все эти предположения, построенные на произвольной выборке материала, могли иметь место. Однако в 2003 г. экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством В. В. Назарова на городище Борисфена была исследована полуземлянка, в которой находилась металлообрабатывающая мастерская. Среди отходов производства из слоев ее заполнения была найдена отливка рукояти зеркала третьей серии борисфенитского типа (Маньчев и др., 2003. С. 35–41; Назаров, Кузьмищев, 2005. С. 178–180; Зуев, 2008. С. 41–52) (рис. 2, 4).

Однако идею, что зеркала борисфенитского типа являются продуктом скифского, негреческого производства, поддерживает и развивает киевский исследователь С. Я. Ольговский, который в 2014 г. переиздал свою книгу 2005 г. (Ольговский, 2005 = Ольговский, 2014). К сожалению, необходимо отметить, что эти монографии, как и другие его статьи на тему бронзовых зеркал Скифии эпохи архаики (Ольговский, 2017а; 2017б), мало что привносят нового в развитие научных представлений, а скорее, эпатируют новыми постановками вопросов по отношению к работам

³ Выражаю благодарность С. А. Задникову, предоставившему мне фотографии зеркала из кургана 2 у с. Скоробор, раскопанного в 1965 г. Б. А. Шрамко.

предшественников, что, впрочем, тоже имеет определенное историографическое значение.

Относительно зеркал борисфенитского типа, которые С. Я. Ольговский, делая вид, что не знаком с моими работами, продолжает называть «ольвийскими», он пишет: «К "ольвийским" относятся зеркала, диск которых имеет по краю невысокий бортик, а боковая ручка с продольными канелюрами, иногда украшенными косой насечкой "елочкой" или круглореберная, украшена на конце фигурками зверей. Это или головка барана, выполненная с различной степенью стилизации, или фигурка хищника – барса или пантеры. Достаточно редкими являются зеркала, боковая ручка которых украшена фигуркой животного, условно названного сфинксом. Иногда в месте соединения ручки и диска помещается фигурка лежащего оленя, реже кабана.

В настоящее время известно около 70 зеркал такого типа. Около половины происходит из погребений Ольвийского некрополя, территориально к этой группе можно отнести и несколько экземпляров из раскопок Березанского поселения. Довольно многочисленны такие зеркала в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе, а также на территории Трансильвании и Семиградья, где их количество практически не уступает коллекции из Нижнего Побужья. Несколько экземпляров известно на памятниках ананьинской культуры в Поволжье» (*Ольговский, 2017а, С. 210–211 = Ольговский, 2017б. С. 476*).

Отмечу сразу, что предложение называть «сфинксами» некоторые фигурки на борисфенитских зеркалах второй серии, пожалуй, единственный вклад С. Я. Ольговского в изучение рассматриваемых зеркал. Но даже простого визуального взгляда на «сфинксов» достаточно, чтобы понять, что речь идет о фигурках лежащего льва (рис. 1, 5, 10). В остальном – идиллическая картина вольности скифских мастеров украшать зеркала то головами баранов, то фигурками барсов, оленей или кабанов – это предел уровня осмысления материала С. Я. Ольговским, который не изменился со времени его первых публикаций на эту тему (*Ольговский, 1992. С. 14–21*). Отстает он и в охвате объема имеющихся сейчас материалов, ориентируясь на данные Т. М. Кузнецовой к 2002 г. – «около 70 экземпляров». В настоящее время число относимых только к третьей серии

зеркал борисфенитского типа составляет 65 экземпляров, а зеркал всех шести серий, без учета подражаний им, приближается к 200 находкам⁴.

С. Я. Ольговский убежден, что все зеркала борисфенитского типа изготавливались в лесостепном Поднепровье скифскими мастерами. Он пишет: «Активное исследование скифских памятников оседлого быта началось в середине XX в., и сейчас на правом берегу Днепра известны Трахтемировское, Жаботинское, Шарповское, Мотронинское городища; на Левобережье – Бельское, Коломакское, Кнышевское, Люботинское, Лихачевское, Полковая Никитовка. Все эти городища функционировали в VI–V вв. до н. э. и являлись крупными ремесленными и торговыми центрами. Мастерские с плавильными горнами, наборы уникальных инструментов, литейные формы, товарные слитки металла, разнообразные отходы производства, готовая и бракованная продукция по своему разнообразию и многочисленности значительно превышают аналогичные находки из греческих колоний в целом и из Ольвии в частности. Поэтому миф об исключительности колониального [греческого] ремесла можно считать развешанным» (*Ольговский, 2017а, С. 210 = Ольговский, 2017б. С. 476*).

Творцом этого мифа в отношении производства в Ольвии бронзовых зеркал С. Я. Ольговский считает Б. В. Фармаковского. Он пишет: «Свои предположения Б. В. Фармаковский ничем не подтверждал ни в тексте своего доклада "Архаический период в России", опубликованном в "Материалах по археологии России" (1914 г.), где они впервые были высказаны, ни в последующих работах. Но это вполне закономерно, поскольку о скифских поселениях и городищах лесостепной полосы, как было показано выше, ничего в то время не было известно, поэтому его точка зрения стала аксиомой, и все авторы, которые ее поддерживают, как основной (и нередко единственный) аргумент, ссылались на указанную работу» (*Ольговский, 2017а. С. 211 = Ольговский, 2017б. С. 476–477*). Так знание, эрудиция, многолетний опыт исследования Ольвии,

⁴ На 2017 г. их было известно 143 экз., но их число увеличивается за счет мониторинга аукционов, где выявляются на продажу многочисленные новые находки, в основном происходящие из разрушаемых копателями памятников.

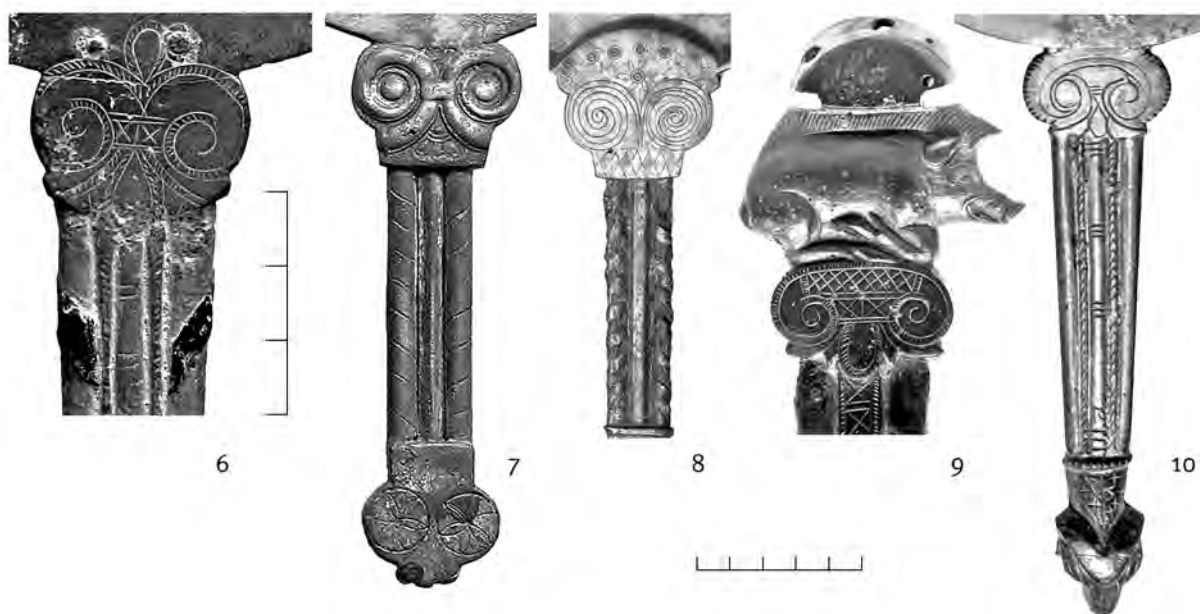
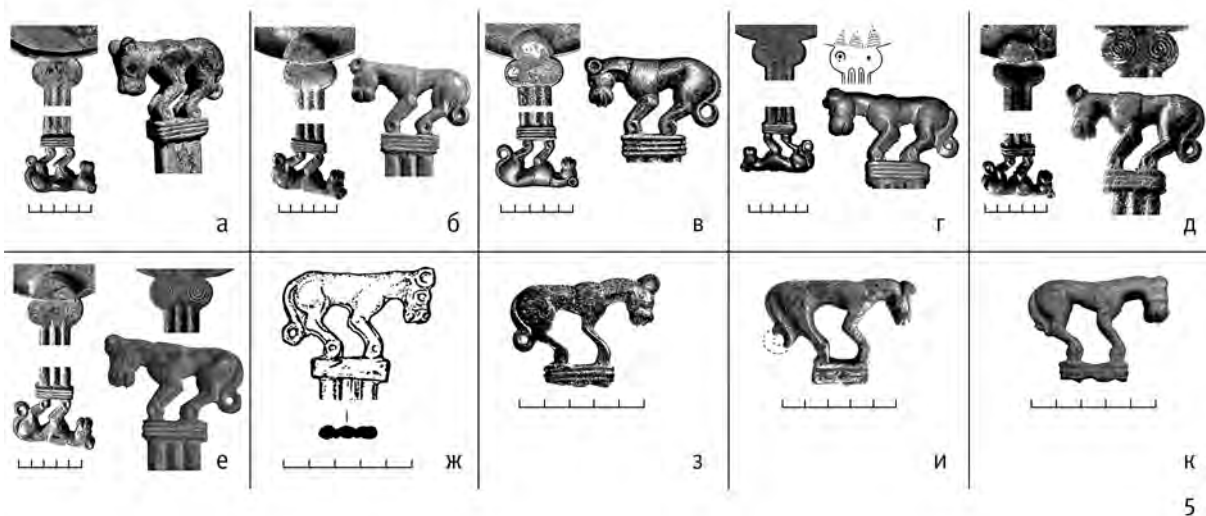
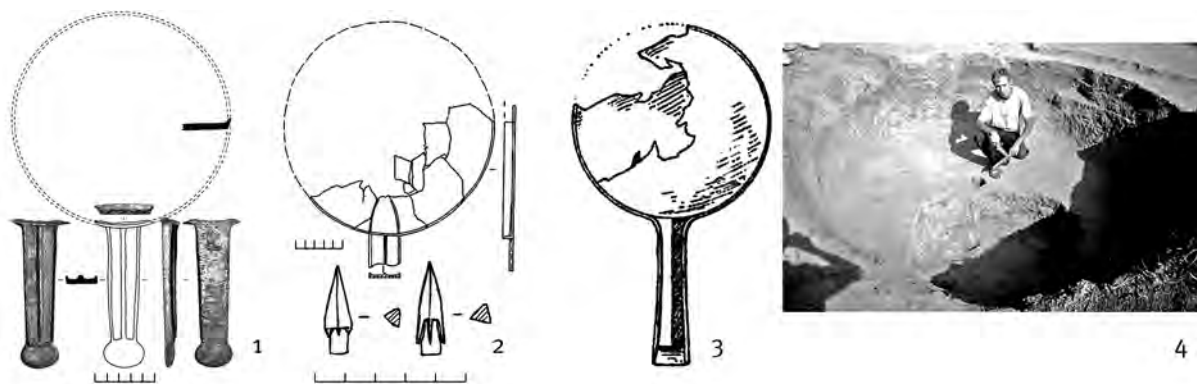


Рис. 2. 1–3 – зеркала немировского типа (1 – рукоять зеркала из слоя, перекрывающего землянку 1/1948 г., Немировское городище (Вахтина, Каиуба, 2016. Рис. 3); 2 – обломки зеркала и трехгранные наконечники стрел, курган, 1961 г., Верхние Панивцы (Могилов, 2010. Рис. 10, 22–24); 3 – зеркало, Дюрен, Германия (Schumacher, 1890)); 4 – Березанское поселение, раскопки В. В. Назарова 2003–2004 гг. на раскопе «Т», полуземлянка с металлургическим горном № 285 (Зуев, 2017. Рис. 1, 16); 5 – детали оформления первого из четырех других варианта зеркал 3-й серии борисфенитского типа (а – зеркало, Керчь, случайная находка, 2003 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 12); б – зеркало, Сумская обл., случайная находка, 2012 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 13); в – зеркало, Аксютинцы, раскопки С. А. Мазараки, 1886 г. (Minns, 1913. P. 178, Fig. 73); г – зеркало, ст. Крымгиреевская, случайная находка, 1885 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 11); д – зеркало, Ставрополье, случайная находка, 2018 г. (первая публикация); е – зеркало, Украина, случайная находка, 2017 г. (первая публикация); ж – фрагмент рукояти, Новосёлки, раскопки 1969 г. (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 6); з – фигурка пантеры, Мариуполь, случайная находка, 1888 г. (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 7); и – фигурка пантеры, Краснодарский край, случайная находка, 2015 г. (первая публикация); к – фигурка пантеры, степной Крым, случайная находка, 2014 г. (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 8)); 6–10 – гравировки на рукоятях зеркал борисфенитского типа (6 – зеркало 1-й серии, Краснодарский край, случайная находка, 2016 г. (Зуев, 2018. Рис. 1, 1); 7 – зеркало 1-й серии, Хмельницкая обл., случайная находка, 2016 г. (Зуев, 2017. Рис. 1, 4); 8 – зеркало 1-й серии, Братышев, 1934 г., курган II (Зуев, 2018. Рис. 2, 2); 9 – рукоять зеркала 2-й серии, Белгородская обл., случайная находка, 2016 г. (Оборин, 2019. Рис. 1); 10 – зеркало 5-й серии, пограничье Пятигорья и Кабардино-Балкарии, случайная находка, 2019 г. (первая публикация))

Fig. 2. 1–3 – mirrors of the Nemirov type (1 – handle of a mirror from the layer covering dugout 1/1948, Nemirov hillfort (Вахтина, Каиуба, 2016. Рис. 3); 2 – fragments of a mirror and trihedral arrowheads, barrow, 1961, Verkhniye Panivtsy (Могилов, 2010. Рис. 10, 22–24); 3 – mirror, Düren, Germany (Schumacher, 1890)); 4 – Berezan settlement, investigations by V. V. Nazarov in 2003–2004 at excavation “Т”, dugout house with a metallurgic kiln no. 285 (Зуев, 2017. Рис. 1, 16); 5 – details of the design of the first and four other variants of mirrors of the 3rd series of the Borysthenitic type (а – mirror, Kerch, stray find, 2003 (Зуев, 2017. Рис. 1, 12); б – mirror, Sumskaia oblast, stray find, 2012 (Зуев, 2017. Рис. 1, 13); в – mirror, Aksyutintsy, excavations by S. A. Mazaraki, 1886 (Minns, 1913. P. 178, Fig. 73); г – mirror, Krymgireyevskaya village, stray find, 1885 (Зуев, 2017. Рис. 1, 11); д – mirror, Stavropol Kray, stray find (first publication); е – mirror, Ukraine, stray find, 2017 (first publication); ж – fragment of handle, Novosyolki, excavations of 1969 (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 6); з – figurine of a panther, Mariupol, stray find, 1888 (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 7); и – figurine of a panther, Krasnodar Kray, stray find, 2015 (first publication); к – figurine of a panther, steppe Crimea, stray find, 2014 (Бажан, Зуев, 2014. Рис. 8, 8)); 6–10 – engravings on handles of mirrors of the Borysthenitic type (6 – mirror of the 1st series, Krasnodar Kray, stray find, 2016 (Зуев, 2018. Рис. 1, 1); 7 – mirror of the 1st series, Khmel'nitsk oblast, Ukraine, stray find, 2016 (Зуев, 2017. Рис. 1, 4); 8 – mirror of the 1st series, Bratyshev, Ukraine, 1934, barrow II (Зуев, 2018. Рис. 2, 2); 9 – handle of a mirror of the 2nd series, Belgorod oblast, stray find, 2016 (Оборин, 2019. Рис. 1); 10 – mirror of the 5th series, border between Pyatigorsk region and Kabardino-Balkaria, stray find, 2019 (first publication))

широчайший кругозор Б. В. Фармаковского ставится под сомнение, а все последующие исследователи персонально упрекаются в слепом принятии на веру мнения мэтра: в восприятии С. Я. Ольговского таковы Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич⁵, С. И. Капошина, Б. Н. Граков⁶, Е. О. Прушевская, Н. Н. Бондарь, В. Д. Блаватский, А. И. Фурманская, В. А. Ильинская, Н. Л. Членова, М. В. Скржинская, А. С. Островерхов, В. Ю. Мурзин, М. Ю. Вахтина. Составив перечень всех «слепо верующих одной фразе» последователей Б. В. Фармаковского, Ольговский заключает свой печальный историографический обзор: «Только в 1962 г. В. М. Скуднова

подняла вопрос о невозможности производства зеркал в Ольвии. <...> В. М. Скуднова ставит ряд закономерных вопросов. Во-первых, если эти зеркала происходят из Ольвии, то кто их изготовлял? Ведь основные следы ольвийской металлообработки относятся, в лучшем случае, к V в. до н. э. Во-вторых, почему другие памятники в скифском зверином стиле, найденные в Поднепровье, Крыму, на Кубани, в Венгрии и Трансильвании, считаются изделиями разных центров, а все зеркала, украшенные фигурками зверей, тоже найденные в разных местах, принято относить к изделиям только Ольвии. В-третьих, почему из Ольвии зеркала везли в Венгрию, Подолию, на Северный Кавказ и на Волгу, но кроме зеркал ничего не вывозили в эти районы ни в VI, ни в V вв. до н. э. Зеркало с оленем и пантерой, найденное на Тамани, принято считать привезенным из Ольвии, хотя в этом же районе имеется ряд памятников скифского звериного стиля VI и V вв. до н. э., с которыми это зеркало тесно

⁵ С. Я. Ольговский из работы в работу с завидным упорством его именует Б. Ф. Гайдукевичем.

⁶ С. Я. Ольговский его критикует за идею о торговых путях на восток из Ольвии, оспаривая их существование и считая, что скифы сами конвергентно распространяли продукцию бронзолитейных мастерских из Поднепровья по всему ареалу культур номадов до Кавказа и Урала на востоке.

связано, но их никто не причисляет к ольвийским изделиям. <...> В. М. Скудной не хватило аргументов, чтобы окончательно доказать свою точку зрения. Она еще не была знакома с материалами раскопок скифских ремесленных центров лесостепного Поднепровья, которые начали только поступать в научный оборот. Но, по существу, это был первый случай объективного подхода к проблеме происхождения зеркал, выполненных в зверином стиле. В. М. Скудная преодолела чувство слепого почтения авторитетов, пребывавших в пелене "великоантичного шовинизма", что и должно быть присуще ученому», – завершает свою инвективу «слепым» С. Я. Ольговский, причисляя к прозревшим ученым, естественно, себя (*Ольговский*, 2017а. С. 212–213 = *Ольговский*, 2017б. С. 480–482).

После такого категоричного рассмотрения историографии проблемы (бедная Варвара Михайловна!), казалось бы, мы вправе ожидать от С. Я. Ольговского убедительных доказательств, который дал ему «объективный подход к проблеме происхождения зеркал». Увы, но его-то и нет в работах Ольговского последнего времени. Он самоуверенно продолжает повторять, как мантру: «Нет никаких следов производства зеркал и в греческих колониях. А это должны быть литейные формы или их обломки, бракованная продукция, экземпляры, только вышедшие из литейной формы – с литниками, литейным швом и пр. Более того, уровень собственно греческого бронзолитейного ремесла в Нижнем Побужье был крайне низким» (*Ольговский*, 2017а. С. 214). И что особо важно и даже поразительно: «Таким образом, нет никаких оснований говорить о производстве зеркал с элементами звериного стиля в Ольвии. У нас нет прямых доказательств изготовления их в конкретных скифских ремесленных центрах (выделено мной. – В. З.). Однако оригинальность изображений животных позволяет с уверенностью считать авторами этих зеркал варварских мастеров, а различие химико-металлургических характеристик металла указывает на возможность производства их в нескольких ремесленных центрах или различными группами бродячих мастеров, пользовавшихся металлом из различных источников» (*Ольговский*, 2017а. С. 216 = *Ольговский*, 2017б. С. 479).

Относительно открытий на Березани металлургического производства, связанного с производством зеркал борисфенитского типа, С. Я. Ольговский хранит поразительную неосведомленность. Но в полемике о производстве «ольвийских» зеркал требует, чтобы были предоставлены факты такого производства в Ольвии, на Березани или в других «античных центрах», и делает это лукаво, прекрасно зная, что они есть! Если незнание об открытии В. В. Назарова в 2003–2004 г. на Березани можно было объяснить тем, что в 2005 г. (когда вышло первое издание «Скифо-античной металлообработки» Ольговского) он просто не успел внести в текст какую-то редакцию, то этого нельзя оправдать 15 лет спустя, к тому же С. Я. Ольговский воспроизводит в своих книгах и статьях мои зарисовки березанского зеркала, найденного в 2006 г.⁷

В вопросе о генезисе бронзовых зеркал с боковыми рукоятями С. Я. Ольговский высказывает еще одно экстравагантное допущение. Ссылаясь на работы Е. Е. Кузьминой 1966 г. и В. И. Сарияниди 1981 г., он пишет: «Последние открытия (sic! – В. З.) в Средней Азии, в частности в Бактрии и Семиречье, дают основание утверждать, что зеркала с боковой ручкой также были известны восточным кочевникам задолго до начала их миграции в Северное Причерноморье. <...> В целом же в эпоху поздней бронзы зеркала с боковой ручкой были распространены на территории Ирана, Месопотамии, Палестины, Индии, Китая (*Кузьмина*, 1966, с. 69). *К сожалению, мы не имеем данных, которые позволили бы проследить дальнейшее развитие зеркал, но, как представляется, есть все основания говорить о Востоке как об одном из возможных путей проникновения зеркал с боковой ручкой в Северное Причерноморье»* (*Ольговский*, 2017 а. С. 215) (выделено мной – В. З.). Помимо отсутствия данных для этих допущений, вынужден огорчить С. Я. Ольговского в отношении Китая. По сведениям крупнейшего

⁷ С. Я. Ольговский вносит дезинформацию, утверждая, что это находка 2007 г. (*Ольговский*, 2017а. С. 233, рис. 4, 5 = *Ольговский*, 2017б. С. 480, рис. 4, 5) на самом деле это было им заимствовано из моей статьи 2008 г. (*Зув*, 2008. Рис. 2, 1, 2). Следует отметить, что в работах 2017 г. С. Я. Ольговский публикует рисунок пантерки на цапфе с конца рукояти зеркала, которая, по его указанию, была найдена на Березани (*Ольговский*, 2017а. С. 233, рис. 4, 6 = *Ольговский*, 2017б. С. 480, рис. 4, 6). Но никаких сведений о том, кто, когда и где нашел этот фрагмент зеркала, он не сообщает.

современного специалиста по китайским зеркалам Ю. В. Оборина, в раннем железном веке китайские зеркала с боковыми рукоятями – это нонсенс: зеркала с зооморфными боковыми выступами известны в Ордосе, но это не Китай и не боковые рукояти, а в Китае зеркала с боковыми рукоятями появляются только в эпоху династии Цзинь (1115–1234 гг. н. э.).

Однако идея возможности удревнения бронзовых зеркал с боковыми рукоятями в Северном Причерноморье имеет популярность, хотя убедительных примеров реализации такой возможности пока неизвестно. Так, М. Ю. Вахтина и М. Т. Кашуба в серии работ попытались удревнить дату бронзовых зеркал с бортиком по краю диска и тремя вертикальными ребрами жесткости на оборотной стороне рукоятей зеркал (рис. 2, 1), которые они считают близкими зеркалам борисфенитского типа. М. Ю. Вахтина и М. Т. Кашуба пытаются датировать их концом VII в. до н. э., увязывая находку рукояти такого зеркала из слоев Немировского городища с фрагментами сосудов ионийской ориентализированной керамики типа ойнохой из Темир-Горы (Вахтина, Кашуба, 2016; 2017; Смирнова и др., 2018. С. 184; Kashuba, Vakhtina, 2016). Но как показали стратиграфические наблюдения, эти находки происходят из разных слоев Немировского городища, а исследовательницы не учитывают находки таких зеркал как в погребальных памятниках второй половины VI в. до н. э. – финала скифской архаики (рис. 2, 2), так и в контексте более поздних комплексов (рис. 2, 3) (Зуев, 2019б). Зеркала, подобные рассматриваемой М. Ю. Вахтиной и М. Т. Кашубой находке, не имеют никакого отношения к составным зеркалам борисфенитского типа и образуют самостоятельный тип бронзовых цельнолитых зеркал, который вполне возможно называть немировским.

В итоге, можно констатировать, что борисфенитские зеркала в Причерноморском регионе появились около середины VI до н. э. как продукция полиса Борисфен и сосуществовали как с более ранними дисковидными зеркалами с бортиком по краю, постепенно сменяя их в обиходе материальной культуры, так и с иными типами зеркал эпохи поздней архаики (зеркала коринфского типа, немировского типа, зеркала-подражания борисфенитским образцам, изготовление которых, вероятно,

связано с металлургическими центрами лесостепных «городов» Скифии). Мы имеем место производства этих зеркал в контексте жилой застройки Борисфена, где была найдена отливка рукояти зеркала, относящееся к третьей серии зеркал этого типа (рис. 2, 4). Немаловажно отметить, что недалеко от этой полуземлянки с горном находилась другая, синхронная по времени бронзолитейная мастерская, где экспедицией Государственного Эрмитажа были найдены слитки-заготовки оловянистой бронзы (Доманский, Марченко, 2004).

Зеркала борисфенитского типа четко делятся на шесть серий их выпуска (рис. 1, 4–9), что свидетельствует об особом планировании и логистике проведения работ и сбыту продукции, т. е. практически о промышленном характере производства таких зеркал. Более того, крупные серии, например третья, подразделяются на четыре варианта по оформлению фигуры наверший и фигурок пантер, а также трактовке стволы рукоятей (рис. 2, 5, а–к). Трудно доказать, имеется ли в этих переменах хронологическая последовательность эволюции зеркал одной серии, но то, что эти изменения делались в одном производственном центре продуманно и с учетом знания предшествующих форм, – несомненный факт. Иначе более разнообразными, при этом и единичными, были бы детали при производстве этих зеркал в разных мастерских, однако в случае с сериями борисфенитских зеркал речь идет о десятках экземпляров серий и их вариантов.

Одно интересное наблюдение позволяет предположить, что зеркала разных серий запускались в производство одновременно. Мы имеем пять зеркал трех разных серий, которые дополнительно украшены гравировками, по рисунку выдающими одну руку мастера (рис. 2, 6–10). А это значит, что зеркала первой, второй и пятой серии (как это показывает собранный волей случая материал) к моменту нанесения гравировок существовали как отлитые и собранные в единый предмет изделия.

Проведенный анализ показывает, что зеркала борисфенитского типа представляют интересный массовый материал художественного литья эпохи архаики, которое является продукцией единого производственного центра. Этим центром с середины VI в. до н. э. был полис, организованный милетскими колонистами на полуострове в Понте

Евксинском, который позже стал островом Березанью. Кратко оценивая здесь ситуацию с археологическим материалом для восстановления картины производства и бытования зеркал борисфенитского типа на просторах Скифии, отмечу, что именно Ольвия с ее торговыми связями и стратегическим положением в Нижнем Побужье могла стать тем центром, откуда эти произведения художественного литья с «Торжища борисфенитов» распростра-

нялись как на запад, так и на юго- и северо-восток, вплоть до Кавказского хребта и южных отрогов Урала. Как проходили эти пути по просторам Евразии, почему зеркала борисфенитского типа имели такое широкое распространение, в чем причина случайности их нахождения вне контекста археологических памятников – тема дальнейших интересных и, учитывая массовость материала, плодотворных исследований.

- Бажан, Зуев, 2014* – Бажан И. А., Зуев В. Ю. Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 5–29.
- Бондарь, 1956* – Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // СА. 1955. Т. XXIII. С. 58–80.
- Вахтина, Кацуба, 2016* – Вахтина М. Ю., Кацуба М. Т. Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25–27 апреля 2016 г. / Отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 42–48, 267–269.
- Вахтина, Кацуба, 2017* – Вахтина М. Ю., Кацуба М. Т. Немировское городище (бассейн Южного Буга) в раннем железном веке: из опыта работы со старыми коллекциями // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2017. № 8. С. 43–72.
- Доманский, Марченко, 2004* – Доманский Я. В., Марченко К. К. Базовая функция раннего Борисфена // Boristhenika-2004. Материалы междунар. науч. конф. к 100-летию изучения Березани Э. Р. Фон Штерном / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Николаев: ИА НАНУ, Нац. ист.-арх. заповедник «Ольвия», 2004. С. 23–28.
- Зуев, 2008* – Зуев В. Ю. Бронзовые зеркала с острова Березань // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного Международного круглого стола, посвящ. 10-летию конференции «Боспорский феномен» / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 41–52.
- Зуев, 2017* – Зуев В. Ю. Типология борисфенитских зеркал // Північне Причорномор'я за античної доби (за пошану С. Д. Крижицького) / Гол. ред. Н. О. Гаврилюк. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 144–154.
- Зуев, 2018* – Зуев В. Ю. Первая серия зеркал борисфенитского типа // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПбГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 25–47.
- Зуев, 2019а* – Зуев В. Ю. Об одной серии зеркал борисфенитского типа // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Выпуск 2. Сборник научных трудов, посвящ. 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-н-Д.: Типография «Лаки-Пак», 2019. С. 232–243.
- Зуев, 2019б* – Зуев В. Ю. Рукоять зеркала из Немировского городища (к дискуссии о хронологии и функции зеркал архаического периода) // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V Междунар. науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 15–21.
- Зуев, 2019с* – Зуев В. Ю. Типология борисфенитских зеркал // Древность: историческое знание и специфика источника. Избранные доклады и статьи / Отв. ред. выпуска Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова. М.: ИВ РАН, 2019. С. 161–177, 263–264. (Труды Института востоковедения РАН. Вып. 21).
- Кузнецова, 1991* – Кузнецова Т. М. Этюды по скифской истории. М.: ИА АН СССР, 1991. 150 с.
- Кузнецова, 2002* – Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III в. до н. э. М.: Индрик, 2002. Т. I. 350 с.
- Кузнецова, 2017* – Кузнецова Т. М. Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова) // Старожитності раннього залізного віку / Вид. ред. С. А. Скорый. Київ: ІА НАН України, 2017. С. 479–485. (Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23)).
- Маньчев и др., 2003* – Маньчев В. И., Назаров В. В., Недопако Д. П., Паньков С. В. Новая находка бронзового зеркала на о. Березань // BORISTHENIKA-2004. Материалы междунар. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Николаев: ИА НАНУ, Нац. ист.-арх. заповедник «Ольвия», 2004. С. 35–41.

- Назаров, Кузьмищев, 2005 – Назаров В. В., Кузьмищев А. Г. К проблеме интерпретации одной позднеархаической полуземлянки на о. Березань // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 178–180.
- Мурзін, 1991 – Мурзін В. Ю. 86. Дзеркало // Золото степу. Археологія України / Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine / Авт.-упор. П. П. Толочко, В. Ю. Мурзін. Київ; Шлезвіг: ІА НАН України, 1991. С. 303, 360, № 86.
- Ольговский, 2005 – Ольговский С. Я. Скифо-античная металлообработка архаического времени. Киев: Укрпрессполіграф-експо, 2005. 202 с.
- Ольговский, 2014 – Ольговский С. Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н. э.: по материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014. 278 с.
- Ольговский, 2017а – Ольговский С. Я. О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III междунар. науч. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Отв. ред. С. И. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, 2017. С. 209–223. (Археология Евразийских степей. № 3).
- Ольговский, 2017б – Ольговский С. Я. Существовал ли караванный путь из Ольвии на Урал и в Поволжье в архаическую эпоху // Старожитності раннього залізного віку / Вид. ред. С. А. Скорый. Київ: ІА НАН України, 2017. С. 476–483. (Археологія і давня історія України. Вип. 2(23)).
- Ольговський, 1992 – Ольговський С. Я. Походження дзеркал «ольвійському» типу // Археологія. 1992. № 3. С. 14–21.
- Оборин, 2019 – Оборин Ю. В. Ручка античного зеркала борисфенитского типа. URL: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQUA_MIRRORS_HANDLE. Дата обращения 16.11.2019.
- Онайко, 1973 – Онайко Н. А. Архаические памятники в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 143–144.
- Смирнова и др., 2018 – Смирнова Г. И. (†), Вахтина М. Ю., Каиуба М. Т., Старкова Е. Г. (Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.). Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. 336 с.
- Kashuba, Vakhtina, 2016 – Kashuba M., Vakhtina M. Bronze Mirror from the Old Excavations of Nemirovo city-site on the Southern Bug (with the supplement by Sergei Khavrin) // Culturi, Procese și Contexte în Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani / Ed. L. Sîrbu et al. Chișinău: IPC AȘM, 2016. P. 268–277.
- Minns, 1913 – Minns E. H. Scythians and Greeks. A survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.

Phenomenon of mirrors of the Borysthenitic type in Eurasia of the Archaic Scythian period

V. Yu. Zuyev

This paper discusses the problem of the peculiarity of the bronze mirrors of the Borysthenitic type which are encountered at sites of the early nomads of Eurasia of the Archaic epoch. Contrary to the accepted opinion that these mirrors were manufactured in different metallurgic centres of Scythia, the author argues that they were cast in series at a single manufacturing workshop at the Greek polis of Borysthenes in the second half of the 6th century BC. Presently, about 200 mirrors of the Borysthenitic type belonging to six series have been reported. Some mirrors of different series

were decorated with engravings executed by one and the same artisan. The area of distribution of these mirrors ranges from Transylvania in the west to as far as the Southern Urals and Northern Ciscaucasia in the east. These territories, including entire Scythia, with colonies of the Mileseans in the lower Bug region (Borysthenes and Olbia) were tied by trade routes via which products of the Borysthenian workshops spread far inland of the steppe spaces of Eurasia. Mirrors of the Borysthenitic type are a remarkable phenomenon of the Greek art castings.

АРХЕОЛОГИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО САХАРНОГО ЗАВОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

С. Е. Шуньгина¹

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований, которые проводились в 2016 г. в связи с предстоящей реконструкцией территории в границах двух соседних участков в Санкт-Петербурге: на Пироговской набережной, д. 13, лит. Т, и в Евпаторийском переулке, д. 10, лит. В. В ходе работ получены материалы, свидетельствующие о деятельности сахарного завода, существовавшего на этом месте с начала XVIII в. и до 1918 г.

Annotation. This paper presents the results of archaeological investigations carried out in 2016 in connection with the planned reconstruction of the territory within two neighbouring areas in Saint Petersburg: on the Pirogovskaya Embankment, house 13, lit. T, and in the Yevpatoriysky Lane, house 10, lit. V. In the course of the investigations, the evidence has been obtained on the activities of the sugar factory found in this locality from the beginning of the 18th century until 1918.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, XIX–XX вв., сахарный завод, керамические формы для изготовления сахарных голов.

Keywords: Saint Petersburg, 19th–20th century, sugar factory, ceramic moulds for production of sugarloaves.
doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-294-301

В связи с проектом предстоящей реконструкции территории в Санкт-Петербурге на двух соседних участках по наб. Пироговской, д. 13, лит. Т, и Евпаторийскому пер., д. 10, лит. В сотрудниками ООО «НИИПИ Спецреставрация» в 2016 г. было проведено археологическое обследование и заложено 10 шурфов.

В раннее время прибрежные территории уже были освоены: по данным шведских планов XVII в., неподалеку от места исследований располагалась деревня Masula (фин. Maquila, «деревня на твердой земле»), широкой полосой вдоль берега лежали пашни и луга, «нагорная» часть была занята лесом. Информация об этом имеется в доступных картографических материалах и в работе С. Кепсу (2000.

С. 32–33). В петровское время начали создаваться первые промышленные предприятия. Среди них указом от 14 марта 1718 г. купцу Вестову были даны привилегии на 10 лет на устройство в Москве сахарного завода и позволение «в ту компанию призывать ему кого похочет» и о невзыскании с него пошлин как за привоз, так за продажу сахара в течение трех лет. В этом же указе записано о дальнейшем запрете вывоза из-за моря сахара «в то время, как завод умножится» (Полное собрание законов, 1830. С. 554). К 1720 г. завод был создан не в Москве, а в Санкт-Петербурге на Выборгской стороне на берегу Большой Невки, куда по реке удобно было доставлять сырье и другие материалы и, соответственно, отгружать готовый товар. Местоположение сахарного завода зафиксировано на планах 1738 и 1798 гг. (рис. 1; 2).

С начала XIX в. завод продолжал свое существование и последовательно принадлежал разным

¹ 191023, Россия, Санкт-Петербург, Банковский пер., д. 3, 3-й этаж. ООО «НИИПИ Спецреставрация». Адрес электронной почты: sveshun@mail.ru.

владельцам: петербургскому купцу 1-й гильдии И. Бангу (начало XIX в.), нарвским купцам 1-й гильдии Л. И. Штиглицу и И. Х. Мейеру (с 1820 г.), купцу 1-й гильдии и фабриканту М. Е. Карру (с 1851 г.; рис. 3), предпринимателю Л. Е. Кенигу (с 1862 г.; рис. 4) и его наследникам (до 1918 г.). За это время территория сахарного завода разрасталась, производство увеличивалось и совершенствовалось. Важным источником по истории сахарного завода семьи Кенигов является описание, составленное Н. М. Орловым и предназначенное для Всероссийской Киевской Сельскохозяйственной и Промышленной Выставки 1913 г. В нем отражена краткая история завода, обозначена функция корпусов и их состояние, оборудование, подробно описан процесс изготовления сахара (Орлов, 1913).

В 1930 г. территория бывшего сахарного завода была присоединена к территории завода «Двигатель», который в дореволюционное время назывался «Машино-строительный, чугуно-литейный и котель-

ный завод Г. А. Лесснера» и располагался рядом, на соседнем прибрежном участке. С этого времени на предприятии выполнялись военные заказы.

В ходе археологической разведки получены материалы, преимущественно свидетельствующие о деятельности сахарного завода во второй половине XIX – начале XX в., когда он принадлежал Л. Е. Кенигу и его наследникам, – это был период расцвета предприятия. Более ранние находки представлены лишь единичными фрагментами изразцов XVIII в. с кобальтовой росписью.

К периоду второй половины XIX в. относятся подсыпки, зафиксированные в западной части исследуемого квартала: в шурфе 1 – по Пироговской наб. и в шурфе 1 – по Евпаторийскому пер. (рис. 5). Подсыпки связаны с осушением этой части территории и ее благоустройством. Они представляют собой прослойки темно-серого мешаного слоя со строительным мусором мощностью до 1,5 м. Эти факты подтверждаются также архивными данными,



Рис. 1. План Санкт-Петербурга 1738 г., опубликованный Петровым. Фрагмент. Под литерой Е обозначен Сахарный двор

Fig. 1. Plan of Saint Petersburg of 1738 published by Petrov. Fragment. Letter E marks the Sugar Yard



Рис. 2. Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 55 кварталов, сочиненный в Санкт-Петербурге при Сенате. 1798 г. (ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 168, д. № 319, л. 157)

Fig. 2. Atlas of the Metropolitan city of Saint Petersburg composed of eleven parts and 55 city blocks, drawn in Saint Petersburg under the Senate. 1798 (Central state archives of St. Petersburg – TsGIASpB. Archive group 513, inv. 168, file no. 319, sheet 157)

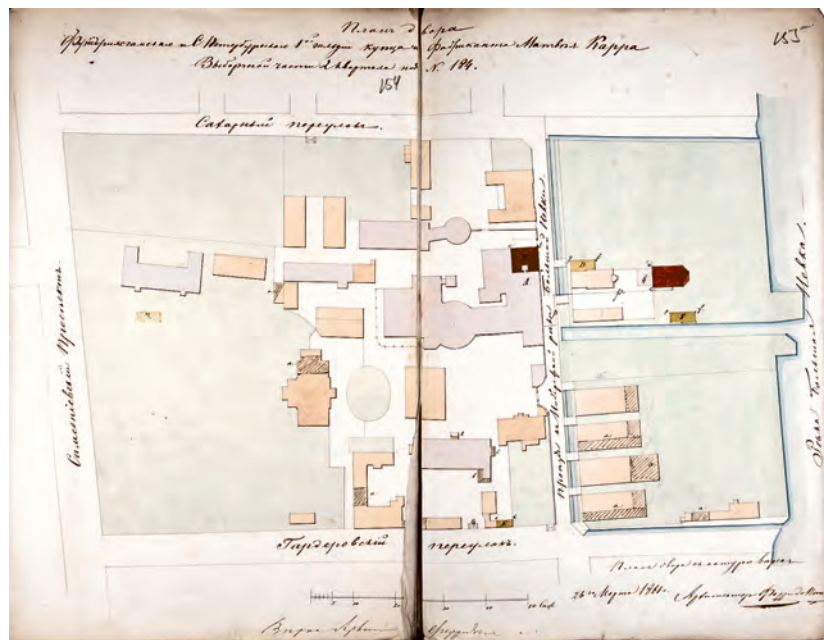


Рис. 3. План двора купца 1-й гильдии фабриканта Матвея Карра Выборгской части 2 квартала под № 184. 1861 г. (ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 102, д. № 2836, л. 154, 155)

Fig. 3. Plan of the property of merchant of the top guild, factory owner Matvey Karr of the 2nd quarter of the Vyborg side under no. 184. 1861. (TsGIASpb. Archive group 513, inv. 102, file no. 2836, sheets 154, 155)

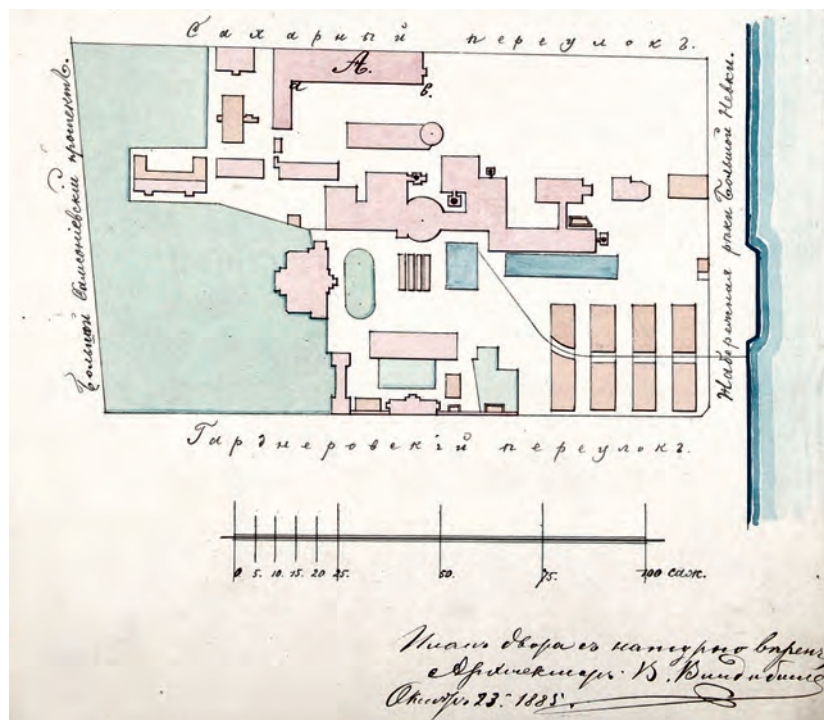


Рис. 4. План двора статского советника Л. Е. Кенига Выборгской части 2 участка под № 3. 1885 г. (ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 102, д. № 2835, л. 205)

Fig. 4. Plan of the courtyard of Councillor of State L. E. Kenig of the 2nd quarter of the Vyborg side under no. 3. 1885. (TsGIASpb. Archive group 513, inv. 102, file no. 2835, sheet 205)

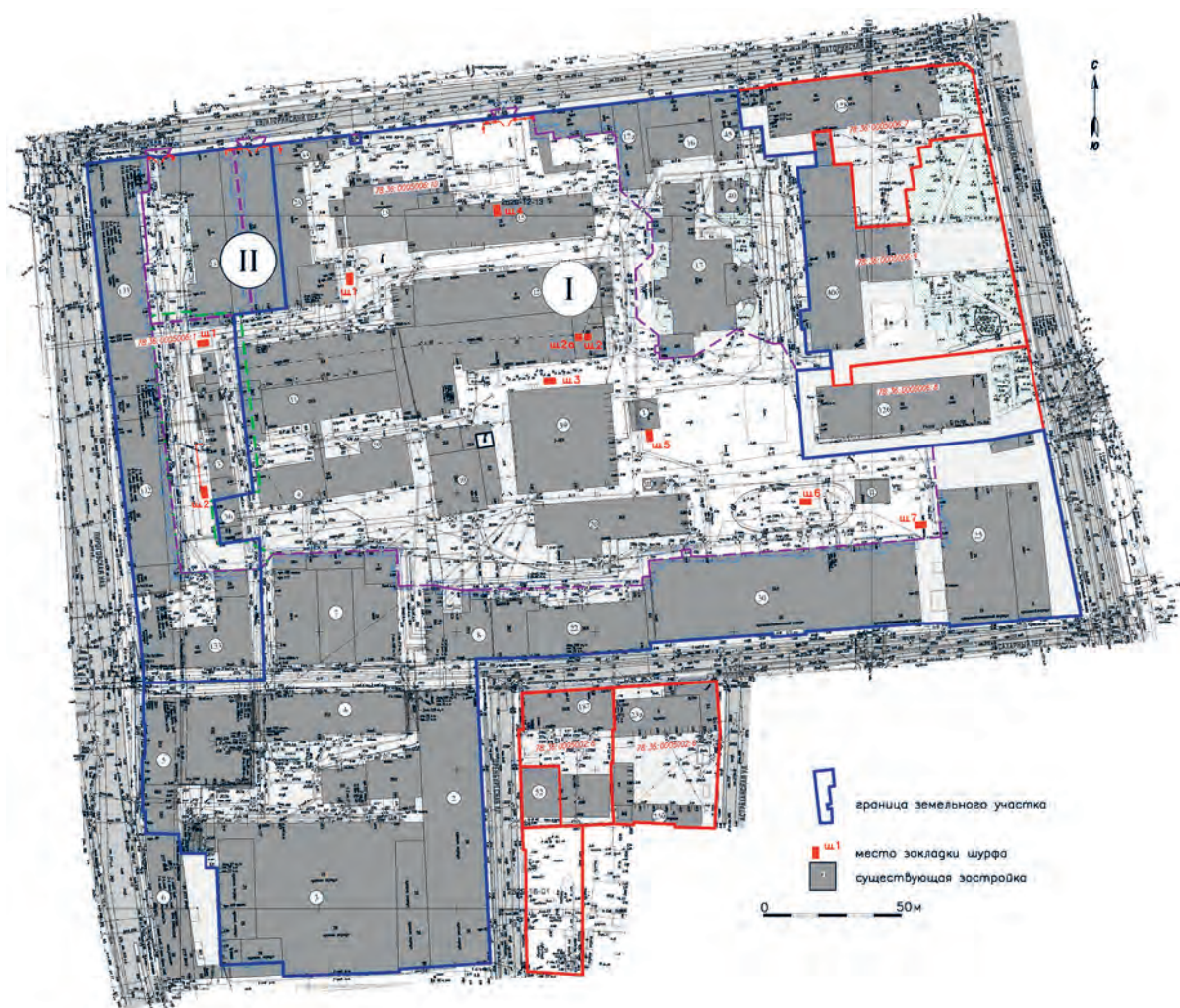


Рис. 5. Санкт-Петербург, Пироговская наб., д. 13, лит. Т (I); Евпаторийский пер., д. 10, лит. В (II). Ситуационный план археологических исследований

Fig. 5. Saint Petersburg, Pirogovskaya Embankment, house 13, letter T (I); Yevpatoriysky Lane, house 10, letter B (II). Site plan of the archaeological investigations

которые свидетельствуют о том, что в 1864 г. при постройке набережной и осушении участка в северо-западной части усадьбы, где позже были размещены склады для сырца, был привезен строительный мусор из разрушенного дома, стоявшего на месте строившегося дворца князя Владимира Александровича (современный адрес: Дворцовая набережная, д. 26). В глубокую впадину было насыпано слоя в 4 аршина толщиной, чтобы уравнять ее с остальной территорией усадьбы (ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 102, д. № 2836, л. 156 об., 157; Орлов, 1913. С. 3).

В шурфах 1 и 2, заложенных на земельном участке по Евпаторийскому пер., зафиксированы горизонтально залегающие напластования мощностью от 0,24 до 0,62 м, насыщенные отходами са-

харного производства – отработанной костяной крупкой², которая использовалась для очистки сахарного сиропа. В первом случае прослойка зафиксирована на глубине 1,17 м БС (около 1,75 м от уровня современной дневной поверхности), под нею последовательно залегают напластования темно-коричневого мешаного слоя с включениями костяной крупки, фрагментов керамических форм для изготовления сахара и заторфованная предматериковая прослойка. Все эти напластования имеют общую мощность около 1,8 м (рис. 6). В шурфе 2

² Костеугольную крупку получали на специальных заводах из предварительно измельченных и обезжиренных костей животных прокаливанием в течение 8–12 ч при 700 °С без доступа воздуха.

прослойка крупки зафиксирована в темно-сером заторфованном слое на глубине 0,64–0,75 м БС (около 2,5 м от уровня современной дневной поверхности) и прослежена до дна шурфа на уровне 0,07 м БС (материк в шурфе 2 не достигнут из-за активных грунтовых вод) (рис. 7).

Следы деятельности сахарного завода представлены также фрагментами производственной красноглиняной керамики (толстостенные горшки и конусовидные формы для изготовления сахарных голов), собранной в мешаных слоях в нижней и верхней частях отложений (рис. 8). Всего обнаружено 55 фрагментов горшков (один – с клеймом производителя) и 115 фрагментов форм для изготовления сахара (три – с клеймами производителей) и ни одного целого предмета. Фрагменты были найдены во всех шурфах на обоих участках, за исключением шурфов 3 и 4 на участке по Пироговской наб. Это обстоятельство вполне объяснимо. Шурф 3 был заложен в границах существовавшего на территории завода главного производственного здания, ныне снесенного (на его месте сейчас стоит новый корпус). В этом шурфе были исследованы только переотложенные напластования и вскрыты современные коммуникации. Шурф 4 заложен

в интерьере производственного цеха с целью изучения степени сохранности напластований внутри здания, при этом во времена существования сахарного завода этот участок был застроен еще в середине XIX в.

Производственная керамика сделана из хорошо отмученного однородного теста. Поверхность гладкая (что объясняется ее назначением), одноцветная, при этом полива темно-коричневого цвета присутствует на внутренней стороне только у горшков. Формы для сахарных голов имеют форму конуса (широкая часть сверху) с прямым венчиком и отверстием в днище. Размеры: диаметр венчиков 24 см, диаметр дна около 3 см, диаметр нижнего отверстия для вытекания патоки 5–6 мм, толщина венчиков у различных фрагментов колеблется от 7 до 15 мм, толщина стенок в придонной части около 7–10 мм. Полная высота форм может быть определена только предположительно и при реконструкции составила около 50 см (рис. 9). В целом, все зависело от объемов поставляемой продукции: сахарные головы весили 1 пуд (16,38 кг), 1/2 пуда и менее. Таким образом, формы были разной высоты и диаметра, но в нашем случае присутствует только один размер.

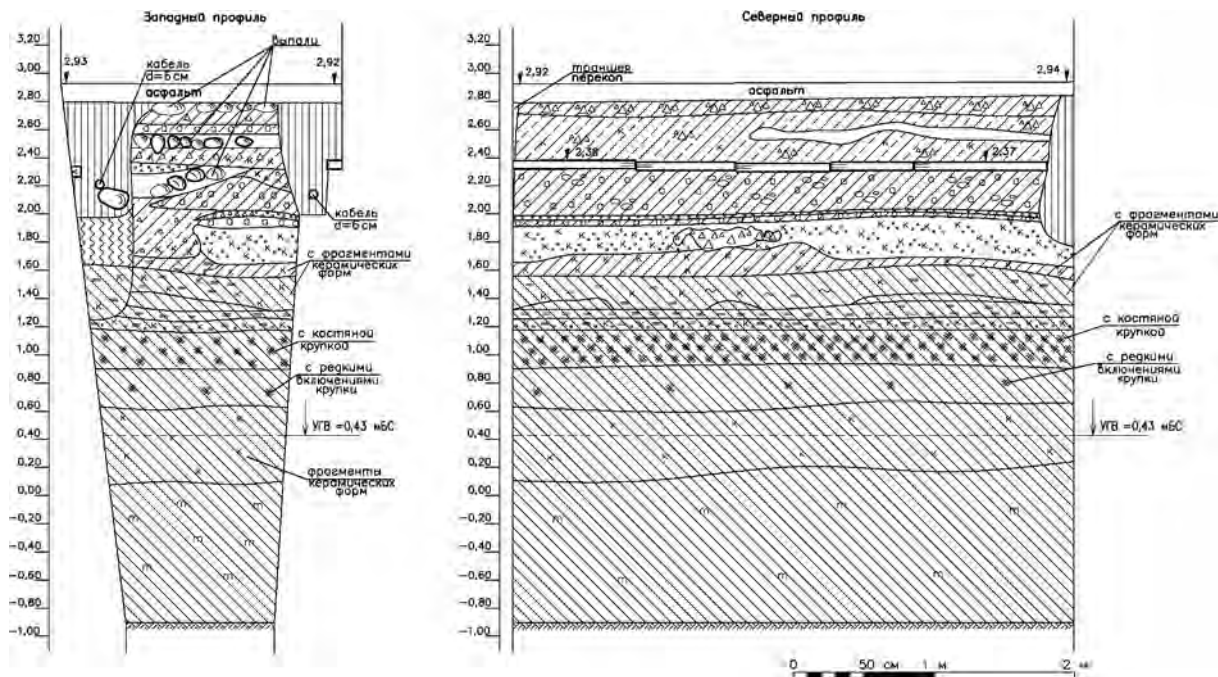


Рис. 6. Санкт-Петербург, Евпаторийский пер., д. 10, лит. В. Шурф 1. Стратиграфия

Fig. 6. Saint Petersburg, Yevpatoriysky Lane, house 10, letter B. Trench 1. Stratigraphy



Рис. 7. Санкт-Петербург, Евпаторийский пер., д. 10, лит. В. Шурф 2. Общий вид с запада на этапе завершения работ. Прослойка костяной крупки, прослеженная в нижней части напластований

Fig. 7. Saint Petersburg, Yevpatoriysky Lane, house 10, letter B. Trench 2. General view from the west at the final stage of the works. Stratum of bone grit traced in the lower part of the deposits

Горшки для установки форм обладают свойствами хорошей устойчивости, поскольку они предназначены были держать относительно большой вес наполненной утфелем формы для сахарной головы. Это сосуды закрытой формы со скошенным внутрь венчиком, с поливой на внутренней стороне темно-коричневого цвета или прозрачной, дно горшка опирается на кольцевой невысокий поддон. Размеры: максимальная толщина венчика около 15 см, диаметр венчика 10 см, диаметр тулова около 20 см, диаметр дна около 8–10 см, толщина стенки горшка около 0,7 см, в придонной части достигает 1,2–1,6 см, размеры бортика поддона 1,4 × 1,4, 0,6 × 1,2 и 1,0 × 0,5 см (высота × толщина). Полная высота горшков не определена.

Фрагменты производственной керамики в целом отличаются высоким качеством, на нескольких из них имеются клейма «M&S» и «С.Н.». Пока остается открытым вопрос ее происхождения. Аналогичные формы известны среди археологических

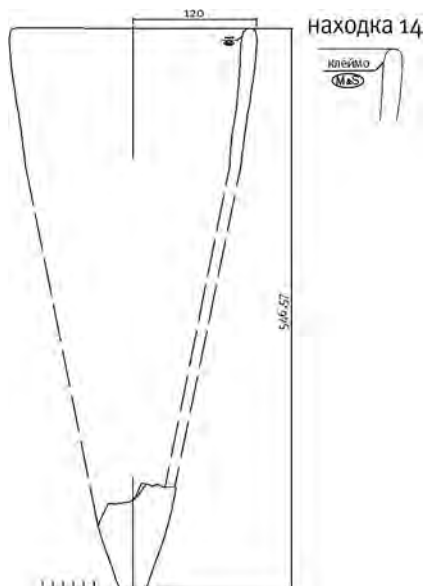
находок в Западной Европе, в частности в Великобритании. Опубликованы фрагменты и целые формы подобных сосудов для изготовления сахара, хранящиеся в Национальном музее Ливерпуля (*Bryan Mawer, 2000*), множество фрагментов можно обнаружить на берегах Темзы в Лондоне. Известны также находки в Северной Америке, куда первоначально в XVIII в. формы для изготовления сахара, отличающиеся высоким качеством и ценой, завозились из Англии, а к началу XIX в. было налажено собственное производство (*Barbara H. Magid, 2005*). И это лишь единичные примеры.

Обнаруженные фрагменты производственной керамики на территории бывшего сахарного завода в Санкт-Петербурге, согласно стратиграфическим данным, датируются второй половиной XIX в.; вероятнее всего, ими пользовались в период с 1850-х гг. до конца XIX или рубежа XIX–XX вв., когда произошла смена форм с керамических на металлические.



Рис. 8. Фрагменты производственной керамики для изготовления сахарных голов, в том числе формы и горшки с клеймами «M&S» и «C.H.»

Fig. 8. Fragments of ceramics for production of sugarloaves including moulds and pots with stamps “M&S” and “C.H.”



Несмотря на то что практически повсеместно напластования нарушены коммуникациями, связанными с деятельностью современного производства, в том числе активной строительной деятельностью советского периода, в результате проведенных работ удалось обнаружить некоторые следы деятельности сахарного завода второй половины XIX в., представляющие интерес для изучения истории этого предприятия.

Рис. 9. Реконструкция конусовидной формы для изготовления сахарных голов по имеющимся материалам

Fig. 9. Reconstruction of a cone-shaped mould for making sugarloaves; after the materials available

- Kency*, 2000 – *Kency С.* Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра / Пер. с фин. К. Сульг. СПб.: Европейский дом, 2000. 127 с.
- Орлов*, 1913 – *Орлов Н. М.* С.-Петербургский Сахаро-рафинадный завод Л. Е. Кениг-наследники. СПб.: Типогр. В. Кене и Ко, 1913. 196 с.
- Полное собрание законов, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. V. 1713–1719 гг. / Сост. М. М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 782 с.
- ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 102, д. № 2835. 1861–1915 гг. Чертежи домов, зданий сахарного завода «Л. Е. Кениг-наследники» (завод, склады, больница для рабочих); конюшни и экипажной, оранжереи на участке, принадлежавшем Л. Е. Кенигу, Ю. Л. Кениг, наследникам Л. Е. Кенига по Сампсониевской наб., 5–7; Б. Сампсониевскому пр., 22–24, Сахарному пер., 1–3 и Гарднеровскому пер., 2–4.
- ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 102, д. № 2836. 1824–1872 гг. Чертежи зданий сахарного завода и оранжереи на участке, принадлежавшем Л. Штиглицу, М. Карру, Л. Е. Кенигу по Сампсониевской наб., 5–7; Б. Сампсониевскому пр., 22–24, Сахарному пер., 1–3, Гарднеровскому пер., 24; план 1-го и 2-го кварталов Выборгской части с указанием урегулирования, утвержденного 16.06.1861 года.
- ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 168, № 319. Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 55 кварталов, сочиненный в Санкт-Петербурге при Сенате. 1798 г.
- Barbara H. Magid*, 2005 – *Barbara H. Magid*. Sugar Refining Pottery from Alexandria and Baltimor. URL: <http://www.chipstone.org/article.php/223/Ceramics-in-America-2005/Sugar-Refining-Pottery-from-Alexandria-and-Baltimore>. Дата обращения 16.11.2019.
- Bryan Mawer*, 2000 – Sugar moulds, collecting jars... Database / Text & Images Bryan Mawer & Authors 2000. URL: <http://www.mawer.clara.net/moulds.html>. Дата обращения 16.11.2019.

Results of archaeological surveys in the territory of the former sugar factory in Saint Petersburg S. E. Shungina

This paper presents the results of archaeological investigations carried out in 2016 in connection with the planned reconstruction of the territory within two neighbouring areas in Saint Petersburg: on the Pirogovskaya Embankment, house 13, lit. T, and in the Yevpatoriysky Lane, house 10, lit. V. In the course of the investigations, the evidence has been obtained on the activities of the sugar factory found in this locality from the beginning of the 18th century until 1918. There have been revealed layers formed

through active ground level additions in this territory, particular in the western sector of the block under study. Traces of the activities of the sugar factory are represented by fragments of the production-related red clay ceramics (thick-walled pots and moulds for making sugarloaves) which afterwards were replaced with metal utensils. In addition, in some of the trenches, layers were found rich in wastes of sugar production – used-up bone grit utilized for refining of the sugar syrup.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. Санкт-Петербург
АГУ	– Алтайский государственный университет. Барнаул
АИ	– Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	– Археологические открытия. Москва
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БГПУ	– Благовещенский государственный педагогический университет. Благовещенск
б/г	– без года (год издания неизвестен / не указан)
б/м	– без места (отсутствует указание на издательство)
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВДИ	– Вестник древней истории
ВМУ	– Вестник Московского университета. Москва
ВС СССР	– Верховный Совет СССР
ВС Тувинской АССР	– Верховный Совет Тувинской АССР
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург
ЗИИМК РАН	– Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. Санкт-Петербург
ИА РАН	– Институт археологии РАН. Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИИФиФ СО РАН	– Институт истории, философии и филологии СО АН СССР. Новосибирск
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам АН СССР – РАН
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера СО РАН. Тюмень
КарГУ	– Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова. Караганда
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет им. П. В. Астафьева. Красноярск
КемГУ	– Кемеровский государственный университет. Кемерово
Кн.	– книга
КР ИПКиПРО	– Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
КСАН	– Каталог случайных археологических находок И. А. Бажана

ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград
ЛС	– Ленинградская секция
МАИАСК	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Севастополь; Тюмень
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МГУ	– Московский государственный университет. Москва
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
НА	– Научный архив
НГУ	– Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИЦИА	– Научно-исследовательский центр Института археологии
НОА ИА РАН	– Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Москва
НОСА	– Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан
РА	– Российская археология
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАН	– Российская Академия наук
РО	– Рукописный отдел
РЭМ	– Российский этнографический музей. Санкт-Петербург
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников [по археологии СССР]. Ленинград; Москва
САИПИ	– Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СТЭАН	– Саяно-Тувинская [археологическая] экспедиция [Ленинградского отделения Института археологии] Академии наук [СССР]
ТАЭ	– Тувинская археологическая экспедиция
ТГУ	– Томский государственный университет. Томск
ТИГПИ	– Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Кызыл
ТКАЭЭ	– Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ	– Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
ТПАИ	– Теория и практика археологических исследований. Барнаул
Тр.	– труды
УЗ	– Ученые записки
УС	– Ученый совет
ХакГУ	– Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. Абакан
ХакНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦКАЭ	– Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЖАА	– Journal of Anthropological Archaeology

Научное издание

Археологические вести **Выпуск 26**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Издательская группа ИИМК РАН:
*А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
В. Я. Стеганцева, Е. В. Новгородских*

Адрес редакции:
Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство ИИМК РАН
Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 – книги,
95 3150 – литература по истории и историческим наукам

Редакторы *Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашиба*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Корректор *Л. А. Виноградова*

Подписано в печать ???.?.2020. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. ??.
Тираж 300 экз. Заказ ???

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-7950. E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 26 —

